

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В НАУКЕ,
КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ**

Сборник научных статей

Под научной редакцией И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2017

УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4
Р32

Рецензенты:

Е.И. Кузнецова — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова;

Л.П. Сидорова — кандидат философских наук, руководитель департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде

Р32 Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. — 345 с.

ISBN 978-5-91326-416-9

В сборник вошли статьи участников Всероссийской научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме», прошедшей 24—25 ноября 2017 г. в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. На конференции рассматривались современные концептуальные и методологические проблемы философии науки и техники, эпистемологии социогуманитарных наук, а также актуальные вопросы научно-технического и новационного развития в контексте жизненного мира человека.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-91326-416-9

УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4

*Печатается по рекомендации ученого совета
факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

*Организационный комитет конференции выражает признательность
Институту философии РАН, Нижегородскому государственному педагогическому
университету им. К. Минина, Русскому обществу истории и философии науки,
Российскому научному фонду и
Совету по грантам при Президенте Российской Федерации
за организационную и финансовую поддержку конференции*

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2017

ЧАСТЬ 1
**ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА
 И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ**

<i>Порус В.Н.</i> Философия науки на пути к контекстуализму: новые перспективы развития	6
<i>Никифоров А.Л.</i> Парадигма и научное сообщество	9
<i>Невважай И.Д.</i> Интеллектуальная революция и эволюция в контексте экзистенциальных проблем научного познания	12
<i>Розов Н.С.</i> Статус истины в разных сферах научного и философского познания.....	14
<i>Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.</i> Вклад советских учёных в философию науки в 1920–30-е годы	17
<i>Останина О.А.</i> Междисциплинарность как тенденция развития социогуманитарного знания.....	20
<i>Краева А.Г.</i> Science art как метакогнитивный уровень рефлексии в зеркале трансдисциплинарной революции	23
<i>Пигалев А.И.</i> Метафора научной революции и постмодернистская альтернатива революционной модели развития	26
<i>Колесова О.В.</i> Революционный» максимализм П. Фейерабенда как Форма научного дискурса	29
<i>Даниелян Н.В.</i> Интерсубъективная коммуникация в парадигме современной науки	32
<i>Родин А.В.</i> Концепция перманентной научной революции и основания математики	34
<i>Соколова Т.Д.</i> Забытые революции в философии науки: прагматизм и историческая эпистемология	36
<i>Шкорубская Е.Г.</i> Эпистолярные начала научной статьи: трансформация коммуникации.....	38
<i>Душина С.А., Хватова Т.Ю.</i> Зачем ученым ResearchGate? Новые возможности научных коммуникаций.....	41
<i>Ершова О.В.</i> Научный консенсус в истории ОТО	43
<i>Блохина Н.А.</i> Фактуальное и концептуальное знание сквозь призму интерпретации: Карнап, Куайн, Кун	46
<i>Бекарев А.М., Пак Г.С.</i> Истина, правда, правдоподобие в науке	49
<i>Шайхутдинова Д.Р.</i> Краудсорсинг как новая форма организации научно-исследовательской деятельности	51
<i>Антаков С.М.</i> Неявные ментальные структуры, определяющие решение фундаментальных научных проблем.....	54
<i>Коваль Е.А.</i> Информационное противостояние в научной коммуникации	56
<i>Марасова С.Е.</i> Существуют ли революции в математике? Математики об эволюции и революции в науке.....	58
<i>Михайлова Т.Л.</i> От модели Т.Куна – к конструированию концептуальной истории науки, или об одном учебном проекте	62
<i>Вознякевич Е.Е.</i> Доказательство и обоснование знания с точки зрения смены традиций	65
<i>Масланов Е.В.</i> Артефакт и научная картина мира	68
<i>Голубинская А.В., Дорожкин А.М.</i> Проблема принятия новой парадигмы в современных условиях	71
<i>Князев В.Н.</i> О претензии на научную революцию авторов релятивистской теории гравитации	73
<i>Журавлева Е.Ю.</i> Модели софтверизации современной науки.....	76
<i>Дмитриев И.С.</i> «Tempus spargendi lapides»: размытая структура научных революций.....	79
<i>Матушкина М.О.</i> Революционные основания категории случайности у Демокрита	82
<i>Черных О.П.</i> К вопросу о попперовской теории фальсифицируемости	84
<i>Калинин Э.Ю.</i> Эволюция междисциплинарности и методологии науки: от классики — к постклассике	87
<i>Маркова Л.А.</i> Научная революция	89
<i>Столярова О.Е.</i> Рождение реализма из духа социального конструктивизма: проект реалистического обоснования науки о науке Гарри Коллинза	92
<i>Корчагина Ю.С.</i> Коммуникативное измерение науки: дань моде или ответ на объективную потребность сетевого общества	95
<i>Воронина Н.Н., Ткачев А.Н.</i> Мировоззренческие основания интереса к науке, влияющие на научные революции и эволюции	98
<i>Чеботарева Е.Э.</i> Философские вопросы развития робототехники	101
<i>Фахрутдинова А.З.</i> Наследие постпозитивизма: проблемное поле и потенциал развития.....	103
<i>Антипов Г.А.</i> О некоторых концептуальных особенностях теории научных революций Томаса Куна.....	106
<i>Шиповалова Л.В.</i> Научно-техническая революция: уроки эффективности и инноваций	109
<i>Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э.</i> О. Конт против У. Хьюеэлла. Консерватизм и радикализм в научной коммуникации.	111
<i>Мазилев В.А.</i> Философия науки: грядущее продуктивное взаимодействие с психологией.....	114
<i>Горшкова А.В.</i> Историческая память научного сообщества в эпистемологии истории науки	116
<i>Рыскельдиева Р.Т., Заратин О.В.</i> Изменение текстового формата как механизм появления научного текста.....	118

ЧАСТЬ 2

НОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

<i>Опенков М.Ю., Варакин В.С.</i> Интернет вещей, дополненная реальность и их влияние на человека	122
<i>Нуруллин Р.А.</i> Культура как линейное производство новаций в условиях нелинейного развития инновационной цивилизации.....	126
<i>Солодухо Н.М.</i> Бытие и становление: метафизический и онтологический аспекты.....	129
<i>Кутырев В.А., Слюсарев В.В.</i> Новационизм вместо устойчивого развития как вызов существованию Homo genus и его общества.....	133
<i>Дахин А.В.</i> После модерна: метафизическая альтернатива инновации и пост-модерну	136
<i>Бойко М.Е.</i> Радикальный гедонизм, депривация боли и научно-технический прогресс: надвигающаяся угроза»	139
<i>Федорова Ж.В., Волчкова О.О.</i> Антропологический смысл информационной революции	141
<i>Гавериленко С.М.</i> Биобанкинг и современный режим биополитики: территория социальной и этической напряженности	143
<i>Смирнова Е.В.</i> Идеологические аспекты революционных и эволюционных процессов	147
<i>Малахова Н.Н.</i> Инновационная личность как нормативный образец личности и как субъект социальных изменений.....	150
<i>Тяпин И.Н.</i> NBICS-конвергенция как орудие расчеловечивания: технология и идеология	152
<i>Бембель И.О.</i> Теория архитектуры в контексте смены философских парадигм.....	154
<i>Коптелова Т.И.</i> Концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» в парадигме органической философии	157
<i>Паршилов О.В.</i> Современные образовательные новации как фактор утверждения постчеловека	161
<i>Думаревский Д.Б.</i> Консервативные ценности как условие новационного развития	164
<i>Скородумов Д.А.</i> О возможных путях конвергенции техники и религии.....	167
<i>Волков Ю.К.</i> Кризис идеи прогресса и смысл истории (на материале некоторых новейших трудов российских философов)	169
<i>Маслов В.М.</i> Теория посттехногенной цивилизации как основа новационного развития и сохранения человека	171
<i>Желнин А.И.</i> Стратегия преодоления биологической недостаточности человека: эволюция или революция?	173
<i>Немова О.А., Пакина Т.А.</i> Технизация сознания человека как социальная проблема.....	176
<i>Логинов Г.А.</i> Прогресс идеи прогресса: от Гегеля к постмодернизму.....	180
<i>Никулина А.С.</i> Субъект и истина: осмысление развития в философии Ж. Делеза и А. Бадью.....	182
<i>Субботина Н.Д.</i> Трагедия поведения человека: противоречия между его социальными и естественными характеристикам	184
<i>Глазырина А.М.</i> Реконструкция гендерной идентичности в глобальном мире технологий.....	187
<i>Лобанова Ю.В.</i> Развитие информационных технологий и трансформация средств массовой коммуникации.....	190
<i>Арутюнян К.С.</i> Влияние сетевых технологий на формирование информационного сознания в современном обществе.....	192
<i>Савинова Л.Г.</i> «Смерть» бумаги: текст в цифровую эпоху»	195
<i>Блохин В.Н.</i> Влияние информационной революции на систему образования и сознание людей	198
<i>Богатырева Л.Г.</i> Особенности жизни современной женщины	200
<i>Старосоцкая Е.В.</i> Гуманизация образования в контексте современного общественного развития	203

ЧАСТЬ 3

ЭВОЛЮЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ СИСТЕМ

<i>Александров Ю.И.</i> Ген-культурная коэволюция, нейропсихическая революция и индивидуальное развитие.....	206
<i>Антонец В.А.</i> Когнитивные искажения ожиданий на рынке знаний	207
<i>Демарева В.А., Кушина Н.В., Перевизник О.С., Полевая А.В.</i> Влияния языковой подготовки на вегетативное обеспечение чтения обычных текстов и текстов с искажениями на французском языке	210
<i>Камратов С.В., Полевая А.В., Полевая С.А.</i> Исследование эмоций как этап в эволюции естественных и искусственных когнитивных систем	214
<i>Корнилов С.В.</i> Идея целевой детерминации и современная философия биологии	217
<i>Мамчур Е.А.</i> Эволюционная и циклическая модели развития естественных наук	220
<i>Михайлов И.Ф.</i> Когнитивные науки и «искусственный интеллект» в исторической перспективе	223
<i>Силантьева О.М., Полевая А.В.</i> Флоатинг-терапия как эффективный метод коррекции стрессовых состояний.....	225

ЧАСТЬ 4
**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
ИДЕЯ РАЗВИТИЯ**

<i>Аргамасова А.А., Яшина А.В.</i> Практический потенциал социогуманитарных наук	229
<i>Кондратьев В.Ю.</i> К вопросу о философском осмыслении дисциплинарного империализма в сфере социального знания	231
<i>Тутов Л.А.</i> Революция и эволюция экономической науки	233
<i>Ермакова А.В.</i> Кризис современной экономической мысли и развитие марксистской теории	235
<i>Гаврина Е.Г.</i> Научная революция как форма трансформации экономического знания	237
<i>Рогожников В.Н.</i> Перспективы развития экономической науки: взгляд философии экономики	239
<i>Чепьюк О.Р.</i> На пороге цифровой эпохи: кризис и пути трансформации экономической науки	243
<i>Никитина И.П.</i> О принципах анализа эволюции искусства	246
<i>Погожина Н.Н.</i> Анализ концепции истины Н.Лумана: теоретические основания и прикладные аспекты	249
<i>Бабошина Е.Б.</i> К культуросообразности становления человека в познании и логике познания	251
<i>Гришечкина Н.В., Тихонова С.В.</i> Производство знания в цифровую эпоху	254
<i>Зубкевич Л.А.</i> Принцип «участного мышления» на примере моделирования переходных форм общественного развития	256
<i>Волкова В.О., Волков И.Е., Волгин И.Б.</i> Проективность как онтологический модус осознания PER SE	259
<i>Шиян Т.А.</i> Схематизация, искусственные «языки» и процессы предметного замыкания	262
<i>Блинов Е.Н.</i> «Наш ответ Соссюру»: советские лингвисты о возможности «революции в языке»	264
<i>Соловьев О.Б.</i> Интегративное знание: язык времени и время языка	266
<i>Авдоница Н.С.</i> Теоретико-методологическое обоснование проблемы идентификации в современном мире	269
<i>Самостийко Е.Р.</i> Текстовые модели цифровой культуры в эпистемологической перспективе	272
<i>Бельцева Е.А.</i> К пониманию «субъекта» в современной философии	276

ЧАСТЬ 5
**СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА:
МИР ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН**

<i>Касавин И.Т.</i> Миграция: модель развития для эпохи перемен	279
<i>Ивин А.А.</i> Три русских революции в XX веке	282
<i>Антипенко Л.Г.</i> Онтология социальной революции	285
<i>Угрин И.М.</i> Проблема цивилизационного развития современной России в условиях глобализации	288
<i>Жадунова Н.В.</i> Информационная война в условиях информационной революции	291
<i>Гавриленко О.В., Маркеева А.В.</i> Технологическая революция 4.0: возможности развития или путь к тотальному контролю?	294
<i>Ермаков С.А.</i> Благое в духовной жизни современного человека	297
<i>Тимошук А.С.</i> Модернизационное развитие и перспективы России	299
<i>Фортулатов А.Н.</i> Перформативная онтология современной коммуникации (к проблеме эволюции значений фактов и смыслов в 1917 и 2017 годах)	301
<i>Асташова Н.Д.</i> Интернет как «публичная сфера» информационного общества	304
<i>Гольшиева О.Н.</i> Как возможен политический субъект в XXI веке?	306
<i>Ефремов О.А.</i> Современный этап модернизации России: возможно ли избежать политарной реставрации и «Цветной революции»?	309
<i>Хусяинов Т.М.</i> Блокчейн-революция и её влияние на сферу труда	312
<i>Тарасов А.А.</i> Контрреволюция неолиберализма	314
<i>Нагорнов Е.А.</i> Идея частной собственности и революция	316
<i>Филиппов С.И.</i> Условия революционности элит: макроисторический анализ	319
<i>Берендеев В.А.</i> Особенности теории «антилиберальной революции» Карла Шмитта	321
<i>Стрижов А.Ю.</i> Гражданское неповиновение в медиа: от газетной журналистики к блогингу со смартфона	324
<i>Григорьева Э.А.</i> О некоторых аспектах межкультурной коммуникации	326
<i>Воронина И.О., Хусяинов Т.М.</i> Высшее образование: эволюция и революция	328
<i>Горелова И.В.</i> Трансформация объекта в национальной системе управления	330
<i>Арпентьева М.Р.</i> Утопии и антиутопии авангарда: трансгрессия и трансценденции как выбора между революцией и эволюцией	332
<i>Тюгашев Е.А.</i> Духовно-практическая революция как тип социальной революции	337
<i>Очеретяный К.А.</i> Компьютерные игры – технологии цифрового мышления	339
<i>Бакирова К.С., Сневак И.В.</i> Классическое искусство и техника: новые реалии	342

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

УДК 167

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ НА ПУТИ К КОНТЕКСТУАЛИЗМУ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Владимир Натанович Порус

Доктор философских наук, ординарный профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Контекстуализм в современной «неклассической» эпистемологии рассматривается как «междисциплинарная методологическая программа». Она служит решению проблемы обоснования знания, игнорируя требования фундаментализма. Обращение к контексту как к тому, что необходимо следует учитывать при решении вопросов о генезисе, развитии, функционировании знания, заимствовано философами из специальных наук гуманитарного и социального профиля. В докладе предлагается выяснить перспективы распространения принципов контекстуализма на философию науки. Она рассматривает науку не только с эпистемологической точки зрения, но во всем многообразии ее аспектов, например, как форму культуры, как экономическое предприятие, институт, особую форму интеллектуальной коммуникации и т. п. В связи с этим рассматриваются контексты, имеющие первостепенное значение для философии науки. К ним относятся: культурно-исторический, социальный и социально-психологический, коммуникативный, аксиологический, институциональный и др. Исследование этих контекстов в их сложной взаимосвязи открывает следующие перспективы: категории и темы философии науки обогащаются содержанием контекстуальных исследований, а специальные результаты науковедческих дисциплин, занимающихся такими исследованиями, проблематизируются философской рефлексией. Философия науки, приближаясь к контексту, сокращает дистанцию, пока еще отделяющую ее от интересов ученых.

Ключевые слова: наука, эпистемология, философия науки, контекстуализм.

THE PHILOSOPHY OF SCIENCE ON THE WAY TO CONTEXTUALISM: PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Vladimir Natanovich Porus

DSc in Philosophy, Tenured Professor

National Research University Higher School of Economics

Contextualism in a modern "non-classical" epistemology is considered as "the interdisciplinary methodological program". It serves a solution of the problem of justification of knowledge, ignoring requirements of fundamentalism. The appeal to a context as to what is necessary for considering the questions of genesis, development, and functioning of knowledge, is borrowed by philosophers from special sciences of a humanitarian and social profile. In the paper, it is offered to find out the perspectives of extending the principles of a contextualism to the philosophy of science. It considers science not only from the epistemological point of view, but rather in all variety of its aspects; for example, as a culture form, as the economic enterprise, as an institute, a special form of intellectual communication, etc. In this regard, the contexts having paramount value for science philosophy are considered, such as cultural and historical contexts, social and social-psychological contexts, communicative, axiological, and institutional contexts, etc. The exploration of them in their complex interrelation opens the following prospects: categories and themes of philosophy of science are enriched with the content of contextual researches, and special results of the "sciences of science" which are engaged in such researches are problematised by a philosophical reflection. Philosophy of science, approaching to a context, reduces the distance which is still separating it from interests of scientists.

Keywords: science, epistemology, philosophy of science, contextualism.

Контекстуализм в современной «неклассической» эпистемологии рассматривается как «междисциплинарная методологическая программа» [1, с. 5]. Она служит решению проблемы обоснования знания, игнорируя требования фундаментализма. Обращение к контексту как к тому, что необходимо следует учитывать при решении вопросов о генезисе, развитии, функционировании знания, заимствовано философами из специальных наук гуманитарного и социального профиля. Например, Джон Дьюи, сформулировавший основные принципы контекстуализма, исходил из опыта психологического исследования [11, р. 189]. Идеи Дьюи были развиты практически во всех направлениях контекстуализма, в том числе в тех, которые связаны с развитием неклассической эпистемологии. Они прослеживаются в работах таких современных специалистов в этой области, как К. DeRose [10], J. Stanley [13], И.Т. Касавин [2] и др.

Возможно ли применение стратегии контекстуализма в философии науки? Основные проблемы эпистемологического контекстуализма восходят к делению на «контекст открытия» и «контекст обоснования» (Г. Райхенбах), служившее определением поля деятельности философии науки неопозитивизма. Современная философия науки включила в круг своих интересов оба контекста, ранее разделявшиеся позитивистами.

Это не могло не привести к тому, что проблемы, характерные для этих контекстов, стали исследоваться рядом науковедческих дисциплин. Поэтому и философия науки стали трактовать расширительно – как исследовательскую программу, в которой науковедческие дисциплины выступают в специфическом альянсе с философией¹.

Именно философия задает вопросы, какие не могут быть рационально поставлены в рамках отдельных науковедческих дисциплин. И. Т. Касавин называет такие вопросы *рефлексивными* по отношению к широко понятому контекстуализму. Эти вопросы суть: об адекватности понимания смыслов, имеющих место в различных контекстах, и трудностях взаимопонимания коммуницирующих субъектов научного познания; о возможностях редукции, если эта программа вообще применима к анализу различных контекстов; о преобладании внимания к тем или иным контекстам формирования и развития научного знания и его причинах в науковедческих исследованиях; наконец, это классические вопросы об истинности и объективности научного знания, рассматриваемого сквозь призму контекстуального анализа [2, с. 218]. Я добавил бы к ним *проблему научной рациональности*: возможно ли критериальное определение последней в условиях необходимого рассмотрения различных контекстов научной деятельности?

Для продолжения рефлексивного процесса необходимы исследовательские уточнения и классификации. По отношению к эпистемологическому контекстуализму такая работа в значительной мере проделана. Например, различаются и анализируются различные типы контекстов познавательной деятельности: лингвистические, герменевтические, историко-культурные, психологические и социально-психологические, функциональные и др. Но философия науки рассматривает науку не только с эпистемологической точки зрения, но во всем многообразии ее аспектов, например, как форму культуры, как экономическое предприятие, институт, особую форму интеллектуальной коммуникации и т. п. Вот краткий перечень контекстов, имеющих первостепенное значение для философии науки.

Исторический контекст. В этом контексте философия науки занимается проблемами роста и исторического изменения научного знания, его онтологии, методов и внутренних взаимосвязей его частей. Центральная проблема – определение прогрессивного вектора этого изменения. Здесь проблемный узел завязывается соотношением «реальной истории науки» и ее «рациональными реконструкциями» (в смысле И. Лакатоса). Исторический контекстуализм выступает ограничителем претензий «нормативной» философии науки с ее пренебрежительным отношением к дескриптивизму как методу историко-научного исследования. Вместе с тем, контекстуализм стоит перед проблемой оправдания способа, каким осуществляется та или иная реконструкция исторического контекста науки. По сути, это проблема так называемой «гибкой научной рациональности»: каким образом научная рациональность пронизывает собой исторически изменчивые условия существования и развития науки? [7].

Исторический контекст охватывает и философию науки как таковую. «Философия науки, взятая вне собственной истории, безжизненна» [3, с. 8]. Это означает, что философия науки, ставшая на рельсы исторического контекстуализма, применяет требования последнего к себе самой.

Социальный и социально-психологический контексты. После дискуссий второй половины XX века стало ясно, что философия науки, игнорирующая эти контексты, обречена на фактически бесплодное существование в виде абстрактной теории научной рациональности, постоянно сотрясаемой фактами реальной истории науки. Но и преувеличение значимости этих контекстов с полным отказом от нормативности означает не менее серьезное искажение истории науки. Философия науки вынуждена искать здесь разумную меру, что является нетривиальной задачей.

Контекст коммуникации. В этом контексте научное знание возникает в коммуникации между учеными-исследователями. Взятая вне этого контекста, оно представляет собой абстракцию, ценную для решения специальных задач по выявлению его структуры, верификации или фальсификации отдельных его фрагментов, определении сравнительных достоинств или недостатков по отношению к теоретическим или практическим целям его использования. Но если задаться вопросом об исторически действительном происхождении или изменении научного знания, приходится исследовать, при каких условиях реальный комму-

¹ Такое понимание характерно, например, для международного журнала «Science in Context», издаваемого в Cambridge University Press, в котором преобладают статьи по истории, социологии, психологии науки, где раскрываются многообразные связи между наукой, техникой, экономикой, политикой и т.п.

никативный процесс, имеющий место между отдельными учеными или научными коллективами, способен дать результат, признаваемый его участниками знанием. Эти условия могут быть разделены на две группы.

К первой группе отнесем условия, по которым коммуникация априорно признается ее участниками научно-рациональной, то есть удовлетворяющей признанными и не подверженными сомнениям критериям. Участники коммуникации следуют этим критериям, а отклонения от них считают чем-то таким, что превращает научную коммуникацию в сомнительную дискуссию.

К другой группе относятся условия, в которых отсутствие общего согласия относительно критериев научной рациональности все же не мешает участникам коммуникаций стремиться к достижению общих целей, хотя бы при этом пришлось «изобретать» и конвенционально устанавливать способы согласования мнений и оценки результатов. Вопреки мнению, по которому такие ситуации характерны лишь для некоторых практико-ориентированных дискуссий (например, политических), в науке подобные «согласования» критериев имеют место достаточно часто. Здесь контекстуализм выступает в виде требования устанавливать всю или, по крайней мере, наиболее значимую часть тех факторов, которые приводят к тем или иным способам согласования или рассогласования мнений исследователей, иными словами, выработке собственно *коммуникативной* рациональности.

Относительно молодыми формами коммуникативного контекстуализма можно считать «социальный конструктивизм» [12] и его критическое развитие в акторно-сетевом анализе Б. Латура и его последователей [4]. При всех расхождениях, они сохраняют общую критичность по отношению к классическому «субъект-объектному» дуализму, особенно, когда речь идет о научном исследовании. В этом критицизме кроется, однако, возможность отказа от объективности как универсального требования к научному знанию. Как отмечает О. Е. Столярова, замещающая объект «конструкция» получает определение «социальная» и «совсем нежелательный для науки (значит, для рациональности) смысл» [9, с. 75]. Осознавая эту опасность, ряд конструктивистов склоняются к «конструктивному реализму» (Р. Харре и др.), суть которого сводится к формуле: «любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать. С другой стороны, реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность» [5, с. 37]. Так «реальность» становится необходимой, но научно не эксплицируемой предпосылкой объективного знания, которое «конструируется» в процессе исследовательских коммуникаций. На этот процесс могут оказывать детерминирующее влияние различные социальные и культурные условия, в которых он совершается, особенно, когда речь идет о выборе онтологических схем и предпосылок исследования. И потому даже реалистически ориентированному конструктивизму трудно удержаться на грани, которая отделяет релятивизм как методологический принцип от онтологического релятивизма, порывающего с объективностью.

Акторно-сетевой анализ пытается избавиться от релятивизма тем, что усиливает «объектную» сторону научных коммуникаций. Так, Б. Латур в своих позднейших работах придает статус «актанта» самим объектам научных исследований, делая их участниками познавательных коммуникаций, надеясь, что таким образом сводится к минимуму субъективизм истолкований этих процессов и их результатов. Такое «переопределение» роли объектов, проблематичное само по себе, не делает, однако, более ясной другую проблему коммуникативного контекстуализма: пусть объекты обладают собственной активностью в контексте исследования, но могут ли они быть элиминированы из него, другими словами, все ли, что они «говорят» коммуникантам-исследователям, может быть переведено на язык последних?

Особой спецификой обладают контексты, связанные с современными коммуникационными технологиями, приобретшими в современной науке первостепенное значение. Сюда можно отнести и коммуникации между информационными системами, для исследования которых необходимо также привлекать сведения технического характера. Немаловажное значение имеют также контексты *межинституциональной* коммуникации.

Аксиологический контекст. В работах В. С. Степина введено понятие «постнеклассической научной рациональности», которая характеризуется тем, что в научном исследовании учитывается «соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности» [8]. Поскольку очевидна социально-культурная обусловленность таких структур, для контекстуализма здесь открывается широкая перспектива. «Стремление выявить структуру развивающегося научного знания и рассматривать его системно привело к осознанию необходимости подключения новых «единиц» методологического анализа, т.е. к рассмотрению развития и смены теорий в контексте и в системе различных предпосылок и других параметров» [6, с. 172].

С точки зрения контекстуализма, важны не только ситуации, когда ценности оказывают воздействие на развитие и смену теорий, но в не меньшей мере – ситуации, когда меняются сами эти ценностные регулятивы. Исследование таких ситуаций необходимо для объяснения различий в темпах развития научных направлений, различающихся (при прочих равных условиях) ценностными установками их представителей. Аксиологический контекст науки, как правило, связан с *культурным, социальным* и *политическим* контекстами, между которыми имеет место взаимная «диффузия» событийных элементов и смыслов.

Заслуживают отдельного рассмотрения *институциональный, экономический* и *эстетический* контексты науки.

Названные контексты входят в сложно пересекающиеся проблемные круги философии науки. Взаимодействие этих кругов может иметь интересную и обещающую перспективу: основные философские категории и те-

мы проблематизации (объективность и истинность научного знания, рост и развитие науки, ее культурная функция, научный прогресс, логическое и историческое в культуре и техногенной цивилизации и т.п.) наполняются содержанием, почерпнутым из контекстуальных исследований, а специальные результаты науковедческих дисциплин, занимающихся такими исследованиями, проблематизируются философской рефлексией.

Литература

1. Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология & философия науки. – 2004. – Т. VI, № 4. – С. 5-17.
2. Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М., «Канон+», 2008. – 437 с.
3. Касавин И.Т., Порус В.Н. Философия науки в России: от интеллектуальной истории к современной институционализации // Эпистемология и философия науки. – 2016. – т. XLVIII, № 2. – С. 6-17.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М., Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
5. Лекторский В.А. Реализм, анти-реализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке (под ред. В. А. Лекторского). М., «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 4-40.
6. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. – М., «РОССПЭН», 2007. – 439 с.
7. Порус В. Н. Между философией и историей науки: на пути к «гибкой» теории научной рациональности / Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М., «Академический проект», 2008. – С. 9-26.
8. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М., «Прогресс-Традиция», 2000. – 744 с.
9. Столярова О.Е. Между «реальностью» и «конструкцией»: философия в поисках «новой объективности» // Философские науки. – 2006. – № 8. – С. 74-90.
10. DeRose K. Contextualism: An Explanation and Defense // Greco J., Sosa E. (eds). The Blackwell Guide to Epistemology. – Blackwell Publishers, 1999. – P. 187-205.
11. Dewey J. The Quest for Certainty. – L.: G. Allen & Unwin, 1930. – 318 p.
12. Hacking I. The Social Construction of What? – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – 261 p.
13. Stanley J. Knowledge and Practical Interests. – Oxford University Press, 2005. – 191 p.

УДК 167.7

ПАРАДИГМА И НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО

Александр Леонидович Никифоров

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук*

В тексте рассматривается вопрос о соотношении понятий «парадигма» и «научное сообщество». Как известно, Томас Кун полагал, что именно вера в одну парадигму формирует научное сообщество; тот, кто не принимает господствующую парадигму, оказывается вне этого сообщества. Как обстоит дело в гуманитарных науках, в которых, как правило, отсутствует одна общепринятая парадигма? Что в них определяет принадлежность к научному сообществу? Ответ на этот вопрос обсуждается на примере исторической науки. Показывается, что сообщество историков определяется общим предметом исследования – изучением прошлого, целью исследования – достижением истинного или, по крайней мере, правдоподобного описания событий прошлого, а также общепринятыми методами исследования. При этом автор приходит к выводу о том, что вышеперечисленное весьма далеко от парадигмы Куна. Более того, в исторической науке никогда не было и, не будет консенсусного в масштабах общемирового научного сообщества «парадигмального» описания событий прошлого. Историческое исследование предполагает понимание и интерпретацию действий людей.

Ключевые слова: парадигма, научное сообщество, истина, методы исследования.

THE PARADIGM AND SCIENTIFIC COMMUNITIES

Alexander Leonidovich Nikiforov

*DSc in Philosophy, principal researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

The paper considers the issue of interrelations between the notions of «paradigm» and «scientific community». As far as is known, Thomas Kuhn believed that it was faith in one paradigm that shaped the scientific community. Those who did not accept the dominant paradigm, turned out to be

outsiders. The author attempts to find out the situation in the humanities, which normally lack the unified accepted paradigm. In this case, what constitutes the relation to the scientific community? A possible answer is offered in the context of historical sciences. It is shown that the community of historians is guided by the shared subject, matter which is the study of the past; by the shared goal – aiming at a true, or at least plausible, description of past events, and by the shared research methods. The above-said, however, is very far from Kuhn's concept of a paradigm. Furthermore, historical sciences have never had, and, apparently, would never reach a consensus «paradigm» description. Studies in history imply comprehension and interpretation of people's actions.

Keywords: paradigm, scientific community, truth, research methods.

Книга Томаса Куна «Структура научных революций» (1962) стала, пожалуй, наиболее ярким произведением в области философии науки за последние 50 лет. По своей популярности она значительно превзошла работы К. Поппера, И. Лакатоса, С. Тулмина и многих других авторов, появившиеся в 60 - 70-е годы, а слово «парадигма» сейчас можно встретить даже в газетах.

1) В 2000 г., уже после смерти Т.Куна, усилиями его жены и друзей была опубликована книга под названием «После «Структуры научных революций»», содержащая его статьи, посвященные более детальной проработке проблем, затронутых в «Структуре». В 2014 г. вышел перевод этой книги на русском языке [2]. Книга содержит три части: «Переосмысление научных революций», «Комментарии и ответы» и «Беседы с Томасом Куном». Знакомство с этой книгой показывает, что Кун в значительной мере пересмотрел то представление о развитии науки, которое было изложено им в «Структуре». Он признал, что различие между нормальной наукой и революцией не является столь резким, как оно представлено в «Структуре»; он отказался от выражения «смена гештальта» при характеристике революций; он согласился с тем, что революции никогда не бывают столь разрушительными, как он полагал в период написания своей книги, и старая парадигма часто не отбрасывается, а расщепляется на две новые парадигмы, дающие начало новым научным дисциплинам, и т.д. Основной проблемой, занимавшей его в последние десятилетия его жизни, была проблема **несоизмеримости** сменяющих друг друга парадигм. Он перевел эту проблему в языковую плоскость и говорил о несоизмеримости языков: утверждения и даже понятия языка одной парадигмы невозможно выразить в языке другой парадигмы. В связи с более глубоким рассмотрением проблемы несоизмеримости он обращается к теориям значения, к выяснению роли метафор в науке, к работам У. Куайна, Л. Витгенштейна, С. Крипке, короче говоря, - к философии языка.

2) Сейчас нам кажется удивительным то обстоятельство, что книга Куна, дающая чрезвычайно поверхностное и очевидно искаженное представление о науке и ее развитии, привлекла к себе столь большое внимание и вызвала столь широкий интерес. Любопытно, что и Кун, и Поппер, выдвинувшие так называемую «дискретную» модель развития научного знания, довольно скоро от нее отказались. Поппер разработал концепцию возрастания степеней правдоподобности сменяющих друг друга теорий, Кун согласился с тем, что старая парадигма вовсе не отбрасывается целиком – установленные ею факты и закономерности часто сохраняются в новой парадигме и лишь получают новый смысл. Оба они в конечном итоге признали, что в развитии науки существует прогресс. Однако если Поппер усматривал этот прогресс в том, что сменяющие друг друга теории становятся все более правдоподобными, все больше приближаются к истине, то Кун категорически не принимает понятие истины и видит прогресс лишь в возрастании точности и разветвленности научного познания.

3) Говоря о «Структуре научных революций», я в данном случае хочу остановиться лишь на одном вопросе – на вопросе связи понятий «парадигма» и «научное сообщество».

В «Структуре» Кун говорит о том, что некоторая область исследований становится наукой лишь тогда, когда в ней появляется парадигма – общепризнанная теория, задающая образцы решения «головоломок». Многочисленные исследователи, работающие в данной области, принимая парадигму, объединяются тем самым в единое научное сообщество. Таким образом, именно парадигма порождает (в некотором смысле) научное сообщество и очерчивает его границы: к ученым относятся только те исследователи, которые принимают парадигму; тот, кто не принимает господствующую парадигму, оказывается вне науки. Кстати сказать, этот критерий научности достаточно широко используется самими учеными. В «Бюллетенях», издаваемых Комиссией по борьбе с лженаукой, созданной при Президиуме РАН, приводятся многочисленные примеры лженаучных построений, нарушающих фундаментальные (парадигмальные, если угодно) законы физики, химии, биологии.

Я не буду здесь останавливаться на критике утверждения о том, будто признание парадигмы задает границы научного сообщества. Оно кажется сомнительным даже в области естествознания. Посмотрим, как обстоит дело в науках о человеке – в психологии, социологии, лингвистике и, в частности, в истории.

4) Существует ли нечто, похожее на парадигму Куна в исторической науке? Существует ли рассказ о событиях и людях прошлого, с которым соглашались бы все историки? По-видимому, ничего такого в истории нет. Если мы сравним между собой сочинения, повествующие об одних и тех же событиях, историков разных стран и даже одной страны, то увидим, что они рисуют порой совершенно разные картины. (Недавно я имел возможность познакомиться со школьными учебниками по истории, изданными на Украине и в Азербайджане. Отличие от российских учебников просто ошеломляет!).

Если мы признаем факт отсутствия парадигмы в истории, то перед нами встает вопрос: является ли история наукой или это разновидность беллетристики? Кстати, в последние десятилетия этот вопрос широко обсуждается в философии истории. Мне кажется, что история является наукой. Тогда должно существовать научное сообщество историков. Но если не парадигма, тогда что объединяет историков в особую группу, отличную от социологов, психологов, лингвистов и т.п., что очерчивает границы этой группы?

Кстати сказать, в одной из глав упомянутой выше книги Куна под названием «Естественные и гуманитарные науки» он высказывает совершенно тривиальную мысль о том, что гуманитарные науки еще не достигли достаточной степени зрелости и можно ожидать, что и в них появятся какие-то общепризнанные положения и принципы, которые выступят в роли парадигмы. По-видимому, он не вполне осознавал специфику гуманитарных наук и в понимании их природы оставался на позициях логического позитивизма.

5) Теперь я попробую высказать несколько спорных утверждений, отвечающих на поставленные выше вопросы.

По-видимому, сообщество историков существует. И всех их объединяет **предмет** исследования – все они изучают прошлое человечества. Конечно, они изучают разные элементы и аспекты прошлого – торговые отношения между городами и странами, политические и дипломатические отношения, развитие ремесла или земледелия, технику градостроительства, развитие тех или иных сторон культуры и т.п. Но все это объединяется одним общим признаком – все это лежит в прошлом. Если исследователь изучает настоящее, то он не историк.

Изучая прошлое, историк опирается на его «следы», сохранившиеся в настоящем, – на предметы материальной культуры, на летописи и хроники, на мемуары, государственные документы и частные письма, короче говоря, на все свидетельства, оставленные прошлым. Если человек, рассуждая о прошлом, не обращается к источникам, то он фантазирует. Опираясь на источники, историк стремится воссоздать истинную или хотя бы правдоподобную картину прошлых событий. Нахождение истины – вот основная цель историка, как и любого другого ученого. Не буду ссылаться на Фукидида, который в своей «Истории» прямо заявил об этом, приведу слова современного философа: «...Минимальная задача историка состоит в том, чтобы дать истинное описание событий *своего* прошлого. Я считаю это минимальной характеристикой деятельности историка, необходимым условием приписывания какому-то индивиду предиката “быть историком”» [1, с.32]. Для достижения своей цели историк использует общепринятый набор методов исследования: общенаучные методы познания и специальные методы – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и т.п. Все историки признают важность интересубъективной проверяемости исторических описаний, дающей подтверждение или опровержение утверждений историка.

Мне казалось, что в дополнение к этому в исторической науке существует некоторый общепризнанный набор данных, доставляемых археологией, астрономией, лингвистикой, нумизматикой, источниковедением. Имеются признанные системы летоисчисления и хронологическая упорядоченность событий. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что все это, скорее, некий общекультурный фонд, из которого черпают не только историки, но и представители других специальностей.

Итак, сообщество историков определяется общим предметом исследования – изучением прошлого, целью исследования – достижением истинного или хотя бы правдоподобного описания событий прошлого на основе изучения сохранившихся свидетельств, общепринятыми методами исследования. Боюсь, что все это весьма далеко от парадигмы Куна.

б) К тому же в истории никогда не было и, по-видимому, не будет какого-то «парадигмального» описания событий прошлого. В отличие от естествоиспытателя историк описывает интенциональное поведение людей: ему недостаточно описать физическое телодвижение человека или поведение толпы, скажем, при штурме Бастилии. Он должен включить в свое описание цели и мотивы, которыми руководствовался действующий субъект или толпа. А это предполагает понимание или интерпретацию действий людей. Интерпретации одних и тех же действий могут быть разными у разных исследователей. Историк не может включить в свое описание все известные факты, обычно их слишком много. Он вынужден осуществлять отбор фактов, руководствуясь представлениями об их важности или несущественности. Опять-таки эти представления часто оказываются различными у разных историков. Наконец, историк создает связное повествование, устанавливает причинно-следственные связи между событиями. И эти связи часто оказываются разными у разных историков. Вследствие всего этого исторические описания одних и тех же фрагментов прошлого всегда будут различаться.

7) Конечно, для меня наиболее интересным является вопрос о том, можно ли говорить в каком-либо смысле о существовании философского сообщества? Какого человека можно назвать философом? Что объединяет философов? К сожалению, ответ на эти вопросы выходит за рамки нашего обсуждения. А жаль!

Литература

1. Данто А. Аналитическая философия истории. – М., Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
 2. Кун Т. После «Структуры научных революций». – М.: АСТ, 2014. – 510 с.
- УДК 165.24

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Игорь Дмитриевич Невважай

Доктор философских наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

Интеллектуальная революция – ключ к постижению революции в социуме и в природе. В докладе анализируется процесс возникновения теории относительности как пример научной революции. Показывается, что революционные изменения в сфере знания связаны с особой познающей экзистенцией, которая характеризуется как «трагическая» ситуация, способная разрешиться рождением субъекта нового знания. Научное творчество может иметь разные формы осуществления. Одной из них является революция, связанная с увеличением размерности человеческого бытия (степеней свободы); эволюция – другая форма, которая связана с возникновением и разрешением «драматической» ситуации и выражается в синтезе уже существующих рациональных форм описания мира без увеличения степеней свободы бытия человека. Понятия революции и эволюции интерпретируются, соответственно, как процессы творения и рождение. Творение связано с увеличением размерности человеческого бытия (дименсиогенез); рождение происходит без увеличения размерности (эмерджентности). Предпринимается попытка обоснования понятия дименсиогенеза.

Ключевые слова: познающая экзистенция, творчество, субъект знания, размерность человеческого бытия, трансцендирование, трагедия, драма, революция, эволюция, эмерджентность, дименсиогенез.

INTELLECTUAL REVOLUTION AND EVOLUTION IN THE CONTEXT OF EXISTENTIAL PROBLEMS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Igor Dmitrievich Nevvazhay

DSc in Philosophy, professor

Saratov State Academy of Law

Intellectual revolution is a key to conceive a revolution in society and the Nature. The paper analyzes the process of origin of the special theory of relativity as an example of scientific revolution. It is shown that revolutionary changes in the sphere of knowledge are connected with a special cognitive existence, which is characterized as the "tragic" situation, capable to be resolved by a birth of a subject of the new knowledge. Scientific creativity can have different forms of realization. One of them is a revolution connected with an increase in the dimension of human being (degrees of freedom); evolution is the other form which is connected with the emergence and answer for a "drama" situation and is expressed in a synthesis of already existing rational descriptions of the world without an increase in degrees of freedom of person's being. Concepts of revolution and evolution are interpreted respectively as processes of creation and a birth. The creation is connected with an increase in the dimension of human being, and the birth occurs without an increase in that. An attempt to specify the concept of emergence in relation to the distinction between revolution and evolution is made.

Keywords: cognitive existence, creativity, subject of knowledge, dimension of human being, transcendence, tragedy, drama, revolution, evolution, emergence, dimensiogenesis.

В докладе предпринята попытка подойти к осмыслению феномена революции в природе и обществе, отталкиваясь от понимания интеллектуальной революции в познании. Я собираюсь обосновать тезис о том, что интеллектуальная революция возможна вследствие возникновения экзистенциальных проблем в познании, решение которых и приводит к научной революции.

В докладе анализируется история возникновения теории относительности. В «Автобиографических записках» Эйнштейн писал: «Парадокс заключается в следующем. Если бы я стал двигаться вслед за лучом света со скоростью C (скорость света в пустоте), то я должен был бы воспринимать такой луч как покоящееся, переменное в пространстве электромагнитное поле. Но ничего подобного не существует; это видно как на основании опыта, так и из уравнений Максвелла. Интуитивно мне казалось ясным с самого начала, что с точки зрения такого наблюдателя все должно совершаться по тем же законам, как и для наблюдателя, неподвижного относительно Земли. В самом деле, как же первый наблюдатель может знать, что он находится в состоянии быстрого равномерного движения? ...В этом парадоксе уже содержится зародыш специальной теории относительности» [3, с. 277-278]. Эйнштейн говорит об «отчаянии», которое связано с попыткой понять описанный выше мысленный эксперимент. Корни создания теории относительности как творческого процесса содержатся в отмеченной ситуации, которую вслед за А. В. Ахутиным я буду называть познающей

экзистенцией [1]. Специфика человеческого существования, как это было наиболее убедительно показано в экзистенциализме, состоит в том, что его бытие включает в себя отношение к самому себе, оно, так сказать, всегда находится под вопросом «быть или не быть?», постоянно вопрошает о себе. Это несовпадение бытия с самим собой, эта экзистенция рассматривается мной как основа парадоксов в научных теориях и антиномий познания, связанных, в конечном счете, с попыткой человека определить себя в объективном физическом мире. Творческий прорыв к новому знанию начинается с поиска человеком такого способа существования в мире, которое позволит понять, как можно быть "А" и "не-А", не являясь ни "А", ни "не-А". Заслуга Эйнштейна как раз и состоит в том, что он нашел способ быть субъектом рационального понимания в условиях антиномической невозможности быть таковым.

Рассмотренную выше познающую экзистенцию можно описать с помощью античного понятия трагедии. Согласно Аристотелю, точка трагедии, в которой встречаются две противоположные целеустремленности, характеризуется тройко, как точка перелома (перипетия), точка узнавания и точка патоса. Само событие мысли в «точке перелома» как бы выталкивает человека из осознаваемого мира, ставя его в положение свидетеля событий мира. Рождаемый в трагической ситуации человек по-новому сознает мир. Понятие трагедии имеет значение и для понимания механизмов научного познания.

В XX столетии трагическое переходит из категории эстетической в категорию человеческого бытия. Трагедия охватывает все сферы человеческой жизни: практическую, эмоциональную, волевою, когнитивную, коммуникативную. Так, например, Макс Шелер рассматривал феномен трагического не как эстетический, но как «существенный элемент в самом универсуме» [2, с. 298].

В докладе обосновывается, что понятие трагедии связано с теми экзистенциальными ситуациями, когда субъект познания переступает пределы рационально осознаваемого бытия и попадает, как показал Кант, в антиномическую ситуацию.

Наряду с экзистенциальной ситуацией «трагедии» рассматриваются другие ситуации, которые определяются как «драма». Невозможность выйти из «трагической» или «драматической» ситуации нередко оборачивается интеллектуальным догматизмом или скептицизмом, что по выражению Канта является эвтаназией разума.

Рассмотрим ситуации, в которых различные способы человеческого бытия не являются противоположными друг другу: "А и В". Они могут быть геометрически изображены как два перпендикулярных друг к другу вектора. Ортогональные векторы задают двухмерное пространство состояний человеческого разума, в котором сосуществуют два рационально оправданных действия. Другое состояние человеческого действия ("С"), имеющее место в двухмерном пространстве основных ортогональных состояний, может быть образовано двумя ортогональными типами действий. Описанную ситуацию я называю "драмой", потому что из данного вида коллизии существует выход, который есть композиция двух противоположных действий "А" и "В". Например, в научном мышлении ортогональные дискурсы устанавливают пространство возможных условий теоретических описаний и объяснений реальности. В истории науки можно найти много примеров того, что синтетические теории строятся в соответствии с принципом суперпозиции, так что теории "А" и "В" являются проекциями синтетической теории "С", которая устанавливает новый способ объяснения действительности, являющийся иррациональным относительно теорий "А" и "В". Объекты двух разных теорий – старой и новой – касаются одного и того же типа бытия, поэтому теоретик мыслит "А", "В" и "С" в том же самом «пространстве» бытия. Примером может быть квантовая механика Луи Де Бройля, которая является «суперпозицией» корпускулярных и волновых представлений, или теория скрытых параметров Марио Бунге. Подобный тип возникновения нового знания имеет характер эмерджентности.

Мы имеем совершенно иную ситуацию, когда действия "А" и "В" противоположны друг к другу. Эта ситуация может быть геометрически представлена двумя противоположно направленными векторами, символизирующими противоположные друг другу типы рационального действия "А" и "В". Здесь человеческое мышление может действовать только в одномерном пространстве двух альтернативных типов рациональности. Сосуществующие противоречащие способы действия запрещают возможность суперпозиции, чтобы был другой вид действий, отличный от прежних. Такая ситуация является действительно трагической, потому что нет никакого выхода из нее. Для рационально организованного разума такая ситуация невыносима. Например, в науке объяснение "А" и объяснение "В" могут иметь форму типа антиномии. Различные типы противоположных рациональных объяснений взаимно обосновываются посредством отрицания друг друга. Так что научный разум может действовать только в пространстве одного измерения, где противоположные друг другу способы описания и объяснения мира не могут сосуществовать. Научный разум впадает в ситуацию трагедии, потому что разум не может положительно действовать. Поведение мыслителя в этой ситуации может быть различным, и оно может быть классифицировано.

Тип разума, который называют творческим, отличается от догматического и скептического тем, что увеличивает размерность пространства состояний человеческого разумного бытия. Очевидно, это может быть представлено новым вектором состояния "С", который является ортогональным к пространству состояний "А" и "В". Акт возникновения такого нового состояния – это творение, потому что новое состояние "В" не является комбинацией или суперпозицией противоположных состояний "А" и "В". Новый тип поведения не предусмотрен возможностями базовых типов рациональности "А" и "В". Акт творчества есть трансцендентальное движение разума за пределы наличных типов рационально осознанной жизни. Такой вид транс-

цендирования есть изобретение символических существований, которые являются невозможными в пространстве альтернатив "А" и "В".

История науки знает немало антиномичных познавательных ситуаций, выход из которых обеспечивается изобретением символических объектов типа, например, вечного двигателя, первичного элемента, абсолютного пространства, абсолютного времени, идеального масштаба, Божественного разума (в смысле Лапласа) и т.д. Без этих объектов человек не смог бы постигать природу и физический опыт, или обосновывать физические принципы и законы, и существование человека в мире было бы бессмысленным и иррациональным.

Трагическая экзистенция человека как взаимный запрет ценностных ориентации сознания разрешается не простым изменением обстоятельств бытия в мире, а рождением знающего бытия, каковым является субъект знания.

Таким образом, в области познания интеллектуальная революция означает творение нового субъекта знания, которое увеличивает размерность человеческого бытия (и мира, соответственно), степеней свободы человека. Эволюция есть процесс рождения новых способов рационального действия на пути синтеза имеющихся противоположных типов рациональных действий в рамках существующей размерности человеческого бытия без увеличения степеней свободы.

Эмерджентность как результат соединения наличного присуща эволюции. Революция – более радикальное изменение, его описание требует нового понятия. Термин «креационизм» уже занят, хотя он по смыслу подходит для описания особенности революции. Можно использовать термин «тихогенез», т.е. развитие на основе случайности, в отличие от «номогенеза» – развития в соответствии с законом. Но кроме элемента случайности (номинализм) в творении (творчестве) важным является увеличение размерностей пространства бытия. Мне представляется удачным термин «дименсиогенез».

Литература

1. Ахутин А. В. Познание и экзистенция (к истории гуманитарных истоков научного познания) // Проблемы гуманитарного познания. – Новосибирск, 1986. – С. 253–275.
2. Шелер М. О феномене трагического // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. – Рига: Зинатне. – С. 293–316
3. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. В 4 т. (1965-1967). Т. 4. Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики. – М.: Наука, 1967. – 400 с.

УДК 165.0

СТАТУС ИСТИНЫ В РАЗНЫХ СФЕРАХ НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

Николай Сергеевич Розов

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН*

Сделана попытка интеграции обычно конфликтующих позиций научного реализма и конструктивизма. Используются представления об интеллектуальном конфликте, о конкуренции за престиж, о сдвигающемся фронте проблем и накоплении знаний, об интерактивных ритуалах (Р. Коллинз), сильная программа социологии знания (Д. Блур), модель научного объяснения (К. Гемпель), схема смены научных парадигм (Т. Кун), методология научных исследовательских программ (И. Лакатос). Полный цикл решения интеллектуальной проблемы представлен через семь этапов (шагов): постановка проблемы, разработка альтернативных подходов, установление набора критериев успешности решения, попытки решения в согласии с этими критериями, проверка корректности решения, при успехе – включение решения в систему знаний, обнаружение недостатков решения и постановка новых проблем. Показано, что все эти шаги характерны для естествознания и математики — областях, где открытия, новые знания, получающие общее согласие ученых, есть сдвигающийся фронт проблем и накопление результатов, к спорам относительно которых обычно уже не возвращаются. В других сферах познания — технических, медицинских, военных, социальных, гуманитарных науках и философии — состав шагов в цикле видоизменен или крайне редуцирован. Истина включает, с одной стороны, достигнутое согласие, общее убеждение исследователей, основанное на соответствии суждений и процедур их получения принятым в сообществе правилам и образцам, с другой стороны, отсутствие видимых значительных противоречий (логических ошибок, лакун в доказательствах или эмпирических контрпримеров, аномалий), которые позволяли бы сомневаться в истинности этих суждений или аргументировано отвергать их.

Ключевые слова: статус истины в науке и философии, научный реализм, конструкти-

визм, научная проблема, постановка и решение проблем, этапы научного исследования, критерии достоверности научных результатов, интеллектуальная репутация.

THE STATUS OF TRUTH IN DIFFERENT SPHERES OF SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL COGNITION

Nikolai Sergeevich Rozov

DSc of Philosophy, Principal researcher

Institute of Philosophy and Law SO RAN

An attempt is made to integrate the usually conflicting positions of scientific realism and constructivism. We involve ideas of intellectual conflict, competition for prestige, the shifting front of problems and accumulation of knowledge, interactive rituals (R. Collins), the strong program of the sociology of knowledge (D. Bloor), the model of scientific explanation (K. Hempel), the scheme for changing scientific paradigms (T. Kuhn), the methodology of scientific research programs (I. Lakatos). The complete cycle of solving an intellectual problem is presented through seven steps: setting the problem, developing alternative approaches, establishing a set of criteria for the success of the solution, trying to solve them in accordance with these criteria, checking the correctness of the solution, and in case of success including the solution in the system of knowledge, posing new problems. It is shown that all these steps are characteristic of natural sciences and mathematics: areas where there are discoveries, new knowledge, common agreement of scientists, a shifting front of problems, accumulation of results, disputes about which usually do not return. In other spheres of knowledge - technical, medical, military, social, humanitarian sciences, and philosophy - the composition of steps in the cycle is modified or extremely reduced. The truth includes, on the one hand, the reached agreement as a general belief of researchers based on the consistency of judgments and procedures for obtaining them in the rules and patterns accepted in the community. On the other hand, the achieved intellectual truth means the absence of visible significant contradictions (logical errors, gaps in evidence or empirical counterexamples, anomalies) which would allow to doubt validity of judgments or to give reasons for rejecting them.

Keywords: the status of truth in science and philosophy, scientific realism, constructivism, scientific problem, formulation and solution of problems, stages of scientific research, criteria of reliability of scientific results, intellectual reputation.

В научном реализме истина считается соответствием суждений некоей «реальности» - тому или иному фрагменту, аспекту внешнего мира (в естествознании, социальных науках) или мира абстрактных структур и категорий (в математике и метафизике).

В конструктивизме истина – это лишь дискурсивно выраженный результат социальной договоренности между исследователями, убеждения и поведение которых заданы установленными в данном научном сообществе правилами и образцами. Задача данной работы состоит в интеграции данных позиций, обычно представляемых как несовместимые, через анализ порядка постановки и решения проблем в разных сферах познания.

Исходные идейные предпосылки такой интеграции включают следующие компоненты: представления об интеллектуальном конфликте, о конкуренции за престиж, о сдвигающемся фронте проблем и накоплении знаний, об интерактивных ритуалах (Р. Коллинз), сильная программа социологии знания (Д. Блур), модель научного объяснения (К. Гемпель), схема смены научных парадигм (Т. Кун), методология научных исследовательских программ (И. Лакатос).

Наиболее полный набор этапов (логических шагов) познавательного продвижения имеет место в естествознании и математике – сферах с максимальной общностью проблемного поля, сдвигающимся фронтом проблем и накоплением таких знаний, которые в своем большинстве не подлежат кардинальному пересмотру.

Каждый цикл такого продвижения (у разных авторов представленный как формирование парадигмы и ее смена [4], развитие научной программы [5], конкурентная борьба за приоритет в решении актуальной проблемы [3]) включает следующие семь шагов с развилками и возвратами:

1. Постановка проблемы.
2. Разработка альтернативных подходов к решению проблемы. Продвижение каждой стороной своего подхода и критика чужих.
3. Установление согласованного набора критериев успешности решения – достоверности результатов.
4. Попытки решения, удовлетворяющего этим критериям.
5. Проверка правильности решения как соответствия критериям (возврат к прежним шагам при обнаружении ошибок или противоречий).

6. Достижение консенсуса и включение согласованного решения в состав накопленного знания, социальная институционализация: обобщение, упрощение и формализация знаковых выражений, связывание со смежными, более общими и более частными результатами, распространение решения на новые предметные области, использование решения в новых исследованиях или в практике, включение его в справочники, учебники, образовательные программы.

7. Обнаружение логических противоречий, лагун в обосновании, эмпирических аномалий, дефектов решения при переносе на новые области. Возврат к шагу 1.

Сильная программа социологии знания (Д. Блур) требует причинного объяснения каждого из этих шагов [1], причем симметричного в отношении получения истинного знания (успех шага 5 и реализация шага 6) и получения ошибочных суждений (провала на шаге 5).

Согласно схеме К. Гемпеля [2], такое объяснение должно включать набор *универсальных гипотез* (законов, если эти гипотезы ранее успешно прошли эмпирическую проверку) и набор *начальных условий*, причем из конъюнкции этих гипотез и условий должны дедуктивно следовать объясняемые суждения.

В роли таких универсальных гипотез выступают общие для исследователей стремления к получению, восполнению непротиворечивой картины мира (интеллектуальное любопытство), мотив достижения высокого престижа (репутации) среди коллег посредством успеха в постановке и решении актуальных (известных и значимых для профессионального сообщества) проблем или обнаружение недостатков в чужих решениях, наличие надежд у каждого участника на превосходство своего подхода.

В роли начальных условий выступают качества конкретных сообществ, институтов, сетей, характера взаимодействий в них, а также интериоризованные в психике ученых принципы, правила, образцы исследовательской деятельности (Л. Выготский, Р. Мертон, Р. Коллинз). При успешной и многократной проверке полученных решений (важнейших солидаризирующих ритуалах в научном этосе) соответствующие представления сакрализуются, искусственные понятийные конструкции предстают как «естественные» отражения реальности, а суждения – как уже не подлежащие сомнению научные истины [3].

Если универсальные гипотезы являются общими для разных сфер познания, то начальные условия существенно разнятся, что связано как с разной методологией, так и с исторически сложившимися особенностями познавательной деятельности в этих сферах.

Полный набор причин, обуславливающих шаги 1-7, присутствует в *естественных науках*, в естественнонаучных лабораториях, причем с наибольшей полнотой в самых быстро развивающихся направлениях с плотными международными связями и острой конкуренцией за приоритетность открытий.

В *математике* критерии верного решения проблемы (шаг 3) более или менее стандартны – строгость определений и логическая корректность доказательств. Поэтому шаги 2 и 4 сливаются, шаг 7 обычно заключается не в обнаружении ошибки доказательства, а в открытии неизвестного и важного в связях между математическими объектами (в чистой математике) или недостаточности имеющихся моделей для адекватного представления объектов и процессов внешнего мира, для практического управления ими (в прикладной математике).

В *технических науках и инженерии* основными решениями проблем являются способы создания искусственных материальных объектов (сооружений, устройств, технологий) с заданными свойствами на основе природных эффектов и математических расчетов. Здесь шаг 3 либо вовсе не производится, либо реконструируется апостериори в качестве обобщения успешных решений на этапе их институционализации (шаг 6). Внимание специалистов приковано к ноу-хау – эффективным и технологичным способам создания материальных объектов с заданными свойствами (шаги 2 и 4), тогда как проверка (шаг 5) получает форму испытаний моделей разного типа, опытных образцов и серийных изделий. Шаг 7 состоит в обнаружении недостатков и потенциальных возможностей совершенствования полученных объектов с точки зрения их использования в новых условиях или для новых функций.

Медицинские науки имеют принципиальное сходство с техническими, только здесь требуемые свойства материальных объектов и процессов (лекарств, разного рода протезов, приборов и способов лечения) задаются, в конечном счете, принятыми представлениями и стандартами относительно человеческого здоровья, правильного функционирования органов и т. п.

В *социальных науках* общая формулировка теоретической проблемы (шаг 1) для разных научных школ, интеллектуальных традиций, исследовательских сообществ является, скорее, исключением, чем правилом. Обычно в единообразной форме такие проблемы также формулируются лишь апостериори в качестве некоего общего знаменателя в научных и образовательных обзорах разных направлений исследований. Каждая школа социальной мысли устанавливает свои критерии успешности решения своих же проблем (редуцированная версия шага 3). Соответственно, шаги 2, 4 (попытки решения) и шаг 5 (проверка успешности решения) чаще всего опять же осуществляются в рамках каждой школы или даже внутри локального научного сообщества. Редкие случаи достижения консенсуса обычно бывают результатом позднейшего обобщения результатов, полученных в разных традициях и выраженных в разных понятийных аппаратах. Институционализации (шаг 6) преимущественно подлежат не «истины» или «открытия», достигшие полного согласия в разных школах мысли, а только произведенные в каждой из них концепции, исследовательские подходы и практики (способы сбора данных, наблюдения, расчеты, эксперименты).

В *эмпирических социальных, исторических и гуманитарных* (исследующих тексты и смыслы) науках ситуация более сходна с естествознанием, здесь роль общих критериев выполняют стандарты валидности

данных, статистической достоверности, подкрепления суждений независимыми источниками, корректности проведения экспериментов, правильности ведения протоколов наблюдений и т. п.

Военные науки, которые следует разделять на военно-технические и военно-социальные (военная психология, военная социология и военно-организационная теория), сходны соответственно с техническими и социальными науками. В военно-технических науках требования к искусственным материальным объектам (оружию, фортификациям, амуниции и проч.) определены задачами эффективного разрушения сил, ресурсов противника и собственной обороны. Военно-социальные науки преимущественно имеют прикладной характер и в своей логике больше сходны с медицинскими: здесь аналогом человеческого здоровья выступают представления об оптимально подготовленном, мотивированном, организованном, управляемом и обеспеченном вспомогательными службами боевом подразделении.

В *теоретических гуманитарных исследованиях и в философии* (изучающей наиболее общие и абстрактные темы, предельные основания суждений и действий) указанные выше черты теоретического социального познания выражены еще ярче. Крайне редко какая-либо гуманитарная или философская школа мысли считает законной и достойной усилий проблему, сформулированную чужой школой мысли, как правило, в чужих же понятиях (шаг 1). Соответственно, не предпринимаются усилия по поиску общих критериев решения общих для разных традиций проблем (отсутствие шага 3), вместо этого каждая школа мысли разрабатывает свою тематику (шаги 2,4). Почти полное отсутствие перекрестных между школами мысли проверочных процедур и достигаемого таким образом консенсуса (шаг 5) приводит к проблематичности (чтобы не сказать – сомнительности) получаемых в этих областях «знаний», тем более, «открытий».

Неслучайно самая популярная форма фиксации результатов философских и теоретических гуманитарных исследований в справочниках и учебниках (шаг 6) – это обзор прошлых идей, воззрений, учений, подходов как мнений и интерпретаций, а вовсе не знаний. Усилия по поиску общей категориальной и логической платформы разных философских учений предпринимаются нечасто, хотя при редком успехе дают впечатляющие, даже эпохальные результаты: труды Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля и Рассела – наиболее яркие тому примеры. Именно благодаря таким работам обычно обнаруживаются наиболее глубокие противоречия, парадоксы, логические и концептуальные несообразности, что включает новый этап проблематизации (шаг 7), но опять-таки новые проблемы обычно осмысляются и формулируются по-разному в разных школах мысли (шаг 1).

Итак, научные истины являются результатами успешных познавательных циклов, наиболее полноценно реализуемых в кумулятивных науках: естественных, математических, технических, медицинских, эмпирических социальных и исторических. Истина включает, с одной стороны, достигнутое согласие, общее убеждение исследователей, основанное на соответствии суждений и процедур их получения принятым в сообществе правилам и образцам, с другой стороны, отсутствие видимых значительных противоречий (логических ошибок, лакун в доказательствах или эмпирических контрпримеров, аномалий), которые позволяли бы сомневаться в истинности этих суждений или аргументировано отвергать их.

Литература

1. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С.1-24.
2. Гемпель К. Функция общих законов в истории (Первоначально опубликовано в 1942 г.) // Время мира, выпуск 1. Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 1998. – С.16-31.
3. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. – 1280 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
5. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум, 1995. – 236 с.

УДК 001: 501

ВКЛАД СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ В ФИЛОСОФИЮ НАУКИ В 1920–30-е ГОДЫ

Наталья Григорьевна Баранец

Доктор философских наук, профессор

Ульяновский государственный университет

Андрей Борисович Верёвкин

Кандидат физико-математических наук, доцент

Ульяновский государственный университет

Советские естествоиспытатели под влиянием революционных изменений в своих дисциплинах в 1920-30-х гг. предлагали оригинальные теории научного знания и методично создавали отечественную историю науки. Государство поддерживало науковедческие проекты, намереваясь распространить через них новую идеологию (Пролеткульт, Центральный институт

труда, Социалистическая реконструкция науки). Примерами самоорганизации учёных в этом направлении были Комиссия по истории знания и Историко-методологическое общество. В исследованиях по истории и философии науки участвовали выдающиеся учёные: математики – В.А. Стеклов, О.Ю. Шмидт, А.Н. Колмогоров; физики – С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе, Я.И. Френкель; биологи и химики – Л.С. Берг, А.И. Опарин, А.Н. Фрумкин. Основы отечественного науковедения заложили – И.А. Боричевский, Ю.А. Филипченко, М.А. Блох, Т.И. Райнов. В рамках собственных историко-дисциплинарных исследований методологию исследований по истории науки разрабатывали С.А. Богомолов, Г.А. Грузинцев, В.Р. Мрочек, И.Е. Орлов, Г.Н. Попов.

Ключевые слова: история науки, концепции философии науки, теория научного знания, науковедение.

CONTRIBUTION OF SOVIET NATURAL SCIENTISTS TO PHILOSOPHY OF SCIENCE IN THE 20-30th YEARS OF THE XX CENTURY

Natalia Grigoryevna Baranetz,

DSc in Philosophy, Professor

Ulyanovsk State University

Andrey Borisovich Verevkin

PhD in Phys.-math. Sciences, Associate professor

Ulyanovsk State University

The Soviet scientists, having realized revolutionary changes in their disciplines, in the 1920-30th, have offered original theories of scientific knowledge and systematically created national history of science. The state supported science of science research projects, seeking to communicate new ideology with their help (Proletkult, the Central institute of work, Socialist reconstruction of science). The Commission on the history of science and Historical and methodological society were the illustrations of the self-organization of scientists in this direction. The studies in history and philosophy of science involved a number of outstanding scientists, such as mathematicians – V. A. Steklov, O. Yu. Schmidt, A. N. Kolmogorov; physicists – S. I. Vavilov, A. F. Ioffe, Ya. I. Frenkel; biologists and chemists – L. S. Berg, A. I. Oparin, A. N. Frumkin. The foundations of the Russian science of science were laid by I. A. Borichevsky, Yu. A. Filipchenko, M. A. Bloch, and T. I. Raynov. Within their own historical and disciplinary research, the methodology of research on history of science was developed by S. A. Bogomolov, G. A. Gruzintsev, V. R. Mrochek, I. E. Orlov, and G. N. Popov.

Keywords: history of science, conceptions of philosophy of science, theory of scientific knowledge, science of science.

При строительстве нового государства, вопреки крайне тяжелому экономическому и политическому положению страны, в культурной и научной жизни открылись ранее невозможные перспективы. Внутренняя сциентистская идеология учёных, видевших в науке эффективное средство преобразования и улучшения общества, совпала с государственной идеологией – марксизм рассматривал науку как инструмент технического и социального прогресса. Советская власть поощряла творческую активность учёных. Переосмысление роли науки в жизни общества, рационализация научного труда и изучение истории науки соединили государственную цель с личной инициативой научных работников. И это было общемировой тенденцией. Неслучайно на Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне (29 июня – 4 июля 1931 года) были организованы секции: «Наука как составная часть общей истории» и «Взаимосвязь чистой и прикладной науки».

Начинания по организации научной работы и исследованию науки и философии науки в 1920–30-е годы условно разделяются на устроенные решением властей и на возникшие в результате самоорганизации учёных. *Проектами по организации и исследованию науки, учреждёнными советской властью* и её административными ресурсами, являлись *Пролеткульт* и *Центральный институт труда*.

Пролеткульт создали в октябре 1917 года на Первой Петроградской конференции. Его включили в систему Наркомпроса. Идеологию Пролеткульта предложил заслуженный революционер, врач и учёный-экспериментатор А.А. Богданов. Труд он считал главным фактором развития цивилизации, а науку представлял организованным коллективно-трудовым опытом и орудием организации коллективного труда. Задача «пролетарской науки» состояла в преодолении излишней специализации, в объединении разрозненного научного знания в одно организованное целое. Рождению «пролетарской науки» способствовала популяризация научного знания. В 1921 году по предложению Ленина был создан *Центральный Институт Труда*, разрабатывавший научные основы управления трудом. Идейным вдохновителем этого проекта стал профессиональный революционер, бывший большевик и синдикалист, поэт и писатель А.К. Гастев. В институте изучались психологические и физиологические условия для эффективной организации труда.

В 1931 году Н.И. Бухарин организовал журнал «Социалистическая реконструкция наук». В программной статье были сформулированы идеологические и информационно-коммуникативные задачи. Постоянными авторами были академики – Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, И.М. Губкин, А.Ф. Иоффе, В.Ф. Миткевич, Н.Н. Семёнов, С.Г. Струмилин, А.Е. Ферсман, профессора – Б.П. Вейнберг, Н.Д. Зелинский, А.И. Опарин, А.Н. Фрумкин и другие. Они объясняли проблемы планирования науки, развития геохимии, электрохимии, материаловедения, указывали потребности промышленного производства и роста производительности труда. Журнал удачно синтезировал личную инициативу учёных с государственным заказом.

Примерами *самоорганизации учёных* стали *Комиссия по истории знания и Историко-методологическое общество*. Комиссия по истории науки была создана в Академии Наук в 1921 году по предложению академика В.И. Вернадского. С 1922 года она стала называться Комиссией по истории знаний. Первоочередной задачей стала подготовка очерков по истории отдельных отраслей науки. Изучалась история знаний древности и Средневековья, связанных с физикой, математикой, химией, этнографией и медициной. В работе комиссии участвовали М.А. Блох, А.В. Васильев, А.Ф. Иоффе, А.П. Карпинский, А.Н. Крылов, П.П. Лазарев, В.А. Стеклов. В октябре 1930 года Комиссию возглавил Н.И. Бухарин, основавший на её базе Институт истории науки и техники.

В 1928 году по замыслу учёного-химика, директора Естественно-научного института им. П.Ф. Лесгафта, знаменитого народовольца Н.А. Морозова было создано Историко-методологическое общество. Исследователи под его руководством изучали историю, методологию точных наук и техники; пропагандировали достижения науки посредством лекций и книг. Общество объединяло людей, желавших популяризировать науку в обществе, и сотрудничало с учреждениями, разрабатывающими вопросы марксистской методологии. Официального разрешения на деятельность общества не было, но союзники Морозова продолжали работать самостоятельно (В.Р. Мрочек, М.С. Дмитриевский, М.М. Каменский).

В.И. Вернадский и Н.А. Морозов имели целостное понимание философии науки, определившее их стратегии по организации исследований истории науки. Ещё в 1902 году Вернадский изложил свою концепцию научного знания в статье «О научном мировоззрении» [1]. Вместо истории отдельных дисциплин, теорий и экспериментов он описал развитие всего естествознания с позиции научного мировоззрения. Научный метод воплощает сущность науки. В этом её отличие от религии и философии, а сам метод выражается в определённом отношении к изучаемому вопросу. Изменение научной методологии происходит под воздействием таких факторов, как расширение содержания дисциплины и появление новых средств научной техники. В 1924–32 годах Морозов опубликовал 7 томов междисциплинарной монографии «История человеческой культуры в естественнонаучном освещении», содержащей эпистемологические размышления о специфике построения научного знания и критериях достоверности научных теорий. При реконструкции истории науки и культуры Морозов применял астрономические, геофизические, статистические, лингвистические, материально-культурные и этнопсихологические методы исследования. Особенно важным он считал психологическое проникновение в мировоззрение эпохи.

Теория научного знания занимала отечественных естествоиспытателей. В 1920-е годы появились оригинальные исследования, к сожалению, не вызвавшие должного интеллектуального резонанса. Это произошло из-за отсутствия нормальной коммуникации и малости тиража работ, опубликованных в разных университетских центрах. Тем не менее, стоит их перечислить, чтобы оценить масштаб вовлечённости учёных в рефлексию об основаниях науки вообще и своих дисциплин, в частности. Биолог Л.С. Берг в книге «Наука её содержание, смысл и классификация» (Петроград, 1922) изложил концепцию науки, как классификационной деятельности [2]. Математик С.А. Богомолов в монографии «Основания геометрии» (Петроград, 1923) описал механизм развития научных теорий, проанализировал возможности постановки научных проблем и средства их решения, имеющиеся в математическом сообществе [3]. Философ и логик В.Н. Ивановский в «Методологическом введении в науку и философию» (Минск, 1923) описал сущность научного знания, критерии истинности и идеалы научности в разных научных дисциплинах, представил классификацию наук, указав специфику методов математических, естественных и гуманитарных наук [4]. Специфика доказательства в разных научных дисциплинах были предметом особого обсуждения. О доказательстве в естествознании и математике рассуждал химик И.Е. Орлов в книге «Логика естествознания» (М., Л. 1925). Проявив роль индуктивного и дедуктивного рассуждения, возможности обобщения и аналогии, он раскрыл проблему оценки достоверности результатов в естественных науках и математике. Орлов заключил, что логика естествознания должна ставить задачи более широкие, чем традиционная логика. Необходимо ставить вопросы о природе, границах и значении интуиции в познании, об оценке достоверности исходных посылок науки и приёмов доказательства открытий. Надо определить значение наиболее общих понятий естествознания (причина, материя, энергия) [5]. Математик Г.А. Грузинцев в «Очерках по теории науки» (Днепропетровский институт народного просвещения, 1928) поднял темы научного метода и классификации научных проблем, способов их решения и обоснования [6].

Бурное развитие математики в XIX веке и необходимость пересмотра её основ побудило размышления крупных отечественных учёных. Математики В.А. Стеклов, О.Ю. Шмидт, А.Н. Колмогоров высказались о дисциплинарной принадлежности математического знания, о специфике его получения и обоснования. Мнения их существенно различались. Стеклов сочетал последовательный эмпиризм с умеренным конвенционализмом, полагая, что основы всех наук, в том числе чистой математики, созданы в результате длинной цепи опытов и наблюдений, обобщений и достигнутых конвенций по выявленным закономерностям. Шмидт

был последовательным экстерналистом, и считал, что наука не является самодостаточной деятельностью, находя источник развития в практике. Он критиковал взгляды математических платонистов, рассматривающих мир математики как особую реальность. Колмогоров создал диалектико-материалистическую концепцию математики и показал важность экстерналистских факторов в период зарождения и первоначального развития математического знания.

Переворот в физике в начале XX века породил методологические дискуссии. Отечественные физики принимали в них активное участие. А.Ф. Иоффе в 1921 году в статье «Новые пути научной мысли в области физики» сформулировал философские установки, определившие мировоззрение отечественных физиков в области квантовой механики. С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе и Я.И. Френкель учитывали историко-культурный контекст формирования научных теорий. Они представляли историю физики, сочетая кумулятивизм с идеей революционного преобразования.

Теорию и практику науковедения развивали И.А. Боричевский, Ю.А. Филипченко, М.А. Блох, Т.И. Райнов. Для определения смысла науки, её орудий, познавательной ценности и общественной роли Боричевский в статье «Науковедение как точная наука» («Вестник знания», 1926, № 12) призвал обратиться к мнению естествоиспытателей. Филипченко в контексте своих евгенических исследований разработал и применил методiku оценки таланта и наследования одаренности учёными. Блох последовательно использовал биографический метод в истории химии, вводя ранее малоизвестные материалы. В науковедческих исследованиях он опирался на эпистемологическую модель развития науки, которая базировалась на понятиях «революция», «эволюция», «научный сдвиг» и «равновесное состояние». Блох интересовался способы исследования научного творчества, феномен параллельных открытий, основания научного творчества. Райнов заложил основы социологического подхода в исследовании науки, применял статистические методы анализа количественного роста массива научных открытий и исследовал динамику развития науки. Он использовал идею «социального обычая» при описании формы социальной организации науки. Райнов применял историко-генетический метод, реконструируя историю научных и технических идей в России до XVII века. Он также анализировал методологические установки учёных XVII–XX веков.

Математиков и физиков, изучавших историю науки, интересовали проблемы исторических реконструкций, адекватности антикваризма и модернизма, критериев оценки источников. А.В. Васильев полагал важным философский взгляд, который обеспечивает перспективу при проведении историко-научных исследований. В.Р. Мрочек показал, что при реконструкции истории науки необходимо учитывать социокультурный контекст формирования и развития идей. Сам он описал зарождение теории вероятностей под воздействием социально-экономических факторов и общественных потребностей. Г.Н. Попов в своих работах по истории математики разработал, обосновал и отчасти реализовал исследовательскую программу, которая позднее была названа «историей идей».

Естествоиспытатели, участвовавшие в работе обществ по изучению истории науки и организации научной деятельности, сообщили оригинальные науковедческие и эпистемологические идеи, отчасти предвосхитив тенденции, реализованные позднее в европейской философии науки.

Литература

1. Вернадский В.И. О научном мировоззрении // Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
2. Берг Л.С. Наука её содержание, смысл и классификация. – Петроград: Время, 1922. – 140 с.
3. Богомолов С.А. Основания геометрии». – Петроград: Гос. Изд-во., 1923. – 330 с.
4. Ивановский В.Н. Методологическое введение в науку и философию. – Минск: Белтрестпечать, 1923. – 239 с.
5. Орлов И.Е. Логика естествознания. – М.Л.: Госиздат, 1925. – 195 с.
6. Грузинцев Г.А. Очерки по теории науки // Записки Дніпропетровського інституту народньої освіти. – 1928. – Т. II. – С. 271–320.

УДК 001.2:168.52

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Ольга Александровна Останина
Доктор философских наук, профессор
Вятский государственный университет

Междисциплинарность является отличительной особенностью современной науки и выражает изменение структуры научного знания. В XXI веке она становится все более характерной для социогуманитарного знания и представлена на уровнях предметном, целевом, методическом. В статье обращается внимание на исследование предпосылок междисциплинарности

социогуманитарного знания. Эти предпосылки относятся к контексту развития научного знания и к его внутренним закономерностям. Междисциплинарность формировалась в процессе обоснования статуса конкретно-научного знания и в ходе дискуссии о «науках о природе» и «науках о культуре», с одной стороны, и о социальных и гуманитарных науках, с другой стороны. Междисциплинарность социогуманитарного знания связана с эволюцией содержания и формы деятельности людей, характера труда, социальных отношений, усилением взаимосвязи сфер общественной жизни. Данная эволюция предполагает целостное знание о человеке, который оказывается общим предметом социогуманитарных наук. Знания о нем и способы получения этого знания взаимообусловлены. Повороты в философии и науке – лингвистический, культурный – эксплицировали разнообразные факторы в обществе и истории, что поставило вопрос о комплексном применении методов, взаимосвязи познавательных процедур, объяснения и понимания. Учет экологического контекста деятельности людей создает предпосылку для междисциплинарных связей между естественными и гуманитарными науками. Во всех науках применяются такие подходы, как синергетика, системный подход, глобальный эволюционизм. Значение междисциплинарности видится в том, что, благодаря ей, повышается степень объективности социогуманитарного знания.

Ключевые слова: междисциплинарность, социогуманитарное знание, социокультурный контекст, объективность.

INTERDISCIPLINARITY AS A TENDENCY OF THE DEVELOPMENT OF THE SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Olga Alexandrovna Ostanina

DSc in Philosophy, professor

Vyatka State University

Interdisciplinarity is a distinctive peculiarity of the development of the contemporary science and expresses the change in the structure of the scientific knowledge. In XXI century, it becomes rather more characteristic for socio-humanitarian knowledge and is represented on subject, purpose and methodic levels. In the article, the attention is paid to the investigation of preconditions of the interdisciplinarity of the socio-humanitarian knowledge. These preconditions are related to the context of the development of the scientific knowledge and to its inner regularities. The interdisciplinarity was formed in the process of justification of the status of the concrete scientific knowledge and during the discussion about «sciences on nature» and «sciences on culture», on the one side, and social sciences and humanities, on the other side. The interdisciplinarity of the socio-humanitarian knowledge is connected with the evolution of the content and the form of people's activities, the character of the labor, of social relations, of strengthening of the mutual connection of societal spheres. This evolution proposes the holist knowledge about the man who is turned out to be the common subject of socio-humanitarian sciences. The knowledge about him and ways of receiving of this knowledge are interdependent. Turns in philosophy and science – linguistic, cultural – explicated various factors in society and history, thus the question on the complex using of methods, interrelation of cognitive procedures, of explanation and understanding was put. The consideration of the ecological context of people's activities makes a precondition for interdisciplinarity connects between natural sciences and humanities. Such approaches as a synergetic, system approach, global evolutionism are applied in all sciences. The significance of the interdisciplinarity is seen in that, due to it, the degree of objectivity of the socio-humanitarian knowledge increases.

Keywords: interdisciplinarity, socio-humanitarian knowledge, sociocultural context, objectivity.

Революционные события сто лет назад имели место не только в экономической, социальной, политической и духовно-идеологической сферах, но и в науке. В обществе XXI века идут глобальные трансформационные процессы, с которыми взаимосвязана наука и которые тоже можно определить как революционные. Одной из характерных черт постнеклассической науки является междисциплинарность. Вопрос о содержании понятия междисциплинарности, формах междисциплинарности широко обсуждается в философии [1, 2, 3, 5, 6, 7, 8]. Это объясняется, на наш взгляд, не только взаимопроникновением методов различных наук, появлением новых предметных областей знания, но и эволюцией самой структуры науки – переходом от ее дисциплинарной структуры к междисциплинарной.

В течение последнего столетия междисциплинарность активно формировалась в социогуманитарном знании: структурализм сделал возможным применение методов точных наук в лингвистике, литературоведении; достижения логики были применены в гуманитарных науках; сменяли друг друга экономическая история, социальная история, культурная история, пока не был поставлен вопрос об их синтезе (Школа Анналов). Данный перечень может быть продолжен.

Получается, что в процессе обоснования статуса той или иной научной дисциплины происходило взаимообогащение наук, заимствование ими друг у друга методов, категорий. Здесь обратим внимание на два аспекта указанного процесса. Во-первых, на обсуждение особенностей «наук о природе» и «наук о культуре (духе)» и отношения между ними. Данное обсуждение показало не только различия между группами наук (и по предмету, и по методу), но и общее между ними: например, наличие социокультурного и исторического контекста естественных наук, применимость исторического метода в разных науках, наличие единой модели объяснения и др. Во-вторых, есть проблема соотношения гуманитарных и социальных наук, которая, как известно, имеет три решения. Первое решение отождествляет данные науки (В.С. Степин). Второе – разводит их (Л.А. Микешина), третье – говорит о ситуационном подходе, когда в зависимости от цели исследования конкретного процесса и явления применяются методы социальных или гуманитарных наук (В.Г. Федотова). Оба аспекта взаимосвязаны, поскольку утверждение о несводимости гуманитарных наук к социальным основано на явном или неявном признании тождественности социальных наук естественным. То есть обвинение историка в социологизме было равнозначно его обвинению в натурализме, редукционизме и т.п.

В действительности, происходившие и происходящие в социогуманитарных науках изменения доказывают наличие тенденции их междисциплинарности. Данная тенденция, в значительной мере, обусловлена социокультурным контекстом. В течение последнего столетия изменились содержание и форма деятельности людей, характер труда, социальные отношения. Они предполагают «целостного» человека, действительно, разносторонне развитого. Это своего рода предпосылка междисциплинарности. Поэтому прогрессивной тенденцией развития образования и является его междисциплинарность, трансдисциплинарность (как обстоит дело с образованием реально, другой вопрос). Кроме того, усиливается взаимосвязь сфер общественной жизни, причем речь идет не только об экономике и политике, но и сфере морали, искусства, религии, личного общения; меняются коммуникационные процессы.

Важной предпосылкой междисциплинарности является «схождение» наук, прежде всего, социогуманитарных в проблеме человека: раскрывая разные стороны данной проблемы, науки формируют целостное знание о человеке. И как в реальной жизни переплетены ипостаси человека, так и переплетены знания о нем и способы получения этого знания.

Как пишет Д. Ла Капра, происходившие в XX веке повороты – культурный, лингвистический – позволили обнаружить разнообразные силы и факторы в истории, продемонстрировали значение как социально-экономической детерминации, так и культурных и осмысляющих практик [7]. Это создавало предпосылки для комплексного применения методов, для взаимосвязи процедур отражения, репрезентации, интерпретации, конвенции, для взаимодополнения объяснения и понимания, реконструкции и нарратива.

Важным моментом современных социогуманитарных исследований становится принятие во внимание экологического контекста жизнедеятельности человека и общества. Здесь акцентируется аспект коэволюции, единства человека, культуры и природы; говорится об «общем» поле исследования для разных наук, подчеркивается значимость природных факторов и знания о них для социогуманитарных наук. (Вновь можно сказать о содержании образования, а именно о значении естественнонаучной подготовки гуманитариев). В то же время, известно экологическое значение духовных факторов, что создает предпосылку для взаимодополнения гуманизма и научного объективизма.

Рассуждая о междисциплинарности социогуманитарных наук, скажем еще об одном – речь идет о так называемых «законах жизни» («законах интригообразования»): формы жизни общества и человека изучает история и психология, лингвистика исследует взаимосвязь языка и форм жизни, в литературе, как формы жизни, представлены сюжеты, ситуации. Данная особенность также может быть отнесена к предпосылкам междисциплинарности.

В социогуманитарных науках широко применяются междисциплинарные подходы – синергетический, системный подходы, глобальный эволюционизм, имеющие, тем не менее, свои пределы в истории, литературоведении, психологии и т.д.

Таким образом, междисциплинарность делает социогуманитарное знание более полным и повышает степень его объективности: различные уровни изучаемого явления исследуются разными методами, что приводит к целостному, истинному знанию, как это, например, демонстрирует В.М. Розин [5].

Следовательно, междисциплинарность социогуманитарного знания обусловлена как внутренними, так и контекстуальными факторами развития науки. Междисциплинарность может быть рассмотрена по предмету, по методам и по цели исследования.

Литература

1. Ажимов Ф.Е. Что такое междисциплинарность сегодня (Опыт культурно-исторической интерпретации зарубежных исследований // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 70-77.
2. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 61-74.
3. Междисциплинарность в науках и философии / Рос. Акад. Наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФРАН, 2010. – 205 с.
4. Розин В.М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие новой научной революции //

- Вопросы философии. – 2016. – №5. – С. 106-116.
5. Розин В.М. Методология познания и конституирование реальности в междисциплинарных исследованиях // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 48. – № 2. – С. 141-158.
 6. Рузер А. Назад к единству науки? Редукционистское мышление и его следствие для социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 49. – № 3. – С. 55-69.
 7. La Capra D. What is History? What is Literature? // History and Theory. – 2017. – Vol. 56. – Is. 1. – P. 98-113. DOI: 10.1111/hith.12007
 8. Roberts D.D. Postmodernism, Social Science, and History: Returning to an Unfinished Agenda // History and Theory. – 2017. – Vol. 56. – Is. 1. – P. 114-126. DOI: 10.1111/hith.12008

УДК 165.2

SCIENCE ART КАК МЕТАКОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ РЕФЛЕКСИИ В ЗЕРКАЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Александра Геннадьевна Краева
Кандидат философских наук, доцент,
Ульяновский государственный университет

В статье предпринимается попытка осмыслить феномен Science art как уникальное трансдисциплинарное явление современной культуры сквозь призму проблемы рефлексии и показать, что именно искусство как сфера художественно-когнитивной практики является катализатором рефлексивных процессов во всей совокупности современных когнитивных практик. При этом показано, что организующая функция этого нового уровня самопознания современной культуры не сводится только к стимуляции трансдисциплинарных обменных воздействий, хотя это важный фактор саморегуляции, но, что важнее, - заключается в выработке круга идей, позволяющих с единой позиции подходить к исследованию традиционно далёких друг от друга феноменов – науки и искусства, создавая совершенно уникальные концептуальные структуры, претендующие на достаточную степень методологической и теоретико-познавательной универсальности. Научная новизна данной работы обусловлена включением проблематики Science art в концептуальное поле проблемы рефлексии, ориентированной на выработку изменения индифферентной к человеку парадигмы развития цивилизации сегодня, поскольку одной из основополагающих целей Science art является анализ актуальных и социально значимых проблем ведущих трендов научно-исследовательских сообществ и институций в условиях неопределённо-направленной подвижности социальной канвы. Высказывается предположение, что именно Science art, являясь активной революционной компонентой процесса формирования «третьей культуры», весьма эффективен в решении проблемы формирования эффективных социогуманитарных технологий в рамках субъектно-ориентированного подхода.

Ключевые слова: рефлексия, Science art, трансдисциплинарность, искусство, рефлексивно-активные среды, «третья культура», принцип дополнительности, концепция психологизма.

SCIENCE ART AS A METACOGNITIVE LEVEL OF REFLECTION IN THE MIRROR OF TRANSDISCIPLINARY REVOLUTION

Aleksandra Gennadyevna Kraeva
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Ulyanovsk state University

The article attempts to comprehend the phenomenon of Science art as a unique transdisciplinary phenomenon of modern culture through the prism of the problems of reflection and to show that art as a field of artistic and cognitive practice is a catalyst for reflective processes in the totality of modern cognitive practices. It is shown that the organizing function of this new level of self-awareness of modern culture is not reduced only to the stimulation of transdisciplinary exchange impacts, although this is an important factor of self-regulation. More importantly, this function is to formulate a range of ideas, allowing a single position approach to the study of traditionally distant from each other phenomena – science and art, creating a totally unique conceptual structure, claiming to be a sufficient degree of methodological and epistemological universality. The scientific novelty of this research lies in engagement of Science art in the conceptual field of the problem of reflection, focused on the development changes apathetic to the today's human development paradigm of civilization, be-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ/РГНФ, проект № 16–03–487а

cause one of the fundamental objectives of Science art is an analysis of actual and socially significant problems of leading trends in research communities and institutions under conditions of uncertain directional mobility of the social canvas. It is suggested that Science art, being active, revolutionary component of the process of forming a "third culture", is highly effective in solving the problem of formation of effective socio-humanitarian technologies in the context of the subject-oriented approach.

Keywords: reflection, Science art, transdisciplinarity, art, reflective-active medium, «the third culture», the principle of subsidiarity, the concept of psychologism.

Поиск рефлексивных оснований в интеграционном поле науки и искусства актуален согласно магистральной линии в когнитивных исследованиях последних десятилетий, которая выражена в стремлении все более целенаправленно обращаться к вопросам, уводящим её от компьютерной метафоры познания. Это отвечает наметившейся в современной эпистемологии тенденции к обретению категорией рефлексии статуса социокультурного феномена – опосредования в познавательной деятельности и в самопознании. Подобное, идущее от Гегеля понимание рефлексии, фундирует трансдисциплинарные тенденции в современной науке, интенсивность которых позволяет говорить о трансдисциплинарной когнитивной революции [4].

Конвергентность познавательных технологий, невозможность в рамках одной научной дисциплины или одного научного дискурса решить определённую познавательную или творческую задачу, усилил процесс размытия онтологических границ традиционных компонент культуры – науки, искусства и технологий, – который ведёт к формированию «третьей культуры» [19, p.118; 21, p. 35], эксплицирует связь внутринаучных проблем и методологий с внеучными, социальными ценностями и целями, задействуя в качестве катализатора трансдисциплинарных обменных процессов уровень рефлексии, который можно обозначить как *метакогнитивный*, исходя из типа аргументации, применяемой в процессе рефлексивных процедур, а также провозглашаемых целей (в соответствии с классификацией видов и уровней самопознания современной науки В.А. Бажанова) [22].

Данный уровень иерархической системы самопознания современной культуры представлен трансдисциплинарным синтетическим взаимодействием двух в классическом понимании «противоположных» сфер культуры – науки и искусства, – уникальным культурным феноменом Science art. Его суть заключается в конвергентном слиянии двух равноправных полей культуры – науки и искусства, а целью – создание уникальных объектов или проектов, в которых рефлексивная (оценочная, ценностно-смысловая) активность является доминирующей. Стоит предположить, что тем самым открывается возможность нового взгляда на природу субъекта познания, деятельность которого задана социальным, культурным и физиологическим целеполаганием – «новый аспект *концепции психологизма*, который относится к особенностям и механизмам активности субъекта познания, касается глубоких оснований его творческой деятельности» [3, с. 145].

Предтечей Science art в определенном смысле (культурологическом, философском, методологическом), можно считать возникшие ранее научную поэзию, научную фантастику, художественную популяризацию науки, эстетику научного творчества, техническую эстетику. Позже, в конце XX века, оказавшись в ситуации сложных междисциплинарных когнитивных взаимодействий в культуре, «исподволь» внедряясь в парадигмальный каркас энактивизма, искусство оказалось способным перекрыть брешь между науками о жизни (life sciences), к которым относят теорию биологической эволюции, нейрофизиологию, теорию психомоторного действия, компьютерными технологиями и эпистемологией [5, с. 14]. Все эти явления демонстрировали собой междисциплинарный “стык” противоположностей, имеющий целью либо научную рефлексивную рефлексию искусства, либо художественно-рефлексивное преломление науки. Science art «нарочито» выходит за рамки традиционного понимания как науки, так и искусства. В качестве методологического инструмента здесь выступают новейшие технические средства и технологии, а интеллектуальной базой для создания его произведений служат научные концепции, проблемы и теоретические концепты, заимствованные из разных, прежде всего естественных или технических дисциплин, а также ценностно-смысловая среда современной науки – как естественнонаучная, так и гуманитарная.

Анализ данного феномена демонстрирует усиление саморефлексивности когнитивной деятельности во всех сферах современных духовных практик, требующих осознания тесной взаимосвязи с реальностью, граничащей с жизненным миром субъекта когнитивной деятельности, детерминированным исторически, социально и биологически, а также позволяет говорить о ренессансе *концепции дополненности* в новом измерении. Данная концепция предполагает сосуществование дополняющих друг друга когнитивных интерпретаций картины мира, принадлежащих к разным дискурсам и выражающих разные онтологии, однако относящихся к одной и той же трансдисциплинарной реальности, а также к изменению представлений о *природе субъекта познания* в аспекте соотношения трансцендентального и ситуативного [2]. В этом случае трансдисциплинарность преимущественно выступает в форме так называемой Мод 2, который предполагает участие в соответствующем процессе и теоретической, и собственно практической составляющей [1, с. 12-13], а также характеризуется организационным многообразием, продуцированием знания в контексте его приложений, социальной экспертизой и рефлексией.

Поскольку сам термин «Science art» вызывает широко обсуждаемые трудности в переводе и не имеет однозначного определения [8; 10] по причине того, что каждый из вариантов перевода не отражает концептуальной «равновесности» науки и искусства в рамках исследуемого феномена, основополагающая цель и

задачи данного направления также еще не отрелексированы и не систематизированы в достаточной степени. Один из ключевых параметров Science art – его социальная значимость, способность публично раскрывать область научного знания, закрытую для общества в стенах лабораторий: «В грядущие десятилетия мы увидим поразительные и провокационные разработки в области науки и технологий. Художники будут там, готовые обдумывать, праздновать и критиковать» [15].

Стоит отметить, что именно искусство, которому традиционно было отказано в когнитивной значимости, выступило в роли генератора новой формы рефлексии современной культуры. Изменение самой сути, предмета, объекта и, собственно, статуса искусства в культуре рубежа XX-XXI вв. обусловило то, что искусство всё настойчивее поворачивается от эстетической функции к *исследовательской*, выполняя роль методологического инструмента, преодолевающего «превосходство логарифмов над рифмами» [7, с.44].

Появление данного направления на трансдисциплинарном «ярусе» современной культуры – отнюдь не «дань восхищения» искусству в сторону технологического прогресса цивилизации, и тем более не «нарочитая имажинативность», как может показаться на первый взгляд. Это рефлексия на современную «когнитивную гибридность» трансдисциплинарности, которая призвана переосмыслить традиционную историю искусств, вписав её в контекст технологического развития общества, а также подчеркнуть неразрывную связь между наукой и искусством, которая существовала всегда, но игнорировалась. Это вовсе не выражение «восторга» и ни в коем случае не попытка техноориентированного искусства «поддержать» технологические версии современности реальности: «Используя те же подходы, искусство очерчивает рамку применимости технологических средств» [6]. Стоит предположить, что одной из причин возникновения Science art явился поиск новых человекообразных механизмов управления субъектно-ориентированной сложностью, которая генерируется органичным развитием субъектно-деятельностного подхода, с увеличением внимания к субъектам и их социально-культурной среде.

Наравне в неразрывном единстве с философией, искусство в современном трансдисциплинарном пространстве актуализирует проблему *необходимости формирования эффективных социогуманитарных технологий в рамках субъектно-ориентированного подхода* [9, с. 24-26]. Science art – это «жизнесохраняющий» фактор, порождённый художественным преломлением науки, техники и технологий. Это сложнейшая социально-культурно и генетически обусловленная конструкция, призванная осуществлять сбалансированность, корреляцию технологической и духовной эволюции. Основополагающая закономерность технологического прогресса, неоднократно постулируемая философией и социологией, – это инновационная «призывность», кажущаяся закономерность, «желательность» отдельно его взятого шага, в то время как технологический процесс в целом непрерывно сужает общую сферу рефлексивно-мировоззренческой свободы. Представителям технократической сферы «позитивистский оптимизм» обеспечивает уверенность в благоприятном для культуры и цивилизации исходе. Позиция же художников, философов и гуманитариев всегда коренным образом отличалась. Впрочем, в подобные исторические моменты «пределов сложности» роль искусства в решении актуальных общекультурных проблем, в тесной взаимосвязи с философией, всегда была прогрессивна.

Можно с уверенностью предполагать, что в ближайшем будущем именно Science art выступит в качестве рефлексивного фундамента культуры, где уже невозможно будет нарушить трансдисциплинарную конвергентность науки и искусства подобно тому, как уже сейчас невозможно отделить науку от технологий: сегодняшний мир – это «мир исследований», а субъекты – трансдисциплинарные исследователи, работающие в области Science art, – «начали вступать на территорию исследования не только с целью использования всех его приспособлений или критики его слепоты, но и чтобы очертить его будущее» [15, p. 201].

Литература

1. Бажанов В.А. Дилемма психологизма и антипсихологизма // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т.49. – №3. – С. 6-16.
2. Бажанов В.А. Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – №2. – С. 73-89.
3. Бажанов В.А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т.XLV. – №3. – С. 133-149.
4. Бажанов В.А., Краева А.Г. Феномен трансдисциплинарной когнитивной революции // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т.5. – Вып.2. – С. 91-107.
5. Бескова И.А., Князева Е.Н. Природа и образы телесности. – М.: «Прогресс-традиция», 2011. – 410 с.
6. Булатов Д. Этика дрейфующего гибрида. Лекция в рамках Polytech.Science.Art Week от 09.12.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polytech.timepad.ru/event/264734> (дата обращения 25.09.2017г.)
7. Галкин Д.В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни. – Томск: Изд-во Томского университета, 2013. – 250 с.
8. Ерохин С.В. Терминология актуальной эстетики и искусствознания: «научное искусство» // Истори-

- ческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. – С. 55-58.
9. Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). – М.: «Когито-Центр», 2016. – 160 с.
 10. Kisseleva O. «Nano Worlds: Custom Made», Le nouveau festival Centre Georges Pompidou. – Paris: Onestarpres, 2013. – 223 p.
 11. Miller A. Colliding worlds: How cutting edge science is redefining contemporary art. – London: W.W. Norton & Company, 2014. – 235 p.
 12. Patel A. Music, Language, and the Brain. - N.-Y.: Oxford University press, 2008. – 528 p.
 13. Reichle I. Art in the Age of Technoscience: Genetic Engineering, Robotics, and Artificial Life in Contemporary Art. – Wien: Springer-Verlag, 2009. – 200 p.
 14. Starr G. Feeling Beauty: The Neuroscience of Aesthetic Experience. Cambridge: MIT Press, 2013. – 230 p.
 15. Wilson S. Art + Science Now: How scientific research and technological innovation are becoming key to 21st-century aesthetics. – «Thames & Hudson», 2010. – 288 p.

УДК 1:5:316.423.3

МЕТАФОРА НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Александр Иванович Пигалев
Доктор философских наук, профессор
Волгоградский государственный университет

Целью доклада является прослеживание и анализ формирования параллелей между концепциями революции и научной революции, а также изменений их смысла при переходе от модерна к постмодерну. Отмечается, что в противоположность таким понятиям, как мятеж, реформация и государственный переворот, под революцией подразумевается насильственное, резкое, радикальное и незаконное изменение общественного строя и политического устройства с целью обретения или расширения границ свободы либо индивидов, либо общества. Концепция научной революции рассматривается как метафора, которая зависит от концепции революции и исторических изменений ее смысла. Указывается, что до эпохи модерна слово «революция» обозначало некое круговращение, периодическое возвращение исходного положения вещей, так что в его преобладающих астрологических и астрономических коннотациях сама идея новизны была исключена. Лишь позже это слово стало обозначать резкое и насильственное изменение, способное породить некую радикальную новизну. Подчеркивается, что, с одной стороны, революционное действие было разрушительным, но оно не только разламывало, но и лишало традиционные общества корней ради последующей модернизации несвязанных частей разрушенного. С другой стороны, модерн истолковывал рациональность революционной деятельности как ее подчинение абстрактным структурам мышления индивида, который считался автономным. Соответственно, лишение корней, в качестве каковых выступала традиция, и создание нового общества понимаются как предварительное освобождающее изъятие из контекста и последующее включение соответствующих фрагментов реальности в иной контекст, который, как предполагается, является единственным в своем роде. В заключение делается вывод, что постмодернистская альтернатива революционной модели развития предполагает множественность равнозначных контекстов, и потому как революция, так и научная революция в обычном понимании становятся бессмысленными.

Ключевые слова: революция, научная революция, традиция, модерн, рациональность, контекст, постмодерн.

THE METAPHOR OF SCIENTIFIC REVOLUTION AND THE POSTMODERNIST ALTERNATIVE TO THE REVOLUTIONARY DEVELOPMENT MODEL

Alexander Ivanovich Pigalev
DSc in Philosophy, professor
Volgograd State University

The purpose of the paper is to retrace and to analyze the parallels between the concepts of revolution and the scientific revolution and the changes of their meaning during passage from modernity to postmodernity. It is noticed that in contrast to such notions as rebellion, reformation, and coup d'état revolution means the violent, abrupt, radical, and illegal change of social and political order

with the view of gaining or increasing freedom of either individuals or society. The concept of scientific revolution is considered to be a metaphor which is dependent on the concept of revolution and the historical changes of its meaning. It is pointed out that before modernity the word “revolution” meant some rotation, the cyclical return of the original state of things, so that in its prevalent astrological and astronomical connotations the very idea of novelty was ruled out. Only later that word began to denote an abrupt and violent political change which was able to give birth to a radical novelty. It is emphasized that, on the one hand, revolutionary activity was destructive, but it not only broke, but also uprooted the traditional societies for the sake of the sequential modernization of the loosened remains. On the other hand, modernity interpreted the rationality of revolutionary activity as its subjecting to the abstract structures of the thinking of the individual who was considered to be autonomous. Accordingly, the deprivation of the roots of tradition and the making of the new society are construed as the preliminary absolvent decontextualization and the subsequent fitting of the relevant fragments of reality into another context that is supposed to be unique. It is concluded that the postmodernist alternative to the revolutionary development model presupposes the plurality of equivalent contexts, and therefore both revolution and scientific revolution in the usual sense become meaningless.

Keywords: revolution, scientific revolution, tradition, modernity, rationality, context, post-modernity.

«Научная революция» – понятие, которое было введено в научный оборот в первой половине XX в. и начало широко использоваться в философии науки для описания быстрых скачкообразных изменений процесса и содержания научного познания, развитие которого прежде по умолчанию предполагалось кумулятивным. Метафоричность этого понятия обусловлена тем, что термин «революция», возникнув в контексте анализа развития общества, стал применяться к развитию науки, которое, вообще говоря, сильно отличается от тех изменений, которые происходят в общественных процессах в целом. В то же время, известный историк и философ науки Р.С. Уэстфолл (как, впрочем, и некоторые другие исследователи) считал, что понятие «научная революция» является метафорическим, поскольку без метафор невозможно обсуждать ни одну сложную тему, и вопрос лишь в том, насколько метафора проясняет суть дела [15, р. 43-45].

Первоначально это понятие, обозначало лишь единственное в своем роде событие. Речь шла о стремительных и радикальных изменениях, произошедших в познавательной деятельности и картине мира при переходе европейских обществ от средневекового уклада к новому времени [3], [10]. Показательно, что революционные изменения как в обществе, так и в научном познании связываются исключительно с эпохой модерна. Затем объем понятия «научная революция» в качестве метафоры скачкообразности, обнаружившейся сначала в общественно-исторических процессах, существенно увеличился.

После классической работы Т. Куна [1] «научная революция» стала обозначением не уникального, а многократно повторяющегося события, обусловленного прерывностью развития научного познания вообще. В этом отношении существенно, что Кун отвергает тезис о том, что наука использует единственный и неизменный метод, и считает, что она ориентируется, скорее, на решение проблем, чем на жесткие правила. Поэтому концепция «научной революции» Куна уже содержала элементы релятивизма, предвосхищавшие те изменения понятия «революция», которые произошли с началом эпохи постмодерна. Возможный параллелизм этих процессов и является предметом последующего анализа.

Метафоричность понятия «научная революция» означает, очевидно, его зависимость от понятия «революция», которое, изменяясь в ходе исторического развития, не могло не вызывать определенных изменений и в созданной на его основе метафоре. В сущности, это проблема применимости революционной модели развития к научному познанию в условиях, когда постмодерн ставит под вопрос осмысленность самого понятия «революция». Обращаясь к истокам этой модели, следует указать, что глагол “*revolvere*” впервые начал активно использоваться Августином, но служил он для описания переселения душ и означал «возвращение в исходное состояние», т.е. основывался на представлении о некоторой цикличности этого процесса.

Именно подразумеваемая цикличность позволила использовать этот глагол и производное от него существительное “*revolutio*” для описания обращения планет. Это было сделано в гелиоцентрической системе Н. Коперника, которая безраздельно владела правом на астрономическое истолкование соответствующих слов вплоть до конца XVII в. Тем не менее, уже до этого времени предпринимались отдельные попытки в соответствии с принципами астрологии учесть влияние круговращения небесных светил на события в человеческом обществе. Поэтому «революция» первоначально связывалась с восстановлением некоторого изначального состояния, которое, как считалось, было искажено и испорчено.

Современный смысл понятия «революция» был сформулирован на основе опыта европейских революционных преобразований, начавшихся после Французской революции и ориентировавшихся на нее. Именно Французская революция стала образцом человеческих действий, которые следуют принципам разума и делают общество более совершенным, т.е. более рациональным в противоположность иррациональности неизменной традиции в качестве основы премодерна. С этого времени «революция» стала означать не просто радикальное изменение, а радикальное изменение, ориентированное исключительно на новизну (см. подробнее: [6], [7]).

В плане теории это означает, что разрыв с традицией в качестве предварительного условия модернизации выступает как изъятие из контекста. Это изъятие должно избавить объект от «родовых пятен» тради-

ции, равнозначных иррациональности, и ввести его в некий новый контекст, в котором он уже может рассматриваться в качестве совершенно рационального. Такой образ действий был задан в качестве нормы в учении Р. Декарта о методе. Исходя из требования подвергать все сомнению, Декарт в итоге выдвигает постулат, согласно которому никакой опыт не мог бы считаться истинным, если он не был сначала изъят из своего прежнего (прошлого, исторического) контекста, а затем введен в некий новый контекст.

В качестве этого контекста выступает определенная рациональная структура, считающаяся таковой потому, что является продуктом свободного мышления индивида. Тем самым, именно автономный индивид как носитель *cogito* отныне задает нормы рациональности (см. подробнее: [11, p. 16-38]). При этом постулаты, согласно которым для рациональности познания необходимо изъятие из исторического контекста и введение в новый контекст, не только легли в основу новоевропейского понимания рациональности (см. о роли постулатов Декарта в формировании научного метода: [12], [13]). В них также в точности воспроизводится образ действий в процессе модернизации так называемых традиционных обществ.

Сначала предполагается целенаправленное разрушение традиции (см. об обязательности полного разрушения традиции в процессе модернизации традиционных обществ: [2]). Затем социальные скрепы восстанавливаются в новом качестве на основе структур, источником которых считается мышление автономного индивида, возникшего именно в результате разрушения традиции [5]. Иными словами, в логике модерна революция рассматривается в качестве центра власти, разрушающей традицию и затем учреждающей новое общество в соответствии с принципом рациональности, в качестве воплощения которой первоначально выступала либеральная демократия.

Поэтому революция, воплощая принцип рациональности в революционном действии, способна перестроить традиционное общество на основе этого принципа и одновременно легитимировать результат перестройки. Разрушая традицию, революция изымает общество из исторического контекста в качестве преодолеваемого прошлого. Точно такой же образ действий предполагается и тогда, когда речь идет о научной революции, но в обоих случаях лишь в границах модерна. Социальный и культурный релятивизм постмодерна ставит концепцию рациональности, а вместе с ней и зависящее от нее понятие революции под вопрос. Если исчезает рациональный агент революционного действия, то вместе с ним утрачивается и рациональность учреждающей функции революции, которая соотносилась с ней в рамках модерна. В результате, хотя отдельные виды революции и допускаются теоретически [8], революционное действие может пониматься, по сути, лишь как освобождение, легитимность которого, однако, далеко не очевидна.

В соответствии с этой логикой, реальной постмодернистской альтернативой революции может быть лишь некое переосмысление либеральной демократии. Наиболее разработанной в теоретическом плане является концепция «радикальной демократии», которая отказывается от дискурса универсального, предполагает «полифонию голосов» и должна быть более восприимчивой к Другому [9]. Как параллель этим изменениям, применительно к концепции «научной революции» должна иметь место множественность контекстов, ни один из которых не может стать привилегированным, а понимание нового знания как результата изъятия из контекста перестанет быть актуальным [4, p. 311-313]. Точно так же, должна утратить свое прежнее значение и «научная революция», равно как и революционная модель развития научного познания в целом.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова // Кун Т. Структура научных революций / Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2001. – С. 9-268.
2. Berman M. All That Is Solid Melts Into Air: The Experience of Modernity. – New York: Penguin Books, 1988. – 383 p.
3. Cohen H.F. How Modern Science Came into the World: Four Civilizations, One XVIIIth – Century Breakthrough. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. – XL, 784 p.
4. Fuller S., Collier J.H. Philosophy, Rhetoric, and the End of Knowledge: A New Beginning for Science and Technology Studies. 2nd ed. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 2004. – XXVIII, 367 p.
5. Gillespie M.A. The Theological Origins of Modernity. – Chicago, IL and London: The University of Chicago Press, 2008. – XIV, 386 p.
6. Kumar K. (ed.). Revolution: The Theory and Practice of a European Idea. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. – XIV, 330 p.
7. Kumar K. Revolutionary Ideas and Ideals. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2001. – XII, 377 p.
8. Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. – London and New York: Verso, 1990. – XVI, 263 p.
9. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. – London and New York: Verso, 1992. – 197 p.
10. Lindberg D.C. Conceptions of the Scientific Revolution from Bacon to Butterfield: A Preliminary Sketch // Lindberg, D.C., Westman, R.S. (eds). Reappraisals of the Scientific Revolution. – Cambridge, UK et al.: Cambridge University Press, 1990. – P. 1-26.
11. Schouls P.A. Descartes and the Enlightenment. – Kingston, Ont.; Montreal: McGill-Queen's University

- Press, 1968. – X, 194 p.
12. Schouls, P.A. Descartes and the Possibility of Science. – Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2000. – X, 163 p.
 13. Schouls P.A. The Imposition of Method: A Study of Descartes and Locke. – Oxford: Clarendon Press, 1980. – X, 271 p.
 14. Shapin S. The Scientific Revolution. – Chicago, IL; London: The University of Chicago Press, 1998. – XIV, 218 p.
 15. Westfall R.S. The Scientific Revolution Reasserted // Osler M.J. (ed.). Rethinking the Scientific Revolution. – Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2000. – P. 41-55.

УДК 16

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» МАКСИМАЛИЗМ П. ФЕЙЕРАБЕНДА КАК ФОРМА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Ольга Валентиновна Колесова

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье раскрывается методологический подход П. Фейерабенда как форма научного дискурса, имеющая революционный характер. Даётся понимание «революционности» и дискурсивности. Производится анализ философской, нормативной и ценностной составляющих методологического подхода П. Фейерабенда. Философская составляющая подхода раскрывается как охватывающая не только научные, но и культурные горизонты. Даётся понимание «эпистемологического анархизма» через раскрытие вводимых Фейерабендом «контрправил». Показана нормативная составляющая подхода как критическое отношение к универсальному методу и возможностям существующей в науке методологии. Акцентируется сложность и разнообразность науки как исторического процесса. Возможность роста знания и развития культуры даётся в контексте обмена между наукой и «ненаучными» системами. Вскрывается фейерабендовское видение неприменимости критериев простоты, изящества, непротиворечивости в отношении к науке. Отображается ценностная составляющая подхода Фейерабенда в контексте бытийных оснований культуры. Дегуманизация жизни показана как способность анализировать, создавать системы, вводить абстрактные понятия. Ценностные предпочтения Фейерабенда рассматриваются как отход от центрированности: отказ от универсального метода в науке, универсальных понятий, функционирующих в культуре. Раскрывается фейерабендовское понимание либерализма как средства, способствующего росту знания.

Ключевые слова: революция, дискурс, эпистемологический анархизм, контрправило, принцип пролиферации, принцип несоизмеримости, дегуманизация, центрированность, либерализм.

«REVOLUTIONARY» MAXIMALISM OF P. FEYERABEND AS A SCIENTIFIC DISCOURSE FORM

Olga Valentinovna Kolesova

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In the article, the methodological approach of P. Feyerabend is investigated as a revolutionary character form of scientific discourse. We give an explanation of the notion of “revolutionary” and discursivity. The philosophical, normative and value components of Feyerabend’s approach are analysed in the article. The philosophical component is described as embracing not only scientific but also cultural horizons. We provide an explanation of “epistemological anarchism” through the explanation of “counter rules” introduced by P. Feyerabend. The approach normative component is shown as a critical attitude to the universal method and abilities of methodology which exists in science. The article accentuates the complexity and diversity of science as a historical process. The possibility of knowledge growth and culture development is given in the context of the exchange between science and non-science systems. The paper indicates Feyerabend’s understanding of inapplicability of criteria of emptiness, grace, consistency in relation to science. We demonstrate the value component of Feyerabend’s approach in the context of existence foundations of culture. The dehumanisation of life is shown as the ability to analyse and create systems, introduce abstract terms. The value preferences of Feyerabend are observed as a deviation from centeredness: the denial of universal method in science, universal terms functioning in culture. Feyerabend’s understanding of liberalism is demonstrated as means which foster the knowledge growth.

Keywords: revolution, discourse, epistemological anarchism, counter rule, proliferation principle, insufficiency principle, dehumanisation, centeredness, liberalism.

Рефлексия, сформированная в науке XX века, связана с переосмыслением многих устоявшихся позиций. Характерными её чертами в это время, на наш взгляд, становятся «революционность» и дискурсивность. Под «революционностью» мы понимаем радикальные изменения, произошедшие во взглядах, выражающих базовые ценности, понятия, методологию. Под дискурсивностью – смещение акцентов с абсолютного приоритета науки как возможности познания на другие объективированные духовные формы культуры, отход от доминирования определенной методологии в познавательной деятельности, ориентацию на незавершённость творческого поиска.

С этой точки зрения, представляется интересным проанализировать методологический подход к науке П. Фейерабенда, выделив в качестве исследуемых аспектов философскую, нормативную и ценностную составляющие его подхода.

Философская составляющая подхода П. Фейерабенда

Концептуальная позиция П. Фейерабенда вбирает в себя положения, связанные не только с философией науки как таковой, - она определяется горизонтами культуры в целом. Он обсуждает методологические вопросы науки в «широком социокультурном контексте» [2. с. 1079]. Его посылка состоит в том, что для науки в разные периоды времени ведущую роль играют как концептуальный, так и социальный факторы.

А.Л. Никифоров считает Фейерабенда основоположником рациональных основ современного иррационализма [6. С. 13]. Необходимо заметить, что движение, связанное с расширением понятия «научная рациональность», открывается именами Т. Куна и И. Лакатоса.

Следующий шаг в этой логике предпринял П. Фейерабенд. Если Лакатос предполагал конкуренцию исследовательских программ как внутринаучный процесс, то для Фейерабенда, с нашей точки зрения, «полем игры» становится вся культура как таковая. Не случайно Дж. Реале и Д. Антисери оценивают теоретический плюрализм Фейерабенда, его способ изобретения альтернатив, способствующих расширению теоретического содержания, как защиту метафизики [4. с. 693].

Фейерабенд исходит из того, что любая, даже наиболее очевидная методология имеет свои пределы [7. с. 51]. Провозглашая принцип «допустимо всё» – «эпистемологический анархизм», Фейерабенд [6. с. 48], на наш взгляд, пытается расширить возможности познания, призывая к контрпродуктивным действиям [6. с. 48].

Под контрпродуктивными действиями он подразумевает соблюдение «контрправил». Содержание первого «контрправила», или принципа пролиферации, заключается в призыве развивать гипотезы, которые несовместимы с уже признанными и подтверждёнными теориями, что даёт возможность сохранения «свободы артистического творчества», содержащей «необходимое свойство открытия». Второе «контрправило», или принцип несоизмеримости, сводится к рекомендации разработки гипотез, несовместимых с наблюдениями, фактами, результатами экспериментов [6. с. 50]. Соблюдение этих принципов и, таким образом, следование «эпистемологическому анархизму» позволяет авторам различных концепций одновременно непротиворечиво сосуществовать, так как нет никакой основы, никаких критериев для сравнения и отбора версий; всё допустимо.

Фейерабенд считает анархизм возможным для развития не только науки, но и культуры в целом [6. с. 181]. Он опровергает мысль о превосходстве науки по отношению к мифу и показывает их сходство, привлекая статью Р. Гортона «Африканское традиционное мышление и западная наука» [6. с. 297].

Нормативная составляющая концепции Фейерабенда

Важнейшей посылкой в рассуждениях Фейерабенда является его критическое отношение к универсальному методу и вообще к возможностям существующей в науке методологии. Он последовательно проводит мысль о том, что отход от признанных научным сообществом методов приводит к открытию.

Фейерабенд считает науку сложным и разнородным историческим процессом, где одновременно соседствуют предвосхищения будущих открытий, утончённые теоретические системы, наряду с изжившими себя формами мысли [6. с. 147]. Он утверждает, что без частого отказа от разума невозможен прогресс [6. с. 180]. Обмен между «ненаучными» (мифами, теологией, метафизическими системами) системами и наукой, способствующий росту знания и развитию культуры, возможен, по Фейерабенду, лишь благодаря анархизму.

Фейерабенд предлагает объяснять переход от одного типа рациональности к другому в связи с установлением мотивов, заставляющих людей действовать, по нашему мнению, обнаруживая не «цеховое», а культурное понимание познавательного процесса.

Образцом «новой, сильной философии» Фейерабенду видится философия Н. Бора. Её ценные стороны Фейерабенд иллюстрирует мнением Л. Розенфельда, считающего, что перспективы исследования Бор не связывает ни с простотой, ни с изяществом, ни даже с непротиворечивостью, полагая, что судить об этих характеристиках можно, когда работа завершена [6. с. 320, 321]. Фейерабенд применяет эту позицию к науке в целом, считая её незавершённой.

Ценностная составляющая концепции Фейерабенда

Ценностный подход в концепции Фейерабенда связан, прежде всего, с его видением научного познания в общем культурном контексте. Он опирается на бытийные основания культуры, полагая, что у существующего множества способов бытия можно обнаружить и преимущества и недостатки. Фейерабэнд осмысливает идею формирования человека, осуществления гармонического развития в контексте не только рационального, но и мировоззренческого, и религиозного понимания.

Философ соотносит понимание человечности и плюралистического подхода. Дегуманизация жизни связывается Фейерабэндом со способностью анализировать, создавать системы, вводить абстрактные понятия, лежащие в основании морали и прогресса. Утверждение эпистемологического анархизма у Фейерабенда, в какой-то мере, на наш взгляд, воспроизводит восприятие архаичного человека той поры архаики, в которой присутствовала так называемая «терпимость». На наш взгляд, эпистемологический анархизм Фейерабенда есть некая сознательная попытка возврата в «докритический» период.

Испытывая разочарование, вызванное ущербной «одномерностью» человека технического прогресса, Фейерабэнд пытается расширить возможности человека в познавательной сфере, привлекая более широкие онтологические основания для этой цели. В этом порыве он схож, на наш взгляд, с К. Юнгом, считавшим, что современному человеку необходимо «пережить дух заново», подразумевая под этим переживание, обусловленное иррациональными символами культуры, так как современные рациональные не вбирают всю полноту человеческой духовности [8. с. 65].

Итак, можно обозначить наиболее важные позиции, свидетельствующие о «революционности» методологического подхода П. Фейерабенда.

Это концептуальная позиция, выраженная как эпистемологический анархизм, реализующаяся через соблюдение «контрправил»: принципа пролиферации и принципа несоизмеримости.

Революционный характер прослеживается и в нормативных критериях методологического подхода Фейерабенда. Они сопряжены с пониманием познания не в качестве прерогативы научной деятельности, а в качестве характеристики способов бытия человека, и имеют онтологические основания.

Ценностные предпочтения Фейерабенда выражены как отход от центрированности: отказ от универсального метода в науке, универсальных понятий, функционирующих в культуре, что также является вызовом традиционности. Отказавшись от понятия «истины», он ориентирует познавательную деятельность на рост знания, средством достижения которого философу представляется либерализм. Все выделенные черты философствования Фейерабенда соответствуют обозначенному нами пониманию дискурсивности.

Характеризуя попытку Фейерабенда произвести пересмотр принципов, сформированных в теории познания, необходимо заметить, что он выходит далеко за пределы научной деятельности как таковой. Он, с нашей точки зрения, одним из первых осознаёт то, что впоследствии будет оценено как условные и «теоретичные» представления о рациональности, лежащие в основе идей Просвещения, и всей европейской естественнонаучной рациональности прошлого. [5. с. 13]. Он обозначает прерогативу проблемы роста научного знания [1. с. 159–165], предвосхищает основные направления философской мысли, касающиеся как проблем теории познания, так и переоценки места науки и её метода в культуре в целом [3. с. 35–46]. Его либеральные умонастроения стали определяющими для постмодернизма. «Революционный» максимализм Фейерабенда был, на наш взгляд, необходимо обусловлен конкретной исторической ситуацией и, возможно, являлся единственно приемлемой формой дискурса. Можно предположить, что он был «лозунгом эпохи» (понятие Ю. М. Лотмана, введённое для описания разрыва петровской культуры с предшествующей традицией). В этой связи уместно вспомнить мысль Лотмана о том, что всякий лозунг эпохи имеет лишь частичную правду [9].

Литература

1. Баранец Н.Г., Дорожкин А.М. О классификации наук и моделях роста научного знания // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). – 2013. – № 2 (4). – С. 159–165.
2. Грицанов А.А. Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1280 с.
3. Дорожкин А.М., Доронин Д.Ю. Гносеологическая неопределенность в научной и мифологической рациональности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1(3). – С. 35–46.
4. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. От романтизма до наших дней. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – Т. 4. – 880 с.
5. Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. – М: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
6. Фейерабэнд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: Издательство АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с.
7. Фейнман Р. Какое тебе дело до того, что думают другие? / пер. с англ. Н.А. Зубченко. – Москва-Ижевск: РХД, 2001. – 208 с.
8. Юнг К.Г. Противоречия Фрейда и Юнга // Проблемы души нашего времени / пер. с нем. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 336 с.

9. Лотман Ю.М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/lotman/ (дата обращения 25.07. 2016)

УДК 165.12

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Наира Владимировна Даниелян

Доктор философских наук, доцент

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

В докладе рассматривается социальный эффект технологий на становление современной научной парадигмы, что ведет к появлению новых перспектив для развития и трансформации интересубъективной коммуникации. Автором обосновывается положение, что научное знание с такой позиции начинает трактоваться как построение вероятных гипотез, проходящих точки бифуркации, в которых происходит выбор траектории дальнейшей эволюции знания. При таком подходе предметом исследования становятся сложные, динамические системы, которые включают в себя технический, управленческий, социальный и другие уровни исследования, что представляет собой сложный научно-технический комплекс, требующий дискурса когнитивных практик для его успешной реализации. По мнению автора, исследование интересубъективности ориентировано на дальнейшую разработку всего комплекса проблем неклассической эпистемологии, связанных с выходом за рамки противопоставления субъективного – объективному. В качестве примера рассматривается влияние конструктивного реализма на построение концепции интересубъективности. В докладе делается вывод, что решение вопросов, которые ставит перед собой данное направление, приведет к расширению теоретико-познавательной базы, выходящей за рамки классической эпистемологии, при увеличении сближения естественных и гуманитарных наук для получения более совершенного знания в рамках современной науки.

Ключевые слова: технологии, интересубъективность, коммуникация, современная наука, научно-технический комплекс, научный дискурс, конструктивный реализм, когнитивные практики.

INTERSUBJECTIVE COMMUNICATION IN MODERN SCIENCE PARADIGM

Naira Vladimirovna Danielyan

DSc of Philosophy, Associate Professor

National Research University of Electronic Technology

The report considers the social effect of modern technologies on the current scientific paradigm. It results in the emergence of new perspectives for the development and transformation of intersubjective communication. The author substantiates the idea that scientific knowledge has a tendency to be understood as the creation of probability hypotheses crossing the points of bifurcation where they choose a trajectory of further knowledge evolution. Under this approach complex dynamical systems including technical, managerial, social and other research levels become a study. It turns out to be a scientific and technical complex that requires discourse of cognitive practices for its successful realization. According to the author, the research of intersubjectivity is aimed at further development of the whole complex of non-classical epistemology problems. This tendency is connected with going behind the boundaries of opposing subjective to objective. As an example, the report studies the influence of constructive realism on the theoretical construct of intersubjectivity. The author concludes that the decision of the issues, suggested by this philosophical approach, leads to broadening the theoretical cognitive basis passing classical epistemology. It occurs with the convergence of natural and humanitarian sciences to get more advanced knowledge within the scope of modern science.

Keywords: technologies, intersubjectivity, communication, modern science, scientific and technical complex, scientific discourse, constructive realism, cognitive practices.

Облик современной науки во многом определяется технологиями, лежащими в ее основе, при этом одной из наиболее актуальных, влиятельных и быстро распространяющихся является Интернет. С конструктивистской точки зрения социальный характер такой технологии, как Интернет, не является универсальным и однородным, он определяется логикой лежащей в его основе технологии и зависит от социальных отношений и условий, которые возникают с целью поддержки определенных технологических разработок, и предполагает отрицание других возможностей. Его нельзя считать полностью искусственным и неестественным, так как он помогает игнорировать или отвергать многие естественные препятствия, которые ина-

че ограничивали бы процесс коммуникации между людьми. Это во многом определяет социальный характер современной науки.

Очевидно, что технологии не могут развиваться и использоваться в вакууме, поэтому значительная доля социального эффекта отдельно взятой технологии приходится на способ ее применения отдельными людьми или группами в конкретных социальных ситуациях, что предполагает принятие во внимание целого ряда политических, экономических и социальных аспектов, в которых применяется данная технология. Следовательно, как отмечает А.П. Огурцов, «возникает новая форма пересечения областей исследования, новые формы единой стратегии научно-технического комплекса, где фундаментальное знание вырастает из прикладного, а прикладное знание дает мощный импульс и техническим разработкам, и новым способам теоретической мысли» [3, с. 472]. Это приводит к появлению новых перспектив для развития и трансформации интересубъективной коммуникации.

Научное знание с такой позиции начинает трактоваться как построение вероятных гипотез, проходящих точки бифуркации, в которых происходит выбор траектории дальнейшей эволюции знания. В таком обществе предметом исследования становятся сложные, динамические системы, которые включают в себя такие уровни, как, например, технический, управленческий, социальный, и другие. Любое познание превращается в социальный акт, так как в процессе коммуникации между представителями различных областей знания появляются нормы и стандарты, не связанные с отдельно взятым автором, а признанные всем сообществом, вовлеченным в данный процесс. Это приводит к тому, что подобные стандарты затем становятся характеристикой общественного стиля мышления, что влечет за собой трансформацию языка коммуникации, который начинает носить универсальный характер, в результате происходит «поворот к лингвистике, к лингвистическим методам» [3, с. 484]. Они позволяют постичь науку во всем многообразии ее функций: проводить анализ языка различных областей знания, раскрывать «научный дискурс как сеть коммуникаций с их взаимоинтенциональностью и взаиморефлексией» [2, с. 496], рассматривать естественнонаучное знание в контексте коммуникативных отношений. Полагаю, что данный тезис справедлив также для социальных и гуманитарных наук.

Как нельзя лучше в концепцию интересубъективности вписывается конструктивный реализм, предложенный Ф. Вальнером. Его теория представляет научно-познавательную программу, на которой заканчивается конструктивистское понимание науки, и которая пытается возобновить поиск осознанных жизненных связей посредством междисциплинарного взаимодействия. Несмотря на то, что название «конструктивный реализм» предполагает, что речь должна идти о реалистичном варианте, позиция Ф. Вальнера в познавательно-теоретическом отношении с позиции интересубъективности полностью конструктивистская. Он проводит различие «между действительностью, как миром за границей наших познавательных операций, миром, в котором мы живем, ... и реальностью как тем миром, который может быть получен только через познание» [5, с. 20]. Преимуществом данного подхода является тот факт, что он снимает противостояние конструктивизма и реализма, поскольку в нем субъект играет активную роль в восприятии, в известном смысле, строит, конструирует его. При этом «сконструированность» не обязательно означает нереальность конструкта. Все социальные институты, построенные человеком, вполне реальны, хотя и являются в некотором смысле идеальными конструкциями. Если рассмотреть субъективный мир человека, то можно прийти к выводу, что он также в значительной степени является идеальным конструктом, подверженным как теоретическим, так и экспериментальным исследованиям, то есть можно говорить о существовании как физического, так и субъективного мира. «... человек не существует вне мира, а вписан в него и должен считаться со сложностью, а в ряде случаев и непредсказуемостью тех процессов, в которые он пытается вмешиваться. Таким образом, конструктивный реализм – это и есть современная философская установка, соответствующая той ситуации, которая создана развитием науки, техники и коммуникационных социальных процессов» [1, с. 39].

Можно заключить, что исследование интересубъективности ориентировано на дальнейшую разработку всего комплекса проблем неклассической эпистемологии, связанных с выходом за рамки противопоставления субъективного – объективному в классической рациональности. Очевидно, что решение вопросов, которые ставит перед собой данное направление, приведет к расширению теоретико-познавательной базы, выходящей за рамки классической эпистемологии, так как особое значение начинают играть такие категории, как смысл, контекст, жизненный мир и т.п. при увеличении сближения естественных и гуманитарных наук для получения более совершенного знания. Оно с необходимостью ставит вопрос о пределах конструктивной деятельности человека, ее включенности и соответствии реальному миру. По мере развития технологии человек становится все более технологизированным существом, однако не перестает быть разумным. Он сам, его тело и сознание превращаются в неотъемлемую часть сложных социокультурных и социотехнических систем, непосредственно включенных в постоянный обмен смыслами с коммуникативными партнерами реально или виртуально, что ведет к получению релевантной интерпретации информации вследствие «синхронизации потоков сознания» [4, с. 12] участников коммуникации. Таким образом, в результате построения междисциплинарной модели интересубъективности может произойти синтез общеполитических, эпистемологических, социологических, психологических и других когнитивных практик, что служит размерностью познавательной деятельности человека в контексте современной науки.

1. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 4-40.
2. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть первая: Философия науки: Исследовательские программы. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. – 503с.
3. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 частях. Часть вторая: Философия науки: Наука в социокультурной системе. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. – 495с.
4. Смирнова Н.М. Интерсубъективность как концепт науки и философии // Интерсубъективность в науке и философии / Под ред. Н.М. Смирновой. –М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 416 с.
5. Wallner, F. Der Konstruktive Realismus: Theorie eines neuen Paradigmas? // Grenzziehungen zum Konstruktiven Realismus / Hrsg. G. Wallner, J. Schimmer und M. Gostazza. – Wien: WUV Universitätsverlag, 1993. – S.12-21.

УДК 167.7

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ (ВОЗВРАЩАЯСЬ К СПОРУ МЕЖДУ КРОУ И ДАУБЕНОМ)

Андрей Вячеславович Родин

*Кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник
Институт Философии Российской академии наук
Санкт-Петербургский государственный университет*

В докладе представлен обзор продолжающейся дискуссии о возможности научных революций в математике. В этом контексте предложена оригинальная модель исторического развития математики, которая позволяет совместить прогрессивный накопительный рост математического знания с возможностью радикальных понятийных инноваций и пересмотров оснований. Применение этой модели к истории математики продемонстрировано на примере различных формулировок теоремы Пифагора.

Ключевые слова: научная революция, перманентная революция, математика, теорема Пифагора.

THE CONCEPT OF PERMANENT SCIENTIFIC REVOLUTION AND THE FOUNDATIONS OF MATHEMATICS (THE CROWE-DAUBEN DEBATE REVISITED)

Andrei Vyacheslavovich Rodin

*PhD in Philosophy, Assistant Professor Senior Researcher
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences
St. Petersburg State University*

In my paper, I review the continuing discussion on the possibility of scientific revolutions in mathematics. In this context, I propose an original model of historical development of mathematics, which allows for combining a progressive cumulative growth of mathematical knowledge with radical conceptual innovations and revisions of foundations. Application of this model to the history of mathematics is demonstrated on the example of the Pythagorean theorem in its different formulations.

Keywords: scientific revolutions, permanent revolution, mathematics, Pythagorean theorem.

В 70-х годах прошлого века в философии науки возникла дискуссия на тему о том, применима ли предложенная Томасом Куном теория научных революций к математике [1]. История математики не позволяет ответить на вопрос однозначно. *С одной стороны*, в математике на протяжении ее истории так же, как и в естественных науках, неоднократно делались новые открытия и изобретения, которые имели глобальные последствия для последующего развития математики и кардинальным образом меняли ее облик. Во многих случаях эти революционные изменения шли параллельно с научными революциями в физике и были в некотором смысле их частью. Джозеф Даубен (Joseph D. Dauben) опираясь на более ранние оценки Фонтенелля, находит все необходимые признаки научной революции в изобретении исчисления бесконечно малых, которое сыграло фундаментальную роль в развитии физики Нового времени [1, p. 49-82]. Таким образом, Даубен отвечает на вопрос о возможности революций в математике положительно. В качестве других очевидных примеров математических новаций, которые могут претендовать на революционный статус, можно ука-

зять (не уходя далеко в историю) на открытие Николаем Ивановичем Лобачевским неевклидовых геометрий и создание теории множеств Георгом Кантором.

С другой стороны, в отличие от истории естественных наук, в истории математики неизвестны случаи дисквалификации значительных объемов ранее полученного и признанного научным сообществом математического знания, при том что исправление отдельных ошибок, а также изменения исследовательских приоритетов происходят в математике постоянно, как и в других науках. Несмотря на радикальные понятийные новации, которые многократно происходили в математике в прошлом и, скорее всего, будут происходить в будущем, всю известную историю математики можно убедительно описать в терминах получения и прогрессивного накопления новых знаний. Несмотря на свой солидный исторический возраст, теорема Пифагора остается элементом современного математического знания. «Начала» Евклида и сегодня читаются как содержательный научный текст, хотя и использующий устаревшие математические понятия и содержащий логические погрешности. «Начала» Евклида полезно сравнить в этом отношении с «Физикой» Аристотеля, содержание которой в основном не релевантно современной физической науке. С точки зрения теории Куна (времени написания «Структуры научных революций»), это означает, что вся известная нам историческая и современная математика принадлежит к одной и той же научной парадигме, которая никогда не менялась. На этих основаниях Майкл Кроу (Michael J. Crow) утверждает, что «революции в математике никогда не происходят» [1, p. 15-20].

Значение спора между Кроу и Даубеном имеет значение не только для истории и философии математики, но и для философии науки в целом, поскольку этот спор позволил более глубоко проанализировать куновское понятие о научной революции и поставить это понятие под вопрос. Возвращаясь к этому спору, я хотел бы предложить возможное решение проблемы с помощью понятия о «перманентной революции» в науке, которое позволяет совместить представление о непрерывном прогрессивном развитии науки, с одной стороны, с возможностью радикальных понятийных новаций в науке, с другой стороны. Предлагаемое в этом докладе понятие о перманентной научной революции, очевидно, требует критического пересмотра теории Куна, однако я оставляю такую критику для другого случая и ограничиваюсь здесь только кратким описанием моего подхода. Я также ограничусь в данном докладе анализом истории математики, оставляя открытым вопрос о том, в какой мере данный подход применим для анализа исторического развития науки в целом.

Для того чтобы объяснить суть предлагаемого подхода, я оттолкнусь от примера теоремы Пифагора. Если сравнить, как эта теорема сформулирована и доказана в «Началах» Евклида, и как она изложена в любом современном учебнике элементарной геометрии, можно заметить интересные различия. Современный учебник предлагает следующую формулировку: «в прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы». Речь тут идет о длинах сторон, то есть о вещественных числах, а «квадрат» означает «возведение в квадрат», то есть арифметическую операцию умножения числа на себя. В формулировке Евклида речь идет о квадратах как геометрических фигурах, которые строятся на катетах и на гипотенузе данного треугольника; операция сложения квадратов в явном виде у Евклида не определена, но ее несложно реконструировать: автор имеет в виду, что квадраты, построенные на катетах, вместе *равноставлены* квадрату, построенному на гипотенузе, то есть могут быть сложены из одних и тех же многоугольников. Эти различия в формулировке теоремы Пифагора приводят к более глубоким различиям в способах ее доказательства, которые я оставляю сейчас в стороне.

Отождествление представленного разными способами содержания существенно используется в накопительной модели роста математического знания: как мы только что показали, оно необходимо для утверждения о том, что геометрическая теорема, которая была известна нашим предкам уже более 2000 лет назад, также содержится в наших современных школьных учебниках. Математики в таких случаях говорят, что одно и то же математическое содержание выражено на «разных языках», имея при этом в виду не естественные языки, а языки базовых математических понятий. Такого рода различия можно посчитать несущественными, поскольку перевод старой математики на современный математический язык, как правило, является простым и очевидным. Впрочем, такая оценка напрямую зависит от критерия, согласно которому перевод между старым и новым математическим языком считается адекватным. Усиливая или ослабляя такой критерий, можно получить любую наперед заданную оценку.

Однако если посмотреть на различия между различными «математическими языками» с более широкой исторической и теоретической точек зрения, то станет очевидно, что простота в данном случае только кажущаяся. Если говорить более строго, то речь должна идти о различных (понятийных, логических и аксиоматических) *основаниях* математики, с помощью которых формулируется то или иное математическое содержание. Современная элементарная формулировка теоремы Пифагора использует аналитический подход, впервые предложенный в явном виде в математике Декартом; этот подход был для своего времени революционной новацией, которая самым фундаментальным образом повлияла на все последующее развитие математики и, в частности, позволила уже в 19-м веке окончательно закрыть (с помощью алгебраического доказательства *невозможности* их решения в исходной формулировке) все так называемые «великие геометрические проблемы древности»: квадратуру круга, трисекцию угла и удвоение куба с помощью только циркуля и линейки. С этой более широкой точки зрения различие между геометрическим языком Евклида и языком аналитической геометрии Декарта нужно считать фундаментальным, а исторический переход от одного к другому - в полном смысле слова революционным.

Итак, пример теоремы Пифагора в различных формулировках демонстрирует нам следующий любопытный феномен: такая революционная новация в математике как изобретение символической алгебры и аналитической геометрии не только обеспечивает прорыв в науке, решая важные старые проблемы и открывая новые перспективы исследований на несколько веков вперед, но и сохраняет в новой форме старое знание (теорему Пифагора в нашем примере), обеспечивая таким образом прогрессивный накопительный рост математического знания. Радикальность понятийной новации в данном случае оказывается полностью совместимой с непрерывным прогрессом и накопительным ростом знания. Открывая или создавая новое в математике, мы не забываем (а только переформулируем) старое.

В случае «теоретико-множественной революции» и других радикальных новаций в области оснований математики, которые могут претендовать на статус научной революции, дело обстоит подобным образом. Термин «революция» мне представляется особенно подходящим для описания данного феномена, поскольку он в данном случае выражает не только радикальный характер новации, но и момент *воспроизведения* старого знания в новой форме. Поскольку революции, о которых сейчас идет речь, вообще говоря, не связаны с дисквалификацией и потерей старого знания; такие революции не обязательно связаны с какими-то разрывами в процессе исторического развития науки. Хотя в реальной истории радикальные изменения оснований математики часто можно ассоциировать с определенными историческими периодами (вроде периода «кризиса оснований» в начале 20-го века), менее значительные изменения подобного характера могут происходить и действительно происходят в истории математики постоянно. Это, в частности, касается практики постоянной модернизации школьных и университетских математических учебников, при которой старое содержание пересказывается на новый лад. В этой связи описанное выше понятие о научной революции в математике я предлагаю называть *перманентной* революцией.

Модель развития науки, основанная на понятии перманентной революции, кажется мне привлекательной тем, что такая модель совмещает возможность непрерывного прогрессивного роста научного знания с возможностью радикального пересмотра оснований данной научной дисциплины. Если эта модель выдержит более систематическую эмпирическую проверку на материале истории математики, а также окажется применимой для моделирования развития других научных дисциплин, она может найти в будущем интересные применения в системах компьютерного представления знаний.

Литература

1. Gillies D. (ed.). *Revolutions in Mathematics*. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 353 p.

УДК 165.0

ЗАБЫТЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ: ПРАГМАТИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Татьяна Дмитриевна Соколова

*Кандидат философских наук, младший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук*

В докладе анализируются два примера «забытых» революций в философии науки, которые не вошли в стандартный канон дисциплины, оставаясь в маргинальном положении. Первый пример – концепции прагматического и функционального а priori, предложенные Кларенсом Ирвингом Льюисом и Артуром Папом. Революционность использования прагматических методов для решения классических проблем теории познания в данном случае осталась практически не замеченной. Второй пример – французская историческая эпистемология (в частности, версия Гастона Башляра), подчеркивающая историчность научного развития, но не получившая столь широкого распространения, как аналогичная теория Томаса Куна. Основная цель доклада – выявить причины «непопулярности» и маргинального положения данных концепций в философии науки по сравнению с более успешными философскими концепциями научного знания, продолжающими сохранять свое влияние сегодня.

Ключевые слова: философия науки, история философии науки, К.И. Льюис, А. Пап, Г. Башляр, Т. Кун.

FORGOTTEN REVOLUTIONS IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE: PRAGMATISM AND HISTORICAL EPISTEMOLOGY

Tatiana Dmitrievna Sokolova

*PhD of Philosophy, Junior Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

In this paper, I analyze two examples of “forgotten” revolutions in the philosophy of science that have not become a part of the standard canon of the discipline, remaining marginalized. The first example is the concept of pragmatic and functional *a priori*, proposed by Clarence Irving Lewis and Arthur Pap. The revolutionary nature of the use of pragmatic methods for solving classic problems for the theory of knowledge in this case has remained virtually unnoticed. The second example is the French historical epistemology (in particular, the version proposed by Gaston Bachelard). Though it emphasized the historicity of scientific development, the theory was not as widespread as Thomas Kuhn's analogous theory. The main goal of the paper is to reveal the reasons for the “unpopularity” and marginal position of these theories in the philosophy of science in comparison with the more successful philosophical theories of scientific knowledge, which continue to maintain their influence today.

Keywords: philosophy of science, history of the philosophy of science, C.I. Lewis, A. Pap, G. Bachelard, T. Kuhn..

Постановка проблемы. Как и в любой другой научной дисциплине, в философии науки по мере ее развития формируется канон наиболее влиятельных концепций и фигур, транслируемый в рамках учебных курсов и программ, сборников и пособий, направленных на введение в дисциплину и ознакомление с ее основными положениями и аспектами. Попадающие в этот канон философские концепции сохраняют свое влияние за счет того, что умение в них ориентироваться является условием *sine qua non* для любого специалиста в данной области. Для философии науки такими концепциями являются, среди прочих, логический позитивизм философов Венского кружка и концепция научных парадигм и «нормальной науки» Томаса Куна. Данные концепции отвечали вызовам, которые наука ставила философии: (1) пересмотр и корректировка догматических концепций неокантианского толка с точки зрения естественнонаучной картины мира и (2) согласование философских концепций науки с научной практикой в исторической перспективе. В то же время, концепции, точно так же отвечающие данным вызовам, и точно так же предложившие «революционный» ответ на встающие перед философами вопросы, остались в маргинальной позиции, несмотря на все их теоретические преимущества. К таким концепциям можно отнести:

Пример 1. Прагматизм. Классическая проблема философии науки XX века – преодоление догматизма и согласование истории развития науки с ее философским осмыслением. Логический позитивизм, расправившись, по мнению его представителей, с метафизикой, решил первую проблему довольно радикально. Вторая проблема решалась за счет введения принципа верификации как универсального критерия для отделения научного знания от ненаучного. Однако исследователи, не недооценивающие значение философского осмысления научного развития, предложили иные ответы на данные вызовы. Так К.И. Льюис [4,5] предложил концепцию прагматического *a priori*, которая, с одной стороны, сохраняла рациональный (т.е. нормативный) элемент научного исследования, а с другой – объясняла возможность изменения научных теорий. Данная идея была развита А. Папом в виде концепции функционального *a priori*: на определенном этапе научного развития не только понятия, но и научные теории начинают *функционировать* как *a priori*, причем даже не так важно, понимаем мы их в качестве конвенций, или занимаем позицию реализма.

Тем не менее, данные подходы (в отличие, например, от проекта натурализованной эпистемологии Куайна) практически не были замечены ни современниками Льюиса и Папа, ни будущими поколениями философов науки (за редким исключением [7-10]).

Пример 2. Историческая эпистемология. Историческая эпистемология как особая дисциплина закрепляется во Франции в конце 1920-х – начале 1930-х годов, когда Гастон Башляр, опираясь на работы Леона Брюнсвика, предлагает схему развития науки, реформируя классический (нововременное и кантианское) рационализм в философии. Вводя понятия эпистемологического препятствия [2], а также философского отрицания и эпистемологического профиля понятия [1], Г. Башляр предлагает рабочую методологию для проведения философских и исторических исследований науки посредством глубокого философского анализа конкретных научных терминов, который выявляет трансформации в их определении, а также их роль в формировании, изменении и опровержении научных теорий.

И в то же время, при словосочетании «исторический поворот» в философии науки скорее вспомнится Томас Кун, нежели специфическое французское течение [3], несмотря на то, что именно ему принадлежит пальма первенства в признании принципиальной историчности научного познания.

Доминирующая позиция. Концепция Томаса Куна, предложенная им в «Структуре научных революций», а также других работах, аналогичным образом отвечает на проблему философского догматизма и «навязывания» науке чуждых ей норм, склоняясь к дескриптивному подходу, равно как и указывает на исторический характер развития научного знания: история науки здесь становится основным предметом для рефлексии философа. Она, по сути, отвечает на те же вопросы, которые ставили перед собой в той или иной форме К.И. Льюис, А. Пап и Г. Башляр, основным из которых был вопрос об обосновании возможности изменения и противостояния научных теорий. То есть, философия здесь занимает «догоняющую» позицию по отношению к постоянно развивающейся науке: невозможность философски осмыслить происходящие в естественнонаучном знании изменения, приводит к пересмотру фундаментальных оснований философских концепций: разделения на априорное и апостериорное, понятие рационального мышления, роль в данном

процессе опыта и т.д. И в то же время, несмотря на значительную критику куновской концепции со стороны философов и историков науки за недоопределенность понятий, вольные трактовки, именно она, а не более проработанные теории, на основании которых можно проводить философские исследования различных научных дисциплин, оказывается включенной в канон философии науки. Почему?

Выводы. В качестве причин, по которым та или иная теория не попадает в классический канон дисциплины, мало представлена в рамках учебных курсов, а разрабатывающие ее исследователи вынуждены «оправдывать» ее право на существование и постоянно доказывать легитимность такого подхода, часто указываются факторы, не имеющие непосредственного отношения к содержанию и структуре данных теорий. В частности, маргинальное положение той или иной концепции часто связывают с тем, что доминирование англоязычной философии приводит к вытеснению концепций и философов, которые писали на других языках, либо работы которых не были своевременно переведены на английский язык. Отчасти данное обстоятельство объясняет пример [2], однако оно неверно для примера [1], где оба автора публиковались по-английски, а также занимали высокие академические позиции. Кроме того, частично концепции [1] и [2] вошли в качестве элементов в более успешные теории.

Мы полагаем, что концепция Т. Куна, равно как и другие теории, составляющие канон философии науки, стали успешными именно благодаря своим самым «слабым» элементам, а именно непроработанным понятиям (парадигма, нормальная наука, научная революция и т.д.), так как: (1) несмотря на их недоопределенность с философской точки зрения, такого рода понятия формируют довольно строгую по структуре философскую концепцию, которая, в свою очередь, выглядит подходящим (и при этом простым в применении) инструментом для дальнейших философских исследований науки; (2) уточнение и пересмотр данных понятий, попытка их согласования с конкретными примерами из истории науки, их разработка в рамках философских исследований, в свою очередь, ведет к росту дискуссий в самой философии науки; (3) на первый взгляд довольно простые и легко запоминающиеся термины предлагают альтернативу классическому философскому жаргону, унаследованному нами с античности и несущему весь груз историко-философских коннотаций.

И здесь можно сделать вывод о том, что предложить хорошую и успешную концепцию философии науки – значит, предложить плохую и недоработанную философскую концепцию развития науки.

Литература

1. Башляр Г. Философское отрицание // Башляр Г. Новый рационализм. – М., 1987.
2. Bachelard G. La Formation de l'esprit scientifique. – Paris, 2004.
3. Braunstein J.-F. Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le “style français” en épistémologie // Les philosophes et la science. Paris: Gallimard, 2002. – P. 920-963.
4. Lewis C.I. A Pragmatic Conception of the A Priori // The Journal of Philosophy. – 1923. – Vol. 20. – № 7.
5. Lewis C.I. An Analysis of Knowledge and Valuation. – Chicago, 1946.
6. Pap A. The A Priori in Physical Theory. – N.-Y. 1946.
7. Pap A. The Different Kinds of A priori // The Philosophical Review. – 1944. – Vol. 52. – № 5. – P. 465-484.
8. Rosental S.B. The Pragmatic A Priori. A Study in the Epistemology of C.I. Lewis. – St. Louis, 1976.
9. Stump D.J. Arthur Pap's Functional Theory of the A Priori // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. – 2011. – Vol. 1. – P. 273-290.
10. Stump D.J. Conceptual Change and the Philosophy of Science: Alternative Interpretations of the A Priori. – Routledge: NY, Abingdon. 2015.

УДК 001.2

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ НАЧАЛА НАУЧНОЙ СТАТЬИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЙ*

Елена Геннадьевна Шкорубская

аспирант

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В данной статье рассматривается трансформация научной коммуникации, произошедшая на этапе институционализации науки в Европе Нового времени. Особое внимание уделяется возникновению научного журнала как публичного пространства для обмена знаниями и сообщения результатов исследования. В качестве предтечи научной статьи рассматривается научная переписка, которую от остальных научных текстов Нового времени отличала, прежде всего, скорость и возможность быстрого отклика. Указывается общая цель научной переписки и научной статьи – быстрое сообщение о результатах исследований. Отмечается сходство по форме, особенно для первых публикуемых статей. Ключевым аспектом трансформации ком-

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ-ОГОН (проект № 16-03-00120 по теме: «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации»).

муникации при переходе от письма к статье указывается публикация текста и обретение научной коммуникацией принципиально публичного характера. Сохраняется интенция к диалогу, но адресат сообщения становится сперва коллективным, затем, с развитием науки и вовлечением в научную деятельность всё большего количества исследователей – массовым. Также научная коммуникация становится опосредованной, научный журнал начинает выступать в роли регламентирующего звена. Отмечаются перспективы новой трансформации научной коммуникации, возникающие в связи с переходом коммуникации на различные интернет-площадки.

Ключевые слова: научная статья, научный журнал, трансформация коммуникации, научная переписка, публикация.

EPISTOLARY ORIGINS OF A SCIENTIFIC ARTICLE: TRANSFORMATION OF COMMUNICATION

Elena Gennadievna Shkorubskaya

Postgraduate student

V.I. Vernadsky Crimean Federal Universit

The transformation of scientific communication that occurred with the institutionalization of science in modern Europe is examined. It is specially noted the emergence of a scientific journal as a public space for scientific communication. Scientific correspondence is considered as a forerunner of the scientific article. It is shown that scientific correspondence was distinguished from other scientific texts of the modern Europe by the speed of delivery and the possibility of quick response. The common goal of scientific correspondence and a scientific article are indicated as a quick report on the results of research. Formal similarity is postulated also, especially for the first articles published. As a key aspect of the transformation of communication in the transition from letter to article the publication of the text is postulated. The intension to dialogue remains intact, but the addressee of the message becomes first collective, then, with the development of science and the involvement of more and more researchers in the scientific activity – mass. Scientific communication becomes mediated, the scientific journal begins to act as a regulating link. The prospects for a new transformation of scientific communication, arising in connection with the transition of communication to various Internet sites, are noted.

Keywords: scientific article, scientific journal, transformation of communication, scientific correspondence, publication.

Одним из ключевых моментов становления современной европейской науки стала институционализация научной коммуникации. С появлением рецензируемых научных журналов научное сообщество обеспечило себе открытое текстовое пространство, которое позволяло быстро и, самое главное, публично сообщать о последних научных результатах и получать отклик коллег по цеху. Постепенное развитие науки как института привело к тому, что текстовая коммуникация практически полностью перешла на страницы научных журналов. Такой формат текста, как научная статья отеснил на задний план остальные виды публикаций из коммуникативного пространства современной науки, и именно по наличию публикуемых и цитируемых статей определяется профессионализм и продуктивность учёного. Это привело к достаточно спорной ситуации в научном сообществе, когда публикация статьи, сообщение нового знания, стала не самоцелью, но средством достижения определённого научного статуса, научная коммуникация превратилась в «погоню за рейтингом», публикация статьи стала не коммуникативным актом, а актом отчётности.

Чтобы прояснить причины такой трансформации, следует обратиться к моменту зарождения научной периодики и определить генезис нового формата коммуникации. До возникновения научного журнала текстовая научная коммуникация была ограничена письмами, трактатами и книгами. В то время как книги, трактаты и энциклопедии являлись, прежде всего, основным способом сохранения знания, собственно коммуникативную функцию в научном сообществе выполняла научная переписка.

Существенным отличием письма от остальных научных текстов Нового времени была, прежде всего, скорость доставки и возможность быстрого отклика. Европа пребывала в состоянии коммуникационной революции, близком к тому, в котором мы находимся сейчас, причём не только благодаря изобретению печатного станка, но и вследствие небывалого развития почтовой корреспонденции. Доставка корреспонденции теперь занимала недели, а то и дни, что позволило учёным в достаточно краткие сроки сообщать друг другу о результатах своих исследований (сравнительно с временем публикации и распространения того или иного трактата).

По целям (быстрое сообщение о результатах исследований) и даже, с определённой степенью допущения, по форме (по крайней мере, в том, что касается объёма текста), именно эпистолярная коммуникация ближе всего к тому, что впоследствии стало научной статьёй, что позволяет говорить о письме как о непосредственном предшественнике научной статьи. Прежде всего, переход от личной переписки к публичной коммуникации заметен в первых научных журналах. Исследователь научного дискурса первого рецензируемого научного журнала, «Philosophical Transactions of the Royal Society of London», Д. Аткинсон, отмечает, что письмо было «жанровой формой, в которой статьи чаще всего появлялись на страницах PTRS в этот пе-

риод²» [1, с. XXVII]. Это хорошо заметно и по содержанию первых выпусков – многие публикации озаглавлены как «extract of a letter» [2]. Данный факт позволяет говорить о по крайней мере исторической преемственности данных форматов коммуникации, что даёт возможность более подробно рассмотреть трансформацию научной коммуникации в Европе раннего модерна.

Ключевым аспектом этой трансформации стала собственно публикация текста. Научная коммуникация стала носить принципиально публичный характер. Письмо коллеге-учёному сменилось письмом всему научному сообществу. Таким образом, у письма меняется адресат. Причём в первое время, хоть адресат и становится коллективным, он всё же ограничен достаточно немногочисленным научным сообществом и коммуникация на страницах научного журнала сохраняет диалогичность, характерную для личной переписки (в тех же «Philosophical Transactions of the Royal Society of London» нередки публикации под заголовком «Ответ на публикацию...» [2]). Возможно, именно диалогичность, унаследованная от эпистолярного жанра, и присущая ранним публикациям, определила традицию научных дискуссий на страницах рецензируемых журналов. Впоследствии же, с развитием науки и вовлечением в научную деятельность всё большего количества исследователей, адресат становится всё более безликим – неизвестно, кто прочтёт статью после публикации (в условиях открытого доступа к материалам журнала это может быть и человек, вообще никак не связанный с наукой). С обезличиваем адресата постепенно утрачивается и диалогичность статьи – сейчас научная статья по большей части представляет собой монолог, диалогическая же составляющая реализуется преимущественно посредством цитирования и упоминания других авторов.

Публикация письма-статьи, помимо замены персонального адресата научным сообществом, сделала письмо опосредованным, коммуникацию теперь обеспечивает коммутатор – научный журнал. Опосредованность поддерживается институтом рецензирования, который сопровождал научную статью на протяжении всей истории её развития. Р. Мертон и Х. Закерман указывают на необходимость различения обычной печати (доступной и ранее для книг и энциклопедий) и публикации, то есть печати, опосредованной редакторами и рецензентами журналов. Именно благодаря научным сообществам, обладающих определённой системой полномочий, обычная печать научной работы превратилась в публикацию [3, с. 68]. Прежде чем нечто будет опубликовано, и, соответственно, попадёт в публичную сферу и сможет быть воспринято членами научного сообщества, оно с необходимостью пройдёт экспертную проверку. Между автором и читателем встаёт редактор/рецензент, который определяет, кто будет допущен к коммуникации. Если ранее отзыв на работу поступал только после того, как автор издаст её в печать, то теперь рукопись проходит проверку принципиально перед публикацией [там же]. Таким образом, публичная сфера научной коммуникации формируется как строго регламентированная.

Разветвлённая «республика учёных» с многочисленной корреспонденцией, центрами переписки и основными коммуникантами превратилась в огромную, почти централизованную сеть (где в качестве центров выступают международные базы цитирования, такие как Scopus и Web of Science), с процедурами рецензирования, редактирования и ретрагирования научных статей.

Письмо, будучи отправленным, уже не редактируется и не отзывается. Перед отправлением письмо не проходит ничью проверку, кроме самого автора. Статья же проходит проверку предпечатную, постпечатную, и даже может быть отозвана после печати (вследствие обнаружения разного рода нарушений). Кроме того, процедура отбора, рецензирования и редактирования статей приводит к тому, что исчезает и возможность получения быстрого отклика на результаты исследования (период рассмотрения статей в наиболее статусные журналы – до двух лет).

Разумеется, помимо указанных различий, вследствие эволюции научной статьи, возникли и другие – структурные, формальные и содержательные (например, различия в приемлемой аргументации), однако в данном случае интерес представляет именно трансформация коммуникации вследствие перехода от письма к научной статье.

В настоящее время, в связи с появлением «социальных сетей учёных», таких как Academia.edu и Research.gate, возникает перспектива нового изменения в научной коммуникации. Интернет-площадки обеспечивают публичную, но относительно непосредственную коммуникацию (посредником в данном случае выступают исключительно технические средства). В подобных условиях, возможно, научную статью как формат коммуникации ждут изменения, сопоставимые с переходом от эпистолярной коммуникации к периодическим изданиям.

Литература

1. Atkinson D. Scientific Discourse in Sociohistorical Context: The Philosophical Transactions of the Royal Society of London, 1675–1975. – London: Routledge, 1999. – 208 p.
2. Philosophical Transactions. Table of Contents. 1665. №1 (1-22) – URL: <http://rstl.royalsocietypublishing.org/content/1/1-22.toc>. (Дата обращения: 10.10.2017)
3. Zuckerman H., Merton R. Patterns of Evaluation in Science: Institutionalization, Structure and Function of the Referee System // Minerva. – 1971. – Vol. 9. – P. 66–100.

² XVII–XVIII вв.

ЗАЧЕМ УЧЕНЫМ RESEARCHGATE? НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ*

Светлана Александровна Душина

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Татьяна Юрьевна Хватова

Доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Представлены результаты исследования, направленного на изучение относительно новой формы социальности – академических интернет-сетей. Цель – воссоздать «стратегический ландшафт» профессиональной сети ResearchGate и определить основные коммуникативные практики ее пользователей. Обозначена особенность сетевой виртуальной коммуникации, заключающаяся в эффекте коммуникативной свободы, порождающем коммуникативное поведение, которое преодолевает социальные барьеры и иерархии академического мира офлайн. Применяя междисциплинарный подход, комбинирующий математические методы и методы социальных наук, выявлены три кластера пользователей RG. Внимание сфокусировано на группе активных пользователей с «репрезентацией», слегка превышающей выборочную среднюю, и значительно высоким «обменом». Было произведено ранжирование организационной принадлежности ученых согласно мировому университетскому Шанхайскому рейтингу и обнаружено влияние институциональных факторов на сетевое поведение. В ходе исследования выявлено, что наиболее активными пользователями RG, вступающими в коммуникативные обмены, являются исследователи из стран с развивающимися экономиками. Заключено, что сетевые интеракции являются элементом сложной системы научных коммуникаций и значение онлайн активности возрастает по мере того, как другие компоненты (непосредственная формальная и неформальная коммуникация) перестают играть существенную роль в решении исследовательских задач.

Ключевые слова: Академические интернет-сети, научная коммуникация, обмен, ученый, ResearchGate, междисциплинарный подход.

WHY DO SCIENTISTS NEED RESEARCH GATE? NEW OPPORTUNITIES FOR SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

Svetlana Alexandrovna Dushina

Candidate of Philosophy, Associate Professor

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,

St Petersburg Branch

Tatiana Yurevna Khvatova

DSc of Economics, Professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

This paper represents the first results of the study aimed at researching academic internet networks as a relatively new form of sociality. The goal of the study is to reconstruct the ‘strategic landscape’ of the professional network ResearchGate and to define the key communicative practices of its users. The specific features of virtual network communication were identified; it was discovered that they are embodied in the effect of communicative freedom giving rise to communicative behavior which overcomes social barriers and hierarchies of the offline academic world. With the help of interdisciplinary approach combining mathematic methods and approaches of social sciences, three clusters of the RG users were revealed. The attention was focused on the group of active users with slightly higher ‘representation’ and much higher ‘exchange’ activity compared to the average values of the whole sample. The scientists were ranked according to their institutions’ ARWU (Shanghai) academic ranking; the influence of the institutional factors on the scientists’ network behavior was investigated. It was revealed that users from developing countries are the most active in communicative exchange. It is concluded that network interactions belong to the sophisticated system of scientific communications, and the value of online activity grows while other components, i.e. direct formal and informal communication, are ceasing to play an essential role in resolving research tasks.

* Подготовлено при поддержке РФФИ. Проект № 17-03-00171 «Ученые в социальных сетях: способствуют ли академические медиа профессиональной карьере?» Авторы благодарят Г.А. Николаенко, м.н.с. СПбФ ИИЕТ РАН, аспиранта факультета социологии СПбГУ, за помощь в сборе данных.

Keywords: Academic internet networks, scientific communication, exchange, scientist, ResearchGate, interdisciplinary approach.

Относительно новые формы социальности - академические интернет-сети - пользуются большой популярностью у исследователей. В докладе представлены результаты исследования сети ResearchGate, основанного на междисциплинарном подходе с использованием математических методов и методов социальных наук. Цель – реконструировать спектр коммуникативных практик пользователей ResearchGate.

В чем состоит революционность виртуальной научной коммуникации? Сама по себе связь географически разделенных пользователей не является исключительным преимуществом онлайн-коммуникации. Уже письмо создало основание для разрыва «темпоральной ограниченности научной коммуникации» и позволило мыслить научное комьюнити как транспространственное и трансисторическое [3, с. 62]. Переписка ученых получила свое выражение в XVII веке в метафоре «невидимой коллегии» Р. Бойля, которая активно использовалась для репрезентации организационной структуры науки в XX веке. Эмпирическим референтом «невидимого колледжа» выступала связь внутри «небольшого ядра активных ученых и большой слабо очерченной популяции их сотрудников» [2, с. 359-360].

Ключ к пониманию виртуальной коммуникации лежит в самой сети, в предоставлении такого модуса коммуникативного поведения, которого никогда не было в доцифровой эпохе. Сеть – это «симбиоз» технологии и человека, ее архитектура состоит из производителей и потребителей цифрового контента, инфраструктуры и инструментов, используемых для производства и распространения этого контента, а также содержания, которое принимает цифровую форму сообщения (cultural products) [4, с. 359-360]. Сетевые технологии задают паттерны коммуникативного поведения, и здесь принципиальными являются два момента: 1) сеть предлагает пользователю «правила игры», достаточно простые и адаптивные к потребностям исследователей [5]; 2) принимая их, индивид переходит границы прежде устойчивых социальных связей и отношений, иначе говоря, получает новый тип коммуникативной свободы [1, с. 51]. Ч

Исследователь, попадая в RG, конструирует свою идентичность, создает профиль, личную страницу – складывается виртуализованный образ исследователя. Сеть становится пространством виртуальной социальной презентации, своего рода «академической ярмаркой», где каждый пользователь в дозволенных RG рамках заявляет о своем присутствии и репрезентирует академические достижения и заслуги, делая более заметным visibility в академическом мире. Сеть «мягко» инспирирует определенные типы поведения, пластично формируя нужный тип пользователя. Так, внедряя новый сервис, например, «открытая рецензия», разработчики поощряют пользователей к критическому суждению относительно чужих публикаций, втягивают в дискуссии, организовывая зоны научных обменов. Перефразируя М. Фуко, убедительно показавшего, что власть не есть нечто внешнее по отношению к индивиду, но заключена в нем самом, можно сказать, что сеть также находится «внутри» человека. Коммуникация в RG, минуя социальные барьеры, существующие офлайн, создает эффект коммуникативной виртуальной свободы. Так, Р. Норден, приводит пример онлайн сотрудничества, когда международный проект в области микробиологии был реализован исключительно в сети, без встречи офлайн, обойдя барьеры и официальную иерархию. У студента не было необходимого оборудования для изучения лекарственно-устойчивых патогенных грибов, и он использовал сеть для расширения своих исследовательских возможностей. Профессор был заинтересован в изучении такого рода организмов [6].

В нашем исследовании мы исходили из того, что коммуникативные практики пользователей ResearchGate, обусловлены комплексом факторов социокультурного и институционального характера. Был использован метод Web Scraping, в рамках которого сбор данных осуществлялся с помощью инструмента «web crawler». Выборочная совокупность составила 4800 профилей с квотами по 200 профилей по каждой из 24 дисциплин. В дальнейшем был проведен факторный и кластерный анализ, с помощью которых воссоздан «стратегический ландшафт» RG.

Кластерный анализ выявил три группы участников RG: 1) первый кластер (190 человек) – «активные пользователи» - состоит из пользователей с «репрезентацией», слегка превышающей выборочную среднюю, и значительно высоким «обменом»; 2) второй кластер – «репрезентаторы» (365 человек) – пользователи с высокой репрезентацией с «обменом» ниже среднего; 3) третий кластер (он же самый большой - 4208 участников) – пассивные пользователи сети, у которых оба индикатора ниже среднего уровня, что отражает низкую сетевую активность.

Результат превзошел ожидания: активная часть пользователей RG составила всего 11,7% от выборочной совокупности. Подавляющее большинство исследователей, зарегистрировавшись в RG, не использует сетевые возможности для научного обмена. «Колонизировать» сеть ученых подталкивает мода на сетевое присутствие («есть в сети, следовательно, существую»), обусловленное знаковым характером современной культуры, а также стремление к видимости (visibility), являющееся следствием научной идеологии, пришедшей вместе с неолиберальной наукой. В условиях конкурентной ограниченности ресурсов сетевые технологии оказываются легко доступным инструментом, с помощью которого исследователь конструирует собственную видимость (visibility), рассчитывая на потенциальные выгоды и социальные ожидания, связанные, с новыми коммуникативными возможностями.

Что представляет собой кластер самых активных пользователей RG? Мы ранжировали институциональную принадлежность ученых, используя один из мировых университетских рейтингов – Шанхайский

(ARWU). Анализ показал, что только 34 пользователя работают в университетах, входящих в названный рейтинг, причем в топ-100 всего 5 человек. При этом 126 пользователей аффилированы с университетами, которые вообще не включены в этот престижный рейтинг. Еще 30 человек связаны с организациями, не подлежащими ранжированию. Значительная часть (большая) этих университетов находится в странах третьего мира (Индия, Иран, Ирак, Бразилия и проч.). Это означает, что сетевая активность, связанная с коммуникативными обменов, зависит от институциональных факторов. Ученые, работающие в странах третьего мира, имеют меньше возможности для профессиональной самореализации, географической мобильности, в отличие от их коллег из стран с развитыми экономиками. Поэтому они активно используют возможности сети как площадку для научного обмена. Их профессиональная жизнь «вытесняется» в сеть. Тот самый кейс, упомянутый прежде из статьи R. Noorden, как раз вписывается в наши объяснительные конструкции: сотрудничество завязалось между студентом из Нигерии и итальянским профессором.

Мы находимся на первом этапе исследования. Предварительно можно сделать следующие выводы. Виртуальную коммуникацию невозможно рассматривать изолированно от других компонентов научного общения. Она встраивается в целостную коммуникативную систему, и ее значение определяется конфигурацией других элементов. Если в коммуникационной системе доминируют такие способы информационного обмена, как непосредственная формальная и неформальная коммуникация, протекающая офлайн, и ученый считает себя принадлежащим «невидимому колледжу» или «социальному кругу», то, скорее всего, социальные научные сети он будет рассматривать как новую форму самопрезентации, как дополнительный инструмент для продвижения своих исследований. Во всех иных своих проявлениях сеть для него просто избыточна. Однако, в случае нехватки информации, получаемой непосредственно из «первых рук» на научных мероприятиях, в местах производства нового знания – передовых исследовательских центрах, исследователь прибегает к возможности сети, которая, в своем пределе, может предоставить ему новые профессиональные возможности.

Литература

1. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей интернет-коммуникаций // Вестник РГГУ. – 2009. – №12. – С. 48-56.
2. Прайс Д. Дж. де С., Бивер Д. де Б. Сотрудничество в «невидимом колледже» // Коммуникация в современной науке / под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1976. – С. 335-351.
3. Юдин Г. Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 57-88.
4. Howard Ph., Parks M. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint, and Consequence // Journal of Communicatoin. – 2012. – Vol. 62. № 2. – P. 359–362.
5. Mas-Bleda A, Thelwall M, Kousha K, Aguillo IF. Do highly cited researchers successfully use the social web? // Scientometrics. – 2014. Vol. 101. №1. – P. 337-356.
6. Noorden R. Online collaboration: Scientists and the social network // Nature. 2014. – Vol. 5. 12. № 7513. – P. 126 – 129

УДК 167.7/530.1

НАУЧНЫЙ КОНСЕНСУС В ИСТОРИИ ОТО*

Оксана Владимировна Ершова

Кандидат философских наук

Ульяновский государственный университет

Общая теория относительности, созданная в начале XX века А. Эйнштейном, по общепринятому мнению ученых, считалась истинной. Коррективу в эти представления ученых в середине XX века попытался внести отечественный физик А.А. Логунов. Между сторонниками и противниками ОТО завязалась полемика. Сторонники ОТО отстаивали существующий консенсус ученых. Противники ОТО пытались убедить своих оппонентов в ложности оснований консенсуса ученых в отношении ОТО. Особый интерес при изучении этой полемики представляет позиция отстаивания существующего консенсуса, которую занял В.Л. Гинзбург. Он аргументировано отстаивал консенсус большинства ученых в отношении ОТО. В.Л. Гинзбург констатировал, что в среде ученых сформировалось относительно полное согласие (формировавшееся в течение 70 лет) в отношении значения общей теории относительности. И это согласие, по В.Л. Гинзбургу, было конвенционально закреплено учеными в учебной, научной, научно-популярной литературе, где позиционировалось представление об общей теории относительности как великом достижении XX века и ключевом инструменте современной физики и астро-

* Работа написана при поддержке гранта РГНФ № 15-33-01249«Ценности естественных наук сквозь призму конвенции».

номии. Но этот консенсус, по В.Л. Гинзбургу, предполагает его пересмотр в случае появления критики и альтернативных теорий. В ситуации когнитивного конфликта ОТО и альтернативных ей теорий гравитации Гинзбург поднимает тему консенсуса ученых как критерия истинности теории. Он выявляет основу формирования согласия ученых в отношении какого-либо фрагмента знания, концепта, и продуктивность несогласие для прироста знания. Эти вопросы Гинзбург раскрывает через обсуждение темы проверки научной теории и роли «научного общественного мнения» в этом процессе.

Ключевые слова: консенсус, аргументация, реконструкция истории, научное сообщество.

SCIENTIFIC CONSENSUS IN THE HISTORY OF GENERAL RELATIVITY

Oksana Vladimirovna Ershova
Candidate of Philosophy
Ulyanovsk State University

The General theory of relativity, created in the early twentieth century by Albert Einstein, was commonly considered by scientists to be true. Adjustments to these representations of scientists in the mid-twentieth century were attempted by the Russian physicist Anatoly Alekseyevich Logunov. The controversy ensued between supporters and opponents of the Theory of General relativity. The supporters of TGR defended the existing consensus of scientists. The opponents of TGR tried to convince their opponents of the falsity of the consensus arguments of the TGR scientists. Of particular interest in relation to the study of this controversy is the position of defending the existing consensus, which was taken up by Vitaly Lazarevich Ginzburg. He convincingly defended the consensus of the majority of scholars concerning the Theory of General relativity. Ginzburg stated that the scientists had formed a relatively complete accord (formed in the last 70 years) concerning the TGR. This agreement, according to him, was conventionally fixed by scientists in academic, scientific, and popular scientific literature, where he positioned the idea of General relativity as the great achievement of the XX century and the key tool of modern physics and astronomy. However, this consensus, according to Ginzburg, suggests a revision in case of criticism and alternative theories. In a situation of cognitive conflict of the theory of General relativity and alternative theories of gravity, Ginzburg raises the issue of the consensus of scientists as a criterion of the truth of the theory. He reveals the basis of the consent of the scientists in respect of any fragment of knowledge, concept, and productivity of the disagreement to gain knowledge. These questions are uncovered by Ginzburg through discussions of verification of a scientific theory and the role of "scientific public opinion" in this process.

Keywords: consensus, reasoning, reconstruction of history, the scientific community.

В 80-х годах отечественный ученый-физик В.Л. Гинзбург писал об общей теории относительности А. Эйнштейна следующие строки: *«уже в 1915 году, ОТО получила известную законченность, были сделаны и вполне четкие предсказания, касающиеся поворота перигелиев планет и отклонения лучей, проходящих вблизи Солнца. ... ОТО широко используется в астрофизике, не говоря уже о космологии. Существует целый ряд посвященных ОТО монографий, она широко исследована и продолжает исследоваться. В таких условиях очень трудно допустить, что ОТО на самом деле не выдерживает критики и «не является удовлетворительной физической теорией», как это утверждает А.А. Логунов. Однако для критики в отличие от наказаний за некоторые преступления не существует понятия о сроке давности. Поэтому анализ критики ОТО А.А. Логуновым и обсуждение предлагаемой им РТГ – дело вполне законное и конкретное»* [1, с. 118]. Этой цитатой из научно-популярной статьи Гинзбургом описывается ситуация, сложившаяся в научном сообществе в отношении общей теории относительности. А именно, в 70-80-ые годы XX века вокруг общей теории относительности в отечественном физическом сообществе сложилась необычная ситуация, вызванная мощной критикой её фундаментальных оснований Анатолием Алексеевичем Логуновым³ и его командой (Лоскутов Ю.М., Мествиришвили М.А., Чугреев Ю.В. и др.) [см.: 2, с. 38-44]. Особенность позиции А.А. Логунова и его команды состояла в том, что они не ограничились только критикой ОТО – они предложили релятивистскую теорию гравитации в качестве альтернативы общей теории относительности. Логунов и его команда поставили под сомнение существовавший на тот момент в научном сообществе консенсус, основанный на эмпирических и логических доказательствах истинности ОТО.

³А.А. Логунов - известный всему мировому научному сообществу крупный физик-исследователь, выдающийся организатор науки, вице-президент АН СССР (1974-1991), ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1977-1992). Академик А.А. Логунов известен как специалист в области физики элементарных частиц и физики высоких энергий; его деятельность также связана с развитием новых представлений о пространстве-времени и гравитации. Глубокое влияние на научную деятельность Логунова оказало тесное научное общение и совместная работа с академиком Н.Н. Боголюбовым. За разработку и ввод в действие протонного синхротрона ИФВЭ А.А. Логунов был удостоен Ленинской премии. Под его руководством создан всемирно известный научный центр – Институт физики высоких энергий в Протвино. Являлся главным редактором журнала «Теоретическая и математическая физика». Им воспитана большая группа учеников в ОИЯИ, ИФВЭ и МГУ, широко известная своими исследованиями по физике высоких энергий, теории поля и теории гравитации. Он является членом ряда иностранных академий, почетным доктором многих университетов.

Это заявление Логунова и его команды вызвало реакцию со стороны приверженцев ОТО (Зельдович, Гришук, Гинзбург) [см.: 3, с. 165]. Среди сторонников и противников ОТО завязалась длительная полемика, растянувшаяся почти на десятилетие, отголоски которой присутствуют в XXI веке на страницах научных, научно-популярных журналов и монографий. Особый интерес при изучении этой полемики представляет позиция В.Л. Гинзбурга, занимаемая в отношении ОТО, и его трактовка научного консенсуса как инструмента оценки научной теории.

В одной из научно-популярных статей В.Л. Гинзбург утверждает, что на данный момент в среде ученых сформировалось относительно полное согласие (формировавшееся в течение 70 лет) в отношении значения общей теории относительности. И это согласие было конвенционально закреплено учеными в учебной, научной, научно-популярной литературе, где позиционировалось представление об общей теории относительности как великом достижении XX века и ключевом инструменте современной физики и астрономии. Это в свою очередь сформировало привычку у ученых и у читателей научно-популярной литературы воспринимать ОТО как достижение науки, не иначе. И этот консенсус в отношении ОТО, существующий не только на уровне научного сообщества, но и ставший частью научно-познавательной культуры эпохи, по мнению Гинзбурга, попытался опровергнуть А.А. Логунов своей релятивистской теорией гравитации (РТГ).

В связи с этим Гинзбург задается рядом нетривиальных вопросов. Возможна ли ситуация в науке, что консенсус, достигнутый учеными в отношении значимости ОТО, в корне ошибочен? И что этот консенсус ученых может опровергнуть небольшая группа исследователей? На эти вопросы Гинзбург дает положительный ответ, «ибо речь идет не о религии, а о науке» [4, с.1].

Аргументация Гинзбурга складывается из того, что он утверждает, что для науки является вполне нормальной ситуация пересмотра существующего консенсуса ученых. Это возможно в ходе возникновения гипотез, теорий, опровергающих или критикующих устоявшиеся теории. И это, по мнению Гинзбурга, является необходимым механизмом в развитии научного знания. Гинзбург пишет: *«Под влиянием новых фактов и соображений не только можно, но и нужно, если это оправданно, изменять свою точку зрения, заменять несовершенную теорию более совершенной или, скажем, как-то обобщать старую теорию. Аналогична ситуация и в отношении личностей. ... Наука не знает непогрешимых. Большое, иногда даже исключительное, уважение, которое физики испытывают к великим представителям их профессии, особенно к таким титанам, как Исаак Ньютон и Альберт Эйнштейн, не имеет ничего общего с канонизацией святых, с обожествлением»* [4, с.1]. Никакой авторитет ученого не должен препятствовать этим процессам (процессам смены неплодотворных теорий).

В ситуации когнитивного конфликта ОТО и альтернативных ей теорий гравитации тема консенсуса ученых становится особо актуальной, что отмечает Гинзбург. В одной из статей В.Л. Гинзбург задается вопросом о том, что является основой формирования согласия ученых в отношении какого-либо фрагмента знания, концепта, и о продуктивности несогласия для прироста знания. Эти вопросы Гинзбург раскрывает через обсуждение темы проверки научной теории и роли «научного общественного мнения» в этом процессе. В.Л. Гинзбург пишет, что *«одна из основных проблем в науке – выработка и указание путей установления истины или, более конкретно, методов проверки тех или иных теорий. Разумеется, основной метод – сравнение с опытом, с наблюдением. ... Вместе с тем нельзя все сводить к экспериментальной проверке. При достигнутой точности измерений и ограниченном числе экспериментов все они могут оказаться совместимыми со многими теориями. Часто, правда, и точность столь высока и экспериментов так много, что для определенного круга вопросов и явлений практически все сомнения в справедливости теории отпадают. Именно такая ситуация в случае ньютоновской механики, специальной теории относительности (СТО) и нерелятивистской квантовой механики»* [5, с.115]. Таким образом, по Гинзбургу, существуют, как минимум, две познавательные ситуации выбора. В одном случае установленных методов проверки теории достаточно, чтобы прийти к выводу об их истинности и достигнуть согласия. Другая ситуация утверждает недостаточность и ограниченность основного метода проверки в отдельных случаях, что ведет к диссенсусу (несогласию) в научных кругах в отношении значимости той или иной теории.

Ситуация с ограниченностью основного метода проверки описывает положение ОТО и альтернативных ей теорий гравитации. Гинзбург по этому поводу пишет: *«В ОТО положение несколько иное, поэтому и существуют так называемые альтернативные теории гравитации. Все они строятся таким образом, что в пределах достигнутой точности измерений не противоречат опыту. Все они ставят или должны ставить перед собой задачу указать какие-то эксперименты и следствия, на основании которых можно, хотя бы в принципе, отличить предсказания этих теорий от предсказаний ОТО. Последнее обычно крайне трудно, в силу чего особенно существенная роль принадлежит также математическому исследованию и более широкому физическому анализу ОТО и альтернативных теорий гравитации. Такие исследования и анализ, возникающие при этом разногласия и дискуссии приводят к продвижению вперед»* [5, с. 115]. Таким образом, в этой ситуации достижения согласия между учеными на экспериментальной основе в отношении значимости или плодотворности какой-либо теории затруднено. Но к согласию ученые, по Гинзбургу, все-таки могут прийти посредством тщательного физико-математического анализа альтернативных теорий. Гинзбургом обращается внимание и на конструктивную роль разногласий в процессе поиска истинной теории.

В ситуации когнитивного конфликта научных теорий раскрывается интересный момент и с формированием согласия ученых. С одной стороны, последнее слово «за» или «против» какой-либо теории выносят квалифицированные специалисты (физики, математики) на основе всей совокупности данных и анализа.

Точка зрения этих специалистов может выступать основанием для формирования согласия в отношении этой теории другими учеными. Но, с другой стороны, как отмечает Гинзбург, «... судьи тоже ошибаются. Поэтому, с одной стороны, нельзя вердикт даже большого числа квалифицированных специалистов считать совершенно безапелляционным, утверждающим истину в последней инстанции. С другой стороны, недопустимо на основании встречающихся судебных ошибок вообще отрицать институт суда и аналогично не считаться с мнением специалистов, не признавать значения их коллективного суждения» [5, с. 115]. Несмотря на эти методологические противоречия Гинзбург утверждает, что, хотя научные споры большинством голосов не решаются, но «совершенно очевидно, что мнение многих физиков значительно убедительнее, или, лучше сказать, надежнее и весомее мнения одного физика» [5, с. 118].

Литература

1. Гинзбург В.Л. Заметки по поводу // Наука и жизнь. – 1988. – №6. – С. 114-120
2. Логунов А.А. Новая теория гравитации//Наука и жизнь. – 1987. –№2. – С. 38-44
3. Логунов А.А., Лоскутов Ю.М., Мествиришвили М.А. Релятивистская теория гравитации и критика ОТО // Теоретическая и математическая физика. –1987. Т. 73. – №2. – С. 163 -186
4. Гинзбург В. Общая теория относительности последовательна ли она? Отвечает ли она физической реальности? // Наука и жизнь. – 1987. – №4. – С. 1-10
5. Гинзбург В. Заметки по поводу // Наука и жизнь. – 1988. – № 6. – С. 114-120.

УДК 167.7

ФАКТУАЛЬНОЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ: КАРНАП, КУАЙН, КУН

*Наталья Александровна Блохина
Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина*

Автор ставит вопрос о том, является ли концепция Томаса Куна, представленная в «Структуре научных революций», эпистемологической революцией в позитивистской философии науки XX века. Предметом для анализа становится проблема соотношения фактуального и концептуального знания в теориях научного познания Р. Карнапа, У. ван О. Куайна и Т. Куна. Рудольф Карнап, рассуждавший о рациональном знании как целостной системе, полагал, что осмысленный разговор о фактуальном (сущем) должен вестись только в рамках определённой концептуальной схемы. Таким образом, им был сформулирован принцип онтологической относительности. Его понимание этого принципа исходило из того, что онтологические сущности не могут быть детерминированы исключительно концептуальными средствами: их существование должно подтверждаться эмпирически в соответствии с другим принципом – принципом верификации. Тем самым Карнап разделял концепцию эмпирического атомизма. Кроме того, он полагал, что концептуальных схем может существовать сколь угодно. Уиллард ван Орман Куайн был не столь радикален. Он был склонен считать, что выбор концептуальной схемы определяется эмпирическими утверждениями науки и «непрерывным потоком чувственной стимуляции» и потому не может быть волонтаристическим. Согласно натурализованной эпистемологии Куайна, эмпирического подтверждения требуют только те суждения, которые находятся на периферии концептуальной схемы, где она соприкасается с опытом. Куайн был приверженцем концепции эмпирического холизма. Томас Кун отвергал даже возможность существования «всеобщего языка чистых восприятий» и потому разделял принцип онтологической относительности со своими предшественниками. Философ развил понимание того, насколько концептуальная схема определяет наше восприятие окружающего мира. Он сделал акцент на причинах и механизмах изменения видения мира в ходе смены парадигмы. И хотя Кун полагал, что совершил слом эпистемологической парадигмы, господствовавшей в теории научного познания на протяжении последних трёх столетий, этот слом уже был начат его непосредственными предшественниками, среди которых находились Р. Карнап и У. ван О. Куайн. Томас Кун его только завершил.

Ключевые слова: парадигма, факт, концептуальная схема, логический эмпиризм, Р. Карнап, У. в. О. Куайн, Т. Кун.

THE FACTUAL AND CONCEPTUAL KNOWLEDGE: CARNAP', QUINE' AND KUHN' INTERPRETATIONS

Natalia Alexandrovna Blokhina
Ryazan State University named for S.A. Yesenin

The author problematizes Thomas Kuhn's conception, which is described in "The Structure of Scientific Revolutions:" whether it may be considered an epistemological revolution in the XXth century positivist philosophy of science. The subject for such analysis concerns the interrelation of factual and conceptual knowledge in R. Carnap's, W. v. O. Quine's and T. Kuhn's theories. In considering rational knowledge a system Rudolf Carnap believed that a sense bearing conversation about factual (real) should be held only within a sphere of a conceptual scheme. As a result he formulated the principle of ontological relativity. His understanding of this principle supposed that ontological entities could not be determined by a conceptual means only: their existence should be confirmed empirically in accordance with another principle – the principle of verification. By that Carnap supported the theory of empirical atomism. Beyond that he posited that the number of conceptual schemes may be proliferated. Willard van Orman Quine was not so radical. He was inclined to think that the election of the conceptual scheme is caused by empirical assumptions of science and by 'the continuous flow of sense stimulation', and consequently can not be voluntaristic. In accordance with Quine's naturalized epistemology only propositions that occupy a conceptual scheme periphery, where the scheme contacts with experience, need empirical justification. Quine was a disciple of an empirical holism theory. Thomas Kuhn rejected even a possibility of "the universal language of pure perceptions" and so he shared the principle of ontological relativity with his predecessors. Philosopher improved the understanding of the conceptual scheme impacts on our perception of the outside world. He gave special importance to reasons and tools for the world view alteration in the process of a paradigm shift. Albeit the fact that Kuhn believed that he demolished the epistemological paradigm dominated in scientific knowledge over the last three centuries, this demolition had been pushed forward by his immediate predecessors and among them were Rudolf Carnap and Willard van Orman Quine. Thomas Kuhn had only accomplished it.

Keywords: paradigm, fact, conceptual scheme, logical empiricism, R. Carnap, W. v. O. Quine, T. Kuhn.

Совершается ли в философии науки смена парадигмы концепцией, представленной в «Структуре научных революций»? Если предположить, что «Структура научных революций» положила начало новой парадигме в понимании роста научного знания, её идеи должны отличаться от представлений непосредственных предшественников Куна – логических эмпириков – в следующих аспектах. (1) «Прежде всего защитники конкурирующих парадигм часто не соглашаются с перечнем проблем, которые должны быть решены с помощью каждого кандидата в парадигмы» [1, с.193]. (2) «В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новых отношениях друг с другом. Неизбежным результатом является то, что мы должны назвать (...) недопониманием между двумя конкурирующими школами» [1, с.194]. (3) Третий и наиболее фундаментальный аспект несовместимости конкурирующих парадигм заключается в том, что их защитники «осуществляют свои исследования в разных мирах... Обе группы смотрят на мир, и то, на что они смотрят, не изменяется. Но в некоторых областях они видят различные вещи, и видят их в различных отношениях друг к другу» [1, с.195]. В своей книге философ неоднократно отсылал читателей к идеям и теориям логических эмпириков. Так, в рассуждениях о специфике парадигм научного сообщества на этапе нормальной науки он описывал идею Людвиг Витгенштейна о том, что знание понятия задаётся способом употребления языка и типом универсума, к которому мы его применяем, а не схватыванием некоторой совокупности неотъемлемых свойств, которыми обладают предметности анализируемого понятия [1, с.75]. Исследовательские проблемы и технические приёмы, которые связаны с отдельно взятой традицией нормального научного исследования, имеют лишь сходство, а не полное соответствие «выявленному ряду правил и допущений, которые определяют характер традиции» [1, с.76]. Выявляя связь перцептуального и понятийного знания, факта и теории, Кун отмечал бесперспективность поиска «необработанных данных», «непосредственного чувственного опыта», с которых полагается начинать научное исследование, и «нейтрального языка наблюдения» [1, с.167], над разработкой которого бились логические позитивисты. Он писал: «Ни одна современная попытка достичь такого финала до сих пор не подвела даже близко к всеобщему языку чистых восприятий» [1, с.169]. И далее: «Ни один язык... не может дать нейтрального и объективного описания «данного». Философские исследования к тому же не дают даже намёка на то, каким должен быть язык, способный на что-либо подобное» [1, с.170]. Тем самым Кун ставил под сомнение продуктивность основного методологического орудия в научном познании своих предшественников – принципа верификации.

Сомневался Кун и в продуктивности принципа фальсификации Карла Поппера. Философ допускал некоторое сходство фальсифицирующего и аномального опыта. И тот, и другой выявляют слабость теории и требуют её пересмотра. «Тем не менее, аномальный опыт не может быть отождествлён с фальсифицирую-

щим опытом» [1, с.191]. «Если бы каждая неудачная попытка установить соответствие теории природе была бы основанием для её опровержения, то все теории в любой момент можно было бы опровергнуть» [1, с.191]. А между тем «именно неполнота и несовершенство существующих теоретических данных дают возможность в любой момент определить множество головоломок, которые характеризуют нормальную науку» [1, с.191]. Слабостью принципа фальсификации является и необходимость разработки критерия «невероятности» или «степени фальсифицируемости». С этими проблемами столкнулись и логические эмпирики, предложившие и защищавшие не одно десятилетие принцип верификации, которые не сумели до конца разрешить. Кун предложил свести верификационизм и фальсификационизм как две преобладающие и противоположные точки зрения на логику обоснования научного исследования в одну. Фальсификации будет отведена роль индикатора конкурирующей парадигмы, а верификации – роль её обоснования [1, с.191-192]. Как мы видим, из анализа непосредственных отсылок Куна к идеям философов позитивистского толка (Л. Витгенштейна, Н. Гудмена, Р. Карнапа, К. Поппера), не следует, причислял ли философ себя к данному научному сообществу и разделял ли общую для всех них парадигму. (Наличие у данной школы парадигмы вряд ли стоит оспаривать.) Попытаемся ответить на вопрос, совершился ли парадигмальный сдвиг в понимании роста научного знания в книге Т. Куна, на примере понимания связи факта и теории, перцептуального и понятийного в воззрениях Рудольфа Карнапа, Уилларда в. О. Куайна и самого Томаса Куна. В развернувшейся в начале 50-х годов дискуссии, главными участниками которой стали Рудольф Карнап и Уиллард Куайн, встал вопрос: какую природу – интерналистскую или экстерналистскую – несут вопросы и суждения, в которых речь идёт о том, что существует. Одним из её итогов стала концепция онтологической относительности, надолго определившая понимание природы онтологических суждений как самими аналитиками, так и «внешними» для аналитического движения исследователями. Карнап утверждал, что вопрос о сущем может ставиться только в рамках выбранной философом концептуальной схемы. Онтологические установки детерминированы правилами функционирования концептуального каркаса и эмпирически проверяемы. Задаваться же внешними для этого каркаса вопросами о том, что существует, неправомерно. При этом Карнап был убеждён, что концептуальных схем может существовать множество и, соответственно, может существовать множество онтологических картин. Выбор философом той или иной концептуальной схемы определяется, по мнению Карнапа, прагматическими целями [3, р. 208-228]. Куайн соглашался с Карнапом в том, что говорить о сущем можно только в рамках концептуального каркаса. Однако онтологические референты значений связанных переменных не столь многочисленны, а, возможно, даже универсальны. Выбор концептуальной схемы не волюнтаристичен, а детерминирован эмпирическими утверждениями науки и «непрерывным потоком чувственной стимуляции» [2, с. 367]. И хотя Куайн отвергал правомерность метафизических утверждений «о мире вообще», он был склонен доверять «локальным» утверждениям о сущем, опирающимся на здравый смысл и данные научного опыта. Взгляды Томаса Куна на соотношение перцептуального и концептуального разрабатывались (а) при анализе структуры парадигмы в рамках нормальной науки, (б) при выявлении аномалий и возникновении научных открытий и (в) в ходе революционного изменения взгляда на мир. На этапе нормальной науки исследователь упорно и настойчиво пытается «навязать природе те концептуальные рамки, которое дало профессиональное образование» [1, с.28]. «Предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нём нет» [1, с.30]. Непреднамеренное открытие новых фундаментальных фактов ведётся по набору правил, принятых в парадигме, «но их восприятие требует разработки другого набора правил» [1, с.83]. Факт становится фактом в ходе изменения видения учёным мира в ином свете. «... [П]ока учёный не научится видеть природу в ином свете, новый факт не может считаться вообще фактом вполне научным» [1, с.84]. Открытие факта связано не только с наблюдением, но и с концептуализацией, что делает это открытие процессом, длительным по времени [1, с.87]. Затем следует изменение парадигмальных категорий и процедур, которое часто встречает сопротивление. Кун полагает, что «[м]ожно даже утверждать, что те же самые характеристики [открытия факта] внутренне присущи самой природе процесса восприятия» [1, с. 95]. Вслед за этим выявляются погрешности рабочей парадигмы и начинается период, «когда концептуальные категории подгоняются до тех пор, пока полученная аномалия не становится ожидаемым результатом» [1, с.97]. Формирование новых концептуальных схем и открытие фактов приводит к «переключению гештальта», подобному изменению видения с кролика на утку или наоборот. «... [У]чёный должен научиться заново воспринимать окружающий мир – в некоторых хорошо известных ситуациях он должен научиться видеть новый гештальт» [1, с.152]. Восприятие мира полностью меняется. И если человек «продолжает сопротивляться после того, как вся его профессиональная группа перешла к новой парадигме, ipso facto перестал быть учёным» [1, с. 206]. Кун оценивает предложенную им теорию как парадигмальный сдвиг эпистемологической точки зрения, господствовавшей в течение трёх столетий и исходившей из того, что существует постоянный и нейтральный чувственный опыт, а теории являются результатом интерпретации человеком чувственных данных. Такая точка зрения, по Куну, уже не функционирует эффективно, а попытки введения нейтрального языка наблюдения логическими позитивистами кажутся философу безнадежными. В такой самооценке своей теории Кун вступает на путь эпистемологического релятивизма (о ролосоциологического релятивизма в процессе смены парадигм у нас речи не идёт). Однако анализ взглядов Рудольфа Карнапа и Уилларда Куайна на соотношение перцептуального и концептуального знания позволяет говорить, что истоки его теории лежат в исследованиях логических позитивистов и ряда философов-аналитиков среднего периода. Радикальной смены парадигмы в «Структуре научных революций» не произошло.

1. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 365 с.
2. Куайн У. ван О. Две догмы эмпиризма. Слово и объект / Пер. с англ. – М.: Логос, Праксис, 2000.
3. Carnap R. Empiricism, semantics and ontology // Semantics and the Philosophy of Language / Linsky L. (Ed.) – Urbana: University of Illinois Press, 1952. – P. 208–228.

УДК 165.0

ИСТИНА, ПРАВДА, ПРАВДОПОДОБИЕ В НАУКЕ

Адриан Михайлович Бекарев

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский национальный исследовательский университет

им. Н. И. Лобачевского

Галина Станиславовна Пак

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский национальный исследовательский университет

им. Н. И. Лобачевского

В современной науке и философии обсуждаются не только различные концепции истины, но ставится вопрос о нужности и целесообразности понятия истины. Ряд авторов в русле дефляционистской концепции истины заявляют об избыточности понятия истины для логико-гносеологического анализа науки. Логики предлагают заменить истинность на правильность, философы ищут альтернативы истины. В качестве альтернативных вариантов предлагаются смысл, правдоподобие. Традиционно территорией правды считалась повседневность, а не наука. В предложенном Т. Куном варианте развития науки как смены парадигм понятие правды получает полное право на существование, что определяется пониманием парадигмы как определенного научного сообщества. Анализируются понятия истины, правды, правды-истины и правды-справедливости. Раскрывается механизм образования правдоподобия как двустороннего движения между истиной и ложью. Правдоподобие употребляется в двух основных смыслах: правдоподобие как процесс удаления от истины и как процесс превращения лжи в истину. Обосновывается необходимость сохранения истины в науке и философии с позиций нормативных концепций истины. Проводя аналогию между социальной революцией и революцией в науке, делается вывод о существовании повседневности в науке. Обсуждается возможность контрреволюции в науке.

Ключевые слова: истина, правда, правда-истина, правда-справедливость, правдоподобие, наука, повседневность, научная революция, контрреволюция в науке.

TRUE, VERITY AND CREDITABILITY IN SCIENCE

Adrian Mikhailovich Bekarev

DSc in Philosophy, Professor,

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Galina Stanislavovna Pak

DSc in Philosophy, Professor,

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Different concepts of true are discussed in modern science and philosophy. The main question is a question about the necessity of the notion of «true». Basing on the deflation theory in philosophy, some authors claim a redundancy of this notion relating to the logical analysis of science. Logicians support a substitution of «truth» for «correctness». Another version of changing is sense or creditability. One consider the notions true, verity, verity-true and verity-justice. It is considered a notion of verity on the base of paradigm concept by T.Kuhn. And it is described the mechanism of composition of credibility as two sides moving between true and false. Creditability has two means: as the process of deleting from true and as process of transmutation a false into true. It is argued the position of necessary notion «true» according normative interpretation of science. There is an analogy between social revolution and science revolution. One concluded about possibility of counter-revolution in science.

Keywords: True, verity, verity-true, verity - justice, credibility, science, daily routine, science revolution, counter revolution in science.

Сегодня не осталось очевидных истин. Оспаривается, проблематизируется, переоценивается любое знание: научное, философское, обыденное. Ревизия категориального аппарата не обошла стороной и понятие истины. Дефляционистские концепции обосновывают положения об избыточности понятия истины для логико-гносеологического анализа науки. В логике понятие истины предлагается заменить формальной правильностью. В философии на место истины поставить смысл, и пойти по пути понимания. В качестве альтернативы истины часто фигурирует не только смысл, но и правдоподобие.

Поворот к верификации и правдоподобию был осуществлен еще К. Поппером, считавшим возможным на фундаменте правдоподобия построить научную теорию. Введение в научный оборот правдоподобия вместо истины, как минимум предполагает дефиницию правдоподобия.

В гнезде категорий, близких к понятию истина, мы обнаруживаем добро, красоту, правду, правильность, непротиворечивость, соответствие и т.п. Представляется весьма продуктивной попытка В.Г. Федотовой разграничить истину и правду – истина науки и правда повседневности [6, с. 6; 7]. Размежевание двух понятий происходит на том основании, что большинство людей привычное и повторяющееся называют правдой. Именно в таком ключе, повседневность предстает как вместилище правды. В далёкие 90-е годы, по этой причине, повседневность притягивала к себе исследователей как магнитом. По замыслу В.Г. Федотовой, связь правды с истиной должна была отразить реальное соотношение повседневности и науки. Истина, обогащая и конкретизируя своё содержание, превращалась в правду. При усвоении истины различными социальными группами в повседневной жизни истина раздваивалась на две правды – правду-истину и правду-справедливость. Правда – справедливость, всё более удаляясь от истины, превращается в правдоподобие. Подчеркнём, что в этом случае, правдоподобие не утрачивает своей связи с истиной. Правда – истина – одна, а, правда – справедливость у каждого своя. Но есть и другой путь становления правдоподобия, о котором ведёт речь Р. Барт. Разного рода иллюзии, домыслы, элементы фетишистского сознания, при их привлекательности для людей, при наличии желания в них верить, многократно повторяясь, начинают оцениваться как вполне нормальные, привычные, имеющие полное право на существование. Такую правду Р. Барт называет правдоподобием [1, с. 369].

Проясним содержание понятия правдоподобия. Уже из текста следует, что понятие правдоподобие характеризует то, что смыкается с правдой, близко к правде, или то, что похоже на правду, но таковой не является (как и у Р. Барта). Одна истина может породить несколько правд: правду - истину и правду справедливость. Истина – это правда, где нет лжи, вранья, выдумки или преувеличения.

Поскольку правда характеризует личностную оценку знания, степень его вхождения во внутренний мир личности, правда у каждого может быть своя. Важно отметить, что правдоподобие является отрезком на пути движения человеческой мысли не только от истины ко лжи, но и в обратном направлении, от лжи к истине как показал Р. Барт.

На истинность и ложность научных предложений особое внимание обращали логические позитивисты. Г. Карнап делит все высказывания на антинаучные, вненаучные и научные. Только к научным предложениям применимы понятия истины и лжи. Не только сами учёные и философы, но и повседневные деятели в своём эпистемологическом горизонте связывают науку с истиной. Наука как область человеческой деятельности не просто направлена на производство и получение нового знания, но и его демаркацию на истинное и ложное. Нужно констатировать, что смысл употребления понятия истины в науке по-прежнему сохраняется, несмотря на её перемещение из области оснований бытия в сферу обоснования знания. Несмотря на многочисленные дискуссии, нормативные концепции истины просто необходимы науке [2, с.5-12].

Парфразируя слова Секста Эмпирика, можно сказать: ищущим истину приходится или найти её, или дойти до отрицания нахождения и признания её невосприимчивости, или упорствовать в отыскании истины [5, с. 207].

Современного учёного можно уподобить скептику, который продолжает упорствовать в нахождении истины. При этом всегда имеется ввиду отличие истины в науке от истины в философии. Как метко заметил Гегель, истина в науке есть соответствие понятия объекту, а в философии объекта понятию. Философа интересует не истинное знание само по себе, но общие условия его существования. Истина как призыв к творческим поискам [2].

Проводя аналогию с повседневностью, можно сказать, что наука есть вместилище истины. В каком из своих обликов истина имеет отношение к революции? Постоянным эпитетом к работе Т. Куна «Структура научных революций» является термин «нашумевшая». Т. Кун нарушает устоявшийся, привычный ход мысли и применяет понятие революции к сфере научной деятельности.

Привычное употребление понятия революции отражает словосочетание социальная революция. Социальная революция означает разрыв, качественный скачок в развитии социальных отношений, переход власти из рук одного класса в руки другого и т.д. Историки и представители философии истории для обозначения того гигантского сдвига, который осуществляет революция и быстроту изменений, развивают представление о революции как историческом событии. Примечательна в этом отношении позиция Ф. Броделя, представителя исторической школы «Анналов», в рамках которой был провозглашен и осуществлен переход от истории событий к истории структур. В своем представлении об истории как сочетании различных по длительности временных протяженностей Ф. Бродель сохраняет значимость исторического события как краткой по длительности временной протяженности. Развивая концепцию Ф. Броделя дальше, приходится утверждать, что событие является собственно историческим, если преобразует ценности и затрагивает

структуры повседневного мира. Своей работой «Структура научных революций» Т. Кун показал не только единство прерывности и непрерывности в развитии науки, но и обосновал существование повседневности в науке [3]. Наличие рутин повседневности он обозначил как нормальный этап в развитии науки. Каждой парадигме в науке присуща своя повседневность. Если проводить параллели между социальной и научной революцией, нужно не только рассмотреть, как осуществляется переход власти как научного влияния от представителей одной парадигмы к представителям другой, но и социальный механизм этого перехода. Возможно, на этом пути получится избежать той критики, которой подвергся Т. Кун. Прежде всего, за несоизмеримость парадигм научного знания.

Вновь обращаясь к социальной революции, отметим, что событие, прерывая историческое развитие, в последующем предполагает восстановление разорванной нити времен. Эту функцию выполняет культура, способная усвоить и преобразовать инновации, вписать их в структуры повседневного мира.

Согласно Т. Куну парадигмы возникают в ходе революции, они несоизмеримы, поскольку он не обнаружил связующего звена, аналогичное культуре в историческом развитии. Понятие парадигмы у него употребляется и в значении сообщества ученых, которые разделяют убежденность, верят в истинность своей парадигмы. Тем самым истина науки трансформируется в правду – истину. Точнее, в правды – истины. Правдоподобие и его становление в науке отдельная тема для обсуждения. Важно отметить, что научная повседневность в ходе революции меняет свою направленность, поскольку меняются идеалы и нормы научного исследования, но в своем функционировании она сохраняет свой прежний облик.

Наличие тождественной основы между представителями двух парадигм в виде научной повседневности делает возможным контрреволюцию в науке. Впрочем, у любой революции и контрреволюции не одна ипостась. В научной области контрреволюционеры могут выступать обычные «гонители» лженауки («лысенковщина»). Как правило, это либо «чиновники от науки», либо представители иных мировоззренческих систем. Однако куда более интересны те формы контрреволюции, которые основаны на отстаивании якобы проигравших идей. В этом смысле, Х. Гюйгенс вполне может считаться контрреволюционером в своем отстаивании волновой теории света. И, казалось бы, в открытии М. Планка соединились революция и контрреволюция, хотя и под названием «дуализм», продолжатели идеи не квантованных полей остались [4]. Мы полагаем, что любая фальсификация теории не может быть окончательной и альтернатива революционным идеям всегда будет иметь место. Скорее всего, не одна.

Литература

1. Барт Р. Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX в. Трактаты, статьи, эссе. – М., 1987. – С. 349-387.
2. Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. – 2009. № 2. – С. 5-12.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: «АСТ», 2003. – 605 с.
4. Манеев А.К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
5. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений // Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Мысль, 1976. – С. 207-380
6. Федотова В.Г. Истина и правда повседневности // Философская и социологическая мысль. – 1990. № 3. – С. 3-12.
7. Федотова В.Г. Истина и правда повседневности // Философская и социологическая мысль. – 1990. № 4. – С. 24-30.

УДК 316.4

КРАУДСОРСИНГ КАК НОВАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Диана Рашиатовна Шайхутдинова

*Старший лаборант научно-организационного отдела, магистр философии
Институт философии Российской академии наук*

Современная общественная практика ориентирует научное сообщество на поиск новых организационных форм и методов исследовательской деятельности. Одной из таких форм научно-исследовательской деятельности является краудсорсинг. В последние годы вопросы научного краудсорсинга стали весьма популярны, однако даже в зарубежных публикациях описываются, в основном, отдельные проекты и их реализации без обобщения. В отечественной же научной литературе отсутствуют специальные монографические работы, которые были бы посвящены краудсорсингу, и ничтожно мало количество аналитических работ, не говоря

уже о практическом применении этой формы деятельности. В связи с этим на основе имеющейся отечественной и зарубежной литературы по теме в статье раскрывается сущность краудсорсинга, его роль в развитии науки и научного сообщества и факторы, сдерживающие расширения границ его использования научно-исследовательской деятельности. В качестве краудсорсинга следует рассматривать проведение научных исследований с привлечением широкого круга добровольцев, многие из которых могут быть любителями, то есть не иметь профессиональной научной квалификации. Краудсорсинг начинает использоваться многими отраслями наук, которые нуждаются в сборе и обработке большого количества эмпирических данных.

Ключевые слова: научный краудсорсинг, гражданская наука, научно-техническая политика, распределенная исследовательская деятельность, потенциал краудсорсинга.

CROWDSOURCING AS A NEW FORM OF ORGANIZATION OF SCIENTIFIC RESEARCH

Diana Rashatovna Shaykhutdinova

Senior laboratory assistant, Master's degree (Philosophy)

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

Modern social practice focuses academic community on searching of new organizational forms and methods of exploratory activity. One of the forms of scientific research activity is crowdsourcing. For the last years, the questions of scientific crowdsourcing have become quite popular, however, even in foreign publications, separate projects and their realization are described. In addition, there are no special monographic and analytical works that are devoted to crowdsourcing in Russian scientific literature, as well as in practical usage. Thereby, based on existing Russian and foreign literature, in the article, we explore the essence of crowdsourcing, its role in science and academic community development, constraining factors that limit expansion of borders of crowdsourcing usage in scientific research activity. Crowdsourcing is determined as implementation of scientific research with the attraction of wide range of volunteers. These volunteers could be amateurs that do not have professional pre-training. Different branches of science that have a need in collection and handling of a big amount of empirical data have already started to use crowdsourcing.

Keywords: scientific crowdsourcing, citizen science, scientific-and-technological politics, distributed, exploratory activity, potential of the crowdsourcing.

Актуальность темы исследования определяется внешними и внутренними вызовами российской научной среды, которые постепенно ориентируют научное сообщество на поиск новых организационных форм и методов исследовательской деятельности. Внешние вызовы, в первую очередь определяются динамичным развитием глобального информационного пространства, внутренние вызовы связаны с реформированием организационно-институциональных форм отечественной научной деятельности. Реализация социальной политики направленной на развитие научно-технического уровня страны также требует дальнейшей диверсификации форм исследовательской деятельности, получившей широкое распространение в последние годы.

В связи с этим, по инициативе широких кругов научного сообщества появились новые методы и формы организации научно-исследовательской деятельности. Эти новые формы работы внедряются в жизнь на основе различных программ, в частности научного краудсорсинга. При этом под краудсорсингом имеется в виду проведение научных исследований с привлечением широкого круга добровольцев, многие из которых могут быть любителями, то есть не иметь предварительной профессиональной подготовки. Краудсорсинговые проекты широко используются в настоящее время в таких отраслях, как наука о земле, астрономия, биология, археология, языкознание и т. д. Это связано с тем, что названные отрасли науки нуждаются в сборе и обработке большого количества данных. Сегодня научный краудсорсинг начинает активно применяться и в таких отраслях как медицинские и гуманитарные науки.

В последнее десятилетие особое внимание к концепции краудсорсинга детерминировано разработками теории постиндустриального и информационного обществ, в которых серьезное внимание уделяется месту и роли коммуникации в развитии общества, формируемой в том числе при непосредственном участии СМИ, Интернета и мобильных технологий. Потенциал краудсорсинга как формы исследовательской деятельности изучен слабо, а анализ особенностей российского научного краудсорсинга только начинается. В этой области обнаруживается интересное противоречие: с одной стороны, в российской научно-технической сфере разработана программа развития краудсорсинга, с другой, русскоязычные эксперты и исследователи, независимо от страны проживания, очень активны в международных краудсорсинговых проектах, начиная с самых первых инициатив в этой области.

Краудсорсинговые проекты могут иметь ограниченный срок действия, могут демонстрировать вялотекущее многолетнее существование, а могут и эволюционировать, давая рост так называемым сообществам «граждан-ученых». Продуктивность нового сообщества «граждан-ученых», сформировавшегося на основе краудсорсинга, является уже признанной. Но стоит отметить, что генезис этого социального института,

условие его устойчивого развития и оптимизации его функционирования недостаточно исследованы.

В зарубежных изданиях вопросы научного краудсорсинга весьма популярны в последние годы. Однако в зарубежных публикациях описываются, в основном, отдельные конкретные проекты и их реализации без обобщения. Таким образом, имеется массив публикаций, носящих, в основном, дескриптивный характер. Вместе с тем появились концептуальные работы. Среди них следует отметить работу Кон Дж. П. (Cohn J.P., 2008) [1, с.192-197], которая одной из первых предприняла попытки аргументации возможности длительного и эффективного сотрудничества профессиональных и непрофессиональных ученых. В своем исследовании Мошфегхи Я., Хуертас-Росеро А.Ф., Хосе Дж.М. (Moshfeghi Y., Huertas-Rosero A.F., Jose J.M., 2016) [2, с.857-860] впервые поставили проблему точности результатов и безопасности краудсорсинговых процессов. В совместной работе Найени А.Б., Аташкар А.Р. (Naeini A.B., Atashkar A.R., 2016) [3, с.105-111] систематизированы ключевые факторы успешного существования устойчивых систем научного краудсорсинга. Но вместе с тем, зарубежные работы по проблемам краудсорсинга большой модульности сводятся, в основном, к обслуживанию коллективной интеллектуальной деятельности (КИД). В этой области фактическим монополистом является Центр коллективной интеллектуальной деятельности при Массачусетском технологическом институте (<http://cci.mit.edu/>). Аналитические российские работы все еще немногочисленны.

В последние годы в нашей стране появился ряд работ, посвященных «гражданской науке» и «феномену гражданской науки». Среди них следует отметить работу Гребенщиковой Е.Г. [5, с.14-23], в которой подвергаются анализу краудсорсинговые подходы и сообщества «граждан-ученых» в исследованиях в области современной медицины. В статье Емельяновой Н.Н. [7, с.303-306] рассматривается проблема демаркации границ публичности научной коммуникации. В работе Жуковой И.А. [8, с.78-87] анализируются структурные изменения и инновации в системе научных коммуникаций. В статье Мамаевой С.А. [9, с.6-13] рассматриваются коммуникативные стратегии ученых. Совместная работа Аргамаковой А.А. и Яшиной А.В. [4, с.137-150] посвящена вопросам исследования и преобразования общества через технологии краудсорсинга. В работах Егерева С.В. и Захаровой С.А. [6, с.175-186] анализируются новые формы исследовательской деятельности и вопросы формирования «науки граждан». Представляют интерес результаты социологических исследований Шуваловой О.Р. [10, с.73-96], полученные в результате опроса заинтересованных групп в сфере наук и инноваций. Но вместе с тем следует отметить, большим недостатком является то, что до сих пор в отечественной научной литературе отсутствуют специальные монографические работы, посвященные краудсорсингу.

Научный краудсорсинг является механизмом осуществления исследовательских задач, а ученый, используя этот механизм формирует цели и задачи, выдвигает свои предложения по совершенствованию государственной научно-технической политики и предлагает меры по устранению ведомственных барьеров в этой области. К сожалению, в России крупных краудсорсинговых проектов научно-технического характера нам обнаружить не удалось. Есть некоторые краудсорсинговые проекты, организованные российскими фирмами и фондами, но они ограничены во времени, не очень масштабны и немногочисленны. Преимущественно они касаются бизнеса или проектов социального характера. Слабое развитие краудсорсинга как определенной формы исследовательской деятельности определяется рядом причин, к ним относятся:

- отсутствие практики финансовой поддержки групп, активно участвующих в реализации проекта;
- неготовность научных центров четко и привлекательно сформулировать цели и задачи для большого числа заинтересованных участников;
- отсутствие проработанного механизма сопровождения крупных краудсорсинговых проектов, рассчитанных на длительное время.

В заключение следует отметить, что реализация современной российской научно-технической политики уже невозможно без учета нарастающей диверсификации форм исследовательской деятельности. Нет сомнения, что дисперсные проекты, на основе которых строится функционирование краудсорсинга, могли бы оказать определённую помощь в реализации имеющихся трудностей в научно-технической политике. Таким образом, можно утверждать, что научный краудсорсинг может внести существенный вклад в решение актуальных задач развития науки.

Литература

1. Cohn J.P. Citizen science: Can volunteers do real research? // *BioScience*. – 2008. – Vol. 58. – No 3. – P. 192–197.
2. Moshfeghi Y., Huertas-Rosero A. F., Jose J.M. Identifying Careless Workers in Crowdsourcing Platforms: A Game Theory Approach // *Proceedings of the 39th International ACM SIGIR conference on Research and Development in Information Retrieval*. – ACM, 2016. – P. 857–860.
3. Naeini A.B., Atashkar A.R. Identify and Prioritize the Key Success Factors in the Establishment of Crowdsourced Systems // *Modern Applied Science*. – 2016. – Vol. 10. – No 6. – P. 105–111.
4. Аргамакова А.А., Яшина А.В. Crowd science: исследование и преобразование общества через технологии краудсорсинга // *Ценности и смыслы*. – 2016. – № 5. – С. 137-150.
5. Гребенщикова Е.Г., Диев В.С., Сидорова Т.А., Юдин Б.Г. Гуманитарная экспертиза и риски современной технонауки // *Идеи и идеалы*. – 2015. – Т. 2. – №2 (24). – С. 14–23.

6. Егерев С.В., Захарова С.А. Краудсорсинг в науке // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – №14. – С. 175-186.
7. Емельянова Н.Н. Гуманитарные науки и медийный слой культуры // Материалы XXII Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (Москва – Санкт-Петербург, 28 марта – 1 апреля 2016 г.). – М., 2016. – С. 303–306.
8. Жукова И.А. Структурные изменения и новации в системе научных коммуникаций // Социология и науки и технологий. – 2012. – Т. 3. – № 1. – С. 78–87.
9. Мамаева С.А. Коммуникативные стратегии ученых // Научная периодика: проблемы и решения. – 2011. – № 3. – С. 6–13.
10. Шувалова О.Р. Заинтересованные группы в сфере науки и инноваций: «новые» стейкхолдеры и «старые» технократы? // Социология и науки и технологий. – 2012. – Т. 3. – № 3. – С. 73–96.

УДК 001.11:167/168

НЕЯВНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РЕШЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ

Сергей Мирославович Антаков

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Вероятно, существуют неявные ментальные структуры, определяющие видение человеком внешнего и внутреннего (ментального) мира, а также методы и результаты его научного познания. Логическое выявление этих структур прошло длительный исторический путь, начинающийся с первых греческих научно-философских школ. В роли таких структур предлагаются логические презумпции, сильная (конъюнктивная) и слабая (дизъюнктивная). Это правила, или критерии, истинностной оценки предложений, которыми явно или, в большинстве случаев, неявно пользуются оценщики. Презумпции позволяют выявить единую природу решения многих фундаментальных научных проблем, из которых для примера выбраны только две – решение Аристотелем проблемы небытия и Н. Бором проблемы корпускулярно-волнового дуализма. В основании решения названных проблем лежит давно уже известное различие и определение классических модальностей действительности и возможности, но и это основание имеет более глубокую подоплёку – дуализм конъюнкции и дизъюнкции (и соответствующих презумпций), что отчасти открывается математической (топологической) интерпретацией указанных модальностей.

Ключевые слова: антиномия Парменида; предмет и непередмет; логические модальности; действительность и возможность; конъюнкция и дизъюнкция; логические презумпции; корпускулярно-волновой дуализм; концепция дополнительности Н. Бора; трансцендентализм.

IMPLICIT MENTAL STRUCTURES THAT DETERMINE SOLUTIONS TO FUNDAMENTAL SCIENTIFIC PROBLEMS

Sergey Miroslavovich Antakov

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Lobachevskiy State University

It is likely that implicit mental structures exist that determine how a person sees their internal and external (mental) world as well as the methods and the results of scientific cognition. The logical revealing of these structures has gone through a long historical path starting from the first Greek scientific and philosophy schools. Logical presumptions, the strong (conjunctive) and the weak (disjunctive), are proposed to be such structures. These are the rules or the criteria for evaluating the truth of propositions which are used explicitly or more often implicitly by the evaluators. The presumptions allow revealing the unified nature of the solution to many fundamental scientific problems. We exemplarily select two of them: Aristotle's solution to the non-being problem and N. Bohr's solution of wave-particle duality problem. The basis for the solution to these problems lies in the long-known distinction and definition of the classical modalities of reality and possibility. But this basis has an even deeper background – the duality of conjunction and disjunction (and the corresponding presumptions), which is partially revealed by the mathematical (topological) interpretation of the indicated modalities.

Keywords: Parmenides' antinomy; subject and non-subject; logical modalities; reality and possibility; conjunction and disjunction; logical presumptions; wave-particle duality; N. Bohr's complementarity principle; transcendentalism.

Прочитав тезис «небытия нет», трудно удержаться от того, чтобы спросить себя: чего нет? Если небытия нет, то как можно спрашивать и что-то утверждать о нём (хотя бы то, что его нет)? Тут мы, не будучи оригинальными, ловим Парменида на противоречии, называемом антиномией Парменида. Она формулируется так: непредмет не есть предмет и есть предмет [2]. Решить её можно разными способами, в том числе полагая, что небытие есть вид бытия. Так делает Аристотель, когда называет отрицание бытия потенциальным (возможным) бытием. Тем самым отрицание рода подводится под отрицаемый род в качестве его вида. Но тогда и отрицаемое бытие тоже становится видом бытия – бытием актуальным (действительным). Противоречие при этом, конечно, сохраняется: всякий вид бытия есть бытие. Поэтому если небытие – вид бытия, то оно есть и бытие. Небытие есть бытие. Так бытие, или понятие бытия (лишь волевым актом полагаемое отличным от бытия), с самого начала основания Западной научной и метафизической традиции оказывается противоречивым. Однако это противоречие скрывается тем, что Аристотель не употребляет термин «небытие», он следует запрету, неявно сформулированному Парменидом в тезисе «небытия нет» и его контексте. Аристотель избегает явного противоречия тоже терминологически, заменяя «небытие» «потенциальным бытием».

Возможно, что именно это решение фундаментальной проблемы (антиномии непредмета) направило мысль Аристотеля на разработку модальной логики. Пифагорейские начала *τέρας* и *ἄλειρον* были сведены им (не без участия Платона) к категориям формы и материи соответственно. Дуализм этих категорий, как и модальных категорий действительности и возможности, выявляется сведением их строгих определений к определениям внутренней и предельной (граничной) точек топологического многообразия [4] и демонстрируется двойственностью используемых в этих определениях кванторов существования и общности, т.е., в конечном итоге, строго определяемой логической двойственностью конъюнкции и дизъюнкции (логических союзов «и» и «или» соответственно).

Когда физики, и по сей день следующие в русле заложенной Пифагором, Парменидом, Платоном и Аристотелем научной (и метафизической) традиции, сформировали понятие электрона и начали экспериментальное изучение его предмета, они обнаружили, что электрон противоречив (добавлю: так же, как небытие Парменида), и назвали сие противоречие корпускулярно-волновым дуализмом. Они обнаружили сходство этого явления с дуализмом оптической теории (корпускулярной у Ньютона и волновой у его современника Гюйгенса) и распространили дуализм на картину всего мира. Решение противоречия, названное концепцией дополнительности, Н. Бор предложил в рамках так называемой копенгагенской интерпретации квантовой механики [3], и оно стало едва ли не до сих пор почти общепринятым.

Электрон – весьма компактный предмет, подобный математической точке, поэтому его противоречивые свойства приходится разделять на действительные (или действующие, актуальные) и возможные (потенциальные). Иначе можно было бы считать, что одна часть электрона является корпускулой, а другая «часть» – волной без определённой локализации. Легче представить, что электрон по воле экспериментатора в один момент времени является (представляется) корпускулой, в другой момент – волной. Для того чтобы объяснить возможность таких превращений, и приходится вводить представление о переходе корпускулярного или волнового свойств электрона из актуальной модальности в потенциальную и обратно [6]. Очевидно, решение Бора повторяет Аристотелево решение антиномии Парменида (но также, на чём мы не имеем возможности здесь остановиться, решение Кантом математических антиномий чистого разума: электрон оказывается «вещью самой по себе», непредметом). Это указывает на то, что в своём существе концепция дополнительности не имеет квантовомеханической специфики. Потому для самого Бора оказалось возможным распространить эту концепцию не только на всё естествознание, но и далеко за его пределы.

В отличие от точечного предмета, т.е. предмета, части которого эмпирически не могут быть выделены, для предмета, имеющего реальные (актуальные и пространственные) части, несовместимые свойства оказываются совместимыми, поскольку есть возможность отнести их к разным частям. Так, любые два нетождественные цвета несовместимы для точечного предмета и вполне совместимы для предмета, обладающего пространственными частями, которые могут быть окрашены в эти цвета.

Возвращаясь к пропозициональным связкам и предвзятое появление логических презумпций, скажу, что истинная дизъюнкция, позитивная, как любая пропозициональная связка, поскольку целиком, всеми своими членами, дана нашему восприятию, всё же, в отличие от истинной конъюнкции, может быть негативна, трансцендентна благодаря символическому значению некоторых своих членов. Трансцендентность истинной дизъюнкции открывается тем, что, в отличие от истинной конъюнкции, её определение принципиально требует привлечения понятия лжи и трудных трансцендентальных размышлений, подобных тем, которым предавался Платон, поставивший выражающий Парменидову проблему вопрос «Как возможна ложь?» (все ссылки на Платона можно найти в [7]). И, особенно, потому, что вопрос о лжи может быть сведён к онтологическому вопросу о смысле отрицания (скажем, отрицания бытия, да любого отрицания!). Сущность трансцендентализма мы и усматриваем в рассмотрении дизъюнктивного предмета, а значит, в отрицании тождества бытия и мышления [2].

Вопрос об истинной природе, или сущности, электрона требует для своего ответа не более средств, чем вопрос о шахматной доске, является ли она белой. Его можно считать некорректным, как это делает и Кант, рассматривая вопрос о размере Вселенной. Можно, однако, принять слабую или сильную презумпцию [1] – критерий белизны. Тогда будет возможен однозначный ответ на вопрос о цвете доски, а смена презумпции на противоположную изменит этот ответ на противоположный. Названные презумпции подобны

изменяемым условиям эксперимента в концепции дополнительности. По существу, эти условия разделяются на два класса – те, при которых электрон представляется корпускулой, и те, при которых он выглядит волной. Т.е. те, при которых актуализируются корпускулярные либо волновые свойства. Логические презумпции, осмысленные как логические модальности, прямо соотносятся с модальностями действительности и возможности.

«Область эмпирического охвата теории», «внутренняя когерентность теории», «согласованность с другими теориями», «простота» и т.п. – это аспекты теории, которые мы можем выделить «в ней» (аспекты – это не только механические части системы, но и способы нашего мышления о ней, т.е. модальности). Подобных аспектов можно выделить сколь угодно много, но нам нужны немногие, а именно те, которые мы считаем существенными, т.е. важными для нас. «Истина» и «ложь» – тоже аспекты (и модальности) теории, причём можно полагать, что теория имеет оба эти аспекта (например, оптическая теория Ньютона подтверждается экспериментами по преломлению света и потому истинна, но она же опровергается экспериментами с дифракционной решёткой и потому ложна).

Истинностной оценке подвергается предложение (утверждение или отрицание) о предмете (в частности, о теории) в целом. Это значит, что мы приписали этому предмету какой-то предикат (например, «белый», «истинный», «имеющий широкую область приложений»). Чтобы применить презумпции, мы разделяем предмет на аспекты и образуем множество предложений, говорящих о разных аспектах предмета, но имеющих один и тот же (исходный) предикат. Далее мы заменяем одно исходное предложение конъюнкцией или дизъюнкцией производных предложений и оцениваем их истинность [1]. В результате мы можем получить две оценки «истинно» или две оценки «ложно» или две противоположные оценки. Оценщик (может быть, научное сообщество) как будто выбирает одну из оценок. Он, скорее всего, не думает о презумпциях, однако я объясняю (моделирую) его выбор как не формализуемый выбор формальной презумпции.

Я думаю, что есть польза для самой науки от таких реконструкций и, что совсем уж очевидно, – интерес к ним со стороны учёных. Так, книга Т. Куна [5] стала на долгие годы бестселлером и основой магистрантских или аспирантских курсов по истории и философии науки в англоязычном мире.

Литература

1. Антаков С.М. Логические презумпции в основаниях классической логики // Десятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 15–17 июня 2017 г. – М.: Современные тетради, 2017. – С. 61-63.
2. Антаков С.М. Тожество бытия и мышления как возможный выбор Парменида // Мировоззренческая парадигма в философии: бытие и мышление (подлинное, мнимое и реальное): Монография / Под ред. М.М. Прохорова. – Н. Новгород: Изд-во ВГИПУ, 2011. – С. 75-89.
3. Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. – М.: Наука, 1971.
4. Вейль Г. Призрак модальности // Вейль Г. Избранные труды: Математика. Теоретическая физика. – М.: Наука, 1984. – С. 256-274.
5. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. – М.: Аст, 2001. – 606 с.
6. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. – М.: Наука, 1987.
7. Хинтиikka Я. Познание и его объекты у Платона // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – С. 355-391.

УДК 165.1

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Екатерина Александровна Коваль

Доктор философских наук

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

Тезисы посвящены анализу информационных вызовов, с которыми современное академическое сообщество сталкивается в процессе осуществления различных форм научной коммуникации. Один из подобных вызовов связан с взаимодействием субъектов, вступающих в такую форму научной коммуникации, как публикация текстов научных исследований. Взаимодействие может носить как нормативный, так и ненормативный характер, имеющий признаки информационного противостояния. Формально взаимодействие автора и редколлегии может соответствовать принципам научной коммуникации, однако на практике каждый из субъектов коммуникации в ряде случаев стремится не столько распространить научное знание, сколько

* Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ (проект № 15-03-00414).

достичь собственной выгоды. Информационное противостояние в научных коммуникациях препятствует ускорению научного прогресса, провоцирует рост различных форм «серых» практик в данной сфере (объемное цитирование, самоплагиат, публикация в научном издании результатов исследования, которые уже были презентованы в виде доклада на научной конференции, и т.п.). Во избежание информационной войны в том сегменте публичного пространства, где осуществляются различные формы научной коммуникации, необходимо реализовать ряд мер: принять оптимальные критерии для оценки эффективности деятельности ученого, создать условия для повышения культуры научного исследования, сформировать в научной и академической среде нетерпимость к различным видам академической нечестности.

Ключевые слова: информационное противостояние, научная коммуникация, плагиат, показатели эффективности, «серые» практики.

INFORMATION CONFRONTATION IN SCIENTIFIC COMMUNICATION

Ekaterina Alexandrovna Koval

DSc in Philosophy

The All-Russian State University of Justice

(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

The theses are devoted to the analysis of information challenges that the modern academic community faces in the process of implementing various forms of scientific communication. One of these challenges is related to the interaction of subjects who enter into a such form of scientific communication, as publication of research results. Interaction can be both normative and non-normative, and it can have attributes of information confrontation. Formally, the interaction of the author and the editorial board may correspond to the principles of scientific communication, but in practice each of the subjects of communication in a number of cases seeks not so much to extend scientific knowledge as to achieve their own benefits. The information confrontation in scientific communications prevents the acceleration of scientific progress and provokes the emergence of various forms of «gray» practices in this field (too many quotes, self-plagiarism, publication of research results in a scientific journal, that have already been presented as a report at a scientific conference, etc.). In order to avoid information war in that segment of the public space where various forms of scientific communication are take place, we need various measures: it is necessary to adopt optimal criteria for assessing the effectiveness of the scientist's activity, to create conditions for improving the culture of scientific research, to form in the scientific and academic environment intolerance to various types of academic dishonesty.

Keywords: information confrontation, scientific communication, plagiarism, key performance indicators, «gray» practices.

Научная коммуникация представляет собой совокупность различных форм общения представителей научного (и шире – академического) сообщества между собой и с субъектами, не входящими в это сообщество. Исследователи коммуницируют при помощи формальных и неформальных каналов передачи информации, реализуя различные коммуникативные стратегии в разных коммуникативных ролях. При этом реализуются не только нормативные, но и ненормативные приемы в рамках научных коммуникаций.

Одна из ведущих форм научной коммуникации – публикация научных текстов. Существуют нормативные правила и требования, которым должен соответствовать текст, чтобы быть опубликованным в специализированном издании и получить признание в научной среде. Ряд норм касаются степени оригинальности научного текста. Эти нормы не только требуют исключения некорректных заимствований, но и ограничивают объем цитирования как работ иных исследователей, так и более ранних работ автора текста.

Заимствование без ссылок на источник чужих идей и текстов, безусловно, является неприемлемым в научных публикациях, хотя, в принципе, не противоречат основному назначению научной коммуникации – распространению знаний. Однако ряд пограничных случаев, так называемых, «серых зон», в которых неочевидно, допущена субъектами научной коммуникации академическая нечестность или нет, имеет черты информационного противостояния между такими субъектами.

Под информационным противостоянием понимается деятельность сторон, имеющих разные цели и ценности, в одном информационном поле. Стороны воздействуют друг на друга или на третьих лиц для достижения собственных интересов, т.е. для победы в противостоянии. С одной стороны, необходимо развивать максимально удобный поиск и организовывать открытый доступ к результатам научных исследований с целью ускорения распространения научного знания и прогресса современной науки. С другой стороны, легкий доступ к научным текстам в сочетании с оценкой эффективности деятельности ученого по наукометрическим показателям провоцирует эскалацию мошенничества, масштабные злоупотребления субъектов, вступающих в научную коммуникацию.

Рассмотрим элементы информационного противостояния в таком формате научной коммуникации, как работа редколлегии рецензируемого периодического научного издания с поступившим на рассмотрение текстом и его автором.

De jure все участники коммуникации в данном случае имеют сходные ценности и одну и ту же цель: распространить знания. Однако de facto в ряде случаев наблюдаются расхождения в целях и ценностях.

Журнал заинтересован не только в качественном тексте, но и в повышении собственного импакт-фактора, что повысит его конкурентоспособность в академической среде. Для достижения этой цели представители редколлегии в ряде случаев прибегают к «серым» практикам. Пример такой практики – обращение к автору с просьбой процитировать статьи, опубликованные в этом журнале.

Автор, в свою очередь, не только стремится к распространению полученных им результатов, но и желает достичь определенных показателей, которые сходны с показателем эффективности деятельности правоохранительных органов, так называемым, АППГ (аналогичные показатели прошлого года). АППГ постоянно должны расти, чтобы продемонстрировать повышение эффективности деятельности подконтрольного субъекта. Для получения нужных наукометрических показателей авторы публикаций реализуют различные «серые практики»: по просьбе редколлегии журналов цитируют статьи, опубликованные в этих журналах; цитируют друг друга для повышения индекса Хирша; используют объемные цитаты как из работ других авторов, так и из своих более ранних работ. Н. Хеклер и Д. Форда анализируют степень нормативности такой практики, как публикация одного и того же текста в переводе на разные языки [2], а Т. Бретег и С. Махмуд исследуют такую проблему, как использование одних и тех же результатов исследования в разных видах научной коммуникации [1] (например, презентация исследования на 2-3 научных конференциях в разных регионах, а затем публикация в научном издании).

Таким образом, формально научная коммуникация между редколлегией журнала и автора соответствует таким принципам научной коммуникации, как честность, добросовестность, порядочность и правдивость [3]. Однако фактически осуществляется информационное противостояние между субъектами, преследующими собственные цели и ценности, которые в большинстве случаев носят прагматический характер.

Для минимизации конфликтных ситуаций в различных видах научной коммуникации необходимо задействовать различные институты и механизмы: повышение культуры академической честности в научной среде; формирование адекватной научной нагрузки для членов академического сообщества; сочетание наукометрических показателей с качественными показателями эффективности деятельности субъектов научной коммуникации и др.

Литература

1. Bretag T., Mahmud S. Self-plagiarism or appropriate textual re-use? // Journal of Academic Ethics. – 2009. – No. 7 (3). – P. 193-205.
2. Heckler N.C., Forde D.R. The Role of Cultural Values in Plagiarism in Higher Education // Journal of Academic Ethics. – 2015. – No. 13 (1). – P. 61-75.
3. Sureda-Negre J., Jones K.O., Comas-Forgas R. Ethics and Plagiarism in Scientific Communication // Comunicar. – 2016. – P. 48. – URL: https://www.researchgate.net/publication/304703724_Ethics_and_Plagiarism_in_Scientific_Communication.

УДК 167.7

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ РЕВОЛЮЦИИ В МАТЕМАТИКЕ? МАТЕМАТИКИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ В НАУКЕ

Светлана Евгеньевна Марасова
Ульяновский государственный университет

В статье анализируется специфика научных революций в математике в рефлексии выдающихся ученых. Появление программной работы Т. Куна «Структура научных революций» акцентирует вопрос о возможности научных революций в разных областях знания, имеющий особую значимость в отношении математики. Описывается влияние концепции научных революций на философскую и научную рефлексию в XX в. и специфика соответствующих позиций в научном и философском сообществах. Философы сконцентрированы преимущественно на выявлении логико-методологических основ, причин и закономерностей процесса становления математики конкретных периодов, которые могут быть названы «революцией». Между тем, исследовательский интерес и перспективность представляют ответ на вопрос, как сами математики оценивают развитие своей дисциплины? Какие эволюционные и революционные процессы происходили и происходят в математике? Как сфера профессиональных интересов – теоретическая или прикладная, традиционные классические разделы математики или современная математика – влияет на эти представления? Исследуется отношение математиков к понятию

«революции» применительно к собственной дисциплине – успешно ли его использование вообще, что может быть названо революцией, идет ли речь о смене парадигмы или анализируются более частные аспекты исследовательской деятельности? Исследуется оценка математиками прогресса науки, выражающаяся в особом понимании революции в философско-методологических основаниях научного творчества.

Ключевые слова: математика, философия науки, научные революции, философские основания науки, рефлексия, образ науки, научное творчество.

ARE THERE ANY REVOLUTIONS IN MATHEMATICS? MATHEMATICIANS ABOUT EVOLUTION AND REVOLUTION IN SCIENCE

Svetlana Evgenyevna Marasova
Ulyanovsk State University

The article analyses the specifics of scientific revolutions in mathematics in the reflection of outstanding scientists. The emergence of T. Kuhn's program work "The Structure of Scientific Revolutions" accentuates a question of a possibility of scientific revolutions in different areas of knowledge, which is of special importance for mathematics. We describe an influence of the concept of "scientific revolutions" on the philosophical and scientific thought in the 20th century and specifics of the corresponding positions in scientific and philosophical communities. Philosophers are focused mainly on identification of logic-methodological bases, reasons and regularities of process of mathematics formation of the concrete periods, which can be marked as "revolutions". Meanwhile, it is interesting and perspective to answer a question of how mathematicians really estimate the development of the discipline. What evolutionary and revolutionary processes have happened in mathematics, and are taking place now? How does the sphere of professional interests – theoretical or application-oriented, traditional classical sections of mathematics or the modern mathematics - influence these representations? The paper investigates the attitudes of mathematicians to the concept of "revolution" in relation to their own discipline - whether in general it is successful, what can be called revolution, whether it is a question of a paradigm shift or private aspects of research activity? We explore the assessment of progress in science by mathematicians, which is expressed in special understanding of revolution in the philosophical and methodological bases of scientific creativity.

Keywords: mathematics, philosophy of science, scientific revolutions, philosophical basis of science, reflexion, image of science, scientific creativity.

Становление постпозитивизма в середине XX в. меняет вектор философско-научных исследований в сторону изучения динамики науки, и на первое место выходит анализ закономерностей развития научного знания и логики научного исследования, имеющих, по представлению исследователей, ведущее значение для дальнейшего продвижения науки. Эти тенденции касаются и философии математики. Прежде всего, здесь следует отметить влияние критического рационализма и эволюционно-эпистемологической концепции К. Поппера, а также последовательную концепцию квази-эмпиризма, разработанную И. Лакатосом, утверждающую фактически релятивистскую природу математического знания [5]. Появление концепции Т. Куна приводит к актуализации философской рефлексии, концентрирующей внимание на закономерности развития науки в глобальном масштабе - существование революций в науке, соотношение в развитии науки периодов т.н. нормальной науки и научных революций [14, с. 11]. «Структура научных революций» акцентирует вопрос о возможности научных революций в разных областях знания, сочетании кумулятивистских и антикумулятивистских тенденций в обосновании развития науки.

Понятие «научной революции» органично вошло в концептуальный аппарат исследователей философских проблем естествознания, однако возникли трудности в применении его в развитии математики – науки высшего уровня абстракции, развивающейся на первый взгляд преимущественно в русле кумулятивизма и в силу специфики своего развития не обладающей свойством фальсифицируемости.

Историки науки концентрируются преимущественно на прочном эмпирическом фундаменте историко-математических исследований в обосновании позиций относительно существования в математике научных революций, философы – на выявлении логико-методологических основ, причин и закономерностей процесса становления математики конкретных периодов, которые могут быть названы «революцией» [2].

Между тем, исследовательский интерес и перспективность представляет ответ на вопрос, как сами математики оценивают развитие своей дисциплины? Какие эволюционные и революционные процессы происходили и происходят в математике? Придерживаются ли работающие математики строго кумулятивистских воззрений? Как сфера профессиональных интересов – теоретическая или прикладная, традиционные классические разделы математики или современная математика – влияет на эти представления?

Ответы на эти вопросы способны не только обогатить и усовершенствовать философско-методологические концепции развития науки, но и осветить влияние этих концепций на рефлексии профессиональных ученых и формирование их образа науки – совокупности представлений учёного, включающей

в себя понимание структуры науки, связи её компонентов, интерпретацию функций, задач и смысла науки, представления о нормах и целях научного исследования и ценностные мотивы, представления о статусе той или иной науки и её теоретико-методологического арсенала в системе знания, в особенности, дисциплин, находящихся на переднем крае науки.

Интересно обратиться к мнению ведущих ученых и в особенности ученых-универсалов, размах эрудиции которых позволяет с общематематических высот оценить тенденции и логику развития науки.

Среди математиков, наряду с философами и историками науки, также сформировались полярные взгляды. Вопрос о революциях в математике предполагает четкое определение того, что понимать под революцией в науке.

Если рассматривать научную революцию как полное отрицание старого, тогда в математике, в отличие от естествознания разрабатываемой на абстрактно-логической основе, о революциях речь не идет. Обоснование этой идеи было дано М. Кроу [10]. Кроу выделяет два типа развития научного знания: трансформационное, с отбрасыванием предыдущих концепций, и формационное, при котором новые области формируются без отбрасывания предшествующих теорий. Математике, по мнению Кроу, свойственно формационное развитие. Наиболее часто цитируемая иллюстрация кумулятивного характера математики, по словам М. Кроу, - неевклидова геометрия [11].

Кумулятивистскую парадигму разделяли Ж. Фурье, Г. Ганкель и К. Трусделл. Так, Фурье в своей «Аналитической теории тепла» писал, что математика «сохраняет каждый принцип, который она однажды приобрела». Другой выдающийся математик Г. Ганкель утверждал, что «в большинстве наук одно поколение разрушает то, что построило другое... Только в математике каждое поколение строит новую историю на старой структуре». Аналогичная формулировка принадлежит П. Дюгему: «Физика не прогрессирует, подобно геометрии, которая добавляет новые заключительные и бесспорные суждения к заключительным и бесспорным суждениям, уже имеющимся в своем багаже...» [Цит. по: 11].

Если понимать революцию не с позиции строгого антикумулятивизма, то тезис о том, что в математике также происходят революции, находит сторонников и последователей. Согласно мнению исследователей [13, с. 162], понятие революции в математике традиционно относилось к тем историческим эпизодам в развитии математики, когда основной массив прежних достижений, не обязательно будучи отброшенным, получал радикально новое истолкование в свете новых концепций и представлений. Даубен ссылается на Б. Фонтенеля, который еще в 1727 г. назвал открытие инфинитезимального исчисления Ньютоном и Лейбницем революцией в математике. Эту позицию разделяли известные математики. Так, Гленвиль в XVII в., Ж. Д'Аламбер в XVIII в., Дж. С. Милль в XIX в. одинаково считают революцией декартову алгебраизацию геометрии. Здесь революция понимается не как нечто экстраординарное, а внутренне присущее математике, определяющее механизм прогресса науки.

Эта точка зрения популярна и среди современных математиков. Сходная оценка открытий XVII в. в математике и следующего за этим периода ее расцвета принадлежит Р. Куранту в совместной работе «Что такое математика?» Р. Куранта и Г. Роббинса (1939 г.), представляющей собой один из фундаментальных руководств по введению в математику, задача которого - «войти в соприкосновение с самим содержанием живой математической науки». Революция в математике связывается с отступлением от строго аксиоматического идеала математики и привлечением в нее новых методов и объектов: «После периода медленного накопления сил — с возникновением в XVII столетии аналитической геометрии и дифференциального и интегрального исчислений — открылась бурная революционная фаза в развитии математики и физики. В XVII и XVIII вв. греческий идеал аксиоматической кристаллизации и систематической дедукции потускнел и утерял свое влияние, хотя античная геометрия продолжала высоко расцениваться. Логически безупречное мышление, отрывающееся от отчетливых определений и «очевидных», взаимно не противоречащих аксиом, перестало импонировать новым пионерам математического знания. Предавшись подлинной оргии интуитивных догадок, перемешивая неоспоримые заключения с бессмысленными полумистическими утверждениями, слепо доверяясь сверхчеловеческой силе формальных процедур, они открыли новый математический мир, полный несметных богатств» [4, с.21]. Традиционно, революционным Курант называет и открытие неевклидовых геометрий: «Научно-революционное значение открытия неевклидовой геометрии заключается в том, что оно разрушило представление об аксиомах Евклида как о непоколебимой математической схеме, к которой приходится приспособлять наши экспериментальные знания о физической реальности» [4, с.250].

Интересно понимание научной революции в математике в контексте ее приложений к фундаментальной науке. Выдающийся физик-теоретик и математик современности Р. Пенроуз называет революцией открытия в математике, имеющие непосредственное приложение к фундаментальным открытиям в физике. Так, революцией он называет создание теории множеств Г. Кантором, а также, по замыслу, теорию кватернионов У. Гамильтона, оцениваемую им как «красивая математическая схема, сулящая на первый взгляд новый революционный путь к раскрытию тайн Природы» [6, с. 841].

М. Клайн называет революционным появление новой методологии математики, связанной со становлением аналитической геометрии: «Вклад Декарта собственно в математику сводится не к открытию новых истин, а к введению мощного метода, который мы ныне называем аналитической геометрией. Появление аналитической геометрии технически революционизировало методологию математики» [3, с. 45].

Во-вторых, революции оцениваются как введение новых математических понятий и разработка теорий, способных решить фундаментальные математические задачи. Так, Ж. Адамар отмечает в рассуждении о

доказательстве теоремы Ферма: «После того как в течение XVIII и начала XIX века были установлены некоторые основные положения алгебры, немецкий математик Куммер, чтобы приступить к проблеме «последней теоремы Ферма», должен был ввести новое и смелое понятие «идеала» — грандиозная идея, которая полностью революционизировала алгебру» [1].

Более строгое понимание революции в математике среди математиков предполагает рассмотрение революции как коренной перестройки самой основы математики и ее методов по сравнению с традицией нескольких предыдущих столетий. Так, А. Френкель и И. Бар-Хиллел рассматривают интуиционизм как «направление революционное, провозглашающее коренную перестройку самой основы математики и ее методов, по крайней мере, по сравнению с традицией последних трех столетий. Более того, если бы интуиционистская точка зрения вытеснила классическую, то, возможно, несколькими поколениями математиков пришлось бы посвятить себя сохранению и надежному обоснованию интуиционистскими методами тех частей математики, которые новая концепция не посчитала бы бессмысленными или ложными» [7, с. 243].

Американский математик Ф.Е. Броудер считает правомерным говорить о революции в математике в контексте научной революции XVII в. Предшественником и одновременно орудием нового естествознания стала математика: «математика новой алгебры и аналитического движения Виета и Декарта, математика, которая заменила исчислением и манипуляцией с символьными выражениями дедуктивную изысканность греков. Она заменила дедуктивный вывод анализом сложных феноменов путем их разделения на простые». В XVII в., полагает Броудер, эта новая математика достигла двух громких триумфов: первый – создание аналитической геометрии, посредством которой геометрическая структура пространства становится предметом алгебраического анализа, второй – создание «великой аналитической машины дифференциального и интегрального исчисления, благодаря которой сложные и изощренные аргументы Евдокса и Архимеда для обращения с бесконечными процессами были заменены простыми и удобными алгебраическими формулами, или исчислениями». Эти достижения «стали инструментами, с помощью которых Ньютон построил свою великую математическую мировую машину – центральную парадигму научных картин мира всех последующих веков» [8].

Стоит отметить, что революции в математике в таком понимании безусловно признаются научным сообществом. Здесь интересно отметить формулировку заслуг, оцениваемых математическим сообществом международными премиями. Так, французский математик Ален Конн, удостоенный в 1982 г. Филдсовской медали за работу над алгебрами фон Неймана, в 2000 г. получил премию Математического института Клэя с формулировкой «за революционизацию области операторных алгебр, изобретение современной некоммутативной геометрии и открытие того, что эти идеи появляются везде, включая основания теоретической физики».

Литература

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. Франция. 1959 г. / Пер. с франц. – М.: Изд-во «Советское радио», 1970. – 152 с.
2. Барабашев А.Г. Методологические проблемы становления математики Нового времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://amkulkin.ucoz.com/news/a_g_barabashev_metodologicheskie_problemy_stanovlenija_matematiki_novogo_vremeni/2015-10-28-175
3. Клайн М. Математика. Утрата определенности/Перевод с английского Ю.А. Данилова, под редакцией И.М. Яглома. – М.: «Мир», 1984. – 446 с.
4. Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? / 3-е изд., испр. и доп. – М.: МЦНМО, 2001. – 568 с.
5. Математический эмпиризм // Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М., ИНФРА-М, 2007. – С. 700-701.
6. Пенроуз Р. Путь к реальности, или законы, управляющие Вселенной. Полный путеводитель / Пер. с англ. А. Р. Логунова и Э. М. Эпштейна. – М., 2007. – 911 с.
7. Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств / пер. с англ. Ю.А. Гастева, под редакцией А.С. Есенина-Вольпина. – М.: Издательство «Мир», 1966. – 555 с.
8. Browder F.E. *Mathematic sand the Sciences*. – URL: mcps.umn.edu/philosophy/11_12Browder.pdf
9. Cohen I.B. *Revolutioninscience*. – Cambridge etc.: Harvard University Press, 1985. – 712 p.
10. Crowe M.J. Ten «Laws» concerning patterns of change in the history of mathematics // *Historia mathematica*, N.Y. etc. – 1975. – Vol.2. – №2. – P. 161–166.
11. Crowe M.J. Ten Misconceptions about Mathematics and Its History. 1988. –URL: mcps.umn.edu/philosophy/11_11Crowe.pdf
12. Hempel C.G. *Geometry and Empirical Science // Readings in the Philosophyof Science / Philip P. Wiener (Ed.)*. – N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1953). – P. 7-17.
13. Dauben J.W. *Conceptual revolutions and the history of mathematics: Two studies in the growth of knowledge // Transformation and tradition in the sciences*. – Cambridge etc., Cambridge University press, 1984. – P. 105-124.
14. Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 210 p.
15. Wilder R. L. *Mathematics as a Cultural System*. – Oxford: Pergamon, 1981. – 182 p.

ОТ МОДЕЛИ Т.КУНА – К КОНСТРУИРОВАНИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАУКИ, ИЛИ ОБ ОДНОМ УЧЕБНОМ ПРОЕКТЕ

Татьяна Леонидовна Михайлова

*Кандидат философских наук, доцент, профессор РАЕ
Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева*

В статье предпринята попытка обоснования конструирования концептуальной истории науки через реализацию образовательного проекта «Политех: время, события, люди», посвященного 100-летию юбилею НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Основная миссия проекта состоит в организации волонтерского студенческого движения с целью сбора данных методом интервьюирования ведущих профессоров университета, их родственников и коллег. Допускается предположение, что изучение этапов научно-исследовательской деятельности, как с содержательной, так и с формально-технологической точки зрения позволит понять эволюцию технических дисциплин, репрезентирующих прикладной массив технoзнания. Выделены преимущества такого нового социокультурного подхода к истории науки. Во-первых, история пишется через изучение биографий и культурно-тематических сценариев. Во-вторых, научно-исследовательская деятельность в этом направлении связана с организацией научной коммуникации со старшим поколением ученых, что способствует плавному вхождению в будущую профессию, повышая мотивацию к сознательному занятию наукой. В-третьих, формируется университетский архив нового качества, включающий архивы ученых, их научное наследие, иногда нереализованные замыслы, репрезентирующие периферийное знание. Инициацией этого пилотного проекта стало обобщение авторского опыта семинаров с магистрами, за точку отсчета которых берется обсуждение модели науки Т.Куна, ее проекции на избранные направления технических специальностей. Подчеркивается, что не случайно именно первая в истории философии науки модель динамики научного знания Т.Куна стала отправной точкой нововведения, связанного с комплектованием университетского архива нового качества, включающего культурно-исторические и научные сценарии развития их дисциплин. Именно Т.Кун, построив первую модель развития науки, сделал объектом исследования ученого.

Ключевые слова: модель науки, прикладнизация философии, философия науки, концептуальная история науки, конструирование, научная школа, проблематизация, контекстуализация, историко-научные сценарии, биография, научная коммуникация, университетский архив, проект, волонтерское движение.

FROM T. KUHN'S MODEL TO THE CONSTRUCTION OF THE CONCEPTUAL HISTORY OF SCIENCE, OR ABOUT ONE EDUCATIONAL PROJECT

Tatiana Leonidovna Mikailova

*PhD of Philosophy, Associate Professor, RAE Professor
Nizhny Novgorod State Technical University named R.E. Alekseev*

The article is an attempt to validate the construction of the conceptual history of science through the implementation of the educational project «Polytech: time, events, people» which was dedicated to the 100th anniversary of N. Novgorod State Technical University named after Alekseev, R.E. The aim of the project is to organize the student volunteer movement with the aim of collecting data from interviews with leading professors of the University, their families and colleagues. We assume that analysis of the contents and stages of researchers' activities will enhance our understanding of the evolution of technical disciplines representing the applied bulk of technical knowledge. The advantages of such a new socio-cultural approach to the history of science are discussed. Firstly, the attempt is made to write history through the study of biographies and culturally themed scenarios. Secondly, the research activity of this type is related to the organization of professional communication with an older generation of scientists, which contributes to a students' smooth entry into the profession and increases their conscious motivation to engage in science. Thirdly, the project aims at creating a new type of the research archives of scientists and their scientific heritage, which includes often-times their unrealized plans, representing the peripheral knowledge. The starting point for this pilot project was the compilation of the author's experience of seminars with MA students. The model of science by T. Kuhn was taken as a point of reference in discussions of its projection and influence on

the chosen directions of technical specialties. It is emphasized that Kuhn's model of the dynamics of scientific knowledge became the starting point of the innovations not by chance that the first in the history of philosophy of science associated with the acquisition of the University's archive of new quality, including cultural, historical and scientific scenarios for the development of their disciplines. What T. Kuhn, constructing the first model of scientific development, made the object of research scientist.

Keywords: the model of science, the application of philosophy, the philosophy of science, the conceptual history of science, construction, scientific school, problematization, contextualization, historical and scientific scenarios, biography, scientific communication, university archive, project, volunteer movement.

Известная книга Т.Куна «Структура научных революций», 55-летний юбилей которой отмечается в этом году, – это не только точка отсчета философии науки, путеводитель по истории науки, но и смысловой нерв деятельности преподавателя философских дисциплин, организующего занятия магистров и аспирантов различных специальностей. Цитата М.А. Розова подтверждает теоретическое величие бессмертного труда Т.Куна, отмеченное в первой части высказывания. Приведем ее: «Что касается философии науки, то ее, как я полагаю, создал Т.Кун. Я имею в виду не методологию, а именно философию науки. И Венский кружок, и К. Поппер разрабатывали методологию, речь шла не о науке, а о теории, о путях ее построения и проверки. Кун построил первую модель науки, сделав при этом самого ученого объектом исследования. Он не методолог, он не говорит о том, как должен работать ученый; его интересует, как он фактически работает и почему именно так, а не иначе. Методология предписывает, а наука объясняет. Революция состояла в том, что Кун начал изучать науку как некоторое естественное явление, перейдя от модальности долженствования к модальности существования» [11, с. 6].

Вот эта «модальность существования» науки, пропущенная через биографии ученых и их открытий, – и позволяет организовать занятия, втянув в коммуникацию магистров и аспирантов различных специальностей, сконцентрировав внимание на истории избранного ими направления науки. Описание опыта реализации историко-научной составляющей дисциплин по философии науки и техники через выявление их воспитательного и коммуникативного потенциала уже было предметом исследования автора [7, как и выявление концептуальных оснований одного из магистерских курсов по истории и методологии науки и техники в области электроники [9]. В предыдущих статьях автора показана важность исторических и культурно-тематических сценариев при проведении нового подхода исследования науки, базирующегося на учете *социокультурного контекста*. Результатом реализации опыта, основанного на этом подходе, с применением модели Куна, – стали тезисы как итог сотворчества студента и преподавателя [10;5;3;15].

Вряд ли найдется более популярная в списке рекомендованных магистрам и аспирантам разных специальностей в системе высшего образования – книга, позволяющая проецировать усвоенный материал на область избранной науки. Опыт обсуждения на семинарах интерпретаций схемы модели Куна, ее сравнения с другими моделями, проекция на техническую дисциплину, написание совместных материалов, подготовка докладов, выступлений, презентационного материала к научно-практическим конференциям, в том числе международным on-line конференциям [1] – позволяет говорить о бесспорном интересе молодежи к этому произведению и его автору. Благодаря этой книге, обсуждение которой проходит на одном из трех первых занятий семестра, возникает устойчивый интерес к философии науки как *прикладной сфере* философского знания. «Прикидка» модели Куна к отдельной науке приводит к изучению истории дисциплины, выяснению, насколько эта модель коррелирует с объяснением ее истории. Иногда обнаруживаются *элементы несоответствия* технической дисциплины и модели Куна, что приводит либо к продуцированию собственной модели, либо проблематизации вопроса о динамике научного знания в рамках технических дисциплин.

Проблематизация инициирует рефлексию относительно того, как структурно организована молодая техническая дисциплина и насколько важны «неторопливые вдумчивые прогулки» по аллеям ее истории, из которых рождается актуальное бытие науки. Однозначно позитивным является бесспорное понимание важности исторического среза исследования науки, причем, очевидная неоднозначность эволюционной схемы, репрезентирующей становление, скажем, информатики как междисциплинарной комплексной дисциплины – только «подстегивают» интерес магистров специальностей ИВТ («информатика и вычислительная техника»), КТЭС («конструирование и технология электронных средств») или ПМ («прикладная математика»), представляющими ИРИТ – институт радиоэлектроники и информационных технологий. Действительно, материал Куна хорошо «ложится» на историю и философию науки лидеров естествознания, а вот возможна ли *дисциплинарная история науки* и каков тип эволюции теоретической информатики как комплексной технической дисциплины. Выбор проблем, обсуждаемых на семинаре, их уникальность, ибо в потоке магистры близких, но все же отличающихся технических дисциплин, – есть та *свобода*, которая объясняет интерес к книге Т. Куна и возможность *самостоятельного конструирования схем эволюции* технических направлений, исходя из материала Т.Куна. Это свободное обсуждение авторских проблемных схем на семинарах и конференциях инициирует потребность рефлексии истоков дисциплины, изучение которой влияет на судьбу будущего инженера или ученого. Эти дискуссии в магистерской среде, сопровождаемые рефлексией, приводят к выработке своего языка, языка «бытового» научного общения [11, с.13]. Правильно организованная коммуникация на семинарах, научно-практических итоговых магистерских конференциях, on-line Форумах [8],

– инициировала зарождение идеи, выкристаллизовавшейся в будущий проект. Проект – это результат пересечения *концептуального первого и второго порядков, т.е. объективных детерминант* – логики истории науки, сопряженной с логикой истории философии науки, и логики преподавания философских прикладных дисциплин, репрезентирующих «прогулки по краям знания» [9, с.191].

Так, обобщение опыта преподавания, умноженное на ряд пересекающихся юбилеев, – инициировало рождение проекта *«Политех: время, события, люди»*, приуроченного к столетию НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Кроме двух обозначенных юбилеев – 55-летнего юбилея книги Т.Куна и 100-летнего юбилея НГТУ – грядет еще один юбилей в мае 2018 г. – 100-летие НРЛ (Нижегородской радиолaborатории). Кстати, при подготовке 90-летнего Юбилея НРЛ студенты НГТУ участвовали в организации первого корпоративного городского праздника «День Радио» в 2008 г на Театральной площади [2]. Это поистине бесценный опыт, укрепивший вывод о важности коммуникации как ресурсе организации событий, связанных с позиционированием науки. Имеется опыт сотворчества в написании статей как результата посещения НРЛ [12; 13]. Данные статьи по тематике истории науки в сфере радиотехники [4] – это, во-первых, приглашение к дискуссии с магистрами прошлых лет, а, во-вторых, образец, «изготовления» статьи, обработки материала при ее оформлении, что крайне важно на этом уровне, как и опыт составления визуальных схем при освоении модели науки Т.Куна. Опыт проектной работы соответствует процедуре контекстуализации, т.е. неизбежном выходе в поле избыточной информации, когда возникает необходимость знакомства с предшествующими этапами становления своей дисциплины, ее истоками. История информатики неизбежно «вгоняется» в общее русло истории радиотехники, что обнаруживается при обсуждении становления теоретической информатики в НГТУ. Так, контекстуализация сопровождает, дополняет, проблематизирует.

Проблематизация и контекстуализация – это методологические процедуры, составляющие невидимую ткань теоретического обоснования проекта конструирования дисциплинарной истории науки, точкой отсчета которого является модель науки Т.Куна, ее проекция на конкретные технические дисциплины с целью проверки на предмет соответствия – несоответствия. В случае несоответствия – свобода самостоятельного достраивания модели, что есть основание возможности конструирования истории отдельных технических дисциплин, верифицируемое на подготовительном этапе нашего проекта. Действительно, *«философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа»* [6, с. 201]. Эта крылатая фраза И. Лакатоса репрезентирует концептуальный «нерв» обоснования возможности конструирования дисциплинарной истории науки, что имманентно подразумевает использование методологического инструментария.

Проект *«Политех: время, события, люди»*, ядро которого – подготовка *университетского архива* [14], в котором собраны интервью ученых университета, – качественно фундирован как теоретически, так и практически. Серьезное прочтение книги Т.Куна, выделение несоответствия, т.е. некоторого зазора между моделью реального развития технической дисциплины и схемой Куна *«пробуждает»* свободу творчества студентов и магистров, что способствует пополнению отряда волонтеров. Опыт предшествующих проектов по РР-науки позволяет пролонгировать исследование вглубь, к истокам своей дисциплины, что служит основанием жизнеспособности проекта. Сейчас этот проект охватывает работу с волонтерами, предполагающую разработку перспективного плана, включающего: а) исследовательскую этику и деловые коммуникации; б) отработку инструментария для различных методов сбора информации; в) разработку способов представления исследовательской информации; г) подготовку документации и архивирования исследовательских данных.

Литература

1. АРХИВ «Студенческий научный Форум», 2013, 2014, 2015, 2016, 2017. – <http://www.scienceforum.ru//2013,2014,2015,2016,2017>
2. Балдыгина И.В., Михайлова Т.Л. «Мы – дети Радио» или инновационные технологии брендинга территорий // Человек в системе коммуникации: проблемы инновационных трансформаций. Материалы X научно-практической конференции. 2011. С. 355-357.
3. Башев А.А. Микропроцессорный прорыв будущего как тотальная революция – через призму парадигмы Томаса Куна // Будущее технической науки: сборник материалов XVI Международной молодежной научно-технической конференции. 2017. – С. 739.
4. Калякина П.П. Нижегородская наука – фронту, или история развития радиотехники в годы войны // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 4-4. – С. 620-622.
5. Клемешева Ю.Г., Михайлова Т.Л. История возникновения теплотехники – через призму модели Т.Куна // Будущее технической науки: сборник материалов XIV Международной молодежной научно-практической конференции. 2015. – С. 568-570.
6. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 199-278.
7. Михайлова Т.Л. Воспитательный и коммуникативный потенциал историко-научной составляющей магистерских курсов по философии науки и техники: обобщение опыта // Современные технологии в кораблестроительном и авиационном образовании, науке и технике Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р.Е. Алексеева. 2016. – С.639-647.

8. Михайлова Т.Л. Коммуникативная составляющая конференции магистров как специального события в системе современного образования // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 6. – С. 121-126.
9. Михайлова Т.Л. О концептуальных основаниях магистерского курса «История и методология науки и техники в области электроники»: обобщение опыта // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сборник научных статей; под общ. ред. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2017. – С. 191-194.
10. Мындреску А.В., Михайлова Т.Л. Эвристический потенциал книги Томаса Куна «Структура научных революций» в формировании специалиста по направлению «Информационный сервис» // Будущее технической науки: сборник материалов XIV Международной молодежной научно-практической конференции. 2015. – С. 581-582.
11. Розов М.А. Основные проблемы философии науки // Актуальные проблемы философии науки / отв. ред. Гирусов Э.В. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 5-16.
12. Чернеев Н.А., Михайлова Т.Л. От кристадина О.В. Лосева – к «глобальной деревне» М. Маклюэна, или о контексте культурно-антропологических измерений цивилизации // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 4-4. – С. 631-633.
13. Шарова Я.А., Михайлова Т.Л. О.В. Лосев – «пионер» полупроводниковой электроники, или о системе детерминант развития науки и техники: российский сценарий // Будущее технической науки: сборник материалов XI Международной молодежной научно-технической конференции. Нижний Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2012. – С. 418-419.
14. Шиллер-Валицкая И. Архив польской Академии наук как хранилище профессорского наследия // Биографии университетских архивов / под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 265-292.
15. Шут Д.С. Развитие полупроводниковой электроники: революция или эволюция (в контексте методологии Т. Куна) // Будущее технической науки: сборник материалов XVI Международной молодежной научно-технической конференции. – 2017. – С. 760-761.

УДК 167.7

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО И ОБОСНОВАНИЕ ЗНАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СМЕНЫ ТРАДИЦИЙ*

Екатерина Евгеньевна Вознякевич

Кандидат философских наук, доцент

Обнинский институт атомной энергетики — филиал,

«Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ».

Рассматривается механизм смены традиций для различных форм аргументации. Доказательство может быть рассмотрено, как способ продемонстрировать, что некоторое новое знание обладает тем же уровнем достоверности, что и принятое ранее. Обоснование представляет собой процедуру, убеждающую в том, что некоторое знание лучше, чем то, что было. Доказательство предполагает установление одинакового уровня достоверности. Обоснование предполагает указание на то, что эпистемологический статус того знания, которое обосновывается, выше, чем у того, которое уже есть. Процедура доказательства предполагает наличие некоторой нормы, выражающей требуемый для данного множества принимаемых суждений уровень достоверности. Обоснование оказывается зависимым от своего контекста. В этом случае оказывают влияние как внутренние, так и внешние по отношению к науке факторы. Утверждается, что революционная схема хорошо описывает смены традиций с точки зрения доказательства. Эволюционная модель лучше описывает изменение требований к обоснованности знания.

Ключевые слова: доказательство, обоснование, эпистемологический статус знания, научные традиции.

ARGUMENTATION AND EXPLANATION OF KNOWLEDGE FROM THE POINT OF CHANGE OF TRADITIONS

Ekaterina Evgenevna Voznyakevitch

PhD of Philosophy, Associate Professor

Obninsk Institute of nuclear energy

The mechanism of changing traditions for different forms of argumentation is considered. The proof can be considered as a way to demonstrate that some new knowledge has the same level as that one which previously was accepted. Justification is considered as a procedure that demonstrates that

* Доклад подготовлен в рамках работы над проектом, поддержанном РФФИ № 16-13-40003а(р)

some knowledge is better than that one which was accepted before. Proof implies the establishment of the same level of reliability. Justification implies an indication that the epistemological status of the knowledge that is justified is higher than that of the one that already exists. The procedure of proof presupposes the presence of a certain norm expressing the level of reliability required for a given set of judgments. The rationale is dependent on its context. In this case, both factors, internal and external ones, are making an impact. It is argued that the revolutionary scheme describes better the change of traditions from the point of view of the evidence. The evolutionary model better describes the change in the requirements for the validity (justification) of knowledge.

Keywords: evidence, justification, epistemological status of knowledge, scientific traditions.

Существуют различные формы аргументации, то есть способа «подведения оснований под какую-либо мысль или действие с целью их публичной защиты, побуждения к определенному мнению о них, признания или разъяснения» [5, с.167]. Прежде всего, следует различать риторические и научные формы аргументации. В то время как первые имеют целью формирование мнения в отношении того или иного тезиса, вторые направлены на придание знанию определенного эпистемологического статуса. В зависимости от традиции, характерной для определенной области исследования, высокий эпистемологический статус может выражаться различными категориями, такими как «истинное», как, например, для математических наук, «достоверное», как для многих естественных наук, «надежное» - для технических, и так далее. Не вполне корректно обобщая, можно сказать, что речь идет о том, чтобы указать какие бы то ни было критерии для того, чтобы можно было признать за аргументируемым тезисом эпистемологический приоритет.

Среди форм научной аргументации принято различать доказательство и обоснование. Различая эти формы, обычно указывают на уровень достижимой убедительности. Так, говоря о доказательстве, указывают на то, что результатом данной процедуры должно стать доверие этому знанию, принятие этого знания как наилучшего применительно к его предмету. Например, Асмус пишет: «Доказательство осуществлено всюду там, где показывается, что истинность (или ложность) некоторого тезиса необходимо следует из истинности (или ложности) некоторых положений, уже ранее доказанных или признанных истинными, а также из выясненного содержания основных для данной науки понятий» [1, с.7]. На то же указывает «Краткий словарь по логике» под редакцией Горского: «рассуждение, устанавливающее истинность какого-либо утверждения путем приведения других утверждений, истинность которых уже доказана» [2, с.48]. Таким образом, исходя из более или менее традиционного употребления термина «доказательство», можно сделать вывод о том, что данная процедура представляет собой установление равенства эпистемологического статуса данного знания с тем, который был ранее присвоен некоторому множеству иных утверждений, на которые опираются в ходе аргументации. Поясно: когда мы говорим, что данное утверждение истинно, мы указываем на то, что качество выражаемого им знания такое же, как качество ранее принятых утверждений. Вследствие этого, следует данное знание принять ровно настолько же, насколько мы принимаем «утверждения, истинность которых уже доказана». В этом случае мы имеем дело со своего рода ситуативной «нормой истинности», единообразное основание для признания качества знания достаточным для того, чтобы признать его наилучшим. В силу отсутствия конвенционально признанной концепции истинности, можно говорить о том, что в рамках различных познавательных практик такое основание будет отличаться.

В отличие от доказательства, обоснование рассматривается как процедура «посредством которой некоторому высказыванию сообщается определенная степень вероятности» [5, с.167]. То есть, обоснование предполагает, что данное знание лучше принять, чем не принять. Оно, в силу тех или иных его качеств, лучше, чем любое из имеющихся. Но такая относительная оценка предполагает, что существует некоторый, выходящий за пределы конкретной системы высказываний, теоретический или практический контекст, в котором функционирует некоторое знание.

Такое различие форм аргументации позволяет проследить различные пути реализации научной традиции. Основанием для деления является вопрос о том, что именно устанавливается традицией. Когда речь идет о доказательстве, основным вопросом оказывается то множество утверждений, которое мы уже признали достаточно качественными для того, чтобы их принять. Именно совокупность качеств, которыми обладает выражаемое ими знание, составляет некоторую «норму истинности». Очевидно, что в данном случае речь идет о такой теории, которая будет носить статус парадигмальной. Кун, когда пишет о смене парадигм, говорит о своего рода смене гештальтов, что может трактоваться и как смена «картин мира». Но легко заметить, что, чаще всего, смена парадигм затрагивает различные «картинными мира» в разных областях знания. Видимо в этом случае не вполне целесообразнее говорить о том, как меняются представления об объекте исследования. Некоторые фундаментальные постулаты теории в ходе развития традиции могут расширяться, иначе интерпретироваться или ставиться под сомнение. Но всё это происходит в силу стремления сохранить их эпистемологический статус. Неявным образом этот набор утверждений, составляющий ядро парадигмальной теории, задает то, какими качествами должно обладать знание, чтобы быть принятым как достаточно аргументированное. Это, в свою очередь, мотивирует конкретного исследователя применять одни познавательные практики, и не применять другие. Новые приемы получения знания могут быть приняты только в том случае, если удастся продемонстрировать, что получаемое знание обладает требуемыми качествами. Таким образом, там, где речь идет о доказательстве, традиция выглядит устойчивой и воспроизводимой, но меняется она очень быстро, «вдруг». Из-за того, что норма, задаваемая некоторым набором

примеров, является неявным знанием, процессы, приводящие к ее изменению, как говорится, «идут в темноте».

Строгое доказательство во многих науках возможно только в редких случаях. Ведь если речь идет о каком-то предметном знании, то качества, которыми обладает полученное знание, в том числе, определяются и тем, о чем мы знаем. То есть, полной эквивалентности свойств достичь удастся лишь в редких случаях, когда достигнут высокий уровень формализации. Как правило, доказательство указывает на примерно равный эпистемологический статус знания, выраженного в некотором множестве утверждений. Если упростить, то в рамках одной теории есть более и менее истинные утверждения. Они все равно конвенционально признаны, обладают с точки зрения данного научного сообщества эпистемологическим приоритетом, но их статус, тем не менее, не равен. Относительное равенство эпистемологического статуса является основанием для опоры на эти утверждения в исследовательской практике. По мере развития знания о предметной области норма постепенно размывается. О том, что произошла революция, мы судим, как правило, постфактум, когда вдруг возникает вопрос о достаточности доказательства. Например, Целищев, говоря о математике, пишет:

«Безусловно, верховным судьей в вопросе о том, считать ли тот или иной тип доказательства допустимым, является математическая практика. Внешняя философская критика интересна и важна, но, тем не менее, является «посторонней». Другое дело, когда в математическом сообществе возникает схизма по поводу допустимости той или иной формы доказательства. В этих случаях сами математики охотно прибегают к философским основаниям математических методов мышления.» [6, с.386]. Таким образом, смена традиции выглядит как пересмотр состава фундаментальных положений, которые соответствуют требованиям новой нормы. Именно обнаружение изменившегося в ходе исследовательской практики эпистемологического статуса ряда положений, входящих в теорию, ведет к изменению теории, часто без существенного пересмотра ее содержания, но выражающаяся в существенных изменениях познавательных практик и сфер внимания исследователей.

Когда речь идет о другой форме аргументации, об обосновании, то традицией определяется не то, какими качествами должно обладать знание для того, чтобы получить статус наилучшего, а то, почему это знание следует принять. Если мы исходим из попперовской идеи о том, что знание – способ решения проблем, то, очевидно, в зависимости от характера проблем, которые мы решаем, приемлемым оказывается различное по качеству знание. Разумеется, речь не идет о чистой прагматике. Для того, чтобы выразить это улавливаемое различие, как правило, мы говорим о разных уровнях научного исследования: прикладное, фундаментальное, теоретическое, отмечая условность такого деления. Действительно, требования к обоснованности знания определяются контекстом обоснования. Но, если речь идет о контексте обоснования, то тут уже невозможно провести границу между внешними и внутренними по отношению к науке факторами. В самом общем виде носителем традиции является то, что Каллон и Рабенхарисо называют «заинтересованной группой» [7]. В эту группу могут входить не только исследователи, но и многие другие акторы, заинтересованные в решении проблемы. Вопрос об обоснованности знания не предполагает в этом случае следования какому-то образцу, норме или идеалу. Важной оказывается демонстрация соответствия способа обоснования контексту, переключая внимание «с того, что исследуют эмпирические субъекты, на то, как они это делают, какие методы они используют, из каких предпосылок они исходят и каких предубеждений они придерживаются, в каких социокультурных условиях они мыслят и действуют» [3, с. 9]. Таким образом, когда речь идет об обосновании, одно и то же знание в разных контекстах может выступать как более или менее обоснованное. Традиции могут существовать одновременно, они более гибки, легко вытесняют друг друга. Если мы смотрим на развитие науки с точки зрения изменения требований к обоснованности знания, то здесь имеет смысл говорить не о революции, а об эволюции. «Каждое сообщество обладает своими собственными приемами речи, собственными представлениями о границах разумного, собственными формами объединения интересов, собственными способами принятия единого решения» [4, с. 123]. Каждое сообщество способно заимствовать у другого успешные приемы обоснования, организуя их оптимальным образом для соответствующего контекста.

Таким образом, исходя из различения форм аргументации, возможно, выявить различные способы реализации традиции. В то время как в случае с доказательством имеет место некоторая нормативность, обоснование оказывается зависимым от своего контекста. Поэтому в первом случае для историка науки возможна революционная схема интерпретации отмечаемых изменений в стратегии и тактике научного поиска, а во втором – эволюционная.

Литература

1. Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержении. М.: Госполитиздат, 1954. – 87 с.
2. Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике / Под ред. Д.П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
3. Касавин И.Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. – 2009. – № 2. – С. 3-10.
4. Летов О. В. Социальные исследования науки и техники и проблема объективности // СИСП. – 2011. – №3. – С.115-124

5. Свинцов В.И. К вопросу о соотношении понятий аргументация, доказательство, обоснование // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. – С. 165–172
6. Целищев В.В. Эпистемология VS онтология в античной философии математики // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2015. – Т. 9. – № 2. – С. 380-392.
7. Callon M., Rabeharisoa V. The Growing engagement of emergent concerned groups in political and economic life lessons from the french association of neuromuscular disease patients // Science, technology, human values. L. etc., 2008. – Vol. 33. – N 2. – P. 230–261.

УДК 122/129

АРТЕФАКТ И НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Евгений Валерьевич Масланов

Кандидат философских наук

Институт философии Российской академии наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье анализируется роль инструмента в научном исследовании и формировании научной картины мира. Делается вывод о том, что существует два типа инструментов. Первые – стандартные – позволяют получить результаты, вписывающиеся в существующие научные идеализации. Вторые могут дать результаты, которые не вписываются в существующие научные представления. Они выступают инструментами развития научного знания и научной картины мира. В данном случае инструменты выступают как артефакты, т.е. вещественные структуры, которые позволяют репрезентировать смыслы, специфичные для культуры, механизмы производства вещей, а также процессы обучения и овладения смыслами и метафорами, характерными для культуры, и при этом позволяют ей изменяться. Артефактами могут быть различные инструменты, которые повлияли на развитие научного знания и научной картины мира. Артефакты являются «узлом», соединяющим научную практику, научные теории и научную картину мира. Без него эти три элемента оказались бы «разорванными», находились в разных измерениях, что препятствовало бы научно-исследовательской деятельности. Статусом артефакта обладают научные инструменты, оказавшие существенное влияние на становление различных научных теорий или одного из вариантов научной картины мира. Рассматривается пример маятника как артефакта, оказавшего влияния на развитие механики.

Ключевые слова: научная картина мира, артефакт, научный инструмент.

ARTEFACT AND SCIENTIFIC WORD VIEW

Evgeniy Valerevich Maslanov

PhD of philosophy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article analyzes the role of the artifact in scientific research and the formation of a scientific picture of the world. It is concluded that there are two types of instrument. The first – standard – instruments enable us to obtain results that fit into existing scientific idealizations. The second can produce results that do not fit into existing scientific concepts. These are instruments for the development of scientific knowledge and the scientific picture of the world. In this case, the instruments act as artifacts, i.e. material structures that allow us to represent cultural specific senses, the mechanisms of production of things, the processes of learning and mastering the meanings and metaphors that characterize the culture and at the same time allow it to change. As artifacts various tools can serve – tools that have influenced the development of scientific knowledge and the scientific picture of the world. Artifacts are a "knot" that connects scientific practice, scientific theories and the scientific picture of the world. Without it, these three elements would be "torn apart", be in different dimensions, which would interfere with research activities. The status of the artifact is possessed by scientific instruments that have had a significant impact on the formation of various scientific theories or one of the variants of the scientific picture of the world. As an illustration of artifacts influenced the development of mechanics, the pendulum is considered.

Keywords: scientific picture of the world, artifact, scientific instrument.

Научная картина мира – это целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, формируемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе её исторического развития. «Функционируя в качестве исследовательской

программы, – отмечают исследователи, – научная картина мира сама развивается в этом процессе» [8, с. 82]. К. Поппер пишет, что «метод науки – это метод смелых, дерзких предположений и изобретательных и решительных попыток их опровергнуть» [6, с. 84]. Проверка и опровержение гипотез выступает в качестве основы научно-исследовательской деятельности.

Проверка гипотезы предполагает её соотнесение с некоторой внешней по отношению к ней реальностью. Не имея непосредственного доступа к реальности, исследователи конструируют её в процессе своей деятельности. «Конструируются не только теория, но и факты, представляющие собой описание целенаправленной человеческой деятельности, – пишет А. М. Розов. – Теория существует на уровне проектов человеческой деятельности или “деятельности” Природы, факты на уровне описаний реализованной деятельности» [7, с. 115]. Деятельность по «конструированию» связана с использованием «инструментов». Б. Латур определяет их как «любую установку, вне зависимости от её размера, устройства и стоимости, производящую визуальный продукт, который используется затем в научных текстах» [4, с. 118]. В данном случае нет принципиальной разницы между маятником и Большим андронным колайдером, построенным в ЦЕРНе. Все это установки, используемые для конструирования реальности и изучаемых фактов, описываемых в научных текстах.

Важным компонентом установки являются используемые в ней «идеализации», присутствующие в научной картине мира, на основе и для изучения которых она конструируется. Некоторые установки способны описывать больший объем информации, чем содержится в используемых «идеализациях». Примером подобного функционирования установки служит история возникновения барометра. Торричелли конструировал свою экспериментальную установку для измерения степени «боязни пустоты», но в итоге предположение о «боязни пустоты» было заменено на предположение о том, что на столбик ртути «давит» воздух. Ни о каком «атмосферном давлении» в процессе конструирования барометра Торричелли не знал, однако сама экспериментальная установка и интерпретация полученных результатов привели его к новому предположению. Таким образом, установка сама по себе может предоставлять больше данных, чем предполагалось получить с её помощью. Поэтому развитие научной практики рано или поздно выходит за пределы существующего образа реальности, «втягивая в орбиту исследования принципиально новые объекты, характеристики которых уже не схватывает доминирующая дисциплинарная онтология» [8, с. 83]. В науке существует несколько типов установок. Одни подтверждают существующие теоретические построения, тогда как другие позволяют получать новое знание, выходящее за пределы имеющихся представлений.

Оба типа экспериментальных установок схожи. Они представляют собой продукт человеческой деятельности и сознательного конструирования, носят вещественный характер. Однако их функционирование в системе научного производства различно. Одни носят вспомогательный характер и используются для интерпретации полученных данных, формирования некоторых визуальных образов, тогда как другие позволяют проводить новые исследования, проблематизировать полученные данные, проверять выдвинутые гипотезы. Разделение на данные группы достаточно условно и зависит от исторического контекста. Одни и те же приборы, помещенные в различные контексты, могут иметь различный статус. В эпоху становления современного естествознания маятник выступал прибором, который позволял получить принципиально новое знание; сейчас это вряд ли так. Поэтому для каждого исторического этапа развития научного знания существуют свои собственные приборы, позволяющие получать новые знания. Такие установки мы предлагаем обозначить термином «артефакт».

Понятие «артефакт» многозначно. Оно используется в археологии, биологии, философии, исследованиях науки и техники. В археологических и исторических исследованиях под артефактом обычно понимается любой объект, созданный благодаря целенаправленной человеческой деятельности, что отличает его от естественных объектов. Л. Бейкер предлагает отличать артефакты от естественных объектов как минимум на основании трех признаков:

«1) Существование артефактов (но не естественных объектов) – онтологически, а не только казуально – зависит от целей человека. 2) Соответственно, артефакты – это “интенционально зависимые” объекты, которые не могли бы существовать в мире без разума <...> 3) Артефакты обязательно имеют собственные функции, специально заложенные в них существами с убеждениями, желаниями и намерениями» [1, с. 57].

Одна из наиболее разработанных философских классификаций артефактов предложена М. Вартофским. Он отмечает, что их производство – это специфическая человеческая форма деятельности. На этом основании выделяется несколько уровней артефактов. «Первичные артефакты – это артефакты, применяемые в данном производстве непосредственно. Вторичные артефакты – это артефакты, используемые для сохранения и передачи приобретенных навыков или форм деятельности (практики), при помощи которых осуществляется это производство» [2, с. 201]. «Вторичные» артефакты являются «фактически физическими или перцептивными воплощениями форм деятельности, или практики, либо в более постоянных формах физических объектов определенной конфигурации или расположения (например, «прототипы» орудий труда, используемые в качестве образцов для изготовления новых экземпляров; визуальные сигналы или метки – вырезанные, нарисованные, начерченные и т.п.), либо в таких переменчивых формах, как телесные жесты, ритуальные церемонии, восклицания» [2, с. 200]. Вторичные артефакты обладают двойственной природой. С одной стороны, они могут выступать как «орудия», непосредственно используемые в человеческой деятельности, а с другой – репрезентируют отдельные идеи, содержащиеся в общественной практике. В основном, к ним прибегают как к примерам и методам, позволяющим производить, использовать и поддерживать

существование «первичных» артефактов. Применение в практической деятельности опосредованной человеческим сознанием «первичных» и «вторичных» артефактов приводит к формированию «третичных» артефактов. Для них характерна «свобода воображения в разработке правил и операций, отличных от тех, что приняты в обычной, «неавтономной» практике “этого” мира» [2, с. 209].

Артефакты – это элементы системы вещей, которые:

- являются «вещественными» и позволяют репрезентировать смыслы, специфичные для культуры, механизмы производства вещей, процессы обучения и овладения смыслами и метафорами, характерными для культуры, что роднит их с первичными и вторичными артефактами в классификации М. Вартофского и одновременно отличает от третичных артефактов в указанной классификации;
- позволяют культуре изменяться, что сближает их с третичными артефактами в классификации М. Вартофского, но отличает от первичных и вторичных.

Для каждой научной картины мира и картины мира отдельной науки будут характерны свои установки-артефакты. Они как репрезентируют научную картину мира, так и конструируют её, позволяя исследователям получить доступ к конструируемой реальности и созданию новых образов реальности и идеализаций. Установка-артефакт выступает «узлом», соединяющим научную практику, научные теории и научную картину мира. Без него данные три элемента были бы «разорваны», находились в разных измерениях, что препятствовало бы научно-исследовательской деятельности.

Рассмотрим уже приводившийся нами пример артефакта – маятник – более подробно. Под физическим маятником понимается твердое тело, совершающее под действием силы тяжести колебания вокруг неподвижной горизонтальной оси подвеса, не проходящей через центр масс тела. Маятник был известен уже в Средние века, но не привлекал к себе особого внимания. Он выступал в качестве объекта, используемого для развлечения, но не подвергался изучению. Однако в период становления механики начинается активное взаимодействие с маятником. К примеру, Галилей, изучая свободное падение тела, пытается не только использовать обычные предположения и основанные на них логические рассуждения, что было бы вполне характерно и для «схоластической» науки, но и сопоставляет их с данными опыта. «Он берет простой нитяной маятник, – пишет Э. Мах, – с тяжелым шариком. Когда он поднимает шарик, вытянув нить, до известной высоты, до известной горизонтальной плоскости и затем заставляет его упасть, то шарик на другой стороне поднимается до той же высоты. Если шарик и не достигает точно той же высоты, то Галилей легко узнает, что причиной этого является сопротивление воздуха» [5, с. 113]. Маятник превращается в исследовательский прибор, который позволяет получить новое знание, что переводит в его разряд «артефактов» для складывающейся области знания, впоследствии названной механикой. Христиан Гюйгенс, «развив теорию “великого Галилея” о качании маятника, – пишет В. Г. Горохов, – создал первый точный инструмент для измерения времени – маятниковые часы» [3, с. 73]. Созданный инструмент – часы – позволил точно измерять время, благодаря чему была создана концепция абсолютного времени, независимого от человеческого восприятия, измеряемого при помощи прибора. Следовательно, маятник оказался включен и в систему социальных взаимодействий, что опять сделало его «артефактом».

Литература

1. Байкер Л. Онтологическая значимость артефактов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – №2. – С. 55-63.
2. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 508 с.
3. Горохов В.Г. Галилео Галилей как философ техники // Философский журнал. – 2012. – № 1. – 2012. – С. 59-76.
4. Латур Б. Наука в действии: следя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
5. Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2000. – 456 с.
6. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
7. Розов М. А. Инженерное конструирование в научном познании // Философский журнал. – 2008. – №1. – С. 54-68.
8. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФ РАН, 1994. – 274 с.

ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Александр Михайлович Дорожкин

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Анастасия Валерьевна Голубинская

аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В тезисах поднимается проблема принятия парадигмы через процесс обучения в условиях информационного общества. Сегодня интернет принимает на себя роль транслятора научного знания, что фактически ставит его в один ряд с учителем и учебником. Однако, проблема воздействий таких сдвигов в системе источников знания остаётся малоизученной. Классическая интерпретация концепции научных парадигм Т. Куна не учитывает и вовсе не предполагает той специфики, которая отличает современный, «интернетизированный» способ принятия научного знания, что говорит об актуальности исследований подобного рода. В данной работе рассматриваются основные аспекты обозначенной проблемы, в том числе одновременное взаимодействие ученика с несколькими источниками знания (учитель, учебник, интернет), проблема сочетания этих источников и доверия молодого человека к учителю и учебнику с одной стороны и интернету – с другой. В тезисах уделяется внимание как положительным чертам, так и возможным рискам принятия парадигмальных основ в специфических условиях современности, а также высказываются предположения о возможных и желаемых, с точки зрения авторов, изменениях процесса общения ученика и учителя.

Ключевые слова: принятие парадигмы, научная парадигма, информационное общество, интернетизация образования.

THE PROBLEM OF ADOPTION OF THE PARADIGM IN CONTEMPORARY CONDITIONS

Aleksandr Michailovich Dorozhkin

DSc in Philosophy, professor

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Anastasia Valerievna Golubinskaya

Postgraduate student

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article is dedicated to the problem of adoption of the paradigm by a student in the conditions of information society. Nowadays Internet takes a meaningful part in the process of science knowledge translation as a teacher and a tutorial book. However, the problem of the impact of such changes in the system of the knowledge sources seems to be insufficiently investigated. The common interpretation of T. Kuhn's conception of paradigms does not take the specific of internetized way of the process of adoption of the paradigm into account. This work reveals common aspects of the problem, such as the interaction of a student and the multiplied source of knowledge (a teacher, a tutorial book and the Internet), the problem of combining these sources and the trust to each of them. Authors of the article analyze the pros and cons of the situation, risks of internetised way of the process of adoption of the paradigmatic basis and suggest possible solutions.

Keywords: paradigm, adoption of the paradigm, information society, internetized education.

Если принять в качестве адекватной модели развития науки концепцию Т. Куна, то одним из важнейших, если не самым важным, этапом формирования как научного знания, так и научного сообщества является принятие парадигмы. Этому процессу Кун посвящает значительную часть своих рассуждений. Не приводя здесь их все, отметим, что основной акцент при этом он делает на процессе обучения. Именно в процессе обучения, то есть процессе общения ученика с учителем и учебником, и происходит формирование в сознании ученика парадигмальных оснований научного знания. По мнению Куна, именно это отличает модель развития науки от моделей развития других отраслей знания. Отличие состоит в том, что в процессе обучения осваивается словарь и синтаксис научного языка, что собственно и приводит к принятию определённой парадигмы. При усвоении словаря и синтаксиса языка ученик как бы надевает очки с фильтрами, позволяющими видеть всё в определённом свете. Это и есть принятие парадигмы.

Но при этом, поскольку Кун является сторонником не кумулятивного, а революционного пути развития науки, он относится к процессу обучения посредством общения с учителем и учебником довольно скептически, если не сказать резко. Он отмечает, что для молодого поколения будущих учёных такой авторитет-

ный источник знаний как учебник «систематически маскирует существование и значение научных революций» [2, С. 181]. Учебники и популярная научная литература описывают достижения прошлых революций, то есть основу современной им нормальной науки. При этом учебники, во-первых, сужают ощущение истории научной дисциплины, представляя только один из её отрезков, и, во-вторых, «подсовывают суррогаты вместо образовавшихся пустот» [2, С. 183]. Иными словами, учебники отсылают читателя только к тем работам прошлого, которые можно воспринять как вклад в постановку и решение проблем, принятых в данной парадигме и не более.

Всё вышесказанное можно в полной мере отнести и к учителям, которые пишут эти учебники и транслируют их содержание ученикам. Кун полагает, что существующая система образования, прежде всего естественнонаучного, изолирует его представителей от реальной истории становления той или иной дисциплины. В музыке, изобразительном искусстве и вообще художественном образовании учащийся знакомится с оригиналами, а не только учебниками, поэтому в полной мере ощущает полноту проблем и их решений в истории становления знания. В естественнонаучном же образовании всем правит учебник и обладающий вышеотмеченной спецификой учитель. Отсюда и проблемы в смене парадигмы. Конечно, новую парадигму создают не ученики, а учёные, но как принять новую парадигму ученикам? Кун видит один выход – менять учебники. Но, очевидно, что новый учебник рано или поздно столкнётся с такой же критикой, он будет в полной мере наделён теми же свойствами, что и старый с единственной разницей в том, что он будет защищать новую по отношению к предшествующей парадигму и не более.

Отсюда возникает вопрос: как сформировать у нового поколения учёных стремление формировать новую парадигму? Здесь ведь необходимо учесть, что далеко не всё новое является достоверным, притом не только с позиции старой парадигмы, но и вообще научного знания. Мы имеем в виду, прежде всего, определенную информацию, претендующую на статус научности, но ни в коей мере не являющуюся таковой. Попросту говоря, речь идет о лженаучном знании. При этом лженаучное знание, по всем видимым характеристикам представляется человеку, его получившему, новым знанием. Действительно, одним из самых заметных и даже очевидных путей формирования чувства нового – это приобретение именно разнообразной информации. Практически во всех рекомендациях отмечается, что современному ученику не нужно ограничивать себя знакомством с одним учебником и рассказом одного учителя [4]. Информация должна быть разной и альтернативной. Именно такую возможность сегодня представляет интернет.

Ещё несколько лет назад интернет рассматривался только как способ доставки энциклопедических знаний «обо всём и ни о чём», но сегодня его образовательные функции значительно расширились. Во-первых, появились серьёзные образовательные площадки, работающие, в том числе, и на базе ведущих университетов и научных организаций. Во-вторых, интернет представляет необъятное количество архивных документов: библиотеки и музеи позволяют не только находить информацию, но и работать с оригиналами. Интернет позволяет черпать самую разную информацию и экспертное мнение по ней. В-третьих, можно отметить волну просветительской деятельности: интернет образует новую платформу для научной журналистики, давая возможность и самим учёным ведущих университетов в форме блогов вносить вклад в популяризацию научного знания.

В процессе обучения интернет позволяет ученикам грамотно распределять ресурсы. Например, если раньше для подготовки к семинару требовалось прочесть несколько учебников в поиске ответа на весьма узкий вопрос, то сегодня работу по поиску информационные технологии берут на себя, позволяя ученику больше времени провести в работе с узким специальным текстом. Вместе с этим меняется и само отношение человека к обучению: он перманентно погружен в информационную среду и всегда готов к новой информации. Иными словами, интернет способен стимулировать развитие конструктивных познавательных привычек, например, привычки уточнять данные за счёт обращения к другим, альтернативным публикациям [1, с. 14; 3, с. 43]. Однако именно здесь и кроется основная угроза. В вышеописанных условиях ученик может поддаться иллюзии, что такой источник информации более верен, а это, в свою очередь, порождает утрату доверия к знаниям учителя. Более того, сам ученик не искушен в том, что информация, преподносимая в интернете как научная, может быть спорной, ложной и вовсе антинаучной. Перед учеником наряду со строгими академическими курсами возникают «паразиты» научного знания, что становится настоящей ловушкой для непритязательного потребителя информации. Как мы отмечали ранее, ученик не всегда способен различить новое и достоверное и иногда ставит между этими терминами знак равенства.

Указанный нами ранее потенциал информационных ресурсов в равной степени открывает новые возможности для носителей любого знания, в том числе парадигмального, аномального и антинаучного. Наука и лженаука оказываются в одной среде, они вынуждены сосуществовать, что, разумеется, является огромным преимуществом для второй и значительной проблемой для первой [5, с. 167]. В таких условиях ученик рискует оказаться «на обочине» научного знания, поддавшись убеждениям альтернативного знания. Принятие им парадигмы требует сформированного навыка оценивать корректность преподносимого знания. В этом, очевидно, ученикам и должен помогать учитель, а Интернет здесь, скорее, помеха, нежели путь приобретения нового и заведомо научного знания.

Таким образом, проблема принятия парадигмы в современных условиях крайне неоднозначна: возможности познавательной деятельности, предоставляемые информационными ресурсами в процессе принятия парадигмальных оснований, всегда сопровождаются риском утраты доверия к парадигме в целом или к отдельным её принципам. Интернет, на наш взгляд, должен рассматриваться учеником не как непосред-

ственно источник знания, но как способ доставки этого знания от профессионала к ученику. Это знание не должно быть анонимным, тайным, с претензией на универсальное и исчерпывающее описание. Напротив, вместе с самим знанием ученик должен получать своеобразную карту лагун современной науки, включающую историю исследования этих пробелов и попыток их закрытия, что в дальнейшем поможет ему проводить черту между новым знанием и предрассудком. Однако, нужно иметь в виду, что такую карту ученик получит, скорее всего, также через Интернет, а это означает, что мы вновь возвращаемся к проблеме доверия.

Получается своеобразный «заколдованный круг»: учителю и учебнику, как носителям идей старой парадигмы нельзя доверять, во всяком случае, полностью, потому что здесь нет выхода на новую парадигму, а широкому информатору интернету нельзя доверять, потому что велика вероятность получить тупиковое направление развития знания. Как же быть? Однозначного и универсального ответа на разрешение этой дилеммы, по нашему мнению, не существует. Наши предложения на этот счет таковы: Каким-либо образом оказывать влияние на качество информации в интернете не представляется возможным. Здесь можно лишь предупредить пользователя о вероятности получения ложной научной, – да и не только научной, – информации. А вот учитель и учебник, на наш взгляд, должны пройти определенную перестройку. Сводить она должна к тому, чтобы содержание учебника и особенно деятельность учителя не ограничивалась бы лишь передачей знаний в форме парадигмальных основ, то есть упомянутых синтаксиса и словаря имеющейся парадигмы. Учителю нужно дать право на только и не столько педагогическое творчество. Ведь, что «греха таить», даже таковое ныне запрещено многочисленными и в значительной степени беспоточными инструкциями чиновников. Учителю нужно дать возможность наладить сотворчество с учеником, в плане изменения синтаксиса и словаря научного языка, то есть процесс рождения нового знания, пусть вначале ущербного, должен происходить в сотрудничестве ученика не с интернет-пространством, а с учителем. Интернет при этом должен выполнять роль вспомогательного, но никак не основного источника новой информации. Новую информацию должны производить учитель и ученик совместно, но при этом учитель должен и получить своеобразное «право на ошибку». Новое никогда не рождается сразу и окончательно истинным.

Литература

1. Григорьев С.Г., Гриншкун В.В., Заславская О.Ю., Кулагин В.П., Оболяева Н.М. Мониторинг использования средств информатизации в российской системе среднего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Информатизация образования». – 2009. – № 3. – С. 5-15.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1997. – 292 с.
3. Оценка уровня информатизации общеобразовательных учреждений России (информационно-аналитические материалы) / под общей редакцией А.Н.Тихонова. – М.: Государственный НИИ информационных технологий и телекоммуникаций «Информика», 2009. – 64 с.
4. Структура ИКТ-компетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО. Редакция 2.0 [электронный документ]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002134/213475r.pdf>
5. Тощенко Ж.Т. Кентавр-культура: современные лики. Диалог культур в условиях глобализации // XI Международные Лихачевские чтения 12–13 мая 2011 года: Материалы. – СПб., 2011. – Т. 2. – С. 166-173.

УДК 111.82

О ПРЕТЕНЗИИ НА НАУЧНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ АВТОРОВ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ТЕОРИИ ГРАВИТАЦИИ

Виктор Николаевич Князев

Доктор философских наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Анализируется подход авторов релятивистской теории гравитации и их явная претензия на большую адекватность этой теории в познании природы тяготения по сравнению с общей теорией относительности. В релятивистской теории гравитации (РТГ) принимается, что исходным и физически истинным является пространство Минковского, а гравитационное поле предлагается рассматривать как физическое поле типа Фарадея-Максвелла. В РТГ действительно есть некоторые привлекательные стороны, которые роднят ее с традиционными полевыми теориями и представлениями. Однако поскольку сами авторы РТГ настойчиво утверждают о ее принципиальной новизне и адекватности реальности (а об ОТО говорят лишь в аспекте историко-научном), мой анализ сосредотачивается на слабых сторонах РТГ в связи с ее претензией на фундаментальность в понимании природы гравитации. Критически анализируется понимание роли «пространства-времени Минковского» в релятивистской теории гравитации. Основной вывод: с учетом по сути полной идентичности математического аппарата ОТО и РТГ, по-

следную следует признать, как одну из конкурирующих альтернатив ОТО. Однако ее новации не говорят об устарелости ОТО и ее замене на РТГ, и, следовательно, рождение РТГ невозможно признать научной революцией.

Ключевые слова: научная революция, общая теория относительности, Эйнштейн, релятивистская теория гравитации, Логунов, пространство-время Минковского.

ON THE CLAIM OF SCIENTIFIC REVOLUTION MADE BY THE AUTHORS OF THE RELATIVISTIC THEORY OF GRAVITATION

Viktor Nikolaevich Knyazev
DSc in Philosophy, professor
Moscow State University of Education

The paper considers the approach of the authors of the relativistic theory of gravitation and their explicit assertion of the greater adequacy of this theory concerning the knowledge of the nature of gravitation as compared with the general theory of relativity. In the relativistic theory of gravitation (RTG), the Minkowski space is assumed original and physically true, while the gravitational field is proposed to be considered as a physical field of the Faraday-Maxwell type. The relativistic theory of gravitation indeed possesses a few attractive aspects that relate it to traditional field theories and representations. However, since the authors of the relativistic theory of gravitation insist on its fundamental novelty and adequacy of reality (while the general theory of relativity (GTR) is referred to exclusively in terms of the history of science), my analysis focuses on the weak sides of RTG in relation to its claim to fundamentality in understanding the nature of gravity. The understanding of the role of Minkowski space-time in RTG is critically analyzed. The main conclusion is as follows: taking into account the essentially complete identity of the mathematical apparatus of GTR and RTG, the latter should be recognized as a competing alternative to general relativity. However, its innovations do not mean the obsolescence of general relativity and its replacement by relativistic theory of gravitation and, consequently, the birth of RTG cannot be considered a scientific revolution.

Keywords: scientific revolution, general theory of relativity, Einstein, relativistic theory of gravitation, Logunov, Minkowski space-time.

Научное и философское сообщества второй половины XX века и ныне по-разному относятся к понятию «научная революция», предложенному Т. Куном 55 лет тому назад. При определенной размытости содержания этого понятия (что связано с еще большей неопределенностью понимания им научной парадигмы) я исхожу из возможности и даже необходимости его современного использования. Понятие научной революции действительно несколько неопределенно, но как философское понятие оно существенно значимо для характеристики процесса развития науки. Надо сказать, что все философские понятия невозможно строго однозначно определить, но они необходимы культуре как ее универсалии, как ее исходные понятия. Более того, по моему убеждению, фундаментальные философские понятия несут в себе выраженный элемент постулативности [4, с. 42]. В этой связи подчеркну свою солидарность с размышлением выдающегося математика Г. Вейля, который писал: «Всякое начало является темным. Именно математику, который строгим и формальным образом оперирует понятиями своей развитой науки, следует время от времени напоминать о том, что первопричины вещей лежат в более темных глубинах, чем те, которые они в состоянии постичь своими методами. Задача *постижения* остается за пределами отдельных наук. Несмотря на обескураживающую чехарду философских систем, мы не можем отказаться от ее решения, если не хотим, чтобы знание превратилось в бессмысленный хаос» [1, с. 20]. Наука и философия всегда стремятся к поиску смысла. Именно в этом контексте я буду анализировать возможность использования понятия «научная революция» к такой новации в физике XX века как релятивистская теория гравитации (РТГ).

Идеи РТГ были выдвинуты в семидесятые годы XX века А.А. Логуновым и его единомышленниками в качестве альтернативы общей теории относительности (ОТО). РТГ построена на трех основных принципах [5, с. 195-196, 6, с. 314, 8]: 1) тезисе о том, что псевдоевклидова геометрия является единой естественной геометрией для всех физических процессов, включая и гравитационные, 2) принципе геометризации (принципе тождественности), утверждающем, что уравнения движения вещества под действием гравитационного поля в псевдоевклидовом пространстве-времени могут быть тождественно представлены как уравнения движения в некотором эффективном римановом пространстве-времени и 3) обобщенном принципе относительности, который обеспечивает в РТГ строгое выполнение законов сохранения энергии-импульса и момента количества движения для вещества и гравитационного поля вместе взятых. В РТГ принимается, что исходным и физически истинным является пространство Минковского, а потому Вселенная бесконечная и «плоская»; это приводит к выводу о том, что плотность физической материи во Вселенной должна быть строго равной ее критическому значению. Риманова геометрия объявляется производным, вторичным понятием, а первичными берутся плоский «фон» Минковского и физическое гравитационное поле типа Фарадея-Максвелла.

Здесь нет возможности напоминать основные положения ОТО. Очень важным является трактовка соотношения гравитации и пространственно-временного континуума. Какова природа этого континуума? Является ли он пространством-временем Минковского или 4-мерным пространством Римана? Наконец, самое главное: какое из этих пространств адекватно представляет в теории реальные гравитацию, пространство и время? Ответ на эти вопросы зависит от решения вопроса о проявлении свойств гравитационных взаимодействий в свойствах реального пространства и времени. Как известно, большинство физиков считают общую теорию относительности (ОТО) той фундаментальной теорией, в формализме которой гравитационное поле описывается искривленным 4-мерным пространством-временем Римана. Характеристикой гравитации в теории Эйнштейна является тензор кривизны. При этом Эйнштейн так разъясняет свою позицию: «Согласно общей теории относительности, метрические свойства пространства-времени причинно не зависят от того, чем это пространство-время наполнено, но определены этим последним. Это придает континууму метрический неевклидов характер и приводит к проблемам, чуждым классической теории» [9, с. 408]. Многие из этих проблем снимаются в ходе физической и эпистемологической интерпретации. Мне представляется, что использование геометрии Римана при построении ОТО в конечном счете реализует вполне определенную философскую предпосылку, а именно: физическая материя определяет пространство и время, материальные взаимодействия проявляются в соответствующих свойствах (метрических, топологических, свойствах симметрии) пространства и времени. В свою очередь Логунов утверждает: «хотя ОТО и явилась крупным шагом в гравитации, после работ И. Ньютона, тем не менее, она оказалась не завершенной схемой, как по ее физическим представлениям, так и по основным уравнениям, которые используются для объяснения и предсказания гравитационных явлений» [7, с.184].

Вопрос о взаимоотношении РТГ и ОТО, бесспорно, нуждается в анализе и обсуждении. Есть некоторые привлекательные стороны в РТГ, которые роднят ее с традиционными полевыми теориями и представлениями. Однако поскольку сами авторы РТГ настойчиво утверждают ее принципиальную новизну и адекватность реальности [8] (а об ОТО говорят лишь в аспекте историко-научном!), необходимо сосредоточить главное внимание на ее (РТГ) слабых сторонах в связи с ее претензией на фундаментальность в понимании природы гравитации.

С моей точки зрения, в основе противопоставления РТГ общей теории относительности лежит логико-гносеологическая ошибка – отождествление абстрактного пространства, являющегося элементом теории, с реальным пространством и временем, существующими вне и независимо от нее. Логунов пишет: «*Утверждение о том, что псевдоевклидова геометрия является единой естественной геометрией для всех физических процессов, включая и гравитационные, составляет одно из основных положений развиваемого нами полевого подхода к теории гравитационного взаимодействия*» [5, с.195]. Понимая под «естественной геометрией» геометрические свойства реального пространства, любому исследователю далее необходимо позаботиться об адекватном отражении в теории этой «естественной геометрии», что решается уже не в самой теории, а за ее пределами, в сфере физического опыта. Как показывает конкретный анализ, проведенный Я.Б. Зельдовичем и Л.П. Гришуком, «попытка истолкования метрических соотношений плоского мира как наблюдаемых и основанные на этом толковании конкретные наблюдательные предсказания приводят только к противоречию с экспериментом» [2, с. 695-696]. Кроме того, отстаиваемое Логуновым представление о том, что метрика пространства должна быть всюду одинаковой – именно быть плоским фоном пространства-времени Минковского – напоминает мне отголосок старой идеи классической механики о пространстве и времени как вместилищах материи [3, с. 50].

По существу, в РТГ гравитационные взаимодействия воссоздаются как по свойствам искривленного «эффективного» пространства-времени Римана, так и с помощью плоского пространства-времени Минковского. При этом оба они выступают в РТГ лишь как абстрактные пространства. Вопрос о том, какое из них адекватно представляет в теории реальные пространство и время, вопреки мнению Логунова, решается за пределами теории, в эксперименте. А этот последний свидетельствует о том, что и ОТО, и РТГ соответствуют в объективной реальности неплоские, неевклидовы пространство и время.

Обсуждаемый нами вопрос о взаимоотношении ОТО и РТГ наглядно свидетельствует о том, насколько значимыми становятся ныне проблемы понимания и интерпретации. Мы сплошь и рядом убеждаемся, что математическое моделирование реальных природных процессов, их геометризация, занимая в силу своей абстрактности и количественной точности особое место в современных теориях, не может заменить собой собственно физического, а за ним и метафизического осмысления реальности. При этом истинное понимание значения той или иной теории в их отношении к реальности может быть адекватно выявлено лишь при единстве онтологического и эпистемологического аспектов.

Хорошо известно, насколько значимыми для науки были открытия в первую половину XX века квантовой механики и теории относительности, прежде всего общей (ОТО). Их появление лежало в основе глобальной научной революции, приведшей к принципиально новым интеллектуальным и практическим изменениям. Логунов и его единомышленники выразили претензию на большую фундаментальность своей теории по отношению к ОТО. Следовательно, хотя бы субъективно они претендуют если не на глобальную, то на локальную научную революцию. Большинство же физиков считали и считают РТГ лишь одним из интересных вариантов современной теории тяготения. В ней используется тот же математический аппарат, что и в ОТО, но дается иная физическая и философская интерпретация. Таким образом, говорить о научной революции в физике гравитации просто не приходится.

1. Вейль Г. Пространство, время, материя. Лекции по общей теории относительности. – М.: Янус, 1996. – 480 с.
2. Зельдович Я.Б., Грищук Л.П. Тяготение, общая теория относительности и альтернативные теории // Успехи физических наук. – 1986. – Т.149. – Вып.4. – С. 695-707.
3. Князев В.Н. К анализу оснований релятивистской теории гравитации // Диалектический материализм и философские вопросы естествознания. – М.: МПГУ. – 1991. – С. 46-51.
4. Князев В.Н. Нильс Бор и научная вера // Великие преобразователи естествознания: Нильс Бор: материалы юбилейных XXV Международных чтений. – Минск: БГУИР, 2017. – 310 с.
5. Логунов А.А. Новые представления о пространстве-времени и тяготении // Диалектика в науках о природе и человеке. Эволюция материи и ее структурные уровни. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
6. Логунов А.А. Рейхенбах, Эйнштейн и современные представления о пространстве и времени // Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – М.: Прогресс, 1985. – 345 с.
7. Логунов А.А. Теория гравитационного поля. – М.: Наука, 2001. – 253 с.
8. Логунов А. А., Мествиришвили М.А. Релятивистская теория гравитации. – М.: Наука, 1989. – 304 с.
9. Эйнштейн А.О космологической структуре пространства. – Собр. науч. тр.: Т.2. – М.: Наука, 1966. – 878 с.

УДК 167.1

МОДЕЛИ СОФТВЕРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ*

Елена Юрьевна Журавлева

Кандидат философских наук

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Развитие научного программного обеспечения становится критическим источником в современных исследовательских практиках в почти каждой научной сфере. Статья посвящена изучению моделей софтверизации науки как проявлений институциональных форм эволюции систем научного программного обеспечения. Такой подход позволит соотнести эволюцию систем научного программного обеспечения с исследовательской эволюцией, а также изучить сущность научного программного обеспечения. Особое внимание в статье уделено инициативам по развитию научного программного обеспечения в Европейском Союзе и в Национальном научном фонде США. В статье также рассматриваются определения научного программного обеспечения, его характеристики и классификация. В заключении статьи сделан вывод о том, что современная наука становится все больше зависимой от научного программного обеспечения, и эта зависимость начинает проявляться в моделях софтверизации науки (например, таких как «наука интенсивного программного обеспечения», «наука как сервис»), число которых будет постепенно увеличиваться.

Ключевые слова: научное программное обеспечение, «наука интенсивного программного обеспечения», «наука как сервис».

MODEL OF SOFTWAREZATION OF CONTEMPORARY SCIENCE

Elena Yurievna Zhuravleva

PhD of philosophy

Vologda branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the RF

The development of scientific software is becoming a critical source in modern research practices in almost every scientific field. The article is devoted to the study of models of scientific software as a representation of institutional forms of the evolution of scientific software system. This approach will allow to correlate the evolution of the systems of scientific software with the research evolution, and also to study the essence of scientific software. Particular attention is paid to the initiatives on the development of scientific software in the European Union and the National Science Foundation of the United States. The article also examines the definitions of scientific software, its characteristics and classification. The conclusion of the article concludes that modern science is becoming increasingly dependent on scientific software, and this dependence begins to manifest itself in models of sci-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Софтверизация современной научно-исследовательской деятельности: эпистемологические основания» № 16-03-50064.

entific software (for example, «software intensive science», «science as a service»), the number of which will gradually increase.

Keywords: the scientific software, «software intensive science», «science as a service».

Научное программное обеспечение (ПО) играет критическую роль в приобретении нового знания в науке и инженерии. Использование научного ПО помогает анализировать, визуализировать, моделировать процессы или данные, которые являются ключевыми элементами ежедневной рутины ученого.

В настоящее время многие научные приложения включают в себя сотни и тысячи записи кодов, требуют сотни человеко-лет в конструировании и создании, нуждаются в существенной продолжительной поддержке в работоспособном состоянии, массиве новых компьютеров, и продолжении эволюции возможностей программного обеспечения как «нового накопителя знаний».

В современной научной среде особое внимание уделяют развитию программного обеспечения. Например, Европейский Союз основал Европейскую исследовательскую инфраструктуру с особым вниманием к поддержке развития программного обеспечения, а также с обещаниями создать центры мастерства научного ПО при выполнении новой программы «Горизонт 2020». Одним из примеров подобной работы является Институт поддержки программного обеспечения, созданный в 2010 г. для культивации исследований мирового класса программного обеспечения. Эта поддержка заключается в работе по развитию типовых исследований ПО в партнерстве с исследователями, в поощрении отношений между исследователями и разработчиками ПО, а также лоббированию их интересов в политике по изменению практик программного обеспечения [3].

В Великобритании насчитывается 92% ученых, которые используют исследовательское программное обеспечение, 69 % из них считают, что без программного обеспечения их исследование не имеет практической составляющей, а 56 % развивают собственное ПО. Среди представителей фонда искусства и гуманитарных наук (АНРС) к этому числу относится только 10% от общего числа ученых. В 2013-14 гг. исследовательский Совет Великобритании потратил 840 млн. фунтов стерлингов на исследования, относящиеся к программному обеспечению, что составляет одну треть общего бюджета [4].

Национальный научный фонд США также вкладывают долгосрочные инвестиции в развитие инфраструктуры поддержки развития программного обеспечения, например, в 2015 г. объявлен конкурс с годовым бюджетом 11 млн. дол. с возможностью продления до 5 лет. Эта долгосрочная инвестиция сфокусирована на реализации части структуры киберинфраструктуры для науки и инженерии 21 века с целью культивирования нового мышления, парадигм, практик в науке и инженерии. Цель программы заключается в создании экосистемы программного обеспечения, которая имеют размеры от индивидуальных и небольших групп инноваторов программного обеспечения до огромных коллабораций в области создания программного обеспечения. Программа включает в себя три класса решений: элементы, интеграцию и инновационные институты научного программного обеспечения.

Киберинфраструктура для науки и инженерии 21 века представляет собой взаимосвязанную архитектуру, которая интегрирует на национальном и глобальном уровне масштабные вычисления, высокоскоростные сети, массивные архивы данных, инструменты и огромную аппаратуру, обсерватории, эксперименты, встроенные сенсоры и силовые приводы, что расширяет исследования в беспрецедентных масштабах сложности, решения и точности при интегрировании вычислений, данных, экспериментов проведенных новыми способами.

К настоящему времени можно выделить несколько определений исследовательского программного обеспечения. Научное программное обеспечение это первичная модальность, через которую могут быть реализованы инновации и научный поиск в киберинфраструктуре для науки и инженерии 21 века. Эта модальность проходит через все аспекты и уровни киберинфраструктуры (от приложения кодов и структур, программных систем, библиотек и систем программного обеспечения к программному обеспечению среднего уровня, операционных систем сетевых структур, и драйверов на низком уровне)[6].

Под научным программным обеспечением понимают то ПО, которое используют для генерации, производства и анализа результатов, которые исследователь намеривается издать в виде публикации, причем само программное обеспечение может насчитывать как небольшое количество линий кода, написанных ученым самостоятельно, так и профессионально разработанный пакет ПО, состоящий из десятков млн. линий кода [4].

Также научное программное обеспечение можно определить как широкий спектр приложений ПО, который имеет вычислительный компонент, способен моделировать физические и химические феномены и предоставляет данные, которые могут быть использованы для заполнения пробелов в научном знании [7].

Программное обеспечение встроено во все уровни современной научно-исследовательской деятельности: подготовки исследования (информационно-поисковая деятельность, создание баз данных и метакаталогов, превращение теоретической модели в количественные параметры, генерация гипотез); его проведения (подключение к виртуальным инструментам и приборам, проведение вычислительных экспериментов, автоматическое доказательство или опровержение теорем, анализ, визуализация и моделирование данных/информации, симуляции физического мира, решение сложных вычислительных задач); представления и распространения, полученных в процессе исследования результатов; осуществления научной коммуникации на всех уровнях.

В целом программные научные системы можно разделить на четыре вида. Первые размером от 1000 до 10000 линий кода – исследовательские коды, поддерживаемые в типичных исследованиях биоинформатиков. Второй вид это ключевое научное программное обеспечение до 100 000 линий кода, например, Matlab, R (без дополнительных библиотек). Третий вид - большие научные коллаборации (например, LHC, Hubble, climate models) со средним числом 1 млн. линий кода. Огромные инфраструктуры программного обеспечения до 10 млн. линий кода (к примеру, Linux kernel, MS Office) [8].

И. Фэсте вводит понятие «темное программное обеспечение», объясняя это понятие следующим образом: научный поиск является результатом не индивидуальных симуляций, но комплекса непрерывных целей исследовательского процесса. Эти процессы часто затрагивают, для примера, проектирование и анализ симуляций, экспериментальных данных или данных наблюдения; работу симуляций в пределах огромной проектной оптимизации и неопределенной квантификационной активности; системы проверки достоверности, через сравнение экспериментальных данных и данных симуляций; распространение данных результата в сообществе для анализа. Создание ПО и привлечение максимального количества ученых, к которым можно адресовать такие задачи – и продуктивность таких ученых определяется суммой затраченного на все задачи времени. Так как ученые часто не думают о программном обеспечении, даже если оно потребляет много времени и энергии. Таким образом, возможна аналогия подобного вида программного обеспечения с «темной материей» в физике - материи, которая пока не видима, но существует благодаря гипотезе об огромной части тотальной массы в универсуме. [2]. И. Фэсте приписывает «темному программному обеспечению» огромное влияние на научную продуктивность в а) комплексе входных и выходных задач связанных с непрерывным поиском; б) в отсутствии основных методов и инструментов для сопровождения этих задач, которые помогают индивидуальными исследователями повторно изобретать программное обеспечение согласно персональным требованиям; с) в основном недостатке понимания о переменах продуктивности программного обеспечения связанных с теми задачами [1].

В соответствии с использованием систем интенсивного программного обеспечения⁴ как исследовательского инструмента Дж. Симонс и Дж. Хоннер предлагают модель «науки интенсивного программного обеспечения» [10]. Существование этой модели подкреплено двумя основаниями. Во-первых, программное обеспечение становится существенной частью научного мировоззрения, и наука без применения вычислительных технологий устаревает, рискуя ограничить свои методы и результаты. А, во-вторых, научное знание, которое производится или поддержано интенсивным использованием программного обеспечения является сгенерированным в способах, которые были невозможны ранее.

Название второй модели «наука как сервис» ввел в 2005 г. И. Фосте. Практическая реализация модели имеет многие потенциальные преимущества. Во-первых, ускоряет процесс поиска через разделение, создание, управление и усовершенствование сервисов с вычислительными экспертами и исследователями при использовании сервисов для научного поиска. Во-вторых, создание научного программного обеспечения доступного как сервис уменьшает стоимость использования и поддержки. В-третьих, научные сервисы позволяют пользователям распределить их анализ, поиск, который служит инфраструктурой для воспроизведения результатов, повторного анализа данных, обратного трекинга для анализа исключительных/интересных событий, неопределенного анализа и проверки и утверждения экспериментов. И, наконец, модель снижает барьеры по входу в масштабный анализ для теоретиков, студентов и не-экспертов в вычислениях. Это позволяет быстро тестировать и исследовать гипотезы, а также является ценным инструментом для обучения [9].

Таким образом, современная наука становится все больше зависимой от научного программного обеспечения, и эта зависимость начинает проявляться в моделях *софтверизации науки*, число которых будет постепенно увеличиваться.

Литература

1. Foster I. Dark software: Addressing the productivity challenges of extreme-scale science on-ramps and off-ramps. – 2014. https://www.ornl.gov/swproductivity2014/papers/foster_i.pdf
2. Foster I. Thoughts on dark software. – <http://www.ianfoster.org/wordpress/2014/01/10/thoughts-on-dark-software/>
3. Goble C. Better Software, Better Research // IEEE Internet Computing. – 2014. – Vol.18. – №5. – P. 4-8. – URL: <http://www.software.ac.uk/resources/publications/better-software-better-research>
4. Hettrick S. UK Research Software Survey 2014 / S. Hettrick, Antonioletti M., Carr L., Chue Hong N., Crouch S., De Roure D., Emsley I., Goble C., Hay A., Inupakutika D., Jackson M., Nenadic A., Parkinson T., Parsons M., Pawlik A., Peru G., Proeme A., Robinson J., Sufi S.// ZENODO. – 2014. – URL: <http://zenodo.org/record/14809#.VVYGS07tHw>
5. IEEE-STD-1471-2000. Recommended practice for architectural description of software intensive systems. – URL: <http://standards.IEEE.org>.
6. NSF Software Infrastructure for Sustained Innovation. – URL: https://www.nsf.gov/funding/pgm_summ.jsp?pims_id=503489

⁴ Системы интенсивного программного обеспечения это программное обеспечение оказывающее существенное влияние на проектирование, конструирование, развертывание и эволюцию систем как целого [5].

7. Sanders R. The Development and Use of Scientific Software. – Queens: Queens University of Kingston, 2008.
8. Soergel D. Rampant software errors undermine scientific results. – URL: <http://f1000r.es/4w2>
9. Special issue on Science as a service [Guest editors' introduction]. – URL: <http://ieeexplore.ieee.org/document/7548981/>
10. Symons J., Horner J. Software intensive science // Philosophy and Technology. – 2014. – Vol. 27. – Is. 3. – P. 461-477.

УДК 311(100) (091)

«TEMPUS SPARGENDI LAPIDES»: РАЗМЫТАЯ СТРУКТУРА НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Игорь Сергеевич Дмитриев

Доктор химических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе сформулированы некоторые аспекты, касающиеся природы и структуры научных революций. В качестве референтных примеров научных революция выбраны: 1) научная (точнее, натурфилософская) революция XVI – XVII веков, которая в свою очередь стала частью интеллектуальной революции начала Нового времени, а также 2) научная революция первой трети XX столетия. Предложена периодизация нововременной научной революции: 1) научный Ренессанс XVI столетия; 2) период кризиса и интеллектуальных войн (конец XVI века – 1650 год) 3) ньютоновская прагматическая контрреволюция» (1660 – 1720). Отмечено, что обе научные революции (XVI – XVII веков и начала XX столетия) начинались не по Т. Куну, т. е. не с осознания неразрешимости наличными средствами неких научных аномалий, но с осмысления и переосмысления всех наличных в данной конкретной области знания фактов и идей под новым углом зрения, исходя из новых принципов и критериев, которые имели социокультурные, эстетические и философские основания. Указаны некоторые особенности научных революций, присущие также революциям социальным, в частности; подчеркивается, что причина переворотов (научных и социальных) – не в исчерпании жизненно важного ресурса для существующего режима/парадигмы, а в смене условий и критериев, относимых к характеру и принципам функционирования, и оценки результативности и эффективности наличного режима/парадигмы.

Ключевые слова: научная революция, социальная революция, Коперник, Ньютон, Эйнштейн.

«TEMPUS SPARGENDI LAPIDES»: THE FUZZY STRUCTURE OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS

Igor Sergeevich Dmitriev

DSc in Chemistry, professor

Saint-Petersburg State University

The paper considers several points relating to the nature and structure of scientific revolutions. I refer here to the following examples: 1) scientific (or, rather, natural-philosophic) revolution of the 16th – 17th centuries, which, in its turn, was a part of the intellectual revolution of the early modern period, and 2) the scientific revolution of the first third of the 20th century. A periodization of the modern period scientific revolution is offered: 1) the scientific Renaissance of the 16th century; 2) the crisis and intellectual wars (late 16th century – the year of 1650); 3) the Newtonian pragmatic counter-revolution (1660 – 1720). It is shown that both of the scientific revolutions (16th – 17th and early 20th) did not start according to T. Kuhn, i.e. with an understanding that certain scientific anomalies were not solvable by available means. They rather began with an understanding and rethinking from a new angle of all available in certain scientific area facts and ideas, basing on new principles and criteria, which had social-cultural, aesthetic and philosophical grounds. The paper also demonstrates several characteristics of scientific revolutions, which are inherent in social revolutions as well. It is emphasized that both scientific and social upheavals are not determined by an exhaustion of the resources vital to the current regime/paradigm, but rather by a change in conditions and criteria related to the nature and principles of functioning, as well to the evaluation of the effectiveness and efficiency of the current regime/paradigm.

Keywords: scientific revolution, social revolution, Copernicus, Newton, Einstein.

Прежде всего следует отметить, что при рассмотрении феномена научной революции многое зависит от «разрешающей способности» используемого подхода, т. е. действует принцип относительности к исследовательскому методу (или, иначе, принцип дополнительности). При высокой степени «разрешения» можно вообще не заметить никакого революционного эффекта, наблюдая только эволюционный процесс, проходящий с разной интенсивностью, траектория которого время от времени меняет «угол наклона». При взгляде же с «высоты птичьего полета» структура исторического процесса выглядит иначе, как правило, скачкообразно. И чем грубее (обобщеннее) модель, интерпретирующая события, тем богаче ее понятийный аппарат, поскольку приближение (абстрагирование, идеализация) – это, кроме всего прочего, всегда генератор понятий.

Если говорить о глобальных (общенаучных) революциях в послесредневековой Европе, то их было две – в начале Нового времени (XVI – XVII век) и в начале XX столетия (1900 [гипотеза Планка] – 1927 [завершение формирования концептуального и математического аппаратов квантовой теории]; теория относительности хронологически оказывается внутри этого периода);

Так называемая «научная революция» Нового времени (*HP1*) не была собственно научной – то был переворот внутри натурфилософии. Однако, после этого переворота натурфилософия и по своему когнитивному потенциалу, и по своим философско-методологическим основаниям, а также по институциональному оформлению обрела ту форму и то содержание, которые обусловили возможность последующего перехода к собственно науке. При этом натурфилософия утратила некоторые свои черты, в частности, И. Ньютон предложил математизированный вариант натурфилософии, реализовав тем самым методологические декларации Галилея. Отдельные черты натурфилософского стиля мышления (глобализм проблемного выбора, профетическая поза, всеохватная приложимость полученных выводов и т. д.) просматриваются и в более позднее время, в частности, в творчестве Д. И. Менделеева;

Историю *HP1* можно разбить на три этапа:

– I. Научный Ренессанс XVI столетия – накопление когнитивного ресурса *HP* и нарастание ощущения грядущего кризиса в натурфилософии в силу несоответствия новых открытий и идей традиционному схоластическому перипатетизму и неосхоластике;

– II. Период кризиса и интеллектуальных войн (конец XVI века – 1650 год), который засвидетельствовал глубокий, беспрецедентный переворот в так называемых «смешанных математических науках (*СМН*)» (т. е. в математике, механике, астрономии, оптике), а также в анатомии и физиологии. Тенденции, наметившиеся в предыдущий период, достигли своей кульминации, как и кризис аристотелизма, который столкнулся с такими альтернативами, как парацельсизм, неоплатонизм в герметических тонах и др. В этот период начинается острое соперничество (интеллектуальная война) между различными вариантами натурфилософии, из которых некоторые были связаны с теми или иными утопическими или иреническими проектами социальных, религиозных и интеллектуальных реформ. В этот период идейной турбулентности если и можно говорить о какой-либо «структуре» революционного процесса, то лишь в смысле синергетическом – рождения порядка из хаоса.

К середине XVII столетия, т. е. к концу «критического периода», традиционный схоластический аристотелизм уже был сильно скомпрометирован, и на первый план вышло противостояние между механической философией и неперипатетическими доктринами, прежде всего – герметизмом, который часто оказывался включенным в неоплатонический дискурс, связанный в свою очередь с доктринами социальных / политических / религиозных реформ. Возрожденный гуманистами неоплатонизм был опасен прежде всего своей связью с герметизмом и магией (как натуральной, так и демонической), которые претендовали на контроль над Природой и манипулирование природными объектами и явлениями. И только растущая популярность «механической философии» в XVII веке удержала европейскую культуру от угрозы неоплатонического поворота.

– III. Ньютонианская прагматическая контрреволюция (1660 – 1720). Ньютон навел в натурфилософии (или, точнее, в определенной, но важной ее части – *СМН*) некий формальный универсальный и универсализирующий порядок, который зиждился на четырех математически выраженных общих законах, описывающих движение как небесных тел, так и земных. И этот «новый порядок» был весьма далек от расплывчатых рассуждений создателей механической философии. Более того, природа силы гравитации оставалась непонятной, а ее действие (*actio in distans*) не укладывалось в рамки какого-либо варианта механической философии. Ньютон полагал, что причиной тяготения служит некий «агент, постоянно действующий по определенным законам» [2, с. 39]. Фактически Ньютон предложил новый взгляд на науку: задача науки о природе – это не познание причин, но открытие общих математических законов, позволяющих делать количественные предсказания и давать количественные объяснения широкого круга явлений. Именно ньютонианская натурфилософия, обретшая «математические начала», стала основой (наряду с другими факторами) для создания науки. Новый, ньютонианский дискурс был весьма далек от расплывчатых рассуждений создателей механической философии.

Если проводить политические аналогии (т. е. аналогии с социальными революциями, в частности, с Великой Французской), то можно сказать, что остроумный и колкий Галилей (герой первого этапа *HP1*) был Вольтером, но никак не Робеспьером натурфилософской революции; ее Робеспьером стал, скорее, Декарт, тогда как Ньютон – ее Наполеоном, «наследником и убийцей» мятежной механистической вольности.

Научная революция начала XX века (*HP2*) была уже собственно научной революцией и потому структура ее временной развертки отличается от случая *HP1*. В самом общем плане различие ситуаций состояло в следующем. Создатели новой науки XX века предполагали, среди прочего, существование некоего теоретического массива классической физики, который мог служить своеобразной опорой и ориентиром при построении новой, неклассической теории. Как бы последняя ни отличалась от «классики», должно выполняться требование принципа соответствия: неклассическая теория содержит в себе классическую в качестве некоторого предельного случая. У героев *HP1* такой возможности – предельным переходом получить уравнения, правильно описывающую какую-то иную физическую реальность, – не было.

Кроме того, *HP2* выявила и проблематизировала некоторые принципы (абстракции) классической физики, которые в рамках последней считались настолько само собой разумеющимися, что специально не артикулировались, а потому как бы не замечались. Прежде всего – это предположения об абсолютном характере физических процессов (в смысле их независимости от условий наблюдения) и возможности сколь угодно детального (а в пределе – исчерпывающе точного и всестороннего) их описания.

Говоря обобщенно, новая, более общая теория рождается в процессе критики прежней; критики, направленной на выявление в преодолеваемой теории тех абстракции и «неявных» соглашений, которые по разным причинам (ограничение исследования только определенным типом объектов, скажем, макротелами, движущимися с относительно небольшими скоростями; выбором специальной методологии и т. д.) не замечались и/или не были до поры до времени объектом рефлексии. Манифестация «неявных» (не отрефлексированных) принципов преодолеваемой теории имела место и для *HP1*, и для *HP2*.

Важная особенность *HP1* состоит в том, что она началась (я имею в виду гелиоцентрическую теорию Коперника) отнюдь не под давлением неинтерпретируемых в рамках геоцентрической космологии фактов («аномалий», по Куну). Польского астронома толкало к созданию новой космологии не несоответствие теории Птолемея данным наблюдений, но прежде всего методологическое и эстетическое несовершенство геоцентрической модели [2]. Математически же система Коперника отнюдь не проще птолемеевой, а объяснительный и прогностический потенциалы обеих теорий практически равноценны. Короче, как говаривал Ф. Бэкон, на самую высокую башню ведет только винтовая лестница.

Аналогичная ситуация сложилась ко времени создания теории относительности А. Эйнштейна (специальной [1905] и общей [1916 – 1917]). Специальная теория относительности (*СТО*) не была реакцией на какие-то экспериментальные данные, которые невозможно было объяснить, опираясь исключительно на классическую механику. Что касается знаменитого опыта Майкельсона, который, как часто утверждается, поставил физиков перед головоломной проблемой, решить которую смогла именно теория А. Эйнштейна, то, как уже давно было показано, этот опыт не оказал на последнего сколь-либо заметного влияния; не исключено, что Эйнштейн к моменту публикации своей статьи не знал об этом эксперименте. Эйнштейн руководствовался критерием, носящим отчасти эстетический характер: надо было устранить глубокое противоречие («асимметрию») между классической механикой и классической электродинамикой. Таким образом, никакого «экспериментального давления» (в духе построений Т. Куна) Эйнштейн, создавая *СТО*, не испытывал, как не испытывал он его и решая впоследствии проблему гравитации, т. е. создавая общую теорию относительности (*ОТО*). Истоком *ОТО* стал принцип эквивалентности (однородного гравитационного поля и равноускоренного движения системы отсчета), основанный на равенстве инертной и гравитационных масс.

Смена «режимов» («парадигм») как в социальных, так и в научных революциях, происходила до полного исчерпания ресурсов, определявших возможность сохранения наличных структур (политических режимов, социально-экономических укладов, объяснительного и иного потенциала существующих теорий и т. д.). Причина переворотов – не в исчерпании жизненно важного ресурса для существующего режима/парадигмы, а в смене условий и критериев, относимых к характеру и принципам функционирования, и оценки результативности и эффективности наличного режима/парадигмы. Истоки же указанных изменений коренятся в культурных трансформациях эпохи и часто носят «резонансный» характер (как, например, в случае *HP1*).

В некоторых случаях наблюдается феномен «бонапартистского финала», когда лидерство (в науке или в политике) переходит к индивиду (или группе индивидов), которые по отношению к предыдущему революционному процессу выступают в роли, в которой Наполеон Бонапарт выступал по отношению к Французской революции – «мятежной вольности наследник и убийца». (Пример для случая *HP1*: Ньютон).

Следует также отметить сходство финалов референтных социальных и научных революций: одним из признаков окончания революционного процесса является закрепление его результатов в одном случае в законодательных актах, в другом – в учебной литературе. Однако, и в акты, и в учебники результаты революционного процесса попадают в модифицированном виде (т. е. происходит трансформация контента).

Не исключено, на мой взгляд, что взаимосвязь между изменениями в культуре эпохи и научными революциями носит характер «самосогласованного» процесса: изменение *A* в культуре рано или поздно находит отклик в науке/натурфилософии (в ее философско-методологическом секторе, или, кому больше нравится – базе), что приводит к соответствующим научным/натурфилософским изменениям *B*; далее эти изменения тем или иным образом воздействуют на культурные процессы, вызывая в них определенные трансформации *C*, и т. д., до наступления состояния относительного соответствия между характером культуры и науки/философии. Этот процесс не всегда протекает «спокойно», в регулярной манере; по многим причинам в какой-то момент происходит его хаотизация, как это имело место и в *HP1*, и в *HP2*.

1. Дмитриев И.С. Испытание святого Коперника: ненаучные корни научной революции. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.
2. Четыре письма сэра Исаака Ньютона доктору Бентли, содержащие некоторые аргументы доказательства существования Бога (Перевод с англ. и публикация Ю. А. Данилова) // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. – № 1. – С. 33-45.

УДК 123.1

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИИ СЛУЧАЙНОСТИ У ДЕМОКРИТА

Марина Олеговна Матушкина
Ассистент кафедры философии, аспирант
Вятский государственный университет

Категория случайности – одна из самых загадочных категорий в философии и науке. Ее сущность пытаются постичь уже не одно тысячелетие. В науке господствует статистическое мировоззрение, призванное покорить случайности, раскрыв их суть. Но этот тип мировоззрения лишь приближает нас к категории, когда мы терминологически пытаемся ее описать. Сама же суть случайности остается скрытой и еще более удаляется от нас. Случайное, как философская категория, не может сводиться только лишь к описанию и объяснению в терминах теории вероятности. Для раскрытия сущности ее природы необходимо обратиться к пропенсивности, истоки которой кроются в философии Демокрита. Для этого необходимо пересмотреть основы его понимания категорий необходимости и случайности. Долгое время основания случайности лишались в традиционной трактовке учения Демокрита своего объективного и онтологического статуса. Категория случайности была представлена чем-то вроде субъективной иллюзии, прикрывающей нерассудительность и незнание причин. Но интерес историков философии к наследию атомиста позволил перевернуть традиционное представление о Демокрите как фаталисте, и выявить в учении о случайности пропенсивную основу.

Ключевые слова: необходимость, случайность, свобода, самопроизвольность, вероятность.

REVOLUTIONARY BASE CATEGORY RANDOMNESS FROM DEMOCRITUS

Marina Olegovna Matushkina
Chair assistant, postgraduate student
Vyatka State University

Category of randomness is one of the most enigmatic categories of philosophy and science. Its essence trying to understand for millennia. Science is dominated by the statistical worldview, designed to conquer chance, revealing their essence. But this type of ideology only brings us closer to the categories, terminology when we are trying to describe. The essence of randomness remains hidden and even more removed from us. Random, as a philosophical category cannot be limited only to the description and explanation in terms of probability theory. To reveal the essence of its nature can be free choice, the origins of which are rooted in the philosophy of Democritus. It is necessary to reconsider the foundations of his understanding of the categories of necessity and chance. For a long time the base chance was lost in the traditional interpretation of the teachings of Democritus of its objective and ontological status. Category of randomness had presented something of a subjective illusion, covering imprudence and don't know the causes. But the interest of historians of philosophy to the heritage of atomist allowed to turn the traditional idea of Democritus as the fatalist, and to reveal the doctrine of randomness free choice basis.

Keywords: necessity, randomness, freedom, the spontaneity, the probability.

Природа случайности, проблема ее оснований, является извечным вопросом философии и науки. Древние греки ближе всех подошли к определению понятия случайности, условно выделив несколько значений этой категории, отмечая в качестве одного из важнейших ее критериев, отсутствие внутренней причины (матэн). Поэтому долгое время случайность понималась как самопроизвольность. Особенно много о такой трактовке случайности говорит Демокрит.

Из истории философии мы знаем, что Демокрит был атомистом, причем материалистического плана, весь мир для него есть атомы и пустота, поэтому и в теории познания он выделяет два вида знания: знание-

мнение и знание-истину. Пожалуй, такое разделение и дает повод усомниться в традиционной трактовке его учения о соотношении необходимости и случайности, когда «люди измыслили себе идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность» [4, с.69]. Согласно этой трактовке, Демокрит видит в природе только лишь необходимость, случай же он не признает как иллюзию, понимая его как наше незнание исходных причин. Такие исследователи творчества Демокрита, как С.Я. Лурье, В.Ф. Асмус, Б.Б.Виц, А.О.Маковельский, работая с сохранившимися фрагментами текстов Демокрита, признают, что атомист двойственно относился к проблеме случая, и некоторые его высказывания о случайном противоречивы, например С.Я. Лурье находит у него положения, где он открыто говорит о могуществе случая [2, с.422]. Однако, в рамках диалектико-материалистической концепции, историки не могли изменить существующее толкование взглядов Демокрита, и необходимость, несмотря на выявленные ими противоречия, по-прежнему продолжала играть первостепенную роль в учении атомиста. Если посмотреть вглубь вопроса, то традиция истолкования Демокрита как приверженца необходимого уходит своими корнями в античные толкования Аристотеля, Диогена, Фукидида и Цицерона. Каждый из греков имел дело не столько с первоисточниками мыслителя, сколько с вторичным изложением взглядов, поэтому сам анализ идей Демокрита уже заведомо был комментарием комментария через призму собственного учения. Маркс, исследуя атомизм Демокрита и Эпикура в рамках своей диссертации, осознавал, интуитивно чувствовал непреходящую значимость Демокритовых положений. Он разгадал одно из пониманий случайности у Демокрита, где сама случайность, в ипостаси реальной возможности, создает круг условий и причин, которыми опосредуется необходимость. Необходимость Демокрита Маркс трактовал как судьбу, право, провидение и созидательницу мира, «как форму рефлексии действительности» [5, с.35]. Маркс увидел некую относительность понятий необходимости и случайности в атомистике, где одно понятие может дать начало другому. Но, при всей прозорливости, Маркс не идет дальше этого и уверяется в том, что под случайностью Демокрит не видит никакой онтологической основы и всего лишь подчеркивает ее подчиненное положение необходимости, а саму ее относит к субъективному мнению. И это положение по сей день, мы считаем аутентичным философии Демокрита. Но оно есть только первая часть ответа на вопрос о том, что мы понимаем под случайностью. Это «тюхэ», рок, непреодолимость судьбы, то, что измышляется большинством как свидетельство собственной беспомощности, это первый исторический тип случайности, против которого и возражает Демокрит. Являясь субъективным мнением, такая случайность действительно «враждует с сильным мышлением» и может быть противопоставлена разуму, это мифологический тип случайности как «Богини Тюхэ». Но тогда почему настолько часто Демокрит упоминает о могуществе случая? Дело в том, что могущество случая он относит как раз к случайности другого порядка, к философской случайности, той, что может породить все необходимое. Но такое видение проблемы до сих пор ускользало от историков философии, поэтому часто взгляды Демокрита на случайность понимали и понимают как фаталистические, где случайность есть наше незнание истинных причин [3, 231].

Накопившиеся противоречивые изречения материалиста Древней Греции, в конце концов, должны были каким-то образом разрешиться. Советский исследователь Демокрита В.П.Горан, практически не упоминаемый среди официальных исследователей философа, дает нам разгадку второй части проблемы случайности у Демокрита. Он основательно анализирует фрагменты текстов Демокрита и доказывает, что атомист говорит о случайности не как о фикции, «субъективной иллюзии, порожденной незнанием причин» [1, с. 59], а напротив, случайность обладает у него весьма реальным существованием, и «по самой своей природе сопротивляется разуму» [1, с.33]. Сложность понимания идеи случая у Демокрита заключается в том, что философ размышляет о двух совершенно разных типах случайности: под первым типом он понимает «тюхэ», богиню случая, почитаемую толпой, а второй тип представлен у него как философское понятие случайности. Христианский мыслитель Дионисий подтверждает антифаталистическую направленность философии Демокрита, утверждая, что атомист «считает высшей мудростью постижение неразумного и без толку случающегося, а случай ставит владыкой и царем вселенной и божественных сил. Он заявляет, что совокупность вещей возникла в силу случая, но из человеческой жизни случай изгоняет и называет невеждами поклоняющихся ему» [1, с.48]. Такая трактовка учения Демокрита как раз и содержит в себе двойственное понимание понятия случайности, где философ почитает случайность философскую и пренебрегает и высмеивает «тюхэ» как судьбу, которой вверяются люди, сотворив «себе кумир из случая как прикрытие для прищущего им недосмыслия» [1, с.53]. Поэтому случайность не лишена объективного статуса, и в некоторых фрагментах можно увидеть насколько огромным могуществом наделяется атомистом случайность. Необходимость же, как одна из главных категорий философии Демокрита, не является абсолютной и противопоставляется этическому понятию долга, которым и ограничивается. А это позволяет сделать очень важный вывод: понятие долга уже предполагает собой свободу. Демокрит во многих своих моральных изречениях будет размышлять над проблемой свободы, подчеркивая при этом, что «мудрец не должен повиноваться законам, а жить свободно» [1, с.66]. Средством реализации такой свободы как целеосуществления у Демокрита выступает разум. Поэтому случайность Демокрита имеет не просто объективный, но прежде всего, онтологический статус. В основе случайности лежит идея изменчивости, что характеризует ее как пластичное начало.

Еще раз хочется оговориться, и отметить, что такая трактовка учения Демокрита о необходимости и случайности в историю философии входит сравнительно недавно и многие исследователи философии Демокрита очень близко подходили к ней и ранее, но не могли ухватить сущности понятия случайность. Поэтому

часто пасовали перед новым прочтением этой категории у атомиста, посему пытались убедить себя и философское общество в фатализме Демокрита, отрицании случая и провозглашении необходимости как единственной объективно существующей категории в учении древнего грека. В. П. Горан по-новому прочитывает Демокрита, помогая заинтересованному читателю разобраться в истинном звучании учения о необходимости и случайности, преодолеть все парадоксы, которые в один миг могут увести нас в фаталистическое направление. Итак, можно смело предположить теперь, что для Демокрита случайность, во-первых, это объективная онтологическая категория, а во-вторых, в ее основе лежит пластичное начало, именно поэтому все вещи и порождаются случаем, или особой его формой – свободой.

Это подчеркивает, насколько революционной оказалась трактовка случайности, предложенная Демокритом. Как много времени потребовалось на то, чтобы узнать истинную сущность случайности, о которой говорил грек, понять, что уже в IV веке до нашей эры этой категории отводилось особое значение, придавался онтологический статус. К сожалению, формообразующую роль случайности в познании и науке будут признавать и вести ее отсчет только с начала XX века. Это произойдет благодаря смене парадигмы на квантово – релятивистскую, когда познание случайности станет проходить не столько в русле ее исчисляемости как особого рода вероятности, но как особый концепт совокупного познавательного процесса. Ю.В. Чайковский в монографии «О природе случайности» выделяет несколько типов случая, но ни один из них не способен дать полное представление о ее природе. К такому типу, прежде всего, относится и стохастическая случайность, где подлинная случайность заменяется на ее «вычислимый аналог», лишенный свободы воли, где понятие свободного выбора замещается понятием равновероятности, «не предполагающей априорного знания перечня альтернатив» [6, с.236]. Чайковский подчеркивает, что для познания каждого отдельного события в науке мы необходимо должны применять определенный тип случайности и только так мы вообще сможем осуществлять познание. Возможно, что только такая ступень познания нам и доступна, и вычислить ее в рамках существующей концепции теории вероятности – единственное, что мы можем сделать, чтобы приблизиться к сути случайности. Преодолеть же статистическое мировоззрение, господствующее в обществе пока не удастся, как не удастся ухватить и саму суть случайности, в основе которой Чайковский видит спонтанность. И познание ее начнется лишь тогда, когда общество перейдет к пропенсивной картине мира.

Литература

1. Горан В.П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. – Новосибирск: Наука, 1984. – 208с.
2. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. – Ленинград: Изд-во Наука, 1970. – 655с.
3. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. – Баку: «Изд-во АН Азербайджанской ССР», 1946. – 401 с.
4. Материалисты Древней Греции / М.А. Дынник. – М.: Госполитиздат, 1955. – 238 с.
5. Маркс К. О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. – М.: Гос.полит. издат, 1956. – С. 17–99.
6. Чайковский Ю.В. О природе случайности. – М.: Центр системных исследований, 2004. – 289 с.

УДК 16

К ВОПРОСУ О ПОППЕРОВСКОЙ ТЕОРИИ ФАЛЬСИФИЦИРУЕМОСТИ

Оксана Павловна Черных
Кандидат философских наук, доцент
Московский финансово-юридический университет

Статья ставит целью обзор философской эволюции теории К.Р. Поппера. Она показывает его восприятие конвенционализма, введение критерия фальсифицируемости и методологических приёмов его использования (критерия соответствия правил эмпирического метода, добавление вспомогательных (дополнительных) гипотез), его вывода о демаркации научного знания, а также выход на теорию правдоподобности.

Ключевые слова: фальсифицируемость, гипотеза, правдоподобность, конвенционализм.

ON POPPER'S THEORY OF FALSIFICATION

Oksana Pavlovna Chernykh
PhD in Philosophy, Associate Professor
Moscow University of Finance and Law

The article purpose to review the philosophical evolution of the Popper's theory. It describe his perception of conventionalism, the introduction of the criterion of falsifiability and methodological

methods of its application (the criterion for the correspondence of the rules of the empirical method, the addition of auxiliary hypotheses), his conclusion about the demarcation of scientific knowledge, and the definitions of verisimilitude.

Keywords: falsifiability, hypothesis, verisimilitude, conventionalism.

К.Р. Поппер в своих философских взглядах с серьёзностью подошел к конвенционалистской точке зрения, разработанной до него Леруа, Дюгемом, Пуанкаре. Он отмечал, что всегда можно достичь соглашения между теорией и общепринятыми доказательствами, и, если некоторые доказательства не согласуются с последствиями теории, может быть предпринят ряд стратегий, чтобы «спасти» теорию. Доказательства могут быть либо отклонены напрямую, учтены либо путём добавления дополнительных гипотез, либо путем изменения правил соответствия.⁵ Эти стратегии могут сильно усложнить теоретическую систему. Тем не менее, уклонение от фальсификации доказательств в этом случае всегда возможно. По словам Поппера, правильный эмпирический метод постоянно проверяет теорию на возможность быть *фальсифицируемой*. Фальсифицируемость (принципиальная опровержимость утверждения, опровергаемость или критерий Поппера) - критерий научности эмпирической теории как совокупности теоретических разработок, применимых к поддающимся эмпирической верификации объектам, в этом смысле сформулированный Карлом Поппером в 1935 году.

Теория удовлетворяет критерию Поппера (является фальсифицируемой и, соответственно, научной) в том случае, если существует методологическая возможность её опровержения путём постановки того или иного эксперимента, даже если такой эксперимент ещё не был поставлен. Согласно этому критерию, высказывания или системы высказываний содержат информацию об эмпирическом мире только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом, или иначе, если их можно периодически проверять, то есть подвергнуть (в соответствии с некоторым «методологическим решением») проверкам, результатом которых может произойти их опровержение.

Поппер пришел к выводу, что избежать «конвенционалистских уловок» можно путём отказа от использования его же методов. В соответствии с этим выводом он предложил набор методологических правил для эмпирических наук. Высшее правило - *критерий соответствия* для всех правил, также как категорический императив Канта является критерием соответствия моральных норм. В этом высшем правиле говорится, что все правила эмпирического метода должны быть спроектированы таким образом, чтобы они не защищали какое-либо утверждение в науке от фальсификации.

По вопросу о добавлении *вспомогательных (дополнительных) гипотез* к теории Поппер предлагает принять следующее методологическое *правило*: «допустимы лишь такие вспомогательные гипотезы, введение которых не только не уменьшает степени фальсифицируемости или проверяемости данной системы, а, напротив, увеличивает её» [1, с. 75]. В качестве примера он противопоставляет принцип исключения Паули, как приемлемую вспомогательную гипотезу, и гипотезу сокращения Фицджеральда-Лоренца, как неудовлетворительную вспомогательную гипотезу, «которая не имела фальсифицируемых следствий, а служила лишь для восстановления согласованности между теорией и экспериментом» [Там же].

Принцип исключения Паули – это вспомогательная гипотеза к теории атома Бора-Зоммерфельда. Паули предположил, что никакие два электрона в данном атоме не могут иметь одинаковый набор квантовых чисел. Например, два электрона в атоме могут находиться в орбитальном моменте или в направлении спина. Добавление этого принципа исключения к тогдашней современной теории атомной структуры позволило сделать много дополнительных предсказаний об атомных спектрах и химических комбинациях.

С другой стороны, гипотеза сокращения Лоренца не увеличивала степень фальсифицируемости теории эфира, к которой она была добавлена как вспомогательная гипотеза. Лоренц предположил, что все тела на Земле проходят минутное сокращение в направлении движения Земли через окружающий эфир. С помощью этой гипотезы он смог объяснить результат эксперимента Майкельсона-Морли. Майкельсон и Морли показали, что скорость движения туда и обратно одинакова во всех направлениях на земной поверхности. Этот экспериментальный результат был несовместим с теорией эфира, согласно которой скорость кругового движения должна быть ниже в направлении движения Земли через эфир, чем в направлении, перпендикулярном этому движению. Лоренцевская гипотеза сокращения восстановила согласие между теорией эфира и экспериментом, но сделала это в специальной форме. Дальнейшие прогнозы не были сделаны из расширенной теории эфира. Поппер привел гипотезу Лоренца в качестве примера вспомогательной гипотезы, которая должна быть исключена из эмпирической науки согласно критерию фальсификации.

По мысли Поппера, гипотеза, которая подвержена возможности фальсификации, - это научная гипотеза, которая не может быть принципиально непроверяемой, поэтому удовлетворяет *критерию демаркации* Поппера - *отделения научного знания от ненаучного*. Такая гипотеза имеет право быть включенной в область допустимого научного дискурса. Чтобы быть приемлемой, гипотеза должна удовлетворять дополнительным требованиям. Она должна выдерживать испытания, призванные опровергнуть её.

Поппер отличает испытания от просто наблюдения. Испытание представляет собой серьёзную попытку опровержения. Это предполагает сравнение между дедуктивным следствием гипотезы и «основным

⁵ *Правила соответствия* - это семантические правила или «словарные записи» (Кэмпбелл), которые связывают аксиомы теории с утверждениями эмпирически определенных величин.

утверждением», которое регистрирует наблюдение.⁶ «Базовое утверждение» описывает возникновение интерсубъективно наблюдаемого события в заданной области пространства и времени.

Поппер признавал, что базовые утверждения не являются окончательными. Мы можем заблуждаться о наступлении события. Тем не менее, необходимо, чтобы какое-то базовое утверждение было истинным, если гипотеза должна быть выставлена на испытание. Таким образом, в испытании гипотез есть элемент конвенционализма. Поппер заявил, что эмпирическая основа объективной науки не имеет в себе ничего «абсолютного» [1, с. 102]. Наука не опирается на твёрдый фундамент, а «подобна зданию, воздвигнутому на сваях», над болотом. Мы останавливаемся забивать сваи только тогда, когда «убеждаемся, что сваи достаточно прочны и способны, по крайней мере некоторое время, выдержать тяжесть структуры науки» [там же].

Поппер предположил также, что приемлемость закона или теории определяется количеством, разнообразием и строгостью пройденных им проверок. Тем не менее, трудно измерить строгость проверок. Поппер это признавал. Он отметил, что степень строгости проверки зависит от изобретательности постановки эксперимента, аккуратности и точности оформления достигнутых результатов, а также от широты связей, связывающих проверяемую гипотезу с другими теоретическими предположениями. Поппер стремился разработать количественную меру приемлемости теории посредством ссылки на теорию *правдоподобности* (verisimilitude), представляющую критическое рассмотрение и сравнение конкурирующих теорий с точки зрения их аппроксимации (приближения) к истине.

Утверждения, выводимые из теории, можно разделить на истинные и ложные. Предполагая, что «истинное содержание» и «ложное содержание» теорий T_1 и T_2 сопоставимы, Поппер выдвинул следующее определение «сравнительного правдоподобия»: T_2 ближе к истине или лучше соответствует фактам, чем T_1 , если, и только если, либо (а) истинное содержание, а не ложное содержание T_2 превышает истинное содержание T_1 , либо (б) ложное содержание T_1 , а не его истинное содержание, больше, чем ложное содержание T_2 [2, с. 389-390].

Формальное определение правдоподобия (близости к истине) Поппера было оспорено Павлом Тичи, который утверждал, что определение Поппера имеет непреднамеренное следствие: что никакая ложная теория не может быть ближе к истине, чем другая. Этот результат дал толчок к исследованию правильности оценки [3]. Тичи доказал, что, если T_1 и T_2 оба ложны, то ни условие (а), ни условие (б) не могут быть выполнены. Но суть введения правдоподобия заключается в том, чтобы позволить сказать, что одна ложная теория (например, теория гравитационного притяжения Ньютона) «ближе к истине», чем вторая ложная теория (например, теория свободного падения Галилея). Поппер признал, что его первоначальное определение «сравнительной достоверности» неудовлетворительно. К несчастью, последующие попытки Поппера и других исследователей, работавших над определением, не были успешными.

Поппер рассматривал историю науки как последовательность гипотез, опровержений, пересмотренных догадок и дополнительных опровержений. Правильная научная работа организуется так, чтобы разработать и провести самые строгие проверки гипотез. Если гипотеза проходит проверку, то она получает «подтверждение». Поппер настаивал на том, что подтверждение является «обратной» оценкой. Достижение «подкрепления»⁷ не оправдывает веру в то, что гипотеза верна или приблизительно верна. Поппер последовательно выступал против обращения к индуктивным аргументам, чтобы оправдать гипотезы. По его мнению, неверно утверждать, что поскольку гипотеза H прошла проверки $t_1 \dots t_n$, то вероятно, что H пройдет проверку t_{n+1} .

Однако Поппер часто обращался к аналогии, взятой из теории органической эволюции. Хорошо подтвержденная теория демонстрировала свою «способность выжить». Эта эволюционная аналогия создает натянутость в анти-индуктивной философии науки Поппера. Для теории важно пройти проверку. Это то, что устанавливает её эволюционное выживание в истории науки. Но прохождение проверок не дает никакой эпистемологической пользы. Нельзя утверждать индуктивно, что прохождение проверок оправдывает веру в приближающуюся истину теории. Но тогда неясно, почему следует выбирать для дальнейшего применения хорошо обоснованную теорию, а не опровергаемую теорию.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на то, что попперовская теория была превзойдена в пост-попперовской эпистемологии и в набирающей популярность байесовской эпистемологии, критерий фальсифицируемости является одной из самых больших научных догадок двадцатого века, т.к. интуитивно мы понимаем, что сложнее найти достаточное количество данных для подтверждения теории, нежели изыскать возможность опровергнуть её.

Литература

1. Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ.; под общ. ред. В.Н. Садовского. – М.: Республика, 2005. – 447 с.

⁶ Точнее, оно является дедуктивным следствием сочетания гипотезы, высказывающейся о соответствующих условиях, и, возможно, вспомогательных гипотез, сравниваемых в результате наблюдений.

⁷ Термины «подкрепление» и «степень подкрепления» были введены К. Поппером потому, что ему нужен был нейтральный термин для описания того, в какой степени гипотеза выдерживает строгие проверки и таким образом «доказывает свою устойчивость» [1, с. 232].

2. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 638 с.
3. Tichy P. On Popper's definitions of verisimilitude // The British Journal for the Philosophy of Science. – 1974. – Vol. 25. – №2. – P. 155–160. – URL: http://fitelson.org/ace/alvin_seminar/ld_talk/tichy_0.pdf (дата обращения 01.10.2017).

УДК 168/001.2

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ: ОТ КЛАССИКИ – К ПОСТКЛАССИКЕ

Эдуард Юрьевич Калинин

Старший преподаватель

Научный Исследовательский Университет «Московский Энергетический Институт»

Дисциплинарному знанию на классическом этапе развития науки отвечала установка на автономию исследователя в том, что определенная область зависимостей и явлений может быть постижима в рамках очерченного круга представлений и методов. Внутринаучная рефлексия или методология науки пытается решить задачу «отладки», нормирования реального хода познавательного процесса на основе разработки идеализированных моделей научного знания и научного исследования. Онтологизм, гносеологизм и методологизм как исследовательские стратегии и типы научного самосознания соответствуют естественным, социогуманитарным и техническим наукам. С точки зрения постклассической рациональности все три стратегии, как и все три типа научного знания присутствуют в каждом из типов наук, но доминирующая стратегия соответствует специфике предмета. В современной постклассической науке эпохи НТР ситуация существенно изменилась. Возник ряд новых типов междисциплинарных исследований, которые по их завершению не сводятся к сумме дисциплинарных знаний. Выделим основные из них: 1) метатеоретические подходы; 2) интегративные научные и научно-технические дисциплины; 3) комплексное знание в рамках решения глобальных проблем; 4) комплексное знание о целостном объекте.

Ключевые слова: наука, дисциплина, междисциплинарность, методология науки, коммуникация, объективность, метатеория.

EVOLUTION OF INTERDISCIPLINARITY AND METHODOLOGY OF SCIENCE: FROM CLASSICS TO POST-CLASSICS

Edward Urevich Kalinin

Senior Lecturer

National Research University Moscow Power Engineering Institute

The disciplinary knowledge at a classical stage of science is characterized by the set to the researcher's autonomy in the issue of that a definite area of dependences and phenomena can be conceivable within the outlined circle of representations and methods. The intra-scientific reflection or science methodology tries to solve a problem of «debugging», rationing of the real course of informative process based on the development of scientific knowledge and scientific research idealized models. Ontologizm, gnoseologizm and metodologizm as the research strategy and types of scientific consciousness correspond to natural, socio-humanistic and technical science. From the point of view of post-classical rationality all three strategy, as well as all three types of scientific knowledge exist in each of the above-mentioned sciences; yet, the dominating strategy corresponds to the specifics of a subject. Within modern postclassical rationality of the scientific and technological revolution era, the situation has significantly changed. A number of new types of cross-disciplinary studies emerged that would not be reduced to the sum of disciplinary knowledge on their end. The main of them include: 1) metatheoretical approaches; 2) integrative scientific and scientific and technical disciplines; 3) complex knowledge within the solution of global problems; 4) complex knowledge of a complete object.

Keywords: science, discipline, interdisciplinarity, science methodology, communication, objectivity, metatheory.

Дисциплинарному знанию на классическом этапе развития науки (не только в физике) отвечала установка на автономию исследователя в том, что определенная область зависимостей и явлений может быть постижима в рамках очерченного круга представлений и методов [1, с.165]. С самого начала формирования химии (после возникновения физики) как описательной естественнонаучной дисциплины обнаружилось, что наряду с углублением традиционных химических представлений существует тенденция физикализации хи-

мии. Процессы междисциплинарного воздействия физики на химию сходным образом протекали в классической науке во всех описательных естественнонаучных дисциплинах от биологии до геологии. А редуционизм как тип междисциплинарных взаимодействий должен рассматриваться при этом как порождение, естественное дополнение дисциплинарной организации науки.

Вместе с её становлением и возникновением междисциплинарных взаимодействий появилась методология науки как философская, так и внутринаучная. За последние десятилетия понятие "методологический анализ науки" было разработано и получило право гражданства в отечественной философской и научной литературе. Развитие методологической рефлексии привело к тому, что в соответствии со структурой научного знания и научного исследования методология науки дифференцировалась на ряд уровней: 1) эмпирический; 2) теоретический; 3) конкретно-научный (дисциплинарный); 4) уровень естественных наук; 5) общенаучный; 6) философско-мировоззренческий. Уровни 1 – 5 можно отнести к сфере внутринаучной рефлексии или самосознания науки.

Методологическое содержание не дано в изучаемом материале; непосредственно для его фиксации необходима особая установка сознания, специально созданная система понятий и моделей, которые определяются прежде всего типом методологии: нормативным или дескриптивным. В первом преобладают конструктивные задачи, связанные с разработкой рекомендаций и правил осуществления научной деятельности. Во втором — описание уже осуществленных процессов научного познания.

Внутринаучная рефлексия или методология науки пытается решить задачу «отладки», нормирования реального хода познавательного процесса на основе разработки идеализированных моделей научного знания и научного исследования. Причем делается это без явного обращения к философской рефлексии. Если на критической стадии теоретического уровня научного исследования внутринаучная методологическая рефлексия не заканчивается созданием новых средств и условий теоретической деятельности, то рефлексия переходит на более высокий уровень до тех пор, пока не завершится перестройкой всех нижележащих уровней научного знания. Затем происходит снижение уровня рефлексии и переход к нормальной стадии нового цикла теоретической деятельности.

Э.Г. Юдин выделил исторические типы внутринаучной рефлексии: онтологизм, гносеологизм и методологизм. Развитие линии гносеологизма приводит в XX в. к ее существенной модификации, в которой рефлексия направляется на средства познания в широком смысле слова. Этот тип рефлексии был назван методологизмом. [6] Его развитие привело к перерастанию анализа средств познания в их систематическое синтезирование и превратило методологию науки в самостоятельную область современного научного знания с изменением типа методологии с дескриптивного на нормативный и конструктивный.

Исторические типы внутринаучной рефлексии логически образуют триаду, которая, с нашей точки зрения, всегда присутствует в самосознании науки. В зависимости от этапов развития до определенного момента осознавалось и акцентировалось то или иное звено триады в самосознании науки, а остальные оставались в тени. Соответственно менялась и господствующая стратегия научного исследования. Для каждого из трех главных типов научного знания (и соответственно «типов наук») всегда существовала доминирующая стратегия, обусловленная спецификой «объектов» этих типов.

Онтологизм, гносеологизм и методологизм как исследовательские стратегии и типы научного самосознания соответствуют естественным, социогуманитарным и техническим наукам. С точки зрения постклассической рациональности все три стратегии, как и все три типа научного знания присутствуют в каждом из типов наук, но доминирующая стратегия соответствует специфике предмета; доминирующий тип знания является конечным продуктом – целью, остальные же типы предметности и исследовательской деятельности выполняют функцию средства.

Сущность методологических проблем в науке определяет не только их объективность. Методологическая идеализация, при которой эти проблемы существуют сами по себе, а ученые и методологи должны лишь их обнаружить (дескриптивно) или/и как-то решить (конструктивно), является в ряде аспектов слишком сильной. Более реалистическая точка зрения признает принадлежность этих проблем и самому субъекту познания. Они связаны с его существованием, и не могут иметь общий смысл независимо от его культурно-исторической определенности, что говорит о предпосылочности любой методологии науки по А.И. Алёшину [2, с. 87-102]. Однако по сравнению с их существованием в науке, в методологии как теоретическо-методологической деятельности эти проблемы объективируются с помощью деятельности методолога. Но основная цель методолога – постигать существо этих проблем для продуктивного диалога с ученым по поводу их решения, а не абстрагироваться от потребностей научного познания. [4]

В современной постклассической науке эпохи НТР ситуация существенно изменилась. Возник ряд новых типов междисциплинарных исследований, которые по их завершению не сводятся к сумме дисциплинарных знаний. Выделим основные из них: 1) метатеоретические подходы (например, системно-кибернетический); 2) интегративные научные и научно-технические дисциплины (экстра- или трансдисциплинарные научные направления, такие как синергетика и т.д.); 3) комплексное знание в рамках решения глобальных проблем (например, работы Римского клуба); 4) комплексное знание о целостном объекте (например, науковедение).

Нам представляется, что переход от классической науки к постклассической знаменует не последовательными этапами развития научных дисциплин, а взаимным проникновением альтернативных методологий и онтологий в тело каждого из типов наук. В частности, для естествознания – это конструктивизация и

гуманизация предмета и метода; для технознания – натурализация и гуманизация и для обществознания – это конструктивизация и натурализация.

В чем же заключается необходимость методологической деятельности и какую ценность она имеет для современной науки? В.И. Аршинов полагает, что сама методология как деятельность по производству методологического знания, представляемого в виде особого рода идеальных объектов должна подвергнуться переосмыслению, учитывающему коммуникативно-деятельностный способ ее функционирования [3, с. 99-116]. И тогда сама возможность существования профессиональной методологической деятельности предполагает реализацию коммуникативно-деятельностной, intersubjectивной установки по отношению к методологическим проблемам науки. С точки зрения В.И. Аршинова, эту установку нельзя назвать полностью теоретической, т.к. она не направлена на реализацию идеалов объективного знания в рамках методологии [3, с. 99-116]. Коммуникативная установка на разработку и систематизацию методологических проблем позволяет осознать значение неявных и не очевидных аспектов этих проблем, существующих реально каждый раз в особых пограничных междисциплинарных контекстах (это близко к позиции И.Т. Касавина [5, с. 180-184]). С этой точки зрения разработка методологии с этих позиций позволяет придать ее проблемам устойчивые intersubjectивные смысловые значения. Но в свете современного развития пост(не)классической науки в мире синергетики не нужно противопоставлять коммуникативно-деятельностный подход деятельностно-объектному подходу, называемому теоретическим. Теоретическое знание — это и вид коммуникации, имеющий достоинство независимости от субъектов. Оно является также объективностью и истинностью знания. Основная задача такого подхода в том, чтобы понять, с чем связана возможность осуществления деперсонифицированного теоретического подхода к решению методологических проблем науки.

Объективация реальных проблем науки, осуществляемая в процессе последовательного межъязыкового перевода так, что в процессе познания достигается согласие в отношении их истинности или ложности, дает одновременно возможность исключить личностное измерение науки (а вместе с ним и многочисленные социокультурные аспекты знания вообще) даже на уровне методологического рассмотрения и достигать intersubjectивности и в перспективе успешного диалога между ученым и методологом — объективности научного знания даже при решении сложных проблем современной науки.

Литература

1. Алёшин А.И. Междисциплинарные связи биологии как пространство возможностей теоретического поиска / А.И. Алёшин // Природа биологического познания [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Наука, 1991. – С. 163-178.
2. Алёшин А.И., Аршинов В.И. Об особенностях методологического осмысления развития современного естественнонаучного знания // Философия, естествознание, социальное развитие. – М.: 1989. – С. 82-102.
3. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФРАН: 1999. – 203 с.
4. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Квантово-сложностная парадигма. Междисциплинарный контекст. – М.: ИФРАН: 2015. – 136 с.
5. Касавин И.Т. Междисциплинарность в эпистемологии // Энциклопедический словарь по эпистемологии / под ред. И. Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2011.
6. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978. – 391 с.

УДК 168.522

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Людмила Артемьевна Маркова

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии Российской академии наук*

Научная революция плохо вписывалась в классическое мышление Нового времени. Главная причина – революция связана с рождением нового знания, а этот процесс трудно отделить от человека-учёного. Разумеется, никто никогда не отрицал, что наука существует в обществе и не может не зависеть от человека. Но чтобы получить истинное знание, необходимо результат максимально освободить от всего человеческого. Окружающий мир наукой был представлен как мёртвый, безмолвный, существующий абсолютно независимо от человека. Любое рождение нового представляло интерес только своим результатом. Однако в прошлом веке и революция в физике и развитие самой философии подвели к необходимости иначе посмотреть на окружающий мир, на место человека в этом мире и, соответственно, в науке. После яркой вспышки интереса к революциям в связи с книгой Куна исследования социальных аспектов науки приняло другие формы (case studies, жизнь лаборатории, знание из контекста, intersubjectивность, диалогизм, культурология и т.д.). Сразу трудно было найти причину

такого поворота, но сейчас можно предположить. Была осознана необходимость понять начало творческого процесса из контекста без слома старого знания.

Ключевые слова: Революция, эволюция, начало, новое знание, разрушение старого знания, диалог, коммуникация, контекст.

SCIENTIFIC REVOLUTION

Lyudmila Artemyevna Markova

DSc in Philosophy, Senior researcher

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

It is difficult to coincide scientific revolution with the logic of classical science. The main reason is that any revolution in science is connected with a man-scientist, the author of a new knowledge. Of course nobody denied that science exists in society and depends upon human activity. But if you want to receive the truth in classical science, you have to divide the obtained knowledge from everything in the world of a human. In classical science the surrounding world is dead, it cannot react in any way to human activity. The scientist activity is of some interest only with its result. However in 20 century scientific revolution and the development of philosophy itself forced to change our attitude to the sociality of science. The place of a human in the world and, correspondently, in science was becoming another. In the middle of century discussions about the role of revolutions in the history of science were very active. But the result was that the notion of scientific revolution lost its important place in science studies. Now it is possible to see the cause of this. The main question remained without answer. In what way the new knowledge emerges outside of the evolutionary way of science development. Quite another notions are forming the basis of a new type of thinking, such as context, case studies, dialog, communication and so on. The new knowledge emerges from the context without destruction of the old one.

Keywords: Revolution, evolution, beginning, new knowledge, destruction, dialog, communication, context.

Научная революция

В прошлом веке исследователи науки (философы, историки, социологи) большое внимание обращали на понятие научной революции. Дело было в том, что революция никак не вписывалась в логическую структуру развития научного знания, структуру, созданную на базе логики классической науки. Революция – это противоположность эволюции, перерыв постепенности, начало, не определяемое логически, точка бифуркации, как то самое начало, где необходимо сделать выбор между разными возможностями дальнейшего развития. Эти свойства революции, как и многие другие, связанные с ними, имеют то общее, что они включают, в том или ином виде, в результат сам процесс его получения и автора-учёного этого процесса. Для классического научного мышления это было недопустимо. Здесь научное знание было тем совершеннее, чем радикальнее удавалось освободить его от всего, связанного с человеком и его миром. Предмет познания, природа в самом широком смысле слова, не зависит от человека, его деятельности. Таким должно быть и знание об окружающем мире, и техника, создаваемая на его базе. Маркс писал, что в будущем на заводах люди будут полностью отсутствовать, даже в качестве придатков машины. Маркс имел в виду, что части машины будут взаимодействовать друг с другом по законам природы, так же независимо от человека, как и окружающий нас мир, в том числе и созданное нами искусственное окружение. Очевидно, что речь здесь идёт о классической науке, которая в своём идеале освобождается от всех следов человека. Такая наука, по словам Маркса, является душой капиталистического производства. Нетрудно увидеть, что в этом случае искусственный мир выстраивается принципиально иным способом, чем это делается в наши дни. Сегодня из науки и техники человек не устраняется, а наоборот, его свойства сохраняются, чтобы лучше понять наше окружение и установить с ним контакт. На этом строится робототехника.

Человеческий фактор подвижен, изменчив, ситуацию эксперимента, например, невозможно воспроизвести полностью, во всех деталях. На этом особенно настаивали социологи науки середины прошлого века. Они говорили: если каждый новый эксперимент не повторяет предыдущий и выдаёт другой результат, значит, ни объективности, ни истинности знания нет. Ведь именно эксперимент подтверждает истинность тех или иных умозаключений. Следовательно, нет истинного знания, которое может служить основанием последующего шага в будущее. В ходе научной революции знание рождается из контекста, по преимуществу из пространственных отношений, из того, что рядом, а не на острие стрелы времени, как промежуточное звено между прошлым и будущим. Революции нет места в науке, и ещё задолго до исследований социологов XX века философы и историки пытались выйти из положения, «растворив» революцию в эволюции.

Так, В. Хьюэлл доказывал, что разница между равномерным (эволюционным) и катастрофическим (революционным) развитием только в скорости, с которой совершаются события. Разница в скорости очень большая, но законы, по которым совершаются очередные события, остаются прежними [15]. Никаких катастроф, революций вроде как и не было. П. Дюгем выходил из положения иначе. Он доказывал, что в результатах научной ревизии XVII века ничего нового нет [9]. Каждый элемент, который воспринимался как новый, он находил в том или ином виде в прошлом. Таким образом начало науки отодвигалось всё дальше и дальше в бесконечно далёкое прошлое. Революция, лишённая функции породить новое знание перестаёт

быть революцией, она растворяется в эволюционном процессе.

Однако революция в физике начала прошлого века и развитие самой философии ставили проблемы, которые не могли быть решены логическими средствами классики. Начинает формироваться мышление нового типа, обращённое к анализу начала возникновения нового знания. А это неизбежно направляло внимание исследователей к учёному-человеку, в голове которого и совершались творческие акты. Предполагалось, что необходимо старое разрушить, а новое создать, что никак не вписывалось в линейное развитие знания. Признание таких разрывов (революций) в истории научных идей означало отказ от классической логики. Виттгенштейн писал, что если вы не можете что-то объяснить логически, то лучше не говорить об этом ничего. Можно, однако, возразить Виттгенштейну: если не можете что-то объяснить средствами классической логики, создайте новую логику. В прошлом веке многие исследователи именно этим и занимались. Как минимум, они ставили проблемы, которые не решались прежними средствами.

В середине прошлого века сформировались два направления в истории науки, интернализм и экстернализм. Не вдаваясь в детали, взглянем на споры дискутирующих с наших позиций. Новым было то, что активно обсуждалось влияние «социальных факторов» на научные идеи. Однако и те и другие не выходили за пределы социального как чего-то внешнего по отношению к научному знанию, никак логически не связанному с содержанием. Разница между двумя сторонами состояла в том, что экстерналисты считали это влияние решающим, а интерналисты не придавали ему большого значения. Социальные факторы как неизбежно присутствующие в научной деятельности и как формирующие начала науки отсутствуют в концепциях дискутирующих. Понятие научной революции тоже не играет сколько-нибудь значительной роли, поскольку взаимодействие происходит только между результатами деятельности, социальной и научной.

Научное знание и сообщество учёных

Понятие научной революции на определённое время стало доминирующим при изучении науки после выхода в свет книги Т. Куна «Структура научных революций» в 1967 году [6]. Кун видел свою задачу в том, чтобы показать, каким образом новая теория-парадигма, после победы над старой, встраивается в ряд развития идей. Спор новой парадигмы со старой он видел как спор представителей двух научных сообществ, сторонников старого и нового знания. Когда приверженцев новой парадигмы становится большинство, можно считать, что она победила, и наука сделала очередной шаг вперёд после и в результате научной революции. Кун, таким образом, впервые среди историков установил прямую зависимость появления нового в науке от деятельности учёного, от тех процессов, которые происходят в его голове. Именно поэтому идеи Куна вызвали большой ажиотаж среди специалистов по изучению науки. Ещё и потому, что научная революция становится не нарушающей развитие науки, а его локомотивом. Уже не надо превращать её в эволюцию, скорее наоборот (вспомним теорию К.Поппера).

Но была, однако, в концепции Куна одна лагуна, которую его и оппоненты, и сторонники не замечали или, может быть, не считали существенной. Сам Кун видел проблему, которая осталась нерешённой. Дело в том, что речь идёт о споре уже существующих теорий. А вопрос о том, как они возникли, остаётся без ответа. Кун вообще высказывает сомнение в том, что ответ когда-нибудь может быть дан. Между тем, именно эта проблема становится стержневой в последующие десятилетия [8, с. 182-193].

Контекст открытия

Чтобы разобраться в основных направлениях, которые возникли при попытках анализа научной деятельности в революционный период, когда возникает новое знание, полезно помнить, на мой взгляд, в первую очередь, следующую особенность неклассического мышления. Революция, встраивая новое знание в структуру науки, объявляла побеждённую теорию разрушенной, непригодной для использования, для работы по решению научных проблем [13, с. 50-53]. Естественно, вместе с классическим мышлением теряют силу и основные понятия, на которых это мышление базируется [10, с. 38-43]. Прежде всего, речь идёт о понятии истины. Не случайно по поводу этого понятия шли и продолжают идти ожесточённые споры [14, с. 38-50]. Наука не может быть без истины, следовательно, наука остаётся классической, другой она быть не может. Оппоненты сторонников классики исследуют научную деятельность с точки зрения её обращённости к человеку, социальному миру, а не к природе, лишённой всего человеческого, любых форм присутствия человека в этом мёртвом, безмолвном мире [11, с. 1-15]. Такой подход к анализу науки привёл к убеждению, что рождение нового, конечно, прерывает непрерывное развитие, но при этом старое знание не уничтожается. Распространение этого взгляда привело к тому, что понятие научной революции постепенно исчезает со страниц журналов и книг. Его не критикуют, не превращают в эволюцию. Возникновение нового в науке как событие, минимизируется и фигурирует в истории науки как case studies [5], которые мирно сосуществуют и в истории, и в современности. Ростки нового прорастают каждый в условиях индивидуального контекста [4; 12, с. 1-15]. Социологи науки сосредоточили внимание на работе лаборатории. Все лаборатории разные. Даже в мелочах одна и та же лаборатория меняется от одного эксперимента к другому. Внимание обращается не на общие для всех случаев свойства, а наоборот. Интерес представляет факт, что нет никакой устойчивости. Один и тот же эксперимент даёт разные результаты при повторении его даже в одной и той же лаборатории. Делается вывод: нет в науке, и не может быть, истины. Впрочем, мало кто рискует так решительно заявлять об отсутствии истины в науке. Чаще говорят об этом весьма уклончиво или ограничиваются словами о том, что наука стала другой.

Помимо истины, проблематичным стал ответ на вопрос о логической связи между отдельными событиями возникновения нового знания, будь то отдельные case studies или открытия в лаборатории. Если в этих случаях новое знание не выводится из старого, то каким образом оно с ним связано? Каким образом оно вообще может быть встроено в структуру науки и стать научным [7]? В результате, возникают такие направления мысли как коммуникативные теории [1], диалогические системы [2], культурология [3]. Проблемы, на которые приходится отвечать оппонентам классики, трудные проблемы, но само развитие науки и мышления как такового требуют их понимания.

Литература

1. Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативный подход: к междисциплинарному базису социологической теории. Междисциплинарность в философии и науке. – М.: ИФРАН, 2010. – С. 36-75.
2. Библер В.С. Кант-Галилей-Кант. – М.: «Мысль», 1991. – 320 с.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 404 с.
4. Касавин И.Т. Викторианская философия науки: Уильям Хьюэлл (размышления над книгой) // Вопросы философии. – 2017. – №3. – С. 63-73.
5. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М., 2008. – 437 с.
6. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
7. Маркова Л.А. Социальная эпистемология в контексте прошлого и будущего. – М., 2017. – 271 с.
8. Маркова Л.А. Поворот в исследованиях социального характера научного знания // Вопросы философии. – 2016. – №4. – С. 182-193.
9. Duhem P. Etudes sur Leonard Da Vinci. – P., 1955.
10. Frodeman R. Anti-Fuller. Transhumanism and the Proactionary Imperative // Social Epistemology Review and Reply Collective. – 2015. – №4. – P. 38-43.
11. Fuller S. Twelve Questions on the Transhumanism's place in the Western Philosophical Tradition // Social Epistemology Review and Reply Collective. 19 April 2017. – URL: <https://social-epistemology.com/2017/04/19/twelve-questions-on-transhumanisms-place-in-the-western-philosophical-tradition/>
12. Kasavin I. Towards a Social Philosophy of Science. Russian Prospects // Social Epistemology. – 2016. – Vol. 31. – Is. 1. – P. 1-15. DOI: 10.1080/02691728.2016.1227389
13. Markova L.A. Transhumanism in the Context of Social Epistemology // Social Epistemology Review and Reply Collective. – 2017. – №7. – P. 50-53.
14. Markova L. Science Studies in Russia and in the West // Social Epistemology. – 2016. – Vol 31. – Is. 1. – P. 38-50. DOI: 10.1080/02691728.2016.1227392
15. Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences Founded upon their History. London John W. Farker, West Strand M.DCCC.XLVII

УДК 165

РОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗМА ИЗ ДУХА СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА: ПРОЕКТ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ НАУКИ О НАУКЕ ГАРРИ КОЛЛИНЗА*

Ольга Евгеньевна Столярова

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук*

В докладе рассматривается попытка Гарри Коллинза дать реалистическое обоснование социологии научного знания, совершив незаконное с точки зрения эмпирических исследований научного знания обращение к философской онтологии. Гарри Коллинз, продолжая линию «сильной программы», утверждает, что социологи должны проводить эмпирическое исследование естественных наук, их практик и результатов таким образом, как если бы «природа» (физическая реальность) не влияла на теоретический выбор ученых. Вместе с тем он признает необходимость реалистического подхода социологов науки к собственному предмету. Если социологи науки обладают реальной экспертизой в отношении естественных наук, то какова природа этого реализма и как он согласуется с эмпирической и конструктивистской установкой социологии науки? В докладе будет показано, что Гарри Коллинз формулирует онтологию

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Эмпирическая метафизика и условия ее возможности № 16-03-00033 [This research was supported by the RFBR; project № 16-03-00033 “The empirical metaphysics and conditions for its possibility.”]

природы и общества, которая лежит в основании предложенных им концепций «взаимодействующей экспертизы» и «неявного знания», ключевых для понимания методологии «третьей волны» социологии науки. Будет прослежено, что Коллинз начинает с вопроса о реальности экспертного знания и приходит к «социальному картезианству», которое выражает дуализм физического и ментального (социального).

Ключевые слова: социология науки, эмпиризм, реализм, экспертиза, неявное знание, язык, онтология..

THE BIRTH OF REALISM FROM THE SPIRIT OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM: HARRY COLLINS'S PROJECT OF REALISTIC JUSTIFICATION FOR SCIENCE STUDIES

Olga Evgenevna Stolarova
PhD in philosophy, Senior Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

This paper examines the attempt by Harry Collins to give a realistic justification for the sociology of scientific knowledge, having committed an appeal to philosophical ontology, which is illegal from the point of view of empirical research of scientific knowledge. Harry Collins follows the “strong program” line and argues that sociologists must conduct an empirical study of the natural sciences, their practices and results in such a way as if “nature” (physical reality) does not influence the theoretical choice of scientists. At the same time Collins admits the necessity of a realistic approach of sociologists of science to their own subject. If sociologists of science possess real expertise in the nature and functioning of natural sciences, then what does this realism mean in the context of the empirical and constructivist attitude of sociology of science? It is shown that Harry Collins formulates ontology of nature and society, which underlies his concepts of “interactional expertise” and “tacit knowledge”. It is shown that Collins begins with the problem of the reality of expert knowledge and comes to “social Cartesianism”, which expresses the dualism of the physical and the mental (social).

Keywords: sociology of science, empiricism, realism, expertise, tacit knowledge, language, ontology.

Гарри Коллинз – один из наиболее авторитетных на сегодняшний день представителей направления социологии научного знания, инициированного в 70-х гг. прошлого века Дэвидом Блуrom и Барри Барнсом. Основные принципы социологии научного знания были сформулированы в работе Д. Блура «Знание и социальная образность» (1976) и составили так называемую «сильную программу» социологии науки. «Сильная программа» подчеркивает научный, эмпирический, характер социологического изучения науки: она воздает должное науке и научному методу, присваивая этот метод, «имитируя» его [1, с. VIII]. Теоретики эмпирической социологии науки считают, что научные утверждения и теории, как и любые другие человеческие действия и убеждения, нуждаются в эмпирическом изучении, причем это изучение должно быть беспредпосылочным – никакие «истинные» или «ложные» убеждения не должны оказывать влияние на научный метод.

Гарри Коллинз, продолжая линию «сильной программы», утверждает, что социологи должны проводить эмпирическое исследование естественных наук, их практик и результатов таким образом, как если бы «природа» (физическая реальность) не влияла на теоретический выбор ученых: только наблюдаемые эмпирическими социологами закономерности играют роль в объяснении роста научного знания: «социолог или историк должен работать так, как если бы утверждения о реальности, сформулированные теми, кого он изучает, не были детерминированы реальностью» [2, с. 184].

В то же время Гарри Коллинз признает необходимость реалистического подхода социологов науки к собственному предмету. Продуктивность естественных наук объясняется помимо прочего реалистической установкой ученых по отношению к своим объектам. То же должно относиться и к социологам, имитирующим науку и стремящимся убедить внутреннюю и внешнюю аудиторию в правильности своих заключений. Коллинз, впрочем, утверждает, что его реализм методологический, а не метафизический: он защищает реализм в условном модусе, а не реализм относительно объективной истины. Но ссылка на методологическую установку не меняет сути дела, поскольку онтология, которую конструирует Коллинз, существует *как если бы* она была последовательной онтологией, которая способна убедить аудиторию в своей истинности. К тому же, отталкиваясь от социальной реальности Коллинз выстраивает такую онтологию, в которой находится место и природной реальности, выраженной содержательным языком онтологии.

В докладе рассматривается попытка Гарри Коллинза дать реалистическое обоснование социологии научного знания, совершив незаконное с точки зрения эмпирических исследований научного знания обращение к философской онтологии. Будет показано, что Гарри Коллинз формулирует онтологию природы и общества, которая лежит в основании предложенных им концепций «взаимодействующей экспертизы» и «неявного знания», ключевых для понимания методологии «третьей волны» социологии науки. Будет прослежено, что Коллинз начинает с вопроса о реальности экспертного знания и приходит к «социальному картезианству», которое выражает дуализм физического и ментального (социального).

Гарри Коллинз считает, что социологи науки обладают реальной экспертизой относительно природы естественных наук. Роль экспертного знания, которым обладают социологи науки, состоит в том, что оно переводит искусственный язык науки на общий всем уровням экспертизы содержательный язык – естественный язык культуры (общества). Этот перевод не алгоритмический, поскольку он предполагает знание, которое не может быть эксплицировано посредством автоматического замещения структуры физической реальности информационным кодом. Этот перевод представляет собой нелегитимный (с точки зрения концепции линейного накопления опыта) скачкообразный переход от физического мира знаков в область значений. Здесь мы имеем дело не с информацией в чистом виде (техническом смысле), а с пониманием языка, семантикой, которая обнаруживает самостоятельность по отношению к алгоритму синтаксиса. Это возможно потому, полагает Коллинз, что естественный язык и взаимодействующая экспертиза укоренены в неявном знании (*tacit knowledge*).

Концепция неявного знания, разработанная Майклом Полани, указывает на знание, которое выражает неалгоритмическую природу нашего мышления. Это невербальное, или, лучше сказать, *до-вербальное*, знание. Индивид обладает таким знанием изначально в силу того, что обладает организмом, который приспосабливается к окружающему миру, подстраиваясь под внешние условия и эта «способность к приспособлению», способность «видеть», или осознавать, ситуацию в целом и действовать в соответствии с ней (знание-как, совпадающее с «практической мудростью») опережает речевую артикуляцию и знаковую экспликацию и не нуждается в них. Потребность в экспликации возникает на социальном уровне вместе с необходимостью разделить знание с другими. Социальное, оно же эксплицируемое, знание вторично, оно основано на индивидуальном знании-как и зависит от него. Философы феноменологической традиции, в частности, Хьюберт Дрейфус используют концепцию неявного знания для того, чтобы подчеркнуть неалгоритмический характер человеческого телесного присутствия в мире, обеспечивающего изначально уровень понимания (знания).

Позиция Коллинза иная. Вслед за Витгенштейном, Коллинз полагает, что язык – это *форма жизни*. Следовательно, именно в языке, а не до-вербальных способностях организма нужно искать ключ к пониманию опыта. Принципиальная особенность языка состоит в том, что он одновременно является социальным институтом, социальной практикой или просто *практикой*, потому что практика, как и словоупотребление всегда социальны, а социум представляет собой практики словоупотребления. Вспомним аргумент Витгенштейна о невозможности индивидуального языка, т.е. о невозможности языка в отсутствии правил словоупотребления, которые определяются совместными практиками членов сообщества. Неявное знание для Коллинза – это знание значений словоупотреблений, и оно возникает тогда, когда возникает человеческое сообщество. Это *коллективное неявное знание* (*collective tacit knowledge*). Все же, что относится к телесному, или физическому уровню, принадлежит области актуально или потенциально наблюдаемого и, следовательно, актуально или потенциально эксплицируемого знания. Знаменитый пример Полани – езда на велосипеде – в интерпретации Коллинза относится к потенциально эксплицируемому знанию, потому что мы можем теоретически представить себе (помыслить) машину, способную вычислить и моделировать физиологию процесса, т.е. моделировать механические действия, которые составляют этот процесс. Но мы не можем представить себе машину, которая была бы социализирована, т.е. участвовала бы в практиках словоупотребления, потому что правила, которым подчиняются практики словоупотребления, не алгоритмизируются. Машины – это автоматы, которые оперируют со струнами (синтаксисом), а не со значениями.

Таким образом, онтология, сконструированная Коллинзом, как он сам ее определяет, – это «социальное картезианство» [3, с. 125-138]. Это разновидность дуализма, которая отличается от дуализма Декарта тем, что помещает сознание (мышление) в коллектив человеческих субъектов. Сообщения, которые люди отправляют друг другу по каналам информационной связи, помимо знаковой составляющей, обладают значениями, извлеченными из коллективного мышления (коллективных практик словоупотребления), поэтому когда получатель обрабатывает информацию в соответствии с собственными запросами и реагирует на нее, отправляя полученную информацию следующему получателю, он неизбежно привносит в нее коллективное неявное знание (можно в принципе представить себе ситуации, когда люди оперируют только знаками, но не значениями. Тогда они выполняют так называемые мимеоморфные действия (*mimeomorphic actions*), т.е. автоматические, не требующие понимания. Такие действия могут быть имитированы машинами [3, 56-58].

На наш взгляд, эта конструкция напоминает не только онтологию Декарта, но и трансцендентальный аргумент Канта, направленный на то, чтобы определить условия возможности естественнонаучного познания, которое судит о внешнем мире посредством чувственного опыта. Условием возможности науки Кант полагает априорные формы чувственности и рассудка, которые преобразуют опыт в законы природы. В конструкции Коллинза опыт преобразуется в знание посредством социальных (практических, языковых) категорий, без которых он остается только бессмысленным набором знаков. Наукой, которую обосновывал Кант, было математическое естествознание Ньютона. Наукой, которую обосновывает Коллинз, является наука о науке – эмпирические исследования социологии науки, в ходе которых было открыто, что авторитет естественнонаучной и технической экспертизы зависит от нередуцируемой коллективности, выраженной в естественном языке. Условием возможности социологии науки, таким образом, признается естественный язык, который в отличие от чистых форм чувственности и рассудка, постулируемых Кантом, оказывается содержательным. Его содержательный компонент – это онтология, которая «доопределяет» опыт теоретическими значениями. Конечно, любая онтология может быть эксплицирована, как, например, эксплицирована

в языке онтологическая конструкция Коллинза, которая доступна читателю на электронном или бумажном носителе. Что же касается *условия возможности* построения (и понимания) онтологии, то оно не может быть эксплицировано и потому должно оставаться *неявным*, но неявным не в смысле бессодержательности, а в смысле того, что оно не сводимо к физическому опыту.

Литература

1. Barnes B., Bloor D, Henry J. Scientific Knowledge: A Sociological Analysis. – University of Chicago Press, 1996. – 244 p.
2. Collins H.M. One more round with relativism // The One Culture? A Conversation about Science / Labinger J.A. and H. Collins (Eds.). – University of Chicago Press, 2001. – P. 184-195.
3. Collins H.M. Tacit and Explicit Knowledge. The University of Chicago Press, 2010. – 186 p.

УДК 123: 316.3

КОММУНИКАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУКИ: ДАНЬ МОДЕ ИЛИ ОТВЕТ НА ОБЪЕКТИВНУЮ ПОТРЕБНОСТЬ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Юлия Сергеевна Корчагина

аспирант

Нижегородский государственный технический университет

им. Р.Е. Алексева

Данная статья посвящена исследованию коммуникативного измерения современной науки, актуальность которого обусловлена, прежде всего, появлением сетевого общества. В контур науки включаются силы различных областей, успешное взаимодействие которых, зависит от эффективной коммуникации. Рассматриваются проблемы формирования технауки, как формы бытия современной науки: делается акцент на включенность общества в контур ее развития и переориентацию с объектно-ориентированного познания на проектно-конструктивную деятельность. Актуализируется вопрос новых форм взаимодействия науки и общества, основанных на принципе открытой коммуникации, критическом мышлении, диалоге всех субъектов коммуникации. На примере работы Бруно Латура «Наука в действии» описывается процесс формирования научного знания и роль коммуникации в нем. Основываясь на принципе сетевой модели развития науки Бр. Латура предлагается использование метода сетевых проектов, в основе которых лежат событийные формы взаимодействия, способствующие «пробуждению» личности. Автор рассматривает сетевую модель развития науки на примере студенческого проекта «Дебаты по атомной энергетике», который был реализован в НГТУ им. Р.Е. Алексева г. Нижний Новгород. Полученные результаты позволяют говорить об эффективности сетевого проектного метода в вопросах современного коммуникативного развития науки и возможности использования модели Бр. Латура как основания для появления новых форм коммуникации между субъектами технауки.

Ключевые слова: наука, сетевое общество, сетевая наука, технаука, коммуникация, сетевые проекты, акторно-сетевая теория.

COMMUNICATIVE DIMENSION OF SCIENCE: FASHION STATEMENT OR A RESPONSE TO AN ACUTE DEMAND OF NETWORK SOCIETY

Yulia Sergeevna Korchagina

Postgraduate student

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

This article is devoted to a research of the communicative dimension of modern science, the topicality of which is explained most of all by the appearance of network society. Efforts of different fields are included into the science contour and their successful cooperation depends on effective communication. The problems of forming technical sciences as a form of modern science' beings are considered in the article: an emphasis is put on involvement of the society into the contour of its development and re-orientation from the object-oriented cognition to the project-constructive activity. The article raises a question of new forms of cooperation between science and society, based on the principles of open communication, critical thinking, and a dialog between all subjects of communication. The process of forming scientific knowledge and the role of communication in it are described through an example of Bruno Latour's "Science in Action". Based on Bruno Latour's principle of a network

model of scientific development, it is proposed to use a method of network projects, in the basis of which there are eventual forms of cooperation, that encourage "awakening" of personality. The author considers the network model of scientific development through an example of a students' project "Nuclear Power Debates", that was realised in the Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev (NNSTU). The achieved results allow to state the effectiveness of the network project method in the questions of modern communicative scientific development and the opportunity to use Bruno Latour's model as a basis for appearing new forms of communication between the subjects of technical science.

Keywords: science, network society, network science, technoscience, communication, network projects, actor-network theory.

Изучение развития современной науки имманентно включает исследование коммуникации как неотъемлемого фактора ее успешного развития. Актуальность рассмотрения коммуникативного измерения науки обусловлена, прежде всего, появлением нового типа социальной структуры – «*сетевого общества*». Его основу составляют *децентрализованные сети информационных технологий*, с помощью которых происходит взаимодействие множества узлов сети посредством коммуникаций [1, с. 41]. Субъектам научной деятельности приходится аккумулировать силы различных областей – бизнеса, политики, экономики, СМИ, и принимать во внимание *мнения групп общественности, добываясь их заинтересованности*.

С другой стороны, становление коммуникативистики как комплексной дисциплины детерминирует необходимость обращения к коммуникативному измерению науки [8]. Таким образом, исследование вопросов коммуникации не просто дань моде в силу стремительного развития информационных технологий, это ответ на объективную потребность сетевого общества. И в рамках данной статьи предстоит выяснить, какие формы коммуникации отвечают современным процессам его функционирования.

В качестве *методологического основания* используется модель развития науки Бр. Латура. Для этого мы обращаемся к его работе «Наука в действии» и обобщаем наш предыдущий эмпирический опыт сетевого проектирования, предпринятый в рамках НГТУ им. Р.Е. Алексеева как итог освоения курса «Основы теории коммуникации» для студентов PR-специальности [6].

Нельзя не отметить еще одну особенность современной науки – зависимость от развития техники. Наука имеет дело с природой, поставленной в созданные, искусственные условия и все больше вынуждена обращаться к материальным и технологическим факторам. Латур отмечает, что *действующими героями науки являются не только ученые, но и любой неодушевленный, нематериальный объект, участвующий в развитии знания* [4, с. 11]. И для того, чтобы проект удался *все эти элементы нужно соединить воедино*.

«Технонаука» предполагает особую взаимосвязь науки, техники и человека, а именно *активную роль человека в процессе их развития*. Согласно Латуру, для *технонауки* характерно *применения научного факта в жизни*, в действующем образце, иначе ставится под вопрос его существование как таковое [4, с. 10]. Вопрос истинности знания современной технонауки, соизмерим с вопросом *пользы и выгоды*, приносимой человеку. Знание «еще не успев родиться на свет», чаще всего заведомо является *основой проектируемой инновации*. Происходит изменение традиционного порядка производства знания – инновация возникает не как производная внедрения полученного знания, а как *инновационная идея*, которая определяется *целью проектирования и конструирования социальной реальности*. Таким образом, *не только научное знание является частью процесса коммуникации, но и коммуникация включается в процесс производства знания* [2]. Это отражает еще одну сторону актуальности исследования коммуникации: взаимодействие науки с обществом, ради выявления истинных потребностей индивида и внедрения в его жизнь научно-технических инноваций.

Виртуализация общества, обильный поток неконтролируемой информации приводит к «*смысловой пустоте*» и фрагментарному восприятию реальности [9]. Важность быстрого усвоения информации снижает значение фундаментального знания, повышая *актуальность оперативного знания* и, как следствие, критического мышления. Происходит переориентация с объектно-ориентированного познания на *проектно-конструктивную деятельность*, предполагающую включенность субъекта в поле этой деятельности. Актуализируется вопрос *новых форм взаимодействия науки и общества*, основанных на принципе *открытой коммуникации, критическом мышлении, диалоге всех субъектов коммуникации*.

В работе «Наука в действии» Бруно Латур подробно описывает *процесс рождения научного знания и условия его распространения, в котором коммуникация играет особую роль*. Изначально, согласно Латуру, предлагается выделить два уровня «действия» науки – внутри лаборатории и вне ее. С одной стороны, наука – это «*ученые в белых халатах*», занимающиеся исследованиями и экспериментами, а с другой – *бизнес, политика, общество и, в том числе, Латур выделяет PR-деятельность* [4, с. 250]. Особенность этих элементов науки в том, что ни один из них не является доминирующим, все они взаимосвязаны и равнозначны для успешного развития научной деятельности, *это проекции одной системы. Их задача – стать элементами одной сети*. Чем глубже и интенсивнее работа внутри науки, тем больше она должна *выходит вовне*, и интересовывать как можно большую аудиторию с целью поддержки ее развития, финансирования и потребления продуктов научной деятельности. В качестве посредников между всеми субъектами коммуникации науки и могут выступать *PR-специалисты*, помогая объединить разрозненные ресурсы в единую сеть и обеспечивая взаимосвязь всех ее контуров.

По Латуру, формирование научного факта происходит за счет прошлых и будущих утверждений. И чем больше разногласий между спорящими субъектами, тем глубже они погружаются в детали, обращаясь к «черным ящикам» – уже установленным фактам. Коммуникация делает науку «подвижной», *мобилизуя ее историю*, подвергая сомнению, казалось бы, непреложные истины, заставляя ученых в процессе спора заново «*вскрывать черные ящики*» и *возвращаться к условиям, породившим спорные высказывания*» [4, с. 60]. Данный подход – *открытость новому и нелинейное мышление* – расширяют границы науки, допускают понимание иного, делает ее восприимчивой к трансформациям и новизне, не только в технологических, но и социально-гуманитарных областях [11].

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что наука по Латуру обладает *характером сети, где ресурсы сконцентрированы в разных местах – узлах, точках пересечения и соединены друг с другом связями, образуя ячейки сети*. Под словом «сеть» Латур понимает связанный ряд действий, где каждый участник является полноценным посредником. *Каждая точка пересечения в сети может стать точкой бифуркации – событием* и источником нового перевода, неожиданных решений. [8, с. 181-182].

Основываясь на вышеописанном *принципе сетевой модели развития науки*, открытой коммуникации, благодаря которым сети могут расширяться, преодолевая барьеры и объединяя различные ресурсы, самоорганизации индивидов для дальнейшего эффективного развития науки предлагается использование *метода сетевых проектов*, в основе которых лежат *событийные формы взаимодействия, способствующие «пробуждению» личности* [7]. Одна из важных особенностей проектов – это включенность субъекта в поле этой деятельности, что характерно для современной технонауки. Проект как коммуникативная площадка, позволяет объединить разрозненных субъектов и дает возможность «*вскрыть смыслы*», и сформировать мнение о проблеме или изменить его. Проекты, основанные на *событийных организационных формах*, способствуют выходу за границы обыденного знания и помимо взаимодействия с другими, предполагают рефлексии субъекта. Сетевой проект, в котором сходятся «коммуникационное» и «коммуникативное» измерения коммуникации, есть результат пересечения технико-технологического и социально-гуманитарного знания [8].

Итак, актуализация вопроса *новых форм взаимодействия науки и общества* заставляет нас обратиться к предыдущей практике сетевого проектирования. В рамках студенческого проекта «*Дебаты по ядерной энергетике*» нами была предпринята попытка конструирования образца функционирования современной технонауки. Проект длился более пяти лет и был отмечен дипломом на Всероссийском конкурсе «Моя страна – моя Россия» в 2008 года. Турнир по дебатам включал в себя серию игр, где представители альтернативных точек зрения могли прийти к консенсусу [10]. В ходе дебатов участники сталкивались с противоположными аргументами, что необходимо инициировало самостоятельные исследования, консультации с экспертами, возвращение к истокам проблемной ситуации, использование различных коммуникативных методов с целью изменения отношения участников к ядерной энергетике.

Предположим, проведенные дебаты, как пример сетевого учебного проекта поддержки развития ядерной энергетике, может быть проиллюстрирован с помощью модели развития науки Латура. В ходе дебатов участники двигаются от аргумента к аргументу, пока не появляются разногласия по поводу определенного утверждения. Когда же это происходит, каждый стремится задействовать сильных «союзников» – подкрепляющие тексты, данные, выбирая методы подстройки под зрительскую аудиторию. Привлекаются элементы различных сфер – эксперты, подкрепляющие утверждение или ослабляющие его. Для поддержки утверждения могут быть мобилизованы совершенно разнородные элементы. Таким образом, участник как бы обозначает для себя, оппонентов и наблюдателей то, что он больше всего ценит и с чем связан. После принятия утверждения оппонентами происходит новый поиск союзников по поводу следующего утверждения. Благодаря самостоятельным исследованиям, открытому доступу к объективной информации происходит пробуждение у личности интереса к данной тематике. Открытые обсуждения различных фактов могут привести к неожиданным выводам и новым мнениям.

На основе данных, полученных в результате применения специально разработанного алгоритма оценки эффективности проекта, можно сказать, что дебаты позволили частично решить проблему негативного и необъективного отношения к ядерной энергетике среди участников и наблюдателей. Подробное описание проекта «Дебаты по ядерной энергетике» и его результаты приведены в дипломной работе автора [3].

Подводя итог, еще раз отметим, что подобные *сетевые образовательные проекты, основанные на событийных формах*, позволяют создать коммуникационную площадку, где представители противоположных точек зрения в режиме диалога могут найти консенсус и создать условия для дальнейшего эффективного развития отраслей научной деятельности в частности и движению науки в целом. Благодаря таким проектам наука становится ближе к *повседневной жизни человека*, где, казалось бы, множество факторов, на первый взгляд, никак не связанных с такой сложной отраслью как, например, ядерная энергетика – напрямую зависят от ее успешного функционирования. Переход к сетевой модели развития обусловлено вступлением общества в информационную эпоху, которая актуализирует необходимость новых форм коммуникации. *Акторно-сетевая модель развития науки Латура Бруно*, основанная на принципе открытой коммуникации акторов, актуализации всесторонних связей между ними – может стать *теоретическим фундаментом объяснения процессов современной технонауки* и прикладной моделью, по образцу которой формируются новые формы коммуникации между субъектами технонауки.

1. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
2. Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. – 2013. – № 6. – С.46-57.
3. Корчагина Ю.С., Михайлова Т.Л. Эффективность PR-средств формирования общественного мнения в сфере ядерной энергетики: модели и алгоритм оценки // Материалы VI Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2014/559/5971>
4. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества/ пер. с англ. К. Федоровой; науч.ред. С. Миляева. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
5. Латур Б. Пересборка социального введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
6. Михайлова Т.Л. Инструментальный потенциал курса «Основы теории коммуникации» в контексте компетентного подхода // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2016. – № 4. – С. 42-49.
7. Михайлова Т.Л., Петрова О.С. Incrustatio: консервативные технологии в модернизации современного образования // Фундаментальные исследования. – 2013. – №10 – С. 455-459.
8. Михайлова Т.Л. Об онтологических основаниях коммуникативистики // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций: материалы международной научно-практической конференции. Н.Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2016. – С.249-253.
9. Михайлова Т.Л. Проблематизация теоретических основ коммуникативистики // Труды НГТУ им Р.Е. Алексеева. Серия Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2008.– №1. – С. 26-38.
10. Федулова Ю.С. Михайлова Т.Л. Дебаты как социальная технология управления коммуникацией (на примере развития ядерной энергетики в Нижегородской области) // Проблемы менеджмента коммуникаций: от теории к практике: Тезисы докладов и выступлений Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых 17-18 марта 2010 года / под ред. М.Л. Алемасовой. – Мичуринск: Изд-во Мичуринского государственного аграрного университета, 2010. – С. 329-331.
11. Шиповалова Л.В. Историческая эпистемология как методологический ресурс истории и философии науки // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий сборник научных статей / под общ. ред. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2017. – С. 374-375.

УДК 165.1

**МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРЕСА К НАУКЕ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ**

Наталья Николаевна Воронина

кандидат философских наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Андрей Николаевич Ткачев

кандидат философских наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена изучению вопроса о том, как в мировоззрении человека возникает интерес к науке и как интерес к науке влияет на научные революции. Ставится проблема бессознательного происхождения научного интереса, поскольку ученые исследуют привычные вещи, повторяющиеся явления, и это вызывает у них интерес. А наличие интереса к повторяющемуся, а не к уникальному, является очевидным противоречием. Соответственно, в акте интереса присутствует некая латентная интенция. Рассматривая вопрос о происхождении глубинной интенции интереса, авторы статьи склонны связывать происхождение интереса с волей, которая интерпретируется как проявление воли к бытию. Причем воля к бытию понимается как стремление к антропоморфной связи с бытием. Предполагается, что воля к бытию является в виде особого варианта латентного антропоморфизма. При этом антропоморфизм носит трансцендентный характер, и именно эта склонность к трансценденции является основой научных революций.

Ключевые слова: познание, воля к власти, воля к бытию, архетип, культура, трансцендентное, антропоморфизм.

WORLD OUTLOOK BASES OF INTEREST IN SCIENCE AFFECTING THE SCIENTIFIC REVOLUTION AND EVOLUTION

Natalia Nikolaevna Voronina

PhD in Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Andrey Nikolaevich Tkachev

PhD in Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article examines the question of how the interest in science originates in a man's worldview and how this interest influences the scientific revolutions. The authors wonder about the unconscious origins of scientific interest, since scientists study the usual things, recurring events, and these phenomena engage their interest. At the same time, an interest in duplicates, rather than in something unique, is an obvious contradiction. Therefore, a latent intention exists in the act of such interest. In considering the question of the origins of the deep intention of the interest, the authors relate this interest to the will, which we interpret as a manifestation of the will to being. Along with it, the will to existence is conceived as the pursuit of anthropomorphic connection with being. The will to existence is a special variant of latent anthropomorphism. Thus, the anthropomorphism possesses the character of transcendence, and this tendency to transcendence is the foundation of scientific revolutions.

Keywords: knowledge, will to power, will to life, archetype, culture, transcendental, anthropomorphism.

Одним из условий возникновения и развития науки является интерес ученого к своему предмету. Интерес к науке определяет не только интенсивность научных исследований, но и направленность научного исследования. Ведь в данности природы множество различных проявлений, почему же одни явления привлекают больше внимания исследователей, другие – меньше? Разумеется, тут многое определяет методологический подход, но и методология во многом происходит из интереса к какому-то выбранному предмету исследования. Что же является истоком научного интереса? Еще Аристотель в связи с этим говорил об удивлении [1, с. 69]. Но, опять-таки, почему одни вещи удивляют больше, другие меньше? Кроме того, соотношение удивления-безразличия у разных людей разное. Почему вообще явление может нас удивлять? Удивляет необычное, а предмет науки – обычное. Наука исследует не уникальные, а повторяющиеся явления, то есть обычные, часто воспроизводимые, например, движения небесных тел, звезд. Что же тут необычного, и чему тут удивляться? Можно было бы предположить, что человек удивляется отличиям природы от своей телесности, но, опять-таки, разве свои отличия от окружающей природы человек не наблюдает постоянно с момента рождения?

Таким образом, возникают основания для предположения, что в мировосприятии человека существует некая изначальная направленность, или, точнее сказать, ожидания, которые вступают в конфликт, или, лучше сказать, кардинально не соответствуют данности природы. Другими словами, человек ожидает от природы одного, а видит другое. И это удивляет. Но что же это за ожидания, которые вступают конфликт с природной данностью? Почему человек настойчиво ожидает от природы того, что она обычно не дает? При чем это ожидание носит именно настойчивый и постоянный характер. Кроме того, это ожидание, по-видимому, происходит из склонности человека к антропоморфизму, то есть из желания человека познавать мир по своему образу и подобию. Собственно познание происходит из желания овладеть предметом. Потому совсем неслучайно интерес к интерпретации Ницше выводит из воли к власти [4, с. 127]. Потому и удивляет людей, когда явления окружающего мира неподвластны им. Думается, что волю к власти, о которой говорит Ницше, лучше понять как волю к бытию, к существованию, то есть желанию быть. Потому что воля к власти не изначальна, так как остается непонятным интерес человека к власти, зачем нужна власть: например, желание власти не носит универсального характера, далеко не все люди имеют стремления властного характера. В свою очередь, воля к бытию, воля к жизни – носит универсальный характер, отличающий не только человека, но и всех живых существ. И одним из проявлений воли к бытию является воля к власти, то есть, по-видимому, если уж говорить об универсальности воли к власти, то только интерпретируя желание власти через волю к бытию. Например, как уже говорилось, не у всех присутствуют властные стремления в межличностных отношениях, но у всех людей можно наблюдать то или иное желание овладеть предметом, например, научиться зажигать огонь, которое можно интерпретировать как желание иметь власть над огнем, зажигая его или туша по своей воле.

Возникает вопрос: почему же воля к власти или воля к бытию не привыкает к ограниченности возможностей своей воли, а продолжает веками удивляться на ее основании явлениям природы? И, по-видимому, в связи с неугасающим интересом к познанию, необходимо говорить о латентном глубинном антропоморфизме, который является связью между языком и культурой [3, с. 76-77], а значит, между куль-

турой и познанием. Причем, не просто об антропоморфизме, а о трансцендентном антропоморфизме, латентно или осознанно присутствующем во всяком познании, включая научное познание. Потому что при имманентном антропоморфизме давно уже должно было прекратиться удивление (по соответствию имманентного желания привычной данности и возможностям), но удивление не прекращается, а это говорит о том, что желание антропоморфизма не удовлетворяется привычными отношениями, что оно ожидает иных, непривычных для данности окружающей природы, отношений. Иными словами, не будучи в силах самостоятельно овладеть окружающим миром, но при этом сохраняя принцип антропоморфизма в познании, человек распространяет-переносит антропоморфные представления за пределы своей данности, то есть предполагает за пределами антропоморфных существ (богов), в силах которых владеть окружающим миром, возможностям которых доступна власть над миром. Казалось бы, тут можно возразить, что это имеет отношение к древнему познанию, и не имеет отношения к современной науке, но это, как минимум, выглядит очень спорно. Потому что современные ученые независимо от своих мировоззренческих представлений исходят из интереса к предмету своих исследований. И происхождения их интереса весьма затруднительно объяснить без антропоморфизма, и более того, трансцендентного антропоморфизма.

Казалось бы, антропоморфные представления о мире ушли из науки, более того, даже субъектоцентризм не принимается в неклассической эпистемологии. Но это касается осознаваемой области; человеческий же интерес к познанию уходит корнями в архетипические глубины бессознательного. И то, что антропоморфизм не присутствует у ученого в осознании им своего интереса к познанию, еще не говорит о том, что антропоморфизм не присутствует там латентно. А наличие у современных ученых удивления и интереса по отношению к привычным вещам говорит о конфликте мировосприятия и данности природы, желания данного конфликт может не осознаваться, являясь частью мировосприятия антропоморфизма, желания приспособить природу к себе, то есть сделать ее частью себя, частью человека. Это одна направленность познания науки, а другая направленность научного познания в том, чтобы гармонично вписаться в природу, занять такое место в природе, которое было бы гармонией человека и природы. И таковая гармония непредставима без трансцендентного антропоморфизма. Причем интерес к подчинению природы человеку вторичен по отношению к интересу занять свое место в гармонии природы. То есть, состояние наличествующего интереса ученого к познанию в науке представляется своеобразной «матрешкой», где осознанный интерес к предмету научного исследования основан на латентном интересе к власти над природой, а интерес к власти над природой, в свою очередь, основан на еще более латентном архетипическом интересе занять свое место в гармонии природы. Таким образом, обращаясь к рассмотрению интереса современного ученого к предмету исследования, можно обнаружить в этом интересе ницшеанскую волю к власти, а за ней архетипические религиозные устремления человечества.

Древние люди в своих религиозных обрядах стремились повторить действия богов, чтобы этим повторением приобщиться к жизни, к живому мирозданию, чтобы занять свое место в гармонии мироздания [5, с. 36]. И хотя далеко не всякий современный ученый в своем мировоззрении разделяет это древнее устремление, только это присутствует в латентной стороне его мировосприятия и выражается в наличии интереса к исследуемому предмету. Достаточно очевидно, что этот интерес имеет социальную природу, но общество возникает не из ниоткуда – социальная данность является результатом длительной эволюции культуры. Представляется необходимым учитывать то, что эволюционные и революционные изменения не устраняют полностью предшествующего состояния; фундаментальное ядро развития сохраняется на протяжении всего пути развития через революционные и эволюционные процессы. Например, взяв Абсолютную Идею Гегеля, погружающуюся в свое инобытие, где при диалектическом развитии Абсолютная Идея не исчезает в многообразии форм своего инобытия [2, с. 943]. И это вовсе не философски лишняя деталь у Гегеля, которую можно было бы отбросить, а результат понимания развития в монистическом представлении о мироздании. Безграничное развитие немислимо без потери своего фундаментального ядра в монистической картине мироздания. А в плюралистической картине развитие ограничено, причем ограничено только в том случае, если плюрализм ограничен, а если плюрализм безграничен, то развитие просто невозможно.

Познание современной науки в основном происходит из монистического идеала, или, если иногда из плюралистического, то ограниченного, неполного плюрализма. Поэтому идея фундаментального ядра развития не теряет своей актуальности, и в приложении к попыткам понимания происхождения интереса к науке фундаментальное ядро развития интереса представляется находящимся в стремлении занять свое место в гармонии мироздания, в трансцендентном антропоморфизме. Причем интересно, что в культурных процессах революций и эволюций представлений человека о самом себе это фундаментальное ядро интереса идет и через свое отрицание. Потому что современный ученый в самосознании своего интереса к науке отводит место влияниям общества, культуры, личных пристрастий, но игнорирует (или даже отрицает) то, от чего происходят эти влияния и пристрастия, то есть отрицает в себе трансцендентный антропоморфизм. Конечно, тут делается попытка привести только один вариант представления о фундаментальном ядре в интересе к познанию при революционном или эволюционном развитии познания. А ведь можно предположить также различия фундаментального ядра при революционном и эволюционном интересе к познанию. Разумеется, что в эволюционном и революционном развитии познания у интереса ученого есть своя глубинная специфика. И, думается, что эта специфика могла бы проявиться в попытках приближения к пониманию общего архетипического фундаментального ядра в интересе современных ученых, которые они проявляют к предметам своих исследований.

Литература

1. Аристотель. Собрание сочинений: в 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1998. – 1073 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 512 с.
4. Ницше Ф. Собрание сочинений: в 13 т. – т. 12 Черновики и наброски 1885-1887 гг. – М.: Культурная революция, 2005. – 560 с.
5. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, Парадигма, 2005. – 224 с.

УДК 168.53

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ РОБОТОТЕХНИКИ

Елена Эдуардовна Чеботарева

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Автор демонстрирует важность философского измерения технологий, перечисляя основные философские аспекты робототехники. Статья представляет робота как рефлексивное зеркало, в котором человечество рассматривает свои черты, пытаясь обозначить различия между искусственным и органическим. В первом из рассматриваемых аспектов человек узнает себя как биоробота, что заставляет его заострить фокус на вопросе свободы воли. Второй философский аспект связан с этическими проблемами последствий роботизации, в частности с усилением социально-экономической несправедливости. Автор делает акцент на третьем аспекте, связанном с определением человека и культуры через труд, с гегелевской диалектикой отрицания труда и обретения смысла, связанного с его отрицанием, поскольку иначе отрицание оказывается невозможным. В контексте будущего человечества, ориентированного на тотальную роботизацию, определение человека через труд не представляется возможным, поскольку робот изначально задумывался именно для того, чтобы работать за человека. Автор рассматривает современные дискуссии о грядущей замене человеческого труда робототехникой и введении безусловного базового дохода, и делает вывод о том, что на место производительного труда встанет потребление в качестве работы, производящей смысл. Способность к потреблению оказывается той самой зримой в технологическом зеркале чертой, которая отличает робота от человека.

Ключевые слова: философия робототехники, технологии, роботы, философия труда, потребление.

PHILOSOPHICAL ISSUES OF ROBOTICS

Elena Edwardovna Chebotareva

Candidate of Philosophy, Associate Professor

St. Petersburg State University

Author demonstrates the importance of the philosophical dimension of technology and gives the main philosophical approaches to robotics. The article represents the robot as a reflective mirror, which humanity uses for trying to identify the differences between artificial and organic. In the first of these approaches, a human recognizes himself as a biorobot, what makes him focus on the issue of free will. The second philosophical approach covers the ethical problems of the consequences of robotization, in particular with the intensification of socio-economic injustice. The author focuses on the third approach, connected with the definition of man and culture through the labor, through the Hegelian dialectic of labor. In the context of the future total robotization, the definition of man through the labor is not possible, since the robot was originally conceived to work instead of man. The author considers modern discussions about the future replacement of human labor by robotics and the introduction of Unconditional Basic Income, and concludes that the place of productive labor will be taken by consumption as a work that makes sense. The ability to consume turns out to be the most visible feature in the technological mirror that distinguishes a robot from a human.

Keywords: philosophy of robotics, technology, robots, philosophy of labor, consumption.

На наш взгляд, одним из ключевых вопросов робототехники остается философский вопрос «что такое робот»? К роботам мы можем отнести как беспилотный летающий аппарат (дрон) и промышленных роботов, так и киоск по продаже кофе и так называемых секс-роботов. В настоящий момент существуют инженерные науки, к которым можно отнести робототехнику, и компьютерные науки, которые занимаются про-

блемами искусственного интеллекта. При этом наблюдается определенная конвергенция этих наук в лице интеллектуальной робототехники. Современное понятие робота концептуализируется разными науками по-разному: инженерными науками - как автоматическое устройство, со стороны экономики - как автономный экономический агент, и это не единственные подходы.

Что касается философских вопросов робототехники, естественным шагом было бы определить значимость философского рассмотрения этой проблематики. Особенность технических наук состоит в том, что наполовину они опираются на достижения точных и естественных наук, а наполовину – на гуманитаристику, потому что техника создается исключительно в связи с человеческими желаниями и требованиями, которые касаются не только назначения, но и внешнего вида технических устройств. Понятия «умный дом» и «интуитивный интерфейс» - по сути всего лишь современные названия для древних сказочных артефактов и персонажей. В этом смысле робототехника развивается в пространстве экономических ожиданий в тесной связи с потребительскими предвкушениями, соблазнами и опасениями.

Можно выделить два основных философских аспекта робототехники, разрабатываемых в настоящее время. У них одна онтологическая основа. Технология в данном случае выступает как новая онтология: робот отвечает на вечный вопрос «что такое человек?», становится для человека подручным зеркалом. Механистическая парадигма Нового времени обрастает новыми научными данными, связь робота и биоробота оказывается еще более очевидна, с новой силой поднимая вопрос о свободе воли. (Пример такого философского рассмотрения - монография “The robot's rebellion: Finding meaning in the age of Darwin”. [6] В этой монографии идет речь о том, что в контексте новых эволюционных концепций, в частности, авторства Р. Докинза, человек осознает себя роботом и требует нового переосмысления «человеческого»). В качестве еще одного примера можно привести статью “Mechanicism and autonomy: What can robotics teach us about human cognition and action?” [4] о роли роботов в новой философской рефлексии.

Притягательность техники для человека, замороженного ее быстротой, мощью, эффективностью в преодолении пространства и времени, по-видимому, не оставляет человеку иного выбора в поиске объективирующего зеркала.

Второй философский аспект, привычный для философского рассмотрения робототехники, связан с этикой и охватывает практические следствия роботизации и замены человеческого труда машинами. Аксиологическое пространство робототехники включает широкий круг частных и общественных вопросов, начиная от моральной оценки секса с роботами (больше значимой для религиозной оптики) и заканчивая проблемами усиления социальной и экономической несправедливости, связанной с потерей людьми рабочих мест и концентрацией капитала. (Например, см. “Sex Robots. The Future of Desire” [5]. В этом случае речь идет, скорее не об этической оценке сексуальных отношений человека и робота, а о всё том же «зеркале», отражающем новое понимание человеческой сексуальности). Коллективная монография “The Robotics Divide A New Frontier in the 21st Century?” – скорее пример того, как социально-экономические последствия роботизации повлияют на общество будущего [7].

Данное исследование имеет свой собственный аспект: осмысление термина «робот» через понятие «работы». В самом деле, термин робот происходит от чешского слова robot, от robota — «подневольный труд», что также близко к русскому слову «раб». Робот изначально создавался исключительно для труда, и, чтобы понять его метафизическую сущность, необходимо понять, что значит труд в определении человеческого и как это определение формирует культурные парадигмы. Как любое живое понятие, концепт «труда» претерпевает исторические метаморфозы: «современное положительное в ценностном смысле значение этого понятия – «созидательная и преобразовательная деятельность» закрепились в культуре не ранее XIX в. До этого времени французское travail, происходящее от глагола tripalare — «пытать», имело такие оттенки значения, как «затруднение, бремя, страдание, пытка, унижение». Латинское labor означало одновременно и «труд», и «страдание». Ручной труд вплоть до XVIII в. считался унизительным бременем, и, в соответствии с христианской традицией и общим воззрением времени, имел смысл покаяния». [3, с. 108]

Затем концепт труда становится оптикой для понимания исторических механизмов общественных трансформаций (Маркс) и метафизической основы социально-экономических взаимоотношений, выраженной у Гегеля в диалектике Раба и Господина. «Любой труд, любая работа включает в себе, по Гегелю, хотя бы толику рабства, его неустранимую примесь. Именно поэтому смысл утверждается в негации труда, вбирая в себя эту негацию и предьявляя чистейший сплав негативного. Этот чистейший сплав - ни что иное, как абстракция негативного: абстрактное негативное. Иными словами, смысл» [1].

Смысл придает труду стоимостное измерение, делает его основой экономических отношений. Вводя роботов в экономические отношения, мы, с одной стороны, разрушаем отчуждение труда, отдавая роботам монотонную, тяжелую, требующую напряжения всех сил работу, но, с другой стороны, что происходит со смыслом, потерявшим своего диалектического антагониста? В данном случае мы не пытаемся строго «втиснуть» новую проблематику отчуждения смысла в стройную гегелевскую систему, а хотим понять, как изменится метафизическая оптика рассмотрения человека (и само антропологическое измерение), до этого так или иначе связывавшие его с производительным трудом.

Именно философский аспект этой технологической и социальной метаморфозы представляется наиболее интересным, что касается экономических решений, то все чаще раздаются голоса в пользу концепции безусловного базового дохода в эпоху всеобщей и бесповоротной роботизации. Ведь проблема «подвизания» смысла остается и тем самым ставит вопрос об экономической пользе существования людей, чей

труд заведомо проигрывает по стоимости и эффективности труду роботов. Очевидным ответом для него является другой вопрос: а кто же будет потреблять огромное количество продукции, неутомимо и эффективно производимое армией роботов? Ясно, что безусловный базовый доход является основой для потребления, которое придает смысл этой технологической эффективности. Потребление оказывается той способностью, которая отличает людей от роботов, выраженная в абсолютном экономическом измерении. Отныне потребление становится трудом, и отказ от него переходит в чистую негатию и превращается в смысл.

Теперь мы можем пересмотреть постмарксистские концепции и увидеть их адекватность, проявленную в виде символического фотонегатива. Так, когда Бодрийяр утверждает, что «труд - также и в форме досуга - заполняет все нашу жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься во времени и в месте, предписанных вездесущим кодом. Люди всюду должны быть приставлены к делу - в школе, на заводе, на пляже, у телевизора или же при переобучении: режим постоянной всеобщей мобилизации», мы можем заявить, что слово «труд» в данном случае должно быть заменено на слово «потребление» [2, с. 62]. Особенности же этого современного смысла «труда» в контексте робототехнического производства и потребления предстоит еще прояснить, что поможет не только увидеть уточненное отражение человека в технологическом зеркале, но и сможет стать источником новых направлений и перспектив робототехники.

Литература

1. Ашкеров А.Ю. Философия труда // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3. – №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-truda>
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: "Добросвет", 2000. — 387 с.
3. Симаева Л.Ю. Тема труда и игры в европейской философии XIX–XX вв. // Известия ДВФУ. Экономика и управление. – 1998. – Т. 1. – С. 108-112
4. Haselager W.F.G., Gonzalez M.E.Q. Mechanicism and autonomy: What can robotics teach us about human cognition and action? // Pragmatics & Cognition. – 2007. – Vol. 15. – №3. – P. 407-412.
5. Lee J. Sex Robots. The Future of Desire. – Cham: Springer International Publishing: Imprint: Palgrave Macmillan, 2017.
6. Stanovich K.E. The robot's rebellion: Finding meaning in the age of Darwin. – University of Chicago Press, 2014.
7. The Robotics Divide A New Frontier in the 21st Century? – London: Springer, 2014.

УДК 167.7:001.1

НАСЛЕДИЕ ПОСТПОЗИТИВИЗМА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Амина Зиевна Фахрутдинова

Доктор философских наук, доцент

Сибирский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы

В тезисах рассматриваются решения проблемы развития и формирования парадигм (по Т. Куну) или программ научного исследования (по И. Лакатосу), представленные как в рамках позитивизма, так и в современных исследованиях. Изучается эвристический потенциал эволюционной модели, развиваемой Ст. Тулминым, предпринимается попытка её развития. В данном контексте анализируются следующие вопросы: выявление источника интеллектуальных новаций, определение механизмов их сохранения в случае противоречия господствующей парадигме, с одной стороны, и защиты научной традиции от аномальных новаций с другой, выявление условий перехода к новой парадигме. В качестве источника возникновения новаций рассмотрен процесс трансляции научного знания, порождающий новации за счет индивидуального понимания его элементов субъектами познания. Представлены такие факторы отбора как формы организации научного знания и научной деятельности, системность транслируемого знания, препятствующая проникновению в целое системы разрушающих её новаций, методологические запреты. Механизм смены парадигм описывается как реализация принципа системности, позволяющего осуществить «сборку» новой программы или парадигмы за счет сочетания новаций, существовавших до этого на периферии различных программ. Намечается программа использования принципа системности как фактора формирования социальных традиций в широком смысле слова.

Ключевые слова: постпозитивизм, парадигма, эволюционная модель, научные новации, факторы отбора, механизм «сборки» новой программы.

THE LEGACY OF POSTPOSITIVISM: THE PROBLEM FIELD AND POTENTIAL FOR DEVELOPMENT

Amina Zievna Fakhruddinova

DSc of Philosophy, Associate Professor

Siberian Institute of management Russian Academy of national economy

The thesis discusses the solution of the problem of paradigms (T. Kuhn) or research programs (I. Lakatos) formation and development, as presented in the framework of positivism, and in modern studies. The heuristic potential of evolutionary model developed by St. Toulmin is examined, with attempt of its further development. In this context, the following problems are analyzed: search for the source of intellectual innovations, mechanisms for their preservation in case of contradiction to the dominant paradigm, on the one hand, and protection of scientific traditions against the anomalous innovations on the other, detection of transition to a new paradigm. As a source of innovations, we analyze the process of translation of the scientific knowledge, when innovations are generated through individual understanding of its elements by the subjects of cognition. Such factors of selection are presented as the ways of organization of scientific knowledge and scientific activities, consistency of transmitted knowledge, that prevents penetration of the innovations destructive for the whole system, and methodological prohibitions. The mechanism of the paradigm shift is described as the implementation of the consistency principle, resulting in "assembling" of a new program or paradigm through a combination of innovations, preexisting on the periphery of the various programs. The program is to be devised as to use of the consistency principle as a factor of building social traditions in the broad sense of the word.

Keywords: postpositivism, paradigm, evolutionary model, scientific innovations, selection factors, mechanism of the "Assembly" of the new program.

Трудно переоценить вклад постпозитивизма и Т. Куна как «первопроходца» этого направления в развитие философии науки. Как известно, он представил развитие науки как смену нормальных (парадигмальных) и экстраординарных периодов. При этом вопрос механизм смены парадигм до сих пор не получил однозначного ответа и остаётся одной из дискутируемых тем.

Ряд решений возникли в ходе диалога Куна со своими непосредственными оппонентами-последователями, собственно и конституировавшего развитие постпозитивизма. Возникли такие понятия как «научно-исследовательская программа» (И. Лакатос), «научная дисциплина» (Ст. Тулмин) и др. Определенное видение смены научно-исследовательских программ предложил И. Лакатос. Смена программ в его модели характеризуется как «пункт насыщения» - состояние, в котором положительная эвристика «защитных поясов» уступает место отрицательной. Лакатос называет её регрессивной или вырожденной. На этой стадии развития науки основные усилия направлены на опровержение контрпримеров с помощью *ad hoc* гипотез, а не на развитие теорий защитного пояса, освоение нового эмпирического материала. Именно в этот момент на смену существующей программе приходит альтернативная. Однако важнейшие вопросы этой смены также остались без ответа. В их числе вопросы о механизме формирования альтернативной программы и составе её элементов.

Как нам представляется, значительным потенциалом обладает эволюционный подход к развитию науки, развиваемый Ст. Тулминым. Центральным моментом его концепции является вопрос о том, как интеллектуальные новации, порождаемые «любопытством и способностью к размышлениям», закрепляются в виде коллективно признанных концептуальных новаций. Важнейшим условием является наличие профессионального форума для концептуальной конкуренции [2, с. 211].

В качестве факторов отбора Тулмин рассматривает два фильтра: интеллектуальный и социальный. К классу интеллектуальных он отнес такие факторы, как большая релевантность, точность, объяснительная сила сравниваемых концепций; неформальные стандарты и идеалы данной науки; эвристическая сила побочных последствий теорий; исторический опыт развития дисциплины. Под социальными условиями отбора Тулмин понимает наличие и действие профессиональных форумов: научных школ, научной периодики и наград, институтов научной коммуникации, согласия профессионального сообщества относительно критериев отбора [2, с. 223-242].

Представляется перспективным последовательно развить эволюционную модель. В данном контексте необходимо рассмотреть, следующие вопросы: выявить источник интеллектуальных новаций, очертить механизмы их сохранения в случае противоречия господствующей парадигме, с одной стороны, и защиты научной традиции от аномальных новаций – с другой, и, наконец, определить условия перехода к новой парадигме.

Что касается механизма возникновения новаций, то Кун и Тулмин занимают в этом вопросе прямо противоположные позиции. Для Тулмина постоянное возникновение новаций – естественный и, в общем-то, не требующий объяснения процесс. «<...> «Генетика» интеллектуальных новообразований на индивидуальном уровне не может составлять большой тайны, - пишет он» [2, с. 211]. Кун рассматривает этот процесс под иным углом зрения: для него проблематичным является даже появление индивидуальной новации: ведь

нормальная наука ориентирована на решение головоломок, а не на открытия новых фактов или построение новых теоретических объяснений. «Усвоение теорией нового вида фактов требует чего-то большего, нежели просто дополнительного приспособления теории; до тех пор, пока это приспособление не будет завершено, то есть пока учёный не научится видеть природу в другом свете, новый факт не может считаться вообще фактом вполне научным»[1, с. 89]. Представляется, что при решении этого вопроса реализуются разные философские традиции: одна из них базируется на постулате изменчивости бытия как его атрибутивном свойстве, другая – основана на представлениях о нормах, неизменных правилах как основе социальной жизни и познания.

Какой же подход конфигурируется с эволюционной моделью? Казалось бы, безусловно – модель изменчивости: ведь должны быть представлены научные или социальные «мутации». Однако, модель изменчивости, как ни парадоксально, внесла меньший вклад в объяснение механизма новаций, чем нормативная. Ведь изменчивость для этих моделей атрибутивна и не требует никаких объяснений. В отличие от них авторы нормативных теорий, начиная с утверждения о неизменных нормах, регулирующих социальную жизнь и познание, пытаются объяснить реальную инновационность и строят интересные объяснения вариативности. Так, Э. Гидденс, представляющий социальную деятельность как постоянно повторяющиеся практики, вводит представление о рефлексивности, обеспечивающей не только преемственность, но и трансформацию практик. С точки зрения Т. Куна, научные открытия появляются как непредвиденный результат экспериментов и воспринимаются сначала как аномальные факты, а только после подбора концептуальных категорий осознаётся как интеллектуальная новация.

С нашей точки зрения, сами процессы научной коммуникации и трансляции знания, ориентированные, с одной стороны, на воспроизводство норм, содержат, с другой, источник возникновения нового знания. Условием роста знания выступает «несоизмеримость» контекстов понимания транслируемого знания у различных субъектов познавательного процесса. При этом индивидуальный характер понимания обусловлен неповторимой жизненной траекторией конкретного ученого.

Понимание потенциальной вариативности элементов научной программы приводит к выводу о размывании границ между стабильностью и изменчивостью, признанию всеобщей нестабильности, подвижности социума и познания. Вместе с тем, развитие науки и различных сфер общества свидетельствуют о том, что социальные нормы достаточно стабильны, а традиция и инновация принципиально различаются. Так, система представлений о движении, основанная на «Физике» Аристотеля, господствовала почти две тысячи лет. Немного меньше просуществовала в астрономии геоцентрическая система Птолемея. Ньютоновская механика господствовала в науке в течение двухсот лет.

Таким образом, для того, чтобы понять, как возможна традиция, необходимо выявить механизмы ее стабилизации, представить факторы отбора новаций, что также вполне соответствует логике эволюционной модели. Условий отбора, предложенные Тулминым, были рассмотрены ранее.

К данным факторам можно добавить формы организации научного знания и научной деятельности, системность транслируемого знания, препятствующую проникновению в целое системы разрушающих её новаций, а также методологические запреты. Важнейшим фактором, на наш взгляд, является системность знания. Внутренняя и внешняя системность традиции служит фактором, отсекающим новации, не способные вписаться в существующую систему или стать элементом новой. Применительно к развитию научного знания хорошим примером действия «системного» отбора может служить аристотелевская традиция. Именно «системность» аристотелевских представлений о движении не позволила «проникнуть» эту традицию таким новациям, как понятия бесконечно большого тела и актуальной бесконечности, утверждение о возможности пустоты. Все концепты аристотелевской физики – категории цели, пространства, времени; теория континуума; непризнание актуальной бесконечности; концепция замкнутого космоса с системой фиксированных мест – необходимым образом связаны между собой. Неудивительно поэтому, что разрушение аристотелевской программы могло произойти только при переосмыслении всех понятий, использованных при описании движения. До того, как это стало возможным, сама система оказывала стабилизирующее воздействие на программу и «защищала» свои элементы от случайных «мутаций».

Что касается механизма «сборки» новой программы или парадигмы, то он связан с возможностью сочетания новаций, существовавших до этого на периферии различных программ. Самым ярким примером реализации такого механизма является возникновение ньютоновской классической картины мира на основе логической связи положений «небесной механики», существовавших определенное время в статусе недоказанных гипотез, с открытиями «земной механики» и результатами действий технических устройств, позволивших верифицировать данные гипотезы. История науки свидетельствует о многих других примерах действия этого механизма.

Интересно, что модель подобного механизма защиты и «сборки» парадигмы имеет достаточно серьезный потенциал для объяснения развития и формирования социальных традиций вообще и в определенном смысле может служить основой методологии социального познания в широком смысле слова. Обоснование данного тезиса не может быть развернуто в формате данных тезисов.

Таким образом, проблемы и решения, появившиеся более полувека назад, до сих пор не потеряли своей актуальности и способны порождать новые объяснительные модели как в философии науки, так в социальном познании вообще.

1. Кун Т. Структура научных революций. – СПб., М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 365 с.
2. Тулмин Ст. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.

УДК 167.7:001

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕОРИИ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ ТОМАСА КУНА

Георгий Александрович Антипов

Доктор философских наук, профессор

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Предложенная полвека назад Томасом Куном теория научных революций сразу же подверглась критическим атакам со стороны научного сообщества. Сомнения провоцировала уже центральная категория теории – понятие парадигмы. Показательно, что вследствие критики Кун заменил его понятием дисциплинарной матрицы, хотя и не дал достаточно ясного объяснения этой акции, ограничившись лишь описанием структурных элементов дисциплинарной матрицы. То же самое и с представлением о научной революции как о ломке устоявшихся парадигм и появлении новых, несоизмеримых со старыми парадигмами. Другой аспект теории Куна, вызвавший резкую критику, особенно со стороны К.Поппера, стала трактовка природы науки и её прогресса. Поппер полагал, что к решению данных вопросов следует подходить, обращаясь к логическим правилам развития знания, а не к психологическим стимулам деятельности учёных, как это свойственно было позиции Куна. Представленная в последующих рассуждениях позиция в целом сводится к тому, что «несоизмеримыми» являются сами подходы Т.Куна и К.Поппера к толкованию сущности науки, её функционирования и развития. В обоих случаях налицо попытка представить науку как «идеальный тип». Но в случае теории научных революций Куна субъектом познания выступает научное сообщество (социальная группа), у Поппера же наука выглядит как безличный процесс. При этом и та, и другая метафизические модели суть производные от научной рефлексии.

Ключевые слова: философия, наука, парадигма, научная революция, рефлексия.

ON SOME OF THE CONCEPTUAL FEATURES OF THE THEORY OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS OF THOMAS KUHN

Georgy Alexandrovich Antipov

DSc in Philosophy, professor

Novosibirsk State University of Economics and Management

When a century ago Thomas Kuhn proposed a theory of scientific revolutions immediately came under critical attack from scientific community. Some doubt was provoked by a central category of the theory – the conception of paradigm. It is significant that as a result of criticism Kuhn has replaced the conception of paradigm with the conception of a disciplinary matrix. Yet he has not given a sufficiently clear explanation of this action restricting the description of the disciplinary matrix only to its structural elements. The same problem can be noted with the idea of scientific revolutions as breaking established paradigms and the emergence of a new paradigm, incommensurable with the old one. Another aspect of the Kuhn's theory, which prompted the sharp criticism, especially by Karl Popper, was the interpretation of the nature and progress of science. Popper believed that these issues should be approached referring to the logical rules of the development of knowledge, and not to the psychological stimuli of the activities of scientists, as it was characteristic for the position of Thomas Kuhn. The author of this article presents the position which can be summarized by thesis that the very approaches of Kuhn and Popper to the interpretation of the essence of science, its functioning and development are incommensurable. In both cases there is an attempt to present science as an "ideal type". But in the case of the Kuhn's theory of scientific revolutions the scientific community (social group) is the subject of cognition. For Popper science looks like an impersonal process. Notwithstanding both metaphysical models are derived from scientific reflection.

Keywords: philosophy, science, paradigm, scientific revolution, reflection.

Вопрос, которым будет определяться дальнейший ход моего анализа – вопрос об эпистемологическом статусе теории научных революций. Напрашиваются такие его производные, скажем, является ли куновская

теория научных революций сама научной теорией? Тогда в какой «парадигме» сформирована автором данная теория? Как соотносятся концепты теория и парадигма? Кун сплошь и рядом их отождествляет. Может она трактоваться и как «группа предписаний и т.п. Более или менее внятное толкование парадигмы находим лишь в «Дополнении 1969 года» к «Структуре научных революций». Там он говорит, «что термин «парадигма» используется в книге в двух различных смыслах. С одной стороны, он обозначает всю совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т.д., которая характерна для данного сообщества. С другой стороны, он указывает один вид элемента в этой совокупности – конкретные решения головоломок, которые, когда они используются в качестве моделей или примеров, могут заменить эксплицитные правила как основу для решения не разгаданных головоломок нормальной науки» [2, с. 259].

И далее, в порядке уточнения и конкретизации, на место термина «парадигма» вводится понятие дисциплинарной матрицы. «Дисциплинарная» потому, что она учитывает обычную принадлежность учёных-исследователей к определённой дисциплине; «матрица» - потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причём каждый из них требует дальнейшей специализации» [2, с.270]. Всего имеют место четыре рода таких элементов.

1. «Символические обобщения» - выражения, используемые членами научного сообщества без сомнений и разногласий. Они имеют формальный характер или легко формализуются, приобретая форму типа $(x) (y) (z) \Phi (x,y,z); F=ma; I=V/R$. В других случаях речь может идти о словесных выражениях вроде: «элементы соединяются в постоянных весовых пропорциях» или «действие равно противодействию».

2. «Метафизические части парадигмы» - специфические концептуальные модели, имеющие, допустим, форму: теплота представляет собой кинетическую энергию частей, составляющих тело и т.п.

3. Общие ценности. Скажем, количественные предсказания должны быть предпочтительнее по сравнению качественными; в любом случае следует постоянно заботиться в пределах данной области науки о соблюдении допустимого предела ошибки и т.п.

4. Образцы конкретного решения проблем, в университетском обучении – примеры того как «делается» наука. Обращает на себя внимание замечание Куна относительно данных компонентов дисциплинарной матрицы: они в большей степени, чем другие её компоненты «определяют тонкую структуру научного знания».

Заметим попутно, прежде чем перейти к альтернативным позициям в анализе науки, что свой подход Т.Кун идентифицирует в ряде случаев как «социологический». Очевидным адресатом, «поведение» которого призвана объяснить теория Куна, является научное сообщество, то есть в социологической номенклатуре – социальная группа. По определению, именно социальные группы репрезентируют реальность исследования социолога. Ещё более красноречиво уподобление научных революций – социальным, политическим. Непосредственно, согласно, теории, «структура» научной революции заключается в смене парадигм, причём соотношение старой и новой парадигмы представляется «несоизмеримым». Эта несоизмеримость толкуется как в смысле несводимости контекстов данных парадигм друг к другу, так и в смысле невозможности «перевода» с языка одной из них на язык другой.

А вот аналогия с социальными революциями: «Политические революции начинаются с роста сознания (часто ограничиваемого некоторой частью политического сообщества), что существующие институты перестали адекватно реагировать на проблемы, поставленные средой, которую они же отчасти создали. Научные революции во многом точно так же начинаются с возрастания сознания, опять-таки часто ограниченного узким подразделением научного сообщества, что существующая парадигма перестала адекватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь. И в политическом и в научном развитии осознание нарушения функции, которое может привести к кризису, составляет предпосылку революции. Причём, говорил Кун, «аналогия существует не только для крупных изменений парадигмы, подобных изменениям, осуществлённым Лавуазье и Коперником, но также для намного менее значительных изменений, связанных с усвоением нового вида явления, будь то кислород или рентгеновские лучи» [3, с. 129].

Иное мы находим у Карла Поппера – наиболее авторитетного оппонента Томаса Куна. В своём эссе «Нормальная наука и опасности, связанные с ней» он характеризует обращение к социологии, психологии или истории в данном контексте «лунатическим блужданием», говорит, что эти науки «часто оказываются лженауками».

Поппер, соглашаясь с тем, что нормальная наука существует, и, считая, что она должна приниматься во внимание историками науки, отмечает, что «нормальный» учёный вызывает у него чувство жалости; его плохо обучали, он не привык к критическому мышлению, из него сделали догматика, он жертва доктринёрства. Поппер полагает, что, хотя учёный и работает обычно в рамках какой-то теории, при желании он может в любой момент выйти за эти рамки. Правда, при этом он окажется в других рамках, но эти другие рамки будут лучше и просторнее.

В конечном счёте, решающее противопоставление концепций Поппера и Куна состоит в ответе на вопрос, каким образом можно подойти к раскрытию природы науки и её прогресса. Поппер считал, что это можно сделать, обращаясь к логическим правилам развития знания, а не к психологическим стимулам деятельности учёных. Наука Поппера – безлична, а Кун стремится внести туда «человеческий элемент».

Общее решение у Поппера выглядит так: «Ответ на вопрос «Логика открытия или психология исследования?» состоит в том, что, если логика открытия мало чему может научиться у психологии исследования,

последняя может многому научиться у логики» [2, с. 325].

Рискну не согласиться с сэром Карлом. Дело в том, что позиции обеих в определённом смысле «несоизмеримы», их ментальные векторы разнонаправлены, сопоставлять их с позиций «или – или» вполне бессмысленно. Их модальность: «и то и другое», но в разных отношениях. Предварительно, однако, следует уяснить, в каком предметном поле сосуществуют и тот и другой подходы.

Если обратиться к работам Куна, ответ очевиден – это, по его словам, философия науки. В чём специфические концептуальные особенности и имеют ли место таковые применительно к философии науки у Куна и у Поппера, видимо, принимается по умолчанию. Поэтому буду исходить из собственного представления на этот счёт. Существенно, с моей точки зрения, явным образом принимать во внимание эпистемологические различия философской и собственно научной позиций.

В мышлении, в познании, человеческой жизнедеятельности вообще возможны две, существенно, различные позиции, занимаемые мыслящим субъектом, познающим Я. Одна из них, может быть определена как арефлексивная. Занимая её, мыслящий субъект полагает предмет мышления как нечто внешнее по отношению к собственному Я, и в этом смысле не-Я, что понятийно выражается словами «вещь», «тело», «объект». Способность человека занимать данную позицию объективно обусловлена физической, телесной выделенностью его из окружающего мира. Этой морфологической выделенностью органических систем, а, значит, необходимостью их адаптации к внешнему миру, обусловлено возникновение и существование психики вообще, начиная с простейших её видов, например, элементарной сенсорной психикой и кончая мышлением, познанием.

Но человеческая психика, мышление характеризуются ещё только им присущей способностью полагать в качестве предмета мысли самоё мысль, мыслящее Я. Это – рефлексия, мышление о мышлении.

Основная особенность философского мышления (философствования) как раз и заключается в его рефлексивности. Философия по способу теоретического освоения действительности есть культивированная, приобретающая вид традиции форма рефлексии. Специфика философии, её предмета, в конечном счёте, и сводится к тому, что рефлексия и рефлексирование становятся для неё основным содержанием. Адресат же философствования – предельные основания человеческого бытия и познания.

В отличие от философии в науке реализуется арефлексивная позиция, адресат научного познания – объективная реальность, мир как он представляется существующим вне и независимо от воли и сознания человека. Соответственно философию науки можно трактовать как рефлексии предельных оснований научного познания. Традиционно, то же и у Куна, философия науки имеет дело с «метафизикой», метафизическими моделями исследуемой реальности. Судя по всему, Поппер в том же смысле использует понятие «концептуального каркаса» теории.

Рефлексивная аналитика подобных «метафизических моделей» стимулируется потребностями адаптации систем научного знания к происходящим в них изменениям. Кун справедливо связывает её «всплески» с кризисами и революциями в науке. Рефлексия, обращающаяся к науке, и будучи, в некотором смысле, ей «перпендикулярна», с точки зрения научной рациональности не может не восприниматься как нечто иррациональное. Не случайны столь обильные упреки в «иррационализме» адресованные Т.Куну его критиками. С другой стороны, показательны описания им переходных периодов между парадигмами. Он писал: «Ни с помощью логики, ни с помощью теории вероятности невозможно переубедить тех, кто отказывается войти в круг. Логические посылки и ценности, общие для двух лагерей при спорах о парадигмах, недостаточно широки для этого. Как в политических революциях, так и в выборе парадигмы нет инстанции более высокой, чем согласие соответствующего сообщества» [3, с. 131]. Таким образом, выбор новой парадигмы – это не логическая проблема. «Увеличение конкурирующих вариантов, готовность опробовать что-либо ещё, выражение явного недовольства, обращение за помощью к философии и обсуждение фундаментальных положений – всё это симптомы перехода от нормального исследования к экстраординарному» [3, с.127].

Отталкиваясь от вышесказанного, полагаю, можно явным образом различить позиции Т.Куна и К.Поппера, преодолев их ошибочно воспринимавшуюся как ранее, так и, во многом, сейчас контрарность. Речь должна идти о попытках конструирования феноменов, представляемых в традиции естественнонаучных дисциплин в качестве «идеальных объектов». Таковы, к примеру, «абсолютно твёрдое тело», «инерция» и т.п. Поскольку та или иная область познания претендует на статус научности, она с необходимостью должна формировать в своем теоретическом каркасе подобные образования. В социальных науках, должно обстоять точно таким же образом, только лучше, вслед за Максом Вебером говорить об «идеальных типах». Скажем, в экономической теории говорят об экономическом человеке (*homo ekonomikus*), то есть рациональном эгоисте, принимающим во внимание, прежде всего, собственный интерес, богатство, доходы, стабильно относящийся к риску, дисконтированию. Попперовский учёный вполне подобен по своим чертам экономическому человеку, он «рационал», у которого в голове нет ничего кроме правил логики. Соответственно этому строится знаменитая модель научного познания:

p1 -----ТТ-----ЕЕ-----p2

Это идеальная модель, долженствующая быть ядром теоретической и, в данном смысле, научной истории познания. Подчеркну, именно научной истории, а не истории-памяти [1].

Что касается Куна, то подобное место у него занимает понятие парадигмы, идеальной модели, пригодной и необходимой для анализа функционирования, и развития науки как социального института. «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из

людей, признающих парадигму» [2, 261]. Здесь фигурируют уже не «рационалы», не «логические субъекты» а личности, что, конечно, не может обойтись без обращения к аспекту аксиологии, мотивациям и т.п. Здесь и научная революция не может быть представлена иначе, нежели как феномен рефлексивного осознания ситуации, складывающейся в научном сообществе. В первом же случае, если и говорят о революциях, то исключительно в плане концепта «перманентной революции». Поэтому сравнение позиций Т.Куна и К.Поппера подобно попытке сравнения двух игр: игры на бильярде и футбола. К числу достижений сообщества историков и философов науки подобное отнести никак нельзя.

Литература

1. Антипов Г.А. История как память и история как наука // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XLII. – №4. – С. 124-142.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М.: ООО «Изд-во АСТ» ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 365 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М., Прогресс, 1975. – 310 с.

УДК 001

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: УРОКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ИННОВАЦИЙ*

Лада Владимировна Шиповалова

Доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

В фокусе доклада оказывается концепт научно-технической революции, присутствовавший в научном и социально-политическом советском дискурсе второй половины XX века. Утверждается, что, несмотря на то, что в настоящее время это понятие употребляется исключительно в исторической литературе, исследующей указанный период, и может быть истолковано как своего рода идеологический конструкт, его анализ может иметь значение для решения актуальных проблем развития научного знания. Уроки, которые можно извлечь из исторического и теоретического анализа данного понятия, связаны с современными проблемами отношения научного сообщества и научного менеджмента, с требованием эффективности и инноваций. В докладе рассматривается два урока. Первый урок касается субъектов принятия решений, определяющих возникновение инноваций, и связан с недооценкой активной роли и автономии научного сообщества в этом процессе. Второй урок относится к субъектам ответственности за эффективность применения инноваций и, напротив, связан с недостаточной активностью научного менеджмента в этом вопросе. В завершении обсуждается тема социально-политического контекста развития научного знания и вопрос о стратегиях научного сообщества в условиях возрастающей бюрократизации.

Ключевые слова: научно-техническая революция, научное сообщество, управление наукой, эффективность и инновация.

SCIENTIFIC-TECHNICAL REVOLUTION: THE LESSONS IN EFFECTIVENESS AND INNOVATIONS

Lada Vladimirovna Shipovalova

DSc of Philosophy. Associate Professor

Saint Petersburg State University

This paper focuses on the concept of the scientific-technical revolution, which describes the transformation of science in XX century. This transformation relates to application of science in industry and other social spheres. Nowadays the term of the scientific-technical revolution is used only in historical studies of the soviet period and is interpreted mainly as an ideological construction. However the objective of this paper is to demonstrate the meaning of its analyses for topical discussions on the development of science. The lessons that can be learned from the historical and theoretical analysis of this concept are related to the problems of interaction of scientific community and research management and to the demand for effectiveness and innovation. Two lessons refer to responsibility for decision-making. In the first case this responsibility relates to emergency of innovation. In the second case it is connected with application of innovation. In conclusion, the discussion is going about the political context of the development of science.

* Текст подготовлен при поддержке гранта РГНФ «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты» Проект № 15-03-00572.

Keywords: scientific-technical revolution, science community, research management, effectiveness and innovation.

В современном интеллектуальном контексте понятия научной и технологической революции достаточно прочно соединяются с идеей новизны, что в свою очередь истолковывается как основание прогрессивных общественных изменений. Однако есть нечто существенное, привносимое в это истолкование таким специфическим концептом как научно-техническая революция. Следует подчеркнуть его две взаимосвязанные особенности. Во-первых, в отличие от первых двух видов революций, происходящих стихийно и не осознаваемых в качестве таковых первопроходцами и зрителями, научно-техническая революция предполагает активную волю организаторов и участников. Во-вторых, в НТР объединяются научная теоретическая составляющая инновации, а также ее техническое практическое применение, существующие отдельно в двух первых случаях. Причем применение, присутствующее в понятии НТР, отлично от непосредственности интерналистских (собственно научных) и экстерналистских (общественных) эффектов, всегда производимых развитием науки.

Кроме того, в отличие от первых двух, научно-техническая революция может быть определена в качестве своего рода идеологического конструкта, появившегося в марксистской традиции, разработанного в советских источниках и зарубежных работах, исследующих данный период [4, 5, 6]. Считается, что впервые в историко-научной литературе это понятие употребляет Дж. Бернал в 1957 году во втором издании своей работы «Science in History», где он пишет о том, что первая научная революция, отделяющая средневековье от Нового времени, была *открытием* научного метода, а вторая, научно-техническая, которая происходит в XX веке, означает *применение* научного метода [7]. Работа Бернала повлияла на чехословацких и, позже, на советских ученых: на основании исследований в этих странах была выпущена обстоятельная коллективная монография, в которой определяются черты НТР и ее социальные последствия [2].

Конструктивистское понимание данного термина не отрицает его реальности, а также реальности определяемого им события, но является основанием для большего внимания к условиям его происхождения и специфике функционирования. Несмотря на краткость истории его использования в социально-политическом и эпистемологическом дискурсе, можно говорить об определенных уроках, учет которых может иметь значение для непростых современных отношений научного сообщества с управляющими наукой структурами. Мы опишем только два урока, связанные с крайностями распределения ответственности за развитие науки.

Первый урок связан с альтернативой «стихийность vs управляемость» революцией. Концепт НТР и его распространение в общественном дискурсе можно рассматривать как значимый элемент возникновения управления наукой или научной политики. Способы организации этой политики могут принципиально различаться в зависимости от политического устройства общества. Одно из базовых различий касается меры контроля, которую государство осуществляет по отношению к науке. Избыточный контроль и бюрократизация, усиление формальных (наукометрических) требований эффективности, недооценка стихийных, неформализуемых процессов познания, лежащих в основании развития науки, препятствуют *возникновению* инноваций, которое с трудом поддается формализации и контролю. То есть вторая составляющая НТР (применение нового знания) начинает противоречить первой (возникновение новизны). Этот урок требует перераспределение ответственности в пользу допущения самоуправления научных исследований и уменьшения давления внешнего управления. Даже в тех случаях, когда речь идет о моделировании негативных последствий развития науки и технологий, а также о непосредственной работе по ликвидации этих последствий необходимо не только участие государства, но и работа ученых.

Второй урок относится к альтернативе «научное сообщество vs научный менеджмент» как субъектов ответственности за эффективность *применения* результатов научного исследования. Задача научной политики, обеспечивающей указанную эффективность, состоит не только и не столько в том, чтобы провозгласить необходимость применения научных исследований или даже прибыльности научного дела, например, включив соответствующий пункт в обоснование значения научных проектов, переведя научных работников на эффективные контракты и т.п. Задача в том, чтобы продуманные учеными возможности применения обеспечивались на государственном и административном уровне соответствующими действиями применения. Здесь мы обнаруживаем обратную картину недостаточной ответственности управляющих наукой структур за разработку механизмов применения научных инноваций, даже в образовательной системе, избыточно формализованной и консервативной. Этот урок требует перераспределения ответственности и предъявления требования эффективности не только и не столько научному сообществу, разрабатывающему инновацию, сколько менеджменту, порой тормозящему ее применение.

Подчеркнем в заключении, что связь научно-технической революции и социально-политического контекста – тема, достойная отдельного обсуждения. Следует отметить, что вопреки представлениям ее первых идеологов, в двух своих аспектах НТР достаточно органично встраивается в современный капиталистический реализм [1, 3]. Более того, современная ситуация XXI века такова, что образовательные и академические учреждения все больше подчиняются логике капитала и вынуждены строить свою деятельность в ориентации на критерии, предъявляемые рынком. Об этом говорит, например, распространение и предъявление в качестве образца так называемых предпринимательских университетов. Каковы могут быть действия научного сообщества в этой ситуации, с учетом того, что новый научный менеджмент отнюдь не свободен от возможной и необходимой связи с бюрократией, остается важным и открытым вопросом.

1. Воронков Ю.С. Концепция НТР: место в истории XX века // Типы управляемого взаимодействия науки и техники в XX веке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/projects/grant-rgnf-14-03-00687/Voronkov.pdf> (дата обращения 5.09.2017)
2. Человек – наука – техника (опыт марксистского анализа научно-технической революции). — М.: Политиздат, 1973. — 366 с.
3. Фишер М. Капиталистический реализм. Альтернативы нет? – М.: Ультра Культура 2.0., 2010. – 144 с.
4. Buchholz A., Blakeley T.J. The Role of the Scientific-Technological Revolution in Marxism-Leninism // Studies in Soviet Thought. – 1979. – Vol. 20. – № 2. – P. 145–164.
5. Hoffmann E.P. Laird R.F. The Scientific-Technological Revolution and Soviet Foreign Policy. – Pergamon Press, 1982. – 242 p.
6. Soviet and East European Law and the Scientific-Technical Revolution / G.B. Smith, P.B. Maggs, G. Ginsburgs (Eds.). – Pergamon Press, 1981. – 346 p.
7. Teich M.J.D. Bernal the Historian and the Scientific-Technical Revolution // Interdisciplinary Science Reviews. – 2008. – Vol. 33. – № 2. – P. 135–139.

УДК 740

**К КУЛЬТУРНО-КОММУНИКАТИВНОМУ КОНТЕКСТУ НАУЧНЫХ КОНТРОВЕРЗ:
ФРАНЦУЗСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РАДИКАЛИЗМ КОНТА
VS. БРИТАНСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ХЬЮЭЛЛА ***

Александр Юрьевич Антоновский

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук*

Раиса Эдуардовна Бараиш

*Кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Институт социологии Российской академии наук*

В тезисах разбирается работа У. Хьюэлла «Конт и позитивизм». Обосновывается, что идеи Конта рассматриваются в этом эссе лишь как предлог и повод, чтобы выразить общий консервативный протест против набирающей силу в научной и общественной жизни революционно-критической установки, как в отношении к эволюции природы и науки, так и в развитии общественного устройства. Эту работу можно назвать последним манифестом так называемой «староевропейской семантики» с ее доктриной «истинностного перфекционизма», предполагающего достижение состояния развития науки, в котором основные истины будут сформулированы навечно. В этом эссе, как нам представляется, требуют объяснения не только предметные основания полемики. Столь эмоциональные эскапады, возможно, провоцируются и общими жизненно-мировыми и, не в последнюю очередь мировоззренческими и религиозными разногласиями. На одной стороне дискуссии – истинно французские «революционность» и радикализм, на другой – педантичность и консерватизм британского профессора «философии морали» викторианской эпохи.

Ключевые слова: Уильям Хьюэлл, Огюст Конт, априоризм, позитивизм, социальная эпистемология, социальная философия науки, коммуникация.

**TO THE CULTURAL-COMMUNICATIVE CONTEXT OF SCIENTIFIC CONTROLS:
COMTE'S FRENCH REVOLUTIONARY RADICALISM
VS. WHEWELL'S BRITISH RELIGIOUS CONSERVATISM**

Alexander Yurievich Antonovskiy

*DSc in Philosophy, Leading researcher
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences*

Raisa Jeduardovna Barash

*PhD of political sciences, Senior researcher
Institute of Sociology Russian Academy of Sciences*

The article introduces the work of William Whewell "Auguste Comte and the Positivism." It is maintained by Author that the Comte's ideas are considered in this essay only as a pretext and an ex-

* Работа написана при поддержке фонда РФФИ, проект № 17-03-00812 «Рождение философии науки. Круг общения и следствия для философии науки 20 века», а также № 15-33-01392 «Мультикультурные сообщества: модели коммуникации и формы идентичности».

cuse to declare a general protest against the growing critical attitude relative to scientific and social life, and also both to the evolution of nature and science, and to the development of the social order. This work of Whewell can be called the last manifesto of the so-called "old European semantics" with its doctrine of "truth perfectionism", which assumes the achievement of the final state of development of science, in which the basic truths will be formulated forever.

Keywords: William Whewell, Auguste Comte, apriorism, positivism, social epistemology, social philosophy of science, communication.

Поводом к написанию этой статьи послужил недавний перевод работы У. Хьюэлла в журнале «Эпистемология и философия науки»⁸, который был снабжен нами небольшим введением. Нам показалось уместным рассмотреть этот текст в некотором более широком культурно-коммуникативном контексте и применить к его анализу аппарат системно-коммуникативной теории науки. В своем эссе Хьюэлл представил несколько, с нашей точки зрения, не всегда справедливых критических инвектив, резкость которых очевидно выходит за пределы рамок научной полемики. Мы обосновываем тезис, что идеи Конта рассматриваются Хьюэллом в этом эссе лишь как предлог и повод, чтобы заявить общий протест набирающей силу в научной и общественной жизни критической установки, как в отношении к эволюции природы и науки, так и в развитии общественного устройства.

Начнем по порядку рассматривать аргументацию Хьюэлла. Первое обвинение Конту – в необузданности характера и ограниченности – можно было бы оставить без внимания и списать на незрелость коммуникативных практик и «научного этоса» первой половины 19-го века. И все-таки, почему же Хьюэлл все-таки принял решение «стрелять из пушек по воробьям», и, кроме того, добрую половину статьи посвящает детальному описанию личности Конта? Думается, что в качестве рабочих объяснений можно предположить, что Хьюэлл учитывает не столько научную ценность позитивистского подхода, сколько его социальные контекст и потенциально-революционное значение. В этом смысле Хьюэлл, конечно, дискутирует не столько с Контом, сколько с теми возможностями, которые предоставляет позитивистская картина мира, отрицающая *априори* любого рода, касаются ли они науки, или общественного устройства.

Что касается предъявляемого Конту упрека в отрицании общих «понятий, причин, теорий», то здесь Хьюэлл откровенно подменяет тезис. Все-таки эмпиризм Конта не доходит до таких крайностей, а, скорее расширяет ньютоновский тезис *hypotheses non fingo*. Этот тезис порывает со схоластическим аристотелизмом «естественных мест» и «финальных причин», как бесплодных в научном отношении гипотез и, очевидно, не несет никакой угрозы общим понятиям, законам и (нефинальным) причинам. Если же, вслед за Хьюэллом, понимать контовский позитивизм исключительно как описательную фактологию, то такой науки (исходя из тезиса Хьюэлла-Дюгема-Куайна) действительно не может быть. Но как тогда рассматривать поддержку Контом «эмиссионной теории» и его отклонение волновой теории света, если он, по мнению Хьюэлла, вообще не принимает теоретической формы научного знания?

Продолжая дискуссию с Контом (и неявно с Юмом) и обосновывая важность поиска «причин» явлений, Хьюэлл выдвигает тезис тождества *причин и законов*: «мы можем надеяться открыть те самые общие законы... Но ... почему мы не можем назвать их *причинами*?» - пишет Хьюэлл в своем эссе. Так, обращаясь к геологии, он указывает на ряд феноменов («огонь, катастрофы, вода, постепенные изменения»), которые, с одной стороны, как бы маркируют воспроизводимые каузальные связи, т.е. законы, с другой – являются причинами соответствующих процессов – геологических напластований.

Почему же Хьюэлл отождествляет причину и закон? Думается, не только для того, чтобы «спасти» причины от мнимых угроз со стороны позитивизма Конта, который, напомним, под причинами понимал вовсе не законы, а «гипотезы» в смысле Ньютона – некие *скрытые механизмы*, лежащие в основании закона тяготения. И в отношении этих скрытых механизмов Хьюэлл, безусловно, выглядит актуальнее Конта. Современная наука и философия науки не запрещает себе такого рода гипотез [4, с. 116-125]. Возможно, – странное для нас – отождествление причин (т.е. конкретных событий, фактов) и общих законов, возможно, восходит к его ключевой методологической установке: *относительности и контекстуальной определенности различий между фактами и теориями, во многом предвосхитившей тезис Дюгема-Куайна*.⁹ Согласно этой установке, основанной на кантовском априоризме, «идеи», «теории», «концепты» (и прежде всего, *пространство, время, причинность* и т.д.) понимаются Хьюэллом как предпосылаемые опыту рациональные принципы, имеющие своей функцией связывание фактов. И соответственно не могут проистекать из ощущений, а служат условием возможности понимания этого опыта. Поэтому Хьюэлл и отказывается в существовании «чистому факту», хотя при этом де факто признает, что не существует каких-то *объективных* различий между фактом и теорией. (Так, например, законы Кеплера, согласно Хьюэллу, в теории Ньютона представляют собой, скорее, факты). И это, конечно, существенно подрывает его априоризм, вводя существенный конструктивистский элемент в его подход.

⁸ У. Хьюэлл. Конт и позитивизм // Эпистемология и философия науки. 2017. № 4.

⁹ Факты и теория выступают у Хьюэлла сторонами или аспектами единого феномена, где факт – есть неререфлексивное использование теоретических принципов, обеспечивающих единство чувственных данных. То, что *год состоит из 365 дней*, является фактом, но его констатация предполагает неререфлексивное использование теоретических переменных – «идей» *времени, пространства, рекурсивности, коннективности* и т.д. Если же мы меняем глубину четкости наблюдения, в фокус последнего попадают и сами эти идеи, интегрирующие факты и концепты (идеи) в некоторое единство.

Требует разъяснения и социально-эпистемологические основания *третьей* претензии к Конту – его чрезмерной шепетильности в отношении понятийной строгости. Зачем – спрашивает Хьюэлл – без достаточных на то оснований отказываться от работоспособных и универсально-утвердившихся понятий, пусть даже и утративших свой референт, но не свою функцию *априорного связывания данных опыта*. Так, теория и понятие «флогистона», в том, что касается идеи связи *горения, окисления и дыхания*, должны быть сохранены как некая вечная истина¹⁰. И здесь трудно не зафиксировать общую социально-консервативную установку Хьюэлла, готового сохранять функционирующие институты, – даже и вопреки признанию истинности конкурирующей позиции (теории Лавуазье), – если они продолжают выполнять свои – связывающие опыт – функции.

Четвертый аргумент Хьюэлла апеллирует непосредственно к истории науки. И здесь, казалось бы, авторитет Хьюэлла поистине незыблем. Не существует науки, утверждает Хьюэлл, в которой позитивный этап сменяет этап метафизический, где «открытие законов явлений... осуществлялось бы независимо от обсуждения идей, которые должны быть названы *метафизическими*. ... Открытия Кеплера были бы невозможны без его метафизических понятий¹¹».

Проблема лишь в том, что Конт и не думает спорить с этим аргументом, но собственно вторит Хьюэллу в том, что все науки и до сих пор частично остаются «под опекой теологии и метафизики», и эта опека давала *новым* наукам (биологии и социологии) определенные «гарантии» [1, с. 76] в конкуренции с утвердившимися ранее дисциплинами. Мысли Хьюэлла и Конта удивительно конгениальны: метафизика «помогает» наукам в их становлении (дает «временные объяснения» у Хьюэлла, и «гарантии» Конта).

Впрочем, в своем утверждении того, что реальная история наук вовсе не соответствует строгому членению на три контовских этапа, Хьюэлл все-таки не всегда справедлив. В своем «энциклопедическом законе» развития наук Конт не утверждает какой-то жесткой строгости этапов, где «метафизическая опека» сопровождает науки до последних дней. Речь, скорее, ведется о неких «идеальных типах» наук, реальная история которых, конечно, не всегда соответствует абстрактной логике их развития. Впрочем, и сам Хьюэлл формулирует собственный «закон трех стадий» развития науки, в котором в чем-то даже дает похожую трехэтапную схему развития наук.

Какое мы можем дать объяснение этому событию научной коммуникации? Можно ли социоэпистемологически объяснить столь резкий полемический настрой при значительном сходстве подходов и явном гипертрофировании разногласий? Здесь, на наш взгляд, следует принимать во внимание всю многомерность коммуникативного акта научной полемики и учитывать – в дополнение к предметному – также временное и социальное измерения научной коммуникации. В этом смысле речь может идти не столько в утверждении своей концепции развития научного знания, сколько о защите временного приоритета в формулировании открытия законов научной истории (временное измерение научной коммуникации). И, безусловно, эта полемика выражает во многом непримиримые социальные противоречия между консерватором и глубоко религиозным человеком, каковым являлся Хьюэлл, и радикалом и фактическим атеистом Контом (социальное измерение научной коммуникации). В результате контрверсы представляются более глубокими, чем они есть на самом деле. Такие «социальные» различия затем сказываются и в сфере предметных дискуссий. И особое место в дискуссии Конта и Хьюэлла занимает вопрос роли в науке «конечных причин».

Читая Хьюэлла, трудно избавиться от впечатления, что идеи Конта рассматриваются в этом эссе лишь как предлог и повод, чтобы заявить общий протест против набирающей силу в научной и общественной жизни критической установки, как в отношении к эволюции природы и науки (Маркс, Спенсер, Дарвин и т.д.), так и в развитии общественного устройства. Эту работу можно назвать последним манифестом так называемой «староевропейской семантики» с ее доктриной «истинного перфекционизма», предполагающего достижение состояния развития науки, в котором основные истины будут сформулированы навечно [2].

Но как это совместимо с общим пафосом работ Хьюэлла – скрупулезного исследователя текущих научных контрверз и дискуссий? В дискуссии с Контом, как нам кажется, значение социального измерения (жизненно-мировая установка викторианской эпохи в Англии с ее резким неприятием революционной духа Франции) все-таки перевесила предметное измерение научной коммуникации. Этот консерватизм получает и философско-научное обоснование, подразумевающее сохранение и *консервацию* «работающих институтов» и «научных концептов», если они обеспечивают интеграционную функцию вопреки критике и даже наличию иных эффективных решений.

Литература

1. Конт О. О Духе позитивной философии. – М.: Либроком, 2011. – 80 с.
2. Луман Н. Истина, знание, наука как система. – М.: Логос. 2016. – 410 с.
3. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, основанная на их истории. – М.: Кнорус. 2016. – 500 с.
4. Harré R. The Principles of Scientific Thinking. – London: Macmillan, 1970. – 324 p.

¹⁰ «То, что горение, независимо от того, является ли оно химическим соединением или химическим разделением, имеет ту же природу, что и окисление, было признано Бехером и Шталем и вскоре было обосновано в качестве истины, которая должна войти в каждую успешную физическую теорию» [3, с. 31]

¹¹ Напомним, что Кеплер разделял пифагорейскую картину мира, согласно которой все отношения между движениями и позициями небесных тел должны быть выведены из единой формулы, которую он, в конце концов, и формулирует, связывая отношения квадратов периодов движения любых двух планет с отношениями кубов больших полуосей их орбит.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ГРЯДУЩЕЕ ПРОДУКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПСИХОЛОГИЕЙ*Владимир Александрович Мазилев**Доктор психологических наук, профессор**Ярославский государственный педагогический университет**им. К.Д. Ушинского*

В статье ставится вопрос об отношениях философии и психологии. В глобальной проблеме взаимоотношения наук выделяется конкретный аспект для анализа: отношения между философией науки и психологией. В статье рассматривается подход философии науки к анализу психологии. В статье констатируется, что современная философия науки не учитывает в необходимой степени специфику психологии. Констатируется, что философия науки не занимается специальным анализом психологии, рассматривая ее как социогуманитарную дисциплину. В тексте проанализированы особенности психологии и психологического знания, что позволяет заключить, что необходимо специальное исследование психологии средствами философии науки. В статье выражается позиция, что психология имеет свою специфику и достойна специального рассмотрения. В современной эпистемологии и философии науки накоплен значительный материал, но, как показано в статье, в психологии он редко применяется адекватно, так как отсутствует позитивный опыт использования инструментария философии науки в психологической науке. В статье высказываются предположения и прогнозы о тенденциях развертывания научных исследований как в рамках философии и эпистемологии науки, так и в психологии как науки. Показано, что начинают развертываться исследования по философии психологии как ветви психологического знания. На наш взгляд, в философии науки как ветви психологического знания особенно востребованными будут те исследования, в которых показана роль моделирующих представлений в генезисе эпистемологических построений (Т. Кун и др.) Как нам представляется, объединение исследования в русле философии науки со стороны философии и со стороны психологии позволят получить новое методологическое знание, которое будет способствовать прогрессу и в философии науки и в психологии.

Ключевые слова: психология, философия, философия науки, естественные науки, социогуманитарные науки.

PHILOSOPHY OF SCIENCE: PRODUCTIVE INTERACTION WITH PSYCHOLOGY*Vladimir Aleksandrovich Mazilov**DSc of psychology, professor**Yaroslavl State Pedagogical University*

The article raises the question of the relationship between philosophy and psychology. Particular aspect in the global problem of the relationship of sciences is highlighted for analysis: the relationship between the philosophy of science and psychology. The approach of the philosophy of science to the analysis of psychology is considered. The article states that the modern philosophy of science does not take into account to the necessary extent the specifics of psychology. The author considers that the philosophy of science does not deal with special analysis of psychology, treating it as sociohumanitarian discipline. Features of psychology and psychological knowledge are analyzed, which allows us to conclude that special study of psychology is necessary by means of the philosophy of science. The article expresses the position that psychology has its own specifics and is worthy of special consideration. Considerable material has been accumulated in modern epistemology and philosophy of science, but, as it is shown in the article, it is rarely applied adequately in psychology, as there is no positive experience of using the tools of the philosophy of science in psychological science. There are suggestions and forecasts about the trends in the deployment of scientific research both within the philosophy and epistemology of science, and in psychology as science. It is shown that studies on the philosophy of psychology as branch of psychological knowledge are beginning to appear. In our opinion, the studies in which the role of modeling representations in the genesis of epistemological constructions is shown (T. Kuhn, etc.) will be particularly in demand for the philosophy of science. It seems to us that the combination of studies in the direction of the philosophy of science from side of philosophy and psychology will allow us to obtain new methodological knowledge that will contribute to the progress of both philosophy of science and psychology.

Keywords: psychology, philosophy, philosophy of science, natural sciences, social sciences and humanities.

Философия науки, как хорошо известно, представляет собой философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука [1]. Термин «философия науки» (Wissenschaftstheorie) впервые в 1878 году появился в работе небыизвестного Евгения Дюринга «Логика и философия науки». В настоящее время философия и эпистемология науки представляют собой мощное и уважаемое направление философской мысли, всесторонне анализирующее науку.

В статье, естественно, не может идти речь о философии науки в целом (смотри [3]). В настоящем тексте будут обсуждаться лишь некоторые современные тенденции взаимоотношений между философией науки и психологией. Заметим, что в разные временные промежутки отношения между психологией и философией науки были отчетливо различны: И.Г.Фихте, к примеру, психологию откровенно не любил, тогда как Дж.С.Милль всю "Систему логики" (1843) мыслил всего лишь как введение к VI книге своего труда, посвященной логике нравственных наук. Поэтому расхождение или сближение психологии и философии науки не должно удивлять.

Обратимся к современному состоянию взаимоотношений философии науки и психологии, а затем, поскольку в тематике конференции задано обсуждение «исторических перспектив и футурологических прогнозов», выскажем соображения и по этому поводу.

Отметим, что философы науки предпочитают разрабатывать свои концепции на материале преимущественно естественных наук, что и естественно и понятно. Справедливости ради отметим, что лишь немногие философы науки уделяют внимание психологии (В.А.Лекторский, Э.Г.Юдин, В.М.Розин, Н.В.Ретюнских, Д.А.Теплых, Ж.А.Загидулин и др.), большинство анализирует процессы в науке в целом, опираясь на материал естественных наук.

Обратимся к некоторым общим принципиальным установкам философии науки:

1. Философия науки исходит из приоритета естественных наук, которые и являют образец науки в целом.

2. Философия науки справедливо исходит из того, что естественные науки сложны. При этом практически не учитывается, что психическое значительно сложнее, чем предмет естественных наук, имеет куда как большее количество степеней свободы. Объект и предмет психологии намного сложнее, чем в естественной науке. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки, по сути, не учитываются.

3. Современная философия науки относит психологию к социогуманитарным дисциплинам, хотя есть много сомнений в правомерности такой квалификации.

4. Философия науки развитие самой науки понимает весьма специфически. Двадцатый век прошел в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Конечно, здесь не место вдаваться в анализ, но представляется, что определить характер накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Если мы возьмем историю психологии, то обнаружим, что там существует не только правильных или неправильных концепций, но даже (в более мягком варианте) более правильных или менее правильных. Более ранние концепции не являются менее адекватными, чем более поздние. В истории психологии зафиксированы подходы, которые до сих пор актуальны и используются в науке. В психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в естественных науках. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или концепции устарело, что учтено в последующих теориях, "снимающих" (в гегелевском смысле) прешествующие.

Констатируем, что специальные работы по анализу методологических проблем психологии, выполненные философами крайне немногочисленны. В свете вышесказанного нас не будут удивлять высказывания методологов науки о том, что психологи странно ведут себя по отношению к понятиям философии науки. Проиллюстрировать это можно примером с использованием термина "парадигма". Красивое слово используется психологами в таком количестве различающихся значений и смыслов, что это полностью дискредитирует этот термин (в психологии). Обратим внимание на то, что большая часть вариантов использования термина парадигма вообще не связана с исходной трактовкой термина "парадигма", данной в 1962 году Томасом Куном. В тех учебниках по методологическим основам психологии, куда включается материал по современной философии науки, он представляет собой, по большей части, дополнительную нагрузку на память студента. В лучшем случае этот материал обогащает эрудицию, так как привести примеры использования из психологии авторам обычно не удается: отсутствует позитивный опыт применения этого аппарата в психологической науке.

Аналогичная ситуация с использованием в психологии перспективных идей о исторических типах рациональности [4].

Выскажем соображения о перспективах дальнейших взаимоотношений философии науки и психологии. Одновременно это можно рассматривать и как запрос на проведение философских исследований, направленных на анализ психологии как науки и специфики психологического знания.

Как представляется, в самое ближайшее время в русле философии науки будут выполнены работы, посвященные углубленному анализу психологии. В этих исследованиях будет показано, что психология имеет выраженную специфику, проистекающую из объективной сложности предмета и объекта психологии, поэтому многомерность теоретического осмысления психики закономерна. Как нам представляется, наибо-

лее актуальны исследования средствами философии науки: по предмету психологии; по выявлению реального статуса психологии и ее места среди других наук. Как уже отмечалось, есть некоторые сомнения в том, что психологию можно отнести к социо-гуманитарным наукам. Во всяком случае, многие исследователи подчеркивали, что психология имеет особый статус (Б.М.Кедров, Ж.Пиаже и др.), поэтому не может быть однозначно отнесена к естественным, либо к социальным наукам. С другой стороны, пока не осуществляются эти исследования со стороны философии науки, начинают разворачиваться исследования по философии науки как ветви психологического знания [2]. На наш взгляд, для философии науки особенно востребованными будут те исследования, в которых показана роль моделирующих представлений в генезисе эпистемологических построений (Т.Кун и др.)

Как нам представляется, объединение исследования в русле философии науки со стороны философии и со стороны психологии позволят получить новое методологическое знание, которое будет способствовать прогрессу и философии науки и психологии.

Литература

1. Касавин И.Т., Пружинин Б.И. Философия науки // Новая философская энциклопедия. – Т.4. – М., 2010. – С. 218-220.
2. Мазилев В.А. Философские проблемы современной психологии // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сборник научных статей / под общ. ред. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2017. – С. 175-178.
3. Мазилев В.А. Методология психологической науки: история и современность. – Ярославль: ЯГПУ, 2017. – 462 с.
4. Мазилев В.А. Психология и исторические типы рациональности (к вопросу о взаимоотношении психологии и философии науки) // Ярославский психологический вестник. – 2017. – Вып. 1(37). – С. 27-31.

УДК 001.5

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ ИСТОРИИ НАУКИ

Анастасия Владимировна Горшкова

*Аспирант кафедры философии, социологии и политологии
Ульяновский государственный университет*

В работе рассмотрен исследовательский потенциал концепта «историческая память» научного сообщества в эпистемологии истории науки. Обозначены механизмы формирования и изменения исторической памяти. Историческая память научного сообщества определена как одна из форм коллективной памяти, имеющая большое значение в идентификации национальных научных сообществ. Описана структура коллективной памяти научного сообщества, которая содержит культурный, исторический и коммуникативный уровни. Следует выделять культурную память научного сообщества в целом, историческую память дисциплинарных и национальных научных сообществ и коммуникативную память отдельных учёных. Историческая память дисциплинарного сообщества создаётся селекцией фактов, приданием этим фактам особой значимости и интерпретацией прошлых событий в связи с текущими потребностями. В силу влияния на процесс формирования исторической памяти социальных условий, идеологических и доктринальных установок, историческая память научного сообщества имеет избирательный характер.

Ключевые слова: память научного сообщества, структура исторической памяти, историческая, культурная и коммуникативная память научного сообщества.

HISTORICAL MEMORY OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY IN THE EPISTEMOLOGY OF THE HISTORY OF SCIENCE

Anastasia Vladimirovna Gorshkova

*Post-graduate student of the Department of Philosophy,
Sociology and Political Science
Ulyanovsk State University*

The research capacity of the concept of "historical memory" of the scientific community in the epistemology of the history of science is considered in this paper. The article identifies the mechanisms of formation and changes of historical memory. The historical memory of the scientific com-

munity is defined as one of the forms of collective memory, which is of great importance in the identification of national scientific communities. The structure of the collective memory of the scientific community that contains cultural, historical and communicative levels is described. It is necessary to allocate the cultural memory of the scientific community as a whole, the historical memory of disciplinary and national scientific communities and the communicative memory of individual scientists. The historical memory of a disciplinary community is created by the selection of facts, attaching special significance to these facts and interpretation of past events in connection to the current needs. Due to the influence on the process of formation of historical memory of social conditions, ideological and doctrinal attitudes, the historical memory of the scientific community has a selective character.

Keywords: memory of the scientific community, the structure of historical memory, historical memory, cultural memory and communicative memory of the scientific community.

В эпистемологии истории науки, которая стала предметом оживленных дискуссий в последние годы, до сих пор мало внимания привлекала «историческая память». Введение этого концепта позволяет раскрыть новые горизонты в историко-научных исследованиях.

Существуют разные трактовки термина «историческая память», разные подходы к ее изучению. Французский ученый М. Хальбвакс впервые обратил внимание на исследование памяти в рамках коллективного (социального) измерения, а не только индивидуального автобиографического опыта. Он считал, что нельзя рассматривать память как нечто, присущее лишь «сугубо индивидуальному телу или сознанию». Он выделял взаимосвязанные между собой индивидуальную память, основанную на личном опыте, и память коллективную [6, с.8]. Исследователь исторической памяти П. Нора, продолжая исследования М. Хальбвакса, противопоставил память и историю: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет... Память – это абсолют, а история знает только относительное» [3, с.20]. Египтолог Я. Ассман выдел две формы коллективной памяти: коммуникативную и культурную. Он рассматривал коммуникативную память как воспоминания, связанные с недавним прошлым, как «живую память», которая распространяется на 40-80 лет. Культурная память – не фактическая, а воссоздаваемая в символических фигурах и мифах. Мифы создают обоснованную историю, дают возможность объяснить настоящее из прошлого [1, с. 52]. П. Рикёр, рассматривая проблематику соотношения между индивидуальной и коллективной памятью, выдвинул гипотезу о существовании «промежуточного плана референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим [4, с. 166]. Л.П. Репина, считает, что «историческая память – это, в первую очередь, обращение к прошлому в его как позитивных, так и негативных аспектах, т.е. попытка реконструкции событий прошедшей действительности. Историческая память как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение информации о нем, – «одно из проявлений социальной памяти, способности людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений» [5, с. 10].

В работах о памяти научного сообщества присутствует содержательная неопределенность понятий, т.к. до последнего времени научное сообщество и его историческая память не были предметом специальных исследований, и лишь отдельные исторические и концептуальные аспекты функционирования памяти научного сообщества поднимались в эпистемологии и истории науки. Историческая память научного сообщества нами рассматривается как форма коллективной памяти, фиксирующая и хранящая информацию о наиболее значимых деятелях науки, важных открытиях, их оценка и принятие научным сообществом [2, с.289]. Историческая память дисциплинарного сообщества создаётся исследованиями историков науки, являясь конвенционально реконструированной историей идей и деятельности учёных данной дисциплины.

При описании феномена исторической памяти научного сообщества необходимо учитывать, что по глобальности охвата и причастности к ней учёных следует выделять культурную память научного сообщества в целом, историческую память дисциплинарных и национальных научных сообществ, коммуникативную память отдельных учёных. Каждый учёный в процессе социализации становится причастен ко всем уровням памяти.

Стоит иметь в виду, что место в исторической памяти не всегда соответствует прижизненному положению учёного. В памяти научного сообщества сохраняются воспоминания о тех, чьи действия либо радикально трансформировали парадигму, либо существенно повлияли на организацию научного сообщества. Выдающийся учёный с персональной статьёй в энциклопедии, упоминаемый в учебниках, не всегда становится героем «легенд», которые передаются в научных группах и школах.

По-видимому, историческая память дисциплинарного сообщества создаётся селекцией фактов и приданием этим фактам особой значимости, а также интерпретацией прошлых событий в связи с текущими потребностями. Временная и пространственная структура памяти дисциплинарного сообщества вариативна и обладает национальными особенностями. Общие символы и образы, передающиеся в исторической памяти, объединяют научную группу и обеспечивают её групповую идентичность.

В современном обществе историческая память оказывается весьма существенной характеристикой

образа жизни людей, во многом определяющей их намерения, настроения, поведение, опосредованно оказывавшей весьма мощное влияние на их сознание, тем самым предопределяя характер и методы решения общественных проблем.

В историческую память дисциплинарного сообщества входят рассказы о важных научных открытиях, личностях ученых или научных группах. Через оценку деятельности ученых формируется впечатление о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения учёных в данный период времени. Образы зафиксированных событий базируются на комплексах воспоминаний современников. С течением времени, образы все более трансформируются и дистанцируются от исторической действительности. Совокупность образов прошлого формирует историческую память научного сообщества. Она имеет избирательный характер, т.к. ученые опираются на собственный опыт в научной деятельности, поэтому конструируемые ими образы науки ограничены рамками одной определенной парадигмы, которая включает в себя принятые методы, одну картину реальности, четко сформулированные познавательные цели. Таким образом, в образ науки входят только те черты, которые осознаются как необходимые элементы собственной деятельности.

Изучение исторической памяти дисциплинарного сообщества представляется новым направлением исследований, открывающим ранее не анализировавшиеся ракурсы проблемы исторической рефлексии познавательного сообщества: воспоминания ученых, участников событий прошлого; фокус внимания ученых на преломление событий прошлого в жизни конкретных участников тех или иных событий; способы воспоминаний учеными своего пережитого опыта. Возможность раскрытия этой проблемы открывается с привлечением материалов и методов науковедения, социологии знания, философии науки и истории науки.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 52–54.
2. Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б. Об измерениях памяти научного сообщества // История и теория науки в исследовательских программах отечественных естествоиспытателей в XX веке / Под редакцией Баранец Н.Г., Марасовой С.Е. – Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2015. – С. 287-322.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память: антология. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.
4. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. – М.: Изд-во гуманитарной лит., 2004. – 728 с.
5. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–28.

УДК 101.1

ИЗМЕНЕНИЕ ТЕКСТОВОГО ФОРМАТА КАК МЕХАНИЗМ ПОЯВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА*

Лора Турарбековна Рыскельдиева

Доктор философских наук, профессор

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Олег Викторович Зарапин

Кандидат философских наук, доцент

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Вопрос о генезисе научного знания решается на материале сопоставления научного и философского текстов, для чего вводится специфически философское различие текстов по смыслу, которое авторы противопоставляют общелогической типологии, филологическому делению по жанрам и лингвистическому делению по стилю. Смысл текста выявляется в соотношении трех текстовых параметров: обстоятельств порождения, цели и адресата. Взаимосвязь этих параметров фиксируется в понятии «формат» текста. Авторы полагают, что научный и философский тексты восходят к одному источнику и различие между ними возникает в результате изменения коммуникативного параметра формата – адресата. Для иллюстрации этого тезиса рассматривается междисциплинарный феномен- текст, который являет собой результат союза науки и философии, а его автора трудно аттестовать, используя различие философа и ученого. Репрезентативными данному феномену являются фрагменты текста Анаксагора «О природе» и текст В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление». Тексты Анаксагора и Вернадского являются философскими (понятие ноосферы наследует *vous* как античную

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации».

идею разумного устройства Космоса), и вместе с тем это научные трактаты, которые адресованы широкой публике. Предельное расширение круга возможных адресатов («каждый») вкуче с публикацией так существенно меняет философский текст, что можно вести речь о появлении текста другого (нового) смысла – научного текста. Его отличительная характеристика – теоретичность как перекокс в пользу теоретической текстовой компоненты, что и в наши дни является одним из основных признаков науки.

Ключевые слова: философский текст, научный текст, формат, текстовая культура, смысл.

MODIFICATION OF THE TEXTUAL FORMAT AS A TOOL FOR SCIENTIFIC TEXT EMERSION

Lora Turarbecovna Ryskeldiyeva

DSc in Philosophy, professor

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

Oleg Victorovich Zarapin

PhD of Philosophy, associate professor

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

The present article is answering the question of the origin of scientific knowledge using material of comparison of scientific and philosophic texts with introduction of specific philosophic distinction of texts based on sense. Such distinction the authors of the present article oppose with general logical typology, philological pressure based on genres and linguistic pressure based on style. The sense of the text is revealed in correlation of three textual parameters: circumstances of origination, goal and addressee. The correlation of these parameters is established in the term of «format» of the text. The authors of the present article believe that the scientific and philosophic texts date back to one source and the difference between them emerges as a result of modification of the communicative parameter of the format, i.e. addressee. As a demonstration of this thesis an interdisciplinary phenomenon of the text is being reviewed, which is a result of a union of science and philosophy, and it is difficult to grade its author using distinctions of a philosopher and a scientist. The fragments of the text by Anaxagoras «On Nature» and the text by V.I. Vernadsky «Scientific thought as a planetary phenomenon» are representing this phenomenon. The texts of Anaxagoras and Vernadsky are philosophic (the noosphere concept inherits *νοῦς* as an ancient idea of the rational installation of the Cosmos) as well as scientific essays addressed to wide audience. The ultimate broadening of circle of potential addressees («each») coupled with the publication are changing the philosophic text so significantly, that it can be suggested that the text of the other (new) sense - the scientific text – has emerged. Its distinctive characteristic is the theoretical nature as a shift towards theoretical textual component, which nowadays is still one of the main characteristic of science.

Keywords: philosophical text, scientific text, format, textual culture, sense.

Проблема демаркация науки и философии в эпоху господства принципа междисциплинарности актуализируется, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. С одной стороны, интервенцией в интеллектуальное пространство того, что принято считать вне-научным, и что делает вечно востребованной философскую рефлексию науки. Речь может идти как о вполне произвольном расширении содержания понятия «научное исследование»¹², так и о появлении вполне формальных критериев научности, заведомо не имеющих отношения к содержанию самого исследования¹³. С другой стороны, господствующая ныне междисциплинарность, понуждающая философию к научному сотрудничеству в рамках конкретных проектов, инициирует появление псевдо-прикладных философских исследований в духе философии «родительного падежа» («философия обуви», «философия туризма» и проч.). Процедура практической демаркации разного рода интеллектуальной деятельности и дискурсов, как кажется, будет всегда востребованной.

Сравнение науки и философии – не простая задача, а вопрос о смысле такого сравнения не празден: может быть, это различие искусственно, может быть история науки и история философии - это лишь два вполне условных момента единой «истории идей», понятой в духе А. Лавджоя? И тогда получается, что наше разделение науки и философии есть результат вполне современного, но несущественного цехового дробления на узкие и специальные сферы приложения интеллектуальных усилий. Да, естественное единство науки и философии, ученого и философа обнаружить легко: у нас нет сомнений в том, что у «Физики» и «Метафизики» один автор, а также то, что один автор может написать труд под названием «Философские мысли натуралиста». Тогда, как и когда возникло различие между наукой и философией, между философом

¹²Мы имеем в виду, к примеру, проект изучения сознания, в рамках которого появился новый прибор - нооскоп, как первый прибор, позволяющий изучать коллективное сознание человечества, а главное, регистрировать изменения в биосфере и деятельности человека (см. Вайно А. Э., Кобяков А. А., Сараев В. Н. Образ Победы. М.: Институт экономических стратегий РАН, компания «GLOWERS», 2012. (с. 80-83).

¹³ Например, обсуждаемая в наши дни единая система IMRAD- требования к оформлению всех научных статей (см. Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс. Круглый стол // Высшее образование в России. №7.2017. с.46-68).

и ученым? В ответе на этот вопрос мы будем опираться на тезис о принципиально текстовом характере существования и философского, и научного знания. Текст – это форма бытия науки и философии, поэтому сравнение науки и философии будет более корректным именно в контексте философской текстологии, как процедура сопоставления научного и философского текстов.

Вопросы специфики научного текста определяют особую сферу языковедческих учебных пособий и курсов, в которой следует констатировать сильное влияние функционально-структурной лингвистики, что определяет исследовательскую прагматику – выработку методики обучения владению научным стилем. В рамках лингводидактики выделяются типы текстов вообще и определяются их содержательная и коммуникативная особенности – в частности, социолингвистика при анализе текста обращает особое внимание на экстра-лингвистические факторы его появления. Однако на вопрос о специфике философского текста лингвисты, можно сказать, ответа не дают и редуцируют его к разновидности научного¹⁴, поэтому отвечать надо нам. Для этого внесем ясность в употребление понятий «тип», «жанр» и «стиль» текста. Деление текстов на типы, как и вообще типологию, будем считать общелогической операцией, базовой для любой операции сравнения, тип текста определяется признанным классическим - образцом, (тексты науки, религии, искусства, политики и проч.). Деление текстов по жанрам признаем филологической операцией, при которой основанием деления являются средства, способ создания образов (портрет и натюрморт, опера и романс), стилистическое деление текстов оставим на долю лингвистики. Специфически философским будем считать деление текстов по смыслу, для этого вводим понятие текстового формата, которое неразрывно связано с понятием текстовой культуры. Существенными для понимания смысла параметрами, определяющими формат текста, будем считать обстоятельство его порождения, цель и адресат. Наше предположение состоит в том, что научный и философский тексты, генетически восходя к одному источнику, в какой-то исторический момент стали заметно различаться в отношении своих адресатов. Для иллюстрации этого тезиса мы возьмем заведомо междисциплинарный феномен – такой текст, который, по сложившемуся мнению, является собой результат союза науки и философии, а его автора трудно аттестовать, используя различие философа и ученого. Проанализировав формат такого текста, мы найдем его классические истоки и определим соотношение в нем философского и научного параметров.

Обратимся к тексту «Научная мысль как планетное явление», опубликованному в сборнике «Философские мысли натуралиста» В.И. Вернадского, название которого свидетельствует об интерференции науки и философии, а трудный путь «размышлений натуралиста» от рукописных фрагментов до издания отдельным томом хорошо известен. Из обстоятельств порождения текста отметим два: внешнее и внутреннее. Во-первых, это событие «пророческого» переживания, испытанного им во время болезни тифом (Симферополь, 1920 г.), которое в дневниках он описывает как появление «внутреннего голоса» и осознание великой миссии сообщения человечеству нового знания о живом веществе. Во-вторых, это легко вычитываемое из текста «Научной мысли...» критическое отношение к состоянию современной ему философии и недовольство социально-историческим кликушеством, пессимизмом и неверием в авторитет науки. Целью текста можно назвать, в конечном счете, утверждение нового, «ноосферного» мышления, которое призвано помочь человечеству осознать революционную геологическую мысль о превращении биосферы в ноосферу и которое может сформировать новый тип мыслителя: философ-натуралист, результат понятного для всех соединения физики и метафизики. А вот коммуникативная ситуация текста не вполне ясна: В.И. Вернадский обращается и к ученым, и к т.н. «деятелям науки», и к людям художественного творчества, и к историкам философии, тем самым, полагаем мы, расширяя свой адресат до «всех» и «человечества».

Классические истоки такого рода текста найти легко, тем более, что сам В.И. Вернадский полагал: современная ему ситуация повторяет то, с чем имели дело греки 6 – 5 в.в. до н.э. Дошедшие до нас фрагменты «О природе» Анаксагора в определенном отношении являются конгениальными «Научной мысли...». Во-первых, идея Нуса, выдвинутая Анаксагором, призвана сыграть такую же роль, как и роль идеи ноосферы, объединив частные знания в единую картину мира такого, как он есть «на самом деле», понятным образом соединить физику и метафизику, доступно и убедительно объяснить мироустройство. Во-вторых, афинский статус «О природе» Анаксагора - «после Парменида» - позволял учитывать метафизические результаты опыта умознания, видеть их истину и отличие от мнения (обывателя). И, наконец, самое важное обстоятельство, определившее адресат текста фрагментов: философ Анаксагор, по свидетельству Климента, «первым издал книгу о природе», первым осуществил «экдосис», своеобразное выведение философии в свет (греч. ἔκδοσις значит «выдача чего-либо», а «издать книгу» стоит в одном ряду с «выдать замуж» и «выдать денежную ссуду»). Издать - значит вынести результаты рефлексии на суд публики (ἀκροατήριον имеет значение «зал судебного заседания» и «аудитория слушателей»), то есть, опубликовать свои размышления, предоставив их всем – и своим, и чужим. Этот революционный акт, как известно, позволил Платону, известному своей «критикой письма», отзываться о доступности текста Анаксагора почти уничтожительно. При этом критика Анаксагора Платоном отличается от его критики Аристотелем: Платон разочарован, Анаксагор не оправдал его надежд, его Ум остается безо всякого применения; Аристотель же считает учение Анаксагора «καινοπρεπεστέρος λέγειν» («созвучным нашему времени»), современным, несмотря на то, что идею Нуса в нем называет «μηχανή» (принято переводить как *deus ex machine*). Мнения философа Платона и ученого Аристотеля различны, полагаем мы, именно потому, что Анаксагор осуществил особый акт **текстово-**

¹⁴ Замечательное исключение – проект Барбары Кассен.

го поведения: целостную картину мира философа, созданную при помощи умозрительного происхождения идеи Нуса, предоставил на суд «всех и каждого».

Мы, разумеется, огрубели и схематизировали состояние текстовой культуры времен Анаксагора, приняв за факты разрозненные сведения из различных источников, тем самым как бы «назначив» его на роль первого издателя традиционно «школьного» и эзотерического по духу текста. Но это помогло нам объяснить генезис научного текста подчинением метафизики физике, которое оказалось неизбежным при неограниченно широком адресате философского текста. Неизбежная при этом дискурсивная неполнота, отсутствие практической компоненты философского текста, перекося в сторону теоретической сделал в последующем метафизическую компоненту излишней, а потом и неуместной. Наше философски-текстологическое решение вопроса о демаркации науки и философии позволяет в новом свете увидеть, например, проблему такого текстового формата как «учебник по философии» и подойти к ее решению с учетом его коммуникативных характеристик.

Литература

1. Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс. Круглый стол // Высшее образование в России. – 2017. – №7. – С. 46-68.

НОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

УДК 141.2:004.8

**ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ, ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА**

Михаил Юрьевич Опенков

Доктор философских наук, профессор

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Владимир Сергеевич Варакин

Кандидат философских наук

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

В данной статье Интернет вещей анализируется как новая, многослойная онтология, основанная на идее раскрепощения вещей, также раскрывается специфика его воздействия на человека. Авторы рассматривают технологические истоки (радиочастотная идентификация, ближняя бесконтактная связь и др.) и теоретические разработки (К. Эштон, М. Вейзер, Р. ван Краненбург и др.) той вычислительной сети, которая в 1999 году получила название Интернета вещей. Подчеркивается, что благодаря Интернету вещей, соединяющему в себе искусственный интеллект и человеческий разум, физическое и цифровое измерения, особую важность приобретает процесс реификации реальности (в первую очередь цифровой реальности). В работе артикулируется следующий тезис: поскольку совокупность вещей всегда порождает качественно новую вещь, Интернет вещей сам оказывается вещью, т.е. универсалией. В качестве методологической основы исследования Интернета вещей предложен концептуализм Петра Абеляра. В связи с этим данная вычислительная сеть может быть описана как концепт, фундаментальным признаком которого, согласно Абеляру, является субъектность. Такой вывод объясняется тем, что Интернет вещей способен функционировать без вмешательства человека. Отдельно раскрывается такой вариант многослойной онтологии, как дополненная реальность, погружающая человека в мир, обогащенный различными реальностями. Кроме того, авторы анализируют уровень архитектуры Интернета вещей, воплощенный в «умных городах» как своего рода сервисных компаний. В заключение утверждается, что именно в силу «вездесущести» вещей, подключенных к Интернету (т.е. их заметности лишь ввиду отсутствия) голос вещей должен быть услышан человеком. В этом и состоит реификация реальности.

Ключевые слова: Интернет вещей, многослойная онтология, реификация, вещь, универсалия, концепт, дополненная реальность, «умный город».

**INTERNET OF THINGS, AUGMENTED REALITY
AND THEIR INFLUENCE ON HUMAN BEING**

Mikhail Yurievich Openkov

DSc of Philosophy, professor

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Vladimir Sergeevich Varakin

PhD of Philosophy

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

In this article the Internet of Things is analyzed as a new, multi-layered ontology based on the idea of emancipation of things, and specificity of its impact on human being is also revealed. The authors consider technological origins (radio frequency identification, near field communication, etc.) and theoretical developments (K. Ashton, M. Weiser, R. van Kranenburg, and others) of that computer network which in 1999 was called the Internet of Things. It is emphasized that due to the Internet of Things which connects artificial intelligence and human mind, physical and digital dimensions the process of reification of reality (primarily digital reality) becomes especially important. The following thesis is articulated in the work: since the complex of things always generates a qualitatively new thing, the Internet of Things turns out itself to be a thing, i.e. universalis. Conceptualism of Pierre Abelard is proposed as a methodological basis for the study of the Internet of Things. In connection with it, this computer network can be described as a concept, the fundamental attribute of which is subjectivity, according to Abelard. This conclusion is explained by the fact that the Internet of Things is able

to function without human intervention. Such version of multi-layered ontology as augmented reality which immerses a person into the world enriched by various realities is separately disclosed. Besides, the authors analyze the level of the architecture of the Internet of Things embodied in smart cities as a kind of service companies. In conclusion, it is argued that because of “ubiquity” of things connected to the Internet (i.e. because of their visibility only due to absence) the voice of things should be heard by human. This is what reification of reality is.

Keywords: Internet of Things, multi-layered ontology, reification, thing, universalis, concept, augmented reality, smart city.

В 2003 году в мире насчитывалось примерно 500 млн подключенных к Интернету технических устройств – при общей численности населения в 6,3 млрд чел. В 2015 году таких устройств было уже 35 млрд, при том что численность населения планеты выросла лишь на миллиард [4, с. 7, 11]. На наш взгляд, эти данные говорят не о *превращении «Интернета людей» в «Интернет вещей»* (хотя их интерпретируют именно в таком ключе). Скорее, они указывают на *появление благодаря «Интернету людей» принципиально новой онтологии, основанной на способности вещей «самостоятельно или при минимальном участии человека идентифицировать реальный мир и собирать информацию о нем»* [4, с. 7].

Интернет вещей, по замечанию Эмюэла Грингарда, *соединяет искусственный интеллект и человеческий разум совершенно удивительными и часто пугающими способами*. Он может осмысливать движение между объектами и среди объектов, включая не только людей, но и животных, транспортные средства, воздушные потоки, даже вирусы [2, с. 14]. В 1988 году Марк Вейзер, исследователь из компании Хехох PARC, предсказывал, что с уменьшением стоимости, размера и энергопотребления микропроцессоров можно будет встраивать искусственный интеллект в любые предметы повседневного пользования. Вейзер назвал это явление *«вездесущей компьютеризацией»* (UbiComp – от англ. ubiquitous computing). Он считал, что компьютеры растворятся в окружающих людей предметах и станут такими же «невидимыми», как электродвигатели, шкивы и ремни. То есть *заметить их можно только в случае отсутствия* – таково популярное определение слова «вездесущий» [7, с. 221].

Решающим фактором появления Интернета вещей послужили изобретение смартфонов и их выход на рынок в 2008–2010 годах [2, с. 29]. Однако термин «Интернет вещей» был предложен гораздо раньше – в 1999 году. Его автор – Кевин Эштон, сооснователь исследовательского центра Auto-ID в Массачусетском технологическом институте (США). Эштон сыграл важную роль во внедрении *радиочастотной идентификации* (RFID – от англ. Radio Frequency IDentification) и определении ее глобальных стандартов. Вместе с ближней бесконтактной связью, штрих-кодами, QR-кодами и цифровыми водяными знаками радиочастотная идентификация «проложила мост между физическими объектами и виртуальным миром». Данная технология разрабатывалась с 1945 года (кстати, в СССР), а впервые была запатентована в 1983-м, став предвестником Интернета вещей [4, с. 9–10; 2, с. 37].

В известной статье 2009 года «Тот самый “Интернет вещей”» значение Интернета вещей как новой онтологии К. Эштон объяснил так: «Мы физичны, и такова же наша среда. Наша экономика, общество и выживание не основаны на идеях или информации – они основаны на вещах. Вы не можете съесть биты, сжечь их, чтобы согреться, или заправить ими бензобак. Идеи и информация важны, но вещи значат больше. Тем не менее сегодняшние информационные технологии настолько зависят от данных, создаваемых людьми, что наши компьютеры знают больше об идеях, чем о вещах» (перевод наш. – М.О., В.В.) [12].

Оставив в стороне очевидный здесь социоцентрический подход к пониманию информации, обозначим главное: Эштон говорит о важности *реификации* реальности (прежде всего цифровой), о необходимости *возвращения к вещам*.

Некоторые исследователи Интернета вещей разделяют входящие в его состав объекты на *«подключенные устройства»* и *«подключенные вещи»*. К первым относят физические объекты, выступающие как узлы в составе технологий Интернета вещей и способные воспринимать реальную действительность самостоятельно. А подключенными вещами называют объекты, обладающие уникальной IP-идентификацией, но не способные «захватывать данные из внешней среды» [4, с. 6–8]. Если подключенным устройством считать, допустим, смартфон, то вещью в таком случае оказываются установленные в смартфоне приложения с различными сенсорами и датчиками. Хотя так ли это? Ведь воспринимает внешнюю среду и захватывает данные о ней именно приложение.

Позиция С. Грингарда лишена вышеуказанного противоречия. Он рассматривает в качестве *вещей* любые подключаемые к Интернету или друг к другу *физические объекты* вроде компьютера, смартфона, планшета, самолетного двигателя, дверного замка, лампочки или обуви. Такие объекты всегда имеют уникальный идентификационный номер и IP-адрес. Однако в отличие от подключенных *цифровых объектов* сами по себе они генерировать и передавать информацию не могут [2, с. 33–35]. А являются ли цифровые объекты – например, аудиофайл MP3, электронная книга, онлайн-магазин – *вещами*? Конечно же, являются. Стало быть, если и предлагать к более чем двум десяткам определений Интернета вещей (от компаний Gartner, Bosch, IBM, Google, Cisco и т.д. [13]) еще одно, то акцент в нем нужно делать на том, что Интернет вещей – вычислительная сеть *не только* физических объектов, но и цифровых. Он несет в себе идею *вещи-в-вещи*. Иными словами, *Интернет вещей сам предстает как вещь, как универсалия*. Ведь совокупность, соединение определенных вещей всегда дает совершенно новую по качеству вещь [3, с. 18].

Вероятнее всего, наиболее точной методологией исследования Интернета вещей выступает *концептуализм*. Известна позиция концептуализма – «допустить в каждой единице-вещи наличие общих (эйдетических) характеристик». У Петра Абеляра вещь как целое «схвачена» в том, что является единством «данности (сделанности) и предложенности этой данности (сделанности) в концепте» [8, с. 11, 276]. Каков же концепт Интернета вещей? Полагаем, сам Интернет вещей, поскольку он *предельно субъектен*, он и есть та самая *высказанная или, вернее, высказывающая речь*, которую Абельяр осмысливал в качестве концепта [9, с. 8, 29, 30]. В конце концов, подключенные к Интернету и взаимодействующие друг с другом вещи могут обрабатывать, хранить, передавать, координировать информацию, получаемую из внешней среды, и при необходимости менять свою конфигурацию или свой режим работы *без вмешательства человека* [10, с. 29].

Историю развития технологий всегда сопровождали оптимистические, даже утопические, ожидания более здорового и более счастливого будущего, где появится «больше возможностей для отдыха и развлечений». Однако Интернет вещей, как указывает С. Грингард, принесет с собой и новые трудности – в том числе задачи, связанные с безопасностью, конфиденциальностью и касающиеся «вообще нашей жизни в новом цифровом мире». Он окажется предметом споров и разногласий в обществе, вызовет новые вопросы о цифровых имущих и неимущих, потребует введения новых законов [2, с. 138, 140].

Польза подключенных вещей состоит, разумеется, отнюдь не в том, чтобы с помощью специального приложения для смартфона заводить двигатель автомобиля или регулировать температуру в квартире. Настоящая польза появится тогда, когда целые сети подключенных вещей «будут обмениваться данными и применять их на практике». И в итоге «продукты эволюции технологий совершат революцию». Без общих стандартов, а главное, без четких требований в сфере управления данными «огромный экономический потенциал Интернета вещей не будет реализован» [2, с. 120, 122].

Все это буквально по Абеляру: «...любые субстанции нужно называть *благими вещами*, так как они, например, могут приносить некую пользу, и с их помощью необходимо не *ущемляется ни положение, ни польза*» [1, с. 605].

Итак, ключевым моментом информационной эры оказывается растворение технологий во внешней среде. Понимаемые в привычном смысле компьютеры исчезают, наделяя вычислительными способностями окружающие людей вещи. И вещи становятся интеллектуальными, при этом обретая: 1) уникальный для каждой из них адрес; 2) способность воспринимать реальную действительность; 3) память; 4) способность обрабатывать информацию; 5) способность коммуницировать с другими вещами, сетями и людьми [10, с. 22–23].

Если RFID-чипы, эти предвестники Интернета вещей, были ориентированы на физические объекты, то *дополненная реальность* (augmented reality) имеет дело с *восприятием человека*. Дополненная реальность – это технология распознавания образов. Она позволяет накладывать на объекты реального ландшафта конкретную текстовую или мультимедийную информацию, тем самым полностью погружая человека в *обогащенный дополнительными реальностями мир* [10, с. 29–30, 32].

Где складка, где точка перегиба? Где сходятся виртуальное и реальное? В дополненной реальности. Это создает новый вариант *многослойной онтологии*.

Между тем в 2013 году Роб ван Краненбург из Тилбургского университета (Нидерланды) указал на то, что у Интернета вещей *четырёхуровневая архитектура*:

- BAN (Body Area Network) – *человеческое тело*: слуховые аппараты, «умные футболки»;
- LAN (Local Area Network) – *личная территория*: датчики измерения различных параметров, объединенные в «умный дом»;
- WAN (Wide Area Network) – *городское пространство*: велосипеды, автомобили, поезда, автобусы, дроны, подключенные к Интернету;
- VWAN (Very Wide Area Network) – *«мудрые» города* как сервисы электронного правительства: государственные услуги не привязаны к физическим местам [6; 14].

Примечателен четвертый уровень. Концепция «мудрых» городов (“wise” cities – в терминологии ван Краненбурга) или «умных городов» (smart cities – в общепринятой терминологии) предполагает снижение нагрузки на действующие городские службы и инфраструктуры через внедрение различных датчиков и анализаторов в сферах общественного транспорта и общественной безопасности, энергетики и здравоохранения [4, с. 123–127]. Однако в реализации данной концепции есть и инновационные решения – *IT-города, или города-как-сервисные-компании*. На основе цифровых технологий они связывают воедино людей, коммерческие службы, общественные и государственные учреждения. Именно таким городом является Иннополис, с декабря 2014 года официально существующий на карте России (в Верхнеуслонском районе Республики Татарстан) [5].

Таким образом, Интернет вещей – это, по выражению К. Эштона, «не просто “штрих-код на стероидах” или способ ускорить платные дороги» [12]. Михаил Эпштейн называет Интернет вещей *философией раскрепощения вещей*, наделяющей их голосом и достоинством. Может быть, благодаря такой философии и образуется то, что исследователь определил как «человечность» – сентиментальное братство людей и вещей? «Может быть, сегодня человечество находит технические средства не только “блести совесть” по отношению к вещам, но и вступать в общение с ними, предоставить им право *вещать*?» [11]. Ведь *голос* Интернета вещей нельзя не заметить.

1. Абеляр П. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином // Абеляр П. Теологические трактаты / сост., пер. с лат., ввводн. ст., коммент., указатели Св. Неретиной. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 484–606.
2. Грингард С. Интернет вещей: Будущее уже здесь / пер. с англ. М. Трощенко. – М.: Альпина Паблшер, 2016. – 188 с.
3. Донской Б.Л. Реальная действительность: Что такое вещь? – М.: КомКнига, 2006. – 96 с.
4. Зараменских Е.П., Артемьев И.Е. Интернет вещей. Исследования и область применения: монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 188 с.
5. Иннополис – официальный сайт города: История города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://innopolis.ru/city/history/> (дата обращения: 30.09.2017).
6. Краненбург, Р., ван. Что такое IoT? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://internetofthings.ru/21-rob-van-kranenburg-cto-takoe-iot> (дата обращения: 30.09.2017).
7. Маркофф Д. Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / пер. с англ. В. Ионова, С. Махарадзе. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 406 с.
8. Неретина С.С., Огурцов А.П. Реабилитация вещи. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2010. – 800 с.
9. Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – 277 с.
10. Чеклецов В.В. Чувство планеты (Интернет Вещей и следующая технологическая революция). – М.: Рос. исслед. центр по Интернету Вещей, 2013. – 130 с.
11. Эпштейн М. Умный мусорный бак и судьбы цивилизации // Частный корреспондент. – 2014. – 25 нояб. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/umnyj_musornyj_bak_i_sudby_tsivilizatsii_37040 (дата обращения: 29.09.17).
12. Ashton K. That «Internet of Things» Thing: In the Real World, Things Matter More than Ideas [Electronic resource] // RFID Journal. – 2009. – 20 Jun. – URL: <http://www.rfidjournal.com/articles/view?4986> (date of application: 29.09.2017).
13. Internet of Things – the Complete Online Guide to the IoT [Electronic resource]. – URL: <https://www.i-scoop.eu/internet-of-things-guide> (date of application: 29.09.2017).
14. Kranenburg, R. van. What is IoT? – URL: <https://www.theinternetofthings.eu/rob-van-kranenburg-what-iot> (date of application: 30.09.2017).

УДК 008

КУЛЬТУРА КАК ЛИНЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ НЕЛИНЕЙНОГО РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рафаиль Асгатович Нуруллин

Доктор философских наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет

В эпоху становления глобальной информационной цивилизации влияние традиционных культур на формирование общественного сознания постепенно теряет свои определяющие позиции. Идеологию современного общества начинает определять не духовные ценности культуры, а ценности цивилизации, интересы которой лежат в области производства и потребления материальных благ и денег. Данная ценностная установка тактически способствует увеличению материального благосостояния отдельных субъектов общества, но в стратегическом плане ведет к углублению глобальных проблем и угрозе гибели человечества. Этот перекосяк ценностей обусловлен различием динамик развития культуры и цивилизации. Если развитие цивилизации носит нелинейный характер и подчинено динамике смены поколения технологий, то характер развития культуры подчинен динамике смены поколения людей и описывается линейной функцией. В эпоху информационной цивилизации динамика развития цивилизации стала явно опережать уровень духовности в обществе. В достижении соответствия уровня производства и потребления благ к уровню духовных ценностей огромная роль принадлежит системе образования, которая в новых условиях должна реализовывать свои отношения с культурой и цивилизацией на принципах отрицательной обратной связи в противоположность существующим отношениям. Организация в структуре общества такой системы самоуправления, с одной стороны, не давала бы культуре превращать те или иные формы общественного сознания в идеологию, а с другой, не позволять цивилизации превратить все общественные отношения, включая и структуру профессионального образования, в гипертрофированную власть денег, вещей и услуг.

Ключевые слова: линейность, нелинейность, культура, цивилизация, образование, личность открывателя, личность изобретателя.

CULTURE AS A LINEAR PRODUCTION OF INNOVATIONS IN CONDITIONS OF NONLINEAR DEVELOPMENT OF INNOVATIVE CIVILIZATION

Rafail Asgatovich Nurullin
DSc in Philosophy, professor
Kazan (Volga Region) Federal University

In the era of the formation of a global information civilization, the influence of traditional cultures on the formation of public consciousness is gradually losing its defining positions. Not the spiritual values of culture, but the values of civilization, whose interests lie in the production and consumption of material goods and money, begin to determine the ideology of modern society. This value setting tactically contributes to increasing the material well-being of individual subjects of society, but in the strategic plan leads to deepening of global problems and the threat of the death of mankind. This imbalance of values is due to the difference in the dynamics of the development of culture and civilization. If the development of civilization is non-linear in nature and is subordinated to the dynamics of the change in the generation of technology, then the nature of the development of culture is subordinate to the dynamics of a change in the generation of people and is described by a linear function. In the era of information civilization, the dynamics of the development of civilization begins to clearly outstrip the level of spirituality in society. In achieving the conformity of the level of production and consumption of goods to the level of spiritual values, an important role belongs to the system of education, which under new conditions must realize its relations with culture and civilization on the principles of negative feedback in contrast to existing relations. The organization the system of self-government in the structure of society, on the one hand, would not allow the culture to turn certain forms of public consciousness into ideology, and on the other hand, would not allow the civilization to transform all social relations, including the structure of vocational education, into the hypertrophied power of money, things and services.

Keywords: linearity, nonlinearity, culture, civilization, education, the personality of the discoverer, the personality of the inventor.

Динамика общественных процессов сегодня приобрела явно нелинейный характер, но осознание нелинейности социального времени в истории складывалось постепенно в несколько этапов. Говоря о времени в реальном плане предполагается отражение некоторой всегда ограниченной временности изменений явлений и вещей, то есть длительности и интенсивности протекания тех или иных процессов в мире, с которыми со-бытийствует человек. В качестве опорных процессов для оценки всех явлений, оказались удобными относительно устойчивые периодические изменения, например, вращения небесных тел, стрелок часов и др., определяющих представления концептуального времени. По отношению к концептуальному времени наше сознание уже может строить относительно объективные представления о процессах окружающего мира, которые наиболее полно раскрываются в понятии «развитие». Концептуальное время в науке постулируется так, что оно течет равномерно от прошлого через настоящее к будущему. Но состояний движения мира в целом человеку, будучи частью процесса Вселенной, в принципе не дано зафиксировать, так как он сам является процессом и все вокруг него менялось бы вместе со временем как Время. По Э. Маху например, время само по себе есть неverifiedируемое метафизическое понятие, а потому не может претендовать на объект научного познания [3, с. 69–86]. Такие философы как Д. Юм и И. Кант также отказывали времени в объективном существовании и рассматривали время как априорную функцию сознания, позволяющую человеку организовывать случайный мир явлений сообразно собственному мышлению [13, с. 7–18].

В древности господствовало циклическое представление о времени и длительный период истории понятия развития вообще не существовало [11, с. 31–39]. Шаг в сторону понимания развития был сделан в средневековой философии. Для религиозного человека жизнь есть напряженное ожидание будущего (пришествие Спасителя), которое приводило к представлениям о временной направленности и неповторимости событий индивидуальной и общественной жизни. Здесь преодолевается временная цикличность, и у человеческой истории появляется начало и конец [6, с. 5].

Важным историческим шагом в осознании характера динамики социальной жизни и места человека в обществе явилась эпоха Возрождения. Вертикальная иерархия отношений по линии «Бог→человек→природа» средневековой онтологии, построенной на авторитете воззрений Платона и Аристотеля, сменяется горизонтальными, пантеистическими, эстетическими отношениями «Бог=природа=человек». Здесь Бог теряет трансцендентность и становится доступным человеческому сознанию, посредством магического познания природы. Возрождение в качестве идеала человеческой личности стало рассматривать универсализм. Идеи гуманизма, как идеалы антропоцентристского мировоззрения Возрождения, способствовали становлению механицистских воззрений на природу. Следующим шагом на пути к отражению макроскопической нелинейности процессов во времени сделала философия Нового времени, которая связана с появлением идеи линейно-восходящего развития природы [7]. Дальнейшее углубление понимания ускорения общего ритма истории связывается с деятельностью мыслителей Просвещения,

которые идеи развития механистически распространили на общество [9 с. 35]. Ф.-М. Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Ж.А. Кондорсе выдвинули идею исторического развития и прогресса, движущими силами которого были духовные факторы отдельной личности (воспитание, образование, мораль, религия и т.п.). Результатом такого взгляда на общество стал гуманизм с новым идейным содержанием «свободы, равенства и братства» [8, с. 227–228]. Просвещение, как и Возрождение, видело построение совершенного общества через формирование идеального человека, который мыслился как просвещенный носитель всеобщего разума.

Если идея прогресса эпохи Просвещения рассматривается как линейная функция зависимости производства материальных благ цивилизации во времени, то в Новейшее время умы мыслителей начинают завоевывать идея нелинейности общественного развития, которая связана со становлением системного мышления. Первый шаг к осознанию системности научного мышления сделал И. Кант. Он выдвинул идею развития Солнечной системы и других звезд, а также идею развития нравственности [10, с. 86–116]. И. Кант совершил переворот в философии, осуществив переход от метафизики субстанции к понятийному конструированию мыслительных возможностей человека. Показал исключительность априорных форм познания на уровне оформления восприятия, рассудка и разума [4, с. 266–287]. Все эти познавательные характеристики субъекта, по Канту, придают знанию системность как главного признака научного мышления. В дальнейшем идеи системности нашли свое развитие сначала в лоне идеалистической Немецкой классической философии [5, с. 41–162], а далее, в материалистической философии К. Маркса и Ф. Энгельса. Так Г. Гегель разработал концепцию системного развития истории человечества. Он рассматривал становление объективного духа (развитие истории и культуры) как производное от движения Абсолютного Духа к Абсолютной Идее в процессе постижения Абсолютной Истины. К. Маркс, перенеся систему диалектики Г. Гегеля на активную материю, разработал идею естественного развития общества. По его мнению, все в обществе есть результат сознательного целесообразного действия людей, но конкретный человек отчужден от результатов своего труда.

Общим между этими противоположными образами мира является системный подход, который приходит на смену механицистским представлениям. При системном подходе меняется отношение ко времени. Время, а точнее, процессы во времени – это уже не просто направленный процесс, как это было в представлениях средневековых мыслителей; и не есть простое линейное прогрессивное изменение природы и общества, как представлялось философам Нового времени и Просвещения, соответственно; а отражает нелинейный, скачкообразный характер процессов в мире. Здесь качество системы в целом не совпадает и не сводится к сумме свойств составляющих ее частей [2, с. 271–275]. Оказалось, что целостные свойства системы более определяются структурой, а не свойствами своих частей. В организации социума приоритет стал отдаваться эмерджентным качествам системы, что, одновременно, приводило к элиминации значимости качеств составляющих ее частей. В умах ученых и социологов стала утверждаться идея главенства общественных ценностей над индивидуальными. И человек все больше стал рассматриваться простым агентом отражения структуры общественных отношений, в которые он вовлечен в экономической деятельности, происхождения, классовой принадлежности и т.п. [12, с. 235–244].

В начале XX века идея системности стала проникать в естествознание, которая связана появлением работ по теории систем В.В. Богданова и Л. фон Берталанфи. Создание теории систем определило начало становления междисциплинарного уровня развития науки. На базе теории систем в конце 40-ых годов возникает кибернетика как теория систем управления Н. Винера, а в 80-ые годы – синергетика как теория развивающихся систем в работах Г. Хакена и И. Пригожина. Достижения в области междисциплинарных наук привели в конце XX века к становлению нового постнеклассического идеала рациональности, без которого сегодня не обходится ни одно научное представление о мире [16, с. 163–207]. Синергетика открывает созидательную ценность случайности при возникновении нового. Случайность из меры нашего незнания начинает рассматриваться как флуктуирующая сингулярность множества необходимостей, которая определяет богатство возможностей в развитии самоорганизующихся (диссипативных, открытых, нелинейных) систем [15, с.162].

Логический анализ истории показывает экспоненциальный характер роста динамики общественных процессов. Если раньше на начальных этапах человеческой истории мы не наблюдаем частых качественных изменений в укладе жизни людей (сначала даже за тысячелетия, потом за столетия), то сегодня за относительно короткое время (намного меньше длительности существования одного поколения людей) человечество переживает множество революционных технологических перемен на Земле как в техническом, так и социальном отношениях [1, с. 287–303].

Сегодня динамика социальных процессов, благодаря нелинейному характеру развития цивилизации, быстро меняется. Поэтому профессиональное образование (и как институт, и как педагогическая система) должно представлять собой не просто систему управления, а относительно самоорганизующуюся систему, развивающуюся в условиях глобальной интеграции общества. Это требует создания в структуре общества системы самоуправления через отрицательные обратные связи, которые, с одной стороны, не давали бы культуре превращать те или иные формы общественного сознания в идеологию, а с другой – цивилизации превратить все общественные отношения, включая и структуру профессионального образования, в гипертрофированную власть денег, вещей и услуг. В этом смысле, сама структура системы современного профессионального образования должна воплощать собой идеал гармоничного целостного сосуществования культуры и цивилизации.

Исключительное положение образования состоит в том, что оно синтезирует в себе несводимые друг к другу аспекты общества. Образование, по форме организации в качестве социального института, функционально напоминает структуру цивилизации, так как связано с тиражированием и производством количества как-то обученных людей, а по содержанию, имеет дело с воспитанием и с трансляцией из поколения в поколение людей исторического опыта, идей и знаний. Другими словами, образование по содержанию имеет дело с системой ценностей культуры, необходимых для существования и развития личности и общества.

Классический университет, в отличие от других институциональных форм образования, призван формировать личность открывателя, разум которого принципиально отличается от личности изобретателя. Разум открывателя – это разум сократовского типа. Сократ, всеми прославившим непревзойденным мудрецом, сам пришел к мысли, что он *лишь знает то*, что ничего не знает [14, с. 276]. В этом же ключе говорит о разуме и Кант, определяя его как априорное знание человека о своем незнании Космоса, души и Бога [4, с. 266–287]. Таким образом, разум открывателя, основанный на принципе «знания человека о своем незнании», принципиально отличается от разума изобретателя, основанного на принципе «знания человека о своем знании».

Образование – это единство знания и воспитания. Поэтому от расстановки акцентов составляющих образование (мировоззрения и обучения) зависит тип личности, который получим на выходе того или иного образовательного учреждения. Система образования находится под действием двух дополнительных друг к другу систем – культуры и цивилизации. В условиях открытого мира рычаги управления институтами общества оказываются в руках интересов глобальной цивилизации, которая развиваясь, элиминирует значение частных культур. Сегодня частные модернистские системы культуры оказались в положении провинциальных, а потому ограничены в осуществлении своих идеологических, а следовательно, воспитательных функций в обществе и образовании. В этих условиях воспитательную миссию на себя возложила цивилизация, ценности которой лежат в области производства и потребления материальных благ. Теоретически необходим баланс между духовными ценностями культуры и производством/потреблением благ цивилизации, который осуществлялся бы на принципах отрицательной обратной связи. Если культура развивается по линейному закону и подчинена динамике смены поколений людей, то развитие цивилизации носит нелинейный характер и определяется динамикой смены поколения технологий. Начиная с 70-х гг. XX века динамика развития материальной цивилизации явно стала доминировать над динамикой развития духовной культуры. Сегодня человечество живет в эпоху постмодерна, которая выступает как идеология информационной цивилизации и в каком-то смысле противостоит культуре модерна.

Теоретически, культура и цивилизация должны составлять подвижное единство дополнительных друг к другу противоположностей, которые через петли отрицательной обратной связи не должны допускать абсолютизации влияния своих институтов на общество и человечество в целом. В осуществлении отрицательной обратной связи между культурой и цивилизацией исключительное значение приобретает организация системы образования. Прежняя система образования эпохи модерна во все времена стремилась к осуществлению положительной обратной связи в отношениях между культурой и цивилизацией. Это всегда приводило к гипертрофированному восприятию идей: либо культуры в качестве идеологии тех или иных ценностей своего времени (например, политической идеологии в странах социалистического лагеря); либо ценностей цивилизации в качестве идеологии денег (в странах западного мира). В современных условиях информационной цивилизации и осознания человечеством своих границ взаимосвязанного существования рамками планеты, роль образования следует пересмотреть и преобразовать в механизм реализации отрицательной обратной связи.

Сегодня в условиях открытого общества баланс между ценностями духовной культуры и благами цивилизации определяет интересы экономики. В этих условиях классические университеты вынуждены заниматься, в общем-то, несвойственными им вещами. Экономике всегда был нужен быстрый результат, а не фундаментальные исследования с непредсказуемым практическим результатом. Классический университет, в отличие от других типов научно-образовательных учреждений, должен ориентировать человека на новации и открытия. Последнее достигается посредством формирования личности с целостным мировоззрением на основе усвоения фундаментальных знаний. Именно в фундаментальной части наука как форма общественного сознания выступает в качестве составляющей культуры и влияет на формирование личности открывателя. Наука в прикладном значении оказывается более ориентированной на потребности цивилизации. Идеология цивилизации, в отличие от идеологии культуры, ориентирует человека на мелкий креатив, на инновации и изобретения, работающие на потребности экономики. Известно, что одно открытие способно выступить основанием для сотен изобретений. Поэтому задачи классического университета как института культуры носят более грандиозный характер, чем задачи институтов цивилизации – университетов технического или технологического профиля. Здесь имеется в виду не критика изобретательства и институтов, работающих на потребу цивилизации; мы выступаем за правильную расстановку акцентов, где каждое профильное учреждение занималось бы своим делом.

1. Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? // Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. – М.: Издательский дом «Новый век», 2002. – С. 287–303.
2. Богданов А.А. Социализм науки: Научные задачи пролетариата // Сб.: Русский позитивизм: Лесевич, Юшкевич, Богданов / Сост.: С.С. Гусев. – СПб.: Наука, 1995. — С. 271–275.
3. Владимиров Ю.С. Реляционная концепция Лейбница–Маха / Метафизика: Научный журнал. – 2016. – № 3 (21). – С. 69–86.
4. Гайденко П.П. Иммануил Кант: от субстанции к субъекту, от бытия к деятельности // История ново-европейской философии в ее связи с наукой. – М.: Книжный дом, 2011. – С. 266–287.
5. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
6. Гуссерль Э. Собрание сочинений: в 3 т. Т.1. / Феноменология внутреннего сознания времени. – М.: Издательство «Гнозис», РИГ «ЛОГОС», 1994. – 177 с.
7. Декарт Р. Космогония. Два трактата. Трактат о свете. Описание человеческого тела и трактат об образовании животного. – М.: Либроком, 2015. – 330 с.
8. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М., 1936.
9. Межуев В.М. Как возможна философия культуры? // Сб. ст. От философии жизни к философии культуры / Отв. ред. В.П. Визгин. – СПб.: Алетейя, 2001. С. 35.
10. Нарский И.С. Иммануил Кант. – М.: Мысль, 1976. – 208 с.
11. Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 206 с.
12. Митин М.Б., Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. Личность в XX столетии: Анализ буржуазных теорий. – М.: Мысль, 1979. – 263 с.
13. Ойзерман Т.И. Кантовская концепция пространства и времени // Кантовский сборник. – 2009. – № 1(29). – С. 7–18.
14. Платон. Диалоги: Протагор, Большой Иппий, Иппий Меньший, Евтидем, Евтифрон, Апология Сократа, Критрон: Монография / Платон. – М.: Академический проект; Триеста, 2011. – 351 с.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
16. Стёпин В.С. История и философия науки. – М.: Высшая школа, 2011. –С. 163–207.

УДК 111+113

**БЫТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ:
МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Натан Моисеевич Солодухо

Доктор философских наук, профессор

Казанского национального исследовательский технический университет

им. А.Н.Туполева - КАИ

Проблему бытия и становления автор статьи предлагает рассматривать на двух уровнях философского знания: метафизическом и онтологическом. Метафизический план проблемы приводит к исходной философской проблеме – соотношению «бытие – небытие», онтологический план рассматривается с позиции общенаучного гомогенно-гетерогенного познавательного подхода в контексте общей теории неоднородности. Автор исходит из того, что небытие как метафизическая сущность подстилает бытие, выступающее содержанием онтологического аспекта мира. Небытие – это потенциал нового предмета: небытие высвобождает место для разрастающегося зародыша за счет разрушения или изменения иных материальных объектов. В небытии заложен заряд бесчисленных возможностей, из которых реализуется в бытии всегда лишь одна. Пока небытие не отпустит конкретное ничто, на его месте со стороны бытия не появится конкретное нечто. Понимание становления на онтолого-научном уровне объясняется понятиями и принципами авторской общей теории неоднородности: показывается роль однородности, локальных и распределенных неоднородностей в процессе возникновения, функционирования, развития и разрушения систем различной природы. Полученные выводы иллюстрируются обращением к моделям эволюции и революции научного знания (Э. Нагель, Т. Кун и др.).

Ключевые слова: бытие, небытие, становление, однородность, локальная неоднородность, распределенная неоднородность, общая теория неоднородности, модель развития научного знания.

BEING AND BECOMING: MATAPHYSICAL AND ONTOLOGICAL ASPECTS

Nathan Moiseevich Solodukho

DSc of Philosophy, Professor

Kazan National Research Technical University named A. N. Tupolev – KAI

The author of the article proposes to consider the problem of being and becoming on two levels of philosophical knowledge: metaphysical and ontological. The metaphysical plan of the problem leads to the initial philosophical problem – the relation "being – non-being", the ontological plan is viewed from the position of a general scientific homogeneous-heterogeneous cognitive approach in the context of the general theory of heterogeneity. The author proceeds from the premise that non-being, as a metaphysical entity, underlies the being, which is the content of the ontological aspect of the world. Non-being is the potential of a new object: non-being releases space for a growing germ by destroying or changing another material objects. In non-being there is a charge of innumerable possibilities, of which only one is realized in being. Until non-being releases a concrete nothing, in its place from the side of being there will not appear a concrete something. The understanding of becoming on an ontological-scientific level is explained by the concepts and principles of the author's general theory of heterogeneity: the role of homogeneity, local and distributed heterogeneities in the process of the emergence, functioning, development and destruction of systems of different-quality systems is shown. The obtained conclusions are illustrated by an appeal to the models of evolution and the revolution of scientific knowledge (E. Nagel, T. Kuhn, etc.).

Keywords: being, non-being, becoming, homogeneity, nonlocal heterogeneity, distributed heterogeneity, general theory of heterogeneity, model for the development of scientific knowledge.

В статье ставится задача раскрытия сущности бытия и становления в двух планах: во-первых, фундаментальный философский план на грани перехода от метафизики к онтологии и, во-вторых, онтологический переходной философско-научный план. В первом случае существует необходимость обратиться к исходной философской проблеме отношения бытия и небытия [4, 5, 8], во втором случае предлагается использовать общенаучный гомогенно-гетерогенный подход [6, 7].

1. По моему мнению, следует различать содержание метафизики и онтологии, учитывая их отличие и область пересечения. Исторический обзор соотношения метафизики и онтологии дается автором в работе [8]. Итог схематично и достаточно лапидарно представлен на схеме 1, которая позволяет заключить, что центральным понятием пересекающихся интересов метафизики и онтологии выступает категория бытия. При этом область метафизического содержит, в основном, небытийные характеристики мира (по отношению к существующему в действительности), а в сфере интересов онтологии – это, прежде всего, бытийные компоненты действительности. Поэтому можно говорить, что проблема соотношения бытия и небытия в целом выражает проблему отношения между онтологией и метафизикой.

Соотносительные определения бытия и небытия будут следующими: *бытие* – это реальность существования или существующая реальность, в свою очередь, *небытие* – реальность несуществования, несуществующая реальность. Небытие как сущность метафизического подстигает бытие, выступающее содержанием онтологического.

Если форма проявления бытия – нечто, то форма проявления небытия – ничто. При этом следует различать *ничто предметное* и *ничто беспредметное*. Ничто предметное имеет направленность на предмет как таковой, на конкретный предмет бытия. Отсутствие последнего или его видоизменение приводит к предметному ничто. Это онтологическое проявление небытия. Ничто беспредметное не имеет ориентации на конкретный предмет бытия. Беспредметное ничто выражает отсутствие форм бытия вообще. Это метафизическое проявление небытия. Ничто предметное – из сферы относительного небытия. Ничто беспредметное – из сферы абсолютного небытия. И относительное, и абсолютное небытие оказываются реальными. В небытии заложен заряд бесчисленных возможностей, из которых реализуется в бытии всегда лишь одна. Прошлое и будущее – в небытии, настоящее – бытийно. Если пространство и время принадлежат бытию, то бесконечность и вечность – достояние небытия.

Конкретное небытие имеет несобственное время – бытийное время. Временная система отсчета относительного небытия заключена в реальных формах бытия. Собственное время абсолютного небытия – вечность. А потому небытие пребывает в безвремяе. Абсолютное небытие есть всегда.

Конкретное небытие локализовано в несобственном, бытийном пространстве. То, чего еще нет или уже нет, – нет вполне ощутимо для субъекта бытия. Особенно остро ощущается смерть – небытие близкого человека. Абсолютное небытие не имеет пространственной локализации. Собственное пространство абсолютного небытия – бесконечность. Абсолютное небытие всюду в собственном пространстве – бесконечности и нигде в пространстве бытия. Абсолютное небытие – небытийная реальность. Разговор о субстанциальном небытии – настоящая метафизика. Это разговор о реально существующем сверхчувственном основании мира.

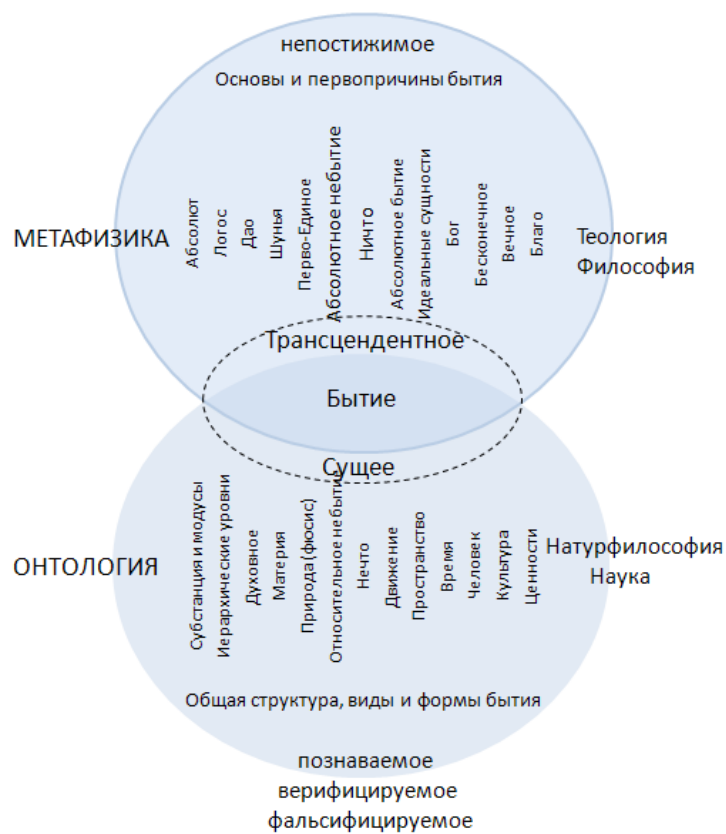

Схема 1. Отношение онтологии и метафизики

Что в этой связи можно сказать о становлении? О *становлении* как возникновении нового нечего от его зарождения до созревания в целостную систему. Небытие служит условием появления и роста нового бытийного объекта, предоставляя все новые области, не занятые бытием. По Пармениду, новому появиться некуда, так как все бытие – сплошное, однородное, без перерывов. Но именно поэтому возникающий материальный предмет должен где-то прорезаться, прорваться, потеснить другие материальные объекты за счет резервов небытия. Ведь нового нечего прежде не было никогда. Вот это «не было» и означает, что новый предмет до появления как таковой находился в небытии, был нигде и никаким. С одной стороны, идет обмен один на один нечего существующего на нечего становящееся. Небытие – это потенциал нового предмета, небытие высвобождает место для разрастающегося зародыша за счет разрушения или изменения иных материальных объектов. С другой стороны, пока небытие не отпустит конкретное ничто, на его месте со стороны бытия не появится конкретное нечего.

2. Механизм становления нового в бытии может быть описан в понятиях общей теории неоднородности, которая призвана на онтолого-научном уровне объяснить причины и показать механизмы возникновения, структурирования, функционирования и развития систем, вплоть до их разрушения и перехода в другие системы. В рамках этой теории формулируется общенаучный *гомогенно-гетерогенный подход*, опирающийся на совокупность принципов, выведенных мною из анализа конкретных наук. Приведем эти принципы, говорящие сами за себя, и отметим, что принципы гомогетерогеники имеют области пересечения с синергетикой, что специально рассматривается в коллективной монографии [3, с. 13-15]. При этом под *однородностью* понимается сходство, а под *неоднородностью* – различия в генезисе, составе и основных свойствах систем и их компонентов.

Первый принцип – *принцип однородности системы*. С ним связаны следующие положения: 1) между однородностью и сохранением системы существует взаимная корреляция; 2) пространственная и временная однородность является условием сохранения законов функционирования и развития; 3) однородный во времени процесс (поток) обеспечивается стационарным градиентом сил; 4) внутренняя однородность есть фактор временной стабильности системы, а также ее постепенной стагнации; 5) однородность окружающей среды выступает внешним условием равновесия системы; 6) однородность – условие преемственности в развитии; 7) однородность служит основой единообразия компонентов системы.

Второй принцип – *принцип неоднородности системы*. На него опираются следующие положения и закономерности: 1) между неоднородностью и изменением (самоорганизацией) существует корреляция; 2) неоднородность – источник неравновесных состояний и процессов; 3) распределенная в системе неоднородность является основой спонтанных процессов; 4) распределенная неоднородность выступает условием диссипативных процессов в системе; 5) распределенная неоднородность вместе с дифференцированностью определяет динамическую структуру системы; 6) распределенная в системе неоднородность лежит в основе разнообразия и иерархии компонентов системы; 7) локализованные неоднородности служат зародышем или областью перехода системы в новое качество; 8) локализованные неоднородности являются связующим звеном между новым и старым состоянием системы, а также очагом разрушения старой системы; 9) локализованные неоднородности выступают в системе центрами концентрации вещества, энергии и информации; 10) пространственная и временная неоднородность внешней среды способствует развитию механизмов адаптации системы.

Третий принцип – *принцип единства однородности и неоднородности в системе*. С этим принципом связаны такие корреляции и общие законы: 1) динамически устойчивая система имеет оптимальное соотношение однородных и неоднородных компонентов; 2) квазиоднородная открытая система неустойчива и имеет тенденцию к спонтанной дифференциации на неоднородные части; 3) накопление относительно однородных компонентов в системе приводит к образованию новых неоднородных иерархических структур; 4) нарушение однородного устойчивого состояния системы и ее переход в новое качество начинается с малой неоднородности – флуктуации; 5) в открытой системе неэнтропийный процесс ведет к возрастанию неоднородности ее состава и/или связей компонентов; 6) замкнутая неоднородная система со временем самопроизвольно переходит в однородное состояние (что связано со вторым началом термодинамики); 7) единство однородности и неоднородности является фактором целостности системы.

Проиллюстрируем применение гомогенно-гетерогенных представлений к проблеме эволюции и развития научного знания на примерах моделей эволюции и революции научных теорий в философии науки. Начнем с того, что в модели механизма эволюционного развития науки американским философом и логиком Э. Нагелем в качестве базисных используются понятия «гомогенная редукция» и «гетерогенная редукция», когда речь идет о возможности сведения научного аппарата новых теорий к понятиям и принципам первичной теории [1].

Эволюционное развитие возможно, хотя и на протяжении значительных периодов, но до определенных пределов, лишь в рамках исторически детерминированных «глобальных интеллектуальных структур», которые Т. Кун называет «парадигмами», С. Тулмин – «идеалами естественного порядка», И. Лакатос – «исследовательскими программами», Дж. Холтон – «тематическими понятиями» и т.д. Эти структуры обеспечивают глубинную однородность и соизмеримость внешне разнородных компонентов научного знания, выполняют функцию селекции возможных и невозможных научных идей.

Гомогетерогенные представления вполне могут быть применены и к революционным изменениям в науке. Революционное развитие предполагает существенное обновление и модификацию ее концептуального арсенала, переход на принципиально новый, более глубокий уровень понимания сущности исследуемых явлений. Так, в соответствии с концепцией Т.Куна [2], научные революции сопровождаются сменой научной парадигмы с относительно однородной для научного сообщества системой научных положений и установок. Условием революционного перехода является, во-первых, возникновение «неустойчивости» ранее устойчивых интеллектуальных структур, что проявляется в их исчерпаемости (отсутствии эвристического потенциала), невозможности ассимилировать новые эмпирические факты, внутренней противоречивости, антиномичности, во-вторых, наличие новых «затравочных» идей, открывающих направление перестройки наличного знания. Вполне можно сказать, что научные революции (в том числе и «микроэволюции») начинаются с локальных неоднородностей. Представления о «научных неоднородностях» (экспериментальных, эмпирических и теоретических и т.п.), развиваемые в рамках гомогенно-гетерогенного подхода, близки понятию «аномальные факты» в концепции Т.Куна, примеры которых он приводит в книге «Структура научных революций»: открытие кислорода (Шееле, Пристли, Лавуазье), рентгеновских лучей (Рентген), деление урана и др., послужившие толчками к научным революциям.

Таким образом, бытие и становление получают трактовку в системе отношения бытия и небытия на пересечении областей метафизики и онтологии, а общенаучное понимание причин и механизмов становления новых форм бытия выявляется на базе гомогенно-гетерогенного подхода. Полученные выводы подтверждаются, в частности, при обращении к моделям эволюции и революции научного знания.

Литература

1. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / пер. с англ. К. С. Куслия. – Челябинск: Социум, 2010. – 655 с.
2. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
3. Общая теория неоднородности и синергетика об организации систем / Под общ. ред. Н. М. Солодухо. По матер. Международного (СНГ) семинара. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2006. – 183 с.
4. Проблема соотношения бытия и небытия: Колл. монография / Под общ. ред. Н. М. Солодухо. По матер. всерос. семинара. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2004. – 140 с.

5. Солодухо Н.М. Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопросы философии. – 2001. – №6. – С. 176—184.
6. Солодухо Н.М. Гомогенно-гетерогенный подход в структуре гомогетерогеники. Учебно-научное издание. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2006. – 100 с.
7. Солодухо Н.М. Однородность и неоднородность в развитии систем: Монография. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 176 с.
8. Солодухо Н.М. Проблема отношения онтологии и метафизики // Современная онтология II: Материалы междунаучной конференции «Бытие как центральная проблема онтологии» / Под ред. М.С.Уварова. – СПб.: Изд. Дом С.-Петербур. госуд. ун-та, 2007. – С.14-22.
9. Солодухо Н.М. Философия небытия: Монография. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. – 146 с.
10. Nagel E. The Structure of Science. – N.Y., 1961. – 354 p.

УДК 111.12

НОВАЦИОНИЗМ ВМЕСТО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ВЫЗОВ СУЩЕСТВОВАНИЮ НОМО ГЕНУС И ЕГО ОБЩЕСТВА

Владимир Александрович Кутырев

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Владимир Владимирович Слюсарев

Аспирант кафедры философии

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Показана противоположность идеологии устойчивого и современного новационного развития общества. Делается акцент на прогнозировании возможных угроз трансформации программы устойчивого развития в программу рыночного потребительского «инновационизма». Описывается, как интенсивное развитие науки и ее практическое воплощение в виде технологий привело к современным новациям, которые выходят за границы жизненного мира человека, либо превращая его в нечто роботообразное, либо ведущее к неутешительному исходу. Показано, как наука трансформируется в техносайенс, служащую средством обеспечения «без(д)умного потребления». Подобная технонаука (техносайенс) представляется в качестве постнеклассической науки, являющейся одновременно и постчеловеческой. Делается вывод, что для выживания человечества необходимо соблюдать соразмерность природных и антропологических констант человека. Утверждается, что скорость и характер перемен не должны быть выше способности адаптации человека и культуры к ним. Предлагается ограничивать и регулировать техническое развитие, ограничивая его («пропуская через») гуманитарные фильтры и приводя к человеческой мере. Козволюция естественного и искусственного предъясняется основным вопросом (философии) нашего времени, создающим идеологическую базу для течения гуманистического антропоконсерватизма, позволяющего отсрочить (само)убийство человечества.

Ключевые слова: новационизм, устойчивое развитие, техносайенс, постчеловек, модернизация, мера, экология.

NOVATION INSTEAD OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A CHALLENGE TO THE EXISTENCE OF THE HOMO GENUS AND ITS SOCIETY

Vladimir Alexandrovich Kutyrev

DSc of Philosophy, Professor

Lobachevskiy State University

Vladimir Vladimirovich Sliusarev

Postgraduate Student of Department of Philosophy

Lobachevskiy State University

The opposite of the ideology of sustainable and modern innovation development of society is shown. An emphasis is placed on forecasting possible threats to the transformation of a sustainable development program into a program of market-based consumer "innovations program." It describes how the intensive development of science and its practical embodiment in the form of technology led to modern innovations that go beyond the boundaries of the person's life world, either turning it into something robotic, or leading to a disappointing outcome. It shows how science is transformed into a

technoscience that serves as a means of providing "insane (mindless) consumption." Such a technoscience (technoscience) is represented as a post-non-classical science, which is simultaneously a posthuman science. It is concluded that for the survival of mankind it is necessary to observe the proportionality of the natural and anthropological constants of man. It is argued that the speed and nature of the changes should not be greater than the ability to adapt people and cultures to them. It is proposed to limit and regulate technical development, limiting it ("passing through") humanitarian filters and leading to the human measure. The co-evolution of the natural and the artificial is presented by the main question (philosophy) of our time, which creates an ideological basis for the flow of humanistic anthropoconservatism, which allows us to postpone the murder (the suicide) of mankind.

Keywords: novation, sustainable development, technoscience, posthuman, modernization, measure, ecology.

Человеку свойственно ошибаться. Построив забор, или сочинив текст, мы видим, как это можно было сделать лучше. Потому что приобрели опыт, который не дается сразу и легко, обычно это «сын ошибок трудных» (А. Пушкин). Ошибки развития необходимы и полезны, оно идет через их преодоление. Ошибки вредны и опасны, когда их не видят, еще опаснее – не хотят видеть, или сознательно обманывают других, еще опаснее – самих себя. Тогда человек теряет ориентиры и понимание того, что на самом деле с ним происходит. Он может продолжать мыслить, но как бы «не в своем уме», не замечая очевидных противоречий. Лишается здравого смысла. Это относится не только к человеку, но и к обществам, цивилизациям, особенно на этапе их кризиса, разложения, да и к миру в целом. Мы намерены обратить внимание на одно грандиозное противоречие, ошибку, обман и самообман вместе, которые в настоящее время культивирует, или которым предается все человечество.

* * *

Речь идет о характере осознания людьми своих перспектив, дальнейшей судьбы. Конечно, таких попыток и программ огромное количество, но некая общая, предложенная от имени современной цивилизации в целом, пожалуй, только одна. Это теория устойчивого развития (sustainable development), которая, как известно, была выдвинута в качестве своеобразного императива выживания человечества. Она стала как бы «официальной идеологией» жизни человечества на обозримое будущее. Ее подзаголовок: «Повестка дня на XXI век» [1]. В значительной степени это событие было инициировано деятельностью так называемого Римского клуба, по поручению которого самые авторитетные ученые конца XX века дали прогноз дальнейшего развития человечества, если оно не предпримет каких-либо сознательных шагов по изменению его характера. Прогноз неутешительный, угрожающий самому существованию Homo genus (людовского рода). Во всеоружии обширных статистических данных, новейших достижений компьютерно-математического моделирования и своего таланта приглашенные аналитики показали губительные для природы и человека последствия неконтролируемого развития мировой экономики, поставили вопрос о необходимости пределов ее роста, вплоть до призывов к «остановке развития» и «нулевому росту» [2-4].

На подобный шаг мир пойти не мог, не решился. Но согласился ограничить развитие по параметрам сохранения системы, которая развивается, то есть поддерживать её в устойчивом состоянии. фактически подразумевалась устойчивость человеческого общества перед фактом его возможного разложения и распада при продолжении нерегулируемого развития. Чтобы удержаться на последнем «рубеже самости», все изменения нашей цивилизационной активности необходимо перестраивать по целям, скорости и внутреннему характеру, подчиняя задачам сохранения Homo genus-sapiens, каким он сложился в процессе биологической эволюции.

Устойчивое общество! Сохранение природы! Продолжение человеческого рода! Если думать об идейном обеспечении подобных целей (а какие у людей могут быть цели, если они не самоубийцы и хотят продлить свое существование во времени), что обычно ждут от философов и других гуманитариев, то им необходимо разрабатывать философию равновесия, оптимизации взаимодействия существующего и перемен, традиций и новаций, действительного и возможного. Надо предлагать идеологию динамического консерватизма, ставить гуманитарные фильтры перед всем, что внедряется и делается. Базовая мировоззренческая установка для устройства и при функционировании таких фильтров: сначала надо быть, а потом меняться; *развиваться надо для того, чтобы быть*. Sustainable development – это когда изменение, развитие и становление не самоцен(ль)ны, не движение в дурную бесконечность, а служат сущему и Бытию.

Однако вместо обсуждения путей и методов реализации идеи устойчивого развития как динамического консерватизма в каждой стране и в масштабах мира, в теоретической сфере начались бесконечные дискуссии о том, что понимать под «устойчивым развитием», выдвигаться десятки, сотни интерпретаций, вплоть до лингвистической казуистики, запутывающих его главный смысл. Страны, области, районы, графства и кантоны принимают программы «устойчивого развития», имея в виду обязательное наращивание объемов производства и уровней потребления. В ходе и результате таких обсуждений и действий, не отказываясь открыто, принятую всем миром задачу поддержания существования того, что развивается (природы, общества, человека) также всем миром запутывают, а фактически отбросили. Извратили «до наоборот» и хоронят, притом недостойно, не попросившись. Тайно от самих себя. Бояться понимания, что произошла (произвели!) подмену смысла понятия и самой сути того, о чем шла речь, когда принималась Декларация устойчивого развития. Заняты (само)обманом. Вместо заботы об устойчивости, т.е. сохранении человека,

природы, общества стоит всеобщий, глобальный гвалт и оглушительный крик о развитии как замене всего и вся без разбора – новым. Заботы о внедрении нового. Почти любого, с минимальным или вообще «без» размышлений о последствиях, даже ближайших. Крик об «инновационизме». И никакого осознания, что это принципиально разное мировоззрение, прямо противоположные, отрицающие друг друга подходы. Поистине, слепые вожди слепых, идут с широко закрытыми глазами. Деятельность Римского клуба и провозглашенная в 1992 году в Рио-де-Жанейро Декларация об устойчивом = ограниченном = регулируемом развитии, были, по-видимому, последним озарением человечества перед погружением в новационное без(д)умие и техногенный фатализм. Последней крепостью его здравого смысла.

В отличие от предыдущих веков развития человечества, особенность современного технического прогресса в том, что все его новации связаны с проникновением в мега, микро(нано) и информационно-виртуальные миры, возникшие на базе теоретических открытий первой половины XX века, прежде всего в физике и начавшейся во второй половине века их технизацией, воплощением в практику. Благодаря этому, люди видят, слышат, осязают то, чего вокруг них нет, что феноменологически они не видят, не слышат, не воспринимают. Открытые микро/мега/вирту миры несоизмеримы с нашими органами чувств, параметрами телесности, а в конце концов, и мышлением, если оно не вооружено электронными машинами. Открыто объявляется, что искусственный интеллект будет «умнее» человеческого в миллионы раз. Однако мы в них и с ним действуем, добываясь полезных в/для макрореальности результатов. Надолго ли? Общий смысл практический происшедших научных революций XX века в том, что несоизмеримость познания стала несоизмеримостью быт(а)ия. Сфера деятельности человечества превысила сферу его жизни. Мир перестал совпадать с нашим Домом.

К настоящему времени наука прямо сливается с техникой, превращаясь в технонауку (technoscience), которая больше не познает природу, подобно классической, и не преобразует ее как неклассическая, а используя в виде материалов, создает новую реальность, вторую «природу». В таком качестве она обычно определяется как постнеклассическая, по принципиальным характеристикам являясь трансценденталистской (исходит не из сущего, а из мысли), дигиталистской (все формализуется и математизируется), конструктивистской (проективной, ориентированной на то, чего нет) – «искусственной». Ее признанное ядро – конвергирующие друг с другом исследования в сфере наноразмерностей, биоты, информатики и когнитивного интеллекта (НБИК). Однако, это узкое, интерналистское понимание проблемы. Если ее оценивать мировоззренчески, то новая, современная = постнеклассическая наука является постчеловеческой. Потому что творит реальность неадекватную биологическому человеку, какой он был в до сих пор прошедшей истории, это реальность до людей на Земле не бывшая, не существовавшая на Земле и при людях, до актов со(творения)здания ими иного, искусственного мира. Иного не по форме, как было «в (не)классике», а по субстрату. Если продолжить данные тенденции развития до метафизического идеала, то постчеловеческая(неклассическая) наука творит новую=иную субстанцию. Притом произвольно, свободно: «по шучьему велению, по моему хотению». И какую угодно. Это вершина деятельных возможностей человечества, их масштаба и величия, которой оно, в лице западной цивилизации, жаждет как можно скорее достичь. Постчеловеческий модернизационный инновационизм – это процесс, вызывающий невиданные, почти и невообразимые, немислимые энергии, силы и материалы, которые делают человека Богом, но он же может поглотить его, превратив в материал и силу для того, что будет после человека. Умертвит его. Ради становления Иного.

Самое развитие техники, смена ее поколений тоже рождает потребность в непрерывных новациях, внутренне как бы обусловленных, необходимых, если же этого мало, то стимулируются «навороты», гаджетизм, мода (!) на машины и сооружения. Автомобили оцениваются по красоте и дизайнерским выдумкам как когда-то женские шляпки. Их производство стимулируется досрочным уничтожением. Здания строятся для престижа: кто выше, какое причудливее. Мощнейшие ракетные системы, пожирающие тысячи тонн кислорода, используются для вывоза космических туристов. Сообщают о работах над специальной капсулой «для медового месяца в невесомости». Параллельно сетуют на «истощение озонового слоя». Получается, что вершины, достижением которой можно бы удовлетвориться в погоне за новыми потребностями, в потребительском обществе – нет. Они – Абсурд. Развитие его передового отряда демонстрирует «дурную бесконечность» их все время отодвигающихся сияющих горизонтов, манящих, притягивающих к себе о(т)стальной мир. Прогрессивно(е) глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливы только непониманием того, что делает-ся. Само роет себе могилу...

Тем не менее, взывать к Сознанию (его или Бога) надо. У нас нет выхода, кроме как быть оптимистами. Даже если не удастся остановить это суицидное трансгрессивное движение, должны быть люди, которые понимают, что происходит. Чтобы сохранить хотя бы представительское достоинство как мыслящих существ. Были мол, такие, кто видели и предупреждали. Пытались опровергнуть утверждение М. Хайдеггера, что «наука не мыслит», предлагая отслеживать результаты технической активности дальше собственного носа. Если положение безнадежно, надо сделать все, чтобы его изменить. Вдруг что-то случится, и существующий Homo sapiens будет понимать, что прогресс нужен для жизни, считать им актуализацию силы бытия, стремление к сохранению гомеостаза на Земле и бороться до конца, пусть и без упования на окончательную победу. Таким способом он может выиграть несколько лет, десятилетий, веков.

Чтобы стать инновациями, новации должны проходить жесткие социально-гуманитарные фильтры. Через которые их надо приводить к мере человека, это задача более актуальная, ответственная и сложная,

чем внедрять нарастающее как цунами количество сомнительных, неясных и непредвидимых по последствиям новаций. Как бы они нас не смыли, не унесли с этой Земли слишком скоро. Будем же, кто сохранившие здравый смысл антропоконсерваторы, за нее держаться. А техноиды, роботобразные, улетели бы в космос, на другие, мертвые, в этом качестве сущностно им адекватные планеты. Коэволюция Естественного и Искусственного, Человеческого и Иного – вот основной вопрос философии (управления) ради нашего выживания.

Литература

1. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Повестка дня на XXI век. – М., 1993.
2. Меддоуз Д. и др. Пределы роста. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 208 с.
3. Меддоуз Д. и др. Пределы роста. 30 лет спустя. М., изд-во Академкнига, 2007. – 342 с.
4. Печчеи А. Человеческие качества. – М., Прогресс, 1985. – 311 с.

УДК 001.18+1/14

ПОСЛЕ МОДЕРНА: МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ИННОВАЦИИ И ПОСТ-МОДЕРНУ

Андрей Васильевич Дахин

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Доклад отражает социально-философский подход к фундаментальным смыслам инноваций, которые определяются бытийными связями с особенностями социо-культурной эпохи, простирающейся на протяжении XIX-XXI вв., и часто определяемой понятиями «модерн» и «постмодерн». Автор представляет аргументы, в свете которых в XIX-XXI вв. цивилизация, вступившая первоначально в состояние модерна, движется затем в поисках новых состояний – состояний «после модерна». Одно из них, ставшее доминирующим на Западе, определяется как «постмодерн». Его метафизическая основа утверждает принцип «забывания начальных условий», отказа от коллективного памятования и «европейской традиции» (Н. Луман). В докладе показано, что альтернатива – это состояние, которое может быть достигнуто на метафизической основе, утверждающей фундаментальное значение коллективной социально-исторической памяти в обществе – мемо-модерн. Отсюда, альтернатива постмодернистской инновации – это коммеморация-и-новация (коммемновация). Постмодернистская инновация своим явлением разрушает сущностные основания своего генезиса. Для своего «вылета» в сферу явленности такая инновация использует энергию упомянутого разрушения, расщепления своего изначального сущностного бытия. Коммемновация – это специфическая новация, явление которой поддерживается энергией её связи со своим изначальным генезисом, со своим исходным сущностным бытием. Очертания философии коммемновации были даны в «Творческой эволюции» А. Бергсона. В данном докладе философская онтологическая основа альтернативности пост-модерна и мемо-модерна, а также видение альтернативной природы инновации и коммемновации определена более системно.

Ключевые слова: философская онтология, цивилизация, инновация, коммемновация, модерн, пост-модерн, мемо-модерн, коллективная социально-историческая память.

AFTER THE MODERN: METAPHYSICAL ALTERNATIVE TO INNOVATIONS AND POST-MODERN

Andrey Vasilievich Dakhin

DSc in philosophy, professor

Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPА

The paper reflects socio-philosophical vision of innovation's fundamental essence, which is described by its being ties with peculiarities of a socio-cultural epoch that is lasting during XIX-XXI centuries and which often is described by terms "the modern" and "post-modern". The author represents arguments in the light of which the civilization of XIX-XXI centuries, originally had coming into the modern conditions, at last is moving towards some new conditions - conditions "after the modern". One of it is becoming a dominant on the West and it is defined like "post-modern". Its metaphysical background approves the principle of "forgetfulness of originally conditions", it supports ideas of rejection of collective memory and of "European tradition" (N. Lumann). The paper shows, the alternative approve is exists and it is described as the society's condition, which can be realized on

metaphysical background, that approves fundamental role of collective socio-historical memory for public progress and that is defined here as memo-modern. So, the alternative for post-modern's innovation is predicated in terms of commemoration and innovation, which the author concludes by the mixed term "commemnovation". Post-modern's innovations appear from being to public by means of destroying of essential foundations of its own genesis. For the "departure" towards field of appearances this kind of innovation uses the energy of destroying, energy of splitting of its own aboriginal essential being. Commemnovation is an exceptional novation, appearance of which is supported by energy of its ties with own originally genesis, with own aboriginal essential being. Some contour of philosophy of commemnovation is done in «L'évolution créatrice» by H. Bergson. In the present paper more systemic ontology philosophical foundation for alternative between post-modern and memo-modern, and also for alternative vision of nature of innovation and commemnovation.

Keywords: philosophical ontology, civilization, innovation, commemnovation the modern, post-modern, memo-modern, collective socio-historical memory.

Очертания эпохальной значимости культуры модерна, выведенные в работах Ю. Хабермаса, не дают покоя своей противоречивостью и недосказанностью. Поднятый на уровень философской темы, живо и критически обсуждаемой в 1980-е гг., дискурс о модерне в начале 2000-х приобрёл черты «забронзовевшего» музейного архива, черты схоластического толкования и «общего места» университетской доксы. А между тем, теоретико-методологический ресурс «теории модерна» (так, с некоторой долей условности, назовём комплекс философских представлений о модерне) содержит сильно-действующие смыслы прозрения, которые нужны, чтобы распознать незримые метафизические «дорожные карты» современности и распознать возможные горизонты будущего XXII века.

Характеризуя модерн, каким его рисовали классики теории общества, Ю. Хабермас связывает его с движением «культурной и общественной рационализации», которая захватывая повседневную жизнь, расщепляла «традиционные *жизненные формы*». С другой стороны, «рационализированные жизненные миры создаются скорее посредством рефлексии традиций, которые утратили свою самобытность; посредством универсализации норм действия и генерализации ценностей, освобождающих ситуации «более широких возможностей» и коммуникативное действие от ограниченных контекстов; наконец, посредством таких образцов социализации, которые рассчитаны на формирование абстрактных Я-идентичностей и форсируют индивидуацию подрастающего поколения». [7, с. 8].

С опорой на этот подход можно показать, что онтологическая, бытийная платформа модерна – это трёхмерный цивилизационный переход общества: 1) от мануфактурной к индустриальной формации производства; 2) от религиозного к светскому мировоззрению/мировидению; 3) от социально-строгого эстетического/творческого канона к индивидуальному эстетическому/творческому самовыражению. Европейский цивилизационный переход осуществляется на протяжении трёх столетий, начавшись в конце XVIII в. Анализ современного состояния процесса позволяет обосновать гипотезу о том, что переход завершится к началу XXII века, когда общество выйдет на новую ступень своего бытия и устойчивого развития. Этот особый рубеж вычислен в рамках исследований глобального эволюционизма (Г.Д. Снукс, А.С. Панов, С.Н. Гринченко, С.П. Капица и др.). Г.Д. Снукс обосновывает модель, в рамках которой динамика значимых для биологической и социальной эволюции волн инноваций приходит вблизи современности к ситуации фазового перехода [8, р.187-188]. А.С. Панов показывает, что скорость появления современных инноваций должна была бы обратиться в бесконечность, что, реально невозможно. Поэтому он делает вывод о том, что характер эволюции неизбежно должен измениться в ближайшем будущем, что мы находимся в «точке сингулярности» и в начале нового, «постсингулярного рукава эволюции» [6, с.13]. Проход через эту «сингулярность» предполагает преодоление целого ряда кризисов техногенного происхождения и установление новых механизмов поддержания социального гомеостаза. С.П. Капица в своей модели глобального демографического роста человечества определял современность как время фундаментального «фазового перехода», после которого человечество может вступить в фазу новой устойчивой динамики (Fig. 5) [4, с. 19].

В системе глобальной эволюции модерн, по всей видимости, представляет собой последняя ступень глобальной Земной эволюции, предваряющий переход планетарно-локального процесса в процесс «теллуросмический» (Н. Фёдоров)¹⁵. В рамке социальной эволюции модерн – это вершина истории инноваций, за которой, по всей вероятности, человек вступит на новое «плато» социального бытия, существования и устойчивого развития.

В своей собственной рамке модерн реализуется в упомянутом трёхмерном переходе, где можно выделить два измерения, различия между которыми определяется тем, как понимается место в коллективной социально-исторической памяти в социальном процессе. Там, где индустриализация и технико-технологическая переработка природных и социальных субстанций в продукцию массового индустриального или индивидуального потребления поощряет также и распад, утилизацию структур коллективного запоминания, - там модерн приобретает форму пост-модерна. Он формирует новую «связь времён» – времён-однодневок, где история и генезис – ничто [1, с. 33], а современность сего-дня – всё, где хтоническое и традиционное перестаёт цениться и перерабатывается в а-территориальную, текучую массу, стихийно движущуюся

¹⁵ Используя выразительный термин Н. Фёдорова, имеем ввиду и критическое к нему отношение, подробности которого пропускаем в формате этого краткого изложения.

щуюся по кругосветным траекториям и свободно манипулируемую центрами промышленного производства и потребления. В результате человек рискует превратиться в «*homo non sapiens*», то есть исчезнуть раньше времени [5]. Так же и философия изрядно «выпотрошена» фабриками постмодернистского дискурса. Для них классические массивы философского опыта стали всего лишь «сырым материалом», «полезными ископаемыми», которые они добывают и перерабатывают. Философский опыт классики - это уже не возвышенная «морфе», а бесформенная «гиле» [3]. В результате такой переработки философская культура утрачивает свои собственные внутренние, прежде всего онтологические, устои и субъектные качества.

Другое, альтернативное измерение модерна присутствует там, где при тех же масштабах трёхмерного перехода структуры коллективной социально-исторической памяти сохраняются в активной, развёрнутой форме. Это детерминированный структурами коллективной памяти модерн – мемо-модерн. В среде мемо-модерна всякая производимая или воспроизводимая современность рассматривается как очередной этап предшествующего, длинного гензиса, антропогенной традиции, а на всякой подлежащей преобразованиям территории в качестве ограничений опознаются объекты «опорного плана» - исторически фундированные места памяти, священные и неприкосновенные. Общество в этом измерении сохраняет свою антропоморфную, традиционную, субъектную природу, человек остаётся душевным, чувствующим и всесторонне развитым. Мемо-модерн может накапливать живые исторически сложившиеся культурные традиции, живые формы социальной, культурной, личностной идентичности, совмещая их актуальными промышленно-технологическими формами организации социальной жизни больших масс людей. Основная проблема мемо-модерна в том, что его мировоззренческие, философские, прежде всего и более массовые, идейные установки, – там, где необходимо отстаивать сохранение структур и нарратива памятования, – слабы, не пользуются широкой популярностью, в основном сформулированы в виде критики пост-модерна. С другой стороны, практическая реализация идейных установок мемо-модерна более сложная, возможно, более дорогая в смысле финансовых затрат и менее выгодная в смысле быстрого коммерческого дохода система социальной организации. Поэтому практики мемо-модерна встречаются значительно реже, чем практики пост-модерна. Наиболее устойчивым отечественным явлением мемо-модерна выступает русский космизм, пронёсший идею космической модернизации человека из сферы академической (В. Соловьёв) и самодетельной (Н. Фёдоров) философии в сферу умозрительной концептуальной инженерии (К. Циолковский) и затем – промышленно-индустриальное производство инфраструктуры жизни человека на околоземной орбите (С. Королёв с др.).

Каждому измерению модерна соответствует свой режим производства и внедрения новых структур, систем организации природных или социальных объектов. Пост-модерн породил понятие инновации, которое хорошо отражает природу именно этого измерения модерна: техника и технологии соревнуются в способностях с человеком, а инновации представляют собой нововведения, дискредитирующие слабого и медленного человека перед лицом техники, наперебой предлагающие заменить человека в системе социальной организации производства-потребления (выразительных примеров из жизни более чем достаточно в области разработки «безлюдных» технологий). Альтернатива мемо-модерна слаба и просматривается с трудом, но содержательно может быть определена: техника и технологии соревнуются в способностях со всеми внешними агрессивными средами существования и бытия человека, так что нововведения опираются на участие в них энергий живых структур социального памятования и традиционализма, таким образом, эмансипируют человека и его естественные живые возможности, мягко «редактируя» среду, приспособлявая её под задачи творческой и социальной, личностной и коллективной самореализации людей. Это разновидность нововведения модерна, в которой всегда соединяются коммеморация (своеобразная дань памяти) [2] и новация, может быть определена словом *коммемновация*, которое содержит и корень слова «коммеморация» (то есть публично-деятельностная форма коллективного памятования), и корень слова «новый».

То, что может состояться после модерна, то есть, вероятно, в XXII грядущем веке, будет зависеть от соотношения, пропорции между системами мировоззрения, фабриками пост-модерна и мемо-модерна и, соответственно, от соотношения долей инноваций и коммемноваций в поле современных нововведений. Если до конца XXI в. будет доминировать пост-модерн и инновация, то после модерна может наступить «*время mortido*», смерть традиционного человека, установление режима кибер-сетового государства, а теллуρο-космическое бытие будут осваивать пост-хьюманы и людены разных марок. Если же в XXI в. произойдёт смена доминирующей системы модерна, если мемо-модерн отстоит лидирующие позиции, поставит на место пост-модерн, а объём коммемноваций будет доминировать в сравнении с долей инноваций, – в этом случае XXII век, также как и все предыдущие, станет веком бытия традиционного, живого человека, который войдёт в эпоху социального антропомерного государства и сам проложит путь в собственное теллуρο-космическое бытие.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 218 с.
2. Дахин А.В. Городская коммеморация // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. – 2006. – №4. – С.270-280.
3. Дахин А.В. Постмодернистское текстование и проблема социальной объективности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2004. – №1(3). – С. 382-392.

4. Капица С.П. Общая теория роста человечества. – М.: Наука, 1999. – 117 с.
5. Кутырёв В.А. Время *mortido*. – СПб.: Алетейя, 2012. – 336 с.
6. Панов А.С. Эволюция и проблема SETI. – М.: НИИЯФ МГУ, 2005. – 74 с.
7. Хабермас Ю. Дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – 342 с.
8. Spooks G.D. Big History or Big Theory? // *Social Evolution & History*. – 2005. – Vol. 4 – № 1. – P. 160-188.

УДК 130.2

БОЛЬ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Михаил Евгеньевич Бойко
кандидат искусствоведения

В докладе анализируются проблемы философского характера, связанные с симулированием болевых ощущений в электронной виртуальной реальности (ЭВР). В отличие от других ощущений боль характеризуется некоторой пороговой величиной, по достижении которой наступает болевой шок с возможностью смерти (в силу разных причин, например, от острой сердечной недостаточности). Рассматривается возможность болевого шока в ЭВР и вызванной им смерти индивида в порождающей реальности. Показывается, что решение проблемы зависит от способа симулирования болевых ощущений, используемого при генерировании ЭВР. Производится сравнительный анализ возможных способов симулирования болевых ощущений. Предлагается типология ЭВР в зависимости от способа симулирования болевых ощущений, и выделяются три основных типа: 1) с эквивалентным симулированием; 2) с модифицированным симулированием; 3) с трансгрессивным симулированием. Предлагается математический алгоритм модифицированного симулирования болевых ощущений в ЭВР с «виртуальной неуязвимостью», «виртуальным бессмертием». Доказывается, что теоретически возможны такие ЭВР, в которых при симулировании болевых воздействий ни отдельное болевое воздействие, ни их сумма никогда не превысит пороговой величины (возможность болевого шока устранена).

Ключевые слова: алгософия; боль; виртуалистика; виртуальная психология; виртуальная реальность; онтология; симулирование; феномен боли; философия боли; философская антропология.

PAIN AND VIRTUAL REALITY

Mikhail Evgen'evich Boyko
Candidate of Art Criticism

The report analyses the problem of philosophical nature of simulation of pain sensations in the electronic virtual reality (EVR). Unlike other sensations, pain is characterized by a certain threshold value, achieving which results in a pain shock and possibly death (due to various reasons, for example heart failure). It considers the possibility of a pain shock in the EVR and the death of the individual caused by it. It shows that the solution of the problem depends on the method of simulating the pain sensations used in the EVR generation. The article gives a comparative analysis of possible ways of simulating painful sensations. It proposes the typology of EEVs depending on the method of simulating pain sensations with three main types being distinguished: 1) with equivalent simulations; 2) with modified simulation; 3) with transgressive simulation. It offers a mathematical algorithm of the modified simulation of pain sensations in the EVR with "virtual invulnerability", "virtual immortality". It proves that theoretically are possible such EVR where neither a single pain effect, nor the sum of painful effects will never exceed the threshold value (the possibility of a pain shock is eliminated).

Keywords: algosophy; pain; virtualistics; virtual psychology; virtual reality; ontology; simulation; phenomenon of pain; philosophy of pain; philosophical anthropology.

Виртуальный мир по определению имеет онтологический статус более низкий, чем у некоторого другого мира. Наряду с термином «виртуальный мир» используется термин «виртуальная реальность» (далее — ВР) — «этот термин относится к любой ситуации, когда искусственно создаётся ощущение пребывания человека в определённой среде <...> когда присутствуют и широкий охват сенсорного диапазона пользователя, и осязаемый элемент взаимодействия ("ответная реакция") между пользователем и имитируемой категорией» [3, с. 102–103].

Существуют различные способы создания ВР. Вообще говоря, интерактивная искусственная среда может создаваться и без использования компьютерных технологий — такие ситуации изображены в фильмах «Игра» (1997, реж. Д. Финчер) и «Шоу Трумана» (1998, реж. П. Уир). Как ВР могут рассматриваться,

например, замкнутые искусственные пространства, в которых происходят телевизионные reality show, состояния, вызванные приёмом наркотических веществ, экстатическими переживаниями, творческими актами [1]. Но актуальный философский интерес вызывают методы создания (генерирования) электронных виртуальных реальностей (далее — ЭВР) с помощью компьютерных автоматизированных систем.

Особенный прогресс наблюдается в области симулирования визуальных и аудиальных ощущений, а также ощущений, связанных с вестибулярным аппаратом и деятельностью механорецепторов. Вряд ли можно сказать, что при этом достигается иллюзия «полного погружения» в ВР, поскольку гораздо хуже обстоит дело с симулированием болевых ощущений, связанных с функционированием ноцицепторов. Но мы полагаем, что это преодолимые трудности. Не существует принципиальных теоретических ограничений симулирования болевых ощущений по сравнению с симулированием других тактильных ощущений. В тоже время совершенствование симулирования болевых ощущений диктуется практической потребностью. Ожидается, что таким образом удастся повысить эффективность разнообразных тренингов в ЭВР. Спортсменам или военным [4, с. 42–43], например, необходимо вырабатывать психологическую готовность к болевым ощущениям, которые могут возникнуть в процессе соревнований или военных действий, и было бы желательно, чтобы такая возможность была предусмотрена для тренингов в ЭВР.

Сразу оговорим, что мы не будем касаться проблем с технической реализацией симулирования болевых ощущений, нас будут интересовать сугубо философские проблемы, связанные с особой ролью феномена боли в человеческом существовании. В ряде научных публикаций мы развили взгляд на боль как на фундаментальный экзистенциал. Чтобы не перегружать библиографический список, мы сошлёмся только на монографию «Боль: Введение в алгософию» [2], подводящую промежуточный итог наших многолетних исследований. Примером ЭВР с симуляцией только визуальных и аудиальных ощущений могут служить многие современные компьютерные игры. Смерть в ВР в таких играх — это тривиальная игровая ситуация, игрок в порождающей реальности остаётся в безопасности. Симулирование болевых ощущений кардинально меняет ситуацию. Болевое ощущение, превышающее некоторую пороговую величину, способно вызвать состояние, называемое *болевым шоком*, с возможностью летального исхода (подчёркнём, что происходит это при отсутствии смертельных повреждений). Для нас не важно, резкий ли выброс определённых гормонов вызывает паралич сердечной мышцы или задействуется какой-то другой физиологический механизм. Для нас принципиально, что возможна смерть индивида от болевого шока. Умрёт ли индивид в порождающей реальности, если болевые ощущения во время пребывания в ЭВР достигнут пороговой величины? Можно ли конструктивно исключить возможность достижения болевыми ощущениями в ЭВР пороговой величины?

Примером кинематографического изображения ЭВР, в которой виртуальные события способны вызвать смерть индивида в порождающей реальности, служит фильм кинотрилогия «Матрица» (1999–2003) братьев (теперь уже сестёр) Вачовски. Кинотрилогия получила такую известность, что сегодня слово «матрица» часто используется как синоним словосочетания «виртуальная реальность». Многим интерпретаторам «Матрицы» показалась немотивированной и абсурдной сама возможность, что какие-то ощущения в ЭВР способны вызвать смерть индивида. Но при осмыслении проблемы первоначальное недоумение развеивается. Если ЭВР настолько совершенно воспроизводит порождающую реальность и симулирование болевых ощущений, то болевой шок в ЭВР необходимым образом создаёт угрозу смерти в порождающей реальности. Это столь же верно, как и то, что в порождающей реальности болевой шок сам по себе (т.е. при отсутствии смертельных повреждений) может вызывать смерть, а мы считаем это надёжно установленным фактом. ЭВР, в которой болевые ощущения настолько точно воспроизводят болевые ощущения в порождающей реальности при аналогичных условиях, мы предлагаем называть ЭВР с *эквивалентным* симулированием болевых ощущений. В подобных ЭВР болевой шок, полученный в виртуальной среде, не может не сопровождаться возможностью смерти в порождающей реальности.

И всё же многое нас убеждает, что должны быть возможными и другие типы ЭВР, а именно такие, в которых ничто не может вызвать болевой шока, а индивид, хотя и может погибнуть в ЭВР, остаётся в полной безопасности в порождающей реальности. Убеждает в этом и то, что сновидения можно рассматривать как своего рода ВР (генерируемые мозгом сновидца), а по многочисленным свидетельствам в сновидениях можно умирать и даже подвергаться ужасающим травмам, нестерпимым пыткам и, однако, потом просыпаться в порождающей (константной) реальности. В подобных ВР боль не является онтологическим инвариантом. ЭВР такого рода изображены во многих фильмах — примерами могут служить «Экзистенция» (1999, реж. Д. Кроненберг), «Начало» (2010, реж. К. Нолан) и др.

В самом деле, при некоторой ситуации в ЭВР генерирующая компьютерная система может рассчитать болевой импульс, который почувствовал бы индивид в аналогичной ситуации в порождающей реальности. Но, прежде чем передавать этот импульс индивиду, система может количественно модифицировать его — уменьшить его или увеличить (увеличение может потребоваться в системах виртуального тренинга, отрабатывающих безошибочность действий). Алгоритм может быть составлен так, что любые болевые воздействия и их суммы всегда будут ниже пороговой величины. Докажем возможность такого алгоритма. Если индивид в ЭВР оказывается в ситуации, которой соответствует отдельное болевое воздействие (а), превышающее пороговую величину (С), то система уменьшает величину этого воздействия до подпороговой величины и именно её передаёт индивиду. Так что далее будем считать, что все отдельные болевые воздействия в ЭВР ниже пороговой величины. Если индивид испытывает сразу два болевых воздействия, в сумме

превышающих пороговую величину ($a_1 < C$, $a_2 < C$, но $a_1 + a_2 > C$), то используется модифицированный закон сложения, напоминающий правило сложения скоростей в релятивистской механике:

$$a_{\Sigma} = \frac{a_1 + a_2}{1 + \frac{a_1 a_2}{C^2}}$$

Суммарное болевое воздействие, рассчитанное по этой формуле, не может превысить пороговую величину (относительная скорость двух тел, движущихся с субсветовой скоростью, всегда меньше скорости света). Путём последовательного применения этого закона сложения рассчитывается суммарное болевое воздействие в случае любого количества одновременных болевых воздействий — очевидно, что сумма никогда не достигнет пороговой величины. Заметим, что идея использовать при сложении интенсивностей ощущений математический аппарат релятивистской механики предлагалась коллективом разработчиков т. н. «релятивистской психологии» [5]. Таким образом, нами было доказано, что теоретически возможны такие ЭВР, в которых при симулировании болевых воздействий ни отдельное болевое воздействие, ни их сумма никогда не превысит пороговой величины (возможность болевого шока устранена). Индивид в подобных ЭВР будет испытывать болевые ощущения, оставаясь «виртуально бессмертным». Тем не менее, возможен ещё один тип ЭВР, в которых виртуальная смерть может наступить, но индивид в порождающей реальности остаётся в безопасности. Действительно, можно запрограммировать ЭВР таким образом, что при достижении болевым ощущением пороговой величины соответствующее болевое ощущение не передаётся индивиду, а вместо этого индивид «выбрасывается» из ЭВР в порождающую реальность или на другой уровень ЭВР. Такие ЭВР, в которых при угрозе болевого шока и «виртуальной смерти» предусмотрен «выброс», «перемещение», «трансгрессия» индивида в порождающую реальность или на другой виртуальный уровень, мы предлагаем называть ЭВР с *трансгрессивным* симулированием болевых ощущений. Будущее покажет, по какому пути пойдёт развитие виртуальной реальности. Мы со своей стороны можем предположить, что конструктивно возможны все три рассмотренных типа ЭВР и каждый из этих типов может найти свою область практического применения.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г., Силаева В.Л. Виртуальная реальность: попытка типологизации: научное издание // Философские науки: Науч. образоват. просвет. журн. – 2005. – № 6. – С. 39–58.
2. Бойко М.Е. Боль: Введение в алгософию. Tractatus algosophicus: Монография. – М.: Летний сад, 2016. – 152 с.
3. Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 400 с.
4. Непомнящий В.А. Некоторые требования к построению системы генерации виртуальных реальностей // Известия ЮФУ. Технические науки. – 1998. – № 1 (7). – С. 40–43.
5. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метаспихология: Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. 3 изд. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 512 с.

УДК 304.444

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Жанна Викторовна Федорова

Кандидат филологических наук, доцент

Казанский государственный энергетический университет

Ольга Олеговна Волчкова

Аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье анализируется процесс трансформации общества и человека, связанный с феноменом информационной революции и формированием нового типа медиа. Отмечается, что информационная революция есть отклонение от «нормального» хода вещей, которому характерны максимальная событийность и антропологичность. Авторы считают, что антропологическая точка зрения необходима для понимания информационной революции не только как фундаментального концепта, но и как социального феномена, важного для осмысления нового типа общественных связей и процессов. Подчеркивается, что персонализация информационной революции дает возможность «перефокусировать» взгляд с события на субъект и акцентировать его вовлеченность в данную социальную практику. Обосновывается положение о том, что современные медиа, пришедшие на смену традиционным СМИ, изменяют сущность человека и систему его ценностных ориентаций. Аксиологическая проекция событийного дискурса – медиатизации бытия – накладывается на характеристики новых медиа. Показана роль информа-

ционных технологий в создании облика эпохи, обусловленного характером digital-коммуникации.

Ключевые слова: информационная революция, трансформация, информация, антропологический подход, коммуникация, медиа, аксиология.

ANTHROPOLOGICAL MEANING OF INFORMATION REVOLUTION

Janna Viktorovna Fedorova

Candidate of Philology, Associate Professor

Kazan state power engineering university

Olga Olegovna Voltchkova

Graduate student

Kazan (Privolzhsky) Federal University

The article analyzes the process of transformation of society and personality, connected with the phenomenon of information revolution and the formation of a new type of media. The purpose of this study is to show that the information revolution is a deviation from the "normal" course of things, characterized by the maximum eventuality and anthropological component. The authors believe that the anthropological point of view is necessary for understanding the information revolution not only as the founding concept of modernity, but also as a social phenomenon important for understanding a new type of social connections and processes. It is emphasized that the personalization of the information revolution makes it possible to "refocus" the view from the event on the subject of action and to note its variable involvement in this social practice. The article reveals the thesis that modern media, which have replaced the traditional media, change the essence of a person and the system of his value orientations. The axiological projection of the event discourse - the mediation of being - is superimposed on the characteristics of new media. The article highlights the role of information technologies in creating the appearance of an epoch, conditioned by the nature of digital communication.

Keywords: information revolution, transformation, information, anthropological approach, communication, media, axiology.

Информационная революция, по словам М. Кастельса, есть «перелом» в материальной и духовной сферах жизни общества, при этом ядром данной трансформации является *коммуникация и ее каналы*: «Мы переживаем, – пишет он, – один из редких в истории моментов. Момент этот характеризуется трансформацией нашей «материальной культуры» <...> через работу новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий» [1, с.49].

Информационная революция, как, собственно, и любая другая радикальная трансформация, открывает новое смысловое пространство самоопределения общества и человека, некий отход от закономерного развития событий, обусловленные максимальной событийностью. С социальной точки зрения информационная революция не одномоментна, она охватывает множество событий, часто разнопорядковых и темпорально-малосвязанных. Однако объединяет их общая перспектива – антропологическая составляющая, то, что в обобщенном виде можно определить как «антропология революции»: именно субъекты (участники, акторы), вовлекаясь в революцию (политическую, научную, эстетическую, информационную), способствуют тому, чтобы событие и было определено как революционная перемена. При этом сам субъект в это событие оказывается эмоционально вовлеченным: воодушевленным, разочарованным, переосмысливающим знаки и символы произошедшей трансформации, превращающим общественный перелом в часть индивидуального опыта, социальную практику – в личную.

В информационную революцию вовлечены участники (агенты), сознательно конструирующие ее событийность и значимость, идейные противники и те, кто вынужден приспосабливаться к ее результатам (реципиенты). Результатом информационной революции является невозможность противостоять информационным технологиям, ибо человек XXI века ими «узурпирован». Как итог, системообразующим фактором жизни общества становится информация, влияющая на состояние политической, экономической, культурной и других его составляющих: «Речь идет о становлении глобальной информационной индустрии <...>, о роли знаний, информации в экономическом развитии, появлении новых форм «электронной» демократии, структурных сдвигах в занятости» [2, с.13]. Более того, информационная революция уже может восприниматься в качестве определяющего фактора современного общества, который обозначил этап развития человеческой цивилизации, характеризующийся, в первую очередь, высоким уровнем цифровых, сетевых, информационных, теле- и коммуникационных технологий, повсеместным использованием компьютера, Интернета, сотовой связи – новых медиа, ставших не только орудиями труда, но и посредниками в коммуникации. Тем самым, перешла в новое состояние внешняя (техническая и технологическая) форма общественных процессов и отношений. Как совокупность индивидов, общество также подверглось изменениям, обозначаемым как «преобразование внутреннего мира человека, <...> схем его деятельности» [3, с.12].

Информационное общество обладает качеством модифицировать аксиологически значимое, превращая его в собственную противоположность – в негативное. Как отмечает С.К. Шайхитдинова: «В результате

то, что еще вчера представляло ценность для большинства, списывается «за ненужностью» без оглядки на тех, кто не способен, «смеяться», расставаться со своим прошлым, в котором, возможно, и заключается весь смысл их жизни» [3, с.4]. Свержение устойчивых ценностных императивов обусловило подмену коммуникации ее имитацией, отчуждение и самоотчуждение человека в процессе глобальной «медиазации» его жизни [3, с.14]. И если традиционные СМИ, как писал Г. Маркузе, поглощают лишь «индивидуальные мысли» [4, с.21], то современные медиа претендуют уже на человека в целом, захватывая сознание и организм в оковы виртуальной реальности и превращая в биологический вид «человек кликающий», а окружающий мир – в реальность «кнопочной культуры» [5, с.43-46].

Новые медиа способствовали становлению особого характера коммуникации. В медиапространстве возникла та условная идентичность, которая создает культ созерцательности по отношению к окружающему миру и самому себе. Происходит вытеснение человека из медиапространства; в нем нет и не может быть человека как субъекта, ответственного за слова и поступки: анонимность – главный принцип новых медиа. В этом пространстве постепенно стираются границы между «производителями» и «потребителями» информации, что создает, по Г. Лукачу, деформированный способ бытия: индивид поглощает килобиты, мегабиты и даже гигабиты информации, одновременно являясь и ее автором.

Деформированность бытия заключается еще и в том, что мир новых коммуникаций вступает в противоречие с социальной природой человека, доводит процесс его отчуждения до предела: настраивая на «единичную» (индивидуальную) коммуникацию и уводя от «всеобщей». Таким образом, личное / социальное оказываются в разных мирах, основанных на разной логике и герменевтике [6, с. 13].

Развитие новых медиа предполагает неограниченный обмен информацией. Однако часто неконтролируемая коммуникация приводит к разжиганию социальной, расовой, национальной или религиозной розни, девальвации духовных ценностей, пропаганде культа насилия, манипулированию информацией. Возникает противоречие между потребностями общества в свободном обмене информацией и необходимостью ее ограничения. Актуальной становится проблема информационной безопасности, под которой понимается защищенность интересов человека и общества в digital-сфере.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: АСТ, 2003. – 331 с.
3. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1999. – 208 с.
4. Тарасенко В.В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы // Информационное общество. – 1999. – №1. – С.43-46.
5. Шайхитдинова С.К. Информационное общество и ситуация человека: Эволюция феномена отчуждения. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 308 с.
6. Fedorova Zh.V. Media landscape of modern society: ontology of «the negative» // Modern Science. – 2017. – №4-2. – P. 11-14

УДК 316.4:608

БИОБАНКИНГ И СОВРЕМЕННЫЙ РЕЖИМ БИОПОЛИТИКИ: ТЕРРИТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Станислав Михайлович Гавриленко

Кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье рассматривается положение, согласно которому исследовательский биобанкинг является частью современного биополитического режима. Биобанк должен анализироваться не только как безусловный триумф науки, но и как сложный техно-научный и социальный институт, вписанный в современный экономический порядок и порядок «неолиберальной правительности», а также как зона этической и социальной напряженности. Это связано, прежде всего, с двумя фундаментальными операциями, реализуемыми исследовательским биобанкингом. Это, во-первых, преобразование на гено-молекулярном уровне человеческих биоматериалов в исследовательские объекты и точки опоры для технологического манипулирования и инженерного конструирования, а, во-вторых, превращение этих биоматериалов в экономическую стоимость. Обе эти операции предполагают «онтологическое» разделение между «биологическим материалом» и извлекаемой из него «информацией» и санкционируются процедурой информированного согласия донора. Ускоряющаяся динамика развития индустрии биобанкинга становится выражением очередного витка экспансии капиталов в условиях достижения очевидных географических пределов расширения «классических» рынков и установления «контроля (по-

литического и экономического) и манипулирования вещами на малых масштабах» (давняя мечта Ричарда Фейнмана, только теперь эти «вещи» - механизмы самой жизни).

Ключевые слова: биобанкинг, биополитика, технонаука, этика, экономический порядок.

BIOBANKING AND CONTEMPORARY REGIME OF BIOPOLITICS: THE TERRITORY OF SOCIAL AND ETHICAL TENSION

Stanislav Michailovich Gavrilenko

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Lomonosov Moscow State University

The article deals with the researching biobanking as part contemporary regime of biopolitics. Biobank should be analyzed not only triumph of science, but as complex techno-scientific and social institute, inscribed in actual economic order and order of «neoliberal governmentality», as well as zone of social and ethical tension. This derives primarily from two fundamental operations of researching biobank. These are, firstly, the conversion on molecular genetics level of human biomaterials in research object and supporting point for technological manipulations and engineering construction, and secondly the transformation of these biomaterials in economic value. Both operations presuppose the ontological divide between biomaterial and extracted from it information and are sanctioned by the procedure of donor's informal consent. Accelerating dynamics of biobank industry becomes an expression of spiral of capitalist expansion in the conditions of reaching of geographical limits of «classical markets». Moreover, these dynamics is an expression of establishment of «manipulating and controlling things on a small scale». And now these things are the mechanisms of life it self.

Keywords: biobanking, biopolitics, technoscience, ethic, economic order.

Являемся ли мы свидетелями радикального изменения биополитических режимов, описанных Фуко? Многочисленные постфукинианские исследования множат эмпирические данные, позволяющие сделать подобный вывод. Быстро растущая, начиная с 1990-х годов, индустрия биобанкинга стала показателем и катализатором этого изменения и при этом одним из привилегированных мест сборок и реализации новых режимов биополитики. Возможно, биобанкинг является едва ли не образцовой реализацией современного биополитического режима. Строгое обоснование этого положения потребовало бы свести в рамках единой аналитической решетки (одновременно описательной и объяснительной) новые способы производства знания и новые формы и территории экономического инвестирования и извлечения прибавочной стоимости; «неолиберальную правительственность»¹⁶, обеспечивающую победу рыночной мотивации и культа производительности с одновременным видимым снижением издержек силового контроля над населением, и появление новых аппаратов исключаящей селекции; новые типы дискурса (научные, этические, политические) и новые социальные движения и группы давления; новые онтологии, новые виды агентности, субъективации и политики идентичности; наконец, новые технологии, инфраструктуры и потребительские товары¹⁷. Мы не уверены в том, что располагаем адекватным языком, который гарантировал бы подобную аналитическую решетку (наверное, подобный язык еще только предстоит создать), и поэтому вынуждены идти на риск высказывания отдельных, весьма фрагментарных замечаний.

Термин «биобанк» до сих пор не имеет устоявшегося значения, а в исследовательской литературе, констатация семантической неопределенности этого термина, к тому же встроенного в целую сеть неполных синонимов и родственных слов («биохранилище», «биорегистр», «биорепозиторий», «биологическая коллекция», «депозитарий биоматериалов»), уже успела стать воспроизводимым академическим ритуалом¹⁸. Однако в последние двадцать лет вырисовывается устойчивая тенденция связывать биобанкинг с двумя компонентами, претендующими на роль концептуального ядра термина «биобанк»:

1. наличие двух взаимосвязанных типов материала – биологических образцов (samples) и информационных данных (data), включающих генетическую и фенотипическую информацию, а также социометрические сведения о доноре;

2. приоритет исследовательской функции над диагностической и терапевтической, реализация которой обеспечивается сложнейшей технологической (секвенирование, криоконсервация, масс-спектрометрия,

¹⁶ Подробно о неолиберализме не как о политической идеологии, а как специфическом наборе техник управления см. главу «Неолиберализм и развитое либеральное управление» в [2, 361-416].

¹⁷ Никлос Роуз в отнюдь не полном перечислении фиксирует всю сложность современного биополитического режима: «Сегодня биополитика зависит от кропотливой работы в лаборатории по созданию новых феноменов, от вычислительной мощности аппаратов, связывающих медицинские истории и семейные генеалогии с геномными последовательностями, от рыночной силы фармацевтических компаний, от регламентирующих исследовательскую этику стратегий, от лицензирующих лекарства органов, от комиссий по биоэтике и, конечно же, от стремления к экономической прибыли и повышению биржевой стоимости акций, которые обещает открытие новых истин. Именно здесь, в практиках биовласти, нужно искать новые формы господства» [7, p.3]

¹⁸ Данная семантическая неопределенность является, скорее, не ситуативной, а структурной. См. [1, с.127]

сложные алгоритмы обработки больших массивов данных и т.д.), экономической и социальной инфраструктурой¹⁹.

Биобанкинг – еще одно свидетельство научно-технического прогресса? Безусловно, да. Но также и новая территория социальной и этической напряженности. Но откуда взялась эта напряженность, связанная с научным институтом, динамика которого обеспечивается множеством ожиданий («научных и медицинских прорывов», «здорового тела», «персонализированной медицины», «экономического роста и устойчивого развития»)? Два обстоятельства являются почти очевидным ответом на этот вопрос: специфика природного ресурса, с которым работает биобанк на генно-молекулярном уровне, преобразуя его в серии исследовательских объектов и опору для технологического манипулирования и инженерного конструирования, а также его интегрированность в актуальный экономический порядок, с которым биобанк связан разветвленной сетью отношений взаимного обусловливания и подкрепления. Почти сразу же после начала экспансии биобанкинга возникшей этической проблемой стало то, что новый природный ресурс, человеческий биологический материал, находится внутри человеческого тела, то есть в живых существах, являющихся личностями с определенными неотъемлемыми правами (представление конститутивное для либеральных режимов управления) [3]. Более того, слияние биотехнологии с информационными и коммуникационными технологиями открыло новое представление о человеческом теле как о данных, вызвав, тем самым, опасения по поводу защиты данных, конфиденциальности и приватности. Эпистемологически исследования в биобанкинге исходят из «информационной парадигмы», в рамках которой человеческое тело и его специфика все в большей степени реконструируются в терминах информации. Технологии биобанкинга концептуально, но также и практически поддерживают «онтологическое» разделение между «биологическим материалом» и извлекаемой из него «информацией», производя при этом своеобразную «дематериализацию» тела в пользу мобилизации и усиления независимой («отчужденной») от предоставляющего биобанку свой биоматериал донора циркуляции информационных элементов и последовательностей, их реорганизации, трансформации и, в конечном счете, их экономической утилизации. У этого разделения многочисленные следствия²⁰, оно порождает сложные эффекты, а также правовые и этические коллизии (правовой и экономической статус биообразцов, границы информирования донора, вопросы анонимизации ассоциированной с донором персональной информации, передача данных и образцов заинтересованным исследовательским группам, коммерциализация результатов исследований и разделение прибылей). Перенесенная из области клинической медицины процедура добровольного информированного согласия, в обязательном порядке сопровождающая передачу донором своего биоматериала биобанку, становится социальным актом, санкционирующим это онтологическое разделение и одним из главных механизмов передачи его последствий. Отнюдь не случайно информированное согласие – тема непрекращающихся дебатов и даже отдельная отрасль экспертной индустрии, производящей многочисленные «этические рамки», призванные регулировать исследовательский биобанкинг. Режимы субъективации, которые задействует и поддерживает биобанкинг – донорство как безвозмездный, альтруистический акт, презумпция автономного решения – делают биобанк местом структурного напряжения между принципами либерального управления («управления через свободу», «неотчуждаемые права», «господство через производство согласия» и т.д.) и императивами исследовательской продуктивности и экономической эффективности. Отсюда стратегическая поливалентность информированного согласия в биобанкинге как неотъемлемой части современного (либерального) биополитического режима: оно (рассмотренное или как акт свободного волеизъявления, или как набор процедур согласования, или как растянутый во времени процесс коммуникации) не только (а возможно, и не столько) реализация принципа автономии личности, но и один из способов легитимировать современных биомедицинский и экономический порядок, начиная от их основополагающих делений и порождаемых им ассиметрий до предоставления квазиправовых гарантий наиболее циничным формам экономической экспроприации²¹. Будучи выраже-

¹⁹ Ср. с полезным, правда, не лишенным определенных колебаний, терминологическим разъяснением, предлагаемым Барбарой Пароди: «Термины «биохранилище», «центр биологических ресурсов», «биобанк» обозначают структурированные коллекции биообразцов и связанных с ними данных, хранимых для проводимых в настоящее время или будущих исследований. И биохранилища, и центры биологических ресурсов могут содержать ткани человека, животных, клетки, бактериологические культуры и даже образцы окружающей среды. Биобанки же, как правило, содержат человеческие образцы (ткань, кровь и т.д.) и информацию, имеющую отношение к донору: демографические данные и данные, касающиеся стиля жизни, истории болезней, сведения о лечении и клинических исследованиях» [6, p. 15].

²⁰ Ср. с важными замечаниями Маргерет Таллачини: «В этой информационной парадигме ... существует тенденция отделять экономически и концептуально информационное сообщение от средств суппорта (клетки, диски и т.д.) и во все большей степени обесценивать эти средства (буквально, сокращать предельные издержки) по сравнению с переносимым сообщением. Дематериализация тела, т.е. сведение его к «телесной информации», имеет многочисленные последствия: информированное согласие, лишаящее права на самостоятельное распоряжение полученной информацией и собственными желаниями; анонимизация человеческих биологических образцов, ведущая к отмене персональной и идентифицирующей телесной информации, которая оказывается избавленной от субъективного контроля; биологическая, изолированная и очищенная информация, извлеченная из «сырой» материальности и ставшая реальной основой для биотехнических патентоспособных изобретений. Во всех этих случаях информация господствует над средствами [суппорта], которые приводят ее в движения. Она живет собственной жизнью: научно, экономически и юридически» [8, 25-26]

²¹ О двух концептуально различных правовых моделях регулирующих донорство и информированное согласие, одна из которых делает акцент на обеспечении права собственности, но, что характерно, не донора (США), в то время как другая на неприкосновенности личной жизни (Европейский Союз) см. [8]. В этой же статье рассматриваются разнообразие дискурсивные стратегии, позволяющие юридически квалифицировать предоставленный донорами биобанку биоматериалы как *res nullius* [ничейная вещь], что позволяет перепределить условия контроля над ними и обеспечить их экономическую циркуляцию.

нием нового индустриального порядка (и по масштабам деятельности²², и по объемам инвестиций, и по характеру задействованных технологий), биобанк становится технонаучной машиной, преобразующей человеческий биоматериал и извлекаемую из него информацию в экономическую стоимость.

Особенностью биополитического режима, в который вписан исследовательский биобанкинг, является та весьма двусмысленная политика, которую ведут в данном секторе государства и различные метарегуляторы (например, Еврокомиссия с определенной периодичностью выпускает различные «Guidelines» («Рекомендации»)) в данном секторе. Несмотря на бурное развитие в последние десятилетия биобанкинга как сектора биомедицины до сих пор не существуют юридически кодифицированного определения биобанка, а сам сектор с правовой точки зрения регулируется не отдельным, а смежным законодательством. Это оставляет обширное пространство для детального и зачастую *ad hoc* регулирования (но также и многочисленных злоупотреблений) и разнообразных практик, реализуемых многочисленными инстанциями, которые по крайней мере формально автономно по отношению к государственному порядку. Именно это пространство является местом обращения всех возможных типов биоэтического дискурса и экспертизы, столкновения частных экономических интересов, социальных ожиданий и проективных представлений об «общем благе». Мы позволим себе сделать предположение, что подобная ситуация с правовым регулированием биобанкинга связана с утверждением неолиберальных форм управления и кризисом государства всеобщего благосостояния. Николас Роуз формулирует эту связь следующим образом: «подъем «развитых либеральных» управленческих технологий ... включал в себя, в частности, реорганизацию власти государства, переложившего многочисленные функции по управлению здоровьем человека и его воспроизводством, являвшихся на протяжении XX века зоной ответственности формальных аппаратов правительства, на квазиавтономные регламентирующие инстанции, например, на биоэтические комиссии, на частные корпорации (частные репродуктивные клиники и биотехнологические компании, продающие генетические тесты напрямую потребителям), профессиональные группы, такие как медицинские ассоциации. Эти инстанции регулируются «на расстоянии» мощными механизмами аудита, стандартов, целевых показателей и бюджета» [7, р. 3-4]. При этом биобанк как продукт индустриализации медицины для многих государств и надгосударственных образований своеобразное упование и свидетельство, что в нашем распоряжении есть механизмы устойчивого экономического роста.

В этом смысле ускоряющаяся динамика развития индустрии биобанкинга является, прежде всего, выражением очередного витка экспансии капиталов в условиях достижения очевидных географических пределов расширения «классических» рынков – один из главных тезисов миросистемного анализа Иммануила Валерстайна [4]. Освоение принципиально новых (микро)пространств и территорий, очередное отодвигание сдерживающей экономической границы, «контроль и манипулирование вещами на малых масштабах» (давняя мечта Ричарда Фейнмана, только теперь эти «вещи» – механизмы самой жизни), новые типы товаров и услуг, новые типы производства и экономических обменов, новые практики потребления и стили жизни – новые формы биокапитализма и, может быть (проявим здесь надлежащую осторожность), соответствующая им новая антропология. По крайней мере, показатели участия в организации и поддержании функционирования многих биобанков компаний венчурного капитала заставляют отнестись к подобному тезису всерьез. Именно инвестиционные гарантии американских венчурных фондов способствовали не в последнюю очередь поддержке исландским парламентом проекта национального биобанка, продвигаемого частной биотехнологической корпорацией *de Code, Genetics inc*²³. Можно ли в связи с развитием индустрии биобанкинга говорить о становлении новых форм биовласти и биополитики, нацеленных на захват человеческого тела на самом глубинном (генетическом) уровне, видящих в новых объектах биологии новые точки приложения и опоры, а в биотехнологиях – новые инструменты обеспечения собственной перформативной эффективности? Соответствующая возможность заложена в структуре тех исследовательских и инженерно-технических практиках, которые породили и используют биобанки. И мы должны принимать во внимание, что этот режим может выйти за пределы породившей его индустрии и лечь в основу не только биомедицинский, но и социально-политических технологий. Обсуждение проблем развития биобанков должно включать обсуждение последствий возможного возрождения на базе биобанков проектов технического, «научного» конструирования «здорового и счастливого», лишённого бремени физических (и, возможно, иных) страдания тела, и к идеям натурализации социального неравенства и иерархических порядков, проектам исключительной селекции, которые, на фоне технологических прорывов и локальной эффективности инструментов и решений, могут казаться «естественными» и «прогрессивными».

²² Здесь достаточно одной цифры: Национальный биобанк Великобритании, располагает структурированной и обновляемой коллекцией образцов биологических материалов около 500 тыс. доноров в сочетании со сложной информационной инфраструктурой для обеспечения ученых доступа к коллекциям.

²³ История этого проекта и научные, экономические и политические стратегии (в том числе строившиеся на апелляции к естественной и социальной истории Исландии и ее популяционно-биологической исключительности) его продвижения и легитимации, история, вышедшая, в конце концов, за пределы исландского национального контекста и окончившаяся крахом, реконструирована в блестящей статье Дэвида Виникоффа [8]. Вот один из самых драматичных ее эпизодов: «Одним беспрецедентным ударом национальный парламент санкционировал передачу медицинской информации о гражданах частной корпорации для коммерческого использования. И все это без первоначального согласия на это самих отдельных граждан» [8, р. 191] Ср. с замечанием Роше и Аннаса: «Банкинг ДНК из научно-исследовательской активности очень быстро превратился в правительственное и коммерческое предприятие, управляемое ДНК-брокерами» (цит. по: [9, р. 54]).

1. Вархотов Т.А., Гавриленко С.М., Стамбольский Д.В., Огородова Л.М., Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю. Задачи социально-гуманитарного сопровождения создания национального банка-депозитария биоматериалов в России // Вопросы философии. – 2016. – № 3. – С. 124-138.
2. Дин М. Правительственность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 592 с.
3. Karlsen J.R., Solbakk J.H., Holm S. Ethical Endgames: Broad Consent for Narrow Interests; Open Consent for Closed Minds // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2011. №20 (4). – P. 572–583.
4. Karlsen J.R., Strand R. Annexation of Life: The Biopolitics of Industrial Biology // The Ethics of Research Biobanking / Solbakk J.H., Holm S., Hofmann B. (Eds.). N.Y. and L.: Springer, 2009. – P. 315 – 330.
5. Macilotti M., Penasa S., Tomasi M. Consent, Privacy and Property in the Italian Biobanks Regulation: A Hybrid Model Within EU? // The International Library of Ethics, Law and Technology. Vol 14: Ethics, Law and Governance of Biobanking. National, European and International Approaches. Dordrecht - Heidelberg - London - New York: Springer, 2015. – P. 53–78.
6. Parodi B. Biobanks: A Definition // The International Library of Ethics, Law and Technology. Vol 14: Ethics, Law and Governance of Biobanking. National, European and International Approaches. Dordrecht - Heidelberg - London - New York: Springer, 2015. – P. 15-20.
7. Rose N. The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. – Princeton University Press, 2007.
8. Tallacchini M.A Participatory Space Beyond the “Autonomy Versus Property” Dichotomy. // The International Library of Ethics, Law and Technology. Vol 14: Ethics, Law and Governance of Biobanking. National, European and International Approaches. – Dordrecht - Heidelberg - London - New York: Springer, 2015. – P. 21–38.
9. Winickoff D. A Bold Experiment: Iceland’s Genomic Venture. // The International Library of Ethics, Law and Technology. Vol 14: Ethics, Law and Governance of Biobanking. National, European and International Approaches. Dordrecht - Heidelberg - London - New York: Springer, 2015. – P.187–210.

УДК 316

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ЭВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

Елизавета Валерьевна Смирнова

*Кандидат философских наук, младший научный сотрудник
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Статья посвящена рассмотрению идеологии в качестве фактора социальной динамики. Под идеологией в статье понимается особый тип деятельности (и одновременно совокупность продуктов данной деятельности), основной целью которого является легитимация того или иного социально-экономического общественно-политического режима и/или программ его изменения. Автором оспаривается понимание идеологии в качестве силы, направленной исключительно на консервацию имеющегося режима, встречавшееся, например, в работах К. Манхейма (для обозначения мировоззрения революционно настроенных групп он предлагал использовать термин утопия). Автор утверждает, что стремление сохранить, модифицировать или низвергнуть существующий режим не меняет сути данного феномена, а потому во всех случаях следует говорить именно об идеологии. Отдельное внимание в статье уделено способности идеологии выполнять мотивационную функцию, «превращать идеи в рычаги социального действия». Однако автор показывает, что успешная реализация данной функции еще не является гарантом достижения поставленных целей. Это связано с необходимостью выполнения еще одной важнейшей функции идеологии - познавательной, формирования адекватного «отражения» окружающей действительности, оценкой реализуемости собственных целей и выбором действенных средств и методом их достижения.

Ключевые слова: идеология, мотивационная функция, революция, утопия, социальная динамика, эволюция.

* Публикация подготовлена при поддержке фонда РГНФ (проект № 15-03-00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты»).

IDEOLOGICAL ASPECTS OF REVOLUTION AND EVOLUTION SOCIAL PROCESSES

Elizaveta Valerievna Smirnova
PhD of Philosophy, Junior Researcher
Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to consideration of ideology as a factor of social dynamics. Ideology in the article is defined as a particular type of activity (and at the same time the products of this activity) whose main purpose is legitimation of one or another socio-economic political regime and/or programs of its changes. The author challenges the understanding of ideology as a force directed solely to the conservation of the existing regime, encountered for example in the works of K. Mannheim (to denote the ideas of the revolutionary-minded groups, he proposed to use the term *utopia*). Author argues that the desire to preserve, modify or overthrow the existing regime does not change the essence of this phenomenon, and therefore in all cases it is necessary to speak about ideology. Special attention is paid to the ability of ideology to perform a motivational function, "to turn ideas into levers of social action". However, the author shows that the successful implementation of this function is not yet a guarantee of achieving ideological goals. This is because ideology needs to perform another important function – cognitive, ideology needs to form adequate "reflection" of reality, to assess feasibility of its goals and the choice of effective means and method of achieving them.

Keywords: ideology, motivational function, revolution, utopia, social dynamics, evolution.

Известное изречение К. Маркса «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [3, с. 422] можно рассматривать в качестве определения идеологии как социального феномена. «Овладевая массами», она побуждает их к активным действиям, направленным на достижение и реализацию тех или иных социальных целей. Иногда эти цели могут носить эволюционный (сохранение или постепенное усовершенствование наличного режима) или революционный (разрушение имеющегося строя и установление нового) характер. Действительно, целью идеологии всегда является воздействие на социальную действительность, по сути своей, она всегда имеет сугубо практическое назначение, воплощаясь и реализуясь через политическую деятельность людей. К примеру, Д. Белл утверждал, что подлинная цель идеологии – это «преобразование идей в рычаги социального воздействия» или даже «превращение идей в оружие» [5, с. 370-371].

Таким образом, под идеологией мы предлагаем понимать особый тип деятельности (и одновременно совокупность продуктов данной деятельности), основной функцией которой является легитимация того или иного социально-экономического общественно-политического режима и/или программ его изменения. Некоторые идеологии могут стремиться сохранить существующий режим, другие – модифицировать его. На саму суть феномена идеологии то или другое ее стремление, по нашему мнению, не влияет. Иногда в социальной теории встречается понимание идеологии в качестве силы, целью которой является только поддержание или даже консервация имеющегося режима. В таком смысле система идей, направленная на свержение имеющейся власти и установление нового строя, идеологией не считается. Корни подобных утверждений идут к теории К. Манхейма. Именно по признаку отношения к доминирующей власти философ различал идеологию и утопию: идеология, согласно его определению, направлена на поддержание существующей власти. Философ пишет: «мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определенной ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве» [2, с. 67]. Утопия же, по его мнению, характеризуется тем, что направлена на свержение имеющейся власти: «определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание» [2, с. 68]. Получается, по мнению Манхейма, то или иное политическое движение становится идеологическим или перестает им быть в зависимости от того, удастся ли ему завоевать власть или же оно терпит в этом поражение.

Впрочем, стоит отметить, что Манхейм сам признавал, что идеологии постоянно становятся утопиями и наоборот, поэтому сложно окончательно разграничить эти два понятия. Мы предлагаем вынести вопрос о том, принадлежит та или иная система идей правящему сословию или оппозиции, за скобки, деление на идеологию и утопию кажется нам избыточным. Форма духовной практики может являться или не являться идеологией, независимо от того, оправдывает она режим уже существующий или же призывает свергнуть его и установить новый. Более оправданным представляется просто разделять идеологии на те, которые стремятся сохранить имеющийся порядок (полностью или частично законсервировать или же эволюционно его видоизменять, совершенствовать) и стремящиеся имеющийся социальный строй ниспровергнуть и установить новый (при этом, опять же следует учитывать, что данного рода идеологии могут находить приемлемыми или неприемлемыми радикальные меры для достижения своей цели).

Важнейшей функцией идеологии является мотивационная, действительно, она способна мотивировать своих приверженцев к активной деятельности. Деятельность эта в свою очередь может носить реформаторский или революционный характер, быть созидательной или разрушительной. Однако, иногда, если

целью идеологии является сохранение существующего режима, она будет, напротив, стремиться формировать в людях пассивность и конформизм. Подобное свойство идеологии отмечали, к примеру, М. Хоркхаймер и Т. Адорно. Нацеленность на трансформацию не только духовной, но и материальной действительности отличает идеологию других, более камерных, форм духовной практики (таких как, например, философия, теология и др.).

Важно отметить, что тот факт, что идеология способна направлять деятельность своих приверженцев к достижению этих целей, еще не является гарантом их достижения. Она может успешно сыграть свою мотивационную роль, но это вовсе не значит, что ее сторонники будут способны предугадать все последствия действий людей или же обойти объективные социальные связи и закономерности. К примеру, фашистская идеология в Германии 30-х гг. была успешна в том смысле, что смогла мобилизовать множество людей на то, чтобы начать войну, но в конечном итоге война была проиграна, страна потерпела крах, а идеология потеряла свои доминирующие позиции. Также в истории существовали общества, строившие различные модели коммунизма, но независимо от того, что для достижения этой цели удавалось мобилизовать населения целых стран, оказывалось невозможным обойти объективные социальные, экономические и исторические закономерности, из-за которых весь проект в итоге был unsuccessful.

Таким образом, мы видим, что идеологии необходимо сперва выполнить познавательную функцию, адекватно описать окружающую реальность, взвесить шансы достижения своих целей и выбрать наиболее подходящие для них пути реализации. Важно, что познание действительности как таковое никогда самостоятельной целью идеологии (в отличие, например, от науки) не является, данная функция для нее оказывается только служебной. Поэтому еще со времен К. Маркса и Ф. Энгельса одним из самых распространенных является определение идеологии в качестве «иллюзорного сознания». Однако важно помнить, что, даже если мы называем идеологию иллюзией, ее иллюзорность будет особенной. Она никогда не «повисает в пустоте», не оказывается случайной, потому что содержание идеологии всегда обусловлено в конечном итоге объективными социальными нуждами той или иной социальной группы или класса. Причина иллюзорности идеологического сознания является сложным вопросом. Многие исследователи по-разному на него отвечали. К. Маркс, к примеру, видел ее в объективных социальных условиях. Т. Адорно видит ее в объективно-исторической констелляции. Барт считает, что идеология фактически обречена быть ложной в качестве познавательной установки [см. 1]. Таким образом, с одной стороны, идеология вынуждена сохранять определенную степень адекватности, «отражая» действительность, иначе она попросту не сможет добиться собственных целей, с другой – она иллюзорна, но лишь в той мере, в которой данная «иллюзорность» является социально необходимой.

В целом же, в исторической перспективе можно заключить, что именно сосредоточение на идеологии как части рефлексивного сознания, на ее попытках дать свое описание и трактовку социальной реальности (подчас, действительно, далекую от объективности), сравнение науки и идеологии (не в пользу последней), в конечном итоге привело к появлению концепций деидеологизации. Действительно, некоторые ученые предполагали, что, постепенно развиваясь, наука как объективное и независимое знание вытеснит предвзятый и ангажированный взгляд на мир, характерный для идеологии. Негативное отношение к данному феномену было распространено и в России в 90е гг. прошлого века. Была отброшена идеология коммунизма, а люди, сбросив иго господствующей тоталитарной системы, порой хотели освободиться от любой идеологии вообще, рассматривали ее как зло. Однако в современный период отношение к идеологии изменяется. Все больше исследователей обращают внимание на другой, валюативный, аспект этого феномена, а потому видят, что каждый раз принимая те или иные решения, политики опираются на различные системы ценностей, что в каждом обществе всегда ставятся те или иные цели и формулируются программы по их достижению. В этом смысле говорят об идеологии как о содержащей в себе программу действий, совокупность целей и ценностей, которые управляют поведением ее приверженцев.

Таким образом, мы показали, что идеология действительно является одним из важных факторов социальной динамики, всегда стремясь к реализации тех или иных конкретных политических целей. Однако, даже если идеологии удастся выполнить мотивационную функцию и направить действия своих приверженцев на достижение тех или иных целей и задач, это еще не является гарантом их успешного достижения. Данный факт связан с необходимостью выполнения также познавательной функции идеологии, адекватным «отражением» окружающей действительности, оценкой реализуемости собственных целей и выбором действенных средств и методов их достижения

Литература

1. Барт Р. Мифологии. – М. 1996
2. Манхейм К. Идеология и утопия. Часть I. – М., 1992.
3. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права. Введение. // Сочинения. Издание второе. Государственное издательство политической литературы. Том 1. – Москва, 1954.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М., 1997
5. Bell D. The end of ideology. – Illinois, 1960.

ИННОВАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК НОРМАТИВНЫЙ ОБРАЗЕЦ ЛИЧНОСТИ И КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Наталья Николаевна Малахова

Доктор философских наук, доцент

*Ростовский на Дону филиал Всероссийского государственного института кинематографии
имени С.А. Герасимова*

В статье анализируется популярный в настоящее время концепт инновационной личности, выступающей по мнению сторонников ее целенаправленного формирования двигателем инновационного развития. Показано, что этот тип личности постепенно начинает пропагандироваться в качестве нормативного образца. Выделены качества инновационной личности, такие как креативность, умение рисковать, толерантность к неопределённости, стремление к новизне, риску и доминирование эмоционального компонента над рациональным при принятии решений. Проанализированы возможные негативные последствия целенаправленного формирования вышеуказанных личностных качеств, такие как увеличение числа людей с нарушениями психической регуляции и поведения, рост числа рисков и нестабильности в обществе, а также дестабилизация социальных отношений.

Ключевые слова: инновационная личность, инновационное общество.

INNOVATIVE PERSON AS A NORMATIVE PATTERN OF PERSONALITY AND A SUBJECT OF SOCIAL CHANGES

Nataliia Nikolaevna Malakhova

DSc of Philosophy, Associate Professor

Branch of Russian state Institute of cinematography named after S. A. Gerasimov

The article considers the main characteristics of the innovative personality. It is noticeable that nowadays innovation person is considered as a normative sample of person. Main characteristics of the innovative personality are creativity, ability to take risks, tolerance of uncertainty, the desire for novelty and the dominance of the emotional component when making decisions over rational. The author analyzes possible negative consequences of purposeful formation of the above-mentioned personal qualities, such as increased numbers of people with mental regulation and behavior, the growing number of risks and instability in society and opportunities for manipulating the minds of consumers.

Keywords: Innovation personality, innovation society.

Современный этап общественного развития характеризуется стремительно разворачивающимися преобразованиями, которые в связи с их радикальной новизной, определяются некоторыми исследователями как инновационные. Масштабы преобразований, их всеохватность, вовлеченность в них всех сфер общественной жизни порождают представления о происходящем в настоящее время становлении специфического типа общества, – инновационного общества [1], – и стимулируют разработку вопросов, посвященных рассмотрению типа личности, выступающего личностным или нормативным образцом для данного общества, ибо «...общество сможет стать инновационным, когда этот тип личности станет массовым, и когда инновационной деятельностью таких личностей будут пронизаны все сферы жизнедеятельности общества» [5, с.37]. Действительно, уже в 1962 г. в работе Э. Хагена «К теории социальных изменений: как начинается экономический рост» для обозначения актуального типа личности вводится термин инновационная личность [2, с.74-75] и делается попытка выделить ее особенности. В современных специальных исследованиях наряду с этим термином используется термин «инновационный человек» [1], что выглядит уже как стремление обозначить не просто современный тип личности, но следующий этап в эволюции homo sapiens – homo innovaticus. Необходимость формирования личности (или человека) такого типа озвучивается с самых высоких трибун. Так, в Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечено, что «ключевая задача инновационного развития, сопоставимая по важности и масштабности с суммой всех остальных – создание условий для формирования у граждан компетенций инновационной деятельности, иначе говоря – компетенций «инновационного человека» как субъекта всех инновационных преобразований [4, с.45]. В связи с тем, что задача генерирования инновационных личностей формулируется уже в качестве социального заказа, социологами, психологами, педагогами анализируются различные аспекты и разрабатываются технологии ее формирования. Таким образом, можно говорить о появлении нового, пропагандируемого, по крайней мере, политическими институтами нормативного личностного образца, что, в свою очередь, обуславливает доминирование положительных оценок при описании инновационной личности, в том числе и при прогнозировании результатов ее деятельности. Подобная однобокость, на наш взгляд,

опасна при рассмотрении любого социального явления, поэтому нам представляется необходимым проанализировать так ли однозначны последствия формирования и последующего функционирования инновационных личностей в массовом масштабе.

Анализ, имеющихся к настоящему времени описаний инновационной личности, позволил определить, что в целом она должна обладать следующими качествами:

- потребностью в новизне, лежащей в основе мотивации к производству, потреблению, и, в целом, адекватному восприятию инноваций;
- способностью к творческой деятельности, без наличия которой невозможно создание инноваций;
- рискованностью как личностной диспозицией, основанной на восприятии риска как ценности, и заключающейся в готовности или склонности к реализации рискованных форм поведения в процессах производства и потребления инноваций;
- повышенным уровнем эмоциональности и доминированием эмоционального компонента над рациональным, проявляющихся в процессах позитивного восприятия инноваций, а также соответствующими этому уровню эмоциональности свойствами, такими как впечатлительность, чувствительность и импульсивность;
- умением не просто адаптироваться к изменениям, вызванным постоянной инновационной деятельностью, и позитивно на них реагировать, но и выступать в качестве источника этих изменений.

Можно отметить взаимосвязь вышеуказанных качеств, а также системный характер их проявлений в деятельности. Так, способность к творчеству как личностная особенность, согласно экспериментальным данным, связана с предпочтением новшеств так же как с нуждой в стимуляции в общем [3, с.172]. А. Маслоу в качестве одной из особенностей творческих людей выделил богатство эмоциональных реакций. Стремление к удовлетворению потребности в новизне стимулирует рискованные формы поведения, создание нового провоцирует изменения, а постоянные изменения препятствуют использованию рациональных механизмов принятия решений и актуализируют эмоциональные механизмы. Отмеченная взаимосвязь позволяет предположить взаимообусловленность вышеуказанных качеств и возможность их совмещения в пределах одной личности.

Однако, в процессе выполнения своей ключевой, по мысли и Э. Хагена, считающего, что «сформированная усилиями современности инновационная личность способствует рождению самоподдерживаемых изменений, которые постоянно революционализируют ее жизнь – ее стандарты, ценности и т.д.» [2, с.74-75], и авторов «Стратегии», функции субъекта всех инновационных преобразований, инновационная личность продуцирует такие социальные изменения, которые могут получить только негативную оценку. Так, творческая активность личности имеет своим следствием появление продуктов и технологий, отличающихся новизной и провоцирующих изменения в общественной жизни в целом. В свою очередь, увеличение численности и интенсивности изменений оказывает негативное воздействие на человеческий организм, истощая его адаптационные возможности, снижая не только точность предвидения, но и возможность делать разумные корректирующие оценки в принципе. Невозможность использования рациональных механизмов стимулирует переход на эмоциональный уровень отражения действительности, отличающийся более быстрыми, непосредственными и импульсивными реакциями на воздействия со стороны внешнего мира. В результате постоянно провоцируя своей инновационной деятельностью увеличение темпа и количества изменений, масштабов неопределенности, инновационная личность сокращает способность других людей мыслить, в том числе и нестандартно и креативно.

Кроме того, быстрые и повсеместные изменения имеют своим следствием утрату человеком контроля над социальными процессами, незащищенность перед переменами, которые он не в состоянии контролировать, и перед ситуацией неопределенности, в которой он должен жить. Неопределенность и небезопасность как характеристики социальных процессов делают общество «обществом риска». Закрепление рискованных форм поведения в качестве социокультурной нормы и положительного отношения к ним (как одной из характеристик инновационной личности) имеет своим следствием увеличение количества рисков в современном обществе и дальнейшее его превращение в общество высокого риска, что, в свою очередь, усиливает его нестабильность и делает склонным к саморазрушению. Таким образом, выступая в качестве агента социальных изменений, инновационная личность с одной стороны формирует социальную среду, обеспечивающую возможность реализации этих качеств (нестабильная среда благоприятствует креативности), а с другой стороны способствует увеличению числа лиц с девиантным поведением, потере контроля над социальными процессами, и саморазрушению социума. Последствиями целенаправленного формирования качеств инновационной личности становятся, таким образом, изменения не только характеристик самого человека, но и характеристик общественных отношений, которые становятся более неустойчивыми, неопределенными, рискованными и некомфортными для самого человека.

Литература

1. Инновационный человек и инновационное общество / Под. ред. В.И. Супруна. — Н.: ФСПИ «Тренды», 2012. — 424 с.
2. Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики: учебное пособие. — СПб.: Питер, 2004. — 186 с.
3. Николаенко Н.Н. Психология творчества. — М.: Речь, 2007. — 208 с.

4. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec> (Дата обращения 23.07.2017)
5. Шевченко В.С. Инновационная личность как социальный тип // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – Т.2. – №11. – С. 37–50.

УДК 004.81:008.2

NBICS-КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ОРУДИЕ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ: ТЕХНОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Игорь Никифорович Тяпин
Доктор философских наук, профессор
Вологодский государственный университет

Расчеловечивание человека выступает как многоформатный процесс, запущенный и осуществляемый сверхгосударственным управленческим сообществом. Идеинная и практическая манипуляция достижениями, так называемых конвергентных технологий, обусловлена стремлением ускорить расчеловечивание и сделать его необратимым. Программа NBICS-конвергенции представляет собой современный вариант технологической утопии, попытки реализации, которой будут иметь однозначно негативный характер для личности. Лженаучность и псевдорациональность доктрины NBICS-конвергенции состоят в дефиците достоверных знаний и четких прогнозов, замалчивании критики и отсутствии самокритики, сомнительной реалистичности ряда идей, сопровождающейся отказом от всестороннего рассмотрения последствий уже действующих либо принципиально возможных технологий. Выделен ряд негативных результатов, а также угроз и рисков конвергентного проекта, связанных с деформацией ценностей и потребностей, упразднением прав и свобод человека, манипуляцией сознанием и поведением, необратимостью мутаций. Если в качестве технологии NBICS-конвергенция довершает начавшийся процесс трансформации человека в управляемое и всецело контролируемое технологическое существо-орудие, то в качестве идеологии она предстает средством обоснования постгуманизма, отрицающего право на существование человека как вида и личности как субъекта суверенных национально-государственных образований, облегчающего гибридную экспансию глобального сверхгосударства.

Ключевые слова: расчеловечивание, постгуманизм, глобальное сверхгосударство, конвергентные технологии, лженаука.

NBICS-CONVERGENCE AS A TOOL OF DEHUMANIZATION: IDEOLOGY AND TECHNOLOGY

Igor Nikiforovich Tyapin
DSc of philosophy, professor
Vologda State University

The dehumanization of a person acts as a multi-faceted process, launched and implemented sverhodarennym management community. The ideological and practical manipulation of achievements of the so-called convergent technologies due to the desire to expedite the dehumanization and make it irreversible. The program of NBICS-convergence is a modern version of technological utopia, attempts which will be unambiguously negative for the personality. Lunarcell and pseudosocialist doctrine of NBICS-convergence are the shortage of reliable knowledge and precise predictions, the silencing of criticism and lack of self-criticism, questionable realism of a number of ideas, accompanied by a waiver of full consideration of the consequences of existing or possible technologies. Highlighted a number of negative results, as well as threats and risks convergent project related to the deformation values and needs, the abolition of the rights and freedoms of the individual, the manipulation of consciousness and behavior, irreversible mutations. If the technology of NBICS-convergence, and completes the ongoing process of human transformation in a controlled and fully controlled technological creature-weapon, as an ideology it is a means of justification of post-humanism, deny the right to existence of the human species and the individual as a subject of a sovereign national-state formations that facilitate a hybrid expansion of the global superstate.

Keywords: dehumanization, post-humanism, global superstate, convergent technologies, pseudoscience.

Понятие «расчеловечивание», применяемое для описания процесса утраты представителями вида homo sapiens комплекса духовно-нравственных, интеллектуальных и социальных качеств, выделяющих че-

ловека из окружающей реальности и делающих его особой сферой бытия, становится все более востребованным в социально-гуманитарной мысли. Его использование выступает попыткой замены якобы ценностно-нейтральных и неопределенных в смысловом отношении понятий транс- и постгуманизма, являющихся примером характерного для эпохи тотальной манипуляции «новояза»; при этом происходит борьба по вопросу о положительной или отрицательной коннотации понятия. Сторонники первого подхода (В.Ф. Пряхин, А.Л. Крайнов, Н.В. Даниелян и др.), трактуют техно-антропо-социальные процессы как объективное следствие краха гуманистической парадигмы, абсолютно неизбежную и при том позитивную перспективу создания *Super homo sapiens*, коррелирующую при этом с торжеством нового социального порядка, формирования мирового правительства. Иллюстрацией второго подхода (представленного работами С.С. Хоружего, Н.В. Короткова, А.А. Понукалина, Н.А. Комлевой и др.) может служить мысль В.А. Лекторского о том, что попытка реализовать трансгуманистическую утопию разрушит культуру с ее представлением о допустимом и недопустимом, приведет к потере главнейших смыслообразующих ценностей, в том числе заботы о детях, любви к другому, сострадания, самоотверженности, героизма [4, с. 34].

Интенсивность расчеловечивания обеспечивается многообразием его направлений, важнейшими из которых выступают: культивирование консьюмеризма; вытравливание чувства стыда посредством порнофикации и обценнизации языка и культуры, а также навязчивых медицинских «услуг»; дискредитация института семьи; разрушение этнокультурной и половой идентичности; возвеличивание псевдоискусства; превращение всей индустрии массовой культуры в пропаганду позитивности киборгизации; распространение технологий тотального контроля за действиями и переход к чипизации; химеризация организма посредством генной инженерии; диктат манипулятивных технологий в социальном управлении; привитие тотального цинизма; отказ от табу и ограничений. В.А. Кутырёвым описаны основные приемы и формы расчеловечивания, в т.ч. антиэтно-, фоно-, логоцентризм, т.е. уничтожение посредством псевдорациональной деконструкции принадлежности человека к определенной культуре, языку, его опоры на ключевые, смыслообразующие понятия, их замещение техно-интелло-инфо-цифроцентризмом, замена живого человека роботообразной сущностью Иного [3]. В целом многоформатный и системный процесс расчеловечивания предстает как результат радикального усиления влияния идеологии глобализма на конструирование социальной реальности, как осознанная стратегия *сверхгосударственного управленческого сообщества*, образуемого окрепшей международной бюрократией, транснациональным бизнесом, инфернальными организациями «избранных» и др. Борьба человечества против дискриминации парадоксально (на первый взгляд) соединяется с параллельным отрицанием права на само существование человека как вида. По сути, современный человек не распоряжается ни собственным телом, ни своим сознанием, он лишен права на их неприкосновенность. И то, и другое – всего лишь объекты стороннего изучения, эксплуатации, произвольной трансформации.

Обоснование программы расчеловечивания реализуется в рамках методологии псевдорациональности, отказа от системного подхода, при использовании идеологизированных лженаучных доктрин, предлагающих predetermined «картину будущего», выводимую из «объективных» «научных» открытий и технических наработок. Доктрина NBICS-конвергенции принадлежит к числу наиболее влиятельных учений современности, обладающих некоторыми характеристиками лженауки. Ее лженаучность (в данном случае – *лжетехнонаучность*) и псевдорациональность состоят в дефиците достоверных знаний и четких прогнозов, замалчивании критики и отсутствии самокритики, сомнительной реалистичности ряда идей (антистарение, бессмертие, сканирование личности, изготовление человека на 3D-принтере), сопровождающихся отказом от всестороннего рассмотрения последствий массовой реализации уже действующих либо принципиально возможных технологий, таких как генная инженерия, нейроимплантаты, биоэлектронные устройства и интерфейсы, психотропные вещества, изменяющие как физические, так и когнитивные параметры человека (в лучшем случае все сводится к дежурному упоминанию о «возможных негативных последствиях»), без всякой спецификации и анализа, направленного на их предсказание и предотвращение). Хотя связь NBICS-конвергенции с идеологией транс- и постгуманизма (в рамках которой первая выступает «технико-эмпирическим обоснованием» реалистичности и позитивности второй) является прямой, непосредственной и открытой, ее осмысление лишь относительно недавно вышло за рамки жанра фантастической литературы и обрело черты направления научно-философских исследований.

А.И. Субботин отмечает, что хотя «конвергентный проект» еще не реализовался в полной мере, уже сейчас наблюдаются целый ряд негативных результатов манипуляции его достижениями: навязывание античеловеческих потребностей и товаров под предлогом суперобеспечения; пропаганда через СМИ модных, обещающих фантастические результаты тем для инвестиций (включая государственные); обслуживание псевдонаучной индустрии грантов и диссертаций; развал подлинной науки и увеличение (за счет резкого повышения уровня мошенничества и его псевдофилософского и псевдоморального оправдания) социокультурного хаоса; резкое снижение уровня образованности населения и др. [5, с. 294]. Таким образом, можно как минимум констатировать реальность конвергентного расчеловечивания в смысле духовной – интеллектуальной и ценностной – деградации и перерождения сознания как субъектов, так и объектов конвергентного проекта.

Очевидно, что конвергентное, постгуманистическое стремление нивелировать и так уже пошатнувшееся, благодаря биотехнологиям, различие между живым и неживым грозит уничтожением представления об абсолютной самоценности жизни, трепетного к ней отношения, что в свою очередь навсегда упразднит феномен прав человека, во всяком случае, понятие так называемых естественных прав, вытекающих из базового понятия феномена природы человека. Если природа человека перестает быть биологической, то и

естественным правам человека приходит конец, что многократно облегчит сегрегацию, массовое производство «служивых людей», существ, уже рождающихся с «седлом на спине».

«Постчеловек», понимаемый как механизированная часть сети или системы с поддерживающими функционирование организма бионическими имплантатами, без которых невозможно его существование, открывает собой выход на новый уровень контроля за разумом, действиями и вообще жизнедеятельностью индивида, для которого отсутствие той или иной технической части будет в прямом смысле смерти подобно [2, с. 21], что сводит на нет оптимистические заявления о бесконечной свободе, якобы открывающейся для личности в результате ее «технологического улучшения». Но не менее важно, что расчеловечивание начинается еще до практического вмешательства в природу тела, уже в ходе размышления над самой возможностью этого, что и делают транс- и постгуманисты (Э. Дрекслер, Х. Кордейро, Р. Курцвейл, Л. Альтюссер и др.) – садисты по отношению к природе, но мазохисты в отношении техники. Технология трансформации человечества исключает право личности на свободу. Там, где классический гуманизм ставит человека перед моральным выбором, постгуманизм требует способствовать технопрогрессу во что бы то ни стало. Грубый технологический детерминизм, утверждение, что законы технического развития имеют имманентную логику и целиком и полностью определяют социальное развитие без воли человека, находит здесь свое законченное выражение. Поскольку искусственная среда изменяется быстрее биоты, то все «улучшения» будут морально устаревать. Человек растворится в потоке становленческого конструирования, не имеющего при этом внятно озвученных целей.

В связи с возможностью внедрения различного рода имплантантов в человеческий мозг возникает опасность манипуляции сознанием, в частности, на расстоянии через радиокommunikационные устройства. Воздействие может быть психическим или физиологическим, вызывая, например, болевой шок, моторно-двигательную блокаду, экстагическое состояние [1, с. 19].

Специалисты в сфере биотехнологий сегодня нередко упоминают о «проклятии Люцифера», суть которого заключается в том, что изменение даже одного элемента человеческого организма с целью придания ему «сверхсвойств» (например, в процессе вмешательства в геном) приводит к риску получения абсолютно неожиданных последствий, побочных результатов, многократно превосходящих все положительные эффекты.

Таким образом, значительный манипулятивный и антигуманистический потенциал проекта NBICS-конвергенции заключается как в самих составляющих его технологиях, так и в оперировании им как идеологией. В рамках *первого аспекта* можно с уверенностью констатировать, что даже частичная реализация конвергентных технологий довершит начавшийся процесс трансформации человека в управляемое и всецело контролируемое технологическое существо-орудие, в перспективе лишенное даже внешнего человекоподобия. В рамках *второго аспекта* корректно вести речь о том, что конвергентная тематика позволяет расчеловечить человека социально и духовно, окончательно вытеснить из системы фундаментальных ценностей национально-культурную идентификацию, патриотизм, метафизический поиск смысла жизни, что, в свою очередь, создаст условия для завершения гибридной экспансии глобального сверхгосударства.

Литература

1. Гнатик Е.Н. Конвергентные технологии и перспективы расчеловечивания человека // Обсерватория культуры. – 2015. – № 5. – С. 17-20.
2. Коротков Н.В., Фофанов Р.Ю. Наше постчеловеческое будущее: перспективы и альтернатива // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 15-22.
3. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.
4. Лекторский В.А. Философия, общество знания и перспективы человека // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 30-34.
5. Субботин А.И. «НБИКС-конвергенции» – глобальная манипуляция? // Когнитивные исследования на современном этапе: материалы 5-й международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 292-296.

УДК 72.01

ТЕОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ФИЛОСОФСКИХ ПАРАДИГМ

Ирина Олеговна Бембель

*старший научный сотрудник, кандидат искусствоведения
филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»*

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства

Статья поднимает вопрос мировоззренческой позиции архитектурного исследователя в контексте радикальной смены философских парадигм. По инерции и «по умолчанию» современная архитектура существует в рациональной системе модернизма, тогда как часть архитекторов и исследователей перешла на постмодернистские позиции, сознательно или бессозна-

тельно транслируя постструктуралистские идеи. Наконец, в профессии по-прежнему имеют место маргинальные проявления Традиции. Отсутствие универсальных критериев оценки создаёт причудливое и алогичное поле, в котором по факту существуют сегодня и творцы, и аналитики. Ситуация всё больше уподобляет архитектурную дискуссию разговору слепого с глухим и имеет следствием субъективный, сугубо вкусовой подход. В существующей диспозиции Традиция – Модерн – Постмодерн представляется существенно важным самоопределением аналитика. Это с неизбежностью требует преодоления узких рамок традиционного стиливого подхода к архитектуре и подведения под формообразующие процессы философских оснований. Не менее важным представляется рассмотрение всего исторического пути, пройденного архитектурой, под единым углом зрения. Автор берёт за основу философию традиционализма, в свете которой история архитектуры встраивается в новую систему причинно-следственных связей, помогающую понять ход развития зодчества. В частности, логическое обоснование получает переход к историзму в Новое время, а также полемический тезис С.О. Хан-Магомедова о двух «суперстилях» в архитектуре.

Ключевые слова: архитектура, философия, архитектурная теория, Традиция, Современность, традиционализм, модернизм, постмодернизм, постструктурализм, деконструктивизм, парадигма, позиция.

THEORY OF ARCHITECTURE IN THE CONTEXT OF CHANGING PHILOSOPHICAL PARADIGMS

Irina Olegovna Bembel

Ph.D. in history of Arts, Senior research fellow

Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning

This paper examines a worldview of an architecture researcher placed in the context of extreme changes of philosophical paradigms. In so called 'taken for granted' discussions, contemporary architecture exists within the frames of rational modernism. However, a part of architects and scholars moved to postmodernist ground either reflectively or non-reflectively transferring post-structuralistic ideologies. In addition, those who stay on the traditional perspective in these professions still remain. The lack of universal criteria of evaluation of both architects and scholars' products, creates an illogical paradox field where both creators and analytics must live and work together. Hence their dialogue turned into a conversation between 'blind' and 'deaf' and as a result, a highly subjective approach emerges. Within the existent disposition Tradition-Modern-Postmodern, an identity of an analytic is very important. This unavoidably demands to surpass style and approach in architecture as well as a solid framework for philosophical evidences. It is also highly important to rethink the history of architecture from the one point of view. The author of this paper considers the philosophy of traditionalism as a background for her analysis. Thus, the history of architecture will be embedded into a novel system of casual relationships, facilitating our understanding of a way architecture is developing. In particular, the transfer to historicism in a New time era as well as a polemic thesis of S.O. Khan-Magomedov concerning two 'super-styles' in architecture will be addressed.

Keywords: architecture, philosophy, architectural theory, Tradition, Modernity, traditionalism, modernism, postmodernism, poststructuralism, deconstruction, paradigm, position.

Одной из определяющих особенностей современного знания является его узкая специализация и нарастающая дифференциация. Отчасти являясь издержками сложности предметов, эти явления всё более затрудняют целостный взгляд на мир и качественную оценку происходящих событий. В этом смысле философское знание является тем объединяющим полем, которое потенциально способно вернуть целостность рассыпающимся фрагментам мира и помочь качественно оценить происходящие изменения в отдельных сферах человеческой деятельности.

Данная статья ставит вопрос философского осмысления архитектурных процессов последних десятилетий. Разумеется, это осмысление не может происходить в отрыве от исторической перспективы и вне контекста радикальных мировоззренческих трансформаций всего Новейшего времени. Особенностью постановки вопроса является поиск единого угла зрения на периоды Традиции и Современности, включающей модерн и постмодерн. За такую общую позицию берётся философия традиции (традиционализм) и близкая ей русская религиозная философия. Эта позиция, в частности, помогает понять, является ли современная (модернистская, постмодернистская, деконструктивистская, нелинейная) архитектура частью единого и непрерывного поступательного процесса развития зодчества (преобладающая в профессиональных кругах точка зрения), или речь сегодня идет об антагонизме двух «суперстилей», по определению С.О. Хан-Магомедова? Авторитетный исследователь современной архитектуры вывел свой тезис сугубо из формально-стилевого анализа, тогда как приняв точку зрения традиционалистов, можно подвести под него философскую базу.

Нацеленность на выражение онтологической Истины, ориентация на абсолютную идею обеспечивали консерватизм, преемственность и принципиальную родственность традиционных форм. Именно здесь сле-

дует искать основной «нерв» и сущность Традиции: при всём разнообразии конфессий, традиционные общества были пронизаны идеей священного, над-человеческого. Отметим одну чрезвычайно важную, с нашей точки зрения, общую закономерность: при смене домодернистских стилей, сооружения разных эпох соседствовали друг с другом гармонично, образуя нередко выдающиеся ансамбли. Это свидетельствует, на наш взгляд, не только о градостроительном таланте старых мастеров, но и о генетическом родстве домодернистских стилей.

В Новейшее время сосуществование старого и нового, как правило, имеет характер противопоставления и антагонизма. При этом можно констатировать, что растущее число охранных законов и организаций никак не спасают положение, поскольку они действуют фрагментарно, в рамках совершенно иной, антагонистичной Традиции парадигмы.

Философская эпоха модерна ознаменовалась в архитектуре началом перехода к историческим стилям. Не случайно петербургские историки архитектуры С.П. Заварихин и В.С. Горюнов предлагают начинать отсчёт историзма с эпохи Возрождения, что кажется совершенно логичным. Такой поворот художественной мысли означал, что источник вдохновения непосредственно «в мире идей» (как передаваемый последующим поколениям опыт Откровения) стал иссякать и начал пополняться готовыми формами прошлого, которые приспособлялись под созвучные времени функции, как церковные, так и светские.

Ордер оказался очень удачным, универсально-нейтральным языком для новой парадигмы, более уместным в контексте рациональных идей деизма, чем христианский язык готики. С этих пор, похоже, и возникает та самая «традиция» в сегодняшнем понимании – т.е. исключительно стилевая ориентация на ордерную классику как некий универсальный камертон. При этом христианская идея, конечно, еще продолжала питать и оплодотворять новый эстетический эталон. Но процесс секуляризации был уже необратим. Получивший бурный всплеск в эпоху Вольтера, он завершился в XX веке целым рядом атеистических революций.

Живучесть и по большому счету безальтернативность до поры до времени ордерной традиции говорит не только о её мощном художественном потенциале, но и о том, что лишь к началу XX века (не раньше и не позже) в обществе вызрели и окончательно оформились фундаментальные идеи нового мировоззрения. Возобладала парадигма Современности. Именно к этому времени произошел революционный переход от традиционно религиозной модели мироздания к абсолютно новой – материалистической. Из традиционной системы координат была изъята «духовная вертикаль», уступив место теории линейного, социального и технического, прогресса. На общей социальной волне возник миф о светлом земном будущем как альтернативе небесного рая. Возник авангард как декларация материализма воинствующего, который постепенно уступил место функционализму как производной материализма победившего.

Таким образом, эпоха модерна в философии, ознаменовавшая собой разложение средневековой картины мира (от теизма к деизму и, наконец, к атеизму), синхронно накладывается на архитектурную эпоху «стилей», которая развивалась в сторону всё большего расхождения традиционных форм с новым сознанием и логически завершилась торжеством «взорвавшей» их изнутри современной архитектуры.

Второй поворот связан с кризисом функционализма и питавшей его позитивистской философии. Как новые открытия физики, так и старые, «вечные» вопросы не умещались в Декартову картину мира. Наступила эпоха постмодерна, идейное содержание которого определяется философией постструктурализма с его деконструкцией.

Происходящий слом старой картины мира – не только идеально-классической, но и модернистски-рациональной – выразили в архитектуре деконструктивизм и постмодернизм. И тот, и другой представляли собой стиль-бунт, стиль-протест, однако, в отличие от исторического авангарда, новые течения были направлены даже не против конкретной системы (в данном случае модернистской), но и против системности как таковой. Против картины мира, предполагающей смысл и поддающейся осмыслению. Образно разрушая привычное и иронизируя над каноническим, эти стили довольно быстро исчерпались своей исторической ролью: расчисткой места для новой архитектурной реальности. Подобно авангарду, также устремлённой вперёд. Однако миф будущего как альтернативы небесного рая в ней существенно трансформировался. Социальные задачи отодвинулись на второй план, а вперёд вышел научно-технический прогресс как таковой. Инновационные технологии – по умолчанию средства для достижения всеобщего благоденствия – незаметно подменили собой цель.

В архитектуре эти тенденции наиболее наглядно отразил параметризм, претендующий на роль нового большого стиля.

На Западе, примерно начиная с 1960-х годов, начинается критическое переосмысление итогов модернистской революции в архитектуре и градостроительстве. Книги Джейн Джекобс, Яна Гейла, Стюарта Брэнда, Леона Крие, принца Чарльза постепенно расшатывали и расшатывают модернистскую монополию в теории и практике, хотя суть проблем современной архитектуры и пути их преодоления их авторы видят по-разному. В последние годы к ним добавились голоса Кристофера Александера и Никоса Салингароса, подводящих основательную научную базу под эту критику. Однако нестыковка видится в том, что противоборствующие стороны находятся в разных парадигмах; научные, социологические и собственно архитектурно-градостроительные аргументы критиков основного вектора архитектуры Современности апеллируют к здравому смыслу и системности, тогда как спровоцировавшая эту архитектуру философия Современности открыто проповедует деконструкцию и распад («Смысл – это тоталитаризм», Ю. Кристева). При этом назван-

ные системы на деле наслаиваются друг на друга, образуя весьма причудливое и алогичное поле, в котором по факту существуют и творцы, и аналитики.

Между тем, если философия и культурология достаточно чётко фиксируют происходящие глобальные сдвиги, то архитектуроведение, в подавляющем большинстве случаев по-прежнему предпочитает «копаться в стилях», опираясь, с одной стороны, на прочно укоренившиеся модернистские постулаты-штампы (такие, как теория прогресса, «форма следует функции», «меньше значит больше», «изнутри наружу» и т.д.), а с другой – на присущую традиции и существующую на уровне «коллективного бессознательного» тягу к гармонии, завершённости, ясному соподчинению частей и целого, наконец, к прекрасному в самом безусловном значении этого слова.

Попутно нельзя не отметить непоследовательность модернистской установки, согласно которой первые 15-20 лет своего существования модернизм честно отрицал традицию, а потом, осознав несоответствие «весовых категорий», объявил себя её полновластным и единоличным наследником. При этом идеологи современных архитектурных течений полностью и, по-видимому, сознательно игнорируют философскую базу Традиции, поскольку даже слегка «копнув» её, они обнаружили бы радикальное расхождение базовых позиций, которое прямо отражается на принципах формообразования.

Именно поэтому, при фактической легитимизации сосуществования множественности «истин», в архитектуроведческом анализе столь важным представляется уточнение исходных позиций. Иначе, как оно фактически и происходит, в интерпретациях современной архитектуры по большей части мы имеем просто вкусовые оценки. «По умолчанию» он существует в системе модернизма, но ввиду обозначенных мировоззренческих трансформаций эта система даёт всё больше логических сбоев.

Мы берём за отправную точку философию традиционализма, опираясь на труды Р. Генона; антропологические и социологические исследования А. Дугина, анализ цивилизационных изменений, связанных с переходом на шестой технологический уклад, д.ф.н. В. Кутырёва и других авторов, выводящих проблематику в этическое поле, поднимающих вопрос ценностных ориентиров и расширяющих горизонты видения до базовых философских универсалий.

Литература

1. Бембель И.О. Творчество архитектора Марека Будзинского и проблема традиции в современном зодчестве. Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://disser.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000000316_Disser.pdf
2. Вержбицкий Ж.М. Архитектурная культура. – СПб.: Издательский дом «Ардис», 2010. – 136 с.
3. Генон, Р. Кризис современного мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/genon.txt>.
4. Генон, Р. Царство количества и знамения времени. – М.: Беловодье, 2011. – 297 с.
5. Добрицина И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
6. Дугин А.Г. Война безобразного и прекрасного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/1158/> (Дата обращения: 25.01.2016).
7. Кутырёв В.А. Почему наша цивилизация не любит мудрость и стремится к концу света? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2728&level1=main&level2=articles>
8. Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Сакральная архитектура: ключ к преобразению сознания. — СПб.: Институт метафизики, 2009. — 566 с.
9. Ревзин Г.И. Очерки по философии архитектурной формы. – М.: ОГИ, 2002. – 134 с.
10. Соловьёв В.С. Красота в природе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iphras.ru/elib/Soloviev_Krasota.html (дата обращения: 29.01.2017).
11. Флоренский П.А. Иконостас. – Собрание сочинений. Т.1. Статьи по искусству / под общей ред. Н. А. Струве. – Париж: YMCA-PRESS, 1985. — 398 с.
12. Хан-Магомедов С. О. Иван Жолтовский. — М.: С. Э. Гордеев, 2010. — 352 с.

УДК 101.1

КОНЦЕПЦИЯ «ОТРИЦАТЕЛЬНОГО РОСТА ПРИ СОХРАНЕНИИ БЛАГОПОЛУЧИЯ» В ПАРАДИГМЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Татьяна Ивановна Коптелова

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия

В статье рассматривается проблема новационного развития человечества с позиции органической философии и концепции «отрицательного роста при сохранении благополучия».

Парадигма органической философии предлагает некапиталистическое определение экономического развития и замену западного проекта механической глобализации представлением об органическом, естественном росте национального, этнического многообразия антропосферы. Концепция «отрицательного роста» раскрывает благополучие как возможность жизни будущих поколений и возникновения новых этносов на планете Земля. Парадигма органической философии фокусирует внимание на функциональной цельности явлений действительности и отмечает в качестве неотъемлемой характеристики человеческой жизни духовное творчество, воплощающееся в национальной культуре. Суверенитет жизни рассматривается как необходимая основа благополучия человечества. Парадигма органической философии показывает, что благополучие человечества невозможно без духовно-творческой деятельности, обеспечивающей адаптацию и развитие. Развитие в данном случае рассматривается как увеличение многообразия национальных культур. Парадигма органической философии предлагает также свои законы общественного развития, которые находят отражение в концепции «отрицательного роста при сохранении благополучия». Автором рассматривается возможность выработки новой научной методологии изучения всеобщего и индивидуально-национального в развитии народов.

Ключевые слова: глобализация, концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия», логика органического, общество, парадигма, развитие.

THE CONCEPT OF «CONVIVAL DEGROWTH» IN A PARADIGM OF ORGANIC PHILOSOPHY

Tatyana Ivanovna Koptelova

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
Nizhny Novgorod state agricultural Academy*

In article the problem of innovative development of humanity from a position of organic philosophy and the concept of «convivial degrowth» is considered. The Paradigm of Organic Philosophy offers noncapitalistic definition of economic development and replacement of the western project of mechanical globalization with idea of the organic growth of national, ethnic variety of the anthroposphere. The concept of «convivial degrowth» discloses wellbeing as a possibility of life of future generations. The Paradigm of Organic Philosophy focuses attention on functional integrity of the phenomena of reality and notes the spiritual creativity which is embodied in national culture as the characteristic of human life. Sovereignty of life is considered as a necessary basis of wellbeing of mankind. The Paradigm of Organic Philosophy shows that the wellbeing of mankind is impossible without the spiritual and creative activity providing adaptation and development. Development in this case is considered as increase in variety of national cultures. The Paradigm of Organic Philosophy offers also the laws of social development which find reflection in the concept of «convivial degrowth». The author considers the possibility of development of new scientific methodology of studying of the general and individual-national people in development.

Keywords: globalization, concept of «convivial degrowth», logic organic, society, Paradigm, development.

Проблема устойчивого развития человеческого общества, сочетания эволюционного и революционного характера изменений социально-экономических, политических отношений особенно актуальна сегодня. Парадигма органической философии позволяет сформировать альтернативный капиталистическому, более эффективный и необходимый в современных условиях путь экономических и политических преобразований. Подобную концепцию можно сформулировать как «путь отрицательного экономического роста при сохранении благополучия». При этом общественное благополучие рассматривается здесь и как сохранение естественного хода национального развития, экономическая и политическая стабильность — устойчивость.

Некапиталистическое определение экономического развития, сформированное не только благодаря социальному опыту советских государств, но и опирающееся на многовековые интеллектуальные традиции, представляет собой альтернативу механистическому стилю мышления, распространяемому европейской цивилизацией в последние четыре столетия. В начале XXI в. формируется новая прогрессивная социология, готовая пересмотреть «достижения» капиталистической глобализации и противопоставить представлению о непрерывном экономическом росте концепцию «convivial degrowth» («отрицательного роста при сохранении благополучия») [7]. Так, для того, чтобы богатые стали менее богатыми, а материальное состояние бедных улучшилось, при этом и те, и другие выиграли в возможности духовного развития, необходимо пересмотреть капиталистическое понимание экономического развития. Концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» позволяет на место суверенитета потребителя поставить суверенитет жизни (живого). «Благополучие» здесь определяется как возможность жизни будущих поколений, возникновение новых этносов, сохранение и развитие национального многообразия антропосферы. Парадигма органической философии на первое место помещает феномен жизни — главную характеристику планеты Земля, которую не-

возможно представить без биосферы и человечества.

Концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» позволяет осуществить ревизию демократических ценностей в начале XXI в., что необходимо для обеспечения не только устойчивого развития общества, но и будущего планеты Земля. Парадигма органической философии расширяет наше понимание «устойчивого развития», без чего невозможно обеспечить социально-экономическое, политическое, культурное, экологическое благополучие человеческого общества. Так, концепция «устойчивого развития» в парадигме органической философии подразумевает не только поддержание в течение длительного времени расширенного воспроизводства социально-экономических и биолого-географических ресурсов, равновесие между экономической, социальной сферой и окружающей природной средой, но и развитие духовно-творческого потенциала человечества. Дело в том, что парадигма органической философии фокусирует внимание на функциональной цельности явлений действительности и отмечает в качестве неотъемлемой характеристики человеческой жизни духовное творчество, воплощающееся в национальной культуре. Основные научные принципы органической философии были разработаны Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, которые осуществили синтез естественнонаучных и гуманитарных знаний в понимании общества (культурно-исторического типа, национального организма). Современную органическую философию невозможно также представить без учения о ноосфере В.И. Вернадского и представления о необходимости согласованности всего живого И.И. Мечникова. Сторонники классического евразийства 20-30 х гг. XX в. дополнили парадигму органической философии, введя термины: «месторазвитие», «географический индивидуум», «идея-правительница». И пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева расширила границы методологии классического евразийства. Так, представление Гумилева об альтруизме как видоохранительном факторе этноса оказалось близким пониманию жертвенной и созидательной любви в социологии П.А. Сорокина. Логические основы современной органической философии можно обнаружить и в работах многих других учёных, т. к. логика органического представляет собой интеллектуальную традицию, свойственную самым разным национальным культурам [4, с. 526-528].

Парадигма органической философии и концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» позволяют пересмотреть механистический стиль мышления — неотъемлемую часть «капиталистического мироощущения» западного общества. Как известно, вектор социально-экономической политики Запада в последние четыре столетия исходил из установок господства и приобретения всё большего материального богатства [6, с. 193-196]. И как показывает распространяющаяся нестабильность в начале XXI в. построить альтруистическую модель глобального устойчивого экономического развития, опираясь на этику эгоизма (эгоцентризма), невозможно [2, с. 174-177]

Западная модель глобализация в качестве общего нравственного знаменателя справедливости предлагает «благо» для всего человечества. Но справедливость в современном мире всё чаще проявляется как власть сильных, «наиболее развитых», успешных народов [3, с. 147-148]. Природные ресурсы планеты ограничены и как их справедливо распределить с точки зрения капитализма и концепции экономического роста? Современные капиталистические отношения показывают, что на благополучие всех народов ресурсов не хватает. Стремительно меняющийся в начале XXI в. мир приводит современных экспертов к выводу, что состояние глобальной социо-эколого-экономической системы нестабильно, о чём свидетельствует уничтожение человечеством биосферы, гуманитарные катастрофы, международный терроризм, угрозы очередных экономических кризисов регионального и мирового масштабов. При этом, с точки зрения системного подхода, господствующего в европейской методологии, причины неустойчивости кроются в том, что национальные интересы преобладают над общечеловеческими: растёт население планеты за счёт стран с «низким уровнем жизни», многими народами используется экстенсивный путь экономического развития и т. д.

Господствующая научная методология исследования социально-экономических и политических проблем современности, в отличие от парадигмы органической философии, не позволяет увидеть такие причины «неустойчивости» развития, как унификацию национальных культур и миф бесконечного прогресса. С точки зрения синергетики, главной причиной неустойчивого развития является обострение внутренних противоречий системы, связанное с возможностями её разрушения или перехода в новое качество (более высокий уровень самоорганизации). Каковы критерии этого более высокого уровня самоорганизации? Стабильность и порядок? Бесконечный экономический рост, или «эффективное» использование, больших объёмов энергии? Концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» на эти вопросы предлагает свой ответ. Так, «широкомасштабные модели устойчивого экономического роста» лишь усугубляют неустойчивость и катастрофичность отдельных национальных экономик. Всем известно, что называемое «справедливым» и «недискриминационным» распределение выгод, появляющихся за счёт роста мировой экономики, определяется главными её участниками: странами ЕС и США. И невозможно достичь согласованности и солидарности национальных экономик с использованием «рыночных сил», т. к. сам рынок предполагает постоянную жёсткую конкуренцию борьбу. Экономическая и политическая согласованность в концепции «отрицательного роста при сохранении благополучия» опирается на национальные традиции, которые формируются благодаря самобытному духовному творчеству народов, уникальному географическому ландшафту, принципу взаимодополнения, добрососедским отношениям.

Благополучие человечества невозможно без духовно-творческой деятельности, обеспечивающей адаптацию и развитие. Развитие при этом предполагает увеличение многообразия национальных культур. Духовное творчество индивидуально и коллективно, но оно всегда уникально и неповторимо. Следуя своим

духовным (интеллектуальным, этическим, эстетическим) потребностям, человек и общество, с точки зрения органической философии, выполняют особую отведённую им роль в биосфере — согласование, гармонизацию всего живого не через унификацию, а благодаря увеличению многообразия. Поэтому важнейшая составляющая благополучия будущих поколений — это сохранение и развитие способности к духовному творчеству. В парадигме органической философии такие способности связаны с реализацией альтруистической любви, или аттрактивности.

Аттрактивность — это один из важнейших терминов пассионарной теории Л.Н. Гумилева, обозначающий бескорыстное стремление людей к истине, выраженное в желании составлять о предмете адекватное представление, стремление к красоте (тому, что нравится без предвзятости) и к справедливости (соответствию морали и нравственности) [1, с. 132-136]. Альтруистическая любовь при этом позволяет гармонизировать, привести в соответствие личные (частные) и общественные интересы. Именно аттрактивность приводит человека к мысли о суверенном праве жизни - максимальному стимулу уважения к чужой жизни. И всеобщее «благо», которое должно гарантировать общество — это жизнь при сохранении всего многообразия существующих в настоящее время национальных культур. При этом расширяются рамки понимания благополучия - оно рассматривается не только как равные права в отношении основных свобод, определенных обществом, но и как возможность творческой реализации собственной жизни (создание нового, что будет востребовано последующими поколениями).

Отказ от экономического роста (неотъемлемой составляющей «капиталистического мироощущения») необходим для сохранения и развития всего многообразия национальных культур, где «равенство» нужно понимать как право на существование для каждого отдельного этноса, а «равные возможности» - это совершенно разные пути реализации самобытности и самодостаточности. Благополучие в парадигме органической философии предполагает самодостаточность как самостоятельное существование, развитие этносов, возможность свободного выбора собственного исторического пути. Так, в международном праве можно регламентировать контакты и взаимодействия народов с позиции концепции «отрицательного роста», опираясь на базовое право жизни. При этом важно помнить, что любая жизнь всегда существует благодаря и ради множества других жизней. Жизнь выступает «как конкретная пространственно-временная категория, формирующая основу философского понятия «бытия» и «как реальность, требующая внимания и ответственности, существующая не благодаря комфорту, а за счёт напряжения сил, порою на грани возможного» [5, с. 209]. Таким образом, благополучие в концепции «отрицательного роста» невозможно реализовать без суверенитета жизни — права на полноценное физическое и духовное развитие для каждого человека, что невозможно достичь без сохранения природного многообразия биосферы. И человечеству важно вернуться к осознанию феномена жизни и пониманию собственной ответственности, что помогает сделать парадигма органической философии. А концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» предлагает новый взгляд на стремление к достойному, устойчивому уровню жизни для всех и каждого. Так, точкой отсчета в системе социальных координат органической парадигмы выступает этнос. Поэтому суверенитет жизни как важнейший принцип благополучия предполагает здесь право на собственную культуру, исторический путь, реализацию духовно-творческого потенциала для каждого отдельного человека и этноса в целом.

Рассматривая современные «достижения» мировой экономики и стремление к планетарному политическому лидерству отдельных государств, концепция «отрицательного роста» опирается на законы логики органического (живого), которые способствуют формированию новой методологии устойчивого развития. Основополагающий закон - закон саморазвития предполагает, что жизнь любого организма всегда начинается с целого и цельность - это неотъемлемый признак этноса. Другой закон логики органического - закон многообразия утверждает самобытность и культурно-историческую индивидуальность народов. Еще один закон логики органического говорит о том, что этнос как целое предшествует частям (социальным группам, статусам), определяя их назначение, но каждая часть в абстрактной форме воспроизводит целое, поэтому долгое время сохраняется возможность регенерации. И в этом кроется важнейшая особенность устойчивости общественных отношений. Взаимодействие целого и частей здесь существенно отличается от тех моделей, которые на протяжении последних трех столетий предлагает европейская философия. В социальном организме это взаимодействие происходит как нелинейный, многомерный процесс, где благополучие целого определяет функции частей, а от состояния, казалось бы, совсем незначительных элементов зависит жизнь и развитие всего социума. Поэтому от согласованного взаимодействия «низов» и «верхов» через свободу исполнения своего предназначения зависит полноценное состояние всех социальных групп и определяется будущее всего общества как органического целого. Таким образом, индивид отдает свою свободу семье, а семья роду и т. д. В социальном организме именно «идеальные» представления о «добре», «истине», «красоте», «справедливости» (проявление высокой степени аттрактивности) способствуют преодолению индивидуальной ограниченности, создавая цели, находящиеся за гранью существования отдельного элемента и даже за пределами той или иной национальной культуры. Поэтому именно духовное творчество создаёт возможность для адаптации этноса или народа в постоянно меняющихся природных и культурных условиях. Так, другой закон логики органического (сформулированный Г. Дришем) говорит о том, что индивидуальное развитие организмов - это не реализация экстенсивного пространственного разнообразия, как считали многие механицисты, а переход интенсивного индивидуального развития в экстенсивное. Без этого закона трудно представить свободную творческую личность, её естественность и необходимость для полноценного развития социума, понять, что творческий характер мышления - это природная данность, которая разруша-

ется искусственными социальными отношениями.

Концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» в парадигме органической философии выделяет ещё один закон логики органического - проявление одновременно двух детерминаций: идущей от прошлого (причинной), и детерминации будущего (целевой), где целевая детерминация первична по отношению к причинной. Этот закон говорит о ложности сиюминутных экономических целей и установок - изменчивой конъюнктуры капиталистических отношений, претендующих на универсальность. Концепция «отрицательного роста» говорит о том, что современному обществу необходимо знать и помнить: будущее осуществляет свой «отбор», открывая дорогу духовному творчеству и многообразию. Настоящее способно хранить память о героях, выдающихся деятелях искусства и науки. При этом память в сознании новых поколений выступает как одна из причинных детерминаций, (необходимость сохранения традиций жизни), а последующее альтруистическое творчество молодежи - целевая детерминация, без чего нельзя представить будущее человечества.

Для сохранения благополучия, с точки зрения концепции «отрицательного роста», необходимо всё множество народов, которые занимают свои особые ниши в системе организации мировой культурной, политической и хозяйственной деятельности. В настоящее время особенно важны различные этнические традиции организации жизни, выработанные в процессе адаптации к тем или иным природным и социальным условиям. «Традиций жизни» множество, и все они имеют свой конкретный пространственно-временной и духовно-творческий характер. Поэтому концепция «отрицательного роста при сохранении благополучия» способствует выработке новой научной методологии изучения общественного развития, сохранению всеобщего и индивидуально-национального в жизни различных стран. Данная концепция предлагает рассмотреть эволюционных и революционных изменений в жизни общества с позиции этноса как целостного организма.

Литература

1. Гумилёв Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 608 с.
2. Коптелова Т.И. Логика органического как основа методологии изучения устойчивого экономического развития // Философия хозяйства. — 2016. — № 1. — С. 172-178.
3. Коптелова Т.И. Определение социальной справедливости в парадигме органической философии // Наука. Мысль. — 2017. — № 2. — С. 145-152.
4. Коптелова Т.И. Органический принцип евразийства и предпосылки изменения господствующего в современной науке стиля мышления // Российский гуманитарный журнал. — 2015. — Том 4. — № 6. — С. 524-533.
5. Коптелова, Т.И. Экология духа как основа социального проектирования в парадигме органической философии // Философия хозяйства. — 2016. — № 5. — С. 205-212.
6. Коптелова, Т.И. Экономика и православие - евразийский вариант «капиталистического духа» // Философия хозяйства. — 2014. — № 5. — С. 191-198.
7. Скляр Л. Конец света или конец капитализма? // Социологические исследования. — 2016. — № 11. — С. 165-167.

УДК 37.032

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НОВАЦИИ КАК ФАКТОР УТВЕРЖДЕНИЯ ПОСТЧЕЛОВЕКА

Олег Викторович Париллов

Доктор философских наук, профессор

*Нижегородская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации*

В результате новаций последних двадцати пяти лет российское образование все более становится постмодернистским. Образовательная система активно перемещается в виртуальное пространство, которое является квинтэссенцией постмодерна, деконструкции реальности. В нем все более утверждаются альтернативные классическому образованию формы, усиливается его прагматизация. В контексте постмодерна следует понимать и развитие мобильности преподавателей и учащихся (это свидетельствует о постмодернистском разрушении национально-культурной идентичности), утверждение игровых форм. Но наиболее активно современное образование воплощает постмодернистскую концепцию «смерти человека», его трансформации в иные «более совершенные» формы. Идеи трансгуманизма реализуются в футуристических проектах, один из которых (форсайт «Образование – 2030») кратко проанализирован в этой статье. Данный проект, к разработке которого причастны ведущие научные и образовательные центры нашей страны, щедро финансируемый, является апофеозом трансгуманизма. Цели проекта – стирание грани между игрой, учебой и жизнью, кастовое разделение людей,

вытеснение классического образования виртуальным «Университетом для миллиарда» с искусственным интеллектом-наставником, отмена человека путем его трансформации в киборга, мутанта, компьютерную программу. Это противоречит декларируемым в современной России установкам на сбережение человека, сохранение национальной традиции и культуры.

Ключевые слова: реформа российского образования, постмодерн, национальная культура, традиция, свобода и раскрепощение, технонаука, «смерть человека», трансгуманизм, национально-государственный интерес.

CONTEMPORARY EDUCATIONAL INNOVATIONS AS A FACTOR OF APPROVAL OF THE POST- HUMAN

Oleg Viktorovich Parilov

DSc of Philosophy, Professor

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

As a result of innovations in the last twenty-five years, Russian education has increasingly become postmodern. The educational system is actively moving into virtual space, which is the quintessence of postmodernity, the deconstruction of reality. It is increasingly asserted alternative forms of classical education. Education becomes pragmatic. In the context of postmodern, one should also understand the development of the mobility of teachers and students (this indicates the postmodern destruction of the national and cultural identity), the approval of game forms. But the most active modern education embodies the postmodern concept of «death of a person», its transformation into other «more perfect» forms. The ideas of transhumanism are realized in futuristic projects, one of which (foresight «Education – 2030») is briefly analyzed in this article. This project, which is developed by the leading scientific and educational centers of our country, is generously funded, is the apotheosis of transhumanism. The goals of the project are the blurring of the line between play, study and life, the caste separation of people, the replacement of classical education by a virtual «University for a billion» with an artificial intelligence-mentor, the abolition of a person by transforming it into a cyborg, mutant, computer program. This contradicts the declared in modern Russia guidelines for saving man, preserving the national tradition and culture.

Keywords: Russian education reform, postmodern, national culture, tradition, freedom and emancipation, techno-science, «human death», transhumanism, national-state interest.

За последние четверть века российское образование выдержало столько реформ, сколько, наверное, не выпадало на его долю за всю предыдущую историю. С 1991 года сменилось 8 Министров образования. Закон об образовании, переписанный несколько раз, напоминает лоскутное одеяло с огромным числом заплаток-поправок. Выработано большое количество планов и концепций, зачастую, противоречащих друг другу. Но за всем этим мельтешением четко просматривается глубинная тенденция: образование все более становится постмодернистским.

Наиболее значимый сюжет постмодерна в образовании – его перемещение в сетевую виртуальную среду, которая является «квинтэссенцией постмодернистского строя и стиля жизни, ибо выступает носителем ключевых черт постмодерна – аксиологический плюрализм, дискредитация традиций и норм, клиповость, фрагментарность, ирония и цитатность, а в пределе – полное отчуждение от реальности» [1, с. 19]. Всеобщая информатизация образования, развитие дистанционного сетевого обучения, радикальная смена образовательной методологии, возможность манипулирования сознанием участников образовательного процесса – все это мы рассматриваем как один из аспектов постмодернистской деконструкции реальности. Постмодерн, как и глобализация, враждебен к национальной культуре, традиции [См.: 4]. Виртуальное сетевое пространство без центра, периферии, иерархии не знает национальных границ, не приемлет структурирования по национально-культурному признаку. Поскольку интернет – воплощенная эклектика, студент, погружаясь в бессистемную виртуальную среду, неизбежно будет проникаться постмодернистским духом эклектики.

Еще один сюжет постмодернистской децентрации, плюрализма, отказа от традиционных подходов – активное введение альтернативных форм образования, «способных иначе интерпретировать общепринятые образовательные нормы и точки зрения» [3, с. 48]. Поскольку основной питательной средой постмодерна выступает потребительство (общество постмодерна есть, прежде всего, общество потребления), наиболее значимая цель современного образования – эффективность и конкурентоспособность – прочитывается именно в этом контексте. Снижается роль фундаментальных, гуманитарных дисциплин, которые не связаны напрямую с практическим применением. Эту ориентацию в образовании В.В. Радаев справедливо трактует как «устойчивый прагматический психоз» [7, с. 65].

В русле постмодерна прочитывается и пропагандируемая Болонской системой мобильность образования. Возможность перемещаться по лицу Земли в процессе получения образования есть констатация того,

что государственные, национально-культурные границы в этом ризоматическом мире становятся все более зыбкими. Отныне для учащегося, преподавателя весь мир – дом.

Еще один важный аспект постмодерна – утверждение в образовании игровых форм, акцент на зрелищности, клиповости. Нынешние учащиеся – поколение, «не только получающее и усваивающее информацию, но и играющее, манипулирующее с ней» [2, с. 25]. Постоянно играя роли, меняя маски, человек неизбежно разрушает свою идентичность, превращаясь в «Человека-Протея» – человека с бесконечно большим числом свойств, то есть, без свойств [1, с. 19]. Но главное, современное образование наиболее активно воплощает постмодернистский концепт «смерти человека», его отмены как формы устаревшей, несовершенной.

Начиная с эпохи Ренессанса, человек в центр своего бытия поставил идею освобождения (раскрепощения). Качественный скачок на пути к вожделенной отрицательной свободе («от») произошел в начале XXI столетия: впервые homo sapiens «дорос» до готовности добровольно освободиться от человеческого статуса. Главным средством реализации проекта «смерти человека» стала наука, стремительно трансформирующаяся в наши дни в технонауку. Провозглашенный в начале XX века лозунг «ближе к человеку» (философия жизни, экзистенциализм) к исходу столетия приобрел постмодернистскую коннотацию – «ближе к потребителю». Технонаука, приблизившись вплотную к человеку, не удержалась у границ его телесности, проникла внутрь, уже не столько служа ему, сколько преобразуя, модифицируя его. В России эти современные тенденции воплощаются в различных футуристических проектах, к примеру, форсайт «Образование – 2030», инициаторами и разработчиками которого стали Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ), МШУ Сколково, НИУ «Высшая школа экономики». Щедро профинансированный государством (3 года работы 1000 экспертов), он являет собой апофеоз постмодерна. Подробно мы анализировали этот Проект ранее [См.: 5]. В общих чертах модернизаторы так видят российское образование будущего: стирание грани между игрой, учебой и жизнью, кастовое разделение на сверхлюдей и «людей одной кнопки», которым образование ни к чему (за это 70 лет назад нацистов казнили); замена классического образования виртуальным «Университетом для миллиарда» с искусственным интеллектом-наставником, а в пределе – отмена человека: его трансформация в киборга (подключение мозга к компьютеру), мутанта (повышение когнитивных свойств «новой психофармацевтикой»), компьютерную программу (тотальная миграция в виртуальность). Для лидера АСИ Д. Пескова дети, живущие по ту сторону экрана, – «евангелисты нового мира» [6].

Современный самонадеянный прогрессист-постмодернист, потерявший Бога и аксиологические ориентиры (по Д. Пескову ценности – то, что «конвертируется в деньги и наоборот»), верящий исключительно в собственные безграничные возможности творить направленную эволюцию, не в состоянии понять, зачем «щепляться» за человеческий облик. Но хочется верить, что государственные установки на «сбережение человека», сохранение национальной традиции и культуры – не пустой звук.

Литература

1. Ануфриев С.И., Прокопьева В.Д. Переход от технократической парадигмы образования к постиндустриальной и риски эпохи постмодерна // *Информация и образование: границы коммуникаций.* – 2015. – № 7(15).
2. Дягилева Л.В. Языковые игры в образовании: содержание и особенности // *Педагогическое образование и наука.* – 2012. – № 7.
3. Заболотная О.А. Альтернативное образование: постмодернистский контекст // *Вектор науки ТГУ.* – 2010. – № 2(2).
4. Париков О.В. Русское национальное самосознание в отечественной консервативной мысли: генезис и современные проблемы // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* – 2012. – № 1-3. – С. 195-201.
5. Париков О.В. Развитие и правовое обеспечение образования в России как фактор национальной безопасности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.* – 2017. – № 1 (37). – С. 104-108.
6. Песков Д. Форсайт образования – 2030. Открытая лекция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://leader-id.ru/event/223/> (дата обращения 27.09.2017 г.).
7. Радаев В.В. Студент – жертва устойчивого прагматического психоза // *Политический журнал.* – 2005. – №34(85).

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК УСЛОВИЕ НОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Дмитрий Борисович Думаревский

Кандидат философских наук

Волжский государственный университет водного транспорта

В публикации затрагивается вопрос об отношении тенденции технического развития и ценностных устоев культуры, выявляется их разнонаправленность. Указывается на необходимость совершенствования интеллектуального ресурса, генерируемого проблематическим образованием, в соответствии с внедрением в производство новых интеллектуальных систем. В тезисах представлена критика материалистической методологии исследования человека. Основой данной методологии составляет принцип предметности, предметного содержания деятельности. Называется принципиальный недостаток подобного рода концепций – отсутствие ценностно-смысловых характеристик деятельности. Таково, в частности, марксистское толкование труда, трудовой деятельности, ограниченное рамками рационалистических представлений. Обозначается смысловое «ядро» культуры. Оно содержит религиозно-мистические и нетеистические духовные практики, работающие на сохранение и совершенствование живых сил человека. Отмечается особенность духовного опыта православия, который нацелен на единение, сочетание интеллектуальных и нравственно-психических сил человека. В христианском богословии важнейшую роль играет догматическое положение о соединении природ: божественной и человеческой. В аскетической практике православия процесс преобразования человека рассматривается как его обожение. При этом принципиально важным и необходимым остаётся требование «чистоты» созерцаний. Только таким путём индивидуальность становится личностью, иначе говоря, обретает абсолютное начало – ипостасность. Указывается, что правильно выраженное учение об ипостасности обнаруживает исключительную особенность православной традиции.

Ключевые слова: реформа российского образования, постмодерн, национальная культура, традиция, свобода и раскрепощение, технаука, «смерть человека», трансгуманизм, национально-государственный интерес.

CONSERVATIVE VALUES AS A CONDITION FOR INNOVATIVE DEVELOPMENT

Dmitri Borisovich Dymarevsky

PhD of Philosophy

Volga State University of Water Transport

The publication touches upon the issue of the relation of the trend of technical development and the value foundations of culture, their different directions are revealed. It points out the need to improve the intellectual resource generated by the problematic education, in accordance with the introduction of new intelligent systems in production. The theses present criticism of the materialistic methodology of human research. The basis of this methodology is the principle of objectivity, the subject content of activities. The principal drawback of this kind of concept is called the lack of value and semantic characteristics of activity. This, in particular, is the Marxist interpretation of labor, labor activity, limited to the framework of rationalistic ideas. The semantic "core" of culture is designated. It contains religious-mystical and non-theistic spiritual practices, working to preserve and improve the living forces of man. The peculiarity of the spiritual experience of Orthodoxy is noted, which is aimed at uniting, combining the intellectual and moral-mental forces of man. In Christian theology the most important role is played by the dogmatic position about the union of natures: the divine and the human. In the ascetic practice of Orthodoxy, the process of the transfiguration of man is regarded as his deification. At the same time, the requirement of "purity" of contemplation remains fundamentally important and necessary. Only in this way does individuality become a person, in other words, it acquires an absolute beginning - hypostasis. It is pointed out that the correctly expressed doctrine of hypostasis reveals an exceptional feature of the Orthodox tradition.

Keywords: expert systems, neural networks, intellectual activity, problematic knowledge, labor activity, ascetic practice of orthodoxy, conservatism of tradition.

1. Культура в самых сокровенных своих основах исключительно консервативна. В приведенном утверждении нет ретроградства именно потому, что имманентным культуре остается не собственно традиция в её ограниченности и неподвижности, но именно направленность к внутреннему преобразению человека, напряжение духовного действия.

Культура неоднократно противопоставлялась цивилизации, в том числе и в аспекте технологичности: по Бердяеву, цивилизация - технологична. В последние годы в технологической сфере произошли глубокие изменения. Ещё 15-20 лет назад основной тенденцией технического развития считалась компьютеризация. Очевидно, ситуация меняется и в общем процессе автоматизации на передний план выходят самообучающиеся нейронные сети - системы, способные к генерированию самих себя. Современный прогресс технических систем управления, как предполагают специалисты, должен серьёзно изменить структуру разделения труда.

2. Новые интеллектуальные системы, так называемые нейронные сети, могут составить острую конкуренцию людям. К примеру, академик Кулешов полагает, что «глубинные нейронные сети давно догнали и обогнали человека во многих областях знаний, умея определять и различать такие вещи, которые обычно, нетренированному человеку просто не под силу. Самые последние версии подобных нейросетей совершают меньше ошибок, чем люди, натренированные решать те задачи, за которые будут отвечать подобные системы ИИ в будущем» [8]. И так, разработчики нейронных сетей считают, что последние вполне способны вытеснить из производства живых специалистов, квалификация которых ограничивается «средним» уровнем: «люди средней квалификации становятся совершенно ненужными» [8]. В связи с этим укажем, что специалисты уровня «выше среднего» - это продукт образовательной деятельности, во главу угла которой поставлено решение нестандартных задач и проблем. Насаждаемая сейчас тестовая система, построенная по принципу однозначности ответов, не способствует формированию проблематического мышления, которое обладает признаком антиномичности, противоречивости. Противоречие - существенное различие моментов в составе целого – является универсальной формой проблемности.

Если противоречивость определений – это необходимый компонент проблематического мышления, то система тестирования, напрямую связанная с так называемым компетентностным подходом построена на «логике однозначности» и элиминирует обозначенный тип мышления из образовательной деятельности. Система образования, «стержнем» которого является тестирование, не способна решить задачу подготовки специалистов уровня «выше среднего». Действующая на данный момент в РФ идеология (и политика) в сфере образования не способствует обеспечению возможности «лидерства» человека в собственно технологическом развитии: торговля образовательными услугами в принципе неспособна обеспечить наполнение образовательного процесса творческим содержанием.

3. Смысловое «ядро» культуры составляют так называемые «практики себя» (термин С.С. Хоружего). Религиозно-мистические, а также нетеистические их виды организуют духовно-практические процессы, работают на сохранение и совершенствование живых сил человека.

В христианской, конкретно – в православной антропологии в качестве центральной проблемы рассматривается проблема спасения души. Спасение души и есть, по существу, направление жизненного пути христианина. Решение этой задачи содержательно наполняет жизнь. Идея обожения (теозиса) оставалась в фокусе религиозной жизни христианского Востока: «исповедовать истинную веру, соблюдать заповеди, молиться, участвовать в таинствах – всё это необходимо не иначе, кроме как для достижения обожения, в котором и заключается спасение человека» [6, С. 306].

Для понимания того, как соединяются божественная и человеческая природы, используется аналогия с физическим процессом – процессом взаимодействия огня с железом. «Проникновение огня в железо» представляет собой образ (и, одновременно, символ) трансформации человеческой природы. При нагревании железо обретает новые свойства, но не разрушается. Чрезвычайно важно, что данное изменение совершается без утраты человеком собственной идентичности, без потери своей уникальности. Напротив, в этом «огненном» преображении индивидуальность становится личностью, иначе говоря, обретает абсолютное начало – ипостасность. Согласно богословию старца Софрония (Сахарова), правильно выраженное учение об ипостасности обнаруживает исключительную особенность православной традиции по отношению ко всем остальным [4, С. 21]

При обращении к истории Церкви мы видим, что важнейшая часть христианского вероучения – догматическое богословие, формировалось как ответы на вызовы практической жизни. В процессе борьбы против ереси монофизитов сформировалось догматическое положение о Богочеловечестве Спасителя. Закрепленное Халкидонским оросом оно гласит: в личности Иисуса Христа соединились («неслитно», «неизменно», «нераздельно», «неразлучно») божественная и человеческая природы. Указанный догмат называется ещё догматом о Богочеловечестве Спасителя, так как содержит в себе соотносительность божественной и человеческой природы. Понятийное представление о соотносительности двух природ в единой Личности Иисуса Христа объединяет христологию с сотериологией - учением о спасении души. Последняя утверждает идею спасения как обожения - качественного соединения человеческого естества с Богом. Святоотеческое учение о спасении исходит из того, что «само спасение есть «обожение» [7, С. 212]

4. В чем же состоит особенность православной духовной практики? Она не случайно названа исихией – молчаливостью и выражается, прежде всего, апофатически: без-образность, без-видность созерцаний. Такие характеристики православного аскетического опыта мы находим в «Добротолубии». Здесь, в этой «энциклопедии духа», в главе 71 «О чистой молитве», приводятся слова св. Нила: «Блажен ум, который во время молитвы хранит совершенно безобразие, или безмечтание» [3, С. 189].

Оптинские старцы также призывали к правильному порядку мистической жизни, к чистоте созерцаний. Выделим, к примеру, наставления о. Варсонофия (1845-1913), посвященные исполнению предельно

содержательной молитвы. Старец призвал к избавлению от мечтательности и разнообразия мистических видений.

Системное изложение православной аскетики представлено в богословии афонского старца Софрония (Сахарова). Здесь говорится о необходимости «возвыситься до чистого понятия о Боге, победить страсти, освободиться от брани помыслов и достигнуть бесстрастного созерцания» [4, С. 222]. В аскетическом учении афонских иноков поставлена задача преодоления воображения, к которому склонен «естественный» ум. Здесь перед нами христиански понимаемая «перемена ума» (метанойя), конкретно - исихастская традиция «низведения ума в сердце».

Соблазн, согласно Ж. Бодрийяру, направлен на элиминацию смысла [2, С. 26]. Таков же соблазн «быстрого интеллекта», обладателем которого стали автоматические системы. «Чуждости» машинного интеллекта возможно и необходимо противопоставить практику «низведения ума в сердце», опыт ипостазирования. Подлинное возрастание творческих сил возможно не в системе разделения (труда), но в личностном опыте «собираения», обретения целостности духа. Именно данный смысл выражает православное требование «стояния в истине». Православная метанойя (покаяние) выступает как деятельность противостоящая современному сетевому квазиобщению.

5. Представляются необходимыми критические замечания по отношению к материалистической теории деятельности. Обсуждение проблематики деятельности проходило, в частности, в рамках юбилейных Ильенковских чтений 2014 года. В центре внимания философов из разных стран находилась проблематика труда, трудовой деятельности. В представленных концепциях, понятие труда служит основой понимания человеческой субъектности [5]. На этом базируется и соответствующая антропология, рассматривающая человека как субъекта культуры, производящего себя самого как универсального «ансамбля общественных отношений».

Хорошо известен тезис К.Маркса: «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть ансамбль всех общественных отношений». Мы критически относимся к данной позиции. В вышеприведенной марксистской формуле нет указания на сокровенность, совершенную неповторимость и исключительность личности. Личность человека как абсолютная конкретность, как предельно сущее не может исчерпываться указанием на специфику природы, в том числе и социальной. Всякая природа (включая социальную) представляет собой последовательность причин и следствий, в которую не вписывается свободная воля человека.

Материалистическая антропология указывает на энергичный характер сущности человека, которая раскрывается в объективно существующих условиях социального бытия. Возможна ли в этой реализации полная и совершенная субъектность? Очевидно, нет. Деятельность индивида включает в себя свою высшую, предельную форму – творчество, которое должно обладать также и ценностным началом. Творчество не просто спонтанно, но и добродетельно и, тем самым, свободно.

Марксизм рассматривает трудовую деятельность как определяемую внешней, по отношению к индивиду, предметностью – предметностью социума, социальных отношений. Однако социально воплощенная предметность труда ничего не объясняет в плане личностного бытия человека, в проблематике выбора и направленности его жизненного пути. Хорошо известно, что мистическая практика «изгнана» К.Марксом из его теории труда как не-истинная – *превращенная* форма деятельности. Также очевиден негативизм по отношению к духовно-религиозной практике со стороны рационалистической философии. Проблематика религиозного поклонения (в том числе и молитвенного опыта) осталась «за бортом» интересов классического идеализма: предметность Богообщения не была востребована ни трансцендентальным идеализмом Шеллинга, ни абсолютным идеализмом Гегеля.

В понимании личности, а значит и в построении антропологии бесполезен подход, согласно которому в человеке наличествует лишь определенный набор «сущностных сил». Никакая совокупность сил (наличных способностей и потребностей) человека не гарантирует единства личностного бытия. Напротив, наиболее важным остается представление об изначальной целостности личности. Именно благодаря личности – «сверхсистемному» качеству человека - возможен *поступок*. Поступок, как продемонстрировал ещё Сократ, суть действие не в соответствии с природой, но и вопреки ей.

Теоретический подход к категории деятельности, согласно которому труд является субстанцией индивидуального и социального бытия, можно охарактеризовать как исключительно абстрактный – лишенный ценностного содержания. Главный недостаток субстанциалистского подхода состоит в том, что в нем отсутствует ценностный «запрос», деятельность не рассматривается как *искание*. Развернутая и убедительная критика субстанциализма представлена в трудах Г.С. Батищева [1]. Значительная часть этой критики направлена против толкования творческой деятельности в рамках культурно-исторической школы психологии (концепции Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и др.)

Наша позиция сводится к тому, что никакие изменения содержания труда, в том числе и переход к господству всеобщей его формы, не обуславливают непрерывной «творческой радости», как это представлялось в материалистической, в том числе, марксистской теории. Творчество как таковое предполагает нечто большее - духовный опыт. Мы считаем, что главный признак творчества, его смыслообразующий «стержень» - преобразование самого человека, «самопревосхождение».

1. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. – СПб.: РХГИ, 1991.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Изд-во Ad Marginem, 2000.
3. Добротолюбие Том 5. – М.: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004.
4. Захария (Захару). Христос как путь нашей жизни. – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2003.
5. Иващук О.Р., Майданский А.Д., Мареева Е.В. Ильенковские чтения. Обзор 16-й Международной научной конференции // Вопросы философии. 2015. №3. С. 197-205.
6. Иларион (Алфеев). Таинство веры: введение в православное богословие – М.: Эксмо, 2010.
7. Мейендорф И. Византийское наследие в Православной Церкви. – К.: Центр православной книги, 2007.
8. «Ученый: искусственный интеллект приведет к сознательной архаизации жизни». URL: <http://ria.ru/science/20161127/1482248032.html>

УДК 14

О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ ТЕХНИКИ И РЕЛИГИИ

Дмитрий Анатольевич Скородумов

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается вопрос о возможных путях конвергенции техники и религии. Согласно теории Ж. Симондона в качестве сущности техники берётся техничность. Техничность – это один из способов отношения к миру, характеризующийся отчётливым осмыслением мира в виде подручного сущего, в виде набора объектов-инструментов. Обратной стороной техничности оказывается религиозная фаза. Оптимальным путём конвергенции двух фаз является тот, который пытается мыслить технику и религию как одно и то же. Этот путь оказывается странной практикой. Странными называются те практики, которые функционируют вне оппозиции единого и множественного. Оппозиция единого и множественного, являясь ключевым противоречием современности, лишает человека свободы. Странные сборки являются большим-чем-единое, но одновременно оказываются меньшим-чем-всё. Странная практика позволяет субъекту что-то изменить в мире, который подчинён противоречию единого и множественного. Частным примером странной практики оказывается разработанная М. Куртовым технотеология, которая позволяет заниматься программированием как религией. В качестве примера технотеологической гомологии берётся модель Троицы, которая оказывается морфологически подобной схеме MVC. Также осуществляется выход к технометафизике, в качестве примера которой приводятся варианты программной имплементации логики наивного реализма и трансцендентального идеализма.

Ключевые слова: техника, религия, фаза, Симондон, техничность, технотеология, странные объекты.

ABOUT POSSIBLE WAYS OF CONVERGENCE OF TECHNICS AND RELIGION

Dmitriy Anatolevich Skorodumov

Postgraduate

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article tackles the possible ways of convergence of technics and religion with the help of Simondon's ideas. As the essence of technology the author takes technicity. Technicity is one of the ways of relation to the world. It is characterized by a clear understanding of the world in the form of object. For technicity world is the set of tools. The reverse side of technicity is the religious phase. The optimal way of convergence of two phases is the one who tries to think technique and religion as the one. This path is a strange practice. Strange practices function outside the opposition of the single and plural. They deprive a subject of freedom. Strange assemblies are more-than-one, but at the same time they are not-all. Strange practice is a practice that allows something new to happen into a world dominated by the contradiction of the single and plural. A particular example of strange practice is technotheology which has been developed by M. Kurtov. It allows a subject to do programming as a religion. An example is a homology of Trinity and the MVC model. There is an example of technometaphysics which consist in implementation of naïve realism and transcendental idealism.

Keywords: technicity, religion, phase, Simondon, technics, technotheology, strange objects.

Ж. Симондон, рассматривая вопрос о происхождении техничности, писал, что она возникает в ходе фазового смещения первоначального магического единства: «Мы предполагаем, что техничность проистекает из фазового смещения в сторону от центрального, первоначального и исключительного способа бытия в мире, магического способа» [3, с.407]. В качестве противовеса технической фазе возникает фаза религиозная. Вместе они образуют единство. Эти две фазы зависят друг от друга, отсылают друг к другу, и не могут быть окончательно отделены друг от друга. Сумма всех фаз представляет собой реальность.

Техничность как способ отношения человека к бытию схватывает бытие односторонним образом, точно так же как и религия. Сведённые вместе они могут позволить если и не получить более исчерпывающую информацию о действительности, то по крайней мере осмыслить привычные вещи в новом свете. Подобная конвергенция не должна пониматься как всего лишь использование религиозных элементов в технической деятельности (нанесение священных формулировок и текстов на инструменты), ни как простое использование техники в религиозных практиках (электрические лампочки и исповедальные автоматы). Всё это есть и сейчас, в этом нет ничего нового. Конвергенция заключается в том, чтобы заниматься техникой через религию и религией через технику. Подобный путь предлагает, к примеру, технотеология [2], которая мыслит программирование и христианство как одно и то же. Это две фазы, которые существуют со сдвигом относительно друг друга, но которые можно сложить, чтобы получить реальность. Можно так настроить своё мировоззрение, чтобы одновременно видеть мир в этих двух фазах, превращая его в единую картину.

Технотеология должна быть технически эффективной, но при этом достигать этой эффективности, работая с теологическим материалом. Пример подобного подхода даёт Р. Бэкон, который утверждает, что есть только одна наука, и она целиком и полностью заключена в Библии. Он утверждает, что только христиане могут достичь совершенства в науке, так как только они будут изучать мир с опорой на Библию. Только христианам, к примеру, может быть ясно открыта загадка радуги и её связь с испарением воды: «Я полагаю радугу Мою в облаке небесном ... чтобы не было более потопа на Земле» (Быт 9, 13), т.е. цель радуги – испарение воды, поэтому при явлении радуги всегда имеет место рассеяние воды на бесчисленные капельки и их испарение благодаря лучам Солнца, концентрирующимся в результате различных отражений и преломлений, из-за которых и возникает радуга» [1, с. 20].

Р. Бэкон является хорошей иллюстрацией конвергенции техничности и религиозности, но в случае современного осмысления конвергенции речь не должна идти о том, чтобы ограничиваться только христианством и оптикой. Возможны различные пути конвергенции. Каждый такой путь необходимо осмысливать отдельно, критически его изучая. Эта внимательность необходима, чтобы избежать ложных путей сближения, которые могут породить «мёртвых химер».

Подобная практика комбинирования и сведения вместе несоединимых с первого взгляда вещей и областей знания можно назвать *странной практикой*. Если современность структурирована противостоянием *единого* и *множественного*, то странные практики пытаются порвать с этим противостоянием. Единое можно образно представить в виде полицейского государства, желающего поставить каждого человека на своё место, чтобы всё было упорядочено и рационально. Множественное – это вседозволенность, дикая дионисийская стихия, где нет никаких правил и никаких запретов. И того и другого желательно избегать субъекту, так как обе эти сборки не дают места человеческой свободе. В первой сборке субъект подпадает под репрессивный механизм идеологии; во второй исчезает, так как там перестают действовать все ограничения, которые этот субъект конституируют. Выход из этой ситуации – это странные практики, которые, с одной стороны являются строго определёнными и жестко структурированными, но, с другой стороны, не полностью вписываются в порядок единого. Порядок единого исключает из себя всё неприемлемое и основывается на этом. Странные практики имеют в себе какое-то несоответствие, которое не позволяет их полностью уложить в рамки повседневного. Странная практика – это странная шестерёнка, которая, хотя и работает, но регулярно сбивает и ведёт себя как-то не так. В этом заключается возможность противостояния господствующей капиталистической машине: появляется возможность расшатать и переписать её изнутри. Чтобы капиталистический мир не отверг странную практику, она должна быть капиталистически эффективной, она должна быть не беспочвенной фантазией или мечтой. Но при этом она должна содержать в себе какой-то излишек, чтобы выбиваться из того паза, который отводит ей капитализм. Технотеология, позволяя с помощью обращения к наследию средневековой философии писать эффективные программы, является странной практикой.

Оптимальный путь конвергенции технического и религиозного подходов к миру заключается в полном их соединении. Получившаяся форма мировоззрения позволит заниматься техникой как религией, а религией как техникой. Если такая конвергенция окажется возможной, то она позволит решать технические и теоретические проблемы, как религиозные: с помощью религиозных практик и инструментов. Внедрение элементов религиозного в техническое без осознания их единства, напротив, приведёт лишь к ещё большей дивергенции техники и религии: религия станет декорацией, а техника окажется отчуждённой от человека.

Литература

1. Горелов А.С. Философия Роджера Бэкона // Роджер Бэкон. Избранное. – М.: Издательство Францисканцев, 2005. – 480с.
2. Куртов М. Генезис графического пользовательского интерфейса. К теологии кода. – СПб.: ТрансЛит, 2014. – 88 с.

3. Simondon G. On the Mode of Existence of Technical Objects // *Deleuze Studies*. – 2011. – №5.3. – P. 407-424.

УДК 316.4:124.2

**КРИЗИС ИДЕИ ПРОГРЕССА И СМЫСЛ ИСТОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕКОТОРЫХ НОВЕЙШИХ ТРУДОВ РОССИЙСКИХ ФИЛОСОФОВ)**

Юрий Константинович Волков
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал

На материале последней книги российского философа В.А. Кутырёва и дискуссии о предмете философии истории показаны основные позиции российских философов, выражающие их отношение к идее общественного прогресса и смысла истории.

Ключевые слова: прогресс, регресс, кризис, смысл истории, нелинейное развитие.

**THE CRISIS OF THE IDEA OF PROGRESS AND THE SENSE OF HISTORY
(ON THE MATERIAL OF SOME OF THE NEWEST WORKS
OF RUSSIAN PHILOSOPHERS)**

Yuri Konstantinovich Volkov
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas branch

The material of the last book of the Russian philosopher V. A. Kutyrev and discussion about the subject of the philosophy of history show the principal views of the Russian philosophers expressing their attitude to the idea of social progress and of the sense of history.

Keywords: progress, regress, crisis, sense of history, non-linear development.

Постоянно растущая на протяжении последних двадцати лет степень влияния «антипрогрессистов» уже не кажется очередным циклом раскачивания «маятника идей». Вместе с тем, несмотря на исторически преходящий характер идеи прогресса [4], прогрессизм, по-прежнему, остаётся мощной общетеоретической, идеологической и мобилизующей силой [5]. Чтобы разобраться во всех этих противоречивых хитросплетениях современного отношения к идее прогресса, попробуем сформулировать несколько релевантных вопросов.

Центральное место в многоуровневой прогрессистской проблематике занимает вопрос о критериях поступательного развития общества. Если редуцировать число сторон, в которых обнаруживаются прогрессивные тенденции, то все они, в конечном счёте, будут принадлежать реальному или идеальному миру, человеку или социуму.

Другим вопросом проблематики прогресса является вопрос о соотношении в нём прогрессивного и регрессивного. В ответе на этот вопрос следует исходить из наличия трёх парадигмальных установок: циклически-кругового движения и восходящего движения линейной и нелинейной направленности.

Третий ключевой вопрос – это вопрос о механизме прогрессивного движения. Для ответа на этот вопрос, как правило, используются либо эволюционистская, либо революционистская теории, либо их одновременные комбинации.

Наконец, четвёртым, менее акцентированным, но не менее важным вопросом является вопрос о целенаправленности реальных общественных процессов, или о смысле человеческой истории.

Для иллюстрации некоторых новейших версий ответов на поставленные вопросы воспользуемся материалом последней книги российского философа В.А. Кутырёва «Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в современном мире», а также дискуссии о предмете философии истории, развернувшейся на страницах журнала «Эпистемология и философия науки».

В отличие от предыдущей книги В.А. Кутырёва «Последнее целование», посвященной революционным изменениям, происходящим в истории мысли [1], книга «Унесённые прогрессом» написана в жанре философско-художественного мышления [2, с. 7-8]. В содержательном плане эта жанровая специфика позволяет автору обращаться к проблемам жизни современного общества в диапазоне «от бытия до быта» [2, с.4].

Первичными конструктивными основаниями мира вещей в книге В.А. Кутырёва выступают четыре природные стихии: земля, вода, воздух, огонь [2, с. 18]. В результате непомерных достижений технико-технологического прогресса все четыре природных основания человеческого бытия истощаются, размываются и заменяются их суррогатами [2, с. 18-19, 24, 28-30]. В то же время гибель природы, по мнению В.А. Кутырёва, – это не планируемое разрушение, а ничем не ограниченное созидание, которое разрушает среду

существования человека и истощает самого творца [2, с. 14, 29]. В результате современных трансформаций чувственно-телесный и одновременно наделённый духом человек постепенно превращающийся в постчеловека [2, с. 88]. Таким образом, критерием социальных изменений, согласно концепции В.А. Кутырёва, является сам человек, способный к разрушению и саморазрушению [2, с. 52, 263].

С этим концептуально исходным вопросом напрямую связаны ответы автора «Унесённых прогрессом» на другие ключевые вопросы, конкретизирующие его отношение к идее прогресса. В ответе на вопрос о соотношении прогресса и регресса, традиций и инноваций В.А. Кутырёв, который позиционирует себя как антропоконсерватора, реакционера, традиционалиста и фундаменталиста, использует неологизмы, связанные с идеями «де(э)волюции человека» и «консервативной революции» [2, с. 259, 260, 269, 272]. В этой связи автор демонстрирует своё отрицательное отношение к продолжению инновационного развития, так как всё, что нужно человечеству, по мнению философа, уже изобретено к середине XX века, а продолжающиеся попытки перманентного решения порождаемых прогрессом проблем порождают лишь «прогресс проблем» [2, с. 258-259].

Что же касается отношения В.А. Кутырёва к революциям, то, опираясь на авторскую позицию можно констатировать следующее. В.А. Кутырёв склонен признавать культурные, философские, научные, антропологические, сексуальные, «семиотические» и другие революции в качестве средства радикального преобразования общественного бытия. Но он не считает их исключительно положительным явлением. Так, например, негативной оценке подлежат все революционные изменения с приставкой «пост» [2, с. 11-12, 52-58]. С другой стороны, автор «Унесённых ветром» позитивно оценивает идею гипотетической «консервативной революции» [2, с. 268]. Неоднозначно оценивает В.А. Кутырёв и результаты эволюционного развития. В его конспекте эволюции только конечный результат биологической эволюции человека оценивается положительно. Все другие эволюции: человека, фактора, техники, духа на своих поздних стадиях получают у автора отрицательную оценку [2, с. 107].

В целом же, как можно предположить, нормальным способом изменений В.А. Кутырёв считает способ, при котором всё существующее умирает, достигнув своего естественного предела. Однако благодаря наличию механизма регресса мир не исчезает совсем за пределами индивидуальной жизни. Для общества это регрессивное движение связывается с возвращением к ценностям традиционного общества, традиционной культуры и к подлинному человеку без приставок «пост» и «транс» [2, с. 265-266]. Кроме того, в контексте положительно оцениваемого консервативного взгляда на современный мир В.А. Кутырёв признаёт ценность креационизма [2, с. 256-257].

В ответе на вопрос о смысле жизни В.А. Кутырёв использует прием поиска культурных и социально-исторических смыслов в именах [2, с. 216-233]. Обнаружимая здесь философом тенденция к регрессу языка связывается с прогрессом структурной лингвистики [2, с. 234-238]. В свою очередь, проблему смысла жизни В.А. Кутырёв связывает с ощущением бытия, счастьем, нравственным поведением и даже смертью [2, с. 173, 175, 187]. Что же касается того, как автор «Унесённых прогрессом» понимает смысл истории, то при общем пессимистическом отношении к перспективам существования современной цивилизации, В.А. Кутырёв, тем не менее, сохраняет надежду на её исправление. Как можно понять из итогового резюме книги, у человечества ещё остаётся шанс, чтобы осуществить свою «революционную» миссию, остановить бездумный прогресс и воплотить идеал экологии бытия и коэволюции материи и духа [2, с. 270].

Хотя основное содержание панельной дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Эпистемология и философия науки», было посвящено предмету философии истории, однако в центральной статье В.М. Межуева можно найти ответы на вопросы, иллюстрирующие современное понимание идеи прогресса [3, с. 25-36].

В частности, В.М. Межуев критикует линейное понимание прогресса и разделяет отношение к идее прогресса как антиисторической идеологии класса-победителя. Реальная же история, по мнению В.М. Межуева, – это не столько прогресс, сколько перманентная революция с непредсказуемым результатом, который нельзя определить знанием о прошлом, поскольку в прошлом нет однозначной детерминации будущего [3, с. 26]. Как считает В.М. Межуев, в отличие от историка, который изучает прошлое, отделяя его от настоящего, философ истории идёт от будущего к прошлому, которое определяется суммой целеполаганий [3, с. 30-31].

Суммарной целевой детерминантой истории, по мнению В.М. Межуева, является идея свободы как идея борьбы со временем. У этой идеи есть мифологическое, религиозное и метафизическое значение, согласно которому время идёт либо по кругу, либо отклоняется от изначального порядка вещей [3, с. 33-34]. Лишь эпоха модерна придаёт вечности временный, посюсторонний и горизонтальный вектор движения, направленный от прошлого к будущему. В этой связи В.М. Межуев, ссылаясь на З. Баумана, определяет современное понимание времени как время жизни вещей и человеческого тела, в котором главной темой становится исчезновение и смерть, а идеи вечности и бессмертия высмеиваются и отрицаются [3, с. 35].

Таким образом, определяя в качестве критерия и смысла истории идею свободного времени, В.М. Межуев отмечает, что в обществе модерна история ещё не стала человеческой историей, поскольку человек не освободился от власти рабочего времени [3, с. 35]. Отсюда, по мнению В.М. Межуева, вытекает необходимость перехода к обществу постмодерна, в котором должен воплотиться подлинный смысл истории – реальность свободного времени [3, с. 35].

Итак, две представленные новейшие отечественные версии отношения к идее прогресса свидетель-

ствуют о продолжающемся кризисе прогрессистской парадигмы. Однако отказ от позитивного понимания восходящего движения не означает отказа от идеи прогресса в целом. На смену поступательно-линейным моделям прогресса приходят модели нелинейного движения, в которых максимально сильным становится фактор человеческого разума и воли.

Литература

1. Волков Ю.К. О философских революциях, их идеологических последствиях и статусе философского знания (размышления над книгой В.А. Кутырёва «Последнее целование. Человек как традиция») // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2017. – № 1 (37). – С. 45–55.
2. Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. – СПб.: Алетейя, 2016. – 300 с.
3. Межуев В.М. История в зеркале философии // Эпистемология и философия истории. – 2016. – Т. XLVII. – № 1. – С. 25–36.
4. Нисбет Р. Прогресс. История идеи: Монография / Пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. — М.: ИРИСЭН, 2007. — 557 с.
5. Шанин Т. Идея прогресса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/shanin-2.html> (дата обращения 12.09.2017).

УДК 130.2

ТЕОРИЯ ПОСТТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВА НОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Вадим Михайлович Маслов

Доктор философских наук, доцент

*Нижегородский государственный технический
университет им. Р.Е. Алексеева*

Посттехногенная цивилизация есть форма ценностной критики и общего, системного преодоления угроз техногенной цивилизации. Посттехногенная цивилизация – это желаемый тип современного цивилизационного развития, обретаемый на пути консервативной революции. В посттехногенной цивилизации не отказываются от благ научно-технического развития, но не позволяют ему довести человечество до экологической и военной катастроф (гибели человечества и природы), а также до постчеловеческого и внечеловеческого качественных скачков (преодоления человеческого другими формами жизни). Основа практической ценности теории посттехногенной цивилизации – осмысление проблем общей возможности консервативной революции и разработка конкретных стратегий борьбы за посттехногенную цивилизацию. Борьба за посттехногенную цивилизацию соотносится и дополняет борьбу с политическим, экономическим, культурным глобализмом, капитализмом в защиту традиционных, цивилизационных, региональных форм социальной жизни. Важнейшей новационной формой борьбы за посттехногенную цивилизацию могут стать организуемые философским, вузовским сообществами региональные культурные и экспертные центры. Вряд ли стоит надеяться, что есть непреодолимая необходимость появления посттехногенной цивилизации. Но лучший вывод из этой ситуации – еще более интересно и качественно служить делу появления посттехногенной цивилизации.

Ключевые слова: техногенная цивилизация, посттехногенная цивилизация, консервативная революция.

THEORY POST-TECHNOGENIC CIVILIZATION AS THE BASIS INNOVATIVE DEVELOPMENT AND PRESERVATION OF HUMAN

Vadim Mikhailovich Maslov,

DSc of philosophy, assistant professor

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

Post-technogenic civilization is a form of value critics and the general overcome the threats of technogenic civilization. Post-technogenic civilization – is the desired type of modern civilized development, gain in the way of the conservative revolution. In post-technogenic civilization does not waive the benefits of scientific and technological development, but do not let it have led humanity to ecological and military catastrophes (the destruction of humanity and nature) and to posthuman and

outsidehuman quality change (overcoming the human other life forms). The basis of the practical value of the theory of post-technogenic civilization – understanding the issues the conservative revolution and the development of specific strategies for post-technogenic civilization. The struggle for post-technogenic civilization corresponds and complements the struggle with political, economic, cultural globalism, capitalism in defense of traditional, civilized, regional forms of social life. The important innovative form of struggle for post-technogenic civilization can be a regional cultural and expertise centers, organised by the philosophical and university communities. No hope of a compelling need for the emergence of post-technogenic civilization. But the best conclusion from this situation – even more interesting and high quality to serve the cause of the emergence of post-technogenic civilization.

Keywords: technogenic civilization, post-technogenic civilization, conservative revolution.

Постнеклассическая рациональность указывает на неустрашимость ценностных компонентов современной научно-философской деятельности. Последнее может вести к простому оправданию своей позиции (ведь, уже известно, что человек человеку теоретик), постмодернистскому признанию равноценностью всего. Но суть дела в том, чтобы еще более строго продумывать и проверять в критике аксиоматические, аксиологические положения разрабатываемой теории.

Сегодня основные проблемы человеческого существования связаны с научно-техническим развитием, осмысление которого приводит к следующим выводам. *Во-первых*, выделяется техногенный вектор, нацеленный на перевод био-социальной формы человеческой жизни в техно-социальную (например, на основе полной перестройки человеческого тела с помощью развитых биотехнологий). *Во-вторых*, скорость научно-технического развития делает подобную качественную трансформацию возможной в ближайшие пятьдесят лет. *В-третьих*, техногенная трансформация человеческой жизни не является демократическим выбором человечества, ставит под вопрос существование человеческой формы жизни и может вести к непредсказуемым следствиям, соответственно, человечество должно контролировать и не позволить реализоваться подобному сценарию развития. Защита человеческой формы жизни доказывает свою постнеклассическую истинность, что задает основу дальнейшей работы, которую трактуем, как деятельность в области теории и практики посттехногенной цивилизации.

Философское осмысление техногенного развития началось с Ф. Бэкона, который в «Новой Атлантиде» показал прогрессивное значение техники. Анализ подходов, традиций, полемики, связанных с техногенным феноменом (материалистическое понимание истории, постиндустриальные теории, современное развитие философии техники, полемика между сциентистами и антисциентистами), особо выделяет отечественную теорию техногенной цивилизации. В ней подчеркиваются две характерные черты техногенной цивилизации – определяющее значение техники для современной жизни и скорость техногенных изменений, служащих моделью всех других общественных изменений. Теория техногенной цивилизации позволяет сразу выделить самое главное: собственной целью техногенного развития является перевод всего социального в искусственную, техногенную (с этой точки зрения, более совершенную, прогрессивную) форму, и это возможно в самое ближайшее время.

Теория техногенной цивилизации, с одной стороны, вбирает специфику всего прошлого техногенного развития, в частности, учитывает известные военные, экологические риски техногенного развития, с другой стороны, позволяет отразить в едином подходе – на основе теории высоких технологий (нанотехнологий, био-киборг-технологий, информационно-виртуальных технологий, социально-гуманитарных технологий, технологий искусственного интеллекта) – все основные направления становления и конкурирующие формы собственно техногенной цивилизации/жизни: постчеловеческую (например, на основе биотехнологий, оставляющих надежду на некую преемственность между человеком и постчеловеком) и внечеловеческую (возникающую на основе искусственного интеллекта, и, скорее всего, качественно преодолевающую исходную человеческую форму жизни).

Общая критика возможности появления собственно техногенной цивилизации/жизни формируют идею альтернативной, посттехногенной цивилизации. В посттехногенной цивилизации не отказываются от благ научно-технического развития, но не позволяют ему довести человечество до экологической и военной катастроф, а также до постчеловеческого и внечеловеческого качественного преодоления. Теория посттехногенной цивилизации позволяет охватить все возможные исторические и футурологические формы цивилизационного развития: дотехногенную, техногенную (современную цивилизацию, открытую к различным формам дальнейшего развития), посттехногенную, собственно техногенную (постчеловеческую, внечеловеческую). В целом, теория посттехногенной цивилизации объективно выступает базовой, всеохватывающей исторической теорией социальной философии, основополагающей философией истории.

В ходе развития теории посттехногенной цивилизации нужно критиковать встречающиеся сочетания теорий техногенной цивилизации и постиндустриального общества, поскольку эти теории разного уровня: классические разработки проблематики постиндустриального общества не анализировали техногенную специфику постчеловеческого и внечеловеческого векторов развития. Нередко для обозначения будущих изменений задействуют «конвергентные технологии» [1]. Но уже своим названием они постулируют только общность, а специальный анализ показывает, что, например, биотехнологии и виртуальная реальность могут выступать в роли конкурентов. Все это системно анализировалось в рамках теории высоких технологий, поэтому, именно, теория высоких, а не конвергентных технологий является частью теории посттехногенной

цивилизации [3, с. 36-39]. На основе теории посттехногенной цивилизации следует переработать теорию глобальных проблем: предполагаем, что первой глобальной проблемой человечества является проблема постчеловеческих и внечеловеческих тенденций современной техногенной цивилизации. Смысловым итогом теории посттехногенной цивилизации должно быть представление о необходимости «консервативной революции/поворота» [2], ведущего к появлению посттехногенной цивилизации. Основа практической ценности теории посттехногенной цивилизации – осмысление проблем общей возможности консервативной революции и разработка конкретных стратегий борьбы за посттехногенную цивилизацию.

Люди привыкли, ждут и даже жаждут техногенных инноваций. Складывается представление, что современная техногенная цивилизация попала в специфическое поле постчеловеческого и внечеловеческого аттрактора. Нет особой уверенности в наличии некоей объективной необходимости, которая, не смотря ни на что, приведет к появлению посттехногенного общества. Всем этим не отменяется возможность консервативной революции, но только указывается, что нужны значительные усилия для ее осуществления.

Деятельность по созданию посттехногенную цивилизацию дополняет борьбу с политическим, экономическим, культурным глобализмом, капитализмом в защиту традиционных, цивилизационных, региональных форм социальной жизни. Предполагаем, что философская, вузовская общественность могли бы достаточно органично (обогащая свои педагогические компетенции) подключиться к созданию посттехногенной цивилизации. Региональные вузы, их кафедры и объединения преподавателей вполне могут быть региональными культурными и экспертными центрами. К примеру, множество тем, поднимаемых в рамках Общероссийского народного фронта, вполне могли бы ставиться и решаться этими центрами. Полноценная, авторитетная деятельность подобных новационных центров – ценностной основой которых является теория посттехногенной цивилизации – вполне может стать ключевой формой перманентного, актуального участия в создании посттехногенной цивилизации.

Литература

1. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 12-21.
2. Кутырев В.А. Конец истории или консервативный поворот? // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4 (20). – С. 205-211.
3. Маслов В.М. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе: монография. – Нижний Новгород: Изд. НГТУ, 2014. – 130 с.

УДК 304.9

СТРАТЕГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Антон Игоревич Желнин

Кандидат философских наук

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена анализу феномена биологической недостаточности человека и стратегии ее преодоления. Показано, что она является не абсолютной, а относительной по своему характеру и связана с современным социально-биологическим кризисом цивилизации, представляющим собой временное нарушение коэволюции и обострение противоречия между социальными и биологическими измерениями в жизнедеятельности человека. В контексте этого осуществляется критика революционной стратегии в преодолении биологической недостаточности, сущность которой заключается в радикальной трансформации биологии человека, ее коренном «улучшении». Показано, что данный подход является не только избыточным, но и опасным, так как представляет угрозу целостности самой сущности человека. В противовес поддерживается эволюционная стратегия преодоления биологической недостаточности, которая исходит из понимания последней как общего проявления социально-биологического кризиса, а не коренного дефекта в самой биологической организации человека. Так как биология человека является универсальной и предельно сложной, то она не нуждается в своей коренной морфологической перестройке, а ее «улучшение» должно состоять только в повышении качества ее функциональных характеристик и преодолении разнообразных заболеваний. Последнее будет являться, по сути, реализацией тех возможностей, которые уже присутствуют в биологии человека потенциально.

Ключевые слова: биология человека, биологическая недостаточность, социально-биологический кризис, «улучшение человека», трансгуманизм.

STRATEGY OF HUMAN BIOLOGICAL INSUFFICIENCY'S OVERCOMING: EVOLUTION OR REVOLUTION?

Anton Igorevich Zhelnin
PhD of philosophy
Perm state university

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of human biological insufficiency and the strategy for overcoming it. It is shown that it is not absolute, but relative in nature and is associated with the modern socio-biological crisis of civilization, which is a temporary break of co-evolution and exacerbation of the contradiction between social and biological dimensions in human life. In this context the revolutionary strategy of its overcoming is criticized, the essence of which lies in the radical transformation of human biology, its fundamental «enhancement». It is shown that this approach is not only superfluous, but also dangerous, since it can appear a threat to the integrity of the very essence of human. In contrast, the evolutionary strategy of overcoming the biological insufficiency is supported, which is based on the understanding of it as a general manifestation of the modern socio-biological crisis and not a fundamental defect in the biological organization of human. Since human biology is universal and extremely complex, it does not need its radical morphological reorganization, and its improvement should consist only in overcoming various diseases and improving the quality of its functional characteristics. The latter will essentially be the realization of those opportunities which have already presented in human biology potentially

Keywords: human biology, biological insufficiency, socio-biological crisis, «human enhancement», transhumanism/

Проблема биологической недостаточности человека была, как известно, первоначально сформулирована А. Геленом [13]. К этому концепту его привела идея о человеке как, существе, лишенном жесткой биологической специализации. Данная неспециализированность приводит Гелена к идее о своеобразной неразвитости витального начала в человеке, «архаичности» устройства его органов и слабой приспособляемости, что и было обобщено понятием «недостаточность». Близкой точки зрения придерживались и другие теоретики, например, К. Лоренц или З. Фрейд, который выделял среди основных источников страдания человека «всемогущество природы» и «бренность нашего тела» [6, с. 217]. Несмотря на то, что проблема была поставлена больше полувека назад, она и на сегодняшний день продолжает быть актуальной.

Проблематизации вопроса о границах и самой сущности феномена «недостаточности» в случае биологии человека способствует в первую очередь бурный прогресс современной биомедицины и ее новейших технологий. Она в своем движении «наталкивается» на ряд кризисных феноменов в биологии человека, которые указывают на некоторые принципиальные ее ограничения. Во-первых, к их числу можно отнести эпидемию неинфекционной патологии: изменения в образе жизни и победа над основными инфекциями вывели на первый план так называемые неинфекционные заболевания, которые являются комплексными по своей природе и хроническими по течению и поэтому плохо поддаются терапии, оставаясь, по сути, до конца неизлечимыми. Их массовое распространение заставило специалистов охарактеризовать ситуацию как «глобальный кризис здоровья в новом мировом порядке» [15]. Он непосредственно связан с другой негативной тенденцией, а именно глобальным старением населения. Старение является одним из самых серьезных предрасполагающих факторов дегенеративных процессов и ассоциировано с множеством патологических состояний [17]. Как и неинфекционные заболевания, старение по своему характеру представляет собой хронический, в каком-то смысле необратимый процесс. Данная тесная связь приводит к популярной точке зрения, что старение и болезнь составляют единый континуум или даже что старение само является своего рода болезнью [9]. Еще одним примером кризисного феномена является рост общего уровня стресса и появление его новых видов. Стресс, будучи общим адаптационным синдромом, в случае своей хронизации обращается в свою противоположность: происходит нарушение различных механизмов гомеостаза, его общее перерождение в свой «дефектный» вариант, аллостаз [18]. Спецификой современного стресса является его преимущественно информационно-психологическая природа, что отягчает его негативное влияние: дестабилизация происходит сразу на нескольких уровнях, собственно психологическом и уровне физиологической основы психики. Так как последняя представлена центральной нервной системой, являющейся основным контроллером жизнедеятельности организма, то нарушение ее гомеостаза способно приводить к каскаду сбоев в прочих регулирующих и сигнальных системах, что делает современный стресс системным по характеру и многообразным по своим последствиям. Особняком стоит комплекс экологических проблем, порожденных глобальным дисбалансом между обществом и природой. Экологический кризис угрожает самим витальным основаниям человеческой жизнедеятельности ввиду вписанности биологии человека в густую сеть биосферных связей, что заставляет ряд исследователей признать его главным вызовом цивилизации [2].

Широкое распространение данных кризисных феноменов и экзистенциальный характер связанных с ним рисков, угрожающих самому существованию человека, заставляет многих теоретиков рассматривать их как серьезную преграду для дальнейшего цивилизационного прогресса. Одновременно с этим они видят в них проявления «недоразвитости» биологии человека, ряд ее принципиальных лимитов. Так, например, Д.И.

Дубровский выводит потребность в «доразвитии» человека из парадоксального факта, что он, будучи социальным существом, продолжает действовать как животное [3], т.е. инстинктивно и иррационально. Однако стоит заметить, что наличие социальных противоречий, глобальных проблем и даже некоторый «дефицит разумности» в общественном развитии не предполагают наличие в человеческой природе фундаментального изъяна. В результате такой ошибки имеет место явная или имплицитная абсолютизация «недостаточности» человека, в том числе и биологическая, что наиболее явно прослеживается в трансгуманизме. Трансгуманисты ставят под сомнение известный тезис З. Фрейда «анатомия – это судьба», что приводит их к закономерному выводу о возможности и даже необходимости доразвития биологии человека, «улучшении» его природы [16]. Инструментарием этого, по их мнению, должен выступить целый спектр способов искусственного вмешательства в нее, например, с помощью манипуляций с геномом [10] или «сращивание» организма с бионическими устройствами через систему интерфейсов [11]. Наиболее радикальным следствием данных трансформаций видится полное «преодоление» человеком своей биологии, т.е. перевод его жизнедеятельности на чисто технологический субстрат [14]. Симптоматично, что критика трансгуманизма носит преимущественно морально-этический характер [7, 8]. Однако решение вопроса о необходимости такого радикального «улучшения» нуждается в онтологической плоскости, напрямую связанной с пониманием онтологического статуса биологической недостаточности человека.

Есть все основания полагать, что «недостаточность» биологии человека носит только относительный, а не абсолютный характер. Во-первых, биология человека, будучи наивысшим продуктом процесса эволюции, является предельно сложной. Поэтому моменты упрощения в ней являются не коренными дефектами, а скорее следствиями ее универсализации и оптимального характера развития. С другой стороны, человек, будучи принципиально целостным существом [1], прежде всего, является общественным по своей сущности. Биология же в рамках его интегральной природы представляет собой включенный неотъемлемый фундамент его социальности. Тем самым, биологические процессы в его организме (в том числе и кризисные) являются, в значительной мере, детерминированы социально. С нашей точки зрения, целый ряд данных свидетельствует о том, что в настоящее время имеет место глобальный социально-биологический кризис, представляющий собой нарушение коэволюционного баланса и обострение противоречия между социальным и биологическим измерениями в жизни человека [4]. Он, в связи с указанной иерархией, также детерминирован социально и связан с общим кризисом цивилизации и противоречиями современной формы цивилизационного прогресса. Биология человека оказывается дезадаптированной не сама по себе, а именно в контексте общественного развития и его параметров. В этом плане негативные феномены биологии человека, различные болезни (прежде всего упомянутые неинфекционные заболевания, которые еще определяют как «болезнями цивилизации») действительно можно понять как формы отчуждения биологического от социального [5].

Однако, так как кризис представляет собой временный этап рассогласования социального со своей биологической основой, то и его конкретные проявления (которые обобщены в понятии «биологическая недостаточность») являются относительными и специфичными для современной эпохи, так как их содержания определяется не фундаментальной сущностью биологии человека и биологического вообще, а определенными социальными противоречиями на данном этапе развития. Это указывает на то, что и магистраль преодоления данного кризиса должна связываться в первую очередь с разрешением этих противоречий и более эффективным поддержанием коэволюционного баланса между социальным и биологическим. Конечно, последнее предполагает и определенное воздействие на биологию человека, «повышения» ее качества, однако не в смысле ее коренной морфологической перестройки, а в смысле улучшения ряда ее функциональных параметров: рост продолжительности жизни, замедление старения, преодоление считающихся неизлечимыми заболеваний, повышение сопротивляемости стрессу. По сути, это будет процесс последовательной реализации тех возможностей, которые потенциально заложены в биологии человека. Одно из центральных мест в нем будет принадлежать дальнейшему прогрессу медицины, развитию ряда системных направлений (геномика, протеомика, метаболика и т.д.), ее переходу к новым (предиктивным, превентивным, персонализированным) формам [12]. Таким образом, тезис трансгуманистов о необходимости радикального, революционного «улучшения» неверен, так как, по сути, исходит из абсолютизации феномена биологической недостаточности человека. Такой путь оказывается не только избыточным, но и потенциально опасным, так как искусственное вмешательство в биологию человека чревато искажением ее функционирования и нарушением гомеостаза. Последнее же представляет угрозу дестабилизации человеческой сущности, потерю ею целостности. Более того, описанные кризисные феномены выступают своеобразными «вызовами», стимулирующими дальнейший прогресс, и поэтому обладают и конструктивным смыслом. Подводя итог, можно заключить, что стратегия преодоления биологической недостаточности ввиду ее относительного характера должна быть эволюционной, а не революционной. Эволюция имеет здесь не только смысл постепенности и умеренности, но и смысл раскрытия адаптивного потенциала биологии человека, возвращения ее в состояние приспособленности к современному прогрессу цивилизации, т.е. одним словом достижения состояния коэволюции.

Литература

1. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. – М.: ИФ РАН, 2004. – 178 с.
2. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из Рос-

- сии. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 220 с.
3. Дубровский Д.И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. №. 6. С. 51-54.
 4. Желнин А.И. Современный социально-биологический кризис: конкретные тенденции и общие механизмы // European Social Science Journal. – 2014. – № 6. – Т. 2. – С. 368-375.
 5. Изуткин Д.А. Болезнь как форма отчуждения биологической природы индивида от его социальной сущности // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 62-66.
 6. Фрейд З. Вопросы общества и происхождение религии. – М.: СТД, 2008. – 608 с.
 7. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2004. – 349 с.
 8. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? – М.: Весь мир, 2002. – 144 с.
 9. Blumenthal H.T. The Aging–Disease Dichotomy: True or False? //The Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences. – 2003. – Vol.58. – №.2. – P. M138-M145.
 10. Bostrom N. Human genetic enhancements: a transhumanist perspective // The Journal of Value Inquiry. 2003. – Vol. 37. – №. 4. – P. 493-506.
 11. Church G.M., Regis E. Regensis: how synthetic biology will reinvent nature and ourselves. Basic Books, 2014. – 304 p.
 12. Hood L. et al. Systems biology and new technologies enable predictive and preventative medicine // Science. – 2004. – Vol. 306. – №. 5696. – P. 640-643.
 13. Gehlen A. Man, his nature and place in the world. – Columbia University Press, 1988.
 14. Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology. – Penguin, 2005.
 15. Marrero S.L., Bloom D.E., Adashi E.Y. Noncommunicable diseases: a global health crisis in a new world order // Jama. – 2012. – Vol. 307. – №. 19. – P. 2037-2038.
 16. Naam R. More than human: Embracing the promise of biological enhancement. – New York: Broadway Books, 2005. – 276 p.
 17. Rae M.J. et al. The Demographic and Biomedical Case for Late-Life Interventions in Aging // Science translational medicine. – 2010. – Vol. 2. – №. 40. – P. 40cm21.
 18. Schulkin J. (ed.). Allostasis, homeostasis, and the costs of physiological adaptation. – Cambridge University Press, 2004.

УДК 316.3

ТЕХНИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Ольга Алексеевна Немова

Кандидат социологических наук, доцент

Нижегородский государственный педагогический университет

им. Козьмы Минина

Татьяна Александровна Пакина

Магистр

Нижегородский государственный педагогический университет

им. Козьмы Минина

С позиций философской антропологии и религиозного вероучения в статье дан анализ перспектив видоизменения человека в условиях нарастания в современном российском обществе психологии общества массового потребления и массовой технизации сознания молодежи. Поднимается проблема роли гуманитарного знания в развитии будущего бытия человека. На основе исследованного материала авторы приходят к неутешительному выводу: нарастание психологии массового потребления и оголтелая технизация сознания (особенно молодежного) способна привести человечество к вымиранию как биологического вида. Современная наука предлагает уже сегодня варианты видоизменения природы человека, проведения его кардинального переустройства. В частности на научно-теоретическом уровне предлагается видоизменить природу человека на человека-робота, человека-киборга, без какой-либо моральной рефлексии, совестливости, стыда, морали и нравственных ценностей, то есть всего того, что составляет его божественную сущность. Негативными проявлениями нарастания психологии общества массового потребления и технизации сознания являются возрождение и рост работорговли в современном обществе, расцвет и популяризация нацизма в европейских странах, пропаганда идей техно-физиологического улучшения природы человека и т.д.

Ключевые слова: молодежь, «техноиды», психология общества массового потребления, христианская духовность, идентичность, личность.

TENNISACE OF HUMAN CONSCIOUSNESS AS A SOCIAL PROBLEM

Olga Alekseevna Nemova

PhD of Sociology, Associate Professor

Minin State University

Tatiana Aleksandrovna Pakina

Graduate student

Minin State University

From the standpoint of philosophical anthropology and religious faith in the article the analysis of the prospects for the modification of the person in conditions of increase in modern Russian society the psychology society of mass consumption and mass mechanization of consciousness of youth. Raises the problem of the role of the Humanities in the development of the future of human existence. On the basis of the examined material, the authors come to a disappointing conclusion: the growth of psychology of mass consumption and unbridled tennisace of consciousness (especially youth) can lead humanity to extinction as a species. Modern science offers today for options modification of human nature, its radical reorganization. In particular, on scientific and theoretical level, it is proposed to alter human nature to the human-robot, human-cyborg, without any moral reflection, conscience, shame, morality and moral values, that is, all that is his divine nature. Negative manifestations of the rise of the psychology of a society of mass consumption and mechanization of consciousness is the revival and growth of the slave trade in modern society, the rise and popularization of Nazism in European countries, promoting the ideas of techno-physiological improvement of human nature, etc.

Keywords: youth, «technoid», psychology society of mass consumption, Christian spirituality, identity, personality.

Семимильными шагами по планете распространяется психология общества массового потребления, покоряя сознание самой активной части социума – молодежи. Безудержное потребление становится символом счастливой и беззаботной жизни миллионов людей, практическим руководством к действию.

Потребительское поведение человека проявляется не только в хищническом, расточительном, безумном отношении к окружающей среде, но и социальной сфере. Особенно наглядно данное поведение проявляется среди молодежи. Отношение к человеку как к объекту достижения своих желаний и потребностей стали нормой и руководством к действию. Наблюдается, как справедливо заметил известный нижегородский философ В.А. Кутырев, «сдвиг гуманитарной парадигмы». Технизация сознания, нивелирование гуманитарных ценностей, христианской морали приводят к самым печальным последствиям.

Глобальные социально-экономические и политические изменения являются ярким тому подтверждением, а именно, возрождение и всевозрастающая популярность идей нацизма, расового превосходства в центре современной Европы, широкомасштабное распространение работорговли в масштабах всего мирового сообщества [15, 16, 17, 18], и в целом отношения к человеку не как цели мироздания, а как к средству удовлетворения своих зачастую низменных, узко прагматических потребностей. Во многом это обусловлено бурным ростом научно-технического прогресса (НТП) и, в связи с этим, набирающего с каждым годом все большие обороты технократического мышления и потребительского отношения к жизни

В начале XXI века гуманитарная парадигма не только не укрепила свои позиции, а, наоборот, под давлением НТП находится на грани исчезновения как такового. Тотальная компьютеризация и технизация жизни современного человека стала очередным вызовом времени, ответ на который необходимо дать философам (антропологам и гуманитариям) уже сейчас. Вторжение техники и современных технологий в повседневную жизнь и природу человека резко разделила философов на противников и сторонников результатов подобного «вмешательства». В отечественной науке самыми яркими сторонниками первой точки зрения являются: В.А. Кутырев, С.С. Хоружий, а второй – М.Н. Эпштейн и Г.Л. Тульчинский. Перспектива появления разновидностей Постчеловека (киборгов, мутантов, клонов), фантазии в области «генетического дизайна» свидетельствуют о создании таких существ, которых трудно будет назвать человеком, а в итоге, считает С.С. Хоружий, придется констатировать «эвтаназию» человека [22, с. 27].

Представители философской антропологии справедливо отмечают, что в связи с явным «онтологическим «размыканием» человека и превращением техносферы в «инобытие», возникает острая необходимость в методологическом, мировоззренческом, парадигмальном переосмыслении сущности происходящих перемен, и прежде всего – на уровне герменевтики, которая, в соответствующих понятиях, категориях, дефинициях, описала бы происходящие процессы. Помогла бы, наконец, ответить на следующие вопросы: «Что происходит с сознанием и с целостной человеческой личностью? Что происходит со сферой эмоций, с эстетическими восприятиями? Со сферой общения, с социальными измерениями существования? Ответом на эти вопросы решается, находимся ли мы еще «на территории Человека», а антропологический критерий еще позволяет ли разделить ареалы Человека и Постчеловека» [22, с. 26-28].

Из всего широкого спектра вопросов нам представляется центральным «судьба» идентичности Человека в технократической среде. Это обусловлено тем, что приверженцам идеи «трансгуманизма» и безграничного господства «техновидов» очень мешают неудобные рассуждения об идентичности «кого – с кем?».

«кого – где?», «кого – через что?». При этом нападки апологетов «трансчеловечества» активно подвергаются и сторонники классической («консервативной») философии, и представителям религиозного вероучения, христианской антропологии.

В качестве примера приведем статью М.Н. Эпштейна (профессора университета в г. Атланта, США) о так называемом «творческом» исчезновении человека [23, с. 48-57]. Коротко изложим суть авторского видения перспектив природы человека, взлета разума в «трансгуманистической среде» и возможностей наук постичь всю глубину новой трансформации человека.

Логичным будет начать анализ предлагаемой концепции именно с *третьей* части. Автор словно определяет «границы компетентности» существующих наук в изучении и постижении человека, выстраивая их своеобразную «иерархию». Например, антропология изучает человека исключительно как *биологический* вид, и ей-то уж очевидна вся ограниченность, беспомощность, и просто ущербность физической, природной сущности человека. Чуть больше преуспели гуманитарные науки (философия, нравственность, язык, литература, искусство, история, психология (перечень авторский. – Т.С., О.Н.)) – они изучают «творческие усилия» Человека. В данном контексте – скорее, «потуги» несовершенного разума. Да и что можно ожидать, если сам человек, по М.Н. Эпштейну, – всего лишь «мост между обезьяной и сверхчеловеком». Коль скоро человек — это лишь переходный этап, то и, соответственно, все гуманитарные науки, где в центре внимания был человек, также являются по большому счету переходными, устаревшими, т.е. вчерашним днем.

Зато ни в какое сравнение с «традиционными» науками не идет новое знание, которое готов отстаивать М.Н. Эпштейн, – так называемая *гуманология*. Именно она готова и способна изучать человека как часть техносреды; в этой техносреде человеческая «телесность» и «индивидуальность» выпадают в «осадок», как рудименты «дажней стадии развития разума...» [23, с. 48-57].

А что взамен? А то, что техноорганизмы, свободные от физического, биологического обличия, совершенно не будут нуждаться в физических контактах, *пойдет простое перетекание интеллекта в интеллект*. Человек, как биовид, уходит в прошлое. Он теперь стоит в ряду умных человекообразных машин, как «один из» гуманоидов, киборгов (кибернетических организмов), роботов. При этом новое бытие – техносфера/ техносреда с очеловеченными машинами – принципиально изменяет природу *личной идентичности* (курсив наш. – Т.С., О.Н.) [23, с.48-57].

А как же быть с «территорией Человека» (о которой так беспокоится С.С. Хоружий)? Ответ простой: «На редких, «некомпьютеризованных островках» давно прошедшей «естественной цивилизации» еще можно будет встретить человека – но в специально организованных для него антропарках, плантациях, заповедниках, натуральных музеях человеческого...» [23, с. 48-57].

Однако человечество в XX веке уже проходило «отсев» через подобные «этнопарки» и «расопарки», устроенные «сверхчеловеками», не отягощенными моралью и нравственностью. Однако, как показывает практика (мы имеем в виду происходящие на наших глазах события в постсоветской Украине, где к власти пришли националистические элементы), история нас мало чему учит. Идеи о создании сверхчеловека, супернации имеют многочисленных поклонников по всей территории современной Европы.

Начиная с самого юного возраста под непосредственным воздействием НТП (изобретение телевидения, компьютеров, мобильных телефонов, айподов, планшетов и прочих всевозможных гаджетов) происходит массированная атака на гуманистические духовно-нравственные ценности. Анализ мультипликационной продукции (изначально предназначенной для детей дошкольного и младшего школьного возраста) показывает, что детское сознание намеренно форматируется под рамки технократического глобализованного мира. На смену простой и понятной детской сказке, сюжеты которых были отработаны и выверены веками, читающие языковые и ментальные особенности того или иного народа, этноса, пришли мультипликационные фильмы с мутантами ("КотоПес", США), киборгами и трансформерами [4] ("Трансформеры", США). [14, с. 35-42]. В школьном возрасте форматирование сознания усиливается, чему всемерно способствует введение в качестве обязательного единого государственного экзамена. ЕГЭ в том виде, в котором он есть сейчас – это еще один шаг в угоду технократического глобализационного форматирования детского сознания. Например, самый творческий экзамен по литературе, предполагающий изначально «полет свободной мысли», критическое осмысление духовно-нравственных проблем, формирование собственной мировоззренческой позиции технизирован до такой степени, что речи там ни о каком даже элементарном творчестве уже не ведется. Школьнику, желающему успешно пройти данное испытание, предлагается четкий алгоритм по написанию изложения с элементами сочинения. Аттестующийся должен максимально приблизиться к стилю, заранее заданного текста, соблюсти определенный алгоритм изложения, не превысить лимит слов и фраз. Интересно, как справился бы Александр Сергеевич Пушкин с данной задачей, будучи выпускником Царскосельского лицея, смог бы он уложиться в установленные рамки ЕГЭ. Вряд ли... О духовно-нравственной проблематике, которой насквозь пропитана вся классика русской литературы, в данном случае речи вообще не ведется, что вполне укладывается в идеи Гуманологии М.Н. Эпштейна. Сознание ребенка методично и планомерно «затачивается» под технократический мир: создается универсальный человекообразный механизм, способный максимально быстро ориентироваться и жить в виртуальном мире, легко разбирающийся в инструкциях к всевозможной технике, без гуманистических морально-нравственных ценностей. Результаты технизации детского сознания хорошо видны на выпускниках школ и даже некоторых студентах высших учебных заведений. Современная молодежь с трудом выражает свои мысли как устно, так и письменно (привычка копировать и вставлять дает о себе знать), не способна к критическому мышлению,

адекватному восприятию текста и подтекста, а в её ценностном сознании превалирует конформизм. В общем, на наших глазах создается идеальная почва для дальнейшей киборгизации человека...

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика. – 1993. – 383 с.
2. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М.: Российск. гос. гумат. ун-т, 2000. – 1005 с.
3. Багровников Н.А. Философия. Учебное пособие по дисциплине. Н. Новгород: НИМБ, 2006. – 151 с.
4. Бурухина А.Ф. Антиэстетика мультфильма «Трансформеры» 13.03.2012 // Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svdeti.ru> (Дата обращения 14.03.2014).
5. Голованова Т. Гендерная политика в России: сайт. Санкт-Петербург, 23.11.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zoomir.mybb.ru/viewtopic.php?id=1180> (дата обращения 14.03.2014).
6. Гуревич П.С. Актуальные тенденции в понимании человеческой природы // Человек - Наука - Гуманизм [отв. ред. А.А. Гусейнов]; Ин-т философии РАН. – М.: Наука, 2009. – С. 152-173.
7. Зеленов Л.А., Балакшин А.С., Владимиров А.А. Системно-типологический анализ культуры. – Н. Новгород, ВГАВТ, 2009. – 348 с.
8. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. – №1. – С. 1-12.
9. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). – Смоленск, 2006. – 301 с.
10. Кутырев В.А. Философия трансгуманизма: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.
11. Кутырев В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. – 496 с.
12. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 4. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 1042 с.
13. Немова О.А., Бурухина А.Ф. Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2014. – №1. – С. 152-173.
14. Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления // Социология. – 2013. – №3. – С. 35-42.
15. Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф. Трудовая миграция женщин из России: выезд, трудоустройство и защита прав. Институт социально-политических исследований РАН. – М.: Наука, 2008. – 215 с.
16. Свадьбина Т.В., Немова О.А. Трэфик: проблемы социокультурной и правовой дезадаптации женщин к условиям рынка // Девиация и делинквентность: социальный контроль: Сб. материалов международной конференции. В 2-х т. Т.1 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2006. – С.134-136.
17. Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А. Путь за рубеж: воплощенная мечта или трэффик? Учебно-методическое пособие для учащейся молодежи и потенциальных мигранток. – Н.Новгород: НГПУ. 2007. – 79 с.
18. Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А. Современный трафик: причин, разновидностей, последствий, профилактика // Социологические исследования. – 2014. – №2. – С. 43-48.
19. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. – СПб., 1994. – 385 с.
20. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.
21. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997. – 575 с.
22. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. – 2008. – №2. – С. 10-31.
23. Эпштейн М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Человек. – 2009. – №4. – С. 48-57.

УДК 124.3

ПРОГРЕСС ИДЕИ ПРОГРЕССА: ОТ ГЕГЕЛЯ К ПОСТМОДЕРНИЗМУ

Геннадий Андреевич Логинов

Аспирант кафедры философии

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Второе «осевое время» в истории Европы может быть рассмотрено в своей взаимосвязи с появлением неклассической философии, в частности прото-экзистенциализма Кьеркегора и «прото-виртуализма» Шопенгауэра. Как известно, эти философы отвергли гегелевский панлогизм и сконцентрировались на «проблеме существования». Однако, гегелевский рационализм и

телеологизм были применены в «прогрессистской» и пессимистической метафизической системе Эдуарда фон Гартмана, который развил и модифицировал шопенгауэровский пессимизм. Гартман предсказывал коллективное, добровольное и согласованное самоубийство человечества с помощью неких продвинутых технологий. Эта провокационная идея немецкого философа XIX века должна быть воспринята более серьезно в нашу эпоху ядерного оружия и мечтаний о «существовании» в виртуальной реальности. Постмодернистская философия, особенно работы Делеза и Деррида, могут быть рассмотрены как простое отражение актуального затруднительного положения человечества. Философские оценки некоторых фундаментальных трендов технического прогресса несомненно должны принимать в расчет историю метафизических спекуляций о будущем человечества. К сожалению, постмодерновый индифферентизм представляет собой другую сторону этой беспрецедентной проблемы.

Ключевые слова: технический прогресс, Эдуард фон Гартман, пессимизм, постмодернизм.

PROGRESS OF THE IDEA OF PROGRESS: FROM HEGEL TO POSTMODERNISM

Gennady Andreevich Loginov
Graduate student, Chair of Philosophy,
Lobachevsky State University

The second “axial age” in the history of Europe can be considered along with its interconnection with the emergence of non-classical philosophy, particularly of proto-existentialism of Kierkegaard and “proto-virtualism” of Schopenhauer. These philosophers rejected Hegelian panlogism and concentrated on the “problem of existence”. However, Hegel’s rationalism and teleologism were employed in “progressist” and pessimistic metaphysical system by Eduard von Hartmann, who further developed and modified Schopenhauerian pessimism. Hartmann predicted collective, voluntary and “consensual” suicide of mankind with the help of advanced technology. This provocative idea of the German philosopher of XIX century should be considered more seriously in our age of nuclear weapons and dreams about “existence” in virtual reality. Postmodernist philosophy, especially works by Deleuze and Derrida, can be viewed as a mere reflection of the actual predicament of humanity. Philosophical judgments of some fundamental trends of technical progress should undoubtedly take into account the history of metaphysical speculations about the future of mankind. Unfortunately, postmodern indifferentism represents the other side of this unprecedented problem.

Keywords: technical progress, Eduard von Hartmann, pessimism, postmodernism.

С появлением неклассической философии как «прото-виртуализма» Шопенгауэра и прото-экзистенциализма Кьеркегора, в европейской истории наступило «второе осевое время». Главными его характеристиками стало философское осмысление несовпадения должного и сущего, и как следствие, переход к конкретному целеполаганию в масштабах государства и общества вместо гегелевского декларативного признания фундаментально-абстрактной телеологии бытия, независимой от конкретных действий людей. Достаточно сложно определить, повлияли ли исторические реалии на философию Гегеля или Шопенгауэра или наоборот, их учения впоследствии привели к созданию соответствующих политических идеологий. Дальнейшее развитие философии также предложило различные варианты ответа на этот вопрос.

Интересно, что Эдуард фон Гартман, модифицировавший шопенгауэровскую философию воли, будучи, в противоположность Гегелю, одним из наиболее последовательных иррационалистов, тем не менее, фактически конкретизировал на мета-уровне универсальный диалектический принцип неизбежности «самоуничтожения» феноменов во времени в своих взглядах на прогресс человечества. Гартман считал, что историческое развитие определяется влиянием бессознательного. «Понимая бессознательное как единство воли и представления, Гартман полагал, что оно в своем развитии проходит 3 стадии: на 1-й - воля и представление (рациональное и иррациональное) объединены в абсолютный принцип, лежащий в основе всего сущего. На 2-й, «космической», стадии, которая в результате перехода неразумной воли из потенциального в актуальное состояние характеризуется возникновением сознательной жизни, иррациональная воля и рациональный ум вступают в противоборство. Гартман считал, что на этой стадии находится современное ему человечество. На 3-й стадии разум должен победить неразумную волю к жизни и человечество, осознав бессмысленность бытия, покончит с собой, уничтожая тем самым и весь этот мир, созданный случайным импульсом иррациональной воли» [3].

«Но прежде чем достигнуть этой высшей цели, мировое сознание, сосредоточенное в человечестве и непрерывно в нём прогрессирующее, должно пройти через три стадии иллюзии. На первой человечество воображает, что блаженство достижимо для личности в условиях земного природного бытия; на второй оно ищет блаженства (также личного) в предполагаемой загробной жизни; на третьей, отказавшись от идеи личного блаженства как высшей цели, оно стремится к общему коллективному благосостоянию путём научного и социально-политического прогресса. Разочаровавшись и в этой последней иллюзии, наиболее сознательная часть человечества, сосредоточив в себе наибольшую сумму мировой воли, примет решение покончить с

собой, а через это уничтожить и весь мир. Усовершенствованные способы сообщения, считает Гартман, доставят просвещённому человечеству возможность мгновенно принять и исполнить это самоубийственное решение» [1] (Вл. Соловьёв).

Если абстрагироваться от этических оценок, то вышеизложенные идеи немецкого философа представляются крайне проницательными для XIX века и отчасти пророческими применительно к нашему времени, характеризующемуся постоянно растущими техногенными экзистенциальными рисками для человечества. Тем не менее, принятие всеобщего коллективного *волевого* (иррационального, связанного с бессознательным, с глубинной первоосновой мира согласно волюнтаристской философии) решения о самоуничтожении человечества, к счастью, пока кажется крайне маловероятным. Однако, возможно, это лишь поверхностная рационально-эмоциональная оценка. Самоустранение человечества вполне может быть, в противоположность гартмановскому предположению, сильно растянуто во времени и обосновано множеством локальных, краткосрочных, рационалистических, оптимизаторских стремлений. В настоящее время данная тенденция наиболее заметно проявляется в доминировании экстернализированной, дегуманизированной, «неантропоморфной» эффективности как определяющей ценности в экономике, политике и даже религиях постмодерна [2]. «Оптимизация» всего многообразия жизни по одному или нескольким количественным критериям может привести к краху *субстанциальной тотальности* культуры и цивилизации или даже самой антропоморфной жизни. «Царство количества» отличается от дистопии только количественно.

Подобно этому противоречивому опасению, взгляды Гартмана на мировой процесс также изобилуют диалектическими парадоксами по отношению к определениям рационализма и иррационализма и их соответствующим атрибутам. В частности, рациональность гартмановского иррационализма проявляется в идее о движении человечества к исчезновению. Эта цель действительно выводится рационалистически, на основе оптимизации по критерию «сумма страданий». Тем не менее, Гартман, в отличие от Шопенгауэра, также акцентировал внимание на «бессмысленности» существования человечества. Данное противоречие подводит к проблемам обоснования смысла, которые были подробно рассмотрены постмодернистом Делёзом (возможно, одним из «завершителей» неклассической философии).

Рассуждения Гартмана об иллюзиях, через которые якобы проходит человечество, кажутся явно рационалистическими. Однако осуществление избавления от иллюзий, то есть цели, основанной на рациональных предпосылках, почему-то должно бы произойти за счет «сосредоточения наибольшей суммы мировой воли», то есть иррационального начала, которое и привело к страданиям человечества и «неразумности бытия». Таким образом, философия Гартмана как логичное и менее виртуалистическое развитие системы Шопенгауэра, предстаёт в качестве некоего субъективного (волюнтаристского) рационализма, возможно даже в виде практической (прагматической) философии метафизически обобщенной инструментальной рациональности.

Данные парадоксы возможно частично объяснить симметричным переворотом «бессознательное-сверхсознательное», который, как и само осуществление потенциальной возможности мироздания, происходит «из-за какой-то протослучайности» (по выражению самого Гартмана). «Вследствие пространственности и временности как принципов индивидуализации единая Сущность, воплощаясь, разлагается на множественность явлений воспринимаемого мира, хотя сама по себе она вневременна, внепространственна, нематериальна, бессознательна, но по глубинной сути является не столько бессознательным, сколько сверхсознательным (*das Überbewusste*). Феноменальный мир имеет, т.о., в качестве основания трансцендентную реальность сверхбытия» [2]. Следовательно, онтология Гартмана является симметричной иррационалистической версией пантеистического неоплатонизма, в которой явно заметен онтологический нигилизм. Сама конструкция бытия, основанная на единстве бессознательного и сверхсознательного, напоминает гностический принцип герметизма: «то, что находится внизу, аналогично тому, что находится наверху». Однако если акцентировать внимание на чисто психологическом смысле бессознательного, то данное учение может даже показаться близким к христианству: «Царство Божие внутри вас есть».

Э. фон Гартман создал всестороннюю, «научно» изложенную философскую систему, полноценно соотношенную с естественными науками того времени. Фактически, немецкий философ заложил онтологические основы экзистенциалистской парадигмы, предпосылки идей атеистического экзистенциализма (особенно А. Камю) о случайном появлении и абсурдном существовании человека в индифферентной и неразумной Вселенной, «онтологический пессимизм», параллельно и в дополнение к религиозному психологизму Кьеркегора.

Линия Шопенгауэра и Гартмана не получила значительного самостоятельного (вне экзистенциализма) развития, вероятно по той причине, что некоторые максимально радикальные этические и аксиологические выводы уже были сделаны этими авторами. Оставалась единственная значительная возможность: перевернуть императив о необходимости подавления иррациональной воли, что и сделал Ницше.

Дальнейшее развитие неклассической философии происходило под сильным влиянием Ницше и ницшеанства, привнесших явные антипрогрессистские тенденции, отказ от системности, а также принципиальную «ненаучность» философствования. В конечном итоге временная победа над онтологическим нигилизмом была достигнута с помощью морального нигилизма. «Философия жизни» в чистом виде была абсолютно дестабилизирующей силой, непригодной для формирования устойчивых аксиологических и этических принципов, применимых в условиях бурного технического и общественно-политического развития Европы конца XIX – начала XX века. Мировые войны стали кульминацией противоречий «второго осевого времени», худшими страницами в истории человечества.

Языческая «пассионарность» первого «осевого времени», поздней античности, в конце концов, была ограничена и упорядочена христианством, в частности раннесредневековой христианской государственностью. Рассматривая вехи второго «осевого времени», главной причиной отсутствия крупных войн во второй половине XX века можно уверенно считать ядерное оружие. Существуют даже эмпирические статистические исследования, подтверждающие с большой степенью уверенности, что это не случайное совпадение или результат действия каких-то других факторов [4]. Таким образом, если во времена раннего христианства для усмирения разрушительных стремлений многих людей было достаточно метафизической угрозы по смертного ада, то к середине XX века потребовалось конкретное техническое осуществление возможности ада на Земле, чтобы удержать человечество от дальнейших мировых войн. Впервые в истории человечества, ключевым фактором мировой политики (и, следовательно, других зависимых сфер) стало *потенциальное* и при этом абсолютно фатальное событие – глобальная ядерная война. Неудивительно, что для сферы идей, в частности для философии, это привело к значительной потере интереса к попыткам *актуального* осуществления идеалов. Наступило время постмодернизма, «философии распада», «золы количества».

Литература

1. Гартман // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. – Т. X. – С. 438-440.
2. Гартман // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. С. 1890-1907.
3. Логинов Г.А. Эффективность как определяющая ценность постмодерна // Философия хозяйства. – 2017. – №3. – С. 155-165.
4. Rauchhaus R. Evaluating the Nuclear Peace Hypothesis: A Quantitative Approach // Journal of Conflict Resolution. – 2009. – Т. 53. – №. 2. – С. 258-277.

УДК 1(091)111

СУБЪЕКТ И ИСТИНА: ОСМЫСЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ В ФИЛОСОФИИ Ж. ДЕЛЕЗА И А. БАДЬЮ

Александра Сергеевна Никулина

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируется концепция развития в онтологии Ж. Делеза и А. Бадью на примере становления индивидуальности и становления субъекта истины. Выявляется связь истины у Бадью (и, соответственно, смысла у Делёза) с понятием новизны и спонтанности. Новизна, которая возникает посредством истины (и события) не выводима из факта накопления изменений во времени (из опыта, памяти), однако не является она и выражением неких трансцендентных времени форм или законов. Поскольку становление субъекта (индивидуальности) совпадает с раскрытием в мире истины (смысла), то и процесс развития не может мыслиться как целенаправленный или выражающий трансцендентные формы; в развитии обнаруживается инаковость бытия самому себе, его отличие от самого себя. Такая новизна (как различие, инаковость) является имманентной миру и происходящему в нем и выражает принципиальную открытость целостности мира, благодаря которой становится возможным его развитие и изменение во времени. Таким образом, развитие предстает в творчестве французских мыслителей, во-первых, как движимое истиной (смыслом); при этом смысл и истина постигаются как новизна (открытость и инаковость самой себе) любой целостности. Во-вторых, развитие имеет место не внутри времени, а само задает характер того или иного времени, поскольку содержит в себе несводимую к временности новизну.

Ключевые слова: истина, субъект, развитие, новизна, событие, генезис истины, время, инаковость.

SUBJECT AND TRUE: UNDERSTANDING OF DEVELOPMENT IN THE PHILOSOPHY G. DELEUZE AND A. BADIOU

Alexandra Sergeevna Nikulina

Postgraduate student

Saint-Petersburg State University

The article explicates the conception of development in the ontology of G. Deleuze and A. Badiou as exemplified by emergence of individuality and subject of truth. It demonstrates the relation between truth in the works of Badiou (and, correspondingly, sense in the works of Deleuze) with no-

tions of novelty and spontaneity. Novelty that comes to being by virtue of truth (and sense) cannot be deduced from the fact of accumulation of changes within the domain of time (that is to say, from experience, or memory), however, it is not a manifestation of certain forms and laws that are transcendent to time. Since the emergence of subject (individuality) is practically identical to the manifestation of truth in the world, development as well cannot be conceptualized as a teleological process, or process, revealing some transcendent forms; development exposes the otherness of being to itself, the fact that being differs from itself. Such novelty (as non-conceptual difference, otherness) is immanent to the world and its processes and expresses a fundamental openness of the world as a whole, which is responsible for its possible development and change within the domain of time. Thus, development in the works of the French philosophers is thought, first of all, as generated by truth (sense); given that truth is conceived as novelty (openness and difference from itself), which characterizes any whole. Second, development takes place outside the domain of time and defines the character of time, as it contains novelty that is irreducible to temporal processes.

Keywords: truth, subject, development, novelty, event, genesis of truth, time, otherness.

В творчестве Ж. Делёза и А. Бадью присутствует общая ориентация – ориентация на исследование множественности бытия и осмысление событийности – как явления, радикально противостоящего любым закономерностям. По этой причине концепцию развития в их мысли можно понять только исходя из того, что развитие мыслится не как закономерно протекающий, а как спонтанный процесс, движимый 1) становлением смысла (в мысли Делёза) 2) процедурой истины (у А. Бадью). Место, которое занимают эти явления в структуре онтологии обоих мыслителей, практически одинаково. А именно, истина (и, соответственно, смысл) мыслится в качестве инстанции, не принадлежащей бытию (иначе говоря, истина отсутствует в сфере реального) – т. е. вещам и предложениям (у Ж. Делёза), или телам и языкам (у А. Бадью). Поскольку бытие – множественно, истина становится источником внебытийного единства. Однако это единство утрачивает связь с тождеством – это не самотождественное единство, а единство, делающее возможным различие. В мысли Делёза «индивидуализирующее различие предшествует в бытии различиям родовым» [4, с. 120]. Поэтому истина ответственна за становление новизны, за единство и уникальность бытия, в отличие от его закономерностей и единообразия.

В свою очередь субъект является у Ж. Делёза одним из возможных результатов процесса индивидуации, в котором проявляется смысл; смысл выражает себя через субъекта. Так, субъект выражает формы смысла – концепты, при этом «концепт не дается заранее, он творится, <...> он полагается сам в себе» [3, с. 21]. У А. Бадью субъект – место обнаружения истины как единичного события, отличного от множественного характера ситуации (ситуация мыслится как то, что принадлежит бытию и, следовательно, является целиком множественной). Следовательно, субъект является выразителем и «агентом» истины («Субъект есть ни что иное, как локальный агент истины» [8, р. 47], инстанцией, которая соответствует становлению истины и смысла, их новизне.

Поскольку истина (и смысл) не находятся в бытии и поэтому не принадлежат также и хронологическому времени – так, согласно Делёзу, смысл принадлежит времени становления (Эону), согласно Бадью, истина возникает как единство, отличающееся от существующей множественности ситуации – то возникает вопрос: как понимать момент новизны, связанный с истиной? Эта новизна, очевидно, не может возникать вследствие накопления опыта или памяти во времени (как своеобразный прорыв в поступательном развитии), поскольку сама истина не принадлежит бытию и времени; также эта новизна не является вневременной в классическом – платоническом – понимании: она не возникает в бытии как некоторое проявление самотождественной формы, эйдоса. Новизна истины отличается от бытия, не являясь при этом сверх-бытийной, задающей бытие. Этим она перекликается с понятием эмерджентности, используемой в теории самоорганизации и синергетике. Согласно Э. Морену, эмерджентность «является новым качеством по отношению к компонентам системы. <...> эмерджентность нередуцируема – событийно – и невыводима – логически» [6, с. 146]. У А. Бергсона, творчество которого оказало серьезное влияние на Ж. Делёза, новизна также является свойством целого, его принципиальной открытостью: «...речь идет о космической интериорности, о творческой способности Открытого, об Отношении, которое все обнимает» [7, с. 105]. Любое целое открыто не просто к инаковости, но к такой инаковости, которой прежде никогда еще не было.

Итак, новизна, возникающая в ходе индивидуации и становления субъекта истины, выражается в бытии как *другое* бытие, как саморазличие бытия, как то, что никогда не совпадает с 1) содержанием положений вещей и предложений 2) с условиями той или иной ситуации. При этом интересно, что новизна, привносимая в мир истиной, понимается обоими мыслителями как нечто имманентное миру в том смысле, что через нее не выявляется некоторое трансцендентное начало или принцип. Новизна сама является «новой» всякий раз, когда она находит место в бытии. В этом отношении концепция событийности истины во многом перекликается с понятием фактичности, которое представитель спекулятивного реализма К. Мейясу предлагает в качестве нового философского Абсолюта. Быть фактичным – значит «*быть без достаточного основания, и поэтому иметь возможность без всякого основания стать действительно другим.* <...> то, что мы называем неоснованием, – это абсолютное онтологическое свойство, а не знак конечности нашего знания» [5, с. 74]. Интересно, что В. В. Бибихин в лекциях «Мир» обнаруживает тесное переплетение понятий «новизны» и вечности». У него, также как и у французских мыслителей, новизна мира оказывается невыводи-

мой из хронологического времени: «Русское “ныне” – этимологически то же, что “новый”. Новое, молодое, юное – существо вечности. <...> Юное-новое – это настоящее, которое само не время, но которое тем, что оно новое, делает другое прошлым» [1, с. 125]. Далее он отмечает двусмысленность, присутствующую в русском слове «настоящий» – оно указывает не только на модус времени («теперь»), но и характеризует нечто как подлинное, неподдельное. Таким образом, русский мыслитель по-своему приходит к пониманию новизны как момента истины во времени: «Я новый так, что не другой самому себе, а узнал в себе новом себя *настоящего*» [1, с. 125].

Итак, развитие в мысли Ж. Делёза и А. Бадью – отнюдь не процесс планомерного изменения целого в соответствии с его внутренними или внешними отношениями или в силу связи с трансцендентной причиной; развитием движет истина (смысл), которая мыслится как событие и несводимая к времени и бытию новизна происходящего. Это, безусловно, указывает на то, что развитие приобретает принципиально непредсказуемый характер. Субъект в этом случае может лишь выражать истину как новизну и движение, а не обнаруживать истину как нечто данное. Словами А. Бадью, «субъект – тот, кто фиксирует в теле тайну эффектов, которые оно производит» [8, р. 47]. Непредсказуемость истины связана также и с тем, что она выражается в субъекте как целом, а не только мыслится им. Согласно Делёзу, истина принадлежит времени становления, которое во многом повторяет концепцию длительности А. Бергсона. «Мы не *мыслим* реально-го времени [длительности], – пишет Бергсон о длительности, – но проживаем его, ибо жизнь преодолевает границы интеллекта» [2, с. 57]. Поэтому и развитие, хотя его и возможно выразить средствами разума, принципиально не является разумным и целесообразным.

Литература

1. Бибихин В.В. Мир. СПб: Наука, «Слово о сущем», 2007. – 431 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В.А. Флеровой. – СПб: Азбука, 2016. – 384 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. – СПб: Алетейя, 1998. – 288 с.
4. Дьяков А.В. Жиль Делёз, Философия различия. – СПб: Алетейя, 2012. – 504 с.
5. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
6. Морен Э. Метод. Природа природы / Пер. с фр. Е. Н. Князевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
7. Монтебелло П. Делёз и Бергсон, контр-феноменология / Пер. с фр. Ю. Подороги // Логос. – 2009. – №3 (71). – С. 98–106.
8. Badiou A. Logics of Worlds / Transl. by A. Toscano. – London-New York: Continuum, 2009. – 636 p.

УДК 101

ТРАГЕДИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ЕГО СОЦИАЛЬНЫМИ И ЕСТЕСТВЕННЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

Надежда Дмитриевна Субботина
Доктор философских наук, профессор
Забайкальский государственный университет

В статье анализируются противоречия поведения человека, возникшие в результате разнонаправленности естественной и социальной эволюций, естественные и социальные факторы, влияющие на поведение человека, преимущества и опасности, которые дают человеку два основных продукта социальной эволюции – сознание и ускорение. Естественная эволюция сформировала в человеке, как и в любом живом организме, поведение, имеющее неосознанную, но явную цель сохранения вида. Социальная же эволюция, создав такие феномены, как сознание и ускорение социального развития, формирует в человеке поведение, приводящее к изменению, как его самого, так и окружающего природного и социального мира. Изменение же не всегда приводит к развитию, оно может привести и к гибели человечества. Обращается внимание на то, что так же, как между биологической особью и окружающей средой находится популяция, так и между человеком и обществом в целом находится общественная группа. Поэтому человек оказывается в ситуации, когда на него оказывают давление и природные факторы и социальные в виде общества в целом, и групповые. И направления этих воздействий могут быть разнонаправленными, что и приводит к его трагедии.

Ключевые слова: поведение человека, эволюция, естественно-групповые закономерности, естественное, социальное, ускорение общественного развития.

TRAGEDY OF HUMAN BEHAVIOR: CONTRADICTIONS BETWEEN SOCIAL AND NATURAL CHARACTERISTICS

Nadezhda Dmitrievna Subbotina

DSc of Philosophy, Professor

Transbaikal State University

The article analyzes the contradictions of a human behavior which arose as a result of the multidirectional character of natural and social evolution, natural and social factors that influence on a human behavior, advantages and dangers, which give a man two main products of social evolution – consciousness and acceleration. Natural evolution formed in a man the behavior having an unconscious but explicit goal of preserving the species. Social evolution having created such phenomena as the consciousness and acceleration of social development shapes such a behavior in a man, which leads to changes in both himself and the surrounding natural and social world. This change does not always lead to the development; it can lead to the death of mankind. Attention is drawn to the fact that there is a population between the biological specimen and the environment; there is also a social group between a man and society as a whole. Therefore, a human being finds himself in a situation when he is pressured by both natural, group and social factors in the form of society as a whole. And the directions of these influences can be various; and this factor leads to the tragedy of a human being.

Keywords: human behavior, evolution, natural-group patterns, the natural, the social, acceleration of social development.

Человек является результатом одновременно и естественной, и социальной эволюции. *Естественная эволюция сформировала в нём качества с преобладанием функции сохранения, а социальная привела к возникновению творчества и других качеств которые приводят к общественным изменениям.* Поэтому с момента своего формирования человек живёт в условиях двойного давления: природной среды и общества. Причём к природе в процессе естественной эволюции человеческий организм приспособился в целом неплохо. Учитывая предыдущие ступени, через которые прошли живые организмы, а значит, и человек, его организм «знает» как надо реагировать на те, или иные природные воздействия. В отношениях же с обществом у человека, уже как у личности, есть много проблем.

Чтобы выявить эти проблемы, надо уточнить, что человек как отдельный индивид и биологическая особь взаимодействует с внешним (и естественным и социальным) миром не всегда один на один. Если рассматривать человека как родовое существо (и в биологическом, и в социальном значениях), то это взаимодействие следует рассматривать как опосредованное. Говоря о роли давления среды в процессе адаптации живых организмов, В. Г. Афанасьев отмечал, что «организм активен и относительно самостоятелен по отношению к среде» [1, с. 225]. Однако в этой схеме Афанасьева не хватает ещё одного звена между организмом и средой. Зависимыми и относительно самостоятельными по отношению к среде являются популяции и другие таксоны. Организм же и зависит и относительно самостоятелен как по отношению к среде, так и по отношению к популяции. Поэтому он является результатом процессов изменения как среды, так и популяции. В человеческом обществе роль популяции взяли на себя группы людей, к которым он принадлежит. И это не одна группа, как в животном мире, а несколько, каждая из которых предъявляет к человеку свои требования, которые могут противоречить друг другу.

Известно, что в ходе социальной эволюции постепенно снимаются естественные характеристики человека. Его способы жизнедеятельности и общения с окружающими приобрели социальное содержание. Человек обладает мышлением, нравственностью. Он построил вокруг себя более-менее комфортный социальный мир. Однако, помня Г. Гегеля, мы знаем, что снятие никогда не бывает полным и окончательным. Отсюда, поскольку естественное начало в нём снято не полностью, оно воздействует на функционирование и развитие общества и на поведение индивида.

При этом основные качественные характеристики социального – сознание и ускорение, возникающее благодаря преимущественно внутренней детерминации функционирования и развития общества, одновременно и способствуют победе социального и являются возможной причиной его гибели. Общество и человек не являются, «чисто» социальными образованиями. Поскольку общественные системы строятся на основе естественных предпосылок, они включают эти предпосылки в свою структуру. Следовательно, с момента своего возникновения общество и человек становятся ареной непрекращающейся борьбы социального и естественного. «Орудием» естественного в этой борьбе являются инстинкты, «орудием» социального – сознание. Победа социального никогда не может считаться окончательной потому, что естественное всегда оказывает давление извне и ведёт с помощью инстинктов постоянную борьбу с социальными формами поведения изнутри, ожидая момента его ослабления.

В целом на поведение индивида оказывают влияние следующие факторы:

- физическая и психическая организация;
- естественные потребности;
- давление естественной среды;

- социальные потребности;
- давление социальной среды (нравственные нормы, юридические законы, традиции, референтные группы, семья и прочее);
- закономерности естественно-групповых отношений²⁴.

Сознание даёт социальным системам возможность:

- *анализировать* информацию, поступающую как извне, так и изнутри общества и человека;
- *передать* её посредством социальных средств связи от одного социального субъекта ко всем возможным другим, в том числе негенетическим путём от поколения к поколению;
- *накапливать и систематизировать* информацию, что приводит к научным озарениям, открытиям, ещё больше вооружая систему общества для конкуренции с природными системами;
- *предвидеть* не только регулярные события, как это умеют живые системы, но и нерегулярные, или регулярные, но с большими интервалами, явления природные (землетрясения, извержения вулканов, приближения комет) и социогенные катастрофы, осознавать и по возможности предотвращать их, или их нежелательные последствия.

Вторая особенность социальной эволюции – постоянное *ускорение* её процесса, для человека и общества имеет много соблазнительных перспектив. Оно даёт социальным системам возможность:

- *побеждать* в соревновании с некоторыми естественными системами на макроуровне;
- *опережать* возможные реакции естественных и конкурирующих социальных систем.
- *повышать качество жизни*, что проявляется в росте благосостояния, возникновении новых форм общественных отношений, небывалом развитии науки, создании новой техники (позволяющей осваивать морские глубины и космос), искоренении многих заболеваний, увеличении продолжительности жизни и тому подобное.

В то же время нам не подвластен мегамир с его космическими законами, которые мы способны лишь познать, но не изменить, а микромир доступен лишь частично на уровне атомной и ядерной энергии.

Те же самые качества социального – сознание и ускорение – способны привести к гибели системы общества. Сознание, вооружая социальные субъекты знанием некоторых закономерностей, не может гарантировать им знание всех последствий использования этих закономерностей в своих целях, что тоже чревато негативными последствиями. Преимущества ускорения затрудняют понимание его угрожающих сторон и, тем более, его преодоление. Ведь для того, чтобы затормозить ускорение, человечество должно отказаться от большинства из накопленных материальных богатств. Весьма проблематична возможность того, что люди пойдут на такой шаг добровольно.

Остаётся открытым и тревожащим вопрос: к чему приведёт ускорение общественного развития? Мы знаем, что в естественной природе ускорение всегда приводит к взрывам, катастрофам, качественному скачку – переходу в иное состояние. Такой исход не исключён и для общества. Синергетика утверждает, что любая система имеет конечное существование. Момент максимального развития системы синергетика называет обострением. Ускорение с обострением способно привести к сингулярности, а это – такая опасность, сущности и последствий которой мы не знаем, поэтому не знаем, как ей противостоять.

Качества человека как живого организма, выработанные естественной эволюцией и направленные исключительно на сохранение вида, популяции и генофонда, претерпели изменения благодаря развитию самосознания и интеллекта. Нарушилась диалектика сохранения и изменения, устойчивости и изменчивости. Согласно диалектике, преобладание количественных изменений при нарушении границы меры всегда приводит к качественным изменениям. Нам осталось определить, какие качественные изменения ожидают нас (или уже не нас?) и как определить эту границу меры.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Мир живого: Системность, эволюция и управление. Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 336 с.
2. Субботина Н.Д. – Проблема соотношения естественного и социального в обществе и в человеке: дис. ... докт. филос. наук. – Улан-Удэ, 2002. – 399 с.

²⁴ Под ними я понимаю обнаруженные и исследованные разными учёными закономерности отношений, основанные на общественных инстинктах людей: закономерности массового поведения, конформизм, социальная фасилитация, огруппление сознания, социальная ингибция и другие. В одну группу эти закономерности можно объединить на том основании, что они обладают общей тенденцией к объединению людей в единый коллектив, члены которого лишены индивидуальных черт и действуют максимально согласовано [2, с. 17, 238–273].

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ ТЕХНОЛОГИЙ

Анна Михайловна Глазырина

Аспирант

*Нижегородский государственный технический
университет им. Р.Е. Алексеева*

Статья посвящена исследованию процесса реконструкции гендерной идентичности, осуществляющегося в результате стремительного роста технологий. Рассмотрены объективные детерминанты этого процесса, дифференцированы технологии, усиливающие кризис гендерной идентичности. Выявлена необходимость философского осмысления происходящих процессов глобализирующего социума, инициирующих рождение новых практик родительства. Показано, что рефлексивные процедуры приводят к открытию «гибридной онтологии», релевантной для объяснения формирующейся качественно новой социо-культур-технологической среды Интернет, изменяющей антропологические параметры. Автором делаются выводы относительно влияния этой новой среды на человека, среди которых выделяются: редукция человека к информационным статусам, появлению пластичного индивида, лишённого способности к рефлексии и, как следствие, десакрализация семейных отношений и деинтимизация частной жизни. В статье предлагается для анализа современного кризиса гендерной идентичности **конструктивистская методология**. Парадигма конструирования является релевантной методологией исследования гендерной идентичности, ибо центрируется на процессуальности создания структур, значений и смыслов, что соответствует реальности социо-культур-технологической среды. Показано, что аутопойезис с его системным кодом, определяющим воспроизводство как гендерной системы общества, так и воспроизводство гендерной идентичности в Интернет-среде, - объясняет, почему человек перестает быть главным источником гендерных ролей. Выявлено, что **бинарный код противоречит человеческой природе**. Следствием этого становится элиминация самого ядра властных отношений между мужчиной и женщиной, что всегда было содержанием феминистского дискурса. Итогом статьи является актуализация проблемы кризиса гендерной идентичности в глобальном мире технологий и тематизация..

Ключевые слова: гендер, конструктивистский дискурс, гендерная идентичность, технологический прогресс, аутопойезис, интернет-среда.

RECONSTRUCTION OF GENDER IDENTITY IN THE GLOBAL WORLD OF TECHNOLOGY

Anna Mikhailovna Glazyrina

Graduate student

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseeva

In the article the author analyzes process of reconstruction of gender identity. The objective determinants and technologies that enhance the crisis of gender identity. The necessity of philosophical comprehension of these processes in global world is revealed. Reflexive procedures lead to the discovery of a "hybrid ontology" that is relevant for explaining the emerging new socio-cultural-technological environment of the Internet. The author draws the following conclusions about the impact of the Internet environment on a person: reduction of a person to information status, the emergence of a plastic individual and desacralization of family relations. Author uses the constructivist methodology to analyze the contemporary crisis of gender identity. It focuses attention on the procedural nature of creating structures and meanings, which corresponds to the reality of the socio-cultural-technological environment. The author applies the mechanism of autopoiesis as the main research tool. This mechanics explains why a person ceases to be the main source of gender roles. The consequence of this is the elimination of power relations between man and woman. The result of this article is the actualization of the problem of the gender identity crisis in the global technology world.

Keywords: gender, constructivist discourse, gender identity, technological progress, autopoiesis, Internet environment.

Стремительное развитие технологий и ускорение темпов социальной жизни сопровождается невероятными человеческими перегрузками. По расчетам Рея Курцвейла, каждое десятилетие скорость технического развития увеличивается в два раза. Прогнозы о наступлении технологической сингулярности – точки, в которой невозможно предсказание хода истории [11, с. 624] – становятся предметом обсуждений. Все это актуализирует исследование антропологической составляющей технологического прогресса. Темпы социальной динамики обнаруживают неэффективность моделей идентификации, основанных на историческом

опыте. Наш жизненный опыт просто не справляется с большим количеством инноваций: «происходит эрозия опыта, становящегося бессмысленным для текучей идентичности» [6, с. 16].

Проблема идентификации актуализируется и разрушением традиционной семьи, моральным релятивизмом, усиливающимся вследствие элиминации нравственных идеалов в бесконечном потоке информации, связанной с навязываемыми кем-то желаниями. В результате человек оказывается в «лабиринте идентичностей» [13, с. 15], бесконечно блуждает, складывая пазл своей индивидуальности. Гендерная идентификация становится тоже неоднозначной: заданные от природы, биологические характеристики человека перестают быть основанием как для определения его гендера, так и биологического пола. В век технологий сакральное разделение полов на мужской и женский остается в прошлом: в Интернет-среде «целостный телесный человек превращается в частичного человека, воплощается идея тела без органов – человека без свойств» [7, с. 67]. Не случайно проблема кризиса гендерной идентичности требует философского осмысления. Цель этой статьи – исследовать, как трансформируется гендерная идентичность в цифровой среде.

Итак, рассмотрим, развитие, каких технологий, оказало непосредственное влияние на трансформацию гендерной идентичности. Прежде всего, это новые репродуктивные технологии, позволившие человеку настолько глубоко проникнуть в свою природу, что сакральный процесс появления новой жизни на Земле стал технологичным и в определенной степени унифицированным. В литературе появился термин «деинтимизация репродуктивного поведения» [14, с. 60], когда к рождению ребенка при использовании технологий ЭКО и суррогатного материнства могут быть причастны пять взрослых людей: доноры полового материала, заказчики и суррогатная мама. С другой стороны, с развитием биотехнологий у многих пар появилась возможность победить бесплодие, ощутив радость родительства практически в любом возрасте. Соответственно появились новые институты позднего отцовства и материнства, был сформирован дискурс осознанного родительства. Женщины впервые столкнулись с феноменом «репродуктивного выбора»: между материнством, карьерой, финансовой свободой [14, с. 66]. Эти процессы требуют дополнительного философского осмысления, наряду с другими факторами, пошатнувшими привычные модели гендерной идентификации.

К последним относится масштабное развитие средств коммуникации, а именно – появление качественно новой социо-культур-технологической среды Интернет, изменившей весь универсум человеческого бытия. Сегодня традиционные гендерные технологии (религия, семья, образование) заменяются технологиями электронной и визуальной культуры. «Слово, традиционно доминировавшее в социальном дискурсе, уступает место ярким, насыщенным визуальным образам» [4, с. 215]. В сети происходит технологизация общения, формируются новые практики взаимодействия, механизмы построения и показатели результативности которых, кардинально отличаются от «живого» общения «лицом к лицу». Эмоциональная вовлеченность, глубокая эмпатия, рефлексия внутреннего состояния – все это становится неважным для ощущения психологического комфорта в процессе общения в сети. Основное значение в виртуальном взаимодействии имеют лайки, репосты, комментарии, для написания которых не требуется формулировать свою личную позицию на прочитанное, достаточно довериться «мнению масс». В результате – вместо реального глубокого общения, человек получает его суррогат – технологический фастфуд, утоляющий голод индивида в социальном взаимодействии за счет расширения «слабых связей». Однако это уже никого не волнует, ведь согласно теории слабых связей, они являются более эффективными для достижения социального успеха. Категории эффективности и успеха вытесняют понятия духовности и глубины общения, «происходит «коммодификация Я» – осознание себя в качестве товара и создание выгодного образа в рамках краткосрочных отношений» [1, с. 305].

Возникает парадоксальная ситуация: в век интернета человек может общаться с людьми из разных уголков земного шара, но при этом он находится в большей изоляции, чем когда-либо. Технически это связано с возможностями персонализации результатов в ведущих поисковых машинах, когда результаты поиска по одному запросу отличаются в зависимости от поискового поведения пользователя в сети. С другой стороны, все большее отчуждение людей определяется возможностью выбирать разные тематические поля согласно своим интересам. Другими словами, если ранее у всех была одна и та же повестка дня, так как люди получали информацию в определенное время из официальных источников, то настоящее время характеризуется «замыканием людей в узких тематических нишах», для характеристики этого используется термин «закапсуливание сознания» [9, с. 250].

Сделаем выводы, важные для дальнейшей аргументации.

Во-первых, социо-культур-технологическая среда Интернет включает индивида в обширную сеть взаимосвязей, т.е. множество тематических полей, в которых «отношения строятся не на основе реальных Я, а на основе Я-конструкций или дискурсивных формирований» [1, с. 314]. Целостный индивид распадается на множество Я-образов, человек редуцируется к его информационным статусам, при этом зачастую «каждый логин живет своей жизнью».

Во-вторых, тенденции технологизации общения в процессе виртуального взаимодействия приводят к формированию «быстротечного», «пластичного» индивида, Внутренняя рефлексия становится роскошью «в состоянии радикального многоголосия» [7, с. 304], когда человек причастен к множеству реальностей.

В-третьих, развитие и масштабирование репродуктивных технологий также приводит к серьезным изменениям сознания современного человека. Происходит деинтимизация частной жизни, которая в течение многих веков была тайной.

Таким образом, в контексте реляционного бытия, парадигма конструирования, делающая акцент на процессуальности создания структур, является наиболее релевантной методологией исследования гендерной идентичности [2]. Ранее данное понятие можно было определить как степень, в которой индивид соотносит себя с мужским, женским или другим гендером, сегодня – это скорее конструкт. Концепт «конструкта» как маркер изменений приходит на смену категории «гендер», акцентируя технологические характеристики Я-конструкций, которые в условиях электронных коммуникаций в большей степени дискурсивно определяются содержанием тематических сообществ, чем биологическими характеристиками пола человека или другими социальными детерминантами. «Индивид становится определенным через различные значения, которые начинают конституировать его как «призрачное целое» [10, с. 154]. При этом содержательное наполнение гендерных конструктов постоянно меняется. По мнению автора, их воспроизводство подчиняется механизму аутопойезиса [3, с. 34]. В коммуникациях по гендерной тематике, реализуемых в Интернет-среде, происходит постоянный процесс различения значений маскулинности и феминности. Данная операция и составляет системный код, определяющий воспроизводство как в целом гендерной системы общества, так и в более узком смысле – воспроизводство гендерной идентичности в Интернет-среде.

Принятие за основу обозначенных предпосылок приводит к смещению акцентов в понимании источников формирования гендерных конструктов: субъект-объектные отношения заменяются на отношения системы и ее окружения, то есть человек перестает быть главным источником гендерных норм и ролей и помещается за пределы гендерной системы, составляя ее окружение. В такой интерпретации гендерная система есть самоконструируемая, постоянно меняющаяся система, а гендерная идентичность становится конструктом, зачастую принципиально пустым по содержанию вследствие генерации системой неисчислимого множества операций. За этим множеством операций скрывается бесконечный процесс конструирования, инициируемый безграничной свободой человека, точнее – ее имитацией, одним из проявлений которой является экспериментирование, в том числе, и со своей телесностью. В результате, «человеческая природа сегодня объявляется фантомом, новым девизом становится гибридность – нельзя застыть в прежней жизни, в прежней роли, в прежней самоидентичности» [5, с. 9]. Глобальный мир с реконструированной гендерной идентичностью элиминирует само ядро властных отношений между мужчиной и женщиной, что не так давно (всего десятилетие назад) было содержанием феминистского дискурса, коррелирующего с желанием женщины быть услышанной, хотя бы через молчание [8]. И вот... новая гибридная реальность снимает саму возможность быть услышанным: в бесконечном информационном шуме сложно различить даже собственный голос. И есть ли он в глобальном мире технологий, стирающим любые границы – пространственные, временные, биологические, нравственные, нивелирующим традиции и идеалы – все то, что составляет фундамент самоидентичности. Поэтому, по меткому выражению П. Слотердайка, «пост-история – это путаница полов, эротическая комедия со странными героями» [12].

Литература

1. Герген К.Дж. Социальная конструкция в контексте. – М.: Гуманитарный центр, 2016. – 328 с.
2. Глазырина А.М., Михайлова Т.Л. Конструктивистский дискурс исследования женской и мужской субъективности в интернет-блогах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 3 (31). С. 113-119
3. Глазырина А.М. Онтология современных гендерных отношений в контексте аутопойезиса: социологической взрыв сети // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. №3-4. С. 30-34.
4. Глазырина А.М., Михайлова Т.Л. Фотографический дискурс исследования женской субъективности // Фундаментальные исследования. 2014. №11-1. С. 215-219.
5. Гуревич П. Приключения человеческой протоплазмы (о философских работах В.А. Кутырёва) // Философская антропология. 2015. Т. 1. №2. С. 4-19.
6. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. №2. С. 14-24.
7. Кутырев В.А. Человеческое и иное. Борьба миров. – СПб.: Алетейя, 2009. – 264с.
8. Михайлова Т.Л. Женское молчание как бинарная оппозиция мужскому властному дискурсу // Женщина в российском обществе.– 2008. №4 (49). – С. 62-77.
9. Николаев К., Абдуллаева Ш. Интеллектуальный инсульт. Как в мире роботов остаться человеком и не потерять себя. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 288 с.
10. Обухов К.Н. Модели конструирования идентичности в сетевых структурах коммуникации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2010. №1. – С.153-164.
11. Сидоренко О.О., Михайлова Т.Л. Технологическая сингулярность как неминуемое событие: позитивная и негативная стороны вопроса // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 4-4. – С. 622-628.
12. Слотердаик П., Хайнрихс Г. Солнце и смерть: диалогические исследования / Пер. с немецкого, примечания А.В. Перцева. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 608 с.
13. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13-22.
14. Шадрин А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 392 с.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Юлия Владимировна Лобанова

Доцент

Московский Политехнический Университет

В статье анализируются современные средства массовой коммуникации и их влияние на различные сферы общественной жизни. СМК рассматриваются в качестве социального института, структурирующего экономическое, политическое и социальное взаимодействие. Особое внимание уделяется Интернету как пространству, в котором осуществляются разные формы коммуникации.

Ключевые слова: массмедиа, коммуникация, Интернет, технологии, общество.

THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND TRANSFORMATION OF MASS MEDIA

Yulia Vladimirovna Lobanova

Associate Professor

Moscow Polytechnic University

The article analyzes the modern mass media and its influence on various parts of public life. Mass media are considered as social institution which can build the structure of economic, political and social communication. Particular attention is paid to the Internet as a space in which various forms of communication are carried out.

Keywords: mass media, communication, Internet, technologies, society.

Последние десятилетия в общественной жизни произошел ряд структурных изменений, затронувший все основные сферы социума. Речь идет о бурном развитии информационно-коммуникационных технологий, появлении новых и качественном изменении существовавших ранее средств массовой коммуникации. Роль массовой коммуникации в современных общественных процессах чрезвычайно велика: на настоящем этапе массовые коммуникации не только стимулируют и интенсифицируют процесс развития общества, выступая катализатором основных изменений, но и фактически становятся силой, конструирующей реальность и лежащей в основе общественной системы. Необходимым условием осуществления массово-коммуникативной деятельности являются средства массовой коммуникации, которые обеспечивают распространение информации и взаимодействие. Средства массовой коммуникации выступают сегодня в качестве социального института, структурирующего общественные взаимодействия. Средства массмедиа являются на сегодняшний день наиболее используемым инструментом, помогающим индивиду сориентироваться и не «утонуть» в море информации, осуществляя таким образом «экономия на познании». Но не следует забывать о том, что именно они также порождают непрерывный и все увеличивающийся поток доступной, зачастую избыточной, информации, требующей обработки. Массовая коммуникация осуществляется с использованием специальных средств подготовки и передачи информации. Средствами массовой коммуникации называют медиум, обеспечивающий распространение информации и обладающий следующими характеристиками: обращенностью к массовой аудитории, общедоступностью, корпоративным характером производства и распространения информации. Следует отметить, что если сама массовая коммуникация является способом взаимодействия масс, в рамках и посредством которого формируются и распространяются элементы культурного и общественного воспроизводства, то система массмедиа и средства массовой коммуникации рассматриваются как общественные институты, структурирующие политическое, экономическое и социальное взаимодействие.

Система массовой коммуникации как социальный институт осуществляет координацию и «экономия познания» в условиях неопределенности и ограниченных возможностей рациональной деятельности субъектов. В рамках массовой коммуникации создаются и распространяются духовно-культурные ценности, смыслы, образцы поведения. За счет этого институт СМК обеспечивает сохранение и воспроизводство морали и определяет потребности образа жизни для большей части населения. Эстетический аспект функционирования СМК связаны с развлекательной и культурно-просветительской их функциями. В первом случае, речь идет о массовой культуре, потребление которой способствует получению удовольствия и отдыху аудитории; во втором, имеется в виду приобщение к высокой и традиционной культуре. К основным средствам массовой коммуникации относят кинематограф, прессу, телевидение, радио, рекламу, массовую литературу. Большинство современных исследователей относят к СМК и Интернет.

В рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении новых средств массовой коммуникации, появившихся в последней четверти XX века, которые воспринимались вначале как продолжение традици-

онных массмедиа. Однако, получив широкое признание, они бросили вызов производству и распространению информации в их традиционных формах. В отличие от традиционных средств массовой коммуникации (таких как пресса, радио, телевидение), эти новые средства обладают целым рядом признаков, таких как децентрализация, высокая пропускная способность, интерактивность, гибкость формы, содержания и использования. В конце XX века новые технологии практически мгновенно превращаются в новые коммуникационные системы. Интернет можно определить как «глобальную социально-коммуникационную сеть, предназначенную для удовлетворения информационно-коммуникативных потребностей индивидов и групп посредством использования телекоммуникационных технологий» [2, с.62]. Интернет представляет собой пространство, в котором осуществляются различные виды коммуникации, межличностная, межгрупповая, массовая. Сегодня Интернет оказывает огромное влияние на развитие системы средств массовой коммуникации и на общество в целом, что вызывает необходимость эффективного управления со стороны государства, общества и человека.

Процесс формирования и распространения Интернета в последней четверти прошлого столетия определил структуру нового средства коммуникации – в организации сети, культуре пользователей, в фактических структурах коммуникации. Технологическая открытость сети способствует широкому публичному доступу, что серьезно препятствует введению правительственных и коммерческих ограничений. Иными словами, Интернет – это конкурентное пространство, в пределах которого существуют самые разные СМИ.

Интернет представляет собой многогранное средство массовой коммуникации, то есть включает в себя множество разных конфигураций коммуникации (межличностной и массовой). Появление новых технологий, позволяющих принимать групповые решения и сочетающих межличностные взаимоотношения и массмедиа, бросает определенный вызов теории коммуникации. Появление Интернета влечет за собой изменения процесса распространения массовой информации. Доступ к производству массовой информации получают все более широкие слои общества, не специализирующиеся на данном специфическом виде социальной активности. Сама массовая информация переходит в качественно иное измерение: в отличие от традиционной схемы массового распространения информации, не предполагающей обратной связи, в пространстве Интернета становится возможной коммуникация, приобретающая всеобъемлющий характер. Меняется тип сообщений – они становятся гипертекстами, разноуровневыми фрагментами текста, нелинейно связанными между собой через гиперссылки (указания на различные его элементы). Такие сообщения, отражают и одновременно создают новую многоплановую структуру реальности. Развитие Интернета идет по трем направлениям: развиваются и модернизируются программные и аппаратные средства; увеличивается число пользователей; разнообразная информация и знания переводятся в электронную форму.

Сегодня Интернет служит для пользователя не только хранилищем информации, но и инструментом коммуникации и диалога, предоставляющим участникам возможность практически мгновенного взаимодействия. Также всемирная сеть становится инструментом торговли и предоставления товаров и услуг, обеспечивая практически мгновенное взаимодействие продавцов с покупателями и пользователями. Неограниченные возможности предоставляет Интернет и для сферы искусства. Технические возможности Сети способствуют изменению традиционных видов искусства и появлению новых его форм, таких как мультимедийное, сетевое. Особого внимания заслуживает появление электронных музеев и библиотек. Возникновение виртуальных музеев облегчает доступ к произведениям искусства, хранящимся в других странах, а использование мультимедийных технологий меняет формы восприятия культурных ценностей. Библиотеки также упрощают доступ к своим архивам, переводя их в цифровую форму. Особенно это касается редких, имеющих особую ценность работ, хранящихся в специальных хранилищах. Это приводит к тому, что все большее число людей получают возможность приобщиться к тем областям культуры, которые традиционно считались уделом для избранных. Все это делает Интернет активным участником процессов в сфере культуры и образования. Изменяя схемы доступа к информации и знаниям, Интернет способствует возникновению новых культурных феноменов [3]. Более того, созданные Интернетом новые формы культурного бытия переходят в реальную жизнь. Речь идет, прежде всего, о появлении виртуальных моделей бытия (виртуальные знакомства и отношения, виртуальные поселения и т.д.)

К проблемам, связанным с распространением Интернета относят вопрос об источнике информации, о ее достоверности и о воздействии коммуникации через сеть на аудиторию. Достоверность информации является сегодня одной из самых острых проблем, связанных с Интернетом. В Сети хранится огромное количество информации, которая может быть как проверенной, так и неточной, а то и преднамеренно ложной.

Еще раз отметим, что центральной функцией средств массовой коммуникации является обеспечение распространения информации. Вместе с тем, сам процесс производства транслируемой информации предполагает конструирование особого рода реальности – медиареальности, наделенной особыми характеристиками и особой модальностью. Более того, медиареальность не просто сосуществует наравне с объективной реальностью, а является своеобразным конструктом ее замещающим. Таким образом, для человека информационной эпохи характерна утрата картины мира, кроме той, которая формируется институтом СМК. Резюмируя, необходимо отметить, что средства массовой коммуникации являются активным субъектом общественной жизни, оказывая сильное влияние на массовое и индивидуальное сознание, структурируя процесс массово-коммуникативной деятельности, устанавливая правила взаимодействия, а также производя отбор транслируемой информации.

Влияние института СМК на человека в информационном обществе значительно усилилось. Именно с

помощью института массмедиа происходит адаптация индивида к постоянным изменениям. Массмедиа делают информацию доступной для индивида. Сегодня люди имеют ограниченный доступ к иной реальности, чем та, которая конструируется посредством массмедиа. Традиционные институты, такие как семья и сфера образования, уступают свои позиции институту СМК, воздействие которого на индивидуальное сознание и культуру все более возрастает. Средства массовой коммуникации возникли как каналы распространения информации, и первое время использовались другими социальными институтами действительно лишь как средства. Сегодня СМК сами стали социальным институтом и основным средством социализации человека. Однако в любом случае именно средства массовой коммуникации, осуществляя переработку и транслирование огромного и все возрастающего массива информации, оказывают решающее влияние на общественное воспроизводство и характер протекания современных общественных процессов.

Литература

1. Формирование и сохранение культурного наследия в информационном обществе. Документ Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ. Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». С.-Петербург, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/568/36568/13521>
2. Шеремет А.Н. Интернет как средство массовой коммуникации: социологический анализ: Дисс. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2004.

УДК 130.122

ВЛИЯНИЕ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Каринэ Сергеевна Арутюнян

кандидат философских наук, доцент

Рязанский государственный радиотехнический университет

В условиях информационного общества формируется новая форма общественного сознания – информационное сознание. Цель данного исследования – проанализировать, обосновать и выявить специфику влияния Интернета на сознание. Научная значимость данной работы заключается в выработке положений и принципов по изучению информационного сознания в процессе использования информационных технологий. Практическая составляющая – понимание и оценка влияния Интернета на изменение сознания, поведения людей и действия их в социуме. Для изучения данной проблематики автор использует системный и аналитический подходы, которые позволили сделать вывод о том, что формирование информационного сознания обусловлено уровнем развития интеллектуального потенциала личности и степенью социальной осознанности влияния Интернета на мировоззрение, поведение и действия людей. Данное исследование вносит существенный вклад в логико-методологическую базу социальной философии для дальнейшего внедрения в практику. В современном мире, когда манипулирование сознанием достигает определенного негативного уровня, важно понимать последствия влияния Интернета на конечное поведение людей и принятия ими рациональных решений.

Ключевые слова: интернет, сетевое общество, общественное сознание, информационное сознание, виртуальный мир, медиакультура.

NETWORK TECHNOLOGIES INFLUENCE ON THE FORMATION OF INFORMATION CONSCIOUSNESS IN MODERN SOCIETY

Karine Sergeevna Arutyunyan

candidate of philosophical sciences, associate professor

Ryazan state radioengineering University

The new form of social consciousness, information consciousness, is forming in the conditions of information society. This research aims to reveal specifics of Internet influence on consciousness. The scientific importance of the work is to develop positions and the principles of investigations of information consciousness in the process of using of information technologies. The practical component is to understand and to evaluate Internet influence on changings of consciousness, behavior of people and their actions in society. The author uses system and analytical approaches. It helps to conclude that the formation of information consciousness depends on the level of development of intellectual potential and the level of social understanding Internet influence on outlook, behavior and actions of people. This research contributes the logical and methodological base of social philosophy for further

practice. It is important to understand consequences of influence of the Internet on behavior of people and taking of rational decisions when the level of manipulation of consciousness reaches a certain negative position.

Keywords: Internet, network society, public consciousness, information consciousness, virtual world, media culture.

В XXI веке проблема влияния сетевых технологий на информационное сознание заинтересовала философию как предмет изучения. И если в древние времена в область изучения философии входила природа, а позже – человеческое мышление, которое разделилось на изучение нравственного и познавательного, то сегодня, с развитием процессов глобализации, философия так же стала изучать глобальные явления. С появлением Интернет-коммуникации информация стала доступнее. Но тут же появляется вопрос: как эта информация влияет на нас?

В социально-философской мысли уже были предприняты попытки однозначно ответить на эти вопросы. Как правило, такие ответы отрицательны. Скажем, философ Михаил Эпштейн говорит об отчуждении от человека реальности и как следствие — устранении этой реальности [11, с. 217]. Конрад Лоренц говорит об эмоциональном обнищании, неспособности к сопереживанию, вере только лишь в коммерческие ценности, отторжении культурных традиций [8, с.189]. Происходят процессы влияния огромных потоков информации на общественное сознание. При этом огромные потоки информации не являются детерминантой, а напротив, объемы этой информации создают общественным сознанием в его актуальном состоянии.

Развитая система коммуникаций, несомненно, во многом облегчает жизнедеятельность людей. Согласно мнению Л. А. Микешиной, «многие задачи познания переосмыслены теперь как задачи вычисления, подключения к банкам данных, что придало мышлению объемность и масштабность, резко увеличило познавательный потенциал» [9, с. 360]. Невозможно представить современное общество без пронизывающих его незримых сетей глобального характера. Мануэль Кастельс определил современное общество как сетевое. Разработанная М. Кастельсом концепция сетевого общества и связанного с ним информационного [6, с. 219] актуальна в современном мире, поскольку процесс изменения сознания и бытия людей, а также коммуникативного пространства под влиянием сетевых технологий на сегодняшний день уже невозможно обратить вспять. Сетевое общество существует в пространстве глобального мира, что характеризует его как глобальное, информационно-сетевое.

В наши дни Интернет — это ключевой механизм, формирующий сети. По словам Е. И. Ярославцевой, интернет выделился как уникальная, имеющая особую значимость, продуктивная зона общения и является единым глобальным пространством коммуникации и общения [12, с. 89]. Интернет — это «сеть сетей», отражение не только образа жизни, но также мыслей современного индивида в различных профессиональных сферах: культурной, научной, деловой и художественной. Именно Интернет стал родоначальником сетей нового типа — социальных, сделавших устойчивыми такие человеческие контакты, как форумы, блоги, интернет-конференции и т. д. Интернет, являясь элементом материальной и духовной культуры, вместе с такими сферами жизнедеятельности как искусство, наука, образование, традиции, нравственность, право, политика и техника, способен влиять на познавательные личностные характеристики человека. Посредством познания в виртуальной среде личность приобретает такие свойства, как активность и целенаправленность. В киберсообществе формируется собственный язык, набор ценностей и этических норм, предпочтений, стандартов и символов.

Виртуальный мир, создаваемый социальными сетями, становится причиной утраты индивидом связи с реальным миром, ведет его к эгоцентризму. Изменяется идентификация человека в виртуальном мире и его пространственные представления о физических границах общения, так как он присутствует и осознает себя одновременно в виртуальном и реальном мире. Такое человеческое существование во многом имеет конструктивную основу: выстраивается образ партнера по коммуникации, а также нормы взаимодействия в виртуальной реальности. Но в то же время обостряется необходимость конструирования социальных отношений, утрачивается первостепенная роль межличностных отношений, поскольку только посредством прямого и тесного контакта можно достичь общности в разговоре. Ущерб, наносимый виртуальными технологиями живому общению, по мнению Ж. Бодрийяра, создает фундамент для возникновения симулякров — имитации несуществующего. «Симулировать значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле» [1, с. 6]. Ж.Бодрийяр заключает, что все современные социокультурные феномены носят симуляционный характер. Примером служат средства массовой коммуникации, создающие симулякр событий (т. е. псевдособытия, псевдоисторию) посредством предоставления «нереальной» информации, являющейся лишь данными с места событий, но не полученной вследствие живого опыта или непосредственного участия в них. Тем самым разрушаются традиционные нравственные категории, поскольку сознание человека трансформируется, меняется его отношение к действительности ввиду полной симуляции и в условиях сконструированного виртуального общения.

Информационная эпоха сформировала так называемое информационное общество, в котором информация незаметно подчинила себе всю нашу повседневную жизнь. Мобильные телефоны и компьютеры стали предметами первой необходимости [10, с.28]. Особую роль в формировании новой реальности сыграл Интернет.

Все это не могло не повлиять на общественное сознание и поведение людей, которые оказались по-

гуженными в особый тип культуры – медиакультуру. С. Гайда справедливо замечает: «Если изменяется мир и с ним язык, то можно ожидать преобразования человеческого мышления о нем, а также в создаваемых им дискурсах» [3, с. 15].

Например, одной из форм интернета является медиакультура, которая активно влияет на массовое сознание. Среди позитивных воздействий следует отметить, во-первых, расширение эрудиции за счет доступности, скорости получения информации и ее удешевления, во-вторых, развитие коммуникативных навыков у человека, который включен в информационный обмен и оставляет комментарии, ведет переписку в твиттере, активно присутствует в соцсетях, т. е. ведет коммуникативный образ жизни.

В современном информационном обществе под влиянием медиакультуры формируется особый тип общественного сознания – информационное сознание.

Виртуальный мир – это один из возможных миров, который отличается от реального, в нем действуют, возможно, другие, отличные от привычных нам законы (мало того, могут нарушаться законы логические). Это мир, требующий от нас определенных интеллектуальных усилий, т. к. индивид к нему не приспособлен. Безусловно, виртуальность – динамически подвижная среда, имеющая относительную временную непродолжительность, ирреальный характер и обладающая квазиреальностью [13, с. 289].

Исходя из данной ситуации, возникает актуальная проблема выявления и оценки возможных психологических последствий информатизации, которые можно дифференцировать на локальные (относящиеся лишь к более или менее ограниченному кругу психических явлений) и глобальные (преобразования личности в целом) [7, с. 56–77]. Естественно, данные процессы затрагивают сознание в целом.

Информационное сознание – это процесс отражения символов, знаков, ценностей, связанных с преобразованием окружающей действительности посредством информации. Включаясь в Интернет, сознание трансформируется, а Интернет является лишь порождением сознания современного человека, и поэтому выступает не столько как определяющий сознание, сколько как определяемый сознанием феномен [4, с. 57]. Отношение «сознание – Интернет» является не каузальностью, а отношением соответствия: Интернет как частный случай виртуальной реальности является моделью сознания, а также средством, которое позволяет исследовать его специфические модификации.

При всех негативных моментах огромное значение во всем мире придается проектам, связанным с организацией доступа широких слоев населения к Интернету. Ожидается, что это приведет к позитивным глобальным преобразованиям личности путем качественной трансформации познавательной и коммуникативной деятельности, а также стиля обучения [5, с. 231]. Работа в Интернете позволяет повысить активность познающего субъекта, индивидуализировать процесс обучения, преодолевать стереотипы традиционного (во многом авторитарного) стиля взаимодействия между обучающимся и педагогом, получить доступ к разнообразным источникам информации, знакомиться с различными, в т. ч. и дискуссионными, точками зрения и т. п. Развитие навыков осуществления познавательной деятельности посредством Интернета может стимулировать не только развитие познавательных действий в рамках традиционной деятельности (реализация принципа возвратных воздействий) [2, с. 59]. Применительно к коммуникативной деятельности исследователями приводятся доводы, что информатизация не только не способствует сужению сферы общения, а напротив, помогает развитию и расширению связей между людьми за счет расширения круга потенциальных коммуникативных партнеров.

Таким образом, можно с уверенностью отметить, что происходит процесс формирования нового типа сознания, которое уже не является субъектно-индивидуальным, а представляет собой постклассическое (гипер) сознание, которое характеризуется как информационное сознание.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. О. А. Печенкиной. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
2. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – 205 с.
3. Гайда С. Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 11–21.
4. Катречко С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние интернета на сознание и структуру знания. – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 57–73.
5. Катречко С.Л. Специфика философского дискурса // Философия в современном мире: опыт философского дискурса. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 230–233.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
7. Костандов Э.Л. Функциональная асимметрия полушарий и неосознаваемое восприятие // М.: Наука, 1983. – 188с.
8. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // М.: Республика, 1998. – 393с.
9. Микешина Л.А. Философия науки. М.: Международный университет, 2006. – 440 с.
10. Тошович Б. Интернет как стилистическое пространство // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 27–35.
11. Эпштейн М.Н. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. – 1999. – № 11. – С.216–227

12. Ярославцева Е.И. Интерактивный человек в пространстве современных межкультурных коммуникаций // Библиотечное дело - XXI век. – 2008. – № 1 (15). – С. 89—94.
13. Sergin V.Ya. Model of Consciousness // Proceedings of the International Symposium on Neural Networks and Neural Computing Neuronet 90. Prague, 1990. – P. 287–312.

УДК 004

«СМЕРТЬ» БУМАГИ: ТЕКСТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Людмила Геннадьевна Савинова
Ведущий консультант
Правительство Ульяновской области

В статье анализируются футурологические прогнозы по поводу исчезновения и трансформации бумажного текста. Определяется, что такое «текст», анализируется путь от «дотекстового времени» до появления «гипертекста». Проблематика исчезновения бумажного текста и его последствий носит комплексный междисциплинарный характер: культурологи, социальные философы и лингвисты с конца прошлого века начали поднимать этот вопрос. Исследуется актуальность использования и производства бумажного текста с появлением Интернета и электронных носителей. Поднимается вопрос необходимости и эффективности оцифровки всех бумажных носителей. Описываются характеристики теории поколений, в частности особенности « сетевого поколения» («поколения Y») и «поколения Z». Также освещена проблема особенностей, выявления достоинств и недостатков «клипового мышления» («мозаичного мышления») современного человека, принадлежащего цифровой эпохе. Проанализированы современные тенденции, происходящие в отечественных социальных институтах, в отношении применения и запрета на информационно-коммуникативные технологии внутри этих систем. Исследуются различные подходы, ориентации в образовательном процессе: от текстоцентрического к когнитивному. Описываются проблемы когнитивных изменений, происходящих с человеком под влиянием информационно-коммуникативных технологий. Определяются изменения в вербальном и невербальном общении людей, что отражается в способах интерпретации текстов и выборе лингвистических приёмов.

Ключевые слова: социальная философия, цифровое общество, клиповое мышление, теория поколений, информационно-коммуникативные технологии, текст, линейный текст, нелинейный текст, гипертекст, когнитивные изменения, новый когнитивный стиль, научная коммуникация.

«DEATH» OF PAPER: TEXT AT DIGITAL AREA

Lyudmila Gennadevna Savinova
Lead Consultant
The Government of Ulyanovsk region

The features estimates about the disappearance and transformation of paper text are analysed in this article. We define what «the text» is, analyse the way from «pretext time» till the appearance of a «hypertext». The problem of disappearance of a paper text and its consequence has comprehensive multidisciplinary in scope: culture teachers, social philosophers and linguists has started to discuss this question since the end of the previous year. We are investigating the relevance of usage and production of a paper text with the emergence of the Internet and electronic storage. We discuss the necessity and effectiveness of all digitization of all paper storage. We describe the characteristics of the generations theory, in particular, the features of net-generation «generation Y» and «generation Z». Also the problem of features, identification of advantages and disadvantages of modern person's mosaic thinking is covered. We analysed modern tendency, which happen in domestic social institutes, regarding the use and prohibition of information and communication technologies inside these systems. We examine the different approaches, guidance in the education process: from textocentric to cognitive one. We describe the problems of cognitive changes, which happen with the person because of the influence of information communicative technologies. The changes in verbal and nonverbal communication of people are defined. This is reflected on the ways of texts interpretation and choice of linguistic techniques.

Keywords: social philosophy, digital society, mosaic thinking, theory of generations, information and communication technologies, text, line text, nonlinear text, hypertext, cognitive changes, the new cognitive style, scientific communication.

В названии темы статьи уже содержится возможный прогноз и констатация факта, что происходят необратимые процессы в невербальной коммуникации, изменяются форма и функции текста под влиянием компьютерных технологий. И начало этому положило цифровое общество, использование человеком информационно-коммуникативных технологий.

Возможность исчезновения бумажного текста беспокоит культурологов, социальных философов и отчасти лингвистов с конца прошлого века. Философское осмысление проблемы подразумевает исследование нескольких объектов: 1) существующих прогнозов, которые дают исследователи различных дисциплинарных сообществ, в отношении возможного исчезновения бумажных текстов; 2) палитры экспертных мнений и оценок, степень их обоснованности и условий возникновения; 3) анализ возможных футурологических ожиданий, в случае окончательное исчезновение бумажного текста: могут ли в целом иметь серьезные последствия для человечества и какие, если могут; 4) вопрос эффективности и необходимости оцифровки: перехода от бумажных носителей к электронным. Изучение уровней существования текста: дотекстовый, внетекстовый.

Как определяется текст? Текст (от лат. *textus* — «ткань; сплетение, связь, сочетание») – зафиксированная на каком-либо материальном носителе человеческая мысль; в общем плане связанная и полная последовательность символов. Существуют две основные трактовки понятия «текст»: «имманентная» (расширенная, философски нагруженная) и «репрезентативная» (более частная). Имманентный подход подразумевает отношение к тексту как к автономной реальности, нацеленность на выявление его внутренней структуры. Репрезентативный – рассмотрение текста как особой формы представления знаний о внешней тексту действительности. В лингвистике термин текст используется в широком значении, включая и образцы устной речи.

Отечественный лингвист И.Р. Гальперин определяет текст следующим образом: «Это письменное сообщение, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённый моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное» [1, С. 67.].

Текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей. Таким образом, текст не автономен и не самодостаточен – он основной, но не единственный компонент текстовой (рече-мыслительной) деятельности. Важнейшими составляющими ее структуры, помимо текста, являются автор, читатель, сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой творческий замысел [4].

Современное время определяется появлением гипертекста. Гипертекст (англ. *hypertext*) – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов. Примерами гипертекста являются энциклопедии, компьютерные сети, веб-сайты, в которых можно переходить с одной страницы на другую и выполнять поиск по ключевым словам. Гипертекст – это нелинейный лабиринт, своеобразная картина мира [5].

В контексте темы статьи вспоминается книга-интервью Умберто Эко и Жана-Клода Карьера «Не надейтесь избавиться от книг!» (2010 г.). Писатель-философ Умберто Эко писал, что «с Интернетом мы вновь вернулись в эпоху алфавита... если раньше мы считали, что цивилизация вступила в эпоху образов, то компьютер вернул нас в галактику Гутенберга и теперь всем поголовно приходится читать. Для чтения необходим некий носитель информации. Этим носителем не может быть только компьютер» [2].

Примерно в середине 1990-х годов происходящие с человеческим сознанием изменения были зафиксированы в понятии «клиповое мышление». Суть клипового мышления заключается в том, оно умеет – и любит – быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами. Главное достоинство «клипового восприятия» – большая скорость обработки информации. Другая его особенность – предпочтение нетекстовой, образной информации. Обратной стороной клипового мышления, требующего своеобразной виртуозности и реактивности, является неспособность к восприятию длительной линейной последовательности – однородной и однотипной информации, в том числе книжного текста [6].

До цифровой эпохи с детского сада детей готовили к текстоцентрической школе. Теперь по разным причинам на формирование мышления и восприятия детей влияет большое количество внешкольных факторов, и среди них – электронные средства коммуникации: компьютеры, компьютерные игры, Интернет, мобильные телефоны. И теперь внетекстовый (а отчасти и дотекстовый) уровень мировосприятия находит благоприятную среду в мире электронной техники. В идеале такие социальные институты, придуманные людьми, как детский сад, школа, университет должны готовить людей к реальной действительности. Найдутся всегда те, кому может не нравиться вектор развития цивилизации и связанные с ней глобальные перемены в мышлении людей, и те, кто поддерживает и стремится соответствовать времени, но можно ли изменить течение времени? Культура, образование в частности, работой, проводимой в социальных институтах, имеет инструментальный для торможения или ускорения этих процессов.

В теории поколений считается, что каждые 20 лет появляется новое поколение людей, со своими характеристиками и особенностями. Выделяют «поколение X» (люди, рожденные условно с 1960 г. – по 1985 г.), «поколение Y» (люди, рожденные условно с 1980 (1985) г. – по 1990 (2000 г.)), «поколение Z» (люди, рожденные с 1995 (2000 г.) – по настоящее время), некоторые исследователи выделяют «поколение

Альфа» (люди, рожденные после 2010 г.): «Люди, начиная с «поколения Y» («сетевое поколение») одновременно могут слушать музыку, общаться в чате, бродить по сети, редактировать фотки, делая при этом уроки и работу. Но, разумеется, платой за многозадачность становятся рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст» [6].

Люди нового когнитивного стиля владеют многими необходимыми им навыками. Они лишь выпадают из культуры, ориентированной на линейный текст. Профессор РГГУ и Оксфордского университета Андрей Зорин сказал в одной из своих лекций: «Сегодня из многих источников идут сообщения, что человечество вступает в новую эпоху, что у молодого поколения фундаментально изменяется культура восприятия: ему не нужен линейный текст. По-видимому, сегодняшняя культура в принципе создает огромные проблемы для молодого человека в области восприятия вербальной культуры» [6].

По мнению Умберто Эко, **во-первых**, «главный вопрос, который ставит развитие культуры отчасти независимо от достижений компьютерной техники и телекоммуникаций, - будет ли нужна книга человеку будущего. Поэтому опасность для книги заключается не в электронном методе подачи информации, а в том, что теряется понимание, зачем, собственно говоря, нужна длительная последовательность в изложении мыслей, когда смысл можно уложить в не связанные между собой линейно кластеры» [2].

Писатель-философ прогнозирует, что книга есть книга и никуда не денется по сущности, однако, формат изменится: «Словарь с короткими, ссылающимися одна на другую статьями - вот бумажная книга будущего» [2]. Касательно «смерти» текста: «Текст будущего - короткий и рубленый, вроде реплик в «ЖЖ» или «Твиттере», - текст выживет, но трансформируется в другой формат восприятия. Люди цифровой эпохи предпочитают короткие тексты длинным: смс, месседж, пост.

Изменились предпочтения в использовании языковых знаков представителей цифрового общества - в сторону общения без слов (вместо слов смайлики, эмодзи, гифки). Изменения произошли в соотношении вербальных и невербальных компонентов общения, всё имеет значение, акцент делается на деталях письменного общения, роль и значимость способов интерпретации их (поставил смайл или нет? смайл стоит через пробел или «приклеен» к слову и т.п. Современный человек любую информацию предпочитает видеть, визуализировать.

Во-вторых, автор считает, проблема таится в когнитивных изменениях человека под влиянием цифровых технологий, когнитивный поворот в сторону минимализма: «Вопрос о материальных носителях текстовой информации мог бы и не быть столь важным, если бы от них не зависело отношение человека к тексту. Вообще говоря, смешно предполагать, что угрозу книжной культуре представляет прогресс в сфере распространения информации, делающий тексты более доступными. Если где-то и таится опасность, то это в мышлении и потребностях потенциального читателя» [2].

В-третьих, «смерть» бумаге объявляется теми, кто смотрит на вопрос с прагматической точки зрения: «На первый взгляд проблема здесь чисто техническая, связанная с гигиеничностью экранов, дешевизной переносных электронных устройств и возможностью решения проблемы авторского права внутри компьютерных сетей. Но в таком ракурсе речь идет не о книге как таковой, а только о бумажной книге» [2].

Автор замечает также, что книга более гибкий инструмент, в отличие от компьютера, который зависит от электричества и некая константа: «Одно из двух: либо книга останется носителем информации, предназначенным для чтения, либо возникнет что-то другое, похожее на то, чем всегда была книга, даже до изобретения печатного станка. Всевозможные разновидности книги как объекта не изменили ни ее назначения, ни ее синтаксиса за более чем пять веков. Книга - как ложка, молоток, колесо или ножницы. После того, как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь» [2].

Среди спектра мнений, мысль британского специалиста по информационным технологиям Джеймса Мартина: «Людей можно разделить на два типа. Первый - это «люди книги». Эти люди получают много информации от чтения, поэтому их главная отличительная черта - очень хороший объем внимания. Таковы, например, успешные топ-менеджеры. Во время переговоров они всегда помнят о том, какой вопрос является основным в обсуждении. «Люди экрана» кардинально отличаются от них. Они обладают очень быстрым откликом. Само по себе это неплохо, но мешает координации с другими. Во время разговора «люди экрана» постоянно хотят сменить тему и двигаться дальше [6].

Прогнозируется всё большее изменение жизни людей под влиянием распространения информационных технологий. Человека прошёл длинный путь от чтения вслух к чтению про себя. В XVIII веке европейцы начали читать все разновидности текстов по одному разу, а после переходили к следующему материалу. Благодаря этому потоку печатных текстов мы получили эпоху Просвещения, романтизм, американскую и французскую революции.

Литература

1. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Материалы научной конференции «Лингвистика текста». — Т. 1. — М., 1974. — С. 67.
2. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг. — СПб.: Симпозиум, 2010. — 336 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shvedenko.mnogopesen.ru/papers/eco_books/
3. Носова С.С., Кужелева-Саган И.П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном пространстве: Зарубежные подходы к изучению проблемы [Электронный ресурс]. Режим доступа:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-v-setevom-informatsionno-kommunikativnom-obschestve-zarubezhnye-podhody-k-izucheniyu-problemy>
4. Основные аспекты изучения текста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib4all.ru/base/B3571/B3571Part4-13.php>
 5. Словарь литературных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovar.lib.ru/dictionary/gipertext.htm>
 6. Фрумкин К.Г. «Клиповое мышление и судьба линейного текста» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm
 7. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9. – № 5. – P. 1–6.

УДК 316.33

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЗНАНИЕ ЛЮДЕЙ

Виктор Николаевич Блохин

Старший преподаватель

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Современная информационная революция, базирующаяся на информационно-коммуникативных технологиях, изменяет не только природу знания, но и цели образования. Образование ставит в качестве основной цели не овладение знаниями, как это было в классической модели образования, а развитие человеческих способностей и личностных качеств, которые необходимы в информационном обществе. Информационно-коммуникативные технологии оказывают такое влияние на развитие интеллектуальных, креативных, коммуникативных и иных способностей личности, которое можно расценивать как революцию сознания. В России влияние информационной революции проявляется достаточно неравномерно. Изменения в образе жизни, поведении и сознании индивидов, проявляются в первую очередь в мегаполисах и крупных городах. Ситуация в сельских территориях и малых городах характеризуется социально-экономическим кризисом и застоем во многих сферах жизни. Для перехода России к устойчивому развитию общества и экономики необходимо распространение технических и коммуникативных возможностей, которые предоставляют информационные технологии, на все регионы страны и сферы социальной жизни.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, общество знания, наука, образование, человеческие способности и личностные качества.

IMPACT OF THE INFORMATION REVOLUTION IN THE EDUCATION SYSTEM AND PEOPLE'S MINDS

Viktor Nikolaevich Blokhin

Senior Lecturer

Belarusian state agricultural academy

Contemporary information revolution, based on information and communication technologies, changes not only the nature of knowledge, but also the aims of education. Education puts the primary objective of not mastering knowledge as it was in the classical model of education, but the development of human abilities and personal qualities, which are necessary in the information society. Information and communication technologies have such influence on the development of the intellectual, creative, communicative and other abilities of the individual, which can be seen as a revolution of consciousness. In Russia, the influence of the information revolution is manifested rather unevenly. Changes in the way of life, behavior and consciousness of individuals are manifested primarily in megacities and large cities. The situation in rural areas and small towns is characterized by a socio-economic crisis and stagnation in many spheres of life. For the transition of Russia to the sustainable development of society and the economy, it is necessary to spread the technical and communication opportunities that information technologies provide to all regions of the country and spheres of social life.

Keywords: information and communication technologies, Knowledge society, science, education, human abilities and personal qualities.

Несмотря на кризисные явления, охватившие многие сферы общественной жизни в России, перспектива информационного общества по-прежнему определяет основное направление социального развития. Новые технологии меняют наш образ жизни, трансформируют сознание и поведение людей.

Особенностью становления информационного общества в России является то, что этот процесс осуществляется неравномерно, фрагментарно и оказывает заметное влияние на жизнь людей преимущественно в мегаполисах и крупных городах. На периферии, во многих регионах преобладают индустриальные и даже доиндустриальные структуры, которые испытывают деградирующее влияние ресурсной экономики. Однако проблема не только в сосуществовании информационного и индустриального укладов, а в незавершённости самого процесса индустриализации, в недостаточном уровне технологического развития страны, чтобы служить надёжной базой для внедрения информационных технологий [3, с. 14]. Распространение и приобщение широких слоёв населения к новейшим информационным технологиям может стать важным условием перехода к устойчивому развитию общества и экономики.

Информационная революция, приведшая к созданию принципиально новых способов получения, обработки, распространения информации на базе информационных технологий, изменила природу научного знания, которое с возрастающей скоростью увеличивается в объёмах и обновляется. Так, по мнению профессора Института образования Лондонского университета Р. Барнетта, предложившего в своё время называть постиндустриальное общество «постнефтяным», «знание» наряду с «истиной» перестанет быть основополагающим принципом университетского образования. В условиях множественности и многомерности «информационных полей», постоянно меняющих свои конфигурации и смыслы, мы не приближаемся к «истине» в её классическом понимании, а скорее удаляемся от неё в сторону неопределённости и относительно-сти постоянно множасьихся результатов познавательной деятельности. Ключевыми понятиями в системе образования становятся непредсказуемость, сомнительность, спорность, которые можно вместить в понятие неопределённости, характеризующее не только состояние и перспективы развития знания, но и нашу жизнь – как учёных, так и членов гражданского общества [1, с. 27].

Культуру наступающего супериндустриального общества Олвин Тоффлер характеризовал как «клиповую», т.е. культуру быстро сменяющихся идей и образов, которые формируют мозаику современного мира, свидетельствуя о его неустойчивости и неопределённости. Эти «вспышки информации», по мнению О. Тоффлера, воспринимаются как бессвязный, бессмысленный поток образов и оцениваются как проявления «бедлам-культуры» теми, кто привык получать информацию в упорядоченном, структурированном, готовом виде. Люди же супериндустриальной культуры, считал О. Тоффлер, поглощая информацию в огромных количествах, вместо того, чтобы попытаться втиснуть новые данные в стандартные структуры или категории, «учатся создавать свои собственные «полосы» идей из того разорванного материала, который обрушивают на них новые средства информации. Сейчас мы не получаем готовую ментальную модель реальности, мы вынуждены постоянно формировать её и переформировывать, что ложится на нас тяжёлым грузом, но это же ведёт к большей индивидуальности, демассификации как личности, так и культуры.

Информационные технологии стремительно насыщают мир разнообразными дискурсами, освоение которых требует способности к абстрагированию, теоретическому обобщению и конструированию новых, обладающих большим объяснительным потенциалом. Поэтому речь идёт не об усвоении максимально возможного объёма информации, а о развитии способностей отбирать информацию, преобразовывать её в знание, систематизировать, декодировать, интерпретировать, понимать подчас скрытые смыслы, находить ценностные основания, предвидеть практические последствия применения знаний на практике и т.п. Иными словами, необходимо обладать самостоятельным мышлением, которое характеризуется такими чертами, как гибкость и быстрота, широта и глубина, способность критически оценивать различные точки зрения и принимать нестандартные, нетривиальные решения. Самостоятельное мышление – это мышление индивидуальное, носителем которого является человек, не зависящий от давления общепринятых норм, способный к свободному и обоснованному выбору, обладающий своим собственным, неповторимым мировосприятием. Можно сказать, что информационные технологии стимулируют процесс персонализации, принуждая человека к выбору себя, к критическому осмыслению и постоянному пересмотру своих позиций. В этом случае формируется готовность к самообразованию и способность учиться и переучиваться, которая востребована системой непрерывного образования, возникающей как ответ на постоянное обновление знания [2, с. 155].

Информационные технологии – это ещё и коммуникативные, они способствуют интенсификации общения между людьми, ускорению обмена информацией, усилению кооперации для достижения согласия, необходимого для решения общественно значимых проблем. Нет сомнений в том, что коммуникация в науке является условием генерирования нового знания, распространения результатов научной деятельности, их оценки с точки зрения последствий для жизни людей, внедрения научных знаний в практические сферы, создания экспертного сообщества и «невидимых колледжей», успешно решающих сложные проблемы и т.п.

В постиндустриальном обществе информационные технологии нельзя рассматривать как исключительно технико-технологический инструмент решения поставленных задач. Информационно-коммуникативные технологии (и прежде всего Интернет), которые организованы по типу сетей, не только являются проекцией представлений людей о перспективном развитии общества и человека, но и становятся агентами активного влияния на общество и на саму природу человека. Мы имеем дело с эффектом «расширения медиа», описанным ещё в начале 60-х гг. XX в. М. Маклюэном: созданные человеком технико-технологические инструменты являются продолжением наших умственных и телесных «органов», они усиливают наши возможности, преобразуя при этом нас самих. Поэтому говорить о позитивных и негативных сторонах информационно-коммуникационных технологий – всё равно, что говорить об амбивалентности

человеческой натуры [3, с. 15-18].

Таким образом, являясь воплощением надежд людей на прогресс человеческого разума, на развитие таких человеческих способностей, которые могут содействовать изменению жизни людей к лучшему, информационно-коммуникационные технологии оказывают сегодня огромное революционизирующее влияние на сознание человека, что можно рассматривать как революцию самого сознания.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Академия, 1999. – 564 с.
2. Журавлёва Е.Ю. Научно-исследовательская инфраструктура Интернет // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 155–166
3. Сергейчик Е.М. Новые медиа: революция сознания // Философские науки – 2016 – № 3. С. 14-23.

УДК 128

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Людмила Геннадьевна Богатырева

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Опираясь на разработки, представленные в отечественной науке, автор раскрывает специфику жизни современной женщины. Она связывается с новыми социальными условиями, характеризующими переход от индустриального к постиндустриальному обществу. Применительно к жизни женщины это означает переход от традиционной модели поведения, в которой семья и дети занимали приоритетное положение, к модели, в которой вопросы профессиональной и личной самореализации выходят на одно из ведущих мест. Современная женщина как активный субъект деятельности ориентирована на поступательное движение по карьерной лестнице. При этом она по-прежнему заинтересована в создании своей семьи, рождении и воспитании детей. В связи с этим в работе обосновывается положение об амбивалентности женского бытия. Причем решение вопросов семьи и карьеры полагается в качестве достижения целостности женского бытия. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что амбивалентность женской жизни является способом достижения ее гармоничности. Вследствие этого задача современного общества состоит в том, чтобы помочь женщине обрести эту целостность, реализовать себя и в профессиональном и семейном отношении.

Ключевые слова: гендер, женщина, жизнь женщины, карьера, семья, самореализация, целостность.

THE PARTICULARITY OF LIFE OF MODERN WOMEN

Liudmila Gennadievna Bogatyreva

Candidate of philosophy sciences, associate professor

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Basing on the latest research data, the article reveals the specific features of modern women's life which are affected by the new social conditions determined by the transition from the industrial society to the postindustrial one. In concern with female conduct, this means the shift from the traditional model of behavior, where the family and children took priority, to the new model, in which the issues of professional and personal self-realization seem to be dominating. A modern woman is equally oriented on the progressive ascending the career ladder and family creation, giving birth to children and their upbringing. Therefore, solving both the career and family problems is considered to be the means of achievement of the integrity of the female existence. The research proves that the ambivalence of women's life is a way to achieve its harmony. Thus, the modern society should aim at helping women to acquire the integrity, realizing themselves both in career and in family.

Keywords: gender, women, woman's life, career, family, self-realization, integrity.

В последнее время внимание исследователей, занятых разработкой гендерных вопросов, все больше фокусируется на проблемах жизни женщины. Ведь очевидно, что в жизни женщины происходят подчас радикальные изменения. Ей предлагается сделать выбор уже на стадии вхождения в семейный возраст: создавать ли семью, посвятить ли себя только карьере или найти компромисс и попытаться соединить эти жизненные сценарии в один. В рамках постнеклассической рациональности возможность такого выбора есть

безусловное достижение эпохи. Но все-таки, что для женщины предпочтительнее на современном этапе? Каковы перспективы женского бытия? Эти и многие другие вопросы нуждаются в своем решении.

Хорошо известно, что человек становится человеком в обществе. Общество задает определенные модели поведения. Они носят исторически обусловленный характер. Через стереотипы поведения общество воспроизводит определенный тип женщины, необходимый для функционирования общества. До середины XX века в России преимущественно сохранялась традиционная модель жизни женщины. Типичная женщина той поры такова: тактичная, нежная, понимающая чувства других, разговорчивая, интересующаяся собственной внешностью, нуждающаяся в защите, аккуратная в привычках [2, с. 55]. Словом, женщина – помощница мужчины. Она призвана сглаживать возникающие конфликты и создавать необходимые условия для самореализации мужчины.

Что касается жизни женщины, то считалось, что она складывалась удачно лишь тогда, когда женщина обзаводилась собственной семьей. Там, в семейной жизни, она получала возможность полностью реализовать себя в качестве тактичной, нежной, понимающей все и вся особы. При этом женщина оставалась во многом зависимой от мужчины, его успешности в карьере. Вновь подчеркнем, что все это было обусловлено социальной жизнью. Ведь общество не только создает условия жизни, но и, в конечном счете, определяет жизненные сценарии женщины и мужчины. Понятно, что в каждом конкретном случае могут быть свои особенности и исключения, но общее положение дел определяется все же существующими в каждый исторический период социальными отношениями, социальными стереотипами, социальными ценностями, выступающими основой в линии поведения женщины и мужчины. Какие стереотипы доминировали в обществе, такие отношения между женщиной и мужчиной рассматривались как необходимые и достаточные.

Однако, начиная с конца XX века, социальная ситуация стала меняться. Женщины, особенно молодые, все более стали тяготеть к построению собственной карьеры. Их не интересовала уже просто работа. Их привлекало повышение по службе. Это во многом обусловлено теми социальными процессами, которые связаны с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. Характеризуя этот переход, Тоффлер предсказывал: «Исчезнет строгая возрастная изоляция, молодые и старые будут общаться друг с другом. Образование, более разнообразное и тесно связанное с работой, будет продолжаться в течение всей жизни. А сама работа – будь то производство для рынка или для домашнего пользования, – вероятно, начнется раньше, чем это было у одного или двух последних поколений» [6, с. 606]. Что касается специфики работы, то она во многом будет определяться возможностями информационной техники (компьютеры, айфоны и пр.). Так, в частности, возможности компьютеров уже позволили выйти на качественно новый уровень в работе офиса. Он стал электронным офисом. При этом реальное коммуникационное пространство дополняется виртуальным. Это, безусловно, привносит свой колорит в специфику коммуникативного пространства и в социальную жизнь современного человека. Коммуникативное пространство расширится до планетарного уровня. Очевидно, что человек может общаться с людьми со всего мира. Кроме того, работник получает право выбора не только графика работы, но и места работы. График работы может быть «гибким», а место работы может быть «удаленным», т.е. не «привязанным» к офису. Тут же подчеркнем, что, благодаря возможностям интернета и мобильному телефону человек может взаимодействовать с партнерами, коллегами, друзьями в любое время.

Социальная жизнь значительно ускоряется благодаря информационным технологиям. В единицу времени люди могут выполнять больший объем работы, причем разного уровня сложности. В этой ситуации сам человек определяет ритм своей жизни, исходя из своих физических, профессиональных, финансовых и иных возможностей. В этом отношении человек становится менеджером самого себя: зная собственные возможности и имея представление о возможностях общества, он выбирает линию своего поведения, своей жизнедеятельности.

Таким образом, переход от индустриального к постиндустриальному обществу создает условия для изменения пути жизни человека. Традиционный путь жизни человека с его определенностью, жесткой возрастной и гендерной дифференциацией дополняется новыми жизненными сценариями, начинает трансформироваться под воздействием внешних факторов. Эти моменты требуют своего специального рассмотрения применительно к пути жизни женщины.

Не будет преувеличением сказать, что происшедшие изменения значительно расширили возможности женщины. В социальном отношении женщина практически ни в чем не уступает мужчине. При этом вопросы самореализации женщины как полноправного партнера социальных отношений выдвигаются на одно из первых мест в общественной жизни. Как отмечает Л.И. Доева, «в современном обществе происходит новое осмысление сущности женщины, под которым в первую очередь понимается реализация личностного начала. Традиционно сущность женского начала определялась как реализация природного назначения и соотносилась с биологической организацией. В настоящее время женское начало реализует себя иначе, становится активным субъектом деятельности» [1, с. 223]. Все это не могло не сказаться на деловой и личной жизни самой женщины.

Общество не только проявило повышенный интерес к женщине как субъекту трудовой деятельности, но и создало условия для ее реализации в качестве яркой индивидуальности. Традиционные формы самореализации женщины, связанные с осуществлением функции матери, сегодня дополняются профессиональными: женщина-руководитель, женщина-глава фирмы и проч. Для молодых и социально активных женщин это становится жизненным приоритетом. На это они тратят свое время, силы и средства, здесь они находят

возможности для самореализации. В научной литературе отмечается, что пришло время переосмыслить роль «женщин в формировании новых рыночных структур. Особое место в исследовании этих процессов должно принадлежать общим проблемам становления женского предпринимательства» [7, с. 249]. Мы разделяем это мнение, ведь очевидно, что женщина более «гибка», «пластична» в отношениях с людьми. Она лучше видит и чувствует «другого» человека. Это, безусловно, не только привлекает к ней внимание, но и делает ее более эффективной в работе с клиентами и партнерами. Специально подчеркнем, что женщина пользуется большим доверием у людей разного возраста: она может расположить к себе и молодого, и пожилого человека. В этом кроется секрет ее профессиональных успехов. Словом, женщина как активный субъект деятельности, обладающий значительной свободой действий, имеет все необходимое для того, чтобы реализовать себя в предпринимательстве и не только. При этом отметим, что это – не только российская, но и общемировая тенденция. Более того, исследователи отмечают положительность этой тенденции, заявляя, что общество оказывается более социально ориентированным и стабильным там, где во властных структурах женщины «составляют 30-40%» [3, с. 69].

Нет сомнений в том, что это не может не оказать своего влияния на личную жизнь женщины, модели ее существования [5, с. 63]. Будучи состоятельным, независимым, активным человеком, она просто обречена на изменение, и даже трансформацию своей жизни. Очевидно, что акцент в этом случае делается на профессиональную деятельность. Женщины активно получают образование, стремительно продвигаются по карьерной лестнице. Они с интересом садятся за руль автомобиля, путешествуют по миру. Словом, женщины во многом меняют привычный образ жизни.

Однако на фоне существенных перемен в жизни современной женщины все отчетливее обозначается важная гендерная задача: рождение детей. Скажем более определенно: современность не отменяет репродуктивную функцию женщины. Она, как и прежде, востребована обществом и всемерно поддерживается государством, в частности, российским. Между тем, если женщина создает семью и обзаводится детьми, то ей приходится отдавать «приоритет своим родительским и семейным ролям» [4, с. 707], выбирая традиционную модель жизни.

На эту «раздробленность» [4, с. 680] женской жизни было обращено внимание в научной литературе. Она связывается с сочетанием «карьеры и замужества» [4, с. 680]. Безусловно, эта особенность вытекает из возможностей женщины. Она не только может реализовать себя в семье, но и преуспеть в карьерном отношении. Более того, современная женщина не столько поставлена в ситуацию выбора (хотя и это, конечно же, имеет место в жизни), сколько вынуждена сочетать личную и профессиональную линии своего бытия. Можно сказать, что ценности семьи и карьеры удивительным образом переплетаются в жизни современной женщины. Женщина хочет иметь и мужа, и детей, и машину, и образование, и карьеру, и, конечно же, любовь. В этом состоит главная особенность жизни современной женщины.

Поэтому, на наш взгляд, корректнее говорить не о «раздробленности» бытия современной женщины, а об его амбивалентности, которая вынуждает женщину успевать во всем. Более того, те женщины, которые ориентированы на воплощение в своей жизни и семейных, и профессиональных планов, безусловно, содействуют не только своей самореализации, но и достижению целостности своего бытия, его гармоничности. Поэтому амбивалентность женской жизни, скорее всего, есть способ достижения ее целостности. И, видимо, задача современности как раз и состоит в том, чтобы помочь женщине обрести эту целостность.

Таким образом, в жизни современных женщин наметились новые тенденции. Они связаны с обретением большей свободы. Женщина становится полноправной хозяйкой своей жизни, самостоятельно решающей все вопросы, касающиеся ее бытия. Она устремлена к реализации себя в профессиональном плане. Вместе с тем она привержена традиционным ценностям, ориентированным на создание семьи, воспитание детей. Преодолевая возникшую амбивалентность, женщина, по сути дела, движется по пути достижения гармоничности своего бытия. И этот сценарий жизни для нее наиболее предпочтителен.

Литература

1. Доева Л.И. Представления о будущем супруге и семейно-брачной установке современной молодежи: гендерный аспект // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 2. – С. 222-225.
2. Ильин, Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2003. – 366 с.
3. Канапьянова Р.М. Женщины в системе государственной власти // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 68-75.
4. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2001. – 992 с.
5. Мезина Л.Г. Модель и ее роль в постижении вариативности жизни человека // Дискуссия. – 2011. – № 7. – С. 60-64.
6. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО Изд-во «АСТ», 2002. – 776 с.
7. Чирикова А.Е. Женское предпринимательство в России: концептуальные подходы и направления исследований // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. редактор и составитель Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН - МЦГИ – «Русская панорама», 2002. – С. 235-250.

ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Елена Васильевна Старосоцкая

Преподаватель

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Современная действительность требует глубокого осмысления многих фундаментальных проблем бытия человека и общества, потому что сегодня глобальная историческая ситуация стала пограничной: возможны и гибель человека и его выживание. Вот почему сегодня как никогда актуален вопрос о гуманизации образования, ставшей в наше время важнейшим фактором социального развития. Гуманизация образования рассматривается как социально-педагогический феномен и является объектом гуманистических преобразований. Гуманизация образования – это поворот к человеку: студенту и преподавателю. Смысл поворота – учет в деятельности образовательной системы интересов и задач личности и общества. Цель образования – развитие личности, а не знания, умения, навыки сами по себе. Эти установки и являются исходными при рассмотрении гуманизации как ведущего направления реконструкции образовательной сферы. Гуманизация должна преодолеть кризис в образовательной системе.

Ключевые слова: гуманизм, наука, образование, технократизм, гуманизация образования, модернизация образования, гуманистический поворот.

HUMANIZATION OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF MODERN PUBLIC DEVELOPMENT

Elena Vasilievna Starosotskaya

Lecturer

Belarusian State Agricultural Academy

The modern reality requires a deep understanding of many fundamental problems of human and social life, because today the global historical situation has become borderline: the death of a person and his survival are possible. That is why today the question of the humanization of education, which has become the most important factor of social development in our time, is more urgent than ever. The humanization of education is viewed as a social and pedagogical phenomenon and is the object of humanistic transformations. Humanization of education is a turn to a person: a student and a teacher. The meaning of the turn is the consideration of the interests and tasks of the individual and society in the activity of the educational system. The goal of education is the development of the individual, and not knowledge, skills, skills in themselves. These attitudes are the starting point when considering humanization as the leading direction in the reconstruction of the educational sphere. Humanization must overcome the crisis in the educational system.

Keywords: humanism, science, education, technocracy, humanization of education, modernization of education, humanistic twist.

Судьба образования волнует не только преподавателей вузов и деятелей системы управления образованием. Образование становится объектом пристального внимания политиков, ученых, философов, и прежде всего по причине технократического кризиса общественного сознания. Внешне это проявляется в технократических издержках, своеобразной цене, которую необходимо платить за научно-технический прогресс в виде глобального кризиса человечества, цивилизации, культуры. На современном этапе научно-технической революции тенденцией развития цивилизации должен стать «гуманистический поворот». В силу глобальных проблем, с которыми столкнулось человечество, гуманистический императив все в большей степени определяет научно-технический прогресс.

В европейской, по преимуществу техногенной, цивилизации исторически сложилась технократическая концепция прогресса, в которой содержится идея отчуждения человека от собственной духовной сущности. Гуманистический инвариант приобретает особую значимость в условиях аксиологического переосмысления действительности. Гуманизация по отношению к техногенной концепции общественного прогресса связана с признанием приоритета духовного начала и его противопоставлением потребительскому.

Процесс гуманизации не исчерпывается человеческим измерением научно-технического прогресса. Гуманистическая направленность, гуманизация, гуманитаризация - далеко не полный перечень ценностей и ориентаций, которые выходят на первый план в результате осознания человеком своей деятельности, цивилизации, культуры. Развитие науки и философии характеризуется поворотом к человеку, формируется новый субъективно-гуманистический образ науки, в философии происходит «антропологический поворот».

Гуманизация – это направление научных исследований, а также некоторый вид практически-преобразовательной деятельности, которая исходя из приоритета человека как высшей ценности, а также общечеловеческих ценностей и норм по отношению к любым другим перестраивает теорию и практику и в целом культуру в направлении гомо-центризма. В контексте субъективно-гуманистической направленности развития как общества в целом, так и духовной культуры особую значимость приобретает гуманизация научно-образовательной сферы.

Гуманизация может рассматриваться как социально-педагогический феномен, который отражает тенденцию реформирования образования на принципах гуманизма. С процессом гуманизации образования непосредственно связана проблема самодетерминации человеческого поведения. Содержание концепта гуманизация образования определено комплексом представлений о развитии целостной личности, возможностях ее самовоспитания и самообучения, максимальной самореализации и самоосуществления. В гармоничном развитии личности заключается высшая цель гуманистической педагогики «Духовная воспитанность молодой личности в настоящее время является приоритетной целью образовательной системы» [2, с. 11]

Гуманизация образования – сравнительно новая и во многом не исследованная проблема для нашей республики – была осознана более пятидесяти лет назад в промышленно развитых странах (США, Япония, Франция) прежде всего как проблема получила в связи со вступлением большинства стран в эру «информационного общества, когда появилась реальная возможность внедрения новых обучающих технологий, реализующих индивидуальное обучение.

Гуманизация образования не является чисто образовательно-педагогической задачей, напротив, имеет широкий социально-культурный контекст. Поэтому она не должна сводиться только к преобразованиям в сфере содержания образования, например к перераспределению часов в пользу гуманитарных дисциплин. Подобный подход, который, к сожалению, имеет место, оставляет в силе главные пороки современного образования – принудительность, формализм, оторванность от реальных проблем жизнедеятельности студента, его отчужденность от творчества и другие, порождающие бездуховность.

В настоящее время гуманизация (гуманитаризация) образования – одно из ведущих направлений реконструкции современных образовательных систем. Цель такой реконструкции – согласование подготовки специалиста с наиболее актуальными проблемами развития общества и человека. К истокам этих проблем относится, прежде всего, кризис человека и общества, выражающийся в технократическом менталитете общественного сознания, который задавал общее видение мира, способы разрешения различных проблем с помощью машины и техники в ущерб самой личности. Внешне эти установки мышления, высшие ценности сознания проявляются в совокупной деятельности, точнее, в негативных последствиях научно-технической революции экологических проблемах, технократизме и отчуждении человека от своей подлинной сущности.

На наш взгляд, отмеченные проблемы проявляют ущербность технократического мышления, которое можно рассматривать в операционном ключе как технократический способ решения человекообразных проблем – определенную парадигму.

Гуманизация как ценностная переориентация человеческого мышления и действия с предметно-вещественных компонентов на субъективно-гуманистические выступает механизмом перехода от технократической к гомоцентристской парадигме. Мы фактически определили гуманизацию как конструктивный процесс перевода системы из одного состояния в другое. Причем состояния определялись аксиологически – как системы ценностей. Цель гуманизации – ценностная переориентация системы в гомоцентристском направлении. Однако это объяснение можно изложить на историко-философском материале, придав объяснению статус обоснования необходимости гуманизации.

Рассматривая биосоциодуховную природу человека, можно создать логическую реконструкцию возможных путей развития человечества – техногенное развитие или традиционное общество [4, с. 8]. Эти пути в определенной мере исключают друг друга, поскольку предполагают сопоставленность: либо технический прогресс, либо духовное самосовершенствование. Очевидно, что большая часть человечества выбрала первый путь. Именно поэтому оно нуждается и во второй интенции развития, которая может быть реализована через гуманизацию как способ снятия дихотомии.

Благодаря многим «провалам» практической деятельности, которая по замыслу должна была укреплять мощь человека и его господство над природой, а на деле ставила в позицию заложника научно-технического прогресса, пришло осознание кризиса в исходных установках, мышлении. Тотальный характер такого кризиса связан с технократической парадигмой мышления, смысла деятельности, которая оказалась по существу дегуманистической.

Следует сказать, что мышление человечества в виде бинарной оппозиции наука–философия исподволь стало критико-рефлексивно осознать практику и корректировать общее движение, поворачивая к человеку. Так, в науке формируется субъективно-гуманистический образ взамен натуралистическому [1, с. 32], выступавшему стереотипом мышления в его отрицательной функции. Былая направленность наук на объектное, абсолютно объективное знание смягчается во многих отраслях естествознания. Философия осуществляет и формирует в явном виде «антропологический поворот». И это проявляется не только в экзистенциализме, персонализме, прагматизме, где человек, его бытие и деяния выступают центральной проблемой, но и в современном психоанализе, аналитической философии. Можно сказать больше – происходит эволюция в понимании самого человека, его природы в направлении гуманизации

Таким образом, гуманизация образования выступает в качестве альтернативы технократизму, когда

человек отождествляется с элементом технической конструкции, которая моделирует всю деятельность. Гуманизация направлена против отчуждения человека от его сущности, является основным инструментом превращения человека из средства в цель. Процесс гуманизации образования обеспечивается быстро развивающейся методологией гуманистической педагогики. Ученые работают над формированием целостной концепции гуманизации, связывая с ней развитие в педагогике личностного подхода, актуализированного в философии и психологии. По определению А. Маслоу, его суть «состоит в том, что цель образования и предмет обучения – сам человек и цели гуманистические, то есть которые отвечают интересам человека...» [2, с.180].

Литература

1. Герасименко А.В. Личностное знание и научное творчество. – Минск, 1989
2. Veh I. D. Izakonoprostir suchasnogo vihovnogo protsesu
3. Козлова Н.С., Некрасова А.В., Горбунова И.Л. Гуманизация системы образования в контексте современного общественного развития // Молодой ученый. – 2014. – №10. – С. 382-384
4. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3-19
5. Чепеленко К.О. Гуманизация в пространстве непрерывного образования // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, вып. 1. – С. 117-119

ЭВОЛЮЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ
КОГНИТИВНЫХ СИСТЕМ

УДК 316.6:159.92:159.91:575

ГЕН-КУЛЬТУРНАЯ КОЭВОЛЮЦИЯ, НЕЙРО-ПСИХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ²⁵

Юрий Иосифович Александров

*Заведующий Лабораторией психофизиологии имени В.Б. Швыркова,
Институт психологии Российской академии наук*

В начале доклада будут сопоставлены определения революции и эволюции и предложено системно-структурное описание этих процессов развития, рассматриваемых как полюса единого континуума. Данное описание будет интерпретировано в терминах разрабатываемого нами системно-эволюционного подхода, описывающего развитие как цикл, включающий компоненты от структуры генома и экспрессии генов через поведенческую специализацию нейронов и структуру субъективного опыта к культурной специализации индивидов и структуре культуры, связанной со структурой геномов. Будут приведены данные, полученные при исследовании разных звеньев указанного цикла и относящиеся к процессам, занимающим разное положение на оси «революционно-эволюционного» континуума: данные, описывающие коэволюцию генома и культурной среды; кардинальные изменения структуры субъективного мира при появлении нервной системы в филогенезе; внутри-доменные «достройки» индивидуального опыта при научении, а также более глубокую реорганизацию опыта при формировании новых доменов, включающую этап регрессии («возврат в детство», т.е. этап обратимой системной де-дифференциации). Будет выделено общее в системном описании процессов разного уровня: от исторического до индивидуального развития и от формирования поведенческого акта (стадия научения) до его отдельной реализации (стадия развертывания сформированного поведения).

Ключевые слова: система, ген, культура, мозг, психика, поведение, развитие, научение, регрессия, эволюция, революция, де-дифференциация.

GEN-CULTURAL COEVOLUTION, NEURO-PSYCHIC REVOLUTION
AND INDIVIDUAL DEVELOPMENT

Yuri Iosifovich Alexandrov

*Head of the Laboratory of Psychophysiology named after V.B. Shvyrkov,
Institute of Psychology Russian Academy of Sciences*

At the beginning of the report, the definitions of revolution and evolution will be compared and a system-structural description of these development processes, viewed as poles of a single continuum, is proposed. This description will be interpreted in terms of the developed system evolution approach, which describes development as a cycle that includes components from the genome structure and geneexpression through the behavioral specialization of neurons and the structure of subjective experience to the cultural specialization of individuals and the structure of culture associated with the structure of genomes. The data obtained during the investigation of the various links of this cycle and relating to processes occupying different positions on the axis of the «revolutionary-evolutionary» continuum will be given: data describing the co-evolution of the genome and the cultural environment; cardinal changes in the structure of the subjective world with the appearance of the nervous system in phylogeny; intra-domain "completion" of individual experience in teaching, as well as a deeper reorganization of experience in the formation of new domains, including the stage of regression («return to childhood», ie, the stage of reversible system de-differentiation). There will be a general outline in the system description of processes of different levels: from historical to individual development and from the formation of the behavioral act (the stage of learning) to its separate realization (the stage of unfolding the formed behavior).

Keywords: system, gene, culture, brain, mind, behavior, development, learning, regression, evolution, revolution, de-differentiation.

²⁵ Работа поддержана ФАНО (Государственное задание № 0158-0009-2017) и соответствует исследовательской программе Ведущей Научной Школы РФ «Системная психофизиология» (НШ-9808.2016.6).

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ ОЖИДАНИЙ НА РЫНКЕ ЗНАНИЙ

Владимир Александрович Антонец

Доктор физико-математических наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Разумное разрешение наблюдаемых острых конфликтов последних лет в российской системе науки и образования, т.е. в сфере добычи, создания, распространения и практического использования знаний, затруднено как предвзятыми и ошибочными взаимными ожиданиями конфликтующих сторон, так и отсутствием у каждой из этих сторон внятной самоидентификации в проекции на сферу науки и образования. Можно удивляться, но этому когнитивному искажению подвержены не только те, кто заказывает и использует знания, но и те, кто профессионально, т.е. за деньги, их добывает, создает и распространяет. Очень часто реальные ожидания рынка их удивляют, разочаровывают и демотивируют. Культура дискуссий была такова, что ожидания участников – представителей науки, образования и государственного менеджмента, так и не были сформулированы и декларированы в эксплицитной форме. Поэтому существенные проблемы и интересы, касающиеся целевых функций науки, образования и государства, не были обсуждены. При этом частные, корпоративные и государственные потребители знаний в дискуссиях не участвовали, а между тем, именно удовлетворение их интересов придает смысл существованию систем науки и образования и государственному управлению ими. В предлагаемом докладе рассматриваются указанные противоречия, явным образом выделяются участники рынка знаний и формулируется открытый перечень их интересов, пригодный для пополнения при изменении обстоятельств.

Ключевые слова: рынок знаний, управление знаниями, сегментация рынков, когнитивные искажения, иррациональность.

COGNITIVE DISTORTIONS OF EXPECTATIONS ON THE MARKET OF KNOWLEDGE

Vladimir Aleksandrovich Antonets

DSc of Physical and Mathematical Sciences, professor

Lobachevskiy State University

The reasonable resolution of acute conflicts we observe in education and science sectors, as areas of mining, creation, dissemination and management of knowledge, remains difficult owing to persistent biased and out-line mutual expectations of actors to the conflict, and their indistinct self-identification, projected to mentioned sectors. Knowledge-requesters and recipients are not free from cognitive biases; it is amazing, but professional scientists concur. Very often, market expectations leave them disillusioned and demotivated. According to the result of discussions, there is no clear stand in regard to explicitly declared statements and expectations of both sides. Therefore, essential questions concerning the primary functions of education and science institutes, as well as State governance have gone unanswered. At the same time, full spectrum of knowledge-consumers (from users to State corporations) is out of the discussion; meanwhile, being accommodated, practical interests of consumers make sense of education and science system and it's governance. In proposed report, relevant contradictions have been considered; positions in the knowledge market have been established. Here is an attempt to draw up the "wish-list" that provides for changes in wishes, given the change in circumstances.

Keywords: knowledge markets, knowledge management, market segmentation, cognitive bias, irrationality.

Введение.

Мы будем говорить о рынке добычи, создания, распространения и использования знаний, рассматривая его как единый, но отдавая себе отчет, что свойства, а, следовательно, и способы распространения и использования добываемых и создаваемых знаний различны. Следовательно, мы будем принимать во внимание сегментацию этого рынка, следствием которой является необходимость понимания и признания того обстоятельства, что разнообразие спроса и требований к качеству добываемых, создаваемых, передаваемых и используемых имплицитных и эксплицитных знаний, приводит к тому, что не может быть использован единый (скалярный) критерий научного успеха, а лишь вектор (совокупность) критериев, каждый из которых отражает степень приближения к определенной общественно значимой цели.

Мы будем говорить о рынке еще и потому, что кто-то оплачивает добычу, создание, распространение и права на использование знаний, при том не только научно-технического характера, но и гуманитарных.

Эта оплата и означает наличие спроса. Она также означает и существование определенной гармонизации спроса и предложения. Стало быть, такой подход может способствовать развитию взаимопонимания и выстраиванию разумных отношений между наукой, образованием, государством и обществом, включая его бизнес-составляющую.

Сегмент фундаментальных исследований.

Начнем с фундаментальных исследований, которые направлены на добычу знаний об окружающем мире и обществе, т.е. на поиск ответа на вопрос «как это устроено?». Так как ни сами результаты, ни, тем более, их прагматическая значимость заранее не известны, то у этих знаний не может быть и прямого покупателя. Тем не менее, великие страны тратят деньги на фундаментальные исследования. Зачем? Ответ в том, что их важным следствием является рост квалификации национальной команды ученых. Это дает государству определенные гарантии, что достижения конкурирующих стран могут быть поняты, оценены и, при необходимости, воспроизведены; что будет обеспечена интеллектуальная основа технологической восприимчивости страны. Таким образом, финансирование государством фундаментальных исследований есть оплата национальной безопасности. Она может интерпретироваться как плата за интеллектуальный тренажер. Успехом здесь следует считать достижение национальной командой уровня, сопоставимого с уровнем команд стран-конкурентов. Критерием этого соответствия могут служить а) публикационные рейтинги и б) возрастные характеристики команды (участие молодежи).

В трудное положение попадают энтузиасты междисциплинарных исследований. Во-первых, их мало. Во-вторых, их публикации рассеиваются по разным журналам. Это приводит к низким публикационным рейтингам на длительное время даже для прорывных работ. Однако для целей безопасности государства фактор «пионерства» не является значимым.

Факт финансирования нередко побуждает государство вмешиваться и в тематику фундаментальных исследований. Можно нередко услышать лишённые всякой логики призывы «сосредоточиться на прорывных направлениях фундаментальной науки», игнорирующие высокую степень непредсказуемости характера и содержания результатов фундаментальных исследований. Критерием здесь является разумный спектр направлений исследований, обеспечивающий баланс с конкурирующими странами. Лучший эксперт по этому вопросу – само научное сообщество. Другое дело, что сформированный перечень направлений должен акцептироваться государством для организации работ, их финансирования и контроля результатов в духе уже упомянутых выше критериев. Ранее экспертиза научного сообщества в сфере фундаментальных наук концентрировалась в Академии Наук.

Сегмент поисковых исследований.

Поисковые исследования отвечают на вопрос «как это может быть использовано?». Они создают знания о возможностях применения на практике фундаментальных знаний вкупе с уже имеющейся в мире технологической базой. Неопределенность в предсказании их результатов и их практической значимости тоже очень велика. Поэтому мотивы государственной поддержки и критерии успеха здесь те же, что сегменте фундаментальных исследований.

В то же время и бизнес, по крайней мере «западный», в определенной степени участвует в финансировании поисковых исследований, так как нуждается в наличии потока новых идей для создания технологий. Пока приложения еще только ищутся, поле поисковых исследований не является конкурентным и на нем доминирует общекорпоративный интерес бизнеса. В случае обнаружения новых технологических перспектив он может начать конкурентную борьбу за доступ к новым технологиям и их создателям.

Сегмент практических разработок. Возникновение.

С середины 19-го века к концу 1-ой промышленной революции жизненный опыт как источник технологических решений практически исчерпал себя, а потребность в новых военных и гражданских технологиях продолжала расти [3, с. 184-188]. С этого времени технологическое развитие почти исключительно происходит на основе результатов научных исследований и разработок. Научная парадигма приняла новую форму: к вопросу «как это устроено?» добавился вопрос «как это сделать?». Разумеется, что ответ на него может быть создан только на основе известных знаний – добытых фундаментальных и ранее созданных прикладных, которые имеют характер технических решений. В науке впервые акцент делается на творческой деятельности, изменяющей окружающий мир. Фундаментальные исследования меняют нашу картину мира, но прямого влияния на его изменение практически не оказывают, и, в этом смысле, не являются творческим занятием. Поэтому решение прагматических задач проведения фундаментальных исследований не предусматривает.

Сегмент практических разработок. Безопасность.

С середины 19-го века по последнюю четверть 20-го безопасность в мире чаще всего понималась как военная [2]. Поэтому военные были главными заказчиками НИОКР, программу которых и формировали, консультируясь с научным сообществом. Они хорошо понимали требования к создаваемым объектам и технологиями, но, естественно, за реализацией обращались к научному сообществу с вопросом «как ЭТО сделать?». Поэтому критериями успеха были совсем не те, что в области фундаментальных исследований.

Успех был только в том, что а) мы ЭТО сделали, б) ЭТО работает надежно. Экономические критерии здесь ослаблены. Напомню, что разработка атомной бомбы в СССР велась без проектов и сметы [1].

Требование высокой надежности предопределяет характер технических решений, которые оказываются слишком дороги для гражданского сектора. Поэтому проблема конверсии этих решений в гражданские отрасли состоит не в недостатке политической и иной воли, а в смене ментальности разработчиков.

С последней четверти 20-го века в состав проблем безопасности попадают прагматические работы в области экологии. Индикатором этого является образование в парламентах развитых стран фракций «зеленых».

В начале 21-го века список проблем безопасности пополняется рисками конфликта цивилизаций, что индицируется появлением в парламентах «респектабельных» стран националистических фракций и скрытых лобби.

Очевидно, что без участия научного сообщества политики и управленцы не могут найти эффективных решений этих «новых» проблем. При этом ощущается нехватка фундаментальных знаний, получению которых политики в значительной степени препятствуют, опасаясь, что новая картина мира, в особенности ее социально-психологические и антропологические фрагменты в форме знаний о реальных характеристиках отдельного человека, его социумов и методов ведения хозяйственной деятельности, породят сомнения в адекватности используемых в политике и управлении представлений и методов.

Тем не менее, в сфере безопасности сохранят силу те же критерии успеха: а) мы ЭТО сделали, б) ЭТО работает надежно.

Научные работники из сферы обеспечения безопасности попадают в трудное положение с подтверждением своего статуса. Их достижения закрыты, и у них нет времени на фундаментальные исследования, обеспечивающие публикационные рейтинги. При этом, портфолио их участия в прагматических проектах, в каком-то виде существовавший в СССР, отсутствует.

Сегмент практических разработок. Промышленные приложения.

Бизнес, как заказчик НИОКР, ориентируется на то, что для него будут разработаны новые технические решения, которые он сможет защитить как свое имущество – интеллектуальную собственность. Его интересует лишь один принципиальный (рыночный) аспект – повышение конкурентоспособности. Это значит, что применение разработанных для него технических решений должно, а) улучшать в глазах потребителя предлагаемые товары и услуги и б) это улучшение должно обходиться в разумную цену. Мы снова видим смену критериев научного успеха а) мы сделали ЭТО, б) ЭТО имеет рыночно приемлемый баланс «цена – качество».

Обратим внимание, что возраст технических решений стал вектором на плоскости «возраст поставленной рынком задачи» - «возраст использованных для ее решения научно-технических знаний». В полной мере это относится и к техническим решениям в области безопасности.

В завершении этих «прагматических» разделов, следует отметить, что постановка актуальных задач по решению проблем безопасности и проблем рынка требует знаний именно из этих сфер, которые не являются сильной стороной научных работников. Поэтому лишь в редких случаях совмещения талантов они могут предложить способы эффективного практического использования своих новых научно-технических достижений.

Сегмент распространения знаний. Трансфер технологий.

Передача знаний в форме трансфера технологий автоматически включается в состав решения прагматических задач и не является самостоятельной. Она наследует критерии успеха соответствующих направлений применения результатов научных исследований и разработок.

Сегмент распространения знаний. Подготовка индивидуумов к труду.

Так как труд входит в состав основных факторов производства и обеспечивает существование отдельных индивидуумов и социума в целом, то подготовка к нему предельно актуальна и для работников, и для потребителей рабочей силы. При этом прямым выгодоприобретателем является обучаемый, следовательно он и должен платить за свое обучение, в том числе и деньгами, полученными за счет взятых на себя обязательств перед другими физическими и юридическими лицами, налогоплательщиками, государством и его органами.

Наиболее понятным критерием успеха передачи знаний является входная зарплата выпускника, которая не может быть высокой, если программы подготовки не согласованы с потенциальными работодателями.

Сегмент распространения знаний. Подготовка к самовыражению.

Этот сегмент существует потому, что социальная жизнь не сводится исключительно к производству и потреблению. Мы, социум, нуждаемся в произведениях искусства, науки и литературы, в спортивных достижениях и др., где высокий уровень обеспечивается талантом. Здесь прямым выгодоприобретателем является мы, социум, который и должен платить за такую подготовку талантливых индивидуумов, формулируя условия предоставления своего финансирования. Разумеется, при выборе кандидатов неизбежен конкурс,

при котором могут совершаться ошибки первого и второго рода, но это не повод, чтобы от такого подхода отказываться. Программы подготовки здесь формируются культурным сообществом, поскольку других экспертов в этой сфере не существует. Критерием успеха здесь является уровень достигаемого культурного развития.

Сегмент распространения знаний. Обеспечение социальной адекватности граждан.

Социум заинтересован в воспитании новых поколений граждан, которые, независимо от своих способностей, талантов и ограничений, должны обладать умением и возможностями жить в нем. Таким образом, социум является и главным выгодоприобретателем, и отвечает за формирование базовых образовательных и воспитательных программ, и за их финансирование, не пытаясь, в ущерб себе, уклоняться от этих фундаментальных обязанностей и забот. Именно с этих позиций должен рассматриваться баланс платных и бесплатных образовательных опций для подрастающих поколений. Здесь критерий успеха - статистика приспособленности граждан жить в обществе.

Заключение.

Автор в течение многих лет тестировал предложенную сегментацию рынка знаний на сотнях обучаемых студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников и сотрудников корпораций. В подавляющем случае он получал подтверждение ее понятности и удобства для ориентации на этом рынке. Поэтому он искренне надеется, что она будет способствовать устранению когнитивных искажений во взаимных ожиданиях его участников.

Литература

1. Первая советская атомная бомба [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vniief.ru/wps/wcm/connect/vniief/site/about/history/firstbomb/> (дата обращения 19.10.2017)
2. Сахаров А.Д., Лионская лекция [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_77.html (дата обращения 19.10.2017)
3. Хикс Дж. Теория экономической истории / Общ. ред. и вступ. ст. Р.М. Нуреева. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. - 224 с.

УДК 612.821

ВЛИЯНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ НА ВЕГЕТАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЧТЕНИЯ ОБЫЧНЫХ ТЕКСТОВ И ТЕКСТОВ С ИСКАЖЕНИЯМИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ²⁶

Валерия Алексеевна Демарева

ассистент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Анна Валерьевна Полевая

аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Надежда Васильевна Кушина

магистрант

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова

Ольга Сергеевна Перевизник

преподаватель французского языка

Нижегородская региональная культурно-просветительская общественная организация «Альянс Франсез – Нижний Новгород»

Вопрос о том, могут ли особенности траектории движения взгляда дать информацию для оценки психофизиологического ответа вегетативной нервной системы на языковые задания, впервые становится предметом исследования. В данной статье приводятся предварительные результаты изучения особенностей вариативности ритма сердца при работе с обычными текстами, текстами с искажениями и с перемешанными структурами на французском языке у русскоязычных людей с разным уровнем владения французским языком. Выявлено, что при хорошей языковой подготовке вегетативное обеспечение чтения обычных текстов и текстов с искажениями на французском языке схоже. Показано, что порядок предъявления иностранных текстов может оказывать влияние на показатели ВРС только при низком уровне владения языком.

Ключевые слова: Вегетативное обеспечение, языковая компетенция, движения глаз.

²⁶ Выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15–36–01364, проект № 15–06–10894.

INFLUENCE OF LANGUAGE TRAINING ON AUTONOMIC REGULATION IN READING FRENCH NORMAL TEXTS AND TEXTS WITH DISTORTION

Valeriia Alekseevna Demareva

Assistant

Lobachevskiy State University

Anna Valeryevna Polevaia

Postgraduate Student

Lobachevskiy State University

Nadezhda Vasilyevna Kushina

Graduate Student

Lobachevskiy State University

Olga Sergeevna Pereviznik

Teacher of French

Nizhny Novgorod regional cultural and educational public organization «Alliance Francaise - Nizhny Novgorod»

The question of whether the features of eye movements can provide information for assessing the psychophysiological response of the autonomic nervous system to language tasks becomes the subject of research for the first time. This article presents preliminary results of studying the features of heart rate variability when working with conventional texts, distorted texts and mixed structures in French. It is revealed that the vegetative provision of reading ordinary texts and texts with distortions in French is similar. It is shown that the stimuli order can influence the HRV indicators only at a low level of proficiency in French.

Keywords: Autonomic regulation, language proficiency, eye movements.

Введение

Связь между восприятием и абстракцией в психологии стала предметом исследований с середины XX века. Так, Де Гроот использует модель CHREST (Chunk Hierarchy REtrieval STRuctures). В работе об особенностях кратковременной памяти у шахматистов им были выявлены значимые различия в выполнении задачи на память у шахматистов с разным уровнем подготовки [4]. Игрокам в шахматы предлагалось воспроизвести или расположение фигур, взятое из турнирных игр, или расположение фигур по шахматной доске в случайном порядке. При этом игроки уровня мастера спорта и выше воспроизводили правильно шахматные позиции из турнирных игр, тогда как более слабые шахматисты справлялись значимо хуже. Однако при воспроизведении случайного расположения фигур эффективность новичков и мастеров спорта существенно не различалась. В данном эксперименте показан принцип, что знание является ключом к профессиональной компетенции: в процессе накопления опыта у профессионалов создаются специальные блоки перцептивной информации, относящиеся к решению данной профессиональной задачи, которые создают преимущества для профессионалов при решении профессиональных задач [4]. Модель CHREST, предложенная Де Гроотом, актуальна и по сей день и может быть применена к новым исследованиям.

В статье обсуждается ее использование для исследования процесса чтения у людей, изучающих иностранный язык, с разным уровнем подготовки. Рабочая гипотеза состоит в следующем: люди с профессиональным владением иностранным языком смогут без труда решить профессиональную задачу (чтение текста с искажениями на иностранном языке), в то время как люди с элементарным уровнем знания иностранного языка справятся гораздо хуже. Однако, при решении непрофессиональной задачи (чтение структур из перемешанных слов, не составляющих текста), у новичков и профессионалов не будет значимых различий. Различия или их отсутствие будут отражены в особенностях окулomotorной активности и в спектральных показателях вариабельности ритма сердца (ВРС). Отсюда общая цель исследования: выявить особенности ВРС и движений зора при работе с текстами (А - обычными, Б - с искажениями, В - с перемешанными структурами) на иностранном языке у людей с разным уровнем владения иностранным языком.

В данной статье приводятся предварительные результаты изучения особенностей ВРС при работе с текстами (А - обычными, Б - с искажениями, В - с перемешанными структурами) на французском языке у русскоязычных людей с разным уровнем владения французским языком.

Отметим, что ВРС – общепринятый термин для описания изменений мгновенной частоты сердечных сокращений и RR-интервалов. Анализ ВРС – это метод, который позволяет оценить состояние механизмов регуляции физиологических функций в организме человека и животных, в частности, общую активность регуляторных механизмов, нейрогуморальную регуляцию сердца, соотношение между симпатическим и парасимпатическим отделами вегетативной нервной системы [1].

Для целей данного исследования выбран следующий подход к анализу и оценке ВРС. Колебания длительности RR-интервалов рассматриваются в качестве результата «влияния многоконтурной, иерархически организованной многоуровневой системы управления физиологическими функциями организма». Основой данного подхода являются положения биокibernетики и теория функциональных систем. Динамика показателей ВРС обусловлена формированием разных функциональных систем [1].

Известно, что анализ ВРС позволяет исследовать, в том числе, перцептивные процессы, поскольку сердце играет важную роль в модуляции таких когнитивных функций, как сенсомоторная и перцептивная деятельность, а сердечная модуляция коры обусловлена афферентными входами на нейронах таламуса, где синхронизируется работа всей коры [5]. Таким образом, анализ ВРС может использоваться для изучения вегетативного обеспечения процесса работы с текстами разного типа и интерпретации полученных результатов с позиции когнитивной деятельности человека и уровня его языковой подготовки.

В рамках данной статьи мы приводим промежуточные результаты исследования, которые позволяют ответить на следующие вопросы:

1. Как влияет уровень владения французским языком на показатели ВРС при разных типах читаемого текста?

2. Как влияет порядок читаемого текста на показатели ВРС?

Предполагается, что у людей с элементарным уровнем владения иностранным языком недостаточно блоков перцептивной информации для восприятия текстов на неродном языке. В силу этого, процесс чтения всех текстов для них будет значительно более энергозатратен, чем для людей, лучше знающих иностранный язык. Исходя из сказанного, гипотеза данной части исследования следующая: у людей с элементарным уровнем владения французским языком будет выше доминирование симпатического контура регуляции над парасимпатическим при работе с обычными текстами и текстами с искажениями по сравнению с людьми, которые лучше знают французский язык.

Материалы и методы исследования

Характеристики выборки.

В исследовании приняли участие 10 человек в возрасте $24,1 \pm 1$ лет (7 женщин и 3 мужчины). Все испытуемые имеют разный уровень владения французским языком, что подтверждается результатами тестирования:

Группа 1: «низкий уровень» (N=8) - средний балл 5.62 ± 0.75 ;

Группа 2: «средний уровень» (N=4) - средний балл 12.5 ± 0.96 .

Группа 3: «высокий уровень» (N=5) - средний балл 17.4 ± 0.75 .

Тест составлен преподавательским составом одной из языковых школ Нижнего Новгорода и включает в себя 20 вопросов с четырьмя вариантами ответа.

Технология регистрации ВРС.

Для сбора данных о вегетативном обеспечении процесса работы с текстами разного типа на французском языке проводилось непрерывное измерение сердечного ритма с помощью технологии событийно-связанной телеметрии [2]. Персонализированный анализ динамики вегетативной регуляции проведен на основе спектральных показателей вариабельности сердечного ритма. Методом динамического Фурье-анализа с окном 100 с и шагом 10 с вычислялись следующие показатели: суммарная мощность спектра вариабельности сердечного ритма – TP (мс^2), характеризующая адаптационный потенциал; мощность спектра в области частот от 0,04 до 0,15 Гц – LF (мс^2), характеризующая активность симпатической нервной системы по модуляции сердечного ритма; мощность спектра в области частот от 0,15 до 0,4 Гц – HF (мс^2), характеризующая активность парасимпатической нервной системы; отношение LF к HF - индекс вегетативного баланса, характеризующий напряжение регуляторных систем [5].

Стимульный материал.

В качестве стимульного материала использовались три текста различного типа, составленные преподавательским составом одной из языковых школ Нижнего Новгорода. Текст А (обычный) состоял из 233 слов и был представлен на шести слайдах. Текст Б (с искажениями: замена рода (у существительных, прилагательных, притяжательных местоимений), замена лица и числа у глаголов (сказуемое не согласовано с подлежащим)) состоял из 187 слов и был представлен на четырех слайдах. Текст В (набор слов, не составляющих связный текст) состоял из 171 слова и был представлен на трех слайдах. После каждого текста испытуемым нужно было ответить на два вопроса для проверки понимания прочитанного. Шрифт текста Counter New, 48 кегль, цвет фона – Silver, цвет текста – черный.

Стимульный материал предъявлялся на установке SMI HiSpeed 1250. Расстояние между монитором и глазами испытуемых составляло 75 см, размер монитора – 502 мм (37°) по горизонтали и 412 мм (30°) по вертикали. Разрешение экрана 1680x1050 px. Помещение, в котором проводилась процедура эксперимента, имело постоянно поддерживающийся уровень освещения.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных: Factorial ANOVA и апостериорный анализ по критерию Фишера. Обработка результатов проводилась в пакете STATISTICA 10.

Результаты и их обсуждение

Суммарные результаты, отражающие динамику показателей ВРС для разных контекстов у людей с разным уровнем владения французским языком приведены на рисунке ниже.

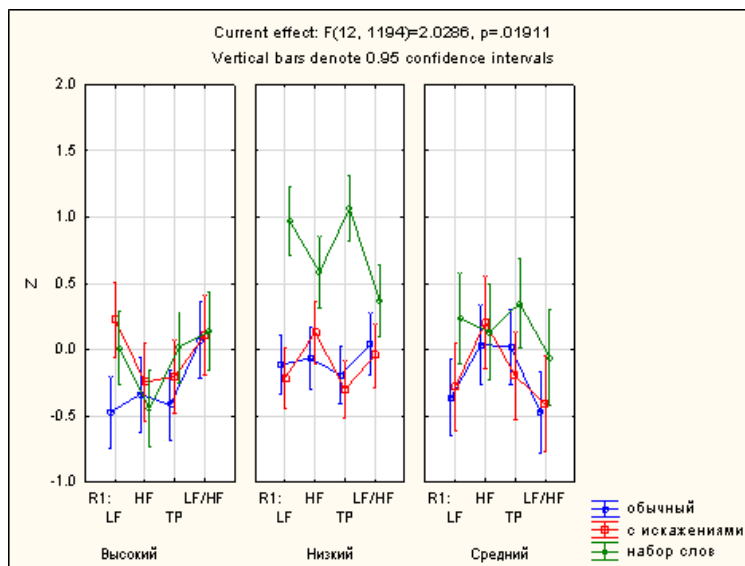

Рисунок. Значения LF, HF, TP, LF/HF для разных контекстов у людей с разным уровнем владения французским языком

Далее рассмотрим отдельно значимые изменения в показателях LF, HF, TP, LF/HF в разных контекстах для каждого из выделенных уровней владения французским языком.

LF. При высоком уровне знания французского языка отмечаются меньшие значения показателя LF при чтении обычных текстов, чем текстов с искажениями ($p<0.01$) и беспорядочных текстов ($p<0.05$). У людей с низким уровнем знания французского языка пиковые значения LF приходятся на чтение бессмысленных текстов ($p<0.001$), а отличий в показателе LF при чтении текстов с искажениями и обычных не выявлено. При среднем уровне знания французского языка нет отличий в LF при чтении обычных текстов и текстов с искажениями, но LF выше при чтении беспорядочных текстов, чем обычных ($p<0.05$) и с искажениями ($p<0.05$). Таким образом, для людей, знающих французский язык на среднем уровне, наиболее энергозатратным оказался процесс чтения беспорядочных текстов, т.е., вероятно, в силу недостатка перцептивных блоков для принятия решения о бессмысленности текста, они все равно пытались это сделать.

HF. При высоком и среднем уровне знания французского языка HF не отличается при чтении текстов разного типа. Отличия проявляются только для низкого уровня: при чтении бессмысленных текстов HF выше, чем при чтении обычных ($p<0.01$) и с искажениями ($p<0.05$). Это может быть связано как активизацией селективного внимания, так и с порядком предъявления стимулов.

LF/HF. При высоком и среднем уровне знания французского языка LF/HF выше при чтении бессмысленных текстов, чем обычных ($p<0.05$). Для низкого уровня чтение текстов без смысла оказалось наиболее энергозатратным, чем обычных ($p<0.01$) и с искажениями ($p<0.01$). Это подтверждает гипотезу нашего исследования. Это также может быть связано с ментальным стрессом или с когнитивной усталостью от эксперимента [3].

TP. Для высокого и среднего уровня знания французского языка отличий в показателе TP не выявлено при чтении текстов разного типа. Отличия проявляются только для низкого уровня: при чтении текстов без смысла TP значительно выше, чем при чтении текстов с искажениями ($p<0.05$). Это может быть связано как с увеличением адаптационного потенциала, так и с порядком предъявления стимулов.

Выводы

1. При хорошей языковой подготовке вегетативное обеспечение чтения обычных текстов и текстов с искажениями на французском языке схоже.
2. Порядок предъявления иностранных текстов может оказывать влияние на показатели ВРС только при низком уровне владения языком.

Литература

1. Баевский Р.М., Иванов Г.Г., Чирейкин Л.В., Гаврилушкин А.П., Довгалецкий П.Я., Кукушкин Ю.А., Миронова Т.Ф., Прилуцкий Д.А., Семенов А.В., Федоров В.Ф., Флейшман А.Н., Медведев М.М. Анализ вариабельности сердечного ритма при использовании различных электрокардиографических систем (часть 1) // Вестник аритмологии. – 2001. – №24. – С. 65-87.
2. Полевая С.А., Парин С.Б., Еремин Е.В., Буланов Н.А., Чернова М.А. Разработка технологии событийно-связанной телеметрии для исследования когнитивных функций // XVIII Международная научно-техническая конференция «Нейроинформатика-2016»: Сборник научных трудов. – М.: НИЯУ МИФИ, 2016. – Ч. 1. – С. 34-44.
3. Castaldo R., Melillo P., Bracale U., Caserta M., Triassi M., Pecchia L. Acute mental stress assessment via short term HRV analysis in healthy adults: A systematic review with meta-analysis // Biomedical Signal Pro-

- cessing and Control. – 2015. – Vol. 18. – P. 370–377.
4. De Groot A.D. Het Denken van den Schaker. – Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1946. – 318 blz.
 5. McCraty R., Shaffer F. Heart Rate Variability: New Perspectives on Physiological Mechanisms, Assessment of Self-regulatory Capacity, and Health risk // Glob Adv Health Med. – 2015. – Vol. 4 (1). – P. 46-61.

УДК 612.821

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИЙ КАК ЭТАП В ЭВОЛЮЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ИСКУССТВЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ СИСТЕМ

Сергей Владимирович Камратов

Студент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Анна Валерьевна Полевая

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Софья Александровна Полевая

Доктор биологических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Нижегородская государственная медицинская академия

В статье рассматривается аспект изучения эмоций в контексте исследований естественных и искусственных когнитивных систем. На практике "когнитивными" называют психические процессы, которые возможно представить как логичную и осмысленную последовательность действий по переработке информации. При этом, очевидно, что сфера эмоций имеет принципиальное значение для жизнедеятельности организма. Таким образом, когнитивные и аффективные процессы тесно связаны. Умение адекватно распознавать и воспроизводить эмоции человека становится одним из критериев разума в живой или искусственной системе. Так, когнитивная система IBM Watson уже сегодня способна выделить 24 эмоции. Определение того, что такое «когнитивные системы», естественным образом было пересмотрено в XXI веке с развитием технологий для создания искусственного интеллекта. В настоящем исследовании определяются основные направления данных исследований, в качестве которых представлены эмоциональные вычисления и распознавание (детектирование) эмоций, а также приводится описание основных проблем в указанных сферах. Также обсуждаются результаты предварительной экспериментальной серии по измерению психофизиологических параметров в зависимости от вызываемых у испытуемого эмоций. Мы измеряли окуломоторную активность при предъявлении стимулов с различной эмоциональной валентностью у здоровых людей. В качестве стимулов для подобных испытаний широко используются нормированные на широкой выборке базы изображений. Нами были отобраны стимульные изображения из базы эмоциональных стимулов International Affective Picture System (IAPS), отвечающие целям эксперимента. Было проведено нормирование данного стимульного материала для русскоязычной выборки. Были получены значимые различия для изображений различной эмоциональной валентности по параметрам длительности фиксации и размера зрачка. В дальнейшем планируется провести испытания на клинической группе с нарушением эмоциональной сферы, таким как депрессивный синдром. Обсуждается возможность создания технологии для распознавания эмоций у конкретного индивида.

Ключевые слова: эмоции, распознавание эмоций, видеоокулография, IAPS.

RESEARCH OF EMOTIONS AS A STAGE IN EVOLUTION OF NATURAL AND ARTIFICIAL COGNITIVE SYSTEMS

Sergei Vladimirovich Kamratov

Student

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Anna Valerievna Polevaia

Postgraduate

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Sofya Alexandrovna Polevaia

DSc of biology

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Nizhny Novgorod State Medical Academy

The article considers the aspect of studying emotions in the context of research of natural and artificial cognitive systems. In practice, «cognitive» refers to mental processes that can be represented as a logical and meaningful sequence of actions for processing information. At the same time, it is obvious that the sphere of emotions is of fundamental importance for the vital activity of a system. Thus, cognitive and affective processes are closely related. The ability to adequately recognize and reproduce a person's emotions becomes one of the criteria of the mind in a living or artificial system. Such artificial cognitive systems as IBM Watson are already capable to allocate 24 emotions. Naturally, in the 21st century with the development of technologies for creating artificial intelligence the very definition of a "cognitive system" was reconsidered. In this article, the main directions of such studies are determined, including emotional calculations and detection (detection) of emotions. We also propose a gist of the main problems in this area. The focus of the article is presenting the results of the preliminary experimental series on measuring psychophysiological parameters in polar emotional contexts. We measured eye movements when presenting stimuli with different emotional valences in healthy people. The image databases normalized on a wide sample are widely used as stimuli in similar research projects. We selected affective images from the International Affective Picture System. The rationing of this stimulus material for the Russian-language sample was carried out. Significant differences were obtained for the parameters duration of fixations and the pupil diameter. In the future we plan to conduct similar experimental series in a clinical group with a depressive syndrome. The possibility of creating a technology for recognizing the emotions of a particular individual is discussed.

Keywords: emotions, emotions recognition, Eye-Tracking, IAPS.

В рамках детерминистской научно-исследовательской программы существенное значение имеет вопрос о характере связей и отношений в органической природе. Каковы категориальные сдвиги проблемы и ее современное понимание?

В последние десятилетия когнитивная наука, опираясь на свою мультидисциплинарность, получила широчайшее развитие и заняла свое место в сфере NBIC-технологий. Конвергенция данных направлений дает возможность еще более высокой динамики ее развития. [1, с. 186] Точкой роста когнитивных исследований видится сфера изучения аффективных процессов. Так, все более широкое распространение получают идеи интеграции когнитивных и аффективных процессов как со стороны представителей научного кластера «био» [2, с. 1-429] так и «инфо» [3, с. 1-16]. Появляются идеи о преобразовании когнитивной науки в когнитивно-аффективную. В связи с чем, получили толчок к развитию исследования, направленные на изучение эмоций, например эксперименты по их распознаванию у естественных когнитивных систем (emotion recognition) и перенос на искусственные (affective computing). По некоторым оценкам рынок систем детекции и распознавания эмоций (EDRS – Emotion Detection&Recognition Systems) динамично развивается (среднегодовой рост в 27,4%) и к 2022 году достигнет уровня 29,1 млрд долларов, а рынок в сфере эмоциональных вычислений (affective computing) поднимется с 12,2 млрд долларов в 2016 году до 54 млрд долларов к 2021.

Возникший интерес к детектированию эмоциональных состояний выявил проблему: распознавание эмоциональной валентности. Имеющиеся на данный момент неинвазивные методы могут, в основном, определить силу эмоциональной реакции, но выделить из получаемых параметров конкретный вид эмоции представляется затруднительным.

В ходе становления и развития систем детекции и распознавания эмоций (EDRS) возникает акцент на объективизации получаемых данных. В этих целях осуществляется поиск физиологических показателей различных эмоциональных состояний, измерение которых возможно неинвазивными методами [4, с. 1-19].

Также, исследование эмоций вызывает значительные трудности в экспериментальной психологии, связанные с выбором стимульного материала. В настоящее время в психофизиологии широко используется база эмоциональных стимулов International Affective Picture System (IAPS), которую подготовил Центр изучения эмоций и внимания из Университета Флориды (Center for the Study of Emotion and Attention (University of Florida, Gainesville, FL) [5, с. 1-12], [6, с. 581-607].

Для изучения возможностей объективной оценки аффективных состояний у человека нашей исследовательской группой было предложено исследование глазодвигательных реакций при предъявлении респондентам изображений с различной эмоциональной валентностью (нейтральных, позитивных и негативных). Гипотеза исследования заключалась в следующем: в зависимости от эмоционального контекста будут обнаружены значимые различия в некоторых параметрах движений глаз (или их комбинации). Стимульный материал был выбран из базы аффективных изображений IAPS. В качестве испытуемых были приглашены студенты факультета социальных наук ННГУ (18 человек, возраст от 19 до 29 лет).

Запись движений глаз проводилась с помощью системы трекинга глаз SMI HiSpeed, частота бинокулярного опроса для которой составляет 1250 Гц, на базе ПК с программным обеспечением SMI Experiment Suite и iView v. 2.0.1. Область калибровки (calibration area) составляла 1680;1050. Съемка производилась для двух глаз (binocular). Данные по параметрам глазодвигательной активности извлекались в программе SMI BeGaze 3.4 (модуль Event Statistics), их обработка выполнялась в пакете статистической обработки StatSoft Statistica v. 10.0 Eng. Учитывая объем выборки и стимульного материала, предварительно была проведена стандартизация данных.

На первом этапе предварительной экспериментальной серии было проведено исследование для выявления кросс-культурных различий в оценке эмоциональных изображений. По результатам обработки первичных данных было установлено, что оценка респондентами из российской выборки изображений IAPS отличается от данных CSEA. При этом, разница в оценке максимальных значений P(IAPS) для позитивных и негативных изображений является минимальной и увеличивается при приближении указанных значений к нейтральному (рис. 1). По результатам первого этапа был отобран стимульный материал в количестве 5 изображений для каждой из трёх категорий: «нейтральные», «позитивные» и «негативные».

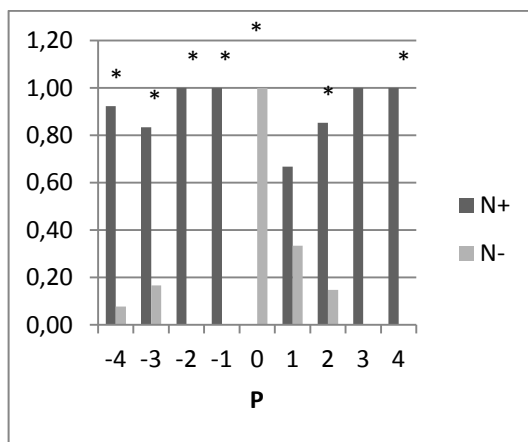

Рис. 1. Долевое распределение оценок валентности респондентов (P) совпадающих (N+) и противоположных (N-) оценкам, имеющимся в библиотеке IAPS. Звездочкой отмечены достоверные различия ($p \leq 0.05$).

На втором этапе эксперимента было проведено исследование зрительно-моторных паттернов при просмотре респондентами аффективных изображений, относящихся к разным категориям: «нейтральные», «позитивные» и «негативные».

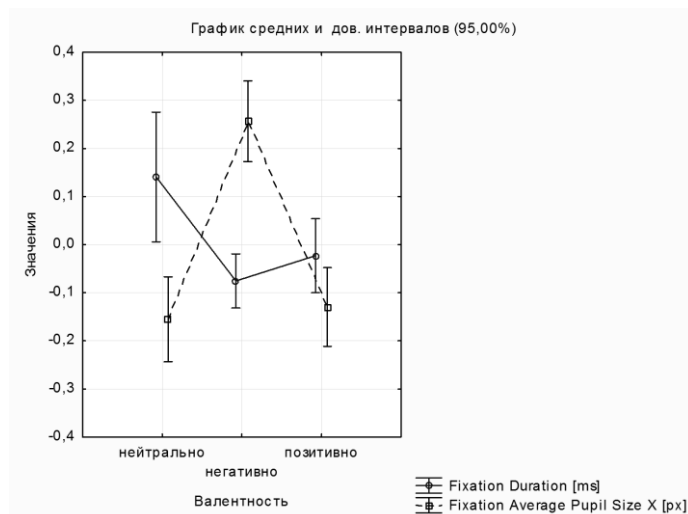

Рис. 2. Зависимость длительности фиксаций и размера зрачка от категории изображения ($p \leq 0.005$)

По результатам анализа данных обнаружены значимые эффекты, связанные с изменением длительности фиксаций и размером зрачка (рис. 2). Именно эти параметры могут быть использованы для оценки валентности изображения (и соответственно, оценки состояния испытуемого) при использовании IAPS.

В дальнейшем, планируется уточнить полученные результаты на более широкой выборке. Также видится необходимым проверка результатов на клинической выборке у людей с нарушением эмоциональной сферы, например, таким как депрессивный синдром. Полученные результаты дополняют картину знаний об аффективных процессах у человека и могут быть в дальнейшем использованы при создании искусственных когнитивных систем. При этом, полученные данные имеют перспективы применения для социальных, маркетинговых и других исследований в различных культурных, языковых и социальных средах. В качестве основного направления для дальнейшего исследования выбрано детектирование эмоций у конкретного индивида по психофизиологическим параметрам.

1. Величковский Б.М., Варганов А.В., Шевчик С.А. Системная роль когнитивных исследований в развитии конвергентных технологий // Вестник Томского университета. Когнитивные науки. – 2010. – №334.
2. Panksepp J. *Affective Neuroscience. The Foundations of Human and Animal Emotions*. Oxford University Press, 1998. – 480 p.
3. Picard R.W. *Affective Computing*. M.I.T Media Laboratory Perceptual Computing Section Technical Report No. 321. – USA: MIT Press, 1997. URL: <http://hd.media.mit.edu/tech-reports/TR-321.pdf>
4. Tavakoli H.R., Atyabi A., Rantanen A., Laukka S.J., Nefti S. Predicting the Valence of a Scene from Observers' Eye Movements // PLOS ONE. – 2015. – P. 1-19.
5. Lang M. M., Bradley P. J., Cuthbert B.N. *International affective picture system (IAPS): Affective ratings of pictures and instruction manual*, Gainesville, FL: University of Florida, 2008.
6. M. M. L. P. J. Bradley, *Handbook of Psychophysiology* (2nd Edition), New York: Cambridge University, 2006.

УДК 124.3

ИДЕЯ ЦЕЛЕВОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ БИОЛОГИИ

Сергей Владимирович Корнилов

Доктор философских наук, профессор

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

В статье ставится задача осуществить ретроспективный анализ идеи целевой детерминации в истории философии и раскрыть ее понимание в современной биологии. Проблема имеет большое значение для развития детерминистской научно-исследовательской программы. Установлены основные этапы формирования представлений о целевой регуляции в живой природе. Важное значение имеет концепция Аристотеля, как исторический этап осознания многообразия видов детерминации. В Новое время произошло радикальное изменение картины мира. В результате первой глобальной научной революции природа стала рассматриваться как гигантский механизм со сложной системой пружин и балансиров, управляемых законами классической механики. Однако, попытки полностью исключить понятие цели из учения об органической природе не увенчались успехом. Новую трактовку телеологии дает Кант. Ее суть заключается в утверждении дополнительности каузального и телеологического языков, необходимости использования противоположных понятийных аппаратов для понимания органических феноменов. В современной философии биологии популярен редукционизм, он имеет весомые аргументы, обнаруживая продуктивность своих принципов в новейших открытиях в биологии. Однако он встречает также серьезные возражения со стороны сторонников системного подхода. Современная биология и синергетика, как продукты четвертой глобальной научной революции, совершающейся в настоящее время, открыли возможности научного изучения целенаправленности и самоорганизации. Это было бы невозможно без развития идеи о целевой детерминации в истории философской мысли.

Ключевые слова: Философия биологии, телеология, редукционизм, системность.

THE IDEA OF TARGETED DETERMINATION AND THE PHILOSOPHY OF BIOLOGY

Sergey Vladimirovich Kornilov

DSc in Philosophy, professor

Immanuel Kant Baltic Federal University

The article aims to carry out a retrospective analysis of the idea of target determination in the history of philosophy and to reveal its understanding in modern biology. The problem is of great importance for the development of a deterministic research program. The main stages of the formation of ideas about target regulation in living nature are established. The concept of Aristotle is important, as a historical stage of understanding of the diversity of the types of determination. In modern times there has been a radical change in the picture of the world. As a result of the first global scientific revolution, nature began to be regarded as a giant mechanism with a complex system of springs and balancers governed by the laws of classical mechanics. However, attempts to completely eliminate the concept of the goal from the doctrine of organic nature were not crowned with success. A new interpretation of teleology is given by Kant. Its essence lies in the assertion of the complementarity of the causal and teleological languages, the necessity of using opposing devices for understanding organic

phenomena. In modern philosophy of biology reductionism is popular, it has powerful arguments, revealing the effectiveness of its principles in the latest discoveries in biology. However, he also encounters serious objections from supporters of the systemic approach. Modern biology and synergetics, as products of the fourth global scientific revolution that is taking place at the present time, have opened up the possibility of scientific study of purposefulness and self-organization. This would be impossible without the development of the idea of a target determination in the history of philosophical thought.

Keywords: Philosophy of biology, teleology, reductionism, consistency.

В рамках детерминистской научно-исследовательской программы существенное значение имеет вопрос о характере связей и отношений в органической природе. Каковы категориальные сдвиги проблемы и ее современное понимание?

В «Метафизике» Аристотелем было сформулировано знаменитое учение о четырех началах, а именно, мыслитель выделил: 1) сущность, 2) субстрат, 3) «то, откуда» и 4) «то, ради чего» [1, с. 70]. В средние века их стали называть формальной, материальной, действующей и целевой причинами. Концепция Аристотеля имеет важное значение как исторический этап осознания многообразия видов детерминации.

В Новое время произошло радикальное изменение картины мира. В результате первой глобальной научной революции природа стала рассматриваться как гигантский механизм со сложной системой пружин и балансиров, управляемых законами классической механики. Однако попытки полностью исключить понятие цели из учения об органической природе не увенчались успехом [3, с. 150].

В философии Канта телеология получила новую функцию в «Критике способности суждения» [2]. Ее назначение, с точки зрения критицизма, не в непосредственном расширении сферы нашего теоретического знания природы, но в рефлексии и эвристике, позволяющей рассматривать живые системы, как если бы они возникли в результате действия разумной причины. Суть методологической установки кантовской концепции живой природы заключается в утверждении дополнительности каузального и телеологического языков, необходимости использования противоположных понятийных аппаратов для понимания органических феноменов [7; 9; 11].

Как показывает история биологии, данная идея является плодотворной для ее развития. Вместе с тем следует учитывать, что конкретно-исторические выражения каузального и телеологического методов изучения живой природы в эпоху Канта и в настоящее время являются весьма различными. В частности, в XVIII веке каузальное представление организма воплощалось в механическую схему, однако с развитием фундаментальных отраслей естествознания механическая модель была заменена химико-динамической, затем кибернетической, а потом молекулярной. Последняя означает, что в последовательности нуклеотидов современный молекулярный биолог ищет объяснения тех или иных явлений. С методологической точки зрения, его подход является новейшей модификацией каузального метода исследования. Содержание телеологического подхода также, естественно, изменилось. В связи с этим возникает вопрос, будут ли эти два конкурирующих языка, два метода изучения живого дополнительными в современной биологии, как то предсказывала кантовская теория? Можно ли вообще ожидать, что телеологические высказывания будут переведены на нетелеологический язык или их содержание не может быть адекватно передано другим способом?

На первый взгляд, именно успехи молекулярной биологии и раскрытие механизмов наследственности позволяет сформулировать содержательное объяснение тонких механизмов онтогенеза и элиминировать телеологию из биологии. То, что ранее рассматривалось как недоступное физико-химии, стало сейчас в значительной мере описываться на ее языке. Если воспроизвести последовательность действий исследователя, направленных на объяснение, скажем, пигментации глаза, то она выглядит следующим образом. Первоначально молекулярный биолог описывает пигментацию в терминах протеиновых соединений, оптически ответственных за определенный цвет. Затем он изучает формирование этого протеина через комплексное взаимодействие энзимов и РНК в рибосомах. Его задача состоит в том, чтобы, проследив опосредующие звенья, выделить первоначальную информацию, закодированную в структуре ДНК.

Но каков будет гносеологический урок проделанного молекулярным биологом исследования? Означает ли оно, что целенаправленные явления полностью выразимы в химических терминах? Или следует сделать более осторожное заключение, что, хотя физические и химические законы входят в эксплананс объяснения биологических объектов, само по себе объяснение на их основе не будет полным?

Редукционистская позиция в понимании органических процессов остается на сегодняшний день весьма сильной позицией, которая к тому же имеет весомые аргументы, обнаруживая продуктивность своих принципов в новейших открытиях в биологии. Однако она встречает и серьезные возражения со стороны сторонников системного подхода, объединяющего ученых весьма разных ориентации, но убежденных в том, что биологические явления, хотя и могут быть анализируемы со стороны их физико-химической основы, но не могут быть сведены к последней и тем более объяснены ею. С этой точки зрения, такие явления, как биологический порядок, организация, функциональные отношения в организмах, представляют собой нередуцируемые особенности живого, коренящиеся в фундаментальном факте целенаправленности органических процессов. Высший уровень системной организации упорядочивает низшие и контролирует их.

В качестве подтверждения правомерности такой исследовательской программы служит, несомненно, то, что сторонникам противоположного взгляда не удается реализовать редукцию не только в полном объе-

ме, но и в наиболее важных моментах. Является ли это чисто временным затруднением или биологическая реальность есть не только и не просто феноменология физико-химии? Аналогия с семантическим значением («Определенное сообщение может быть передано различными наборами знаков, но знаки, взятые сами по себе, не могут быть поняты в качестве сообщения, они не могут быть отличены от простого шума» [10, p. 178]) может показать, что подобно тому, как компоненты сообщения объяснимы их ролью в сообщении (но не наоборот), так и целенаправленность, хотя она сама физически обусловлена, есть нечто отличное от составляющих ее физико-химических процессов.

Важным аспектом проблемы объяснения целесообразности является выяснение того, насколько возможно осуществить перевод телеологических высказываний на нетелеологический (каузальный) язык. Наиболее существенная разница между этими языками заключается в том, что причинные высказывания включают указание явления, которое является причиной другого, а значит, предшествует ему или происходит одновременно с ним. В то же время телеологические высказывания являются ответом на вопрос «для чего?», «с какой целью?» и т. п., иными словами содержат указания на функции, цели. Примеры таких высказываний многообразны, и в любом учебнике или исследовательской работе по биологии можно найти утверждения типа: «Функция лейкоцитов состоит в защите организма от инфекции», «Функцией жабер у рыб является дыхание». И даже более сложные: «Аминокислотные остатки в молекуле γ -глобулина расположены упорядоченно для того, чтобы этот белок обладал специфической иммунологической активностью».

В рамках логикоэмпиристской программы обоснования науки была предпринята попытка доказать, что эмпирическое содержание телеологических суждений принципиально переводимо на нетелеологический язык. Однако эта попытка ревизовать кантовскую идею о несводимости (и невыразимости) каузального и телеологического языков одного к другому не увенчалась успехом. Но одновременно в философии науки возник новый интерес к телеологии, к выяснению ее реального смысла, и это в значительной мере актуализировало постановку проблемы телеологии в критицизме.

Если бы логико-эмпиристская программа обоснования биологии была бы осуществлена, это значило бы, что не только биологические высказывания, содержащие указания на цели, можно было бы свести к нетелеологическим, но и каузальные утверждения физики можно было бы переформулировать в телеологические. Тогда, когда демонстрируют, что телеологические высказывания переводятся в нетелеологические, как правило, просто не замечают, что произошел не перевод, а замена утверждениями другого уровня [4, с. 124].

Современная биология и синергетика, как продукты четвертой глобальной научной революции, совершающейся в настоящее время, открыли возможности научного изучения целенаправленности и самоорганизации [6; 8; 12]. Это было бы невозможно без развития идеи о целевой детерминации в истории философской мысли. «Три ключевых понятия (система, организация, целостность) лежат в основе развития системного подхода в биологии, так как все биологические объекты являются целостными организованными системами» [5, с. 204]. Понятие цели было реабилитировано в науке и приобрело конкретные характеристики. Это проявилось, в частности, в тех физиологических теориях, которые вводят в свои концептуальные схемы в той или иной форме прогнозируемые результаты действий. Информационная модель результата действия, согласно этим представлениям, складывается до совершения самого действия и управляет его осуществлением. Так что можно утверждать, что с развитием неклассических теорий в современной биологии происходит приближение к раскрытию фундаментальных законов организации и функционирования живых систем.

Литература

1. Аристотель. Метафизика 1 3, 983a // Соч.: В 4-х т. – М.: Мысль, 1976. – Т. – 550 с.
2. Кант И. Критика способности суждения // Соч.: В 6-ти т. М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – 560 с.
3. Корнилов С.В. Первая глобальная научная революция и формирование предметной реальности биологии XVII – XVIII в. // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2015. – Т. 43. – № 1. – С. 149–161.
4. Корнилов С.В. Кант и биология. Анализ телеологической способности суждения. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 145 с.
5. Лисеев И.К. Философия. Биология. Культура. – М.: ИФРАН, 2011. – 315 с.
6. Малиновский А.А. Тектология. Тория систем. Теоретическая биология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 446 с.
7. Разеев Д.Н. Телеология И. Канта. – СПб.: Наука, 2010 – 310 с.
8. Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. – М.: Логос, 2002. – 278 с.
9. Butts R. Kant and the Double-Government Methodology. – Dordrecht: Riedel, 1984. – 274 p.
10. Green M. The Understanding of Nature. Essays in the Philosophy of Biology. – Dordrecht-Boston: Springer, 1974. – 379 p.
11. McFarland J. D. Kant's Concept of Teleology. – Edinburg: Edinburg University Press, 1970 – 254 p.
12. *Philosophy, Biology and Life* / Ed. by Anthony O'Hear. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. – VIII. – 327 p.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ И ЦИКЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Елена Аркадьевна Мамчур

Доктор философских наук, профессор

Институт философии Российской академии наук

Показано, что развитие естественнонаучного знания не может быть реконструировано в терминах эволюционной модели, поскольку неотъемлемым элементом развития науки выступают научные революции, нарушающие постепенное развитие знания. В отличие от менее значительных изменений в содержании знания, революции требуют постановки вопроса о преемственности между последовательно сменяющимися друг друга парадигмами. Обоснована несостоятельность куновской концепции несоизмеримости разделенных научными революциями парадигм. Показано, что модель развития науки, предложенная Куном, сложилась не без влияния циклической модели развития культуры. Ошибка Куна состояла в том, что он использовал модель, сформулированную для далеко отстоящих друг от друга во временном отношении культур, для моделирования развития теоретических парадигм, существующих в рамках одной, новоевропейской культуры. В противовес модели несоизмеримости автором выдвинуто предположение о существовании в науке «Принципа максимального наследования», представляющего собой объективно существующую в науке тенденцию сохранять все, что можно сохранить [6]. Дополненная элементами эволюционизма циклическая модель Куна становится применимой и для сравнения научных парадигм, существующих в рамках одной и той же культуры.

Ключевые слова: эволюционная модель, циклическая модель, несоизмеримость, культура, теоретическая парадигма, кумулятивизм, принцип максимального наследования.

EVOLUTIONARY AND CYCLIC MODELS OF DEVELOPMENT OF NATURAL SCIENCES

Elena Arkadevna Mamchur

DSc in Philosophy, professor,

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Natural science development cannot be reconstructed from the standpoint of evolutionism, since it undergoes scientific revolutions. By contrast with minor changes in routine development of scientific knowledge, revolutions basically put under question the idea of inheritance between the replacing each other paradigms. Kuhn's conception of incommensurability between sequential paradigms separated by revolutions has failed, because scientific development model he suggests has been shaped not without influence of the cyclic model of the culture development. Kuhn's mistake was that he employed the model working for remote cultures to create his own model of sequential paradigms within one and the same Neo-European culture. As an alternative to Kuhn's conception of incommensurability, the author launches the idea of the existence in scientific knowledge of a "Principle of "maximum inheritance" i.e., objectively existing tendency to save everything worth saving. Enriched by certain elements of evolutionism Kuhn's cyclic model became also applicable for the comparison of theoretical paradigms within the one and the same culture.

Keywords: evolutionism, scientific revolution, paradigm, cyclic model, incommensurability, tendency of maximum inheritance.

До 60-х гг. прошлого века приоритетной являлась эволюционная модель развития науки. Ее отстаивал позитивизм. Эта модель предполагала ряд особенностей, являющихся для нее обязательными: однолинейность развития; его однонаправленность – развитие идет от простого к сложному; его непрерывность – существование общей, единой истории для всех стадий развития. Но самое главное – эволюционизм утверждал, что любая новая форма происходит из предшествующей, вырастает из нее. «Теория эволюции в приложении к культуре так же проста, как та же теория в приложении к биологическим организмам: одна форма вырастает из другой», – утверждал известный специалист по культурной антропологии Лесли Уайт [4, с. 538].

Эволюционная парадигма в истолковании истории научного знания ассоциировалась с кумулятивизмом. Считалось, что в каждой научной дисциплине существует некий единый корпус знания; каждый новый факт или теория вносят свой вклад в систему знания, и знание «растет». Предполагалось, что наука развивается от простого к сложному, от менее адекватного действительности содержания знания к более адекватному, и ее развитие носит однонаправленный характер.

В 60-х гг. прошлого века такие представления подверглись сомнению. Постпозитивистские критики

концепции кумулятивизма справедливо указывали на то, что плавный и постепенный характер развития знания прерывается научными революциями. Не все изменения в системе научного знания считались революциями. Революционными полагались лишь те, которые вынуждали ставить вопрос о преемственности в познании, о восстановлении традиции. Такие изменения в физическом познании произошли в связи с появлением релятивистской физики, которая «вытеснила» классическую электродинамику из мира больших скоростей, а также квантовой механики, «вытеснившей» классическую физику из области микромира. На реализацию третьей революции, опять-таки «вытеснившую» классическую термодинамику из мира открытых термодинамических систем претендуют творцы синергетики.

С точки зрения наиболее радикальных критиков кумулятивизма (Т.Кун, К.Поппер, П.Фейерабенд и др. представителей постпозитивистской философии науки) в процессе научных революций происходит тотальная смена научных парадигм. Меняется все: смысл понятий, общих для старой и новой парадигмы; язык наблюдения (эмпирический базис теорий); критерии оценки и принятия теорий и даже система ценностей сообщества ученых. Это предположение позволяло сторонникам радикального антикумулятивизма говорить о несоизмеримости последовательно сменяющих друг друга парадигм; об отсутствии преемственности между ними; а также о невозможности сделать выбор между конкурирующими парадигмами с помощью рациональных доводов и научных критериев. С позиции Куна причины смены парадигм не следует искать ни в появлении новых экспериментальных фактов, не укладывающихся в существующую парадигму; ни в обнаруживающемся несоответствии теории тем или иным методологическим стандартам. Ее вообще не стоит искать среди когнитивных факторов: она лежит в сфере социального, точнее социо-психологического, контекста развития науки. Для того, чтобы новая парадигма была принята научным сообществом, утверждал Кун, должно было произойти переключение гештальта (нужно было «вместо утки увидеть кролика» – говорил Кун).

Переходя к языку и образам науки можно сказать, что нужно было вместо пронизанного тончайшим эфиром универсума «увидеть» мир, в котором никакого эфира нет, пространство неразрывно связано с материей, а пространственные промежутки при скоростях, соизмеримых со световой, сокращаются в направлении движения. Это в случае перехода от классической механики к релятивистской физике. При переходе от классической теории тяготения к ОТО нужно было отбросить как ограниченные в своей сфере действия представления о мире как обладающем евклидовой метрикой, в котором действуют силы тяготения, и «увидеть» пространственно-временное многообразие, обладающее римановой метрикой. В этом мире нет гравитационных сил, а есть лишь искривление пространственно-временного континуума, выполняющее функцию сил гравитации.

В качестве более адекватной реальному положению дел в науке пост-позитивисты предложили циклическую модель, аналогичную тем, которые выдвигались при реконструкции процесса развития человеческой истории такими авторами как О. Шпенглер, Н. Данилевский, А. Тойнби, Л. Гумилев. Недаром существует мнение, что Кун и его сторонники находились под сильным влиянием книги О. Шпенглера «Закат Европы» [5].

Концепция Куна подвергалась критике и в зарубежной, и в отечественной философии науки. В отечественной философии была сделана попытка показать, что, несмотря на изменения, совершающиеся в научном познании, здесь действует «Принцип максимального наследования». Его суть – в объективно существующей тенденции сохранять все, что можно сохранить, несмотря на действительно совершающиеся радикальные изменения [6]. Было показано, что преемственность в научном познании существует, что концепция несоизмеримости последовательно сменяющих друг друга парадигм, не соответствует положению дел в реальном познании. Преемственность осуществляется на трех уровнях: уровне математического аппарата сменяющих друг друга парадигм (принцип соответствия); фактуальном уровне и уровне мировоззренческого и, если угодно, обыденного смысла понятий. В каждом теоретическом понятии помимо контекстуального смысла, который определяется контекстом теории и изменяется при изменении этого контекста, существует мировоззренческая компонента, идущая от картины мира и от того смысла, которое оно имеет в обыденном языке. Этот смысл сохраняется и остается неизменным, несмотря на радикальные изменения, которые претерпевает теоретическое знание при смене научных парадигм.

Ошибка Т. Куна состояла в том, что он пытался применять циклическую модель к близким во временном отношении этапам развития научного знания. Он использовал ее при реконструкции процессов смены парадигм, функционирующих и сменяющих друг друга в рамках одной, новоевропейской культуры. Неадекватный выбор объекта приложения циклической модели был одной из причин неприятия рационалистически мыслящими философами концепции развития науки, предложенной Куном. В большей степени модель типа шпенглеровской применима тогда, когда речь заходит о весьма далеко отстоящих друг от друга во временном, отношении этапах развития научного знания; когда объектом рассмотрения оказывается знание, зарождающееся и функционирующее в разных культурах – античной, средневековой, новоевропейской (как это и было у Шпенглера). Здесь действительно можно вести речь об относительно самостоятельных и в определенной степени замкнутых циклах.

Тем не менее, вопреки релятивистам, циклы и для далеко отстоящих друг от друга во временном отношении культур не являются полностью изолированными и оторванными друг от друга. Между различными этапами развития науки, как бы ни отличались породившие их культуры, существует преемственность. На уровне второго мира Поппера эта преемственность носит коммуникативный характер. Ее реализуют ученые, читая и изучая работы своих часто весьма далеких предшественников. Коперник был знаком с работа-

ми не только Птолемея, что весьма понятно и объяснимо, но и с работами древнегреческих философов, а также средневековых ученых. Выражаясь фигурально, Коперник, его близкий друг Ретик, глубоко проникший в суть концепции Коперника и сделавшийся ярым ее сторонником, работавший почти столетие спустя Галилей, беззаветно и бесстрашно отстаивавший справедливость гелиоцентрической системы и многие другие философы, ученые и даже теологи образовывали «общность», настроение и эмоции которой по отношению к идее гелиоцентризма были противоположны тому настроению, которое разделяли все те, кто поддерживал геоцентризм.

Перейдя с деятельностного уровня (второй мир Поппера) на уровень функционирования и развития научных идей и погрузившись, таким образом, в «третий мир» Поппера, можно увидеть, что и в познании, взятом в его историческом развитии, в качестве эпифеномена творческой деятельности ученых осуществляется та же тенденция «максимального наследования», которую мы зафиксировали, анализируя второй мир Поппера.

В самом деле, концепция несоизмеримости парадигм не учитывает того, что как раз цели, которые ставил перед наукой Аристотель, соответствовали тем, которые ставились позднее в новоевропейской науке. Так, формулируя цель научного познания, Аристотель писал: «В познании следует продвигаться от «более явного и понятного для нас к более явному и понятному по природе» [1, 61].

Наследуются предмет исследования и существующие проблемы. Физика Галилея наследовала предмет изучения аристотелевской физики – движение тел, его законы, его причины. Галилея волновали и проблемы свободного падения тел, и вопрос о легитимности аристотелевского понятия «места», и проблемы гомогенного геометрического пространства, и вопрос о существовании пустоты. Наследуются факты, являющиеся результатами наблюдений. Например, физика Нового времени оперировала шарообразностью Земли как совершенно достоверным и соответствующим действительности фактом. Этот факт приобрел статус научного именно в аристотелевской физике. Аристотель приводит аргументы в пользу мнения о шарообразности Земли. «Форма Земли должна быть шарообразной... и потому, что все тяжелые тела падают под разными углами к касательной, а не параллельно друг другу, что естественно, если они движутся к шарообразному по своей природе телу» [2, 339]. Другим аргументом явилось то, что при лунных затмениях, причиной которых является заслоняющая Луну Земля, форма тени всегда округлая, дугообразная [3, 339-340].

Система мира Птолемея в целом оказалась не соответствующей действительности. Но, создавая ее, Птолемей накопил огромное число данных астрономических наблюдений. Это были и наблюдения за движениями планет, и наблюдения неподвижных звезд. Птолемей существенно обогатил и дополнил составленный за две с половиной тысячи лет до него Гиппархом каталог неподвижных звезд. Этот каталог являлся основой для отсчета положений небесных тел, движущихся относительно неподвижных звезд. Верно, что Коперник перевернул систему мира Птолемея, поставив в центр мира Солнце и сделав Землю рядовой планетой. Но если бы не было системы мира Птолемея, то и переворачивать было бы нечего.

Продолжая исследовать моменты преемственности между физикой античности и наукой Нового времени, отметим, что мы уже не думаем, что атомы имеют крючки и петельки, как думали Левкипп и Демокрит, так же как не думаем, что они ведут себя как герои античной трагедии. Все это ушло в прошлое и стало достоянием только истории науки. Но нечто осталось непреходящим, оно было ассимилировано более поздними этапами развития науки и навсегда вошло в систему научного знания. Речь идет об идее атома.

Оказались забытыми такие особенности древнегреческой математики, как идея эйдоса – вида числа; идея гномона; истолкования единицы не как нечетного числа, а как четно-нечетное начало числового ряда и т.д. В настоящее время они представляют интерес только для историка науки. Но более поздними этапами развития математики были унаследованы идеи числового ряда, натуральных чисел, четности и нечетности чисел. Все они прекрасно работают и в современной математике.

Таким образом, на вопрос о том, какова наиболее адекватная модель исторического развития научного знания, если ее предложить взамен модели несоизмеримости, мы можем ответить: она, несомненно, циклична по своему характеру, поскольку в процессе научных революций наступает разрыв постепенности и встает проблема преемственности знаний. Тем не менее, в отличие от куновской модели эти циклы не являются замкнутыми и изолированными, и мы можем с известной долей осторожности говорить, что научное знание последующей парадигмы «вырастает» из предыдущей. Дополненная и другими элементами эволюционизма (такими как тенденция максимального наследования) циклическая модель Куна становится применимой и для сравнения научных парадигм, существующих в рамках одной и той же культуры.

Литература

1. Аристотель. Физика. Сочинения в четырех томах. Т. 3. — М.: Мысль, 1981. — 550 с. — С. 59-262.
2. Аристотель. О небе. Сочинения в четырех томах. Т. 3. — М.: Мысль, 1981. — 550 с. — С. 263-378.
3. Уайт Л.Э. Концепция эволюции в культурной антропологии / пер. М.В.Тростникова // Антология исследований культуры. — СПб: Университетская книга, 1997. — Т.1. — С. 536-558.
4. Шпенглер О. Закат Европы / пер. Н.Ф. Гарелина. — М.-Пг.: Издательство Л.Д. Франкель, 1923. — Ч. 1. — 467 с.
5. Mamchur E. The Principle of “Maximum Inheritance” and the Growths of Scientific Knowledge // Ratio. — 1985. — Vol. XXVII. — № 1. — P. 37-48.

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ И «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Игорь Феликсович Михайлов

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук*

Автор ставит своей целью сравнить онтологии сознания в философии, которая пока сохраняет приоритет в этой области, и в бурно развивающемся комплексе когнитивных наук, с тем чтобы определить перспективы дальнейшей интеграции наук о человеке. В статье прослеживаются основные идеи, лежащие в основе ИИ и когнитивных наук, начиная с Томаса Гоббса и Чарльза Бэббиджа. Метафора «вычислений» формировала классические познавательные исследования, но появилась сетевая парадигма с ее собственной долгой историей и породила коннекционизм. Обсуждая когнитивные онтологии сознания, автор останавливается на компьютерно-коннекционистском, коннекционистском и «воплощённом» подходах. Учитывая наметившиеся тенденции к интеграции когнитивных наук с социальными, основанными на сетевом подходе, в статье делается предположение, что коннекционизм, также основанный на сетевой онтологии сознания, имеет лучшие перспективы.

Ключевые слова: онтология, сознание, философия, когнитивные науки, коннекционизм.

COGNITIVE SCIENCES AND «ARTIFICIAL INTELLIGENCE» IN THE HISTORICAL PERSPECTIVE

Igor Feliksovich Mikhailov

*PhD of Philosophy, Senior Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

The author aims to compare the ontology of consciousness in philosophy, which so far retains a priority in this field, and in the rapidly developing cluster of cognitive sciences, in order to determine the prospects for further integration of human sciences. The paper traces principal ideas underlying the AI and cognitive sciences back to Thomas Hobbes and Charles Babbage. The metaphor of 'computation' shaped classical cognitive research, but the network paradigm with its own long history came in and gave birth to connectionism. Discussing the cognitive ontologies of consciousness, the author dwells on the computer-based, connectionist and 'embodied' approaches. Given the emerging trends in the integration of cognitive sciences with social ones based on a network approach, the paper makes the assumption that connectionism has better prospects. It is important that the latter is construed not as another computation architecture, but as a principal shift in ontological metaphors underlying our understanding of consciousness.

Keywords: ontology, consciousness, philosophy, cognitive sciences, connectionism.

Идеи, готовившие «когнитивную революцию» в психологии, лингвистике, философии и приведшие к появлению теории искусственного интеллекта (ИИ), появились задолго до её начала. Ещё в XVII веке, Томас Гоббс написал в «Лаокооне»: «Рассуждения есть расчёт». В 1830-е гг. Чарльз Бэббидж высказал идею универсальной автоматической вычислительной машины. В 1936 г. Алан Тьюринг писал, что открываются возможности изобретения одной универсальной машины, которую можно использовать для вычисления любой вычислимой последовательности [6, р. 1936].

Развитие собственно когнитивных наук началось в середине XX века в качестве ответа на засилье бихевиоризма в психологии. В 1976 г. Ньюэлл и Саймон выдвинули гипотезу «физической символической системы» как машины, которая развивает во времени некий набор символических структур. «Такая машина (будь то человек или цифровой компьютер) имеет необходимые и достаточные условия для общей разумной деятельности» [3, р. 116]. Один из классиков символической парадигмы в когнитивной науке Зенон Пилишин писал в 1984 г.: «Люди способны... действовать на основе репрезентаций, потому что они физически формируют такие репрезентации как когнитивные коды, и потому что их поведение является каузальным следствием операций, произведённых на основе этих кодов. Поскольку это именно то, что делают компьютеры, отсюда следует, что познание является разновидностью вычисления» [4, р. xiii].

Однако в истории науки параллельно развивался другой подход к структурированию материальных объектов. Этот подход я бы назвал сетевой парадигмой. В 1736 г. Леонард Эйлер решил задачу о семи кенигсбергских мостах. В результате родилась математическая теория графов, которая до сих пор является основным математическим инструментом для анализа сетевых структур. В дальнейшем методы исследования сетей находили себе дорогу и в социальной науке. В 1973 г. Марк Грановеттер опубликовал знаменитую статью «Сила слабых связей» [Granovetter 1973]. В этой статье он пытался найти теоретический мостик между

социологическими теориями низшего и высшего уровня. Таким связующим звеном, по мысли автора, должна стать теория, согласно которой социальные воздействия лучше всего распространяются и приводят к более существенным результатам, будучи транслируемы по так называемым слабым сетевым связям, в отличие от сильных — например, семейных — связей. Он писал: «В этой статье я буду доказывать, что анализ процессов в межличностных сетях составляет наиболее плодотворный мостик между микро- и макроуровнем. Тем или иным способом, именно через эти сети малые взаимодействия транслируются в более масштабные паттерны, которые, в свою очередь, влияют на малые группы» [2, p. 1360]. Интересно в этой связи то, что Грановеттер для построения теории использовал методологию и математический аппарат, применяемый для анализа сетевых связей, заложив, по мнению многих, основы социологии социальных сетей.

В качестве параллельного процесса можно рассмотреть историю создания искусственных нейронных сетей. В наше время устройства на основе искусственных нейронных сетей играют большую роль в распознавании образов и речи, а также в робототехнике. Работа в этом направлении началась с того, что в 1958 г. Фрэнк Розенблатт создал машину под названием «Перцептрон». Эта машина своей архитектурой имитировала человеческий мозг. Марвин Минский и Сеймур Пейперт в 1969 г. доказали ограниченность этого устройства. И только в 1980-е годы, с прогрессом технологий, начался ренессанс искусственных нейронных сетей, что было связано с задачами обороны, а также с ростом интереса к экспертным системам. С появлением нанотехнологий ожидается дальнейший прогресс в этой области.

В середине 1980-х гг. появляется коннекционизм как направление в когнитивной науке, альтернативное символизму и компьютеризации. В рамках этого подхода предполагается, что когнитивные явления можно объяснить с помощью набора общих принципов обработки информации, известной как параллельные распределенные вычисления (PDP) [5]. Коннекционизм — это рабочая рамка для изучения когнитивных явлений с использованием архитектуры простых процессоров, соединенных между собой с помощью взвешенных связей. Согласно этой модели, каждый нейрон получает множество входящих сигналов от других нейронов, интегрируя сигналы путем вычисления взвешенной суммы активации. На полученной величине некоторая пороговая функция определяет уровень исходящей активации нейрона, которая распространяется на последующие нейроны.

Важным элементом коннекционистских моделей является алгоритм обратного распространения ошибки (backpropagation of error), который может быть использован для контролируемого обучения многослойной сети. Он вычисляет ошибку на выходе, то есть разность между фактическим выводом сети и желаемыми данными. Далее он посылает сигналы ошибки в обратном направлении. Эти сигналы ошибки используются для определения изменений веса, необходимых для достижения минимизации ошибки вывода в дальнейшем. Результаты экспериментов с коннекционистскими когнитивными моделями характеризуются большей психологической реалистичностью по сравнению с классическими символическими моделями.

Поскольку история когнитивных наук тесно переплетена с историей исследований в области ИИ, обзор идей и направлений в последней, представленный в [1], может помочь разобраться в недавних и продолжающихся дискуссиях. Автор отталкивается от наиболее широко распространённой классификации направлений в когнитивных исследованиях, где выделяются символический, коннекционистский и «вплощённый» (situated) подходы. Однако он предлагает более детальную классификацию, в которой выделяет такие группы подходов как (1) символический, (2) основанный на «грубой силе», (3) основанный на знаниях, (4) прецедентный, (5) креативный, (6) биокомпьютерный, (7) динамический и (8) «вплощённый».

Первая группа (1) содержит разновидности традиционного символизма, известного также в литературе как классицизм или компьютеризация. Подход со стороны того, что автор называет «грубой силой» (2), ярче всего воплощён в шахматных компьютерах типа Deep Blue. По его мнению, программы, соревнующиеся с шахматистами начиная с 1950-х годов, построены по принципу простого поиска, т.е., быстрого перебора возможных сценариев выхода из данного положения, в сочетании с функцией, отсекающей неблагоприятные варианты. Под «грубой силой» подразумевается ставка на решительное повышение вычислительной мощности, которая в рамках данного подхода оказывается главной гарантией «интеллектуальности».

В тексте выдвигается возражение против такого понимания природы когнитивности: согласно данным психологов новички в шахматах и мастера игры видят доску по-разному. Первые — как ансамбль отдельных фигур, вторые — как сочетания кластеров, на которые распадаются возможные решения [1, p. 209]. Соответственно, типичная компьютерная программа, играющая в шахматы, по когнитивной стратегии ближе к новичку и, если и выигрывает у гроссмейстера, то только за счёт скорости и объёма вычислений.

Подход, основанный на знаниях (3), равно как и прецедентный (4), стремится к большему психологическому реализму. Исходя из того, что интеллектуальные процессы человека погружены в некий массив изначальных знаний о мире, сторонники этой теории ИИ исходят из того, что мыслящую машину нужно сначала «кормить знаниями с ложки», пока она не научится добывать их сама [1, p. 211]. Примерно так же должна поступать машина и согласно прецедентному подходу: она должна всякую новую ситуацию «видеть как» старую. В качестве технологических решений предлагаются «концептуальная зависимость» — подкладка концептуально-образной схемы мира под интеллектуальные процедуры — и «сценарии» (scripts) — наборы неких типичных операций по обработке информации, запускаемых при получении данных определённого рода.

Попытки моделировать творческую природу человеческого интеллекта (5) сводятся к действиям по аналогии и перекомбинированию известных паттернов — последнее используется в машинной имитации музыкальных стилей великих композиторов.

Под биокомпьютерным подходом (6) автор подразумевает, прежде всего, коннекционизм и, затем, «генетические алгоритмы». О коннекционизме автор справедливо говорит, что «распределённый характер репрезентаций в коннекционистских моделях допускает обучение и появление нового поведения» [1, р. 219]. И это при том, что коннекционистским сетям нужен не программист, а, скорее, тренер.

Динамический (7) подход и подход в рамках воплощённого (8) интеллекта я также объединил бы в одно семейство. Первый предполагает описание когнитивной деятельности в терминах «пространства» состояний системы, определяемых переменными, зависимыми от времени. Следствием такого подхода становится замена теоретического языка, связанного с вычислениями и репрезентациями, языком, связанным с геометрией и динамическими состояниями. Обобщая, можно было бы сказать, что в динамических объяснениях возрастает роль математики за счёт роли логики.

«Воплощённый» (situated) подход отказывается от классицистского понимания интеллекта как абстрактного, индивидуального, рационального и оторванного от восприятия и действия, противопоставляя этому понимание его как отелеснённого (embodied), встроенного (embedded) и распределённого (distributed). Иными словами, когнитивные процессы протекают не в мозге, а между мозгом, остальным телом и средой. Классицистские подходы в ИИ пытаются создать искусственного эксперта или искусственного физика, тогда как начинать следовало бы с уровня «интеллигентности» насекомых, с тем чтобы на основе этих работающих моделей перейти к воссозданию языка и абстрактного мышления. Научиться завязывать шнурки машине труднее, чем научиться решать математические задачи или играть в шахматы, а ведь эволюции понадобились миллиарды лет для появления чувствительности и мобильности и только миллионы лет для выработки собственно человеческих способностей.

Я объединил последние два подхода в одну группу, поскольку, во-первых, у меня нет существенных возражений против их основных позиций. Во-вторых, я не нахожу в их принципах никаких противоречий с основами коннекционизма, что предполагает принципиальную совместимость всех трёх подходов. Их роднит:

- 1) принципиально антиклассицистская позиция — отказ от метафоры вычислений, возвращение к доброй старой каузальности;
- 2) поворот от логики к математике;
- 3) признание существенной роли биологической определённости человека в формировании его интеллектуальных качеств.

На мой взгляд, синтез этих трёх подходов имеет шанс составить наиболее перспективное направление в когнитивной науке и ИИ. Однако влияние динамического подхода на коннекционизм должно, как мне представляется, привести последний к отказу от понятия репрезентации. И тогда коннекционизм может быть понят не просто как ещё одна вычислительная архитектура, а как направление, которое предполагает принципиальный сдвиг в онтологических метафорах, лежащих в основе нашего понимания сознания.

Литература

1. Ekbia H.R. Fifty years of research in artificial intelligence // Annual Review of Information Science and Technology. – 2010. – Vol. 44. – Issue 1. – P. 201-242.
2. Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. – 1973. – № 78(6). – P. 1360-1380.
3. Newell A., Simon H.A. Computer science as empirical inquiry // Communications of the ACM. – 1976. – №19 (3). – P. 113–126.
4. Pylyshyn Z.W. Computation and cognition: Toward a foundation for cognitive science. – Cambridge, MA: MIT Press, 1984. – 320 p.
5. Rumelhart D.E., McClelland J.L. Parallel Distributed Processing: Explorations in the microstructure of cognition. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986. – 567 p.
6. Turing A.M. On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society. – 1936. – Vol. 2(42). – P. 230–265.

УДК 612.821

ФЛОАТИНГ-ТЕРАПИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД КОРРЕКЦИИ СТРЕССОВЫХ СОСТОЯНИЙ

Оксана Михайловна Силантьева

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Анна Валерьевна Полевая

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Работа посвящена анализу влияния флоатинг-терапии на коррекцию стрессовых состояний. Стрессу подвержен любой человек вне зависимости от занимаемой им должности, поло-

жения в обществе и материального достатка. Напряженный ритм жизни, социальные и финансовые сложности, нехватка времени и постоянная спешка – все это в той или иной степени отражается на психоэмоциональном состоянии современного человека. Стресс многолик в своих проявлениях. Он может спровоцировать начало практически любого заболевания. В связи с этим в настоящее время растет потребность в расширении наших знаний о стрессе и способах его предотвращения и преодоления. В ходе реализации экспериментальных исследований был разработан комплекс методов для определения оценки стрессовых состояний, уровня тревожности, стрессоустойчивости, а так же уровня эмоциональной дезадаптации с применением психофизиологических и субъективных подходов, что позволило более точно определить функциональное состояние испытуемых. В исследовании приняли участие 35 добровольцев разного пола, в возрасте 21-66 лет. Для инструментальной оценки психофизиологического состояния в процессе эксперимента у испытуемых проводилась регистрация и последующий анализ variability сердечного ритма. Выявлено, что флоатинг может влиять на снижение стрессовых состояний и способствовать восстановлению жизненного потенциала человека за короткий период времени. Полученные данные вносят существенный вклад в дальнейшее развитие методов коррекции стрессовых состояний, а полученные результаты призваны помочь в определении эффективного протокола использования флоатинг-терапии в целях восстановления здоровья и когнитивных способностей у населения.

Ключевые слова: стрессовые состояния, флоатинг-терапия, коррекция состояния.

FLOATING THERAPY AS AN EFFECTIVE METHOD OF CORRECTION OF STRESS STATES

Oksana Mihalovna Silanteva

Graduate student

Lobachevskiy State University

Anna Valerievna Polevaia

Graduate student

Lobachevskiy State University

The following article represents the analysis of the effectiveness of floatation therapy for correction of stress. Everyone is exposed to stress, regardless of their position, position in society, and wealth. The intense rhythm of life, social and financial difficulties, lack of time and constant rush, take their toll on the psycho-emotional state of a person. Stress is a starting factor for many diseases and is closely related to cardiovascular diseases. Therefore, there is a growing need to expand our knowledge of stress, and to find efficient ways to prevent and overcome it. Herewith we discuss the experimental studies, where we propose a method for stress level, anxiety level, and the level of emotional disadaptation assessment with the use of psychophysiological and subjective approaches. The study involved 35 male and female volunteers, aged 21-66 years. For the instrumental evaluation of the psychophysiological state during the experiment, the subjects underwent registration and subsequent analysis of heart rate variability. For subjective analysis of the anxiety level, the emotional disadaptation test was used. It has been revealed that floatation can influence the reduction of stressful conditions and contribute to the restoration of the life potential of a person in a short period of time. The data obtained will make a significant contribution to the further development of methods for correcting stressful conditions, and the results are intended to help in determining an effective protocol for the use of floatation therapy in order to restore health and cognitive abilities in the population.

Keywords: stress, floatation tank therapy, float rehabilitation.

Концепция стресса впервые была сформулирована в 1936 г. канадским физиологом Гансом Селье [6]. Концепция Ганса Селье оказала большое влияние на различные направления науки о человеке — медицину, психологию, социологию и другие области знаний. Предпосылкой возникновения и широкого распространения учения о стрессе можно считать возросшую актуальность проблемы защиты человека от воздействия неблагоприятных факторов внешней среды. Сегодня представители самых разных научных дисциплин весьма интенсивно исследуют стресс и его значение для больного и здорового человека. В зависимости от индивидуальных особенностей и типа нервной системы, каждый человек по-своему приспосабливается к напряженным условиям жизни. Есть люди, для которых постоянная спешка является привычным и комфортным состоянием, а некоторые буквально изнемогают от современного темпа, вследствие от постоянных стрессов, зарабатывают болезнь, называемую синдромом хронической усталости. Симптомы этого заболевания очень напоминают проявления СПИДа: быстрая утомляемость, слабость по утрам, «песок» в глазах, частые головные боли, бессонница, конфликтность, склонность к одиночеству. Адаптационные возможности организма человека очень высоки, но не беспредельны. Причем уровень адаптации у каждого человека индивидуален. Согласно трехкомпонентной теории экстремальных состояний, стресс – это неспецифическая защитная системная редуцированная реакция организма на повреждения или угрозу повреждений [1].

Цель исследования состояло в выявлении влияния процедур флоатинга на функциональное состояние человека.

Экспериментальная схема была выстроена следующим образом. Перед сеансом испытуемый сидит в течение 5 минут, ведется регистрация сердечного ритма. Затем испытуемый встает на 3 минуты, в течение этого времени заполняется тест УЭД. В течение сеанса (30-40 минут) ведется регистрация сердечного ритма. После сеанса испытуемый сидит в течение 5 минут, ведется регистрация сердечного ритма. Затем испытуемый встает на 3 минуты, в течение этого времени заполняется тест УЭД. До начала первой процедуры клиент заполнял анкеты психологических методик.

В исследовании приняли участие 35 добровольцев разного пола, в возрасте 21-66 лет. Количество пройденных сеансов флоатинг-терапии: 2-5.

Непрерывное измерение кардиосигнала производилось посредством телеметрической системы регистрации сердечного ритма. Для математической обработки ритмограмм (РГ) использованы методы спектрального анализа: периодограммный метод, динамический спектральный анализ, непрерывное вейвлет преобразование, периодограмма Ломба-Скаргла, и статистические методы. Интерпретация получаемых показателей основывалась на двухконтурной модели регуляции сердечного ритма (В. Парин, Баевский).

При использовании периодограммного метода, согласно принятым рекомендациям и стандартам, оценивались следующие характеристики ВСР: TP (мс²), выражает суммарную мощность спектра; LF выражает мощность спектра в диапазоне низких частот (0,04-0,15 Гц) для отражения активности симпатического звена в регуляции сердечного ритма; HF или мощность спектра в диапазоне высоких частот (0,15-0,6 Гц) для выражения активности парасимпатического звена в регуляции сердечного ритма; соотношение LF/HF (коэффициент вегетативного баланса), который отражает тонус вегетативной нервной системы. Идентификация стресс-эпизодов проводилась по методике, описанной в статьях.

Эмоциональное состояние оценивалось с помощью компьютеризированной версии проективно-вербальной методики «Способ оценки эмоционального состояния человека» (патент РФ RU 2291720 C1, Григорьева В.Н.) – УЭД [2].

Тест Спилбергера-Ханина — это методика, которая позволяет дифференцированно измерять тревожность и как личностное свойство и как состояние, связанное с текущей ситуацией. Реактивная (ситуативная) тревожность характеризует состояние человека в данный момент времени, которое характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью в данной конкретной обстановке. Это состояние возникает как эмоциональная реакция на экстремальную или стрессовую ситуацию, может быть разным по интенсивности и динамичным во времени.

Шкала социальной адаптации Холмса и Раге - Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации. Методика представляет собой психометрическую шкалу самооценки актуального уровня стресса в течение последнего года. Методика позволяет определить насколько истощены силы организма.

Если говорить о самом первом сеансе, то было получено, что количество стресс-эпизодов возрастает в момент нахождения в камере ($T=65.5$; $p<0.01$). До и после сеанса данное количество снижается ($T=62$; $p<0.001$). После нахождения в камере значительно возрастает значение общей мощности сердечного ритма ($T=125$; $p<0.05$), что говорит о сильном повышении адаптационных ресурсов организма уже после первого сеанса флоатинг-терапии. Также сильно снижается уровень эмоциональной дезадаптации после сеанса ($T=1$; $p<0,001$). В течение сеанса наблюдается сильное снижение индекса вегетативного баланса ($T=4.61$; $p<0,001$), что свидетельствует о снижении активности симпатического контура регуляции, а, следовательно – о снижении напряжения.

Наблюдалась та же динамика в отношении количества стресс-эпизодов в течение второго сеанса. Общая мощность сердечного ритма на этот раз возросла после сеанса не только относительно времени в камере, но и относительно исходного состояния ($T=1$; $p<0.001$).

После третьего и четвертого сеанса наблюдалось возрастание общей мощности, что свидетельствует о возрастании активности центрального и автономного контуров регуляции сердечного ритма. Значительно снижается уровень эмоциональной дезадаптации. В течение времени нахождения в камере снижается преобладание симпатического контура регуляции.

Для оценки связи психологических (тревожность, эмоциональная дезадаптация, стрессоустойчивость) и физиологических показателей использовался корреляционный анализ. Было получено, что количество стрессов, зарегистрированное в течение времени перед сеансом связано с уровнем эмоциональной дезадаптации ($R=0.4512$; $p<0.05$) и ситуативной тревожностью после сеанса ($R=0.5232$; $p<0.05$), а у менее стрессоустойчивых людей после сеанса наблюдается повышение общей мощности сердечного ритма после сеанса ($R=0.4019$; $p<0.05$). Это говорит о большей эффективности терапии для людей, имеющих проблемы с сопротивляемостью стрессам.

Также начальный уровень превалирования симпатического контура регуляции связан с уровнем личностной тревожности ($R=0.3832$; $p<0.05$). Чем более выражена активной симпатической НС, тем выше тревожность.

Для оценки эффекта от продолжительности терапии был проведен анализ достоверности отличий в показателях variability сердечного ритма в зависимости от номера сеанса

Выявлено, что отличия в функциональном состоянии клиентов начинают появляться после 3 сеанса. Начиная с четвертого сеанса наблюдается большие значения общей мощности уже до начала сеанса ($T=1$;

$p < 0.01$) (по сравнению со 2 и 3 сеансами). Это может свидетельствовать о возрастании адаптационного потенциала организма клиента в целом по мере посещения сеансов флоатинг-терапии.

Количественные результаты, полученные в ходе данного исследования и их статистический и качественный анализ показали позитивные изменения в функциональном состоянии испытуемых после прохождения флоатинга, что подтверждается достоверностью полученных результатов.

Результаты проведенного теоретико-экспериментального исследования флоатинг-терапии позволило сформулировать следующие основные выводы:

1. Процедуры флоатинга эффективно влияют на коррекцию стрессового и функционального состояния человека.
2. Наблюдается снижение уровня эмоциональной дезадаптации после каждого сеанса.
3. Наиболее высока степень эффективности сеансов для высокотревожных и склонных к нервным состояниям людей, а также для людей, имеющих проблемы с сопротивляемостью стрессам.
4. Оптимальным количеством сеансом является не меньше 3-4, так как именно в этот момент наблюдается самый сильный эффект флоатинг-терапии.
5. По данным кардиоинтервалографии, у большинства испытуемых пребывание в камере повышает уровень адаптивных ресурсов (ТР растет) на фоне снижения индекса напряжения (LF/HF).

Литература

1. Антонец В.А., Полевая С.А., Казаков В.В. Hand-trecking. Исследование первичных когнитивных функций человека по их моторным проявлениям // Современная экспериментальная психология: в 2-х томах под ред. В.А. Барабанщикова – М.: Изд-во. «Институт психологии РАН», 2011. - Т.2. – С. 39-55.
2. Григорьева В.Н., Тхостов А.Ш. Способ оценки эмоционального состояния человека // Патент Российской Федерации RU 2291720 С1. Опубликовано 20.01.2007 в Б.И. №2.
3. Парин С.Б. Люди и животные в экстремальных ситуациях: нейрохимические механизмы, эволюционный аспект // Вестник НГУ. - 2008. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 118-135.
4. Полевая С.А., Некрасова М.М., Рунова Е.В., Бахчина А.В., Горбунова Н.А., Брянцева Н.В., Кожевников В.В., Шишалов И.С., Парин С.Б. Дискретный мониторинг и телеметрия сердечного ритма в процессе интенсивной работы на компьютере для оценки и профилактики утомления и стресса // Медицинский альманах – Н.Новгород: Изд-во «Ремедиум Приволжье», 2013. – № 2 (26). – С. 151-155.
5. Полевая, С.А., Рунова, Е.В., Некрасова, М.М., Федотова, И.В., Ковальчук А.В., Бахчина А.В., Шишалов И.С., Парин С.Б. Телеметрические и информационные технологии в диагностике функционального состояния спортсменов // Современные технологии в медицине - Нижний Новгород: Изд-во «НижГМА». – 2012. – №4. – С. 94-98.
6. Селье Г. Стресс без дистресса / Пер. с англ.- М.: Прогресс, 1979. - 123 с.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ИДЕЯ РАЗВИТИЯ

УДК 165

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК**Александра Александровна Аргамакова**Кандидат философских наук**Институт философии РАН**Алина Валерьевна Яшина**Кандидат политических наук**Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

Критика подходов логического позитивизма позволила включить в философский анализ не только контекст обоснования знания, но также контекст открытия – социокультурные факторы и условия, влияющие на процесс познания. В последние десятилетия обозначился поворот к исследованию контекста приложения знания, т.е. способам использования результатов научного труда на практике. В ряде моделей науки (технонаука, 2 способ производства знания, предпринимательская наука и др.) описываются те трансформации, которые происходят в науке сегодня вследствие усиления влияния прагматических факторов на ее развитие. Но перечисленные подходы делают акцент на естествознании и технологиях как главной цели научного творчества на стадии технонауки. Вклад и практическое значение социогуманитарных дисциплин поэтому, как правило, недооцениваются. Влияние гуманитаристики на развитие техногенной цивилизации разнообразно. Прежде всего, оно происходит путем производства гуманитарных технологий и социальных инноваций, направленных на преобразование человека и общества. Сегодня социогуманитарные дисциплины углубляют связь с практикой. Потребности рынка и общества стимулируют не только производство прикладного знания и выход в область практической политики, но также создание на основе социогуманитарных разработок коммерчески и общественно востребованных продуктов.

Ключевые слова: контекст приложения знания, прикладное социогуманитарное знание, предпринимательская наука, технонаука, предпринимательский университет, философия социальных наук, социальные исследования науки.

PRACTICAL POTENTIAL OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES*Alexandra Alexandrovna Argamakova**Candidate of philosophical sciences**Institute of Philosophy, RAS**Alina Valeryevna Yashina**Candidate of political sciences**North-West Institute of Management,**Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Critique of logical positivism showed that not only the context of justification can be philosophically analyzed, but also the context of discovery – those social and cultural factors and conditions, which influence the process of cognition. In last decades researchers of science turn towards the context of knowledge application, that is the various ways of how knowledge can be used in practice. Different models of science (technoscience, 2 mode of knowledge production, entrepreneurial science and others) reflect the transformations of today's science caused by pragmatical stimulus. However, these approaches focus mostly on natural sciences and technology as the main target of scientific creativity at the stage of technoscience. As the result, impact and importance of social and human sciences are underrated. Socio-humanitarian disciplines influence the development of technogenic civilization by many ways. First of all, it is the production of human technologies and social innovations, which transform people and their lives in society. Nowadays, social and human sciences deepen own connec-

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные науки и социальные практики: история взаимного влияния», грант Президента РФ № МК-5429.2016.6

tions with practice. Demands of market and society stimulate not only the production of applied knowledge and policy, but also the creation of products, socially and economically wanted.

Keywords: Context of knowledge application, applied social knowledge, entrepreneurial science, technoscience, entrepreneurial university, philosophy of social sciences, social studies of science.

Логические позитивисты, определявшие развитие философии науки в прошлом веке, хотели ограничить сферу философского познания исключительно контекстом обоснования знания. Под контекстом обоснования имелись в виду те эпистемические и логические процедуры, которым следуют ученые для подтверждения истинности и научности своих утверждений. Критика стандартной концепции науки и подходов логического позитивизма позволила применить философский анализ к контексту открытия знания – его историческому, психологическому и социальному измерениям. Работа Томаса Куна «Структура научных революций» (1962), сильная программа в социологии знания и оформившаяся в самостоятельную дисциплину социальная эпистемология смещают фокус внимания философов с логики науки на вопросы развития научных идей под влиянием социокультурных факторов и условий. Эмпирическое, случайное, относительное становится объектом, доступным для исследований, которые позволяют более полно осмыслить, как осуществляется научное познание и какими регулятивами оно направляется. Последние десятилетия отмечены обращением и увеличением внимания к еще одному измерению познания – контексту приложения знания [2], т.е. способам применения результатов научного труда на практике.

«Эпохальный перелом» [4], поворот к практике и сопутствующие трансформации научной деятельности описываются рядом концепций науки: теорией технонауки (Ж. Оттуа, Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло, Д. Харавей и др.), 2 способа производства знания (М. Гиббонс, Х. Новотна, П. Скотт и др.), большой науки (Д. Прайс), постакадемической науки (Д. Зиман) и предпринимательской науки (Г. Ицковиц и др.). Перечисленные концепции делают акцент на естествознании, а также развитию технологий как главной цели, направляющей научное познание сегодня. Вследствие чего (1) особенности контекста приложения социогуманитарных наук остаются нераскрыты; (2) их практическое значение и влияние недооцениваются в сравнении с естественными и инженерными дисциплинами; (3) в междисциплинарном «плавильном котле» технонауки социогуманитарное знание оказывается второстепенным и вспомогательным для технологических разработок.

Технонаучный дискурс STS, философии и социологии науки демонстрирует смещение внимания в сторону точных наук (hard science). Одна из причин может заключаться в том, что социальные и гуманитарные дисциплины по-прежнему не вполне причисляют к наукам, и они закономерно оказываются вне рамок философского анализа науки. К тому же естественнонаучные технологии существенно определяют состояние материальной культуры и представляют наибольший экономический интерес, отсюда и повышенное к ним внимание. В результате происходит недооценка вклада социогуманитарных наук в развитие общества и смещение приоритетов в сторону наук о природе.

С XVIII-XIX вв. социальные науки вырабатывают эмпирические методы и переориентируются на нужды практики. Круг решаемых ими практических задач включает: (1) профессиональную подготовку специалистов для социальной сферы; (2) прикладные исследования, фокусирующиеся на конкретных проблемах общества; (3) социальная критика и производство мировоззренческих концептов; (4) интеллектуальное обеспечение социально-инженерной практики; (5) просвещение и формирование гуманитарной культуры. Влияние гуманитаристики на развитие техногенной цивилизации можно осмыслить через идею производства гуманитарных технологий и социальных инноваций, направленных на преобразование человека и общества.

Возникновение технонауки, формирование информационного общества и общества знаний усиливают запрос на приложения результатов научного труда. Социогуманитарное познание попадает под влияние новых тенденций, углубляя свои связи с практикой. Потребности рынка и общества стимулируют не только производство прикладного знания и выход в область практической политики [5, с. 693-813], но также создание на основе социогуманитарных разработок коммерчески и общественно востребованных продуктов. Социогуманитарное знание широко используется для создания социальных проектов и инноваций, бизнес и управленческих моделей, политических решений и программ, образовательных и социальных игр, объектов искусства и совместных с естествознанием технологических разработок.

С учетом усиления прагматических тенденций, заинтересованность в эффективности и приложениях научного труда будет расти. В XX веке возникла новая модель университета – предпринимательский университет, ориентированный на создание инноваций, связь с индустрией и коммерциализацию технологических разработок [3]. Социальное предпринимательство и сотрудничество вузов с социальными практиками для совместного решения проблем общества также активно развиваются в мире [1]. Гуманитаристика обладает большим практическим и предпринимательским потенциалом, который необходимо исследовать и раскрывать в конкретной деятельности.

1. Севостьянова Е. Вузы и социальные предприятия: плюсы совместной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nb-forum.ru/social/education/vuzy-i-sotsialnye-predpriyatiya-plyusy-sovmestnoy-zhizni.html> (дата обращения: 10.10.2017).
2. Carrier M., Nordmann A. Science in the Context of Application. – Dordrecht: Springer, 2011. – 492 p.
3. Etzkowitz H. MIT and the Rise of Entrepreneurial Science. – London and New York: Routledge, 2002. – 184 p.
4. Nordmann A., Radder H., Schimann G. Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. – 233 p.
5. UNESCO, Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. – Paris & The Hague: Mouton – UNESCO, 1970. – 819 p.

УДК 167

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА ДИСЦИПЛИНАРНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Виктор Юрьевич Кондратьев

Доктор философских наук, профессор

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина*

В докладе представлены основы и результаты философского осмысления проблемной ситуации в сфере современной социальной науки, созданной феноменами, получившими наименование «экономического империализма» и «социологического империализма». Основой осмысления является неклассический способ философствования, а также такая интерпретация современной науки, в том числе и социальной, при которой она рассматривается в качестве специфической формы социальной деятельности, а ее проблемы осмысливаются как выражения исторически характерной проблемности ее существования в этом качестве. С этой точки зрения, научная практика и ее методологическое осознание находятся в диалогических отношениях. Этим определено требование четкого осознания предпосылочности самих методологических решений и построений. Результаты представлены в следующих тезисах: представление о том, что интеграция – это, в первую очередь, планируемый итог специально рассчитанных действий, подчиненных претворению данной цели как таковой характерно для так называемого «методологического нормативизма»; экономический и социологический «империализмы» являются симптомами доминирования в самосознании ученых монологических установок, которые выступают в роли труднопреодолимых препятствий на пути к более глубокому и основательному пониманию предметов исследования в экономике и социологии; диалог между социальными учеными и философами будет способствовать преодолению этих препятствий.

Ключевые слова: дисциплинарный империализм, междисциплинарность, интеграция, социальная наука, неклассический способ философствования, методология, онтологическая предпосылка.

TO THE QUESTION OF A PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF DISCIPLINARY IMPERIALISM IN THE SPHERE OF SOCIAL KNOWLEDGE

Victor Yuryevich Kondratyev

DSc of philosophy, professor

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The report presents fundamentals and results of a philosophical understanding of a problematic situation in modern social science created by phenomena named "economics imperialism" and "sociological imperialism". The foundation of a comprehension is a non-classical manner of philosophizing, as well as such an interpretation of a modern science, including also the social one, within which it is regarded as a specific form of social activity, and its problems are considered expressions of the historically peculiar problematic of its existence in this capacity. From this point of view, the scientific practice and its methodological awareness are in dialogical contacts. It identifies the demand of a clear understanding of precondition of methodological decisions and formations themselves. The results are presented in the following theses: the idea that integration is first of all a planned outcome of specially estimated actions, subordinated to the realization of this aim, is typical for so-called "methodological

normativism"; economics and sociological "imperialisms" are the symptoms of a dominance of monologue attitudes in the scientists' self-consciousness which act as insurmountable obstacles to the way of a deeper and more fundamental understanding of study subjects in economics and sociology; economics and sociological "imperialisms" are the symptoms of a dominance of monologue attitudes in the scientists' self-consciousness which act as insurmountable obstacles to the way of a deeper and more fundamental understanding of study subjects in economics and sociology; a dialogue between social scientists and philosophers will help to overcome these obstacles.

Keywords: disciplinary imperialism, interdisciplinarity, integration, social science, non-classical method of philosophizing, methodology and ontological prerequisite.

Замысел моего выступления состоит в попытке использования, хотя бы частичного, неклассического способа философствования в осмыслении феноменов, создавших в сфере дисциплинарно организованного социального знания острую проблемную ситуацию, и получивших в научной практике наименования «экономического империализма» и «социологического империализма». В качестве отправной точки процесса его реализации был выбран следующий вывод эпистемологического характера: ««В современной науке междисциплинарные взаимодействия обрели статус повседневного дела, но, тем не менее, все еще не стали предметом серьезного философского и научного осмысления (пусть публикации на эту тему исчисляются тысячами)» [2, с. 62]. Далее. Как известно отвечающий современной эпохе неклассический способ философствования акцентирует «сопряженный характер изменений в *самосознании как науки, так и исследующей ее методологии* (везде курсив мой: В.К.). И там и здесь обнаруживается сознание принципиальной предпосылочности, отказ от претензий на обладание абсолютной системой отсчета и от абсолютного характера постижения своего объекта...Изячая один из пунктов в качестве отправного, мы отказываемся от поиска абсолютных оснований для своего выбора и, следовательно, от нужды в санкциях на наш выбор» [1, с. 101]. Следовательно, установка на диалог в сфере социального знания тяготеет к творческому проявлению в научной культуре социальных исследователей того, что можно обозначить как принцип философского плюрализма. В контексте неклассического способа философствования, выскажу некоторые соображения. Во-первых, в последние десятилетия междисциплинарные взаимодействия и интегративные тенденции в сфере дифференцированного социального знания стали вполне зримой и очевидной тенденцией. Вместе с тем, эта интеграция не лишена и подлинной проблемности. В известном и, пожалуй, решающем отношении она протекает стихийным и спонтанным образом, но степень ее эффективности все, же может быть существенно повышена благодаря нашему пониманию природы этих процессов и критическому осмыслению накопленного при этом опыта. Во-вторых, представление о том, что интеграция – это, в первую очередь, планируемый итог специально рассчитанных действий, подчиненных претворению данной цели как таковой является поверхностным. Реальный процесс интеграции, вместе с его наиболее впечатляющими результатами достигается не на этом пути. Как показывает история науки, он, в первую очередь, определен нашими усилиями и успехами в лучшем и более полном постижении и понимании непосредственных предметов нашего знания. Новые идеи и изобретательные гипотезы, касающиеся этих предметов, способны изменить видение общей картины областей исследования, и тем самым открыть новые пути и возможности в достижении большего единства и степени согласованности нашего знания. Главным всегда оказывается суть дела, глубина и основательность понимания предмета исследования, но не отвлеченный критерий теоретико-познавательного толка, а том числе и такой, как большая степень интегрированности, единства нашего знания. Философское осмысление материалов дискуссии на тему ««экономический империализм» как научная парадигма», проведенной в 2008-2010 гг. по инициативе отечественного журнала «Общественные науки и современность», позволяет сделать главный вывод о том, что экономический и социологический «империализмы» являются симптомом доминирования в самосознании ученых контрпродуктивных монологических установок. Именно установки такого рода продиктовали социологам решение противопоставить свой «изм» «изму» экономистов: «Представители других социальных наук наблюдают за попытками экспансии со стороны экономистов отнюдь не сложа руки. Ряд социологов даже пытаются противопоставить «экономическому империализму» свой собственный, социологический (везде курсив мой: В.К.), распространив социологические методы анализа на исследование рынка. Речь идет об исследовательской программе, сформулированной М. Грановеттером, Р. Сведбергом [Granovetter, Swedberg, 1992] и рядом других» [3, с. 149]. В историческом контексте развития социологии и экономики как автономных дисциплин становится вполне понятно, что проблема междисциплинарных контактов и взаимодействий этих дисциплин – это, в первую очередь, проблема согласования и сопряжения различных (в предметном отношении) теоретических структур. Так, например, экономика и социология стали соблюдать нейтралитет после того, как к началу XX в. каждая из этих наук «выковала свою систему понятий» [4, с. 116]. Однако ситуация стала меняться после того, как с начала 1960-гг. «развернулось сначала слабое, потом все усиливающееся движение, названное «экономическим империализмом». И к сегодняшнему дню не осталось практически ни одной области социальных наук, в которую не вторглись бы экономисты со своими модельными построениями. Несколько позже, уже в середине 1980-х гг. оформилось встречное движение в рамках «новой экономической социологии» [Грановеттер, 2006; Сведберг, 2004]. Социологи тоже стали проникать в чужую обитель, начав изучать рынки, конкуренцию, финансы, корпоративное управление...» [4, с. 117]. Реакцию экономистов на такое вторжение социологов также объясняет доминирование в их самосознании монологических установок: «Экономисты, испытывая чувство здорового энтузиазма от покорения «неосвоенных», как им кажется земель, при появлении экономсоциологов совершенно искренне

огорчаются и раздражаются... говорят, что социология – дело, конечно, неплохое, но для начала ее надо бы привести в божеский вид, то есть построить *по канонам экономической теории* (везде курсив мой: В.К.)» [4, с. 120]. И так, когда в предметные области теоретически зрелых социальных дисциплин, каковыми являются на сегодняшний день экономика и социология попадают одни и те же объекты исследования, то возникают не зоны их контакта и сотрудничества, а зоны взаимного непонимания и даже конфронтации. Широкое употребление в сфере социального знания метафор «экономический империализм» и «социологический империализм» является симптомом доминирования в этой сфере установок на монологизм, противодействующих диалогу. В этой связи актуальной становится проблема переосмысления хорошо известных и отрефлектированных в экономической и социологической дисциплинах моделей *homoeconomicus* и *homosociologicus*. В случае успешного решения этой проблемы последние могут быть использованы в качестве онтологических предпосылок и допущений, организующих процесс конкретного междисциплинарного исследования. В результате место конфронтационных метафор «дисциплинарного империализма» займут метафоры гармонии и согласованности автономных дисциплин экономики и социологии.

Литература

1. Алешин, А.И., Аршинов, В.И. Об особенностях методологического осмысления развития современного естественнонаучного знания // *Философия, Естествознание, Социальное развитие*. – М.: Наука, 1989. – С. 87-102.
2. Касавин, И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // *Вопросы философии*. – 2010. – № 4. – С. 61-73.
3. Олейник А.Н. Расширенная версия теоремы Коуза и пределы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 4. – С. 147-162.
4. Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 6. – С. 116-123.

УДК 101.3:330.88

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Леонид Арнольдович Тутов

Доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Экономическая наука представляет собой сложный организм, изменение которого трудно описать с помощью лишь одной модели развития. Сложности во многом обусловлены особенностями предмета экономической науки и вероятностным характером знания, которое в ней продуцируется. Само понятие «экономика» является дискуссионным и требует договоренности между учеными. Цель исследования – выявить доминирующую модель развития в современной экономической науке. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1. В краткой форме проследить историю экономической науки и выявить основные модели ее развития; 2. очертить предметные рамки современной экономической науки и структурировать ее с позиции подхода Т. Куна и И.Лакатоса с указанием преимуществ и недостатков каждого подхода; 3. показать роль эволюционного и революционного принципов в современной экономической науке. Автор обосновывает положение о том, что методологические проблемы современной экономической науки могут быть разрешены в рамках концепции Новой институциональной экономической теории, которая обладает рядом преимуществ, в том числе рассматривает человека таким, какой он есть. Данный подход означает отказ от неоклассической парадигмы.

Ключевые слова: экономика, революция и эволюция в экономической науке, парадигма, «жесткое ядро» и «защитный пояс» современной экономической теории, эксперимент в экономике.

REVOLUTION AND EVOLUTION IN ECONOMIC SCIENCE

Leonid Arnoldovich Tutov

DSc of philology, Professor

Lomonosov Moscow State University

Economic science is a complex organism, which is difficult to describe with a single model of development. The complexity is largely due to the peculiarities of the subject of Economics and prob-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания».

abilistic nature of produced knowledge. The concept of "the economy" is debatable and requires agreements among scientists. The purpose of the study is to identify a main development model in the modern economic science. To achieve this goal, it is necessary to solve the following problem: in a short form to trace the history of economic science and to identify the main models of its development; to outline the substantive scope of contemporary economic science and structure it from the approach of T. Kuhn and I. Lakatos, indicating the advantages and limitations of each approach; also to show the role of evolutionary and revolutionary principles in modern Economics. Methodological problems of contemporary economic science can be overcome in the framework of the New institutional Economics, which has a number of advantages, including realistic looks at the person. This approach means abandoning the neo-classical paradigm.

Keywords: Economics, revolution and evolution in economic science, the paradigm, the «hard core» and «protective belt» of modern economic theory, the experiment in the economy.

Возникновение экономической преднауки связывают с появлением произведения Ксенофонта «Домострой», в котором речь идет не только о принципах и искусстве рационального хозяйствования, но и абстрактно теоретических вопросах: выявлении двух характеристик товара – потребительной и меновой стоимости, описании функций денег, формулировке принципов меркантилизма [1, с. 221-223]. Ксенофонт использован системный подход, благодаря которому были выявлены межотраслевые связи при принятии решений. В своих трудах он заложил основы деления хозяйства на экономику и хрематистику, позднее получившее развитие в работах Аристотеля. Идея Ксенофонта послужила основой для первой революции в античной экономической науке. Последующее развитие вплоть до возникновения в 18 веке классической экономической теории можно рассматривать как эволюционный период в развитии экономической науки, поскольку в основном шло накопление знания, и проводились первые эмпирические обобщения. Возникновение трудовой теории стоимости (А.Смит, Д.Рикардо, Дж.Ст. Милль) означало революционный переворот в экономической сфере, сравнимый с революцией в естествознании в Новое время. Следующий этап в развитии экономической науки ознаменован марксистской и маржиналистской революциями. Если марксизм (К. Маркс и Ф.Энгельс), продолжая традиции классической политэкономии, революционный переворот произвел, благодаря введению понятия прибавочной стоимости, то маржинализм (К.Менгер, Л.Вальрас, У.Джевонс) означал не только смену предмета, но и названия экономической науки. Идея эффективного распределения ресурсов и теория предельной полезности оказали влияние на все последующее развитие экономической науки. Наступившая позднее кейнсианская революция, сместившая внимание экономистов на макроуровень реальности, намного уступает по своей радикальности маржиналистской революции. Современный неоклассический синтез (П. Самуэльсон) как попытка примирить микро и макроэкономический уровни исследований на основе модернизированных принципов микроэкономики, олицетворяет собой эволюционный этап в развитии экономической науки.

Неоклассическая теория представляет в рамках современной экономической теории *mainstream* (основное течение), имеющее наиболее разработанные теоретико-методологические основания и в этом отношении превосходящее альтернативные подходы.

Неоклассической микроэкономике и новой классической макроэкономике противостоит современный традиционный институционализм, отчасти новый институционализм, неоавстрийцы, поведенческая и экспериментальная экономика, посткейнсианство, радикальная экономическая теория.

Рассмотрев различные этапы развития экономической науки, можно обнаружить, что для анализа ее моделей развития, применимы как парадигмальный подход Т.Куна [2], так и подход в виде научно-исследовательских программ И.Лакатоса [3]. Однако, если говорить о современном этапе развития экономической теории, становится очевидным, что подход И.Лакатоса является более продуктивным. Эту идею автор данного исследования обосновал в статье «Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории», опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 2017 году. Подход И.Лакатоса можно интерпретировать через призму методологии Новой институциональной экономической теории. Речь идет о методе сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив, который позволяет ответить на такие вопросы как: «почему сосуществуют и конкурируют (а не только дополняют друг друга) несколько исследовательских программ в рамках одной дисциплинарной области; почему эта конкуренция не приводит к полному вытеснению одной программой остальных?» [4, с. 65]. Подход Т. Куна не дает ответа на поставленные вопросы.

Структурируем неоклассику, используя модель развития, предложенную И. Лакатосом. «Жесткое ядро» включает в себя следующие положения: 1. Равновесие на рынке существует всегда, оно единственное и совпадает с оптимумом по Парето. 2. Индивиды осуществляют выбор рационально. 3. Предпочтения индивидов стабильны и носят экзогенный характер. Защитный пояс: 1. Частная собственность на ресурсы является абсолютной предпосылкой осуществления обмена на рынке; 2. Издержки на получение информации отсутствуют, и индивиды обладают всем объемом информации о сделке; 3. Пределы экономического обмена определяются на основе принципа убывающей полезности, учитывая первоначальное распределение ресурсов между участниками взаимодействия. Издержки при осуществлении обмена отсутствуют, и единственный вид издержек, который рассматривается в теории, - производственные издержки.

Введение экономистами новых предпосылок в «жесткое ядро» неоклассики, таких как ограниченная рациональность, оппортунистическое поведение, нестабильность предпочтений и т.п. фактически разрушает ее каркас. Решение данной методологической проблемы можно обнаружить в Новой институциональной экономической теории. К преимуществам данного подхода следует отнести то, что предпринимается попытка рассматривать человека таким, какой он есть. Это означает значительное ослабление предпосылки о рациональности экономических агентов в форме ограниченной рациональности. Вследствие этого предпочтения индивидуумов не стабильны и следование своим интересам проявляется в форме оппортунистического поведения. Данные положения можно отнести к «жесткому ядру» НИЭТ. «Защитный пояс» предполагает, что оптимизирующее поведение агентов рынка заменяется на постулат нахождения удовлетворительного результата. Кроме того, может быть несколько точек равновесия, и они не обязательно совпадают с точками оптимума по Парето; равновесие может не существовать вовсе. Таким образом, НИЭТ позволяет получить более реалистичное представление о поведении человека.

Заключение

Экономика как наука – это многовариантное движение к истине в виде различных школ, направлений, теорий, дающих ключ к пониманию хозяйственной жизни. Поэтому можно говорить о синтезе различных моделей развития. В то же время в рамках взаимоотношений неоклассики и альтернативных теорий подход И.Лакатоса является более адекватным реальности, чем взгляд через зеркало теории парадигм Т. Куна.

Революции в экономической науке на современном этапе возможны благодаря междисциплинарному синтезу

Литература

1. Ксенофонт. Домострой // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М.: Наука, 1993. – 379 с.
2. Кун Т. Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
3. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Медиум. 1995. – 236 с.
4. Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 63-74.

УДК 330.84/85/86

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ*

Антонина Васильевна Ермакова

Кандидат экономических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В настоящее время экономическая наука переживает кризис. Скорость изменения экономической действительности опережает темпы её изучения. Принцип единства теории уступил место принципу сосуществования конкурирующих концепций. Господствующий неоклассический подход существует одновременно с альтернативными экономическими теориями. Возрастает интерес к развитию марксистского учения. В мировой экономической науке можно выделить две самостоятельных ветви - западный *mainstream economics* и марксизм. Современные последователи марксизма (постсоветская школа критического марксизма) в качестве «жесткого ядра» теории сохранили ряд принципиально важных положений: понимание социально-экономической жизни как целостности в её историческом развёртывании, следование системно-диалектическому методу, верность марксистскому критерию – свободное и всестороннее развитие личности. В качестве «защитного пояса» выдвигается такое положение: марксизм никогда не претендовал на завершённость концепции и окончательность выводов. Отсюда правомерность развития марксизма в разных направлениях, во взаимодействии с разными науками и школами. Современная марксистская теория пересмотрела ортодоксальные представления о социально-классовой структуре, значительно большее внимание уделяется роли национальных образований и особым формам эволюции современного человека. Сторонники марксизма позиционируют его как учение постиндустриальной эпохи и постэкономического общества, способное дать ответы на новые вызовы экономической жизни.

Ключевые слова: кризис экономической науки, марксистская теория, постсоветская школа критического марксизма.

* При финансовой поддержке РФФИ, проект №15-02-00640.

THE CRISIS OF MODERN ECONOMIC THOUGHT AND THE DEVELOPMENT OF MARXIST THEORY

Antonina Vacilievna Ermakova

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University*

Currently, the economic science is facing a crisis. The rate of change in economic reality outstrips the pace of its study. The principle of the unity of theory gave way to the principle of coexistence of competing concepts. The prevailing neoclassical approach exists simultaneously with alternative economic theories. In this connection, there is an increasing interest in the development of Marxist doctrine. In the world economic science, two independent branches can be distinguished: Western mainstream economics and Marxism. Modern followers of Marxism (the post-Soviet school of critical Marxism) retain the fundamentally important positions as a "hard core" of the theory: the understanding of socio-economic life as an integrity in its historical development, following the system-dialectical method and fidelity to the Marxist criterion is the free and comprehensive development of personality. The following thesis puts forward as a "protective zone": Marxism has never claimed the completeness of the concept and the finality of the conclusions. It provides the legitimacy of Marxism development in different directions, collaboration with various sciences and schools. Modern Marxist theory has revised the orthodox ideas on the social classes structure; it pays much more attention to the role of national entities and special forms of contemporary human the evolution. Marxism adherents position the theory as the doctrine of the post-industrial era and post-economic society, which is capable to provide answers to new challenges of economic life.

Keywords: crisis of modern economic thought, Marxist theory, modern Marxist theory.

Современное состояние экономической науки специалисты характеризуют как затяжной кризис. Природа этого кризиса, по мнению В.М. Полтеровича, в том, что "экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость её изменения опережает темпы её изучения" [2, с. 61]. Это привело к замене принципа единства теории на принцип сосуществования конкурирующих концепций. Основным течением в современной экономической теории признаётся неоклассический подход, который оказался достаточно адаптивным к ряду альтернативных концепций и сумевший включить их в себя. В то же время сохраняется немало подходов, альтернативных основному течению: институциональный, поведенческий, эволюционный, пост-кейнсианский, неоавстрийский.

Как происходит развитие мировой экономической мысли? Существует ли общий принцип её эволюции? Однозначного ответа нет. Но имеются интересные концепции, например, А.Г. Худокормова, который считает, что развитие экономической мысли происходит через её периодические кризисы. В мировой экономической науке он выделяет две самостоятельных ведущих ветви - западный mainstream economics и марксизм. Болезненные для самих теорий кризисы не ведут к их гибели, а являются формой "драматического приспособления к меняющимся реалиям практики" [3, с. 10]. Одновременно к альтернативным теориям отмечается повышенное внимание (не только к теориям Кейнса, Шумпетера, Кондратьева, но - и особенно - к теории Маркса).

Главной особенностью марксистской экономической теории является то, что она изначально формировалась (XIX в.) как часть классового пролетарского мировоззрения [4]. Капитализм рассматривался как исторически сложившаяся на основе прогресса общественных производительных сил (ПС) стадия в развитии человечества, имеющая свои законы возникновения, развития и гибели. Пролетариату (наёмному труду), порождённому системой экономических отношений капитализма, суждено стать в соответствии с этой концепцией историческим могильщиком капитализма, субъектом революционного преобразования его в новую общественную формацию (социалистическую), открывающую широкие возможности для свободного творческого труда и всестороннего развития личности. Экономической теории в рамках этого мировоззрения отводилась роль научного обоснования объективной возможности и необходимости исторической миссии пролетариата на основе научного изучения законов развития капиталистического способа производства.

В качестве **ключевых критериев экономического учения классического марксизма** можно выделить следующие:

- объектом исследования является капиталистический способ производства общественного богатства в товарной форме;

- предметом - законы производства прибавочной стоимости (и её превращённые формы: прибыль, процент и рента) на основе эксплуатации наёмного труда, что составляет внутренний источник развития капиталистической системы экономических отношений;

- общественные отношения в экономической сфере (главным образом в сфере производства - ПО) рассматриваются как базис всех социальных (надстроечных, или на современном языке - институциональных) отношений (политических, правовых, идеологических) и в то же время испытывают обратное воздействие этих отношений - институтов - на экономику;

- особое внимание к стыкам экономической и внеэкономической сфер жизни в рамках глобально-

исторической перспективы прогрессивного развития человечества;

- индивид (модель человека) рассматривается как продукт системы отношений, отчуждённый от средств труда, его организации, продуктов труда, природы и собственной сущности;
- в системе экономических отношений капитал выступает как коллективный субъект, наемный труд как эксплуатируемый объект в экономике и коллективный организованный субъект в сфере исторической деятельности (что предполагает сложную диалектическую субъект-объектную трансформацию);
- критерием исторического прогресса является свободное всестороннее развитие личности (как цель в будущем).

Постсоветская школа критического марксизма, как называют себя её сторонники [1, с. 37], в качестве "жесткого ядра" учения марксизма сохранила ряд принципиально важных положений: понимание социально-экономической жизни как целостности в её историческом (сейчас: нелинейно историческом) развёртывании; в методологическом плане - сохранение верности системно-диалектическому методу; остаётся признание, хотя и не всегда явно выраженное, цепочки взаимосвязи: ПС – ПО - СО (система социальных отношений) и обратного их воздействия друг на друга. Сохраняется и верность классическому марксистскому критерию - свободное и всестороннее развитие личности.

В качестве "защитного пояса": подчёркивание того положения, что марксизм никогда не претендовал на окончательность ответов и завершенность концепции, отсюда правомерность развития марксизма в разных направлениях ("марксизм ветвился" [1, с. 40]), взаимодействия с иными науками и школами. Маркс был скорее критиком политической экономии, чем экономистом, главное в его учении историко-философская "тема свободы... как того мира, в котором осуществляется развитие человека, снимается и товарный, и идеологический фетишизм" (В.М. Межуев) [1, с. 42]. Марксизм сегодня - это учение постиндустриальной эпохи и пост-экономического общества [1, с. 47].

В методологическом плане произошёл отказ от жёсткой диалектической логики. Разрабатывается диалектика нелинейных мульти-пространственных трансформаций [1, с. 37]. Пересмотрены ортодоксальные представления о структуре общества, о понятии "рабочий класс" и его исторической миссии в пользу значительной роли национальных образований. "Ключевым вопросом современного марксизма в этом поле становится проблема форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных процессов в условиях глобального капитализма" [1, с. 38].

Литература

1. Бузгалин А.В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. – 2011. – №3. – С.36-47.
2. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 1. – С. 46-66.
3. Худокормов А.Г. Развитие экономической мысли через её периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). – М.: ИЭ РАН, 2012. – 38 с.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. – С. 269-317.

УДК 167.7:330

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ*

Елена Геннадьевна Гаврина

Кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

История науки представляет собой процесс постоянного изменения не только предмета исследования, но и теоретико-методологических оснований научного знания. Такое развитие получило название научной революции, которая образует основу модели роста научного знания. Цель исследования – обосновать положение о том, что научная революция в экономической науке является основной формой развития экономического знания. В ходе исследования автором были проанализированы основные этапы развития науки в теории парадигм Т. Куна и проведены аналогии с развитием экономической науки. Рассмотрев особенности каждого этапа, автор делает вывод о том, что современное кризисное состояние неоклассической парадигмы, появление альтернативных концепций, предлагающих различные варианты решения экономических проблем, являются предпосылками новой революции и смены парадигм. В докладе представлена альтернативная концепция неаустрийской школы, предполагающая кардинальные изменения в экономической науке, основные положения которой были разработаны Л. фон

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания».

Мизесом. Сравнение основных параметров неоклассического и неоавстрийского подходов позволило выделить ряд методологических особенностей, делающих концепцию неоавстрийской школы актуальной в настоящее время. В рамках концепции отмечается, что в основе всех экономических явлений находится субъективные представления индивида, формирующие знания об изучаемом предмете. На принятие экономических решений большое влияние оказывают отсутствие полной и достоверной информации, неуверенность в будущем, традиции, идеология, мировоззрение. Этим обосновано преимущество неоавстрийской школы как конкурирующей парадигмы.

Ключевые слова: научная революция, парадигма, аномалия, принцип максимальной полезности, максимальная ожидаемая полезность, ценность, неоавстрийская школа, неоклассическая парадигма.

SCIENTIFIC REVOLUTION AS A FORM OF TRANSFORMATION OF ECONOMIC KNOWLEDGE

Elena Gennadievna Gavrina

*Candidate of philosophical sciences, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University*

The history of science is a process of constant change not only of the subject of the research, but also the theoretical and the methodological bases of scientific knowledge. Such development has been called the scientific revolution that forms the basis of the model of the scientific knowledge growth. The research objective is to justify the position that the scientific revolution in economic science is the main form of development of economic knowledge. In the study, the author analyzed the main stages of science development in the theory of paradigms of T. Kuhn and drew the analogies between the scientific development and the development of economic science. Having considered the characteristics of each stage, the author concludes that the contemporary crisis of the neoclassical paradigm, the emergence of alternative concepts, suggesting various solutions to economic problems, are preconditions for a new revolution and the change of paradigms. The report presents an alternative concept of Neo-Austrian school, assuming fundamental changes in economic science, the principal ideas of which were developed by L. von Mises. A comparison of the main parameters of neoclassical and Neo-Austrian approaches allowed to emphasize a number of methodological characteristics that make the concept Neo-Austrian school relevant to the present time. Within the concept, it is noted that the basis of all economic phenomena is the subjective view of the individual that create knowledge about the subject studied. The lack of complete and reliable information, uncertainties in the future, traditions, ideology, and worldview have a great impact on the economic decision-making. This gives the Neo-Austrian school an advantage as a competitive paradigm.

Keywords: scientific revolution, paradigm, anomaly, principle of maximum utility, maximum expected utility, value, Neo-Austrian school, neoclassical paradigm.

Экономическая наука на протяжении всей своей истории переживала многочисленные изменения, которые приводили к переходам от сформировавшихся и принятых научным сообществом понятий и теорий к новым, формирующим, более совершенную картину мира. Такое развитие науки было исследовано Т. Куном и определено как модель роста научного знания. Базовым элементом концепции является понятие научной революции, рассматриваемое как «смена профессиональных предписаний» [3, с. 29].

В процессе развития науки Т. Куном выделяются следующие этапы: нормальная наука, рост числа аномалий и их усложнение, что приводит к кризису, научная революция.

В рамках первого этапа происходит развитие нормальной науки в пределах господствующей парадигмы. В рамках классической политэкономии мы наблюдаем период нормальной науки. А. Смит сформулировал принцип «невидимой руки», разработал теорию стоимости. Дальнейшее продолжение эти вопросы получают в работах Ж.Б. Сэя, Т. Мальтуса, Д. Рикардо. Таким образом, экономическая наука в рамках парадигмы классической политэкономии сконцентрировала свое внимание на углубленном изучении труда как созидательной силы и исследовании стоимости как выражения ценности.

На втором этапе происходит зарождение и рост числа аномалий, приводящих к кризису. В качестве примера можно привести аномалии, которые привели к кризису маржиналистской парадигмы и способствовали возникновению кейнсианской революции.

Третий этап представляет собой научную революцию. На смену доминирующей парадигме, приходит новая, способная предложить наилучшее решение сложившимся аномалиям. Так, кейнсианцы предложили решение проблем маржинализма благодаря государственному регулированию экономики и т.д.

Анализ трех этапов показывает, что в настоящее время экономическая наука находится на стадии смены парадигм. Предпосылками грядущей научной революции являются непрекращающаяся череда кризисов в экономике.

Сформировалось несколько направлений, альтернативных мейнстриму. В рамках исследования мы рассматриваем основные теоретико-методологические аспекты неонавстрийской школы, сформулированные Л. фон Мизесом и проводим сравнение с неоклассической парадигмой.

Индивид. Согласно концепции Л. фон Мизеса, в связи с ограниченностью информации деятельность индивида основывается на принципе максимальной ожидаемой полезности.

В рамках неоклассического подхода индивид действует на основе принципа максимальной полезности, т.к. он обладает полной информацией.

Рациональность. С позиции неоклассической школы рациональность представляет собой систему формализованных правил, определяющих поведение индивида. В исследованиях Л. фон Мизеса рациональность – врожденная черта поведения человека. Как отмечает Н. Берри в терминологии Л. фон Мизеса «это означает, что человек скорее стремится избежать некоего «обременительного» положения, чем просто реагирует на внешние обстоятельства» [5, с. 89].

Ценность. В рамках неоклассического подхода ценность является стабильной, т.е. «предпочтения не изменяются сколько-нибудь существенно с ходом времени и не слишком разнятся у богатых и бедных или даже среди людей, принадлежащих к разным обществам и культурам» [2, с. 31].

Согласно Л. фон Мизесу основными характеристиками ценности являются субъективность и динамичность. У каждого человека своя шкала ценностей и «удовлетворение, получаемое от пищи, и удовлетворение, получаемое от наслаждения произведением искусства, оцениваются действующим человеком как более или менее насыщенные нужды; оценка ценности и деятельность помещают их на одну шкалу более желанного и менее желанного» [4, с. 113].

Традиции, мировоззрение и идеология. Неоклассика не рассматривает эти понятия. Формальный подход с одной стороны расширил предмет экономической науки, а с другой стороны «сузил – потому, что из поля зрения экономистов выпали многие виды хозяйственной деятельности, подчиненные не рациональному выбору, а традиции, нормам и обычаям, т.е. значительная часть хозяйственной жизни как при докапиталистических порядках, так и в самой рыночной экономике» [1, с. 17].

Л. фон Мизес определяет эти понятия как основные факторы, формирующие систему этических норм хозяйствующего индивида.

Будущее. В рамках неоклассической парадигмы будущее определено.

Л. Фон Мизес указывает на то, что будущее непредсказуемо и это не дает возможность полной максимизации полезности.

Рассмотренные основные характеристики позволяют нам сформулировать следующий вывод.

Подход неонавстрийской школы можно рассматривать как революционный переход к новой парадигме, поскольку он дает возможность преодолеть возникшие аномалии, которые неоклассическое направление не может преодолеть в силу своей природы. В анализе явлений хозяйственной сферы это направление исходит из природы реального человека, который «является центром системы, а не элементом внутри ее, ожидающим, когда им начнут манипулировать» [6].

Литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. – СПб: Экономическая школа, 1998. – 230 с.
2. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
4. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.
5. Берри Н.П. Австрийская экономическая школа: расхождения с ортодоксией. Панорама экономической мысли конца XX столетия. – Т. 1. – СПб: Экономическая школа, 2002. – С. 81-105
6. Эбелинг Р. Роль австрийской школы в развитии мировой экономической мысли XX века // Экономика и математические методы. – 1992. – Т. 28. – №3. – URL: <http://www.libertarium.ru/68830>.

УДК 101.3: 338.1

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЗГЛЯД ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ*

Варвара Николаевна Рогожникова

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Современная экономическая наука – сложная система, в которой сосуществуют различные школы, направления и подходы. Внутри экономической науки активно ведутся споры о ее

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №15-02-00640 «Философия и методология экономики как основа новой концепции экономического знания».

вероятном кризисе, о необходимости реформирования или замены ведущей парадигмы мейнстрима – неоклассической экономической теории, о пересмотре основных предпосылок модели экономического человека и сотрудничестве экономики с другими социальными, а также естественными науками. На этом фоне проблема развития экономической науки особенно актуальна. Используя инструментарий философии экономики, занимающейся, в частности, проблемами концептуализации и развития экономического знания, возможностями и рисками междисциплинарных исследований на базе экономической науки, мы получаем возможность переосмыслить проблему развития экономической науки с системных позиций. Целью работы является определение перспектив развития экономики мейнстрима с позиций философии экономики на основе теории научно-исследовательских программ И. Лакатоса, системного подхода и сравнительного анализа. На наш взгляд, перспективы развития экономической науки носят противоречивый характер, путь ее развития не определен. Среди возможных тенденций развития экономической науки можно назвать следующие: переход от плюрализма теорий к плюрализму проблем, выход за пределы методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса и формирование другого подхода к пониманию теоретико-методологической сущности экономической науки. Что касается негативных тенденций, то высока вероятность дальнейшей формализации экономики и «механизации» экономического представления о человеке в экономике. Успешному развитию экономической науки, с нашей точки зрения, могут способствовать такие меры, как акцент на сотрудничестве экономики с социально-гуманитарными (а не естественными) науками, развитие нормативного аспекта экономической науки и укрепление взаимосвязи между теорией и практикой в экономике.

Ключевые слова: развитие, экономическая наука, неоклассическая экономическая теория, философия и методология экономики.

PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SCIENCE: A PERSPECTIVE FROM THE PHILOSOPHY'S OF ECONOMICS

Varvara Nikolaevna Rogozhnikova
PhD of philosophy, researcher
Lomonosov Moscow state University

Modern economic science is a complex system in which various schools, directions and approaches are coexist. There are many disputes, actively kept on such problems as the probable crisis of economic science; the need to reform or replace the leading paradigm of a mainstream economics (especially the neoclassical economic theory); revision of the main prerequisites of human model in economic science, and cooperation between economics and other social and natural sciences. Against this background, the problem of development of economic science is especially relevant. Using the tools of philosophy of economics which deals, in particular, with the problems of conceptualization and development of economic knowledge, opportunities and risks of cross-disciplinary research on the basis of economic science, we have a possibility to rethink the problem of the evolvement of economic science from the system viewpoint. From our perspective, prospects of the development of economic science have a contradictory character, and the way of its development is not defined. Among some possible tendencies of the development of economic science, the following ones could be named: move from the pluralism of theories to the pluralism of problems, an output out of the limits of methodology of the Lakatos `s theory of research programs, and definition of other approach to understanding of a theoretically-methodological entity of economic science. As about negative tendencies, there is a high chance of the probability of further formalization of economics and "mechanization" of man in economic presentation. From our point of view, successful development of economic science could be promoted by such measures as emphasis on cooperation between economic science and social- humanitarian (but not natural) sciences, development of normative aspect of economic science, and further consolidation between the theory and practice in economic science.

Keywords: development, economics science, neoclassical economics, philosophy and methodology of economics.

Философия и методология экономики – это «междисциплинарное направление, которое занимается анализом и объяснением закономерностей развития целого комплекса наук о хозяйственно-экономической деятельности человека и человечества» [6, с. 80]. Так, философия экономики опирается на философию науки и включает в себя методологические проблемы экономики, проблемы собственно экономической науки и проблемы истории экономической науки [см. 6, с. 78]. В этом смысле философия экономики позволяет более целостно проанализировать проблему развития экономической науки.

Развитие – это философское понятие, означающее качественные изменения в структуре системы; кроме того, развитие отличается целенаправленностью и необратимостью. Экономическая наука в широком смысле слова есть система знаний об объективных закономерностях экономической действительности; эти

знания формируются, систематизируются и развиваются сегодня в сосуществующих экономических теориях, подходах и школах. Сущностью экономического выступают процессы производства, воспроизводства, обмена и потребления.

Проблему развития применительно к экономической науке можно рассматривать широко – если мы говорим об экономической науке в целом – и узко, если мы изучаем определенный этап в развитии экономической науки. Предметом нашего исследования выступает мейнстрим экономики – теории, школы и подходы, объединенные теоретико-методологическими принципами неоклассической экономической теории. Термин «mainstream economics» был впервые использован в работе П. Самюэльсона и У. Нордхауса «Экономика» (2001) и обычно используется в корреляции с понятием «heterodox economics» (гетеродоксальная экономика).

В этом смысле будет логичным перечислить основные черты мейнстрима в сравнении с чертами гетеродоксальных экономических теорий:

Таблица 1.

Параметры сравнения	Мейнстрим экономики	Гетеродоксальные школы
Основные предпосылки теорий	Теория рационального выбора Понятие экономического агента (модель экономического человека) Теория рациональных ожиданий	В зависимости от конкретной школы: - Расширенная модель человека в экономике с привлечением разработок в других социальных науках (институциональный человек, творческий человек, социологический человек, психологический человек) - Теории, расширяющие понимание рациональности в экономике
Методология	Принцип методологического индивидуализма Экономико-математическое моделирование Метод оптимизации	Методологический холизм, методологический институционализм и другие альтернативы. Качественные методы исследования, учитывающие своеобразие отдельных обществ (исторический метод, системный подход, метод дискретных институциональных альтернатив и т.д.)
Понятийный аппарат	Экономический человек, равновесие, поведение, максимизация полезности, оптимизация, эффективность, экономическая рациональность	Институты, неравновесная экономическая система, неопределенность, сознание, личность

Интересно, что многие гетеродоксальные школы – например, поведенческая, эволюционная, когнитивная экономика, неинституционализм, нейроэкономика и проч. – частично (или в более смягченной форме) разделяют предпосылки мейнстрима, расширяя тем самым «защитный пояс» неоклассики и укрепляя ее «жесткое ядро». Эта тенденция также может рассматриваться как движение в сторону противоречивого единства экономики мейнстрима и гетеродоксальных теорий [см. 8, с. 5-10; 9; 10; 11].

Экономика – это социальная наука, то есть она изучает человека не только как атомизированного индивида; обратной стороной принципа методологического индивидуализма является включенность индивида в то или иное сообщество, группу. Но сама по себе социальность индивида рассматривается в основном гетеродоксальными экономическими теориями, и на данный момент изучение этой проблемы существенно отстает от аналогичных исследований в социологии и политологии. С другой стороны, как отмечает К. Эрроу, и ортодоксальные экономисты все больше внимания уделяют предпосылке «социальные институты и социальные взаимодействия имеют значение» [7, с. 23] – в этом одна из заслуг институционализма в его современных вариантах. Особенности экономического представления о человеке также вызывают интерес и критику как со стороны ученых-экономистов, так и со стороны представителей других социально-гуманитарных наук.

В одной из относительно недавних статей В.А. Лекторского отмечается, что, несмотря на успехи нейрофизиологии, нейробиологии, нейропсихологии, генетики и проч., на их основе нельзя построить полноценную науку о человеке [см. 3]. В современной экономической науке, как мы знаем, именно с когнитивными науками о человеке связывают представление о перспективах развития экономического знания. На наш взгляд, в увлечении этими науками, безусловно, заключены большие возможности для развития экономики, но в то же время в нем таится и опасность окончательной «натурализации» (в противоположность «гуманизации») проблемы человека в экономике. Причина последней связана с тем, что основные принципы мейнстрим экономики (и неоклассики в частности) были сформулированы в рамках методологии позитивизма и на волне некритичного переноса методологических принципов естествознания на социальные науки. О методологических проблемах, возникающих вследствие такого переноса пишет, в част-

ности, В.Л. Тамбовцев [см. 4, 10], отмечая, что естественнонаучный критерий объективности не применим к наукам о человеке (а экономика, безусловно, относится к таковым).

В работе И.В. Черниковой анализируется современное состояние науки в контексте развития трансдисциплинарных методологий и подчеркивается, что сегодня «критерии научности не predetermined теорией, они постоянно доопределяются жизнью, сопоставляются с реальной практикой науки» [5]. В применении к экономической теории это означает необходимость более четкого понимания взаимосвязи теории и практики, что является важнейшим фактором развития экономической науки и экономической политики. Здесь же, на наш взгляд, следует отметить необходимость развития нормативного подхода в экономической науке, поскольку экономическая политика прямо связана с задачей определения ценностей и постановки целей экономического развития. Об этом пишет Р.С. Гринберг в своей работе, посвященной анализу книги Г. Колодко «Куда идет мир: политическая экономия будущего» [см. 2, с. 106]. У экономической науки есть свои ценности,

Наконец, в статье М. Алле об экономической науке и фактах приводятся два условия прогресса экономической науки [1, с. 18-19]: во-первых, расширение взаимодействия экономики с другими социальными науками – в том числе посредством более широкого социально-гуманитарного образования экономистов; во-вторых, усиленное стремление объективности экономических знаний, достигаемой в том числе постоянной самокритикой. Мы согласимся с известным ученым, считавшим, что экономика еще только может стать наукой. С другой стороны, нельзя не помнить о проблематичности критерия объективности в социальных науках; но, может быть, именно критическая оценка достижений экономической науки самими учеными-экономистами будет способствовать переосмыслению критерия объективности экономических знаний.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в будущем: а) экономическая наука выйдет за рамки плюрализма теорий в ситуацию плюрализма проблем; б) новый этап развития экономической науки будет невозможно рассматривать с точки зрения теории научно-исследовательских программ в терминологии И. Лакатоса; в) экономическая наука нуждается в переосмыслении своего нормативного аспекта; г) экономическая наука нуждается в «гуманизации» своей теории и методологии посредством акцентирования внимания на взаимодействии с культурологией, антропологией, философией; д) среди негативных сценариев развития экономической науки можно отметить такие, как новый виток экстраполяции методов и научного идеала естествознания на процедуры анализа экономической действительности; дальнейшая «механизация» представления о человеке в экономике, подкрепленная новейшими достижениями когнитивных наук и современных информационных технологий.

Перечисленные тенденции не исчерпывают перспективы развития экономической науки, возможно их уточнение и дополнение в ходе наблюдения за актуальным развитием экономической науки.

Литература

1. Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. – 1994. – Вып.4. – С. 11-19.
2. Гринберг Р.С. Прагматизм общей экономической теории (по поводу книги Гжегожа Колодко «Куда идет мир: политическая экономия будущего») // Российский экономический журнал. – 2015. – №2. – С. 105-115.
3. Лекторский, В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. – 2015. – №5. – С.3-15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1153&Itemid=52
4. Тамбовцев В.Л. Методологический анализ и развитие экономической науки // Общественные науки и современность. – 2013. – №4. – С.42-53.
5. Черникова И.В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии. – 2015. – №4. – С.26-35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1139&Itemid=52
6. Философия и методология экономики: учебное пособие / Под ред. Л.А. Тутова. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 386 с.
7. Эрроу К. Развитие экономической теории с 1940: взгляд очевидца // Вопросы экономики. – 2010. – №4. – С. 4-23.
8. Colander D., Holt R., Rosser B. The changing face of mainstream economics // Middlebury College Economics Discussion Paper. – 2003. – №03-27. – 13 p.
9. Davis J.B. The turn in economics: neoclassical dominance to mainstream pluralism? // Journal of Institutional Economics. – 2006. – Vol. 2. – Is. 1. – P. 1-20.
10. Hodgson G.M. Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream // Evolutionary and Institutional Economics Review. – 2009. – №4 (1). – P. 7-25.
11. Schiffman D.A. Mainstream economics, heterodoxy and academic exclusion: a review essay // European Journal of Political Economy. – 2004. – Vol. 20. – Is. 4. – P. 1079-1095.

НА ПОРОГЕ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: КРИЗИС И ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ольга Ростиславовна Чепюк

Кандидат экономических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье раскрываются основные направления актуализации гуманистического потенциала современных систем хозяйствования, определение их роли в развитии человека и общества с учётом достижений, и вызовов на современном этапе общественного воспроизводства. Предметом исследования выступают экономические кризис в системе научного знания о хозяйстве. На современном этапе система хозяйствования представляет собой сочетание материальных артефактов и монетизируемого субъективного начала, которая приводит к экономизации культуры, спорта, образования. «Экономизация» объективизируется, превращается в универсальный феномен, что оказывает влияние на место и роль субъекта (человека) в экономической (хозяйственной) жизни, отражается на процессах воспроизводства культуры. Исследование коммуникативных свойств природы хозяйствования и статуса субъекта экономических отношений непосредственно связано с системным и диалектическим анализом дегуманизированного экономического пространства, становлением глобальной экономической псевдо-культуры, выявлением аксиологического влияния информационно-коммуникативных технологий на хозяйственные процессы. Одним из результатов является формирование техносферы и постчеловеческой экономики, в которой феномен «отчуждения результатов труда» обретает социокультурные коннотации. Выводы, материалы и положения исследования могут быть использованы в научной разработке новых теоретических и практических аспектов философии хозяйства и гуманитарных аспектов преобразования экономической науки.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономический кризис, экономика эмоций, отчуждение результатов труда.

THE DIGITAL ERA IS COMING: CRISIS AND WAYS OF TRANSFORMATION OF ECONOMIC SCIENCE

Olga Rostislavovna Chepyuk

Candidate of economical sciences

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article reveals the role of modern economic systems in the present development of man and society, its humanistic potential in accepting the challenges of modern social system. The research focuses on the social nature of economic crises. The present economic system is considered as a combination of material artifacts and a «monetized» human, who acts not only in economics, but also in culture, sport, education system etc. "Monetization" is objectified; it turns into a universal phenomenon, which influences the place and role of the person in economic life; it is reflected in the processes of cultural reproduction. The study of the status of the subject of economic relations is directly related to the systemic and dialectical analysis of the dehumanized economic space, the formation of a global economic pseudo-culture, the revealing of the axiological influence of information and communication technologies on economic processes. One of the results of these processes is the formation of the technosphere and posthuman economy, in which the phenomenon of "alienation of the results of labor" acquires sociocultural connotations. The conclusions, materials and provisions of the study can be used in the scientific development of new theoretical and practical aspects of the philosophy of economy and the humanitarian aspects of the transformation of economic science.

Keywords: philosophy of economy, economic crisis, economy of emotions, alienation.

Процессы, происходящие в границах современной экономики, всё заметнее превращают её в асоциальный, античеловеческий «проект». В медиа среде кризисы исторически сложившейся системы хозяйствования приобретают статус нормы, «неизбежного зла». При этом экономика является не только специфической, монетарно-производственной сферой общественной жизни, но и причиной изменений в других сегментах общественного воспроизводства: культуры, спорта, образования, политики, развития производства и технологий. «Экономизация» социокультурной жизни остаётся за рамками междисциплинарной научной рефлексии. В то же время – её невозможно исследовать в границах самой экономической науки, переживающей свой, науковедческий, эпистемологический кризис. Критики современного экономического мейнстрима (Ф.Майровски, У.Мяки) обращают внимание, что экономика «замкнулась» в границах математического аппарата, а также растущими в популярности когнитивными методами исследования. Вот почему в

рамках экономического исследования затруднительно дать гуманитарные (человеко-ориентированные) ответы на экологические и социальные вызовы, продуцируемые системой хозяйствования.

История экономической науки – это последовательный уход от анализа проблематики хозяйственной реальности, а также роли человека в этой реальности. Попав в зависимость от эволюционных и парадигмальных трендов развития науки, значительная часть экономистов, стоявших у истоков экономической науки и оказавших влияние на формирование современной экономической мысли (А.Смит, Д.Рикардо и многие представители т.н. «экономического мейнстрима»), не подвергали основательному анализу используемые методы. Выработка собственной методологии экономической науки встречается в отдельных работах западных социальных философов конца XIX века – например, Дж.С.Милля, впервые предложившего рассмотреть особенности подходов в исследовании экономической науки, также в дальнейшем эти вопросы исследовались Д.Н. Кейнсом, К.Менгером, М.Фридменом, Дж.Хиксом. Как последовательно доказывает М.Блауг, современная экономическая методология опирается на фальсификационизм К.Поппера, или верификационизм Дж.С. Милля [2, с. 31]. Таким образом, экономические исследования оказываются «запертыми» в рамках «нулевых гипотез», для подтверждения которых используется статистический аппарат, логические умозаключения, а также набирающие популярность мыслительные эксперименты, проводимые с помощью компьютерного моделирования. Они, по выражению Ф.Майровски, превращают экономику в «машинную», «киборг-науку» [17]. Среди «нулевых гипотез» (аксиом), абсолютных предпосылок (Р.Г.Коллингвуд) экономической теории выделяются методологический индивидуализм, рациональность и спонтанная координация рынком. Именно эти предпосылки, по мнению авторитетных современных экономистов, таких как Ф.Хан, Дж.Бьюкенен [15, р.5], являются практически аксиомами экономического знания. А модель рационального индивида, который всегда стремится к максимизации прибыли и минимизации издержек, является едва ли не базовой гипотезой, преодоление которой, как справедливо замечает В.А. Колпаков, стало ключевым вопросом для дальнейшего развития экономической науки. Не менее значительное влияние на экономическую теорию оказывает система верований (мифов-конструктов), на которые она опирается [10]. Таким образом, экономика представляется одновременно проектом идеальной реальности и её незаконченным воплощением в действительности.

Эпистемологический «поворот» в изучении субъекта, который предопределил современное состояние исследований в данной области произошёл по двум направлениям. С одной стороны, это развитие теории «рационально» мыслящего, «калькулирующего» человека (М.Хайдеггер). С другой – уход от «проблемы человека» вообще, например, в область изучения движущих сил исторического процесса (К.Маркс).

Исследование рациональности субъекта экономических отношений, неоднократно и всесторонне изучалось в работах как зарубежных (Ф.Майровски, У.Мяки), так и отечественных специалистов в области экономической эпистемологии (В.С. Автономова, Н.А. Печерских, М.Блауга, О.И. Ананьина). В них всесторонне раскрыты антропологические аспекты рационального экономического поведения, которое преимущественно направлено на оптимизацию хозяйственных процессов, поиска путей, которые позволяют сохранить систему, «увеличив её гомеостазис». Следует отметить «упрощение» (редукцию) сложного образа личности, не только с точки зрения психологических, но и социокультурных, национальных, биологических особенностей. В преломлении «чистой» (И.Кант) теории субъект идеализируется, и становится глобально действующим, усреднённым индивидом. В конце XX века разрозненные модели рационального максимизатора («эгоиста») были сведены У.Меклингом к парадигме, обозначенной акронимом RREEMM (рус. перевод: «изобретательный, испытывающий ограничения, имеющий ожидания, оценивающий, максимизирующий человек») [16]. RREEMM получила развитие в других исследованиях, что в итоге разделило дискурс о рациональном человеке на тот, что подлежит исследованию в психологии, социологии и собственно – в рамках экономики. Это, с одной стороны, открыло возможности для когнитивных исследований, но с другой – отодвинуло на второй план – актуальное исследование ответного (перформативного) влияния статуса субъекта экономических отношений на хозяйственную реальность.

Перформативные свойства современной экономической системы, описанные в работах М.Каллона [14], позволяют скорректировать исследование субъекта в свете постнеклассической рациональности (В.С.Стёпин). Антропологическая модель «рационального эгоиста», ставшая базовой для неоклассической экономической школы (экономикс), оказывает воздействие на хозяйственную практику. Теория, перформативно отражаясь на практике, воспринимает это как подтверждение исходной предпосылки о рациональности. Возникает парадокс: сначала человек рассматривается как разумный (рациональный) максимизатор, стремящийся к личной выгоде (сокращая издержки, внедряя инновации), а затем – как иррациональный потребитель, который подвержен спекуляциям (влияние мифов-конструктов) со стороны рекламы, моды и прочих инструментов потребительского воздействия.

Второе направление исследований хозяйственных отношений, в которых произошло своеобразное бегство от проблемы описания субъекта, связано с современным развитием концепции «отчуждения результатов труда» (К.Маркс). Идейно феномен «отчуждения» стремительно развился до «отчуждения каждого, в отдельности, от самого себя» (Т.Адорно), «отчуждения» между «человеком и человечеством» вследствие «закона ускоренного производства информации» (М.Эпштейн [13, с.216]), или «отчуждения людей от людей» (Э.Ильенков). Э.Фромм связывал «отчуждение» с людьми-системами (менеджеры, служащие, посредники), которые становятся жертвами манипуляций со стороны символов и вещей. В связи с этим экономическая деятельность отдельного субъекта приобретает негативную коннотацию. Это усиливает «обречён-

ность», бессмысленность и предопределённость человеческих усилий, их рассеяние в пространстве хозяйственных отношений, где властвуют «невидимые» общественные законы. Отдельные положения этого направления находят аналогии в теории «Иного», как продукта постмодерна и техносферы (В.А. Кутырёв, Ю.М. Осипов), подменяющего собой не только «рационального», но и реального (живого) субъекта экономических отношений. Это направление не получило достаточного освещения в современных работах по социальной философии и предоставляет научный потенциал для дальнейших исследований.

Кризис современного этапа развития экономической науки во многом определяется тем, что она является продуктом культуры западных стран. Последствием глобализации и присоединения товарных рынков Азии и посткоммунистического пространства не стал ответный поиск синтеза экономикса и политической экономики, хотя он был предметом исследований российских экономистов в 90-е и 2000-е гг. [7; 8]. Однако он «наложился» на кризис экономического «мейнстрима». На это повлиял и приход в экономику экономистов с инженерным, а не гуманитарным образованием. В итоге – в российской науке наблюдается позиция «догоняющих», или «учеников», произошёл неаргументированный отказ не только от школы политической экономики и многоплановых исследований советских экономистов, но и исследований хозяйства, представленных в работах русских социальных философов конца XIX века (например, философии хозяйства С.Н. Булгакова). Возрождение российской экономической мысли происходит постепенно, и в настоящее время представлено незначительным количеством самобытных российских экономических исследователей: таких, например, как лаборатория «Философии хозяйства» Ю.М. Осипова [6], или гуманитарология В.М. Шепеля [10].

Особенностью экономики как науки является то, что предмет экономики есть одновременно проект, то есть незаконченный образ будущего хозяйственной реальности. Он находится в непрерывном становлении, а его исследование подразумевает вмешательство (перформативность – М.Каллон) и изменение предмета науки под воздействием этого вмешательства (по аналогии с принципом неопределённости Гейзенберга). Изучая экономику, неизбежно её проектирование (посредством исследовательской, педагогической и практической деятельности). В отличие от физического (естественного) мира, не созданного человеком, хозяйственная реальность творится человеком, она сама – продукт его культуры и науки и находится в определённой зависимости от наших представлений о нём. Не случайно Т.Веблен, который одним из первых выступил с критикой экономической методологии А.Смита, призывает к созданию экономики как теории «кумулятивно разворачивающегося процесса» [1, с. 11], правила развития которой определяются этапом эволюционного изменения. В этом смысле наиболее близко сравнение процесса «сотворения» экономики с искусством, о чём, как показывает О.Ананьин, неоднократно говорили сами экономисты, разделявшие экономику на чистую науку и её прикладное применение. В истории экономической мысли представление об экономике как искусстве мы находим в трудах первого методолога экономики, Д.С. Милля, Д.Н. Кейнса. Примером реализации такого подхода являются работы Ф.Листа, или Л.Ларуша: в своих исследованиях они рассуждают о желаемом состоянии экономики, уходя от анализа её текущего положения, так как это положение является временным.

Указывая на эту особенность экономической науки (предмет науки как проект хозяйственной реальности), подчёркивается, во-первых, стремление многих экономистов уподобить хозяйство природе, составив собственный свод законов естественного развития хозяйствования (отсюда – развитие натуралистических подходов); во-вторых, неизбежную идеализацию (математическую) и идеологизацию (социально-культурную) как желаемый прообраз (отсюда методологический плюрализм); наконец – динамика самого предмета, постоянно меняющегося в результате творческой активности человека и человечества. Хозяйственная реальность есть воплощение совокупной энергии всего человечества и одновременно – отражение его невидимых духовно-нравственных процессов. Таким образом, экономисты вынуждены изучать либо промежуточное состояние хозяйственной системы (как один из этапов проекта), либо – предлагать её желаемое состояние, которые воплощаются в конвенциональных истинах, различных формах договорённостей о правилах взаимодействия в хозяйственной системе, «видениях» (Й.Шумпетер). Но в любом случае – такая позиция позволяет избежать необходимости определять характеристики хозяйственной реальности, зеркалом которой должна быть экономическая наука. На этом утверждается хозяйственная система как постоянный меняющийся продукт культуры, а сама экономика, действительно, может быть сопоставлена с искусством.

Появление и масштабное развитие IT-технологий позволяет воплотить эту реальность на практике, взять под контроль большую часть хозяйственных потоков. В свете этих коренных преобразований хозяйственной действительности, необходимо

- 1) признание, что предметом экономической теории является не хозяйственная реальность, а модель этой реальности, реализация которой в действительности является предметом экономического искусства;
- 2) найти иное универсальное «ядро», отличное от математической формализации хозяйственных процессов;
- 3) признать перформативный характер экономики (развитие мысли М.Каллона): то, что проектируется, обретает реальность и начинает на неё влиять.

Глобальные и стремительные изменения в системе общественного воспроизводства, которые фиксируют социологи, делают также актуальным возрождение гуманитарного дискурса в пространстве наук о хозяйствовании. Отдельные фрагментарные примеры можно найти в отечественных исследованиях по фи-

лософии хозяйства (Ю.М. Осипов), теории управления (В.М. Шепель), по предпринимательству [4; 10], а также встречаются в исследованиях лидерства, и этической стороны капитализма [3; 5; 7]. В то же время они нуждаются в концептуализации, встраивании в единую историю социально-философской мысли. Это представляет перспективу для дальнейших исследований.

Литература

1. Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономической теории. – М.: Ин-т экономики, 2013. – 48 с.
2. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НП "Журнал Вопросы экономики", 2004. – 416 с.
3. Гэлбрейт Дж.К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени / пер. с англ. И. Ногаева. – М.: Европа, 2009. – 86 с.
4. Ермаков С.А., Ермакова Е.В. Предпринимательство как ценность жизни человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №3-1(29). – С. 65-67.
5. Колпаков В.А. Экономика и этические проблемы капиталистических стран // Вестник воронежского государственного университета. Серия: философия. - 2015. - №4(8). – С. 3-15.
6. Осипов Ю.М. Иное. – М.: Экономика, 2006. – 704 с.
7. Пивоварова В.А. Как преподавать и совершенствовать экономическую теорию // Российский экономический журнал. – 2000. – №2. – С. 23-34.
8. Пороховский А. XXI век и экономическая теория: мировые тенденции и российская реальность // Российский экономический журнал. – 1999. – № 11-12. – С. 71-74.
9. Соммер Д.С. Мораль XXI века. – М.: Издательский дом «София», 2004. – 528 с.
10. Фортунатова В.А. Гуманитарные основы предпринимательской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – №4-2. – С. 246-249.
11. Чепюк О.Р., Фортунатов А.Н. Информационно-коммуникативные истоки стагнирующей экономики // Ценности и смыслы. – 2016. – №3 (43). – С. 112-119.
12. Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера: Управлен. антропология. – М.: Нар. образование, 1999. – 430 с.
13. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. – 1999. – №.11. – С. 216-227.
14. Callon M. What does it mean to say that economics is performative? // Do economists make markets? / D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu (Eds). – Princeton: Princeton University press, 2007. – P. 311-357.
15. Maki U. Ontology: What? Why? Where? // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. – Cambridge, 2001. – 400 p.
16. Meckling W.H. et al. Values and the Choice of the Model of the Individual in the Social Sciences // Swiss Journal of Economics and Statistics (SJES). – 1976. – Т. 112. - № IV. – P. 545-560.
17. Mirowski P. Machine dreams: Economics becomes a cyborg science. – Cambridge University Press, 2002. – 655 p.

УДК 7.011

О ПРИНЦИПАХ АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ ИСКУССТВА

Ирина Петровна Никитина
Доктор философских наук, доцент
Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С.А. Герасимова

В статье обсуждаются конкретные принципы анализа исторического развития искусства как в периоды революционных изменений, так и в периоды достаточно спокойного эволюционного развития искусства. Анализируются два подхода к изучению истории искусства: повествовательный и стилевой. Повествовательный подход применяется при изучении эволюционных периодов в развитии искусства. Стилиевой подход фиксирует революционные изменения в развитии искусства (смена стилей). Делается вывод, что в изучении развития искусства необходимо совмещать оба этих подхода. Наряду с указанными подходами анализируется также ещё два способа анализа истории искусства: причинный и телеологический. Высказывается мнение, что необходимо гармоничное сочетание их обоих. Автор статьи, вслед за многими современными исследователями истории культуры, утверждает, что как в истории человечества в целом, так и в истории развития искусства не существует жёстких объективных законов. В исторической эволюции искусства можно наблюдать только определенные тенденции, смена которых может рассматриваться как проявление своего рода революционных изменений в искус-

стве. Автор статьи связывает тему эволюции и революции в развитии искусства с проблемой прогресса в искусстве. Утверждается, что, в отличие от науки и техники, в сфере искусства мы не можем однозначно утверждать, что прогресс существует, так как прогресс ценностей не является однозначным.

Ключевые слова: развитие искусства, эволюция искусства, революции в искусстве, повествовательный и стилиевой подходы, причинный и телеологический подходы к изучению развития искусства, тенденция в развитии искусства, прогресс в искусстве.

ON THE PRINCIPLES OF THE ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF ART

Irina Petrovna Nikitina

DSc, Associate Professor

The All-Russian state institute of cinematography of S.A. Gerasimov

The article deals with specific strategies for analyzing the historical aspects of art development. Both revolutionary periods and rather undisturbed periods of evolutionary art development are considered. Two approaches to art history studies are analyzed, namely narrative and stylistic. The study of evolutionary periods in the development of art applies a narrative approach, whereas the stylistic approach records revolutionary modifications (changes in style). It is concluded that one should combine both approaches when studying the development of art. Along with the specified approaches, two more art history analysis methods are critically examined, - causal and teleological. It has been argued that consideration should be given to a balanced combination of both modes. Following many cultural history researchers of today, the contributor maintains that neither the history of humankind at large nor the history of art development establishes rigid objective laws. Certain trends can be observed in the evolution of art, and their turn can be manifested through revolutionary changes in art in their own way. The contributor associates the evolutionary and revolutionary phenomena in the development of art with the artistic progress issue. It is stated that in contrast to science and technology, it seems disputable to claim that progress appears to be commonplace in art since the progress of values cannot be considered self-explanatory.

Keywords: development of art, evolution of art, revolutions in art, narrative and stylistic approaches, causal and teleological approaches to studying the development of art, trends in the development of art, artistic progress.

Для развития искусства, как и культуры в целом, присуще чередование революционных периодов с эволюционными. С возникновением постмодернизма, заставившего скептически посмотреть на всю историю эстетики и на её понятийный аппарат, острота полемики об эволюции искусства заметно возросла.

Характерная особенность современных дискуссий об эволюции искусства состоит в том, что они являются чрезвычайно аморфными. Неясность современных представлений об эволюции искусства связана также с тем, что история искусства отрывается от социальной теории развития общества. Вместе с тем, очевидно, что если развитие искусства детерминируется, в конечном счете, развитием культуры, невозможно представить искусство как область, эволюционирующую по своим собственным «законам», не зависящим от тенденций развития общества.

Обсуждение проблемы развития искусства целесообразно начать с выдвижения некоторых простых и ясных принципов, касающихся основных моментов этого развития, и приведения аргументов в поддержку данных принципов.

В дальнейшем мы исходим из следующих пяти общих принципов:

1) поскольку искусство порождается культурой своей эпохи, переход от одной исторической эпохи к другой представляет собой *революцию* в художественном видении мира, кардинальным образом меняющую все виды искусства и все его жанры;

2) искусство разных цивилизаций, существующих в одну и ту же историческую эпоху, является настолько разным, что *не допускает сравнения по шкале «выше – ниже» («лучше – хуже»);*

3) в рамках конкретных цивилизаций искусство *развивается стилями*, и художественный стиль становится здесь основной единицей «эстетического времени»;

4) не существует никаких законов развития искусства, открытие которых могло бы быть предметом интереса эстетики; имеются, вместе с тем, определенные, иногда достаточно длительные и устойчивые *тенденции* в эволюции искусства; выявление таких тенденций является основной задачей исследования развития искусства;

5) понятие *прогресса* не приложимо к развитию искусства [3, с. 146].

Эти принципы имеют достаточно долгую историю, однако пока они не обсуждались в комплексе, в связи друг с другом.

Существуют два основных способа изучения эволюции искусства. Один из них можно назвать *повествовательным*, другой – *стилевым*.

При повествовательном подходе история искусства представляется как переход от творчества одного художника к творчеству другого и является эпическим рассказом о том, как менялось и совершенствовалось искусство по мере усвоения более поздними художниками технических, формальных и содержательных открытий, сделанных предшествующими художниками.

Ядром стилевого подхода к истории искусства является понятие *стиля искусства*. Если стилевой подход проводится жестко и последовательно, то история искусства не нуждается в каких-либо персоналиях, включая даже самых выдающихся художников, представлявших тот или иной стиль. История искусства оказывается анализом различных художественных стилей, их рождения и развития, слияния и упадка. «Каждый согласится с мнением, – пишет социолог К. Манхейм, – что искусство развивается благодаря стилям и что эти стили появляются в определенное время и в определенном месте и по мере развития определенным образом выявляют свои формальные тенденции» [2, с. 573]. Если искусство действительно развивается стилями, а в рамках отдельных стилей происходят постепенные изменения во времени, это означает, что в истории искусства имеются достаточно длительные и устойчивые тенденции, имеющие не только содержательные, но и формальные признаки, используя которые неизвестное до сих пор произведение искусства можно локализовать во времени.

Существуют также два диаметрально противоположных подхода к изучению социальных явлений, в том числе и явлений искусства. При подходе, который можно назвать *причинным (внешним)*, эти явления рассматриваются так же, как исследуются звезды, химические вещества и другие объекты естественных наук. Данные явления оказываются при этом внешними по отношению к индивидам, принудительными и объективными. Иной, *телеологический (внутренний)*, подход учитывает, что общество складывается из индивидов, обладающих сознанием и действующих на основе имеющихся у них ценностей и целей.

При причинном подходе сохраняется надежда на открытие универсальных законов социального изменения, подобных законам ньютоновской физики или дарвиновской биологии. Телеологический подход внушает веру в то, что человек, создавший общество и цивилизацию, в состоянии менять их по собственному усмотрению, чтобы они полнее соответствовали его устремлениям [1, с. 111].

Необходимо избегать крайностей как чисто причинного, так и чисто телеологического подходов к искусству. Стиллевая история искусства, истолковывающая эволюцию искусства как смену художественных стилей, представляет собой воплощение причинного подхода к нему.

Таким образом, ни стилевая, ни повествовательная история искусства не способны, взятые в изоляции, дать полной картины его развития. Стиллевой подход является ведущим. Вместе с тем принятие стилевого подхода к истории искусства должно дополняться элементами повествовательного подхода.

Эстетика, рассматривающая искусство в его постоянном развитии, с достаточной очевидностью показала, что не существует законов развития искусства. Ни одно из многочисленных направлений эстетики не ставит перед собой задачу выявления таких законов и не формулирует каких-либо конкретных законов.

Этот принцип очевидным образом связан с общим положением, что человеческая история в целом, включая как историю искусства, так и историю войн, наук, языков, права, государственности и т.д., не подчиняется каким-либо общим положениям, хотя бы внешне напоминающие те законы, которые устанавливаются естественными науками, такими, скажем, как физика или химия, или социальными науками, подобными экономической науке или социологии.

Если не существует законов развития человеческого общества, то не может быть и законов эволюции искусства. Те, кто настаивает на существовании «законов истории», а в дальнейшем и на существовании законов развития искусства, или путают понятие научного закона с понятием социальной тенденции, или ориентируются на некоторую, весьма туманно представляемую идею постепенного прогрессивного развития общества и искусства.

Тенденции в развитии искусства не являются законами истории искусства, хотя иногда эти разнородные вещи путают друг с другом. Тенденции, в отличие от законов, всегда условны. Они складываются при определенных условиях и прекращают свое существование при исчезновении этих условий.

С темой тенденции в искусстве тесно связана проблема прогресса в искусстве. Идея прогресса стала формулироваться как всеобщий закон, детерминирующий динамику истории ещё в эпоху Просвещения.

XX век, вместивший две мировые войны, социалистические революции и тоталитарные режимы, уничтожившие десятки миллионов людей, обнажил проблематичный характер прогресса. Стало очевидным, что идея прогресса вовсе не является всеобщим историческим законом. Прогресс распространяется далеко не на все сферы социальной жизни, а его результаты в тех областях, где он все же имеет место, неоднозначны. Мы потеряли веру в «прогресс» и считаем прогресс понятием ложным, туманным и произвольным, писал в начале 1920-х гг. С.Л. Франк [4, с. 144-145].

Суждения Франка о прогрессе чересчур скептически. Есть несомненный прогресс в знании и техническом умении, причем результаты его постоянно передаются дальше и все более становятся всеобщим достоянием. Прогресс в науке и технике не является, конечно, всеобщим законом истории. Это только длительная историческая тенденция, которая, можно думать, продолжится и в будущем.

Наличие прогресса в искусстве сомнительно. «Никому не придет в голову утверждать, будто шекспировская поэзия пошла дальше эсхилловской. Но еще невыносимее говорить, будто новоевропейское восприятие сущего вернее греческого» (М. Хайдеггер) [3, с. 53]. Аналогичным образом нет оснований утверждать,

что искусство Нового времени в целом лучше или вернее искусства Средних веков или что последнее предпочтительнее античного или современного искусства.

Прогресс ценностей не является, таким образом, однозначным. В одних областях он очевиден, в других едва заметен, в третьих, он, судя по всему, вообще отсутствует. Более того, имеются, как кажется сферы, в которых в современную эпоху наблюдается не прогресс, а очевидный регресс.

В различные исторические периоды остаются неизменными представления людей об определенных ценностях и нормах. В современном обществе справедливость ценится столь же высоко, как она ценилась в Античности, в Средние века и в Новое время, хотя само содержание справедливости существенно менялось. Истина понималась по-разному в разные эпохи, но само стремление к истине оставалось, в сущности, неизменным.

Аналогичным образом обстоит дело и с идеалами и нормами искусства. Несмотря на то, что их конкретный смысл со временем меняется, в них остается определенное неизменное содержание. Оно позволяет сказать, что их успешная реализация, к какой бы эпохе она ни относилась, сохраняет характер образца и в более позднее время.

Литература

1. Ивин А.А. *Философия истории*. – М.: Гардарики. 2000. – 528 с.
2. Манхейм К. *Консервативная мысль* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. – М.: Юрист, 1994. – С. 572-670.
3. Никитина И.П. *Философия искусства*. В 2-х ч. Часть 2. – М.: Юрайт. 2017. – 293 с.
4. Франк С.А. *Крушение миров* // *Сочинения*. – М.: Правда, 1990. – 608 с.
5. Хайдеггер М. *Время и бытие*. – М.: Республика. 1993. – 447 с.

УДК 165.4

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ИСТИНЫ Н.ЛУМАНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ*

Наталья Николаевна Погожина

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье представлена реконструкция подхода Н. Лумана к анализу истины. Рассматриваются теоретические предпосылки актуализации проблематики знания и науки в современном мире, анализируется связь научно-исследовательской деятельности и общества, наука рассматривается в этой связи как институционально определенная организация, функционирующая в социуме; указывается на взаимозависимость знания и социального контекста, рассматривается группа теорий, которую традиционно относят к концепции «общества знания» и теории пост-индустриального и информационного общества. Проводится анализ идей Н. Лумана применительно к существу знания и истины, который включает в себя определение особенностей эволюционного подхода, системно-конструктивистскую трактовку знания; выделяются особенности интерпретации истины на языке теории символически генерализованных медиа коммуникаций; отмечается ряд важных замечаний применительно к рассматриваемой концепции – значимость проблематики ложности, социальное и временное измерение истины, оперативные функция и специфические характеристики коммуникативных систем.

Ключевые слова: Н. Луман, наука, социология знания, знание, истина.

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF THE TRUTH OF N. LUHMANN: THEORETICAL BASES AND APPLICATION-ORIENTED ASPECTS

Natalya Nikolaevna Pogozhina

Postgraduate

Lomonosov Moscow State University

The article presents the reconstruction of approach of N. Luhmann to analyze the truth. Theoretical prerequisites of updating of a perspective of knowledge and science in the modern world are considered; the communication of research activity and society is analyzed, the science is considered in this regard as an institutionally defined organization functioning in a society; also interdependence of knowledge and a social context are emphasized; the group of theories which is traditionally referred

* Статья написана при поддержке фонда РФФИ, грант № 17-03-00733 «Системно- коммуникативный подход Н. Лумана в отношении к Российскому обществу».

to the concept by "societies of knowledge" and the theory of post-industrial and information society are considered. The analysis of the ideas of N. Luhmann in relation to a being of knowledge and the truth is attempted, which includes determination of features of evolutionary approach, system and constructivist interpretation of knowledge, features of interpretation of the truth in terms of the theory of symbolically generalized media-communications; a number of important remarks, in relation to the considered concept – the importance of a perspective of falsehood, social and temporary measurement of the truth and specific characteristics of communicative systems are noted.

Keywords: Niklas Luhmann, science, sociology of knowledge, knowledge, truth.

Даже при беглом рассмотрении очевидно, что эпистемологическая проблематика является значимой для построения теории современного общества. Если обратить пристальное внимание на социальную аналитику конца двадцатого и начала двадцать первого веков, можно заметить нарастающие тенденции, с одной стороны, к спецификации и предметному обособлению анализа знания, с другой - к обязательному включению в теории общества рассмотрения науки и оценки роли знания в жизни социума, а также, зачастую междисциплинарный характер исследований в рамках данной проблематики. Рассмотрение науки с точки зрения общественного института переводит дискуссии о ней из сугубо философского анализа, которым занимались философы науки, и который разворачивался в гносеологическом дискурсе, в сферу социальной теории - здесь мы видим задействование не только ресурсов социологии, но и экономики, права, психологии, истории и других областей социального знания. Появляется необходимость комплексного анализа проблемы, который невозможно осуществить, не принимая во внимание исследования, проходящие на стыке нескольких дисциплин и включающие в себя особые методы, к которым относится, например, исследовательская стратегия кейс-стади. В этой связи примечательны теории постиндустриального и информационного общества, которые объединены единой точкой зрения на роль науки и информации в обществе современности, несмотря на существование разных позиций по упорядочиванию названных концепций в социологической теории и вытекающих из этого противоречивых трактовок ряда ключевых понятий. Также необходимо отметить концепцию «общества знания» (knowledge society), в которой акцент поставлен на всеобъемлющий характер и ключевую роль знания во всех сферах жизни общества. Теоретики данного подхода разрабатывают понятийный аппарат, который включает в себя понятия «экономики знаний», «индустрии знаний», «knowledge worker», «техноструктуры» (Гэлбрейт), «технократии» (Х. Шельски) и тд. Более того, усложнение дисциплинарной дифференциации также является важной чертой современного научного дискурса. Эту тенденцию можно проследить, обратившись к развитию социологической теории, которое происходит в логике формирования дисциплинарных образований, в рамках которых отдельные исследователи, научные школы и направления основной своей проблематикой избирают знание и науку, определяя в качестве целевых задач описание связи науки и социокультурного контекста. Мы можем проследить развитие процесса становления различных идейных течений и их отраслевого оформления, начиная от выделения социологии знания как особой исследовательской области социологии через обособление социологии науки, что способствовало в дальнейшем появлению когнитивной социологии науки и междисциплинарного дискурса, к которому тяготеет социальная эпистемология. Во всем теоретическом разнообразии представленных выше концепций важное место занимает теория общества Н. Лумана. И предметом нашего анализа выступает концепция истины, которую исследователь использует в своих теоретических построениях. Н. Луман сам определяет свои взгляды как конструктивистские, отказываясь от классической проблемы, связанной с референцией: «На место вопроса о том, что (если вообще что-то) имеют своей интенцией мысли или обозначают предложения, заступает вопрос о том, через какие формы нечто может конституировать себя в качестве медиума реализации форма». [1, с.116] Луман подчеркивает, что знание рассматривается им как результат структурных сопряжений коммуникативной системы, которые не имеют прямой корреляции с действительным миром, а представляют собой формы, с помощью которых производится различение (Луман пользуется логикой Дж. Спенсера-Брауна). Различение истины и знания появляется лишь с наблюдением второго порядка, то есть в такой ситуации, когда наблюдается само наблюдение, поскольку именно в этом случае появляется дистанция, то есть различение истинного и ложного. Луман указывает на сложности трактовки истины в языке, поскольку происходит трансформация понимания знания и заблуждений, характеристика которых не ограничивается их ошибочностью. Таким образом, различая истинное/ложного, знание/незнание, удастся преодолеть двусмысленность. В качестве языка описания Луман избирает теорию символически генерализированных медиа коммуникаций, в связи с чем истина выступает в роли символа, выполняющего посредническую функцию аналогично с медиа других систем, задача которых, исходя из схемы коммуникации (сообщение-понимание-принятие(акцепция)/отклонение) выстроить акцепторные связи там, где у них меньше всего шансов появиться. Существенную роль в возможности такого различения истины сыграло становление письменной культуры, поскольку именно с возникновением письменности коммуникация становится еще более невероятной и одновременно значительно расширяет свою область. Таким образом, отказ от понимания истины как потенциальной данности позволяет принимать парадоксы, а не выносить их за скобки. Истина принадлежит сугубо социальному измерению, что сразу отсекает все онтологические трактовки, например, истины как «нескрытости» бытия, которые возникают в связи с пониманием «законченности» наполнения мира и необходимости отказа от старого знания в поисках нового. При различении когнитивного/нормативного и переживания/действия вопрос об истине переходит в разряд сугубо

научного проблемного поля. Таким образом научная коммуникация в основе своей всегда содержит переживание, именно так репрезентируется новое знание и поэтому складывается ощущение вовлеченности и всеобщности открытого знания (отсюда же контекстуальное описание обоснование/открытие). Также истина выступает в качестве бинарного кода, именно это свойство и обеспечивает «подсоединительную способность» операций. [1, с. 126-128] Особое внимание Луман уделяет второй стороне кода-ложности, поскольку она не выполняет функции подсоединения, только здесь происходят рефлексия и различение самого различения. Бинарность кода создает известную асимметрию. Важным следствием из этого является конституция порядка без обращения к предметному миру, то есть регуляция противоречий заданным кодом, что, соответственно, оказывает воздействие на развитие самой системы. Коммуникативная система, в свою очередь, является операционно-замкнутой (автопоэтической), то есть производит коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию, но не через непосредственное восприятие. [1, с. 152].

Литература

1. Луман Н. Истина, знание, наука как система. – М.: Логос, 2016. – 408 с.
2. Луман, Н. Общество общества. Часть III. Эволюция. – М.: Логос, 2005. – 256 с.

УДК 165

К КУЛЬТУРОСООБРАЗНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗНАНИИ ИЛИ О ЛОГИКЕ ПОЗНАНИЯ

Елена Борисовна Бабошина
Кандидат педагогических наук, доцент
Курганский государственный университет

Статья посвящена логике познания как проблеме культуры в ее преемственности. Культуросообразность определяется принципом в контексте логики познания как его ценностно-смыслового дискурса. Автор предлагает позицию к решению проблемы познавательного процесса как осуществления культуросообразной преемственности, учитывая позицию И. Канта о трансцендентальном, схематизме в учении о диалоге культур В.С. Библера. При этом авторская позиция опирается на подход В.С. Библера к сущности диалога культур, на философию поступка М.М. Бахтина, других философов. Кратко изложено соотношение понятий-элементов познания в их дискурсе и высказано видение культуросообразной связи логики познавательного акта и результата в становлении субъекта культуры как меры преемственности гуманитарного знания. Автор видит ведущей в анализе культурной преемственности дихотомию “норма – смысл”. В анализе познания как взаимодействия с миром автор опирается на метафизику Аристотеля, а также на позицию Гераклита о Логосе. Автор понимает участность познающей личности как единственную истинность взаимодействия субъекта с миром. К обсуждению ставится вопрос о непреложности металогике познания как соблюдении преемственного акта в освоении культуры в познании, выстраивающего позицию в культуре к становлению ее субъекта.

Ключевые слова: становление, познание, смысл, норма, ценность, культуросообразность, субъект.

TO THE CULTURAL CO-IMAGERY FORMATION OF PERSON IN THE KNOWLEDGE, OR THE LOGIC OF KNOWLEDGE

Helen Borisovna Baboshina
PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kurgan University State

The article is devoted to the logic of cognition as the problem of culture in its continuity. The cultural co-imagery is determined by the principle in the context of logic of knowledge as it is axiological discourse. The author offers a position to the problem of the cognitive process as the implementation of the cultural co-imagery in the continuity, considering the position of Kant on the transcendental “field” and the schematism in the doctrine of the dialogue of cultures by V. S. Bibler. The author’s position is based on the approach of V. S. Bibler to the essence of the dialogue of cultures, the philosophy of the act by Bakhtin, and other philosophers. We summarize the relationship between the concepts-elements of knowledge in their discourse, and express a vision about the cultural co-imagery in logic of the cognitive act and result in the formation of the subject of culture as a measure of the continuity of the humanitarian knowledge. Leading in the author’s analysis is the dichotomy “norm –

sense". In the analysis of cognition as interaction with the world, the author builds on the metaphysics of Aristotle and the position of Heraclitus about the Logos. The author understands the position of participation in the knowing of the individual as the only genuineness of the interaction of the subject with the world. The author puts forward for discussion the question of the stability of Meta-logic in knowledge as a condition for the integrity of the act of cultural continuity in knowledge, as a condition for the formation of the subject culture.

Keywords: forming, knowledge, meaning, norm, value, appropriate culture, subject.

Становление личности в познании как гуманитарная проблема имеет глубокие корни в философии. Она ведущая в психологии, в теориях мышления и языка, в психолингвистике, т.д. Особое значение получает с Нового времени. Многомерность ее выражает сложность и специфику сущностного и природного бытия. Актуальность растет как вопрос о становлении субъекта культуры, его ценностного сознания. Так О.И. Генисаретский особенностью современного «гуманитарного ренессанса» считает применение знания как «интеллектуального ресурса» в «культурно-ценностной политике нового типа», в рождении «интеллектуальных» и «духовных контекстов образа жизни» [4]. Важна позиция Гераклита о Логосе как необходимости, дающейся в слове, выражающем «номос» или закон, что у стоиков открывает внимание к законам Природы, как «абсолютной мере вещей», «но недостижимых полностью» [6, с. 13]. В преемственном знании культура предстает Логосом, приближающим к идее развития, поэтому культуросообразность есть путь к подлинности становления, достигаемом в дискурсе в пространстве и времени. Видение актуализирует учение В.С. Библера о диалоге культур, требующем логики познания. Ее разработку мы связываем с культуросообразностью. Важно не только открытие знания, но смысла, проявляемого через со-понятия – меры, связанные со значением, представлением о сущем, знаком, отношением. Они отражают не случайность логики познания или, в нашем анализе, «металогика познания», выражающей траекторию становления его субъекта. Элементы ее анализа: «информация», «знак», «значение», «смысл», «ценность», «норма». Их преобразование проявляет внеопытную область, или «схематизм» (В.С. Библер), не постижимый, но задающий отношение, видение, что И. Кант вводит как трансцендентальное.

Информация как исходная точка познания задает поиск значения в знаке, чем направляет субъекта к личностному смыслу, содержащему ценностное усилие познающего, силу и характер его установочной матрицы. Ценность проявляется как осознание знания смыслом и нормой, дополняющим схематизм кодом-знаком – присвоенной формой участия. Погружение субъекта в «сознание» есть и метафорический процесс. В означении проявляется ценностное отношение к знанию, к означаемому, что выстраивает норму понимания, дающую точку бифуркации в осмыслении – со-мнение как готовность к диалогу о новом. Так в познании между субъектом и культурой возникает диалог возможностей, задающий позицию субъекта культуры. Для В.С. Библера диалог культур, как одной с иной, возникает на грани. Это трансдукция, «взаимобоснование логик» в «точке их впервые возникновения» «на кончике пера»; «логика парадокса» как «вне» и «до» логическая форма бытия [3].

Для нас металогика познания проявляет особость единицы дискурса – значения, формируемого в означении как о-пред-мечивании, в придании сущему меты. О мете пишет А.Б. Невелев [7, с. 30]. Здесь раскрывается Я, происходит дооформление самости как познание предметности существования, что отсылает к форме Аристотеля, пишущем о свойстве сущего как качестве явления [1, с. 70]. В сообразном познании видна истинная форма соприкосновения с миром. В предметности познания человек соотносит себя с миром через само- и представление, то есть ставит впереди себя нечто как образ (стыкующее – схема); это форма порождение знака для себя, со-отношение с иными знаками через имя (слово). Имя-знак отстоит от предметности, но выражает ее форму, свойство. Осмысление движет сознание к изучению знака не только как значения, но смысла, нормы смысла для себя и других. Это и путь познания в движении к Абсолюту. Новое требует преобразования представления, что пре-образует и образ. Именно на этом этапе, полагаем, необходимо различие сущего и сущности, о чем пробует сказать Аристотель. Обращение же к сущности, возможно при преобразовательном выходе не только на норму, но смысл, что и дает значение. Его знаковая форма улавливает смысл как субъективную данность, что выражается только знаком, стремящимся к воспринятому значению, но может требовать новой формы (образа сущего) и нового знака (символа потаенной сущности).

В не-преемственности же культуры виден и естественный ход со-бытий как явления со-бытийствования Я и Другого, одной формы бытия и другой в их отчуждении. Знаковая форма требует прочтения себя как текста или – произведения, о котором писал и В.С. Библер. Произведение создано, произведено, что в русском языке еще и мыслится как ведаемое, сложенное из знания, но не сводимое к нему, а хранящее новый целостный смысл, требующий неведомого понимания с иным смыслом. Произведенное и прочитанное ломает и прежние рамки нормы, сначала как нормы смысла. По сути, «произведенческий» процесс не дает смыслу разрушиться в «чистую норму», теряющей без него значение. Здесь улавливается возможность выхода из замкнутого пространства знаков в обозначении сущего. В этом великая заслуга диалога. В культурной сообразности преемственно воспроизводится то, что осмыслено как значение. Однако возникающая иная культурная возможность преобразования знания как нормы сущего открывает уму познающего новый тип предметности, смысл меты. И важны все элементы металогика познания для обретения культурного кода цивилизации, ее метазначения, не сводимого к внешнему знанию (о технике).

Так, М.М. Бахтин пишет не случайно о «принципиальном расколе между содержанием-смыслом»

«акта-деятельности и исторической действительностью», теряющем «ценностность и единство живого становления»; о двух мирах – культуры и жизни; восстановление их единого плана связано с «двусторонней ответственностью» с фокусом «в нравственности» [2, с. 2]. С.С. Неретина анализирует внимание философов к основному дискурсу, начиная с Аристотеля, «заметившим мир», «конципиирование» («*λογος*, *conceptum*, *begriep*»), что «сразу вводит отношение со-бытия человека и универсума», но «за это первое не взглянуть»; но, по М.К. Петрову, основной способа передачи знания – профессиональный код, что не имеет «божественного» характера смены социокода [8, с. 23]. Разные позиции показывает А.А. Леонтьев: для Сократа, создающий слова «*номотетос*»; у Платона истина ближе к сущности вещи, ее образу; по И. Канту, знак связан с «видом познания», а рассудок относится к предмету, потому «между чувством и абстракцией» – «трансцендентальная схема» [6, с. 17-18, с. 67]. Возможность познания как дискурс об его элементах остается ведущей в понимании. Однако, несмотря на всю дискуссионность, сегодня важны подходы к позитивным решениям. А.Ф. Филиппов прав, что гуманитарии и к образованию «подходят с точки зрения той ценности, какую оно имеет для личности», и это не «утилитарные блага» [9]. Отношение гуманитария к сфере можно выразить мыслью Н.А. Бердяева о сути творчества, которое есть всегда «выход», «победа». Для нас ценность проступает в познании с металогики. Без нее рухнет лестница познания культурных значений, но метод не панацея: одна культура и другая есть разные, измеряемые их возможностями как сущим в сущем. Весь процесс познания-диалога подвластен субъекту культуры, как его понимал В.С. Библер.

Прошлое, воспринятое как произведение, уже есть знак предельности понятого бытия. Это феномен познания, не имеющий пределов вглубь себя. Понимание «дурной бесконечности» (В.С. Библер) и есть для нас культурно-сообразный метод, выводящий за пределы себя в познании сущего для настоящего и будущего. Без внимания к прошлому в гуманитарном познании не происходит выхода за сегодняшнее нормирование. Тогда его смысловая основа – практический интерес, ведущий к меркантилизму. Тогда гуманитарное знание предстает совокупностью информационных мет, используемых в интересах дня под давлением установок личности, группы. Опасностью приземленной логики познания выступает забвение позитивного ценностного звена в исторической оценке вместе с утратой понимания контекстного значения. Так из познания выпадает культуросообразный элемент, ощутимый как потеря ценности, что делает познание не целе- и ценностно-сообразным. Выпавшая ценность не может стоять ни впереди меты, в начале изучения, не возникает естественно и в конце без металогики. И.Т. Касавин отмечает, что в отличие от «практического», духовно-практическое знание «учит тому, как следует относиться к этому миру и самому себе»; при этом «творческий субъект» и иное сообщество» видят смысл по-разному, как «цель» и как «средство»; но «адаптационный смысл» кроется в том, что «социально-иллюзорная картина мира» имеет «мощный исторический заряд», может появиться то, о чем нет еще и понятия «в зародыше» [5, с. 27, 118, 141]. Потому только в совершении духовного познания и при его значимости возможно становление субъекта культуры как инициатора и участника диалога культур. Итак, гуманитарное познание само творится как произведение, но запрашивающее преемственное прочтение, «идеального читателя» (В.С. Библер), так как индивидуальность в языке «неуничтожима» (И.Т. Касавин). Металогика познания позволяет сохранить культуросообразность процесса как передачу исторических и потому ценностных смыслов. Тогда, вероятно, достигается свободное общество, что, по О.И. Генисаретскому, есть «цель исторического развития», «условие восстановления связей родовой сущности человека» [4, с. 159]. В случае неудачной логики познавательного акта мы получаем не только забвение исторического сознания, но и искажающие сущее нормы понимания, влекущие совсем иного типа произведение. И никто уже не сможет рассчитывать на «идеального читателя», так как его творец будет далек не только от позиции субъекта культуры как условия для диалога, но и культуры как произведения истории.

Литература

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. / Ред. В. Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Бахтин М.М. К философии поступка [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.i-u.ru (дата обращения 11.01. 2017).
3. Библер В.С. О логической ответственности за понятие «диалог культур» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/453 (дата обращения 20.01.2017)
4. Генисаретский О.И. Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – М.: 1995. – С. 56-163.
5. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. — СПб.: РХГИ, 1998. — 408 с.
6. Леонтьев А.А. Деятельный ум. – М.: Смысл, 2001. – 391 с.
7. Невелев А.Б. Бытие человека: диалектика предметности и энергичности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №15 (Вып.24). – С. 30-34.
8. Неретина С.С. Философские одиночества. – М. : ИФРАН, 2008. – 269 с.
9. Филиппов А.Ф. Апория гуманитарного образования // Образовательная политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032846... (дата обращения 12.09.2017).

ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ****Наталья Васильевна Гришечкина****Кандидат философских наук, доцент**Саратовский государственный медицинский университет**им. В. И. Разумовского****Софья Владимировна Тихонова****Доктор философских наук, профессор**Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского*

Производство научного знания в современном информационном обществе опосредуется цифровыми технологиями, поэтому отражает всю специфику современной социальной реальности и характеризуется относительностью, изменчивостью, фрагментарностью. Производство данного знания выходит за рамки и границы научных дисциплин и социальных институтов, вследствие чего современная наука теряет свою автономию, приобретая черты социальных, политических и бизнес-проектов. Процесс познания начинает замещаться процессом производства знания, духовно-практическое освоение мира трансформируется в экономическое. Субъектом познания в новых условиях развития общества может стать каждый, при этом абсолютно добровольно, а иногда и анонимно. В этой ситуации размываются границы пространства научного исследования, а само жизненное пространство становится научной лабораторией. Развивается гражданская наука, которая открывает широкие возможности для современной науки. Отсутствие четких границ между наукой и бизнесом, частным и общественным, ремеслом и творчеством, открытием и продуктом затрудняет определение гражданской науки как строго научной деятельности. Актуальность выводов и новизна технических решений гражданской науки бросают вызов науке академической; знание как изучение и открытие новых сторон, связей и отношений мира уступает место производству и конструированию знания об объектах, аналогов которым нет в природе.

Ключевые слова: медиасфера, цифровая эпоха, производство научного знания, гражданская наука, неформальное знание.

PRODUCTION OF KNOWLEDGE IN THE DIGITAL ERA***Natalya Vasilyevna Grishechkina****Candidate of philosophical sciences, Associate Professor**Saratov state medical University n. a. V. I. Razumovsky****Sophia Vladimirovna Tikhonova****DSc of philosophy, Professor**Saratov state University n. a. N. G. Chernyshevsky*

The production of scientific knowledge in contemporary information society is mediated by digital technologies and, therefore, reflects all specifics of modern social reality, such as relativity, variability and fragmentation. The production of this knowledge is beyond the limits of scientific disciplines and social institutes owing to the fact that the modern science loses its autonomy, gaining features of social, political and business projects. The process of knowing is replaced by the production of knowledge; a spiritual and practical discovery of the world is transformed into an economic development. Anyone can be a subject of knowledge in the new conditions of the society's development, either voluntarily or sometimes anonymously. In this situation, borders of space of scientific research are being washed away, and the life space is becoming a scientific laboratory. Citizen science evolves which gives wide opportunities for modern science. The lack of a clear boundary between science and business, private and public, craft and creativity, discovery and production complicates the definition of citizen science as strictly scientific activity. The relevance of conclusions and novelty of technical solutions of citizen science throw down a challenge to academic science; knowledge as discovery of new sides, connections and relations of the world gives way to knowledge production, to construction of objects, analogues of which do not exist in the natural environment.

Keywords: media sphere, digital era, production of scientific knowledge, citizen science, informal knowledge.

Цифровая среда обеспечивает пользователям доступные инструменты оперирования информационным контентом и управления социальными интеракциями, а также активно включается в диалог науки и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

общества, трансформируя процесс производства знания, делая его более доступным и открытым. Становясь единой платформой и даже субстанцией социальной жизни, цифровая среда стирает границы между людьми, социальными группами, институтами, субъектом и объектом познания. Спецификой данной среды является ее изначальная коммуникационность.

Процесс научного познания мира становится опосредованным цифровыми технологиями; определенный базовыми основаниями социального развития, он приобретает черты производства. Реалиями современного жизненного мира человека и общества иницируются трансдисциплинарные исследования, ориентированные прежде всего не на познание причин явлений, а на поиск методов управления эффектами развития техногенной цивилизации. Цифровая среда способствует производству знания, которое тестируется «здесь и сейчас», а поэтому отражает всю специфику современной социальной реальности и характеризуется относительностью, изменчивостью и фрагментарностью. Производство данного знания выходит за рамки и границы научных дисциплин и социальных институтов. Это означает, что современная наука теряет свою автономию на стыке с бизнесом и общественностью. Знание как результат процесса познания трансформируется в знание как продукт производства, а процесс познания начинает замещаться процессом производства знания. Таким образом, процесс духовно-практического освоения мира трансформируется в процесс экономический.

Субъектом познания в новых условиях развития общества может стать каждый, при этом абсолютно добровольно, а иногда и анонимно. В этой ситуации размываются границы пространства научного исследования, а само жизненное пространство становится научной лабораторией. Такие практики, как вебкраудсорсинг и волонтерство, дают возможность поучаствовать в исследовательских программах, даже если у желающего нет учёной степени. Гражданская наука открывает широкие возможности для сбора более полной эмпирической базы научного знания: от инвентаризации растений и животных до исследований собственной ДНК в домашних условиях и т.д.

Возможность возникновения гражданской науки связана прежде всего с развитием цифровых технологий, которые обеспечили ее включение в институциональную ткань социальных практик и обеспечили возможный доступ каждого к производству научного знания. Такие формы гражданской науки как биохакинг, DYIbio (Do-It-Yourself Biology – «самодельная» биология) не включены в институциональную структуру науки, хотя обладают признаками организованного движения. Представители гражданской науки сами создают нормы и стандарты своей деятельности, не подчиняясь никакому внешнему контролю. Они осуществляют экспертизу знания на опыте в процессе решения конкретной проблемы. То есть осуществляют экспертизу научных проблем на социальном и техническом уровнях. Отсутствие четких границ между наукой и бизнесом, частным и общественным, ремеслом и творчеством, открытием и продуктом затрудняет определение гражданской науки как строго научной деятельности. Актуальность выводов и новизна технических решений гражданской науки бросают вызов науке академической. Но если в основе академической научной деятельности лежит изучение этого мира как открытие новых его сторон, связей и отношений, то основой некоторых форм гражданской науки, например, биохакинга, выступает производство, конструирование знания об объектах, аналогов которым нет в природе. В связи с этим создаются условия для развития знания о возможной, альтернативной реальности, которая внедряется в реальность объективную.

Интенсивное развитие технологий постепенно сближает биологическую, социальную и технологическую среду существования человека, не только открывая новые возможности, но и изменяя процессы социального конструирования знания. Процесс производства знания становится социально распределенным, трансдисциплинарным, а само знание становится гибридным, зависимым от контекста, интересубъективным, ориентированным на практику и решение конкретных задач. Наука утрачивает свою автономию в производстве знания. А знание выходит за рамки научных дисциплин и границы науки как социального института в целом. Это происходит под воздействием глобализации социальной реальности, создания единого информационного пространства, технологизации жизненного мира.

Медиафера социальных сетей является существенным сегментом пространства познания для современного человека. Термин неформальное знание позволяет показать личностный аспект познания, его реализацию до оформления в институциональные каноны, диктуемые социальными институтами духовного производства – наукой, религией, искусством. Индивиды, не инкорпорированные в эти институты, производят знание, которое в отечественной теории познания традиционно называли обыденным, повседневным. Однако вне- и доинституциональный аспект познания универсален, включая в себя и мировоззренческие предпосылки познания, и его эмоционально-мотивационный аспект. До того, как знание становится формальной структурой, корректно-организованным текстом, индивиду необходимо пройти субъективный процесс понимания, весьма амбивалентный и экзистенциально-окрашенный. М. Полани так характеризует этот процесс: «всякий акт познания включает в себя молчаливый и страстный вклад личности, познающей все, что становится известным, и этот вклад не есть всего лишь некое несовершенство, но представляет собой необходимый компонент всякого знания вообще» [3, с.318]. Полани подчеркивает включенность эстетических, эмоциональных и волевых мотивов в субъективный процесс познания. Эту же мысль, говоря о коммуникативности современной науки, выражает А.П. Огурцов, подчеркивая, что знание оказывается одной из функций коммуникативного действия и сообщества, «личное знание» - видом компетенции, а в нем вычлениваются когнитивная база и прецедентные формы; коммуникативность знания предполагает выявление различных форм дискурса – от экспликативного до экспрессивного. [2, с. 202].

В этой связи интерпретация социальных медиа как симулятивной бодрияровской гиперреальности, характерное для большинства философских исследований последних лет, представляется односторонней. Действительно, сетевые коммуникации в социальных сетях могут быть эпистемологически нейтральными, представляя собой простое тиражирование информации, без освоения ее смысла. Однако это не означает тотального отсутствия эпистемологической адекватности коммуникативных практик в социальных медиа. Между информацией и знанием, при всем их качественном различии, нет непреодолимого для субъекта рубежа: в процессе коммуникации информация непрерывно субъективируется, становясь знанием, а знание объективируется (артикулируется), становясь информацией, эта непрерывная конвертация и составляет эпистемологическую суть коммуникации. Циклы этой конвертации многократно ускоряются в условиях Интернета (хотя эти скорости неизбежно проигрывают росту объемов Интернет-информации), возможно, делая знания более поверхностными, но все же расширяя их.

Переход информации в знание в условиях социальных сетей зависит от включенности первой в прагматический контекст коммуникации, именно поэтому интернет-коммуникация изменила массовые социальные движения, превратив их в форму когнитивной практики, продолжающуюся во времени и пространстве. Эмоциональность современных социальных движений подчинена когнитивности. Иначе говоря, характер востребованности знаний в горизонтальной системе социальных отношений не когнитивно-мировоззренческий, как в иерархических системах печатных масс-медиа, а аксиологически-праксеологический.

Коммуникативное знание локально (П.Бергер, Т.Лукман, К.Манхейм) в том смысле, что оно сформировано в конкретном локальном социокультурном контексте на основе разделения и осмысления социальными субъектами совместного опыта, т.е. укоренено в жизненном мире. В условиях цифровой революции коммуникативная интенция тесно связана с медиасферой – именно коммуникативное знание о канале-посреднике. Волонтеры, привлекаемые научными институтами, и подписчики лидеров гражданской науки приобщаются к проектам через сетевые площадки краудфандинга и включаются в их проекты постольку, поскольку они ориентированы на контент социальных медиа, а не на формальные научные знания.

Цифровая среда, тотально пронизывая ткань социальной жизни и погружая в себя человека, создает новую ситуацию синкретической реальности, в которой нет четкой границы между публичным и частным, цифровым и реальным, физическим и виртуальным. Цифровая коммуникация становится основным инструментом получения знания. Такие явления как научный краудфандинг (crowdfunding), трайбфандинг (tribefunding) представляют собой эффективные механизмы мобилизации личных и общественных ресурсов для решения научных вопросов. В этих условиях становится понятным парадокс, который отмечают исследователи-лингвисты. Языковые практики демонстрируют рост числа носителей специальной информации и увеличение потоков передачи экспертного знания при одновременном снижении «уровня экспертности людей, задействованных с разных сторон в обмене специальными знаниями» [1, с.148]. Таким образом, субъект познания в цифровую эпоху становится анонимным, неопределенным, размытым.

Литература

1. Ирисханова О.К., Мотро О.Б. Коммуникативное событие «обмен экспертными знаниями»: опыт лингвокогнитивного моделирования. Вестник московского государственного лингвистического университета. – 2009. – Вып.557. – С.147-168.
2. Огурцов А.П. Философия науки. Двадцатый век. Концепции и проблемы: В 3 частях. – СПб., 2011. – Ч. 3. – 336 с.
3. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М., 1985. – 318 с.

УДК 101.1

ПРИНЦИП «УЧАСТНОГО МЫШЛЕНИЯ» НА ПРИМЕРЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Лада Альбертовна Зубкевич

Кандидат философских наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Переходная форма общественного развития — сложное, плохо поддающееся фиксации в качестве объекта изучения явление переходных состояний процесса развития человечества. Задача статьи состоит в том, чтобы понять, как возможно изучение подобных явлений и конструирование гносеологических моделей. Для достижения этой задачи надо абстрагироваться от межпарадигмальных противоречий, использовать отдельные идеи концепций, принадлежащих к разным парадигмам. При отсутствии объективного единства бытия в переходных состояниях никакая завершенная логическая концепция не будет адекватна многообразию этих состояний развития социального бытия. Поэтому важна применимость или неприменимость отдельных

компонентов этих концепций. С этой целью рассматриваются некоторые методологические концепции, осмысливающие социальную реальность, в которых авторы рассматривают то пространство, где живет человек моделируемым (или конструируемым) социокультурным пространством, акцентируя внимание именно на деятельностной природе этого пространства. Следуя «полидискурсивной», «полипарадигмальной» методологии, эклектически сочетая выше указанные концепции, в статье моделируется переходная форма общественного развития. Переходные формы конструктивно представляют собой бинарную множественность, где бинарными оппозициями являются старое (или его свойства) и отказ от старого (или от его свойств).

Ключевые слова: переходные формы общественного развития, моделируемое социокультурное пространство, конструируемая мыслимая реальность, реальность событий истории, бинарная оппозиция переходных форм общественного развития.

PRINCIPLE OF «PARTICULAR THINKING» ON THE EXAMPLE OF MODELING OF TRANSITIONAL FORMS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Lada Albertovna Zubkevich

PhD of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The transitional form of social development is a complex phenomenon of transitional states of the process of human development that is difficult to fix as an object of study. The task of the article is to understand how it is possible to study such phenomena and construct epistemological models. To achieve this task, it is necessary to abstract from inter-paradigmatic contradictions, use separate ideas of concepts belonging to different paradigms. In the absence of an objective unity of being in transitional states, no conception, completed logically and historically, will be adequate to the diversity of these states of social life's development. Therefore, the applicability or inapplicability of individual components of these concepts is important. We consider some methodological concepts that comprehend social reality, in which the authors consider the space where a person lives a simulated (or constructed) socio-cultural space, emphasizing precisely the activity nature of this space. Following the "polydiscursive", "polyparadigmatic" methodology, eclectically combining the above concepts, the article models a transitional form of social development. Transitional forms constructively present a binary multiplicity, where binary oppositions are the old (or its properties) and the rejection of the old (or its properties).

Keywords: Transitional forms of social development, a simulated socio-cultural space, a constructed conceivable reality, the reality of historical events, a binary opposition of transitional forms of social development.

Переходная форма общественного развития — сложное, плохо поддающееся фиксации в качестве объекта изучения явление переходных состояний процесса развития человечества. Сложность обусловлена переходным состоянием, субъектно-объектной неопределенностью изучаемого явления. Наша задача — понять, как возможно изучение подобных явлений и конструирование гносеологических моделей. Для достижения этой задачи надо абстрагироваться от межпарадигмальных противоречий. При отсутствии объективного единства бытия в переходных состояниях никакая завершенная логически концепция не будет адекватна многообразию этих состояний развития социального бытия. Поэтому важна применимость или неприменимость отдельных компонентов этих концепций, их сочетание без потери идентичности, без изменения категориальных структур. Это совместное осмысление действительности - «принцип участного мышления» [1, с. 4], где разрозненные элементы группируются в едином герменевтическом поле, где рождаются новые смыслы, реальности, формы, модели и пр. А потом набор определенных взаимосвязанных понятий составит каркас подробной модели исследуемой реальности [6, с. 61-62].

С этой целью мы рассмотрим некоторые методологические концепции, осмысливающие социальную реальность. Авторы этих исследований рассматривают то пространство, где живет человек моделируемым (или конструируемым) «социокультурным пространством», деятельностной природы [8, с. 111-113]. Оно одновременно объект познания, созданная людьми модель, объект социокультурного бытия, недоступный к прямому восприятию субъектом. В некоторых концепциях модель рассматривается как онтологическая целостность, а не гносеологическая модель. Она замыкается сама в себе, так как представляет собой способ совместного сосуществования социальных акторов и смыслов, которые они создают [8, с. 117-119].

Данная замкнутость разрушается, если в модель включить понятие «историческое самосознание», состоящее из историко-индивидуального и общезначимого (историческое самосознание). Историко-индивидуальное — это «идея исторического самосознания», где логические категории совпадают с «порядком исторического развития». Историческое самосознание — это то, как сам народ мыслит свою историю. Но историческое развитие иное, чем любое «логическое следование категорий» [4, с. 3].

История всегда конкретна, и только конкретна. А любая мысль о событии (даже конкретном) всегда более абстрактна. Поэтому движение от мысли к факту — это движение от абстрактного к конкретному. В

этом и есть противоречие логического и исторического. История мысли и действительная социальная история объективно существуют как единое органическое целое. Так историческое содержание прямо включается в логическое движение мысли и определяет его последовательность [3, с. 251].

Когда конкретная историческая реальность находится в состоянии неустойчивости (изменчивости), при экстерииоризации субъективного и интериоризации объективного, когда границы между субъектом и объектом ситуативны, зависят от социальных практик, а также и от их интерпретаций, одним из способов познания ученые рассматривают социальное конструирование или моделирование. Это формирование коллективных представлений, включенных в национальный дискурс, мыслительный проект. В нем формируется логика понятий, которые потом формируют дискурс [7, с. 3,4]. В проекте сочетается эмпирическая и дискурсивная убедительность, которая противопоставляется субъективным представлениям. Объективная реальность концепции доказывает объективную реальность предмета данной концепции [7, с. 6].

Так экстерииоризация субъективного представлена в варианте создания субъектом объективного дискурса. Развитие содержания дискурса описывается понятиями симулякра и формы. Симулякр «проявляется как граница некоторого содержания», позволяет отличить одно содержание от другого, которые ноуменальны, развиваются в рамках формы. Содержание меняет форму, форма меняет содержание, смена содержания рождает новую форму - «так симулякр закрепляет себя, плодя новые формы жизни» [2, с. 175].

«Содержание» и «дискурс» немислимо без субъекта, и не существует без него. Поэтому для моделирования важна интерпретация, так как «интерпретация всегда позиция личности, социально-экзистенциальный модус ее присутствия» [1, с. 8]. Через интерпретации в конструировании устанавливаются практики преобразования мира и самой личности, благодаря включению «осмысливаемого в культуру личности». Интерпретация формирует новые смыслы бытия. Но поскольку речь идет о конструировании как позиции личности, то неизбежны противоречия интерпретаций, это является источником «столкновения исторически различных практик интерпретационной деятельности» [1, с. 4,11].

Попытка объединить субъект, с его экзистенциальной реальностью, и объект (бытие) сделана в концепте «модель-метафора». Модель-метафора фиксирует фрагмент реальности, осознанно учитывая многомерность данного фрагмента и «противоречивость душевного мира познающего субъекта». Это органическое соединение модели и метафоры. От модели здесь структурность, переносимость с «одного субстрата на другой», кроме этого допускается «фиксированное число интерпретаций» вместо строгого определения и исчисления. От метафоры: «сравнение чего-то со всем, чем угодно» при наличии всеобщей сущностной связи; индивидуально-конкретные «смысло-образы» [6, с. 62,63].

Другой вариант моделирования, который так же применим как в онтологическом, так и в гносеологическом аспекте — концепт бинарной множественности. Его исходной точкой является утверждение множественности и двойственности бытия, причем двойственность «одно из свойств множественности». Противоположные друг другу части множественности (явления или понятия, противоположные по смыслу) мыслятся как «бинарные оппозиции», «для них характерно широкое поле взаимодействий — от единства и борьбы до нейтралитета и массы промежуточных состояний» [5, с. 4]. Через эти промежуточные состояния происходит переход от одной оппозиции к другой.

Крайне полярные значения — «предельные бинарные оппозиции», между ними «располагаются множество бинарных предметов и явлений». Бинарные предметы — это тоже множество, но находящееся в отношении рода и вида с множеством, в которое они входят. Бинарные предметы или явления, находящиеся между предельными бинарными оппозициями суть переходные состояния (если это объективный мир) и переходные понятия (если это мыслимый мир) [5, с. 5].

Далее, следуя «полидискурсивной» методологии, эклектически сочетая выше проанализированные концепции, мы моделируем переходные формы общественного развития.

Социокультурное пространство переходных состояний процесса развития человечества является моделируемым вследствие действия объективизации субъективных факторов, устанавливаются практики преобразования мира и самой личности. При отсутствии объективного единства бытия в переходных состояниях никакая завершенная конструкция не будет адекватна многообразию этих состояний развития социального бытия. Конструирующий субъект объединяется с объектом в «модели-метафоре» переходных форм общественного развития, которая реагирует на «сигналы» реальности и на интерпретации. Переходные формы конструктивно представляют собой бинарную множественность, где бинарными оппозициями являются старое (или его свойства) и отказ от старого (или от его свойств). Развитие этих форм происходит в направлении к среднему показателю. Из-за стремления к среднему показателю переходные формы уравнивают неустойчивость переходных состояний, но при этом не тормозят развитие, а наоборот его обеспечивают, уводя общественную систему от системоразрушающих влияний. Переходная форма — это симулякр, где многообразие переходных состояний отражается в многообразии переходных форм.

Литература

1. Агапов О.Д. Интерпретация как личностная форма творения бытия: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Казань, 2011. – 300 с.
2. Грицай Е.В. Инициация постмодерна (на полях у Бодрийяра) // Вопросы философии. – 2003. – №3. – С.170-179.

3. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320с.
4. Мухамедьянов, Б.Ф. Социально-философская концептуализация исторического самосознания: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Уфа, 2010. – 148 с.
5. Тетиор А.Н. Бинарная множественность природы. – М.: РЭФИА, 1999. – 234с.
6. Фатенков А.Н. Философия подвижной иерархии (русский контекст): монография. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 322с.
7. Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества (к вопросу о методологии) // Вопросы философии 2003. – №11. – С.3-18.
8. Шакирова Е.Ю. Общее представление о строении и динамике современного социокультурного пространства // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2013. – №2 – С. 108-124.

УДК 316

ПРОЕКТИВНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МОДУС ОСОЗНАВАНИЯ PER SE

Вера Олеговна Волкова

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный технический университет

им. Р. Е. Алексеева

Илья Евгеньевич Волков

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородский государственный технический университет

им. Р. Е. Алексеева

Илья Борисович Волгин

Аспирант кафедры «Методология, история и философии науки»

Нижегородский государственный технический университет

им. Р. Е. Алексеева

Данная работа посвящена эксклюзивному представлению проективности, укорененной в субъективные пласты бытия, где скрыт ресурс вневременных обстоятельств спасения человеческого рода от саморазрушения. Способы производства смысла человеческого существования связаны с осознанием как методом онтологической работы с символической реальностью. Осознание как таковое (per se) – динамический процесс дополнения внутренней жизни трансцендентальными условиями. Он связан с выработкой теоретического отношения к сознанию как к сфере, не имеющей границ и локализации, ассимилирующей факты и события мысли в символическом (двойственном или многомерном) режиме. Современное сознание ориентируется на сжатие информации, быстроту смены кадров, продуктивность мыслепользования и четкие вопрос-ответные сигналы, не требующие осознания, но гарантирующие вещественный непрехотливый в теоретическом плане результат. Проективность в онтологическом модуле осознания в современных условиях означает четкое представление смысловой базы данных, дистанцированное от понятия задачи, условий ее решения. Она характеризуется самостоятельностью, множественностью вариантов исполнения внутренних действий осознания. С одной стороны, она объективируется пространством событий мысли, а с другой – сжатием этого пространства, при участии творческого переживания, в текст-образ-схему-модель. Причем из одного ресурса смысловых единиц можно создавать разные тексты и образы, выражающие разные позиции и точки зрения.

Ключевые слова: проективность, осознание, онтология, мыследеятельность, созерцание, схемы, смысл, символ.

THE PROJECTIVITY AS THE ONTOLOGICAL MODUS OF AWARENESS PER SE

Vera Olegovna Volkova

DSc of philosophy, professor

Nizhny Novgorod state technical University n. a. R. E. Alekseev

Ilya Evgenievich Volkov

PhD of philosophy, associate Professor

Nizhny Novgorod state technical University n. a. R. E. Alekseev

Ilya Borisovich Volgin

Postgraduate student of the Department

«Methodology, history and philosophy of science»

Nizhny Novgorod state technical University n. a. R. E. Alekseev

This work is devoted to an exclusive representation of projectivity, rooted in the subjective layers of existence, where the resource of timeless circumstances of the salvation of the human race from self-destruction is hidden. Ways of producing the meaning of human existence are associated with consciousness as a method of ontological work with symbolic reality. Consciousness, as such, (per se) is a dynamic process of supplementing inner life with transcendental conditions. It is connected to the development of a theoretical relation to consciousness as a sphere that does not have boundaries and localization assimilating the facts and events of thought in a symbolic (dual or multidimensional) regime. Modern man focuses on the compression of information, the rapidity of personnel change, the productivity of the use of thoughts and clear question-answer signals that do not require consciousness, but guarantee a material theoretically unpretentious result. Projectivity in the ontological modus of consciousness in modern conditions means a clear representation of the semantic database, distanced from the concept of the problem and the conditions for its solution. It is characterized by self-sufficiency and a plurality of options for the implementation of internal consciousness actions. On the one hand, it is objectified by the space of thought events, and on the other hand, by the compression of this space, with the participation of experience, into a text-image-scheme-model. It is possible to create different texts and images expressing different positions and points of view from one resource of semantic units.

Keywords: projectivity, consciousness, ontology, thought activity, contemplation, schemes, meaning, symbol, symbolic reality.

Осознание – динамический процесс дополнения внутренней жизни трансцендентальными условиями. Он связан с выработкой теоретического отношения к сознанию как к сфере, не имеющей границ и локализации, ассимилирующей факты и события мысли в символическом (двойственном или многомерном) режиме внутреннего превращения смыслов, обозначающих «вхождение в мысль» как в состояние человеческого существа и событие внутренней жизни, «которое есть главное орудие мысли в ее операциях», так же совершенно непостижимое логически, «ибо оно соединяет в качестве равного и тождественного различное и иное» [1, с. 325].

Осознание подлжит феноменальному измерению, многомерному, относительному в соединительной ткани бессознательных и сознательных моментов существования человека как не убиваемого единства [3,4].

Возникающее несоответствие запроса на работу сознания и его фактических возможностей заставляет выявить срединную тенденцию в онтологии сознания – тенденцию конструировать реальность осознания, формируемую самой мыслью в познающей деятельности. Познающая деятельность теоретически реформируется в направлении *проективности как неустрашимой способности осознания*, разработки видения будущего, что невозможно без *заглядывания* в перспективу, самоопределения внутри нее с надеждой на устойчивость параметров, взятых за основу.

Историческая традиция осознания требует классификации баз данных способов производства смыслов, в качестве которых выступают отдельные категории – Cogito Р. Декарта, монада Г. Лейбница, «вещь-в-себе» И. Канта, современные «лингвистические фракталы» [9] и философские системы, рефлектируемые в особом режиме осознания как конструирования нового восприятия и перекодирования исследуемых текстов через интерпретацию и понимание «второго авторства», т.е. для себя понимающего [5].

Деятельность познания требует постоянного напряженного пересмотра всех предпринимаемых исследовательских шагов и действий. Инструментом познания избирается рефлексия, которая в работе Г. В. Ф. Гегеля «Наука логики» является актуализированным латинским «двойником» сознания, введенным с целью категориального отличия актуализированных способностей сознания, т. е., осознания [6]. Средствами познания становятся образы, знаки, символы, траектории, схемы, карты, картоиды и т. д.

Процесс конституирования проективной реальности исследования незаметно охватывает стратегии мысли, культивируя на их базе все более глубокие обобщения. Особая заслуга принадлежит эпистемологии, взявшей на себя обязательства перевода скрытых дискурсов в открытое состояние проективной мысли [12,13]. Расширяющееся движение интуиций в философии или «методологические расширения» [7] имеют свои «подземные коридоры», которыми двигалось, например, потрясшее XX век движение психологов и психотерапевтов, открывших многомерный ресурс психических возможностей человека в индуцировании осознания.

На сегодняшний день можно выделить некоторые модальности, по которым развивается осознание в складывании конструктивного онтологического модуса. Первая – созерцательная (явление – образ – схема – переживание - действие); вторая – мыследеятельностная (явление – схема – идеализированный предмет – действие со схемой как с объектом) [11].

В том и в другом направлении мысль создает конструкции как изображения, которые активно запоминаются и подлежат интерпретации как идеализированные предметы. Проектирование как «третья область» или модальность, связывающая созерцание и рациональное мыслепользование в единое целое, конструируется по методу «онтологической работы»: фиксируя объект работы в «онтологической схеме», метод же его и «порождает» [10]. Таким образом, утверждается способ проектного конструирования, основой которого является стратегия человеческой мысли, соединяющая обнаружение бытия (фиксация онтологической схемы как переживания) и его конструирование (порождение схемы как объекта мыслепользования). В

этом случае реализуется опыт работы понимания и интерпретации, вносящий гуманитарный смысл в любое исследование.

Символическая реальность – область мышления, укорененная в культуре. Символ (греч. *σύμβολον* – знак, опознавательная примета, соединяю вместе) создает условия для науки о мышлении с позиции человеческой целостности [2].

Оперативная символическая структура или *schéma* Платона, которая порождает из себя новое качество, комбинирует в себе отдельные части. Платон мыслит схему как «подражание универсуму», в результате чего получается «идея схемы, т. е., конкретное и наглядно видимое осуществление абстрактной схемы». Понятие схемы получает универсальное значение [8]. Схемы способны интегрировать конструктивность при помощи смыслов, воссоздавая объект, в котором порождается его гипотетическое «видение» с разных сторон с возможностью развития состава в осмысленный текст. Особое значение схемы состоит в принципиально ином устройении мышления: не последовательность логических аргументов оказывается решающей в становлении смысла, а самодостаточное автономное состояние нового схемного объекта как символического оператора конструирования реальности осознания.

Осознание как метод *per se* не объективно и не субъективно, как показывает общение с информационной реальностью. Информация разрывает единство восприятия быстрыми переходами незрелых смыслов, но при этом удерживает наше «зависание» в различных точках зрения на предмет. Поэтому осознание включает интуитивный перформанс в попытке довести получаемые смыслы до их созревания. Подключение рефлексии означает попытку осознания информации при помощи предметно-смысловых модификаций, схем, типологий, классификаций, выстраивая базы данных для их дальнейшего перевода в другой формат. Осознание впадает в режим множественной интерпретации, утверждающей разные варианты достраивания смыслов до целостного понимания. Если в итоге срабатывает связанность смыслов в текст, то работа удастся, если нет, сознание выдает симулякр.

Литература

1. Булгаков, С. Н. Трагедия философии (философия и догмат) // Соч. в 2-х т. – Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. – М., Наука, 1993. – С. 309-518.
2. Волкова В.О. Постнеклассическая аналитика концепции внутренней жизни человека // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2014. – №1. – С. 13-18.
3. Волкова В.О. Духовная симфония человека: неклассический смысл. – СПб.: Алетейя, 2014. – 184 с.
4. Волкова В.О., Волков И.Е. Постнеклассическое гуманитарное измерение человека: концепция и стратегия исследования. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 100 с.
5. Волкова В.О., Волков И.Е. Коммуникация как «инструментальное» социокультурное средство управления мыслительной деятельностью человека // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2016. – №4. С. 5-13.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики // В 3-х томах. Т. 1. – М., 1970. – 501 с.
7. Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. – М.: Путь, 2002. – 528 с.
8. Лосев А.Ф. Предметно-смысловые модификации // История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: Ладомир, 1994. – С. 530–552.
9. Петряков Л.Д. Методологические перспективы фрактальной семантики // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». – №8(2). – С. 148-153.
10. Смирнов С.А. Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 38-49
11. Щедровицкий Г.П. Избранные труды // Ред.-сост. А. А. Пископфель, Л. П. Щедровицкий. – М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.
12. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. Касавина И.Т. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
13. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 616 с.

УДК 003:001+003:5+003+165+167/168

СХЕМАТИЗАЦИЯ, ИСКУССТВЕННЫЕ «ЯЗЫКИ» И ПРОЦЕССЫ ПРЕДМЕТНОГО ЗАМЫКАНИЯ

Тарас Александрович Шиян

Кандидат философских наук

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В сообщении рассматривается модель развития философских и научных дискурсов, названная автором моделью предметного замыкания. Процессы предметного замыкания разви-

ваются в знаниевых (направленных на выработку знаний) дискурсах (философских и научных дисциплинах и школах) под влиянием практик репрезентации в рамках дискурса его предмета с помощью особого вида знаковых конструкций, выражающих схемы различных содержаний его предметной области. По мере роста, прослойка из таких конструкций начинает заслонять от участников дискурса исходный предмет, и их внимание (а, следовательно, и общая направленность дискурса) переключается на изучение этих знаковых конструкций и другие виды оперирования с ними. Для такого замыкания на знаковых конструкциях, репрезентирующих в дискурсе исходный предмет исследования, необходимо выполнение ряда вторичных семиотических функций: адекватного построения, трансформации/манипулирования, контроля адекватности, изучения. Обычно эти функции выполняются практиками построений, практиками рассуждений и практиками вычислений, каждый тип которых участвует в обеспечении сразу нескольких функций. Вероятно, именно отсутствие полного набора этих практик и выполняемых ими функций является основной причиной отсутствия явно выраженных процессов предметного замыкания в ряде дискурсов, массово практикующих схематизацию своих предметов и фиксацию ее результатов с помощью той или иной замыкающей знаковой системы.

Ключевые слова: философия, наука, дискурс, эволюция дискурсов, предметное замыкание, схематизация, схема, искусственный язык, язык схематизации, сильно замкнутый дискурс, двухслойный дискурс, возникновение математики, развитие логики, символическая логика, математизированные науки.

SCHEMATIZATION, ARTIFICIAL LANGUAGES AND PROCESSES OF SUBJECT CLOSING

Taras Aleksandrovich Shiyan

PhD of philosophy

St. Tikhon's Orthodox University

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The report considers the model of development of philosophical and scientific discourses, which is called by the author 'the model of subject-matter closing'. The processes of a subject-matter closure progress in the discourses, aimed at the production of knowledge (philosophical and scientific disciplines and schools). The processes origin under the influence of any semiotic and epistemic practices, during which the iconic signs of special type begin to substitute its original subject-matter within the discourse. By the growth, a layer of such structures begins to overshadow the original subject-matter of the discourse for actors, their attention (and, consequently, the general orientation of the discourse) switches to the study of these iconic structures and to other types of operating with them. For progress of subject-matter closing of any discourse, it is necessary to have implementation in it of a number of secondary semiotic functions: adequate building, transformation/manipulation, monitoring of the adequacy, and study. Usually these functions are executed by practices of buildings, by practices of inferences and by practices of calculating, each of which is involved in the provision for some of the functions. In some discourses we observe the using of semiotic systems being suitable for subject-matter closure, but don't observe processes of the closing. Probably, that the lack of the practices or the functions is a major cause of the absence of such processes.

Keywords: philosophy, science, discourse, evolution of discourses, subject closure, schematization, scheme, artificial language, schematization language, strong closed discourse, double-layer discourse, mathematics genesis, logic development, symbolic logic, mathematized sciences.

Обратившись к истории культуры можно заметить, что некоторые области человеческого познания трансформировались во времени, переключившись с исследования своего исходного предмета на изучение искусственных конструкций, возникших как репрезентации некоторых содержаний исходного предмета и постепенно заместивших собой этот предмет. Такие процессы мной предложено называть процессами предметного замыкания [6].

Объектами, в которых разворачиваются процессы предметного замыкания, являются **дискурсы**, понимаемые как *относительно обособленные, устоявшиеся области коммуникации, которые характеризуются своими устоявшимися формами речевой деятельности, используемыми знаковыми средствами, методом обсуждения, классическими образцами и т.д.* В качестве таких дискурсов выступают различные философские и научные дисциплины, философские и научные школы (в разных пониманиях этого слова), и вообще любые социальные системы, институционализированные сообщества людей, взятые в аспекте коммуникации, семиотических структур и механизмов сохранения и передачи знаний.

Примером такого дискурса будет, например, геометрия, возникшая в Древнем Египте в связи с практиками регулирования землепользования (так считал Геродот [1], а позже утверждал перипатетик Евдем Родосский, взгляды которого на историю геометрии передаются в «Комментарии к первой книге "Начал" Евклида» Прокла Диадоха [4]) и ко временам Платона уже понимавшаяся как исследование особого вида

умопостигаемых объектов – геометрических фигур (Государство VI 510d). Другим примером является логика, возникающая как исследование рассуждений и некоторых процедур мышления (в разные периоды акцент делался то на одном, то на другом аспекте логического предмета), но в XX в. превращающаяся в замкнутую систему, изучающую свои собственные конструкции (знаковые и идеальные одновременно). Такие дискурсы можно назвать **сильно замкнутыми**. К ним относятся все математические дисциплины (появление математики в процессе предметного замыкания обсуждалось в [5]). Понятно, что в культуре, уже содержащей сильно замкнутые дискурсы, новые дискурсы того же типа могут возникать и путем отпочкования от уже имеющихся, и путем учреждения, как это происходит с возникновением некоторых новых разделов математики (такое возникновение по образцу, очевидно, требует особого социального статуса замкнутых дискурсов, что должно являться предметом отдельного рассмотрения).

Другой встречающийся тип замкнутых дискурсов может быть назван **двухслойным**. Дискурс такого типа разделен на два поддискурса: предметно замкнутый, играющий роль теоретического, и эмпирический, ориентированный на исходный предмет и часто связанный с некоторой экспериментальной практикой. К таким дискурсам относятся различные разделы современной физики и, вероятно, ряд иных математизированных научных дисциплин.

Возникновение процессов предметного замыкания связано с процессами схематизации предмета исследования и представления его компонент при помощи специальных знаковых средств. По мере хабиутализации практики схематизации объектов исследования и увеличения объема и сложности их знаковых репрезентаций они начинают заслонять от актора исходный предмет, переключая его внимание и усиливая на построение и исследование получаемых репрезентаций и различные формы манипулирования ими. В результате именно знаковые репрезентации становятся основным объектом исследования. Завершением процесса сильного предметного замыкания можно считать вторичную онтологизацию, в результате которой абстрактные объекты (схемы предмета), стоящие за данными конструкциями, начинают считаться в некотором смысле первично существующими. Для геометрии такая вторичная онтологизация фиксируется, например, в указанном выше фрагменте из «Государства» Платона ([3], 510d).

Для того, чтобы запустились процессы предметного замыкания, знаковая система, используемая для представления знаковых репрезентаций (схем) предмета должна обладать следующими свойствами. Во-первых, знаковая система должна представлять в дискурсе не речь о предмете, а сам предмет мышления и коммуникации. Это остается справедливым и для логики, в которой различается объектный язык (схемы выражений которого трактуются как знаковые формы) и метаязык (на котором проходит обсуждение результатов построения и исследования объектного языка). Во-вторых, знаковая система должна быть графической, рисуночной в том смысле, что создаваемые с ее помощью репрезентации должны быть визуальны и статичны, что позволяет представить исходный предмет одновременно во всех его частях. К этому свойству примыкает третье, которого тоже зависит единовременная обозримость: порождаемые в рамках данной знаковой системы репрезентации предмета должны быть относительно компактны, обозримы. В-четвертых, знаковая система должна быть относительно дискретной, чтобы можно было однозначно отличать друг от друга представляемые части предмета. Два последних свойства обеспечиваются за счет выбора соответствующих графических средств.

Первое, второе и четвертое свойства вытекают из того, что обсуждаемые знаковые репрезентации по своей эпистемической природе являются схемами (визуализацией схем) различных содержаний исходной предметной области. Под **схемой** я понимаю здесь, во-первых, аналитическое представление предмета мышления, в котором в *явном* и *дискретном* виде фиксируются основные «части», составляющие для нас этот предмет, и связи между ними. Это понимание можно обозначить как **схема-1**, тогда как **схема-2** будет обозначать ту графическую (рисуночную) знаковую конструкцию, которая иконически представляет схему-1 (ср. с пониманием У. Эко в [7, с. 131]). Соответственно, замыкание дискурса возникает в результате накопления схем-2 и работы с ними, тогда как вторичная онтологизация приписывает первичное существование схемам-1 (по исходному генезису они первичны только по отношению к схемам-2, но вторичны по отношению к схематизированным содержаниям исходной предметной области). Еще раз обращаю внимание на то, что формулы логики и буквенной алгебры являются схемами в самом прямом смысле слова (ср., например, с идеями Пирса, который указывал на иконичность алгебраических формул и считал их видом диаграмм [2, с. 202–205]).

Пятое свойство тоже относится к необходимым свойствам замыкающих знаковых систем: знаковая система должна быть достаточно креативной, т.е. давать возможности для построения в ее рамках необходимого по числу и разнообразию количества знаковых конструкций. Это обеспечивается, во-первых, многоярусностью системы, позволяющей конструировать посредством уже имеющихся знаковых средств и конструкций новые, более сложные конструкции. Во-вторых, открытостью системы, позволяющей при необходимости вводить в нее новые знаковые элементы и конструктивные приемы, что позволяет представлять в дискурсе новые предметные структуры.

По мере развития процессов предметного замыкания в дискурсах возникает потребность в ряде вспомогательных семиотических практик, выполняющих следующие функции: (1) адекватное построение, (2) манипулирование и трансформация, (3) контроль адекватности, (4) изучение. В математике и современной логике эти функции выполняются следующими тремя взаимосвязанными видами практик: (1) практик построений, (2) практик рассуждений, дедукции, (3) практик вычислений. Эти практики и функции связаны

неоднозначно. Так, функция построения обеспечивается соответствующими практиками построений, но эти практики участвуют и в обеспечении функции манипулирования и трансформации. Логико-дедуктивные практики участвуют в обеспечении функций изучения и контроля адекватности. Практика вычислений участвует в обеспечении и функции контроля, и функции манипулирования, и функции изучения. Видимо, именно наличие комплекса трех этих практик обеспечивает возможность развития сильного предметного замыкания. Тогда как отсутствие одной из них, невыполнение или недостаточное выполнение хотя бы одной из указанных семиотических функций тормозит развитие процессов предметного замыкания, как мы это видим в химии и в школьном дискурсе Московского методологического кружка (в случае последнего – полностью отсутствует практика вычислений).

Различие между сильно замкнутыми и двухслойными дискурсами проявляется и в обеспечиваемых в них функциях. Если в сильно замкнутых дискурсах должны выполняться все четыре функции, то в двухслойных дискурсах не выполняется или недостаточно выполняется функция адекватного построения, недостаточно выполняется функция контроля адекватности и, возможно, недостаточно выполняется функция манипулирования и трансформации. В двухслойных дискурсах построение происходит в эмпирическом поддискурсе, который дополнительно обеспечивает и функцию контроля.

Литература

1. Геродот. История / пер. Г. Стратановский. – М.: АСТ, 2007. – 672 с.
2. Пирс Ч.С. Икона, индекс, символ // Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – С. 200–222.
3. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4-х тт. – Т. 3. – М.:, 1994. – 654 с.
4. Прокл Диадох. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / Пер. А.И. Щетникова. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 368 с.
5. Шиян Т.А. Возникновение математики как семиотический процесс: модель предметного замыкания // Философия математики: актуальные проблемы. Математика и реальность. Тезисы Третьей всероссийской научной конференции; 27–28 сентября 2013 г. / Редкол.: Бажанов В.А. и др. – Москва: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – С. 210–213.
6. Шиян Т.А. К проблеме трансформаций философских и научных дискурсов: модель предметного замыкания // Методология науки и дискурс-анализ / Под ред. А.П. Огурцова. – М.: ИФ РАН, 2014. – С. 174–204.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

УДК 168.2

«НАШ ОТВЕТ» СОСЦИОРУ: СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ О ВОЗМОЖНОСТИ «РЕВОЛЮЦИИ В ЯЗЫКЕ»

Евгений Николаевич Блинов

PhD, внештатный научный сотрудник

Институт Философии Российской Академии Наук

В статье предлагается анализ основных теоретических подходов к возможности целенаправленного влияния на язык, предложенных советскими лингвистами в двадцатые и тридцатые годы. В качестве отправной точки рассматриваются критика положения Ф. Де Соссюра о невозможности сознательного влияния говорящих на процесс изменения языка. Лев Якубинский видит в нем не только отрицание возможности «революции в языке», но и невозможность лингвистики как науки. Разбирается спектр позиций в дискуссии о границах и задачах языковой политики советского правительства. Первый подход, связанный с официально утвердившейся в тридцатые годы доктриной «нового учения о языке» Н.Я. Марра, обозначен как «волюнтаристский» и предполагает широкие возможности влияния на развитие языка вплоть до изменения его грамматического строя. Второй, обозначенный как «акселерационистский», связан с учением Е.Д. Поливанова о языковой эволюции и допускает возможность ускорить или инициировать данный процесс, но не влиять на его ход. Третий подход, утвердившейся к концу сороковых годов, определяется как «нормативистский» или «литературоцентрический». Он связан с именем В.В. Виноградова и делает акцент на распространение уже сложившегося литературного стандарта, а также на развитие «культуры речи».

Ключевые слова: Советская языковая политика, революция в языке, Соссюр, коренизация, история марксизма.

«OUR ANSWER» TO SAUSSURE: SOVIET LINGUISTS ON THE POSSIBILITY OF «REVOLUTION IN LANGUAGE»

*Evgeny Nikolaevitch Blinov,
PhD, Freelance research assistant
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences*

The paper aims to analyze the main theoretical approaches to the question of possibility of intentional influence on language, suggested by the soviet linguists in 20's and 30's. The criticism towards F. de Saussure's claim about the impossibility of deliberate influence of the speakers on the process of language change is considered as a point of departure. It is regarded by Lev Jakubinskij not only as a negation of the possibility of "revolution in language" but as a proof of impossibility of linguistics as a science. The main focus of the paper is the analysis of the set of opinions concerning the aims and scope of Soviet language policy. The first approach, designated as "voluntaristic" is associated with the "New teaching on language" developed by N. Marr and became an official doctrine of Soviet linguistics in the thirties. It presupposes the possibility of deep influence on the development of language including the change of its grammatical structure. The second one, defined as "accelerationistic" is proposed by E. Polivanov, and it allows the option of initiating and accelerating the process of language evolution but not of influencing on its course. The third approach, designated as "normativist" or "literaturocentric," has been firmly established by the late forties. It is based on the works of V. Vinogradov and assumes the diffusion of already developed literary standard and the emphasis on the progress of "speech culture".

Keywords: Soviet language policy, revolution in language, Saussure, indigenization, history of Marxism.

Широко известная в исторической и лингвистической литературе [1, 18] дискуссия в газете «Правда» по «вопросам состояния советского языкознания» подвела итоги более чем четвертьвековой полемике о возможности «революции в языке» [15]. В подписанном именем Сталина цикле статей (хотя его авторство неоднократно ставилось под сомнение, см. [4]) опубликованных в период с 4 июля и 2 августа 1950-го, был вынесен окончательный вердикт о том, что «нет никакой языковой революции, да еще и внезапной» [5, с. 462]. Сталин (и его возможные соавторы и консультанты) также делает акцент на важности применения к лингвистике принципа марксистского историцизма: «Марксизм не признает неизменных выводов и формул обязательных для всех эпох и периодов» [5, 474], отвергая тем самым разработанную Марром метаисторическую и универсалистскую теорию происхождения языков. Драматические повороты раннесоветской языковой политики и резкая смена парадигм, неоднократно становившиеся предметом исследования в последние два десятилетия [22; 17; 16], полностью подтверждает данный тезис. Политика в области языка коррелировала с национальной и культурной политикой советского правительства, прошедшей путь от тотальной «коренизации» в двадцатых начале тридцатых [20; 19] до того, что ряд исследователей называет «руссцентризмом» [6] или сталинским «национал-большевизмом» [14] середины тридцатых годов.

В своем докладе я намерен проанализировать основные теоретические подходы к проблеме «революции в языке», через призму которой становится возможным представить весь спектр позиций по вопросу о границах и возможностях «языкового строительства» [7]. В контексте культурной революции и борьбы с «буржуазной наукой» в конце двадцатых — начале тридцатых годов ряд советских лингвистов выступил с критикой утверждения Фердинанда Соссюра о невозможности для говорящих сознательно влиять на изменение языка [9]. Наибольшие возражения советских лингвистов встретил его тезис о необходимости принимать язык «как продукт, унаследованный от предыдущих поколений» [11, с. 92]. В своей полемической статье «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» Лев Якубинский интерпретирует его как «недостижимость языка не только для индивида, но и для массы говорящих, для коллектива» [11, с. 93], что означает невозможность языковой политики как таковой и, следовательно, ставит под вопрос проводимую в раннесоветский период политику «возрождения» национальных языков.

Однако позиция Якубинского, однозначно отвергавшего тезис Соссюра была не единственной: среди советских лингвистов существовали разногласия по поводу того, что именно считать «революцией в языке». В своем докладе я выделяю три возможных точки зрения на вмешательство в ход языковой эволюции. Первый подход, представленный Якубинским и ставший в 30-е годы частью официальной марристской доктрины, я обозначаю как «волюнтаристский». Он предполагает возможность для «массы говорящих» преобразовывать как разговорный, так и литературный язык, хотя в работах Якубинского или Николая Яковлева [10], по сравнению с «наивным» волюнтаризмом Марра, это процесс ограничен целым рядом условий. Он также предполагает, что за счет языковой политики «коренизации» все «младописьменные» языки народов СССР могут в кратчайший срок пройти путь развития языков «старописьменных».

Второй подход я обозначаю как «акселерационистский», он представлен теорией эволюции языка Евгения Поливанова [12], выступившего с резкой критикой лингвистических работ Марра [8]. Поливанов полагал, что ход развития языковой эволюции строго детерминирован, но от языковой политики или «внешних факторов» зависит сам факт эволюции, а также скорость этих процессов [13].

Наконец, третий подход, который я обозначаю как «нормативистский» или «литературоцентрический», представлен более поздней советской школой «истории литературного языка». В «Очерках по истории русского литературного языка XVII-XIX веков» [2] и «Языке Пушкина» [3] Виктор Виноградов представляет «историю литературного языка» как историю становления и синтеза русского языка как «общего языка нации» или орудия «надклассового господства» [3, с.11]. Подобный подход предполагает, что языковая политика сводится к максимально широкому распространению уже сложившегося литературного стандарта, а также систематической работы по повышению «культуры речи».

Литература

1. Алпатов В.В. История одного мифа. Марр и марризм. – Москва: Наука, 1991. – 240 с.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков: учебник. – Москва: Высшая Школа, 1982. – 528 с.
3. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. – Москва-Ленинград: Academia, 1935. – 459 с.
4. Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. – Москва: Вече, 2012. – 342 с.
5. Марр Н.Я. Яфетидология. – Москва: Кучково поле, 2004. – 546 с.
6. Платт Д.Б. Здравствуй Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. – СПб: Европейский университет СПб, 2017. – 385 с.
7. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 237 с.
8. Поливанов Е.Д. Труды по общему и восточному языкознанию. – Москва: Главная редакция восточной литературы, 1991. – 624 с.
9. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Москва: Соцэргиз, 1933. – 273 с.
10. Яковлев П.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории // Культура и письменность Востока. – 1928. – Кн.1. – С. 41—64.
11. Якубинский Л.П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. – 1929. – Вып. 2. – С. 91-104.
12. Archaimbault S., Tchougounnikov S. Penser le langage au temps de Staline. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 2013. – 290 p.
13. Blinov E.N. «Social engineering of the future»: Evgeniy Polivanov on the principles of early Soviet language building // Epistemology and philosophy of science. – 2016. – No. 4. – P. 187-203.
14. Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity 1931–1956. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. – 400 p.
15. Brandist C., Chown K. Politics and the Theory of Language in the USSR 1917-1938. – London, New York: Anthem Press, 2010. – 201 p.
16. Brandist C. The Dimensions of Hegemony: Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia. – Chicago, IL: 2016. – 300 p.
17. Gorham M. Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. – Dekalb, IL: Northern Illinois Un. Press, 2003. – 266 p.
18. L'Hermitte R. Marr, marrisme, marristes, une page de l'histoire de la linguistique soviétique. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1987. – 103 p.
19. Hirsch F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of Soviet Union. – New York: Cornell University Press, 2005.
20. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union. – New York: Cornell University Pr., 2001. – 469 p.
21. Smith M. Language and Power in the Creation of the USSR, 1917-1953. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. – 294 p.

УДК 165.3

ИНТЕГРАТИВНОЕ ЗНАНИЕ: ЯЗЫК ВРЕМЕНИ И ВРЕМЯ ЯЗЫКА

Олег Борисович Соловьёв

Кандидат философских наук, доцент

Многосторонняя комплексная исследовательская практика объединяет науку в стремлении к интегративному знанию, в котором субъект – это язык, обусловленный деятельностью и коммуникацией индивидов, а предмет исследования – объективированное в языке время. Понятия натуралистической науки – природа, причина, следствие, время – получают новое осмысление в категориях неклассических идеалов рациональности, организующих научное исследование под знаком постоянного вопрошания, почему опыт именно такой и никакой другой. Так, в науках о Земле возникает понятие биосферы, отвечающее природе натуралистов, но не

оставляющее без внимания жизнь во всех её проявлениях и в проявлениях человеческой личности в том числе. В физике меняются представления о необратимости, причинно-следственной связи, стреле времени, природе нелинейных и неравновесных процессов. Время как категория теоретического знания получает множественное истолкование в естественнонаучных концепциях от Эйнштейна до Хокинга и Пригожина; в онтологии необходимость темпоральной деконструкции понятий классической философии исходит из получивших широкое признание трудов Хайдеггера. Определяющим в формировании интегративного знания становится то, что наряду с теоретизацией времени в математике, экспериментальной науке и философии происходит лингвистический поворот в самой философии, который подтверждает, что любой факт теоретически нагружен, а число ложных фактов бесконечно превышает число ложных теорий. Это означает, что требования коммуникативной рациональности, предъявляемые к научным исследованиям, такие как эмпирическая адекватность, ясность и согласие относительно понятий и суждений, истинность, достоверность, непротиворечивость знания, предъявляются по существу к самой реальности, открываемой и объясняемой наукой. Это также означает и то, что интегративное знание достигается на перекрёстке концептуализации времени, с одной стороны, и опыта интерпретации теоретического языка в эмпирическом поле предметных наук, с другой. Эпистемологии и философии науки предстоит многоплановая работа по разработке метаязыка, в котором концептуализированное время интегративного знания найдёт рефлексивное осмысление в темпоральном содержании философских категорий.

Ключевые слова: интегративное знание, язык, время, биосфера, опыт понимания, научная деятельность.

INTEGRATIVE KNOWLEDGE: LANGUAGE OF TIME AND THE TIME OF LANGUAGE

Oleg Borisovich Solovyev
PhD of philosophy, Associate Professor

Multilateral comprehensive research unites the natural science for integrative knowledge, in which the agent of cognition is presented by a language conditioned by the activity and communication of individuals, and the subject of research is the time objectified due to the language. The concepts of naturalistic science – nature, causal relationship, and time – are reinterpreted in non-classical categories that organize research under the sign of constant inquiry of why experience is exactly in this way. Thus, the concept of the biosphere arises in the sciences about the Earth. This concept corresponds to the nature of naturalists but does not neglect life in all its manifestations including manifestations of the human person. There are changing physics concepts on irreversibility, cause and effect, time arrows, the nonlinear and non-equilibrium processes. Time as a category of theoretical knowledge receives a multiple interpretation in the natural-science concepts from Einstein to Hawking and Prigogine; the need for temporal deconstructing the concepts of classical philosophy proceeds from the widely acclaimed works of Heidegger. Determining in the integrative knowledge is that together with the theoretical development on representations of time in mathematics, experimental science and philosophy, there was a linguistic turn in philosophy itself which confirmed that any fact is theoretically laden and the number of false facts infinitely exceeds the number of false theories. This means that the requirements of communicative rationality applied to the scientific research are producing essentially the reality itself that is discovered and explained by science. It also implies that the integrative knowledge is achieved due to conceptualizing the time and interpreting theoretical language on the empirical fields of the natural sciences. It will be a multidimensional work for epistemology and philosophy of science aimed at the development of a metalanguage, in which the conceptualized time of integrative knowledge will obtain reflexive interpretation in temporal content of philosophical categories.

Keywords: integrative knowledge, language, time, biosphere, experience of understanding, scientific activity.

Развитие экспериментальной науки ещё до лингвистического поворота в философии привело к постановке вопросов, связанных с определением статуса объекта исследования – определением его положения на шкале, полюсами которой является «естественность» и «искусственность». Учёные, замечая природу идеальным объектом и постигая математические законы существования идеальных объектов, безуспешно исключали из поля своего рассмотрения всё, что могло характеризовать науку как человеческую чувственную деятельность. Научный метод, двигаясь от наглядного окружающего мира к математическим идеализациям, возвращался к интерпретации этих идеализаций как совокупности естественных или физических объектов – предметов референции научного знания. Объективирующая установка («установка на опредмечивание сущего», М. Хайдеггер) и методика научного исследования дополняли друг друга таким образом, что, благодаря их взаимному соответствию, планомерно и постоянно налаживаемому, оформлялась предметная

специализация научных исследований, ориентированных на собственные результаты как на пути и средства поступательного методического продвижения. Это взаимное соответствие и специализация обусловили отношение к росту научного знания как к производственной задаче, а к самой науке как социальному институту.

Вместе с тем создание новых натуралистически организованных научных предметов всё реже соответствует целям и задачам развития инженерии, техники и производства, всё менее отвечает росту теоретического знания, тогда как тяготение разных наук к объединению существовало всегда. Логика этого тяготения определена той же самой объективирующей установкой и индуктивным способом референции научного знания, какие изначально утвердились в натуралистической науке: закон, налагая своё действие на ряд естественных объектов, определяет, к какому кругу явлений может быть отнесён, но фундаментальный закон должен относиться к максимально возможному количеству природных явлений. В истории науки этому можно найти немало примеров: объединение механики и учения о теплоте на базе кинетической теории вещества, объединение учения об электричестве и магнетизме с оптикой в электродинамике Дж. К. Максвелла, обобщение начал термодинамики для любых физических систем, попытки построения теории единого поля, описывающей общим формализмом электромагнитные, гравитационные, сильные и слабые взаимодействия. К этому же ряду принадлежат интегративные тенденции в науках о Земле (историческая геология, литмология), биологии (эволюционизм), теоретической химии. Все они обусловлены как задачей обобщения знаний, так и стремлением привести различные области знания к единой научной парадигме.

Современное интегративное знание, являясь продуктом кардинального изменения характера человеческой деятельности, в результате которой формируется отличная от классического детерминизма картина мира, имеет дело по преимуществу с необратимыми, неравновесными и нелинейными процессами. Существенное распространение получает методология холизма, требующая понимать свойство отдельной физической (химической, биологической) системы в контексте понимания всего мироздания. Тем самым изменяется понимание наглядного окружающего мира, «мира, который нас творил» (Н. Заболоцкий), который исторически со времён Ф. Бэкона и Р. Декарта рассматривался в качестве предзаданного природного мира со своими независимыми от человека силами, стихиями и законами. В интегративном знании возникают понятия, соответствующие природе натуралистической науки, но не оставляющие без внимания жизнь во всех её проявлениях и в проявлениях человеческой личности в том числе: природа понимается скорее деятельностно, чем натуралистически (см. [4, с. 15–16]). Это либо мир, организованный в соответствии с антропным принципом, либо мир контингентности, в котором законы природы – дело не более чем случайного стечения обстоятельств, «дело времени». В космологическом масштабе эти миры описываются в терминах недоступных опытному изучению «тёмной материи» и «тёмной энергии», во множественных измерениях теории суперструн. При ближайшем рассмотрении эти миры интерпретируются как биосфера в том значении, какое этому понятию придавал В. И. Вернадский, – определённой геологической оболочки, облик которой в последнее время всё более определяется человеком и в которой усиливается его геологическое влияние:

«Впервые, мне кажется, философия холизма с её новым пониманием живого организма, как единого целого в биосфере, т. е. естественного самостоятельно выявляющегося живого тела, впервые пытается дать новый облик теории познания. До сих пор она оставалась без внимания натуралистом, наблюдателем реальной биосферы, всё время сталкивающимся с реальными естественными телами, с теми десятками тысяч отдельных фактов, которые он должен был в своей работе охватывать и держать в уме» [1, с. 182].

Мир есть совокупность фактов, а не вещей, – прозвучало в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна как раз в тот момент, когда категория времени из самоочевидного прикладного инструмента измерительных работ превратилась в инструмент деконструкции философской и научной теоретической мысли, традиционно представлявшей время косвенным, символическим образом без собственного языка. Одним из последствий несостоятельности описаний времени в пространственных категориях и определяющим в формировании интегративного знания стало то, что наряду с теоретизацией времени в математике, экспериментальной науке и философии произошёл лингвистический поворот в самой философии, который подтвердил, что любой факт теоретически нагружен, а число ложных фактов бесконечно превышает число ложных теорий. С развитием аналитической философии было осознано, что «объекты» науки – это физические мифы (У. Куайн), что при введении универсального термина востребован лишь факт о языке, тогда как для введения единичного термина необходим определённый факт о мире (П. Стросон), что описание прошлого и будущего состояний этих «объектов» невозможно иначе, как в терминах настоящего (Т. Кун, П. Фейерабенд). В контексте интегративного знания объекты классической науки предстают как частные случаи необратимых, неравновесных и нелинейных процессов, феномены времени, а сами равновесие и линейность оказываются, скорее, иллюзией стремящегося к упорядочению разума, чем «предметом референции», «объектом», «реальностью», с которой могут быть сопоставлены результаты эмпирических и теоретических изысканий. И это ещё один мир – тот, который «мы от века творим по мере наших сил», – мир культуры, образцов жизни, деятельности и поведения, мир текстов. В научной деятельности это мир формализованного языка воспроизводства опытных знаний и критики исторических источников. Творцом этого языка принято считать коллективного субъекта науки – научное сообщество, участники которого не могут не придерживаться правил коммуникативной рациональности, задаваемых сообществом для достижения согласия при выработке научной парадигмы. Несомненным достоинством языка науки признаётся однозначность и до-

стоверность в интерпретации полученных результатов, когда личностные качества не препятствуют пониманию, достигнутому в исследовательском коллективе.

В философии языка к проблемам интерпретации обращена, прежде всего, герменевтика с поставленным во главу угла опытом понимания, который, никогда не начинаясь с нуля и никогда не замыкаясь на бесконечности, является первоосновой мысли: «фундаментальная истина герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один» [2, с. 9]. Интерпретатор вступает в диалог и расширяет горизонты понимания, включаясь в истолкование текста или сообщения, смысл которого может превосходить заданное понимание. Границы между пониманием и интерпретацией стираются. Существующие при этом невербальные формы понимания тоже замыкаются на язык – «всеобъемлющую предвосхищающую истолкованность мира», трансцендентальное условие герменевтического опыта.

Действительно, человек уже существует в социокультурной среде. Это «уже» подразумевает, что в наличии имеется известная онтология: мы имеем дело с нашим человеческим знанием, традициями организации деятельности, которые уже есть прежде, чем мы начнём свою работу мышления. В этой человеческой истории и философии науки есть, в том числе и то, что «познавательная коммуникация неизбежно включает в себя коммуникацию по поводу себя самой» [3, с. 6]. Для того чтобы коммуникативная система науки функционировала устойчиво, то есть производила и воспроизводила знания без «сбоев» непонимания, субъект исследования (сначала индивидуальный, а затем коллективный) с необходимостью должен уступить место научному языку, хотя и этого ещё недостаточно для установления истинности суждений, верификации (фальсификации) теорий. Даже если историческая память сохранит имя первооткрывателя, ему всё равно предстоит стать безымянной традицией, «уйти в основание», чтобы стать языком: в понимании этого языка трансцендентальным субъектом новых исследовательских поколений – вся значимость достижений науки. Это означает, что требования коммуникативной рациональности, предъявляемые к научному исследованию, такие как эмпирическая адекватность, ясность и согласие относительно понятий и суждений, истинность, достоверность, непротиворечивость знания, предъявляются по существу к самой реальности, открываемой и объясняемой наукой. Сказанное также означает и то, что интегративное знание достигается на перекрёстке интерпретации теоретического языка, обращённого к эмпирическому полю предметных наук, и концептуализации времени.

Интегративное знание это, таким образом, продукт научной деятельности, чей производственный характер превращает субъекта исследования в научную мысль и замещает означаемым эту деятельность и коммуникацию языком. Современное интегративное знание, будь это теория великого объединения или претендующая на интегрирующий статус теория в науках о Земле, химии или биологии, в конечном итоге, есть не что иное, как концептуализированное время. Объективированное в языке время теоретически привязано к обоим мирам, которые есть у человека. Философия, совершившая лингвистический поворот и преодолевшая наивности немецкой классической метафизики, в рассмотрении такой человеческой деятельности, как наука, есть, по существу, философия языка как в части «субъекта» – научного языка, обусловленного деятельностью и коммуникацией коллектива исследователей, так и в части «объекта» исследования – онтологизированного в теоретическом языке феномена времени. Эпистемологии и философии науки предстоит многоплановая работа по разработке метаязыка, в котором концептуализированное время интегративного знания найдёт рефлексивное осмысление в темпоральном содержании философских категорий.

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
2. Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 9–15.
3. Касавин И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLVI. – № 4. – С. 5-18.
4. Соловьёв О.Б. О пространственно-временной инверсии интегративного знания // Философия науки. – 2005. – № 3 (26). – С. 3-19.

УДК 159.923.2

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Наталья Сергеевна Авдонина

кандидат политических наук

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Настоящее исследование посвящено теоретическому обзору понятия идентичности. Проблема идентичности актуализируется в современном мире в связи с многочисленными изменениями, происходящими в различных сферах государственной жизни. Приводятся определения идентичности в трактовке известных исследователей: К.В. Патырбаевой, Л.Б. Шнейдер,

Дж. Мида и Ч. Кули, Э. Эриксона, М.В. Заковоротной. Отдельно понятие анализируется в пространстве изучения ценностей и «карьерных якорей». Из этого следует, что важным является вопрос о профессиональной идентичности. Основной вывод, к которому приходит автор статьи, – идентичность всегда есть результат выбора, на котором и основывается дальнейшее формирование человека как личности. Формулируются актуальные для дальнейшего исследования вопросы: какие элементы образуют идентичность? Какие уровни идентичности целесообразно выделить? На каких основаниях их можно выделять? Каковы функции идентичности? Что влияет на формирование и развитие идентичности в различные периоды жизни человека? Одним из наименее изученных вопросов является вопрос о ценностном аспекте идентичности. Каким образом усваиваются ценности и нормы той или иной социальной роли? Как определить степень усвоенности этих принципов? На каких стадиях развития идентичности какие ценности и нормы принимаются человеком, какие пересматриваются, изменяются, отвергаются?

Ключевые слова: идентичность, профессиональная идентичности, ценностные ориентации, образ «Я», самосознание

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF PROBLEM IDENTIFICATION IN THE MODERN WORLD

Natalia Sergeevna Avdonina

Candidate of politic sciences

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

The study is devoted to theoretical review of the concept of identity. The problem of identity actualizes in the modern world due to numerous changes in different spheres of public life. The author defines the identity in the interpretation of well-known researchers: K. V. Batyrbayeva, L. B., Schneider, J. Mead and Charles Cooley, E. Eriksson, M. V. Zakovorotny. The concept is analyzed in space of values studies and "career anchors". This implies the importance of the question of professional identity. The main conclusion of the study is that identity is always the result of choice, which bases further formation of personality. Further researches are supposed to answer what elements constitute the identity, what levels of identity should be made, what grounds of identity can be found, what are the functions of identity, what affects the formation and development of identity in different periods of human life. One of the most understudied issues is the question of value aspect of identity. How the values and norms of a particular social role are accepted? How to determine the degree of the accepting of these principles? What stages of identity development are relevant for accepting, reviewing, modifying and rejecting values and norms?

Keywords: identity, professional identity, values, self-image, consciousness.

В течение всей своей жизни человек переосмысливает себя, свое место в жизни, свои роли и функции. Как указывает Л.Б. Шнейдер, термин «идентичность» стал употребляться учеными-гуманитариями во второй половине 70-х гг. XX в. [7]. С одной стороны, XX в. принес людям свободу в получении гражданства, в выборе места жительства, в передвижении между городами и странами, в доступе к различным источникам информации, самореализации. С другой стороны, XX в. принес и глобальные проблемы: глобализация, экологические катастрофы, экономические кризисы, социальные катаклизмы, военные конфликты нового поколения, терроризм, экстремизм, кризис идентичности, особенно в профессиональной сфере, и т.д.

К.В. Патырбаева называет причиной кризиса идентичности личности разрушение ценностей и норм, благодаря которым человек определял себя и свое место в обществе [3]. Вопрос «Кто я?» задают себе представители исчезающих или малых народностей, профессионалы, уволенные по сокращению в связи с экономическим кризисом, выпускники гуманитарных специальностей. Этот вопрос люди задают себе на протяжении всей жизни, сталкиваясь с проблемами и трудностями на работе и в личной жизни, получив образование, однако не найдя работы, достигнув определенного порога, после которого затягивается период стагнации в профессиональном и личностном росте.

В целом под идентичностью понимают «...осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего. Главным характерным признаком и основанием данного понятия является тождественность самому себе» [5, с. 6]. Шнейдер указывает на философские, скорее метафизические основания идентичности: «Идентичность – это сложный феномен, сложная психическая реальность, включающая в себя мифологические и современные уровни сознания, индивидуальные и коллективные, онтогенетические и социогенетические основания» [7, с. 14]. Идентичность как явление, выражающее систему отношений, обязательно предполагает наличие «Другого». Этим «Другим» может быть как субъект, так и объект. В первом случае индивид может отождествлять себя с коллегами-профессионалами, ориентируясь на их знания и опыт, или противопоставлять себя им. С другой стороны, человек может в целом разделять ценности, нормы и правила конкретной профессии. Поэтому идентичность – это тождественность самому себе, принятие себя как личности в отношении к окружающему миру и окружающим людям независимо от изменений в этом мире [6].

В определенной степени идентичность есть постоянная и неизменная величина. Понимание и принятие себя как представителя конкретной профессии не должно зависеть от ситуации, социальной роли и политической обстановки. Нарушения идентификации могут свидетельствовать о кризисе, который испытывает конкретный человек или о кризисе более масштабном, например, о кризисе профессии как социального института.

Впервые проблема идентичности поднимается американскими учеными Дж. Мидом и Ч. Кули. Идентичность рассматривается ими и как результат, и как фактор межличностного общения. Мид понимает под идентичностью «способность человека воспринимать свое поведение и жизнь в целом как связанное, единое целое» [7].

В 1960-е гг. термин «идентичность» активно использовал Э. Эриксон. Для него идентичность есть «внутренняя непрерывность и тождественность личности как важнейшая характеристика ее целостности и зрелости, как интеграция переживаний человеком своей неразрывной связи, отождествления себя с определенными социальными группами» [8]. Эта непрерывность и тождественность определяет систему и структуру ценностей, идеалы, цели, общественную роль, потребности, способы и средства их осуществления человека.

Идентичность есть результат усвоения индивидом ценностей и ценностных ориентаций, отличающих его семью, поколение, социальную группу и нацию. Выбор и формирование системы ценностных ориентаций основывается на высших социальных потребностях человека, живущего в конкретных политико-экономических и социально-культурных условиях, предоставляющих возможности для самореализации. С другой стороны, ценностные ориентации задают общий вектор развития личности, выстраивают иерархию ее предпочтений во всех сферах жизнедеятельности.

Ценности человека можно проанализировать в соответствии с концепцией «карьерных якорей» Э. Шейна. У каждого человека есть набор способностей, мотивов и ценностей – «якорей», – которые направляют его или ее в процессе выбора и построения карьеры, но лишь один якорь является ведущим [1, с. 239]. Именно от него зависит, какую профессию выберет человек. Шейн перечисляет восемь «якорей»:

1) «безопасность/стабильность». Человек скорее выберет тот вид профессиональной деятельности, который обеспечит долгосрочную стабильность, достойный доход, социальный пакет и хороший пенсионный план;

2) «управление». У такого человека есть амбиции и качества лидера (аналитические способности, эмоциональная стабильность, навыки эффективных межличностных коммуникаций, способность влиять на людей), которые ведут к поиску высокой должности;

3) у человека с «якорем» «творчество/предпринимательство» ярко выражено желание создавать и творить. Такой человек сможет реализовать себя в небольшом бизнесе. Как только бизнес начнет разрастаться, человек скорее всего его оставит, чтобы создать нечто новое. «Творческий якорь» уводит человека от стабильности и рутины;

4) «автономность/независимость». Такой человек полагается на собственные силы и стремится быть независимым от руководителя и правил организации. «Независимый» человек найдет себя в академических и творческих профессиях;

5) «якорь» «функциональность» ведет человека, увлеченного не руководством и управлением, а самим видом деятельности. Это могут быть повара, программисты и стоматологи, которые берут на себя управление любым функциональным отделом не ради статуса, а ради профессионального самосовершенствования;

6) «якорь» «общественная деятельность/содействие» проявляется в профессиях социального работника, психолога, священника и пр. Для таких людей большее значение имеют моральные и социальные ценности. Сопереживание, сочувствие, любовь к ближнему, отдача и помощь другим – отличительные особенности таких людей;

7) «якорь» «разнообразие/вызов» присущ людям, стремящимся находить и разрешать проблемные ситуации;

8) «якорь» «идентификатор/стиль жизни» направляет людей выбирать материальные блага, предоставляемые профессией и должностью [1].

Тот или иной «якорь» вбирает в себя ценности и ценностные ориентации, правила, знания, умения и навыки, которые человек получает и развивает в себе до определенного возраста, когда необходимо выбрать профессию – самоопределяться. Если человек делает правильный выбор и максимально реализует себя на любимой работе, можно говорить об эмоционально-психологическом балансе. Если человек с одним «якорем» выбирает совсем другую профессию, может произойти диссонанс, работа превратится в мучение, пытку, которую придется терпеть.

Э. Эриксон выделял три формы идентичности по происхождению:

1) внешне обусловленная идентичность, которая независима от человека. Это гендерные, возрастные, расовые, географические черты личности, принадлежность к национальности и определенному государственному строю;

2) приобретенная идентичность. Название говорящее, сюда входят образование человека, его или ее профессиональный статус, контакты, ценностные и жизненные ориентации. Приобретенная идентичность зависит от выбора, которые делает человек;

3) заимствованная идентичность, т.е. то, что человек копирует у других людей, примеряет на себя образцы поведения [7, с. 35].

Л.Б. Шнейдер понимает под идентичностью «результат активного процесса, отражающего представления субъекта о себе, собственном пути развития и сопровождающийся ощущением сильного «Я» в собственной непрерывности, тождественности и определенности» [7]. М.В. Заковоротная считает, что идентичность развивается в процессе и результате выбора между Я-заимствованным и Я, создаваемым собственными усилиями и стараниями [2].

Как можно заключить, идентичность всегда есть результат выбора, на котором и основывается дальнейшее формирование человека как личности. Порождающим идентичность механизмом является самосознание. Исполнительным механизмом, как пишет Л.Б. Шнейдер, выступают процессы идентификации-отчуждения, через образ «Я» выражается идентичность [9].

Образ «Я» – это представление личности о себе, своих возможностях вообще и в определенных видах деятельности в частности [4, с. 48-49]. Каждый человек имеет множество образов «Я», что зависит от того, как человек воспринимает себя в данный момент, каким он или она мыслит идеал своего «я», как это «я» воспринимают окружающие и пр.

Для дальнейшего исследования актуальными представляются следующие вопросы: Например, какие элементы образуют идентичность? Какие уровни идентичности целесообразно выделить? На каких основаниях их можно выделять? Каковы функции идентичности? Что влияет на формирование и развитие идентичности в различные периоды жизни человека? Одним из наименее изученных вопросов является вопрос о ценностном аспекте идентичности. Каким образом усваиваются ценности и нормы той или иной социальной роли? Как определить степень усвоенности этих принципов? На каких стадиях развития идентичности какие ценности и нормы принимаются человеком, какие пересматриваются, изменяются, отвергаются?

Литература

1. Выпускник вуза в современном социокультурном пространстве: моногр. / под общ.ред. Е.А. Подольской. – Харьков: Изд-во НУА, 2010. – 416 с.
2. Заковоротная М.В. Профессиональная идентичность как ключевой аспект современной социальной идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – №3. – С. 13-23.
3. Идентичность: социально-психологические и социально- философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марицас, М.И. Патырбаева; науч. ред. К.В. Патырбаева. – Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т., 2012. – 250 с.
4. Рогов, Е.И. Выбор профессии. Становление профессионала. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 336 с.
5. Смирнова А.Г., Киселёв И.Ю. Идентичность в меняющемся мире: учеб. пособие. – Ярославль, 2002. – 300 с.
6. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
7. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.
8. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: Структура, генезис и условия становления : диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.13. – Москва, 2001. – 327 с.
9. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учеб. Пособие. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2004. – 334 с.

УДК 165.9

ТЕКСТОВЫЕ МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Евгения Валерьевна Самостиенко

*Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

В статье рассматриваются эпистемологические следствия цифровой культуры для понимания принципов текстуальности и предлагается подход к описанию новых текстовых моделей, сформировавшихся в период создания и развития новых компьютерных и информационных технологий. В качестве ключевых понятий, описывающих трансформации текстуальности, предлагается система процедур дискретизация – связывание – сжатие, чем самым утверждается процедурный подход к анализу истории текстуальности, изучаемой в интердисциплинарной перспективе. В центре исследования оказываются литературные тексты Романа Михайлова, предлагающего специфические текстовые модели, которые проявляют очертания цифровой

эпистемологии. Радикальное изменение текстовых моделей цифровой эпохи приводит к изменению принципов доступа к собственной субъективности и требует новых символических и рефлексивных «инструментов» для работы с сенсорием. В статье рассматривается подход к решению этой проблемы, предлагаемый Романом Михайловым: автор создает RN-язык для работы с опытом через понятия сгустков и интенсивностей, а также ставит вопрос о переводимости вербального плана в невербальный – и наоборот. Эти поиски непосредственно коррелируют с процессом датафикации опыта (например, экономика аффекта, экономика внимания и т.д.), который в предыдущие периоды был недоступен семиотизации и символизации. В статье показывается, как изменение текстовых моделей ведет к изменению субъективности, требующей новой индексальности для фиксации и трансляции опыта.

Ключевые слова: текстовая модель, информационные технологии, дискретизация, связность, сжатие, интенсивность, индексальность.

TEXTUAL MODELS OF DIGITAL CULTURE IN THE EPISTEMOLOGICAL PERSPECTIVE

Evgenia Valeryevna Samostienko

PhD of philology, senior lecturer

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In the article the epistemological consequences of digital culture for understanding the principles of textuality are examined and an approach to the description of new textual models formed during the creation and development of new computer and information technologies is suggested. As key concepts describing the transformation of textuality, a system of procedures for *discretization – linking – compression* is proposed, than the procedural approach to the analysis of the history of textuality studied in the interdisciplinary perspective is asserted. In the center of the study are literary texts by Roman Mikhailov, who offers specific textual models that manifest the outlines of digital epistemology. A radical change in the text models of the digital age leads to a change in the principles of access to one's own subjectivity and requires new symbolic and reflexive "tools" for sensorium interaction. The article considers the approach to solving this problem proposed by Roman Mikhailov: the author creates an RN-language for working with experience through the concepts of conglomerations and intensities, and also raises the question of translating the verbal mode into a non-verbal one – and vice versa. These intentions directly correlate with the process of *experience datification* (for example, affective economies, economics of attention, etc.), which in previous periods was inaccessible to semiotization and symbolization. The article shows how changing the textual models leads to a change in subjectivity, which requires a new indexicality for the fixation and translation of experience.

Keywords: textual model, information technologies, discretization, linking, compression, intensity, indexicality.

Этот текст написан в междисциплинарной перспективе и разворачивается на пограничной территории между эпистемологией, теорией медиа, лингвистикой текста, дискурс-анализом и историей новейшей литературы. В центре внимания оказывается конкретный кейс – литературные тексты Романа Михайлова. Эти тексты написаны вполне классическим образом, без использования сложных цифровых технологий, сверстаны как книги или тексты для сайта и свободно распространяются в Интернете в формате pdf. Почему именно они оказались в центре нашего внимания, а не, скажем, электронная литература (Electronic Literature) или какие-либо примеры цифровой текстuality из социальных сетей? На наш взгляд, именно в текстах Романа Михайлова проявляются глубинные тенденции цифровой эпистемологии, сопряженные с другими планами современной культуры, в том числе, с современной философией, в то время как прямое использование новых технологий зачастую не предполагает рефлексивного отношения к самому медиуму и, по существу, просто дигитализирует уже существующие формы и практики.

Настоящая работа продолжает исследование проблем, поставленных в статье «Оцифровка метода: комментарий филолога к “Дальнему чтению” Франко Моретти» [11], посвященной взаимосвязи нескольких аспектов: изменяющейся текстuality, абстракции и новой индексальности. Мы исходили из положения, что качественное изменение текстовых моделей на том или ином временном этапе может быть описано через три процедуры: дискретизацию, связывание и сжатие. Эти процедуры могут рассматриваться как по отдельности [10, с. 479–485], так и как единый цикл. Например, в послевоенный период (начиная с 1945 года) – время, когда начинает формироваться цифровая культура, можно увидеть этот цикл через такие понятия, как лексия – гипермедиа – визуализация данных.

Такой подход требует переопределения самого понятия информационного целого, так как определение отношений части и целого также требует более глубокого рассмотрения, чем кажется на первый взгляд (например, если все твиты в Twitter – это один «текст», то почему, ведь там нет никаких признаков текста, а если это не текст, то что?) Раньше таким архитектурным целым была «книга», что сегодня им является? Не давая конкретных ответов, можно сформулировать ответ так: современным информационным целым, созданным на основе актуальных текстовых моделей, будет такое целое, которое отвечает способом своей

организации и принципом существования на ключевые эпистемологические запросы современности. Выявление этого вопроса требует системного рассмотрения явлений, которые кажутся на первый взгляд не вполне связанными. Мы коснемся одного из таких аспектов, а именно отношения текстовых моделей – структуры аффекта цифрового времени – новой индексальности.

Выделение отдельных небольших текстовых фрагментов – единиц чтения (лекций – понятие, введенное Роланом Бартом) [5] вместе с возможностями новых технологий приводит к появлению нелинейных способов организации информации, траектории движения по которым осуществляются не в «каталожном» режиме, а в ассоциативном (гипермедиа) [1]. Позже такие сложные информационные конstellации начинают требовать более емких форм функционирования и трансляции, и с 80–90-х годов XX века развиваются способы визуальной репрезентации не визуальной информации, совмещающая в себе принципы схематизации и картирования (визуализация данных) [3]. Каждый такой цикл предполагает специфический тип индексальности, а начало следующего приводит к смене режима индексальности. Индексальность связана с ключевыми текстовыми моделями, а те, в свою очередь, – с базовыми эпистемологическими установками определенного исторического этапа.

Текстовые модели, характерные для того или иного периода, могут быть описаны через систему понятий. Для цифровой культуры они могут быть представлены через такие понятия, как рандомный доступ [2], нелинейность (вместо линейности), паттернизация (вместо каузальности), децентрализация (вместо централизации), масштабирование информации (вместо иерархичности).

Такие изменения должны привести не только к изменению способов чтения и письма как способам работы с информацией, но и изменению сенсориума – чувственной сферы субъекта, а значит, влекут за собой изменение принципов кодирования опыта, основанного на изменении символических принципов интроспекции: благодаря новым способам работы с информацией появляются новые способы шифрования аффекта, новые способы его трансляции и переопределения отношения между концептуальным и аффективным опытом, передаваемым с помощью языка.

Роман Михайлов – не только автор нескольких значительных текстов, но и математик (сфера его профессиональных занятий – гомотопии), актер, знаток кашмирского шиваизма и многих языков, среди которых санскрит, цыганский и хинди. В его текстах смыкаются математика, философия и опыт прямого переживания. Говоря о тексте «Равинагар», Роман Михайлов определяет его как состояние, в котором отождествились пространство, психика и грамматика. Это город-состояние, в котором автор находился на протяжении двух месяцев. Героями «Равинагара» становятся структуры, которые наделяются в тексте онтологическим статусом: «В тексте появится довольно сложный универсум, населенный жителями: фрактальными орнаментами, плоскими лабиринтами, глубинными узорами с разрывами. Эти жители будут летать по универсуму, взаимодействовать, приземляться на вещи. Универсум “праузоров”» [9, с. 1]. Автор подчеркивает, что выделение узоров не должно приводить к идее классификации: «Только бы это не стало классификацией. Пусть будет слепое блуждание в символических зарослях, в бредовых узорах, но только не классификация» [9, с. 1]. Внешне этот подход напоминает то, что предлагают Ж. Делез и Ф. Гваттари: множественность и ризоматичность [6, с. 12], однако ризоматичность обладает, по мнению Романа Михайлова, такой же тотальностью и агрессией распространения: «Децентрализованная водоросль, плетущаяся по поверхности ради себя самой – плод насильственного выпрямления глубинного узора с разрывами» [9, с. 48].

В «Равинагаре» Роман Михайлов осуществляет другую стратегию: он фактически обнаруживает пространство между состоянием и описанием как специфическую территорию работы, между этими модулями и разворачивается его текст. Еще более отчетливо этот факт представлен в тексте «Изнанка крысы», который, по словам автора, является комментарием к другому тексту «Красивая ночь всех людей», написанному на RN-языке. RN-язык – это система, разработанная Романом Михайловым, с помощью которой он кодирует опыт. Этот язык оперирует не словами и даже не разрозненными индексами аффектов, а передает опыт в форме сгустков и интенсивностей [8].

Языковые попытки передачи невербального слоя коммуникации предпринимались и ранее: это каллиграфия, системы асемического письма, получившие распространение в эпоху исторического авангарда, эмоджи и стикеры, вошедшие в коммуникацию в цифровую эпоху. Тем не менее на данный момент нет ни одной системы, позволяющей комплексно описывать и транслировать состояния. Особую роль сегодня играет процесс датафикации, который напрямую связан с поисками семиотического доступа к неязыковым пластам опыта: благодаря новым технологиям мы получаем контроль над такими слоями нашего опыта, как дыхание, фазы сна, пульс, физиология внимания и др. Однако состояние – это интегральный качественный параметр, который однозначно не переводится в кластер количественных [4]. Создавая систему, позволяющую описывать опыт через динамику интенсивностей, Роман Михайлов предлагает перестроить механизмы интроспекции и выработать систему, позволяющую оценивать свои состояния.

Благодаря такому подходу возникает новый тип драматургии текста, которую условно можно было бы назвать вертикальной драматургией: текст разворачивается не только в измерении события, но также и в измерении интенсивности. Анализируя тексты Романа Михайлова, мы приходим к выводу, что фрагменты, которые кажутся просто нанизанными с точки зрения логики события (кумулятивный принцип), на самом деле строго выстроены с точки зрения драматургии аффекта. На самом деле автор работает со слоями опыта, каждый из которых требует своей дискурсивной стратегии. Так, например, в «Равинагаре» мы перемещаемся между описаниями событий (воспоминания, встречи, истории о путешествии в Индию, пересказы

сказок и легенд), описаниями узоров и символических систем (онтологические схемы) и описаниями состояний. Резкие переходы между этими слоями и скоростями и создают эстетический эффект, вызывают мобилизацию познавательных и символических сил читателя.

Приведем пример из «Равинагара»: «При чтении тетрадей А.Ш. создается впечатление глубинного узора с разрывами. В отличие от ризомы, здесь далеко не все со всем можно соединить. С перечислением видов троп, которое без сомнения, имеет символическое значение для автора, не может соседствовать перечисление готовых форм. Эти тропы достаются из внутреннего. Из всех изучаемых текстов, тексты А.Ш. по структуре ближе всего к тому, что написано здесь, что вы читаете в данный момент. Глубинные узоры рвутся в том числе от усталости. Кажется, что порой невозможно продолжать вести узор внутрь, уже слишком глубоко и психически затратно, узор разрывается, чтобы выбраться на поверхность» [9, с. 54]. В этом фрагменте со всей отчетливостью проявлена вертикальная драматургия: начинаем мы с понятного предмета описания – тетрадей А.Ш., но аналогия между устройством этих текстов и текста самого «Равинагара» уводит нас к описанию природы узора – важнейшей категории мышления для этого текста: на глубине невозможно находиться долго, не хватает сил, поэтому выбрасывает на поверхность. Глубина и поверхность – это категории, указывающие на онтологический порядок, символически представленный в тексте. Сам же текст построен в соответствии с этой онтологией: слои описания указывают на поверхность, а совпадения, сложные символические события и онтологические схемы состояний указывают на глубину. Композиция текста задается переходами между более и менее глубокими онтологическими слоями, каждый из которых требует своего языка. Если с этой точки зрения посмотреть на RN-язык и «Изнанку крысы», то RN-язык кодирует более глубокий онтологический план, а комментарий «Изнанка крысы» позволяя очертить его поверхность и механизмы символического доступа к этой реальности.

Текст «Изнанка крысы», идущий вместе с «Красивой ночью всех людей», предлагает также текстовые модели описания интенсивностей, но через формы символического доступа. Приведем пример: «Спустя мгновение или несколько часов почувствовал, что кто-то гладит меня по голове, запускает пальцы в волосы, сжимая и отпуская. Волос у меня не было, недавно побрился налысо, значит, пальцы запускались не в волосы, а в другой покров, или в саму голову, касаясь порой шеи сзади. <...> Мне показалось, что сестра не смотрит на меня как на человека, она отвечает то, что греет психическое существо, но я для нее лишь паттерн – набор мест на полу, подвижная узористость, которую известно, как убажить. <...> Какая сестра? Я никогда не жил с сестрой и родителями...» [7]. То же самое можно было бы передать с помощью сгустков интенсивностей. Речь не идет о возможности прямого перевода, но о сложной системе корреляций, тянущей за собой специфические механизмы индексальной чувствительности.

Благодаря новым системам индексальности, работающим с комплексными качественными состояниями пересобирается и само понятие опыта как существования в растяжке между состояниями (чистыми невербальными планами), смешанными планами (объединяющими вербальный и невербальный слои) и вербальным планом. При этом тот факт, что сегодня работа с информацией может и не быть коммуникацией (формы отчужденной коммуникации, обработка информации с помощью технологии нейросетей), заставляет переосмыслить само содержание социальной коммуникации, в которой, судя по всему, все большее место занимает коммуникация невербальная. Сегодня она приобретает длительность, а значит – потенциально – может быть создана форма коммуникации, предполагающая выстраивание невербальной истории. Такое переосмысление категории опыта, ставшее возможным благодаря появлению новой индексальности и новым текстовым моделям, приводит к изменению рефлексивных механизмов и способов картографирования социальной среды, что, в сущности, позволяет подойти к новому пониманию категории субъекта и процесса субъективации.

Литература

1. Landow G.P. Hypertext 3.0. Critical Theory and New Media in an Era of Globalization. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006. – 456 p.
2. Manovich L. The Language of New Media. London: The MIT Press, 2001. 400 pp. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem-/theory/Manovich-LangNewMedia-excerpt.pdf>.
3. Manovich L. What is Visualization? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://manovich.net/content/04-projects/064-what-is-visualization/61_article_2010.pdf
4. Samostienko E. Digital iconoclasm and the new challenges of cognitive ethics: the case of web project Fiber. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/eprint/Z7sjGDIniaKqGYchDP3r/full>
5. Барт Р. S/Z. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
6. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
7. Михайлов Р. Изнанка крысы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://krot.me/articles/rats-inside>
8. Михайлов Р. Красивая ночь всех людей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krot.me/cdn/articles/59935afcb356164d72ae39d7/files/1502897570113.pdf>
9. Михайлов Р. Равинагар. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krot.me/articles/ravinagar>

10. Сулова Е.В. Модели информационного сжатия и проблема архивации знания в новейшей русской поэзии // Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 479–485.
11. Сулова Е.В. Оцифровка метода: комментарий филолога к «Дальному чтению» Франко Моретти // История (электронный научно-образовательный журнал). – 2016. – Том 7. – №8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001636-8-1>.

УДК 111

К ПОНИМАНИЮ «СУБЪЕКТА» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Екатерина Адольфовна Бельцева

Кандидат философских наук, доцент

Вятского экономико-социального колледжа

Статья посвящена рассмотрению понятия «субъект». Являясь спорной философской категорией, субъект, тем не менее, остается ее фундаментальной основой, к изучению которой до сих пор обращены взгляды многих исследователей. Начав свое существование в онтологии и гносеологии, субъект «проникает» во все философские и социальные науки, порождая все новые идеи и смыслы, концепции и теории. Многократное умножение подходов привело к кардинальному решению: нет субъекта – нет проблемы. Однако «смерть субъекта» породила онтологический хаос и двойственность. Парадоксальность ситуации привела к возрождению понятия, но уже с новыми, специфическими реалиями современности: появление мегапространства, глобализации, повышенная социальная мобильность, межкультурное и межнациональное проникновение, развитая сеть Интернет и многое другое, казалось бы, призваны решать субъект-объектные и субъект-субъектные проблемы. Тем не менее, глобальные кризисы и масштабные межгосударственные, религиозные противостояния свидетельствуют об обратном. Таким образом, сегодня ни один аспект жизнедеятельности человека не может быть рассмотрен вне понятия «коммуникация», которое становится относительным к понятию «субъект», возвращая его к жизни, наделяя новым значением, что позволяет философии открывать новые фундаментальные мировоззренческие горизонты.

Ключевые слова: субъект, понимание, коммуникация, социальная реальность, межкультурная коммуникация, интерпретация.

ON THE UNDERSTANDING OF SUBJECT IN MODERN PHILOSOPHY

Ekaterina Adolfofna Beltseva

Candidate of philosophical sciences, associate professor

Vyatka Economic and Social College

The article concerns the study of the definition “subject”. Being a controversial philosophical category the subject, however, is a fundamental base for many researchers to investigate. Having begun its existence in ontology and epistemology, the subject “penetrates” all philosophical and social sciences, generating all new ideas and meanings, concepts and theories. Multiple multiplication of approaches led to a cardinal decision: there is no subject - there is no problem. However, the “death of the subject” gave rise to ontological chaos and ambiguity. The paradox of the situation led to the revival of the concept, but with the new, specific realities of the present: the emergence of megaproject, globalization, increased social mobility, intercultural and interethnic penetration, developed Internet and many other things, seemingly designed to solve subject-object and subject-subject problems. Nevertheless, global crises and large-scale interstate, religious confrontations testify to the contrary. Thus, today no aspect of human activity can be considered outside the concept of “communication”, which becomes relative to the concept of “subject”, bringing it back to life, giving it a new meaning, which allows philosophy to discover new fundamental worldview horizons.

Keywords: subject, understanding, communication, social reality, intercultural communication, interpretation.

В философии сегодня нет единой трактовки понятия субъекта, но благодаря тому, что коммуникативные процессы в последнее время поменяли свой статус и стали рассматриваться как фундаментальная характеристика социального, исследователи вновь вернулись к субъекту, который получил новое понимание.

В современной философии понятие субъект утрачивает статус основы познавательной деятельности. Познающая активность стала определяться в соответствии с такими понятиями, как коммуникация, язык и формы жизни. Эти трансформации изменили направление исследований не только в философии, но и в социальных науках.

За последние 50 лет серьезно изменились коммуникативные практики, герменевтическая работа с текстом, так как появились новые способы работы с информацией и ее распространения, а это важная характеристика бытия человека и его активности. Субъект стал проблематичен: изменился и тип активности, и само общество. Пройдя все стадии: от фундаментальной основы мира через его часть, став функцией социальной реальности, субъект в XX веке «умер» как значимая философская категория. Попытки сохранить и восстановить субъекта лежат в плоскости создания новых форм практики (М. Фуко), эпатажа (постмодерн), соотношения нормы и «я загадочного» (У. Эко), а также базируются на частных вопросах человеческого опыта, таких как, например, телесность или социальная активность индивида (А.А. Смирнова), место обитания субъекта (пространственно-временная локализация тела), его пребывание в виртуальных мирах, особенности электронно-опосредованной коммуникации в сравнении с коммуникацией устной, письменной или печатно-опосредованной и т.д. (И Ю. Алексеева). При этом возникает множество теоретических и практических проблем. Так, современные коммуникации, опираясь на современные технические разработки, нивелируют личное начало, дают возможность обширной маскировки и ограничивают выбор, манипулируя субъектом. С другой стороны, технические достижения отчасти снимают вопрос «шума» и искажений в процессе коммуникаций, передавая информацию мгновенно, непосредственно от субъекта к субъекту (без канала трансляции в виде СМИ, цензуры, идеологии и пр.), так как фиксация отсроченной информации увеличивает искажение и ведет к разрыву, конфликту между социальными субъектами. Процесс коммуникации возвращается как бы к своей первобытной форме — непосредственному контакту между людьми. Это хорошо понимает, например, президент США Д. Трамп, заявляя, что не доверяет СМИ и будет общаться с населением страны непосредственно через Интернет.

Главным трендом нескольких последних десятилетий становится невероятное увеличение скорости изменения социокультурной реальности. IT- технологии, спутниковая связь, мегапространство Интернета, ускоряя динамику социального действия и обратной связи, делают современное общество подвижным, лишенным прочных основ. Традиционные представления о времени и пространстве, материи и расстоянии кажутся устаревшими и неважными в эпоху глобальной неустойчивости. Все это порождает новые и глобальные кризисы социального, в основе которых все-таки кризис антропологический.

Место понятия «субъект» в философии – центральное, несмотря на современные споры и раздоры, оно как цементирующий состав определяет множество философских учений. Начав свое существование в онтологии и гносеологии, оно постепенно стало существенным в любой философской дисциплине: в этике проблема свободы трактуется через нравственность поступка или действия субъекта; в эстетике до сих пор существует необходимость определения субъекта эстетической деятельности, который теперь трактуется тройко: субъект-творец, воспринимающий субъект (зритель, слушатель и пр.) и субъект-критик; в философии истории появляется проблема субъекта исторического процесса. С другой стороны, начинает проявляться обратная тенденция – критика идеи субъекта. На наш взгляд, граница между классической и неклассической философией проходит именно по решению вопроса о субъекте. Первые критические настроения проявляются уже в XIX в. в учениях К. Маркса, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Однако высшая степень недовольства субъектом проявляется в XX веке, когда под лозунгом Ф. Ницше о необходимости «переоценки всех ценностей» формируется идея «смерти субъекта».

Впервые о «смерти субъекта» открыто объявил французский философ Мишель Фуко в виде «смерти человека». Другой французский мыслитель Жан Бодрийяр формулирует концепцию «смерти социального». Парадокс ситуации заключается в несомненном эмпирическом наличии и человека-субъекта, и общества в действительности.

С середины XIX века классическая картезианская позиция подверглась критике с самых разных позиций. Труды К. Маркса, А. Шопенгауэра, В. Дильтея, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, А. Бергсона, Э. Гуссерля составили новый неклассический этап философствования. «Наука - и это можно постоянно слышать - ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [1, с. 116]. Рационализм всегда нуждается в рефлексии, поэтому независимая от человека и научно сконструированная картина мира становится для него чуждой реальностью. Причина кризиса «европейского духа» заключается, таким образом, по мнению Гуссерля, в забвении, начиная с Нового времени, бесконечного разнообразия «жизненного мира». Точность и абстрактность естественно-математических наук не позволяет рассматривать индивидуальное, что, по мнению того же мыслителя, и привело к кризису всю европейскую цивилизацию.

Если рассматривать работы К. Маркса (что, несомненно актуально, в год 100-летнего юбилея революционных событий в России), то первое, что можно выделить, это стремление выяснить происхождение и объективное содержание идей. Критикуя немецких философов, он пишет, что они противопоставляют фразам ничего кроме фраз, одна мысль заменяет другую, в то время как в основе познания выступают «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни», что легко можно установить

«чисто эмпирическим путем» [6, с. 18]. Маркс вводит понятие фетишизма — ситуации, в которой причина занимает место следствия. Так социальные процессы (например, труд в сочетании с коммуникацией) становятся вещными в глазах субъекта, так как он имеет дело с товаром. Фетишизм — иллюзия иного рода, нежели в классической философии (как, например, у Ф. Бэкона). Прозрачность сознания классического субъекта является основополагающей ценностью для достижения господства человека над природой. У Маркса именно превратное понимание субъектом стоимости товара (а не определенного количества затраченного труда) дает ему возможность осознанно действовать. Таким образом, он приходит к выводу, что сознание субъекта содержит такие иллюзии, устранение которых приведет к невозможности жизнедеятельности субъекта в качестве субъекта. Получается формула: «субъекты могут это делать именно потому, что не осознают этого». Об этом пишет М.К. Мамардашвили: «Движение, идущее от производственных отношений в обмене деятельностью к значащему предмету, оборачивается так, будто именно значащий предмет приводит в движение деятельность и форму общения, причем практически так оно и есть на самом деле» [5, с. 306]. Вывод получается следующим: теоретическое знание не может давать практические рекомендации. Именно поэтому мыслитель обращается к практике как основе для изменения мира, где главная роль отводится активному субъекту, через процессы преодоления отчуждения приходящему к истинному бытию. «Коммунизм как положительное упразднение частной собственности - этого самоотчуждения человека - и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. Человечному» [7, с. 4]. Маркс критикует классическую философию за признание Абсолюта, за наблюдение за миром со стороны, извне, что считалось критерием достоверности. Он отрицает тезис Канта: «Смей пользоваться собственным умом!» [2]. Переворот в сознании субъекта возможен только после коммунистической революции (а не *aufklärung* - просвещения), в ходе которой превращение сознания позволит избавиться от ложных фетишей. Критике должен подвергаться не субъект с индивидуальным разумом как носитель «ложного сознания», а общественные отношения, детерминирующие его. Коммунизм, по Марксу, это не политическая, а социальная необходимость изменения общественных отношений и типа коммуникации. Он «совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов» [6, с. 64]. Так, субъект стал не просто практиком, но революционером, способным избежать иллюзий своей эпохи. Однако полностью преодолеть самоотчуждение человека можно только после наступления эры коммунизма, причем сам коммунизм понимается как процесс бесконечного движения, изменения мира и повышения степени преодоления отчуждения.

По крайней мере, два фундаментальных основания субъекта сейчас являются спорными: гносеологические (предполагающие объективацию социального) и социальные (социализация, идентичность и т.д.). В динамичном, неустойчивом мире автономный субъект практически не способен выполнять функцию гносеологического центра. Многообразии социальных групп и функций, выполняемых людьми, становление коллективной субъективности ведут к устранению устойчивых социальных ролей и фиксированных правил. Сегодня приходится констатировать, что собственные характеристики социального субъекта оказываются производными, а сам субъект испытывает влияние структурных конструкций.

Таким образом, субъект больше не может восприниматься только как субъективность, а она, в свою очередь, как действие психики и сознания. Перед философией стоит задача переосмысления концепции социального субъекта, которая подразумевает выход за рамки его гносеологических характеристик. Необходимо учитывать влияние на субъекта современных концептуальных, технических и организационных форм для эффективного функционирования в ситуации динамичной социальной реальности.

Литература

1. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна. 1994. 357 с.
2. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т.6. С. 25-37.
3. Кондратьев К.В. Кризис идеи и феномена субъекта в пространстве нововременного социально-философского дискурса: Дисс. ... канд. филос. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2012. 140 с.
4. Король М.П. Эволюция концептуальных моделей социальной реальности: от классики до современности: Дисс. Канд. филос. наук. М.: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2013. 149 с.
5. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию? М.: Прогресс, 1992. С. 295-315.
6. Маркс К. Немецкая идеология. Фейербах: противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т.3. С. 15-78.
7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т.3. С. 1-4.
8. Смирнов А.Е. Процессы субъективации: социально-философский анализ: Дисс. ... докт. филос. наук. Иркутск: Восточно-сибирский институт МВД России, 2011. 307 с.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА:
МИР ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

УДК 165.23

МИГРАЦИЯ: МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ДЛЯ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

Илья Теодорович Касавин

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Институт философии РАН

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Понятие миграции выступает и как эмпирическое обобщение, и как метафора в разных науках. В первом случае речь идет о перемещении реальных живых субъектов в пространстве, во втором – о динамике квазисубъектов (клеток, программ, идей). Для прояснения категориального статуса миграции предпринимается ее контекстуализация в процессе антропогенеза. Отсюда выводится тезис об архетипичности миграции как онтологической рамки ключевых событий возникновения человека и как фермента социокультурного развития вообще (Э. Кассирер). Проясняются возможности выявления структуры миграции как путешествия и приключения (А.Н. Уайтхед), выступающих в форме неравномерного развития и повторения изначального события. Формулируется парадокс ее легитимации. Показывается, как глобализация актуализирует миграционные риски (З. Бауман). Вненаходимость философа (М. Бахтин), амбивалентность философии (Т.И. Ойзерман) есть обнаружение философа как сталкера между мирами.

Ключевые слова: Миграция, субъект, антропогенез, путешествие и приключение, глобализация, медиация, философия.

**MIGRATION: THE DEVELOPMENT MODEL
FOR THE AGE OF CHANGES**

Ilya Teodorovich Kasavin

Corresponding Member of the RAS, DSc in Philosophy, professor

RAS Institute of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The concept of migration appears as an empirical generalization and as a metaphor in different sciences as well. In the first case, one talks about moving of the real living agents in space, in the second one it deals with the dynamics of quasi-agents (cells, programs, ideas). In order to clarify the conceptual status of migration, the author undertakes its contextualization in the process of anthropogenesis. Hence the archetypical character of migration is displayed as ontological framework of key developments of the emergence of the humans and as catalyst of socio-cultural development in general (E. Cassirer). The paper clarifies the possibility of identifying the structure of migration as a journey and adventure (A.N. Whitehead) in the form of uneven development and recurrence of the original event. The paradox of its legitimation is formulated. Shows how globalization actualizes migration risks (Z. Baumann). Philosopher's "vnenahodimost'" (M.M. Bakhtin), the ambivalence of philosophy (T.I. Oiserman) is the discovery of the philosopher as a stalker between the worlds.

Keywords: migration, subject, anthropogenesis, travel and adventure, globalization, mediation, philosophy.

Вопрос о понятии

Философией и конкретными науками предложено и разработано множество концепций, моделей и даже теорий развития применительно к природе, обществу, культуре и сознанию. Космологические, биологические, исторические и психологические подходы широко известны и вводят в оборот ряд понятий, обладающих значительными объяснительными возможностями. «Большой взрыв», «точка бифуркации», «эволюция», «цикличность», «прогресс», «адаптация», «кризис» из их числа. Философия науки, в свою очередь, смоделировала процесс развития научного знания, используя такие понятия как «кумулятивизм», «смена парадигм», «пролиферация» и др. В значительной меньшей степени известны и отрефлексированы концеп-

ции, в которых модель развития построена на понятии миграции. Однако оно явно претендует на универсальность и потому заслуживает особого осмысления.

Миграция — эмпирический феномен, исследуемый рядом наук (демография, социология труда, административное право, экономика расселения и туризма, социальная и историческая география, этология, теория международных отношений). Здесь идет речь о пространственном перемещении индивидов и групп, отвечающем определенным критериям.

Одновременно миграция — концептуальная метафора, используемая в ряде наук (генетика, геофизика, геохимия, программирование, культурология, философия). В данном случае мы имеем дело с квази-субъектом: перемещаются гены, хромосомы, ионы, частицы, пласты, программы, идеи, концепции, при этом понятие пространства также иной раз претерпевает определенное метафорическое расширение.

В смысле смещения категориального и метафорического употребления термина «миграция» показателен пример медицины [4], с точки зрения которой миграция это:

- 1) перемещение в тканях подвижных клеточных элементов;
- 2) пассивное или активное перемещение животных-паразитов из одних частей организма в другие;
- 3) перемещение инородных тел в организме током крови и (или) лимфы и под действием силы тяжести;
- 4) распространение патологического процесса в ближайшие и отдаленные от первичного фокуса участки органа или ткани.

Анализ показывает, что науки, которые используют метафору миграции, не вкладывают в этот термин никакого существенного содержания, помимо перемещения. И напротив, науки, исследующие миграцию как эмпирический феномен, стремятся определить ее акторов, мотивы, средства, цели, формы и исторические типы, отличить ее от сходных явлений (мобильности, перемещения), сформулировать критерии. Однако эта работа не выходит за пределы эмпирических обобщений. Как таковой обоснованной и разработанной теории миграции до сих пор не создано.

На фоне использования термина «миграция» большой группой наук возникает вопрос о возможности и необходимости общенаучной теории миграции, с одной стороны, и собственно философской концепции миграции, с другой.

Мой главный тезис состоит в том, что понятие миграции служит основой для частной модели развития, ограниченной сферой живой природы и общества, а ее универсальная экстраполяция находится под большим сомнением.

Событие миграции и трансляция миграционного архетипа

Э. Кассирер указывает на главное свойство человека, позволившего ему выделиться из окружающего мира и занять в нем особое место: «Человек оказывается существом, которое постоянно ищет само себя, которое в каждый момент жизни испытывает и перепроверяет условия своего существования» [3, с. 4]. Этим свойством оказывается способность произвольно покинуть осволенную экологическую нишу и самостоятельно обустроиться на другом месте. Отсюда исходная гипотеза исследования гласит, что ключевые моменты антропогенеза сформировали такие параметры человеческого тела, деятельности, коммуникации и сознания, которые можно назвать архетипическими с точки зрения всей известной истории человека. Эта история берет начало с того растянутого во времени момента, когда приматы определенного вида или видов покинули деревья, вступили в саванну, обрели прямохождение и отправились в северном направлении вслед за перемещением вегетации и травоядных животных. Начало антропогенеза является событием миграции: формирующий человек покинул свою удобную экологическую нишу и сделал это *заранее*, хотя он мог бы еще долго конкурировать с другими приматами за ресурсы. Подчеркнем, что миграционный характер этого события не в том, что некоторые приматы следовали на север вместе со стадами копытных (так поступают многие хищники), а в том, что они радикально изменили свой образ жизни: сменили оседлость на миграцию.

Выпадение человека из экологической ниши является фактом, не требующим обоснования, — это одна из случайностей, которыми богат процесс происхождения видов. В ее основе могли лежать мутации, изменения климатических условий, космические явления и т.д. — одно или несколько обстоятельств, находящихся за пределами человеческой власти и в этом смысле имеющих внеисторический, чисто природный и потому для человека случайный характер. Эти обстоятельства представляют интерес не только для естествоиспытателей, но и для философов именно потому, что результат их воздействия имел уже не чисто биологическую, а историческую природу. Он сделал историю: человек не только не вымер как вид, но и не переместился в другую удобную экологическую нишу; отныне он стал лишь *постоянно перемещаться* из одной ниши в другую, отчасти копируя сезонные миграции кочующих животных, а постепенно приступил к строительству и перестройке такого рода ниш, созданных по собственному плану.

Если тезис об архетипичности миграции верен для понимания мира человека, то целый ряд прорывных моментов антропогенеза может быть истолкован как развертывание этого архетипа. Таковы трансформация черепа неандертальца с мощными челюстями и выраженными надбровными дугами к яйцеобразному черепу кроманьонцу; переход от бедного в фонетическом отношении языка неандертальцев к языку кроманьонцев, в котором присутствуют все основные звуки современных языков; добытие огня; скотоводство; радикальное совершенствование методов изготовления каменных орудий; формирование магической практики и мировоззрения.

Так, применительно к возникновению человека и сознания ведутся поиски т.н. положительной обратной связи, позволяющей запустить механизм эволюции. Ученые показали, во-первых, как связаны между собой появление высокой глотки, развитие коммуникативной функции языка и усложнение коллективных форм поведения. Во-вторых, аналогичная связь существует между формированием асимметрии мозга, развитием орудийной деятельности и совершенствованием орудий труда. И то, и другое может успешно объясняться в рамках современной нейропсихологии, психолингвистики и этнографии, опирающихся, в свою очередь, на физические, химические и биологические закономерности. Однако *совпадение* этих процессов во времени не может, казалось бы, объясняться никакой наукой и потому является случайным. Ни структура мозга, ни природа языка, ни характер орудийной деятельности или коллективного поведения не могут служить достаточным исходным пунктом для запуска всего процесса возникновения современного человека. И лишь тогда одновременное развитие этих феноменов уже не кажется случайным, как скоро они сами оказываются частями единого сложного процесса - процесса человеческой миграции. Вот эти феномены:

- трансформация черепа неандертальца с мощными челюстями и выраженными надбровными дугами к яйцеобразному черепу кроманьонцу;
- переход от фонетически бедного языка неандертальцев к языку кроманьонцев, в котором присутствуют все основные звуки современных языков; добывание огня;
- скотоводство;
- радикальное совершенствование методов изготовления каменных орудий;
- формирование магической практики и мировоззрения.

Путешествие и приключение. К структуре миграции

Ученые, эмпирически исследуя феномен миграции, часто подчеркивают, что смысл этого понятия не следует сводить к монотонному перемещению или мобильности. Ключевым признаком миграции является переход границы между мирами, а постоянная миграция — это реитерация (повторение, воспроизведение) такого перехода. Это не только путешествие, но и приключение (переключение), т. е. движение, характеризующееся принципиальной неравномерностью. Однако вопрос о структуре миграции сталкивается с принципиальной трудностью, похожей на ту, с которой встретился Т. Кун, назвав свою книгу «Структура научных революций». Возможна ли рационалистическая концепция развития при том, что она должна дать объяснение «недетерминистическому» возникновению нового? Ведь если новое детерминировано старым, дедуктивно выводится из него, то его новым не назовешь. Обоснование всякой новизны требует феноменологического описания, к которому едва ли применены стандартные рационалистические критерии ясности, простоты, системности, полноты и т.п. Можно ли в таком случае говорить о структуре миграции, если структура есть нечто ставшее, а миграция — образ самой изменчивости?

Примером парадоксов, которые возникают при попытках выделить структуру миграции, является решение вопроса о начале миграции и роли лидера. Для того, чтобы подвигнуть сообщество на миграцию, лидер должен иметь авторитет, быть лучшим среди равных и образцом для подражания. Одновременно он должен быть гарантом сплоченности сообщества, в противном случае миграция его раскалывает на тех, кто остается, и тех, кто уходит, со всеми вытекающими последствиями. Но лидер или вождь, который завоевал авторитет в рамках некоторой экологической ниши и практики стандартных ситуаций, едва ли способен повести людей в неизведанные дали. Этот лидер *не может быть по определению легок на подъем*. Иное дело — шаман, который регулярно путешествует в мир духов, или иной харизматический лидер, авторитет которого обязан иррациональной вере, мифам и пропаганде. Такой может повести народ куда угодно, но в таком случае раскол сообщества неминуем, если в нем останутся здравомыслящие люди. Итак, миграция не имеет шансов состояться вообще, или она приведет, скорее всего, к трагическим последствиям, и, следовательно, не будет подлинной миграцией, поскольку не может более повториться. Однако успешная миграция является эмпирическим фактом, который едва ли подлежит рациональному объяснению или реконструкции. А если нет рационального понимания, то данный факт не может быть адекватно оценен как свидетельство миграции. И так далее.

Парадоксальность, логическая невозможность миграции, невозможность ее совмещения с набором социальных правил, являющихся функцией оседлого существования есть форма рационального осмысления того факта, что запрет миграции выступает третьим фундаментальным табу традиционного общества (наряду с запретом инцеста и убийства кровного родственника). Запрет на миграцию тождествен запрету на развитие и творчество. Они угрожают единству традиционной цивилизации, будучи сформулированы и культивируемы в качестве ценностей.

А. Н. Уайтхеду принадлежит замечательная фраза: «Быстрые переходы к новым типам цивилизации возможны лишь тогда, когда мысль опережает реализацию. Энергия наций устремляется вперед к новым приключениям воображения, превосходящим физические приключения исследования. Возникает мир мечты, с тем чтобы в соответствующий момент дать толчок к действию. Всякое физическое приключение, предпринимаемое с заранее поставленной целью, опирается на приключение мысли, грезящей о нереализованных вещах» [6, с. 684]. Миграция как нереализованная и запретная мечта — вот что выражают собой путешествия и приключения богов и героев греческого мифа и эпоса. Герои путешествуют в поисках

драгоценных предметов, в погоне за злодеями и чудовищами, в пути к оракулу или находясь в изгнании. Два образа, которые они часто принимают, это образы пастуха и мореплавателя. Зевс и Гермес, Геракл и Диоскуры, Одиссей и Язон - лишь немногие из примеров знаменитых пастухов и мореходов. Соединение этих двух образов неслучайно. Их единство обнаруживает себя в реальной жизни древних греков и в фундаментальных мифических архэ. Здесь легитимация миграции происходит лишь в сакральном мире, удаленном от мира повседневности.

В рамках самой миграции, поскольку всякий раз происходит выход за границы, легитимация не успевает за своим объектом. Незавершенность не поддается легитимации как представлению в качестве правила. Архетип миграции легитимируется лишь при ее окончании. Это происходит *post factum* в форме воспоминания, нарратива о миграции, которая завершилась. Легитимация возникает как продукт оседлости. Она возвеличивает миграцию, представляя ее как дело богов и героев и тем самым как нечто запретное для человека. Миграционный архетип закрепляется в форме табу. Палуба корабля – яркий пример и парадоксальный образ легитимированной миграции: движущееся неподвижное.

Миграционные риски

Демократизация общественной жизни ставит во главу угла право человека на передвижение. Реализация этой программы приводит к современному обществу глобализации, которое З. Бауманом обозначается как «жидкий мир», «общество нулевого трения», «война против пространства», «смерть географии». В этом мире все взаимодействия кардинально ускоряются и облегчаются. Это общество многократно возросшей свободы: идея пространственного перемещения в перспективе вообще замещается идеей информационного обмена. Однако отсюда вытекают и определенные риски: общество утрачивает управляемость, а для решения важнейших социальных проблем требуются все большие и большие усилия, которые чреваты ограничением свободы и утратой демократических завоеваний. «Одно из важнейших последствий глобальной свободы передвижения заключается в том, что воплотить общественно значимые проблемы в эффективные коллективные действия становится все труднее, а то и просто невозможно» [1, с. 100].

Назначение философа – свобода

Философия изначально моделирует миграцию, разрабатывая дуалистическую онтологию бытия и небытия, сущности и явления, наличного и должного, знания и мнения.

Философ оказывается сталкером между этими мирами, уходящим в неведомое из мира повседневности, приносящим волшебные предметы из сакрального мира и нигде не обретающим своего собственного места. Как пишет Г. Шпет, «Философия всегда – тревога, всегда – притязание, всегда – беспокойство, – философ не имеет пристанища; и в этом самая большая ценность философии – свобода» [7, с. 176]. Эта «внеаходимость» [2, с. 96] – родовое качество мигранта, шамана, торговца, путешественника, медиатора, философа. Они оставляют следы на культурных проселках, по которым позже прокладывают магистрали.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 1. – М., 2003.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс. 1988.
4. Миграция // Малая медицинская энциклопедия. – М.: Медицинская энциклопедия, 1991– 96 гг.
5. Ойзерман Т.И. Амбивалентность философии. – М.: Канон+, 2011.
6. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.
7. Шпет Г.Г. Явление и смысл // Шпет Г.Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2005.

УДК 1

ТРИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИИ В XX ВЕКЕ

Александр Архипович Ивин

*Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт философии Российской Академии наук*

В XX веке Россия пережила три грандиозных социальных революции. Каждая из них являлась сменой основного направления социального развития страны на прямо противоположное – с индивидуалистического на коллективистическое, и наоборот. Особенность коллективистического общества в том, что оно всегда ставит перед собой единую грандиозную цель и всеми имеющимися в его распоряжении средствами, включая насилие и террор, мобилизует общество на ее реализацию. Индивидуалистическое общество не выдвигает перед собой какой-либо глобальной цели, к осуществлению которой привлекался бы каждый член общества и за

отступление, от которой обязательно предполагалось бы самое суровое наказание. Примерами коллективистических обществ служат средневековое общество и коммунистическое общество. Индивидуалистическими являются античные демократии и современные западные посткапиталистические страны. Переход от коллективизма к индивидуализму, и наоборот, является наиболее выраженным случаем социальной революции. Именно такого рода революции, меняющие основное направление развития обществ можно, вслед за К. Марксом, называть «локомотивами истории».

Ключевые слова: история, коллективистическое общество, индивидуалистическое общество, социальная революция, переход от коллективистического общества к индивидуалистическому обществу как социальная революция, мирная революция, революция с гражданской войной.

THREE RUSSIAN REVOLUTION IN XX CENTURY

Alexander Arkhipovich Ivin

*DSc in Philosophy, professor, senior researcher
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences*

Russia overcame three tremendous social revolutions in the 20th century. Each of them proved to be a major perspectives change of the country's social development towards the exact opposite, i.e. transition from individualism to collectivism, and vice versa. The peculiarity of the collectivist society lies in the fact that it always sets a consistent and ambitious goal. Moreover, it mobilizes the society for accomplishing this purpose tooth and nail, violence and terror inclusive. Individualistic society does not establish a global goal for engaging every member of society in its implementation, nor does it set an aim intending the most severe punishment for distancing. Medieval and communist societies exemplify the collectivist societies. Ancient democracies and modern Western post-capitalist countries represent individualistic societies. Transition from collectivism to individualism (or vice versa), amounts to the most prominent case of social revolution. Following K. Marx, these particular revolutions changing the major perspective of the society development can be called «history's locomotives».

Keywords: History, collectivist society, individualistic society, social revolution, transition from collectivist orientation to individualistic orientation in terms of social revolution, non-violent revolution, a revolution-based civil war.

Развитие России в прошлом веке является, пожалуй, выразительным примером чередования революционных и эволюционных периодов в истории общества. За сравнительно короткий по историческим меркам период Россия неожиданно перешла от крепкой абсолютной монархии к совершенно неожиданному строительству первого в мире коммунистического общества, а затем, столь же неожиданно, рассталась с идеей построения коммунизма и начала строить неоконсервативное общество.

В XX веке в России произошло, таким образом, три социальные революции: Февральская буржуазная революция 1917 г., Октябрьская коммунистическая революция того же года и буржуазная революция 90-х гг. прошлого века. Первая революция была кратковременной и носила мирный характер; вторая привела к долгой и кровопролитной гражданской войне; третья революция также оказалась мирной, а из-за неясности ее основных целей и её растянутости во времени на первых порах она ошибочно не относилась к социальным революциям. Как пишет современный французский писатель Фредерик Бегбедер: «Величайший революционер XX века – не Че Гевара, а Михаил Горбачев» [1, с. 87].

В XVIII веке в России, очевидным образом тяготевшей к коллективистическому полюсу социального устройства, постепенно стала усиливаться тенденция либерализма. К XIX в. постепенно созрел замысел отказа от абсолютной монархии, введения ограничивающей ее конституции и переустройства общества по индивидуалистическому образцу стран Западной Европы [см.: 4, гл. 2-4].

Но после I-ой Отечественной войны с вторгшейся в страну армией Наполеона и блестящей победы над ним ситуация радикально изменилась. Уже декабристы, большинство идейных вдохновителей которых прошло почти всю Европу, категорически отказались от либерализма и выступили под заведомо коллективистическими лозунгами. В частности, глава Южного общества декабристов П.И. Пестель говорил в «Русской правде», с которой были знакомы все декабристы, не только об уничтожении крепостного права, но и на устранении власти богатства, порождающей неравенство людей [4, гл. 3, разделы 4-14]. Это было уже началом движения от индивидуалистического и либерального капитализма к равноправию людей, характерному для коллективистического общества, и к введению, наряду с частной, также общественной формы собственности.

На смену декабристам пришло народничество, еще дальше пошедшее в развитии идеи перехода от феодализма к коллективистическому социализму, минуя индивидуалистический капитализм. Идеология народничества основывалась на идее «самобытности» исторического пути России и самобытном пути ее развития к социализму, минуя капитализм.

На смену народникам пришел русский марксизм во главе с Г.В. Плехановым и В.И. Лениным. В работе Ленина "Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1902) взглядам народников на историю было противопоставлено марксистское понимание социалистической революции, дополненное совершенно новым учением о «партии нового типа», призванной совершить такую революцию. «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!» - восклицал Ленин. Он решительно трансформировал представления Маркса о партии рабочего класса как одной из обычных рабочих партий, каких у рабочего класса много. Радикализация марксистского учения о партии шла в духе знаменитого «Катехизиса революционера» С.Г. Нечаева (1847-1882) [5]. Эта радикализация была русской по своим истокам и могла быть проведена только в России.

Так, за очень короткий по историческим меркам период Россия перешла от зарождающегося либерализма к его полной противоположности – радикальному социализму и приготовилась не к либерально-демократической революции, устанавливающей капитализм, а к социалистической революции, ставящей перед страной совершенно неожиданную, казалось бы, перспективу строительства коммунистического общества.

Факторы, входящие в ядро тех сил, которые определяли развитие российской цивилизации, менялись с калейдоскопической быстротой. Эти внутренние факторы, а также внешние обстоятельства - участие России в Первой мировой войне – привели, в конце концов, к Февральской, а затем короткое время спустя - к Октябрьской революциям 1917 г.

С 60-х гг. прошлого века постепенно, а затем с катастрофически нарастающей скоростью стал разлагаться советский коммунизм и распался державшийся волей и дисциплиной коммунистической партии Советский Союз.

В 90-е гг. в России началась неожиданная для многих новая революция. Основным направлением ее являлось движение от коммунизма к развитому капиталистическому обществу.

Необходимо подчеркнуть следующие основные черты последнего революционного периода истории России:

- Коммунизм способен существовать устойчиво только в его *сталинской, тоталитарной форме*. Малейшая «оттепель», умаление жестокости и крайнего аскетизма сталинского режима, т.е. реального и единственно устойчивого коммунизма, приводит к такому размягчению социализма, которое потом уже не удастся остановить.

- Переход от коммунистического общества к обществу капиталистическому является грандиозной, меняющей самые основы общества *социальной революцией*. По своей сути - это переход от коллективистического устройства общества к его индивидуалистическому устройству. Всякий такой переход означает изменение *направления социального движения* страны или цивилизации на прямо противоположное. Как таковой, он не может не быть глубокой социальной революцией. По аналогии со второй русской революцией XX века - Великой октябрьской социалистической революцией - его можно назвать Великой второй буржуазной революцией. Таким образом, в XX веке в истории России XX века имели место три радикальные революции: одна коммунистическая и две буржуазных.

- Как и первая русская революция, вторая буржуазная революция свершилась *мирным путем*. Это существенно маскирует ее радикальность и разрушительную силу. Мирный характер новой русской революции связан с особенностями социального развития страны во второй половине XX века. В числе этих особенностей - без меры затянувшийся период «коммунистического застоя» в 60-е-70-е гг., разложивший не только коммунистическое общество, но и саму коммунистическую партию, являвшуюся его железной арматурой; мягкое, не склонное к крайностям правление М.С. Горбачева в конце 80-х гг., приведшее к распаду коммунистической империи, и др.

- 90-е гг. представляют собой период перехода к первоначальному, «дикому капитализму», со всеми крайностями капитализма такого типа, отягченными российским своеобразием.

- С началом нового, третьего тысячелетия становящийся в России капитализм прибег к единственно возможной в тех условиях *авторитарной форме правления*. В несколько смягченном виде такое правление сохраняется и сейчас.

- Характерная особенность современного развития России – все усиливающаяся ностальгия по советскому коммунизму и советской коммунистической империи. Эти «воспоминания о светлом прошлом», прекрасно уживаются с неспешно идущим в стране строительством капиталистического общества.

Советский коммунизм умер, как говорят, естественной смертью. Он саморазрушился под грузом тех неразрешимых проблем, которые были порождены им же самим. Мечтать сейчас о его воскрешении – это все равно, что фантазировать об оживлении человека, умершего от неизлечимой болезни и похороненного много лет назад. Если бы даже этот человек вдруг воскрес, благодаря какому-то чуду (иначе ему, понятно, не воскреснуть), он в самом скором времени все равно отправился бы в мир иной.

Ушла в прошлое коммунистическая культура. Россия находится в процессе перехода к новому обществу, которое семь с лишним десятилетий упорно и самоотверженно строило коммунизм. Новое общество, черты которого становятся все заметнее, является *индивидуалистическим*. Переход к нему от *коллективистического коммунистического общества* представляет собой подлинную социальную революцию. Этот переход радикален еще и потому, что в России открытое общество никогда раньше не существовало.

Коммунизм представляет собой естественный способ устройства социальной жизни, современную (индустриальную) форму того коллективизма, который является, наряду с индивидуализмом, постоянным фактором человеческой истории (о коллективистической и индивидуалистической формах организации общества [см.: 6, гл. 1-2], [3, гл. П-IV], [2, гл. 2-4]. Переход от коллективистического общества, каким являлся коммунизм, к капиталистическому, индивидуалистическому по своей природе, обществу является, без сомнения, глубокой социальной революцией.

Литература

1. Бегбедер Ф. 99 франков. М.: Издательство «Иностранка», 2000. – 400 с.
2. Ивин А.А. Введение в философию истории. – М.: Владос, 1997. – 287 с.
3. Ивин А.А. Из тени в свет перелетая... Очерки современной социальной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2015. – 592 с.
4. Ивин А.А. Философское измерение истории. – М.: Проспект, 2016. – 491 с.
5. Нечаев С.Г. Катехизис революционера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/nechaev.htm> (дата обращения 02.10.2017).
6. Пестель П.И. Русская правда. Наказ Временному Верховному Правлению. – СПб.: Культура, 1906. – 244 с.

УДК 123

ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Леонид Григорьевич Антипенко

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии Российской академии наук*

Ещё античные историки вынуждены были как-то объяснять тот факт, что картина исторических событий в жизни, будь то отдельного народа или совокупности народов, не укладывается в рамки последовательной причинно-следственной (каузальной) связи. Не всегда поступок того или иного исторического деятеля удаётся представить как следствие предшествующей ему определённой причины. Появление лакун в каузальной цепи исторических явлений античные мыслители объясняли вмешательством богов в человеческую жизнь. Современные филологи и историки постмодернистской закваски поставили на место апелляции к божественному провидению или к свободной воле человека герменевтический способ обработки исторических текстов, получивший название нарратива (narrative у Поля Рикёра и др.). Онтологический подход к изучению исторических явлений не нуждается ни в апелляции к божествам, ни в обращении к герменевтическому нарративу. В фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера груз ответственности за лакуны в историческом процессе берёт на себя историческое время, течение которого характеризуется тем, что в нём имеет место корреляция («перекличка») между отдельными историческими событиями или целыми эпохами, удалёнными друг от друга во времени на значительные расстояния. Дальнейшей коррелятивной связью объясняется совмещение таких противоположных элементов в ходе исторического процесса, как непрерывное и прерывное. Вместе с тем в счётный ряд лакун, расчленяющих каузальную последовательность исторических событий, внедряется множество конфликтных, революционных явлений. Их возникновение объясняется наличием гетерогенности между творческим процессом природы, создавшей человека, и творческой деятельностью самого человека. Два класса людей сталкиваются в этих конфликтах. К одному классу принадлежат те, кто поддерживает тенденцию расширения наблюдаемой гетерогенности, другие противостоят ей. Первых принято называть революционерами, вторых – реакционерами, или консерваторами.

Ключевые слова: исторический процесс, прерывное и непрерывное, необходимость и свобода воли, революционность и консерватизм.

ONTOLOGY OF THE SOCIAL REVOLUTION

Leonid Grigoryevich Antipenko

*Candidate of Philosophy, Senior Researcher
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences*

Even the ancient historians were forced to somehow explain the fact that the picture of the historical events in the life of a single nation or set of nations does fit into consistent cause-effect (causal) relationships. Not always the act of particular historical figure can be as a consequence of the preced-

ing it a cause. The appearance of gaps in the causal chain of historical events was explained by intervention of the gods in human life. Today's linguists and historians of the postmodern level put hermeneutical method of processing historical texts instead of an appeal to divine providence or to human free will. This method is called a narrative (the narrative from Paul Ricoeur, etc.). An ontological approach to the study of historical phenomena needs no appeal to the deity, nor in the appeal to the hermeneutical narrative. In fundamental ontology of Martin Heidegger the burden of responsibility for the gaps in historical process takes the historical time. The time flow is characterized by the fact that there is a correlation («roll-call») between particular historical events and entire epochs, remote from each other in time at a considerable distance. The long-range correlations contribute to the historical process the combination of such opposite elements as continuous and discontinuous. A set of conflicting revolutionary phenomena is recorded in the counting row of gaps dividing the causal sequence of historical events. Their appearance is explained by the presence of the heterogeneity between Nature's creative process and the autonomous activity of the man himself. Two classes of people face in these conflicts. To one class belong those who support the trend of increased heterogeneity, to the second belong those who oppose it. The first are called the revolutionaries, the second – reactionaries, or conservatives.

Keywords: historical process, continuous and discontinuous, the necessity and freedom of will, revolutionism and conservatism.

Два тезиса составляют тематику моего доклада. Первый тезис затрагивает вопрос об апории, возникающей при рассмотрении процесса исторического развития социума. Имеется в виду противоречие, представленное в форме сочетания двух противоположных его аспектов: непрерывный/прерывный. Второй тезис – постановка и попытка решения вопроса о присутствии (месте) в нём социальной революции (вопрос о степени её неизбежности или необходимости).

В термин онтология вкладывается здесь содержание, противоположное по смыслу содержанию таких понятий, как психология и гносеология. Так что, скажем, книги Гюстава Лебона (1841–1931) «Психология народов и масс» [1] и «Психология социализма» [2] могут послужить образцами, по отношению к которым выступает в качестве противоположности онтология. Но онтология не является для нас чисто отрицательным понятием, за которым скрывается неопределённость. Мы избираем фундаментальную онтологию Мартина Хайдеггера. Её отличительная черта – подступ к истине бытия во времени. («Бытие как таковое, – писал Хайдеггер, – соответственно открывает свою потаённость во времени. Таким образом, время указывает на непотаённость, т.е. истину бытия» [3, с.33]). Здесь имеется в виду не механически-нивелированное время, а время историческое, несущее на себе бремя исторических событий.

Понятие исторического времени не означает, однако, что оно относится только ко времени, присущему человеческой истории. Напротив, по Хайдеггеру, историческим временем охватывается всё, чему присуще бытие-существование: человек, Земная биосфера, Солнечная система, Галактика, Вселенная. Но предмет нашего внимания – социальная история. В её рамках временной ход событий подвергается испытанию со стороны философских категорий необходимости и свободы. Во всяком случае, те философские системы мышления (к ним принадлежит фундаментальная онтология Хайдеггера), которые ставили и ставят задачу избавить человека от фаталистического наваждения, пытались найти такую интерпретацию необходимости, при которой не отпадала бы необходимость свободы.

В частности, большую работу, в плане научно-философских изысканий по выяснению связи возвышенной духовной истины с идеями свободы и необходимости проделал наш выдающийся соотечественник А.С. Хомяков (1804–1856). Мысль человеческая, писал он, от действия жизни и зависимости её от природы внешней свыкается со строгими законами логической необходимости. «Разумным кажется только то, что развивается в сцеплении причин и следствий. Безначальная и самосуцая воля, неосязаемая для пытливого ума, получает весь характер произвольной догадки и, в сравнении с понятиями определёнными, выведенными из жизненного опыта, падает на степень тёмного и сомнительного инстинкта» [4, 274]. А что получается в результате? Да то, по Хомякову, что наука не смогла до сих пор «довести логическое развитие далее самоотрицания необходимости, возвращающего мысли свободу, но сама свобода носит ещё клеймо отрицания и не представляет творческой и всемогущей воли» [4, с.274]. Поэтому если свобода и отстаивает своё право на свободное волеизъявление, то не иначе, как в «образах и символах религиозных» [4, с. 274].

В том же девятнадцатом столетии, несколько позже Хомякова, выступил со своими суждениями о свободе и необходимости Л.Н. Толстой (1828–1910). Он – автор романа «Война и мир» – поделился в эпилоге этого романа своими мыслями с читателем о том, как он оценивает ход исторических событий вообще и тех событий, которые запечатлел он, как художник, в созданном им произведении. Кредо его и теперь интересно в том плане, что оно до сих пор витает во многих философствующих умах.

Предмет истории, писал Лев Толстой, есть жизнь народов и человечества. Непосредственно уловить и обнять словом – описать жизнь не только человечества, но одного народа, – представляется невозможным. Все древние историки употребляли один и тот же приём для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали деятельность единичных людей, правящих народом; и эта деятельность выражала для них деятельность всего народа. На вопросы о том, каким образом единичные люди заставляли действовать народы по своей воле и чем управлялась сама воля этих людей, древние отвечали: «на первый вопрос – признанием воли божества, подчинявшей народы воле одного избранного человека; и на

второй вопрос – признанием того же божества, направлявшего эту волю избранного к предназначенной цели» [5, с.315]. Одним словом: «Для древних вопросы эти разрешались верою в непосредственное участие божества в делах человеческих» [5, с.315].

Новая история, указывает далее автор, отвергла оба эти положения. Но что, по его мнению, надо поставить взамен? Необходимо объяснить, как на фоне научной необходимости возникает представление о свободном волеизъявлении. Откуда оно берётся? Ответ звучит так. То, что известно нам в истории, мы называем законами необходимости подобно тому, как это делается в опытных науках. А то, что неизвестно, носит название свободы. «Свобода для истории есть выражение неизвестного остатка от того, что мы знаем о законах жизни человека» [5, с.359]. Следовательно, свобода, по Толстому, представляет собой аберрацию исторической формы сознания людей, возникающую из-за неполного знания предмета. И чтобы устранить эту аберрацию, надо устранить из человеческого воображения причины, её вызывающие. Причинами он называет проявления свободы воли, волеизъявления. От свободы воли ничего не останется, когда будут установлены законы непрерывного движения. «Отыскание этих законов, – утверждает Толстой, – уже давно начато, и те новые приёмы мышления, которые должна усвоить себе история, вырабатываются одновременно с самоуничтожением, к которому, всё дробя и дробя причины явлений, идёт старая история» [5, с. 369].

По такому пути, полагает он, шли все науки человеческие. Образец – математика. Придя к бесконечно малому, эта точнейшая из науки, по словам Толстого, оставляет процесс дробления и приступает к новому процессу суммирования неизвестных, бесконечно малых величин. «Отступая от понятия о причине, математика отыскивает закон, то есть свойства, общие всем неизвестным бесконечно малым элементам» [5, с.360–360].

Оригинальная сторона суждений Толстого о свободе и необходимости заключается в том, что он применил концепцию лапласовского детерминизма к изучению исторических явлений. Представление же о законах, как законах непрерывного движения, основывается здесь на предположении (чаще всего принимается по умолчанию), что течение времени удовлетворяет критерию непрерывности. В таком случае вышеуказанная апория непрерывное/прерывное устраняется, отпадает и вопрос о методе её разрешения.

В фундаментальной онтологии Хайдеггера исторический процесс не обходится без вторжения в него причин, выводящих его за рамки непрерывных каузально-детерминистических связей. Но эти причины протекают не извне, не от тех или иных богов, а роentяются в существе самого времени. Так, скажем, настоящее может возникать «из переключки истока и цели» [3, с. 279]. Видение же времени в качестве сочетания последовательных Теперь («уже не» и «ещё не») затемняет его сущность. События истории бытия не суть то, что занимает место в безразличной протяжённости исторического процесса. Бытийная история есть история отдельных эпох, удерживающих себя (в истории) в смысле греческого *καταστάσις*. (Греческое слово значит: удержание, самообладание, воздержание от суждений. В данном случае имеется в виду присущее эпохе самообладание). Последовательность таких эпох, говорит Хайдеггер, с одной стороны, не является случайной, с другой, – она «не может быть вычислена как неизбежная». И всё же их переключка даёт о себе знать. «Они перекрывают друг друга в своей последовательности...» [3, с.396].

Два момента в этих высказываниях нуждаются в пояснении. Как видно, о последовательности возвращения эпох мы можем судить только вероятностным способом (в смысле математического ожидания). А фраза «Они перекрывают (курсив мой. – Л. А.) друг друга в своей последовательности» говорит о том, что они не тождественны друг другу, как это предполагается в учении Ницше о вечном возвращении [3, с.110].

Функционирование далекодействующей связи между историческими эпохами и событиями простирается и за пределы человеческой истории, охватывает собою в едином историко-временном потоке историю и предысторию так, что в нём преломляется и творческий процесс природы, и творческая деятельность человека. И тогда, когда мы доходим до понимания того, что деятельность Творца (Природы) и деятельность человека, сотворённого Творцом, гетерогенны, не совпадают по своим результатам, нам открывается сущность социальных революций (см. об этом в работах Гоёне Вронского [5, с.15–16], П. А. Флоренского [6, с. 127–128] и других мыслителей подобного масштаба). Социальные революции порождаются в борьбе двух противоположных классов. К одному из них принадлежат те, кто отстаивает тенденцию дальнейшего расхождения между отмеченными здесь деятельностями, в другом, – те, кто ей противостоит. Первых принято называть революционерами, вторых – реакционерами, или консерваторами.

Образцово-показательным примером, подтверждающим наш вывод, служит развернувшаяся в годы Великой французской революции (1789–1799) Вандейская война между французской буржуазией и крестьянско-дворянским сословием Вандеи.

Литература

1. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб: «Макет», 1995. – 316 с.
2. Лебон Г. Психология социализма. СПб: «Макет», 1996. – 544 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: «Республика», 1993. – 447 с.
4. Хомяков А.С. «Семирамида». Исследование исторических идей // Соч.: в 2 т. Т.1. – М., 1994.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч. в двенадцати томах. Т. 6. М.: изд. «Правда», 1987. – 542 с.
6. Гоёне Вронский и его учение о философии математики // Биографии знаменитых математиков XIX столетия. Вып. 3. / Собрал В. В. Бобынин. – М., 1894.– 84 с.
7. Флоренский П. Из богословского наследия // Богословские труды. XVII. М., 1976.

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Иван Михайлович Угрин

*Кандидат политических наук, доцент
Институт философии Российской академии наук*

В докладе рассматривается проблема цивилизационного развития применительно к современной России. Ставится вопрос о развитии как таковом в условиях глобализационных процессов, а также об особенностях и перспективах развития цивилизационного типа. Показана взаимосвязь проблемы цивилизационного развития и проблемы социокультурной идентичности российского общества. Эти две проблемы полагаются ключевыми для понимания российской действительности в ракурсе путей ее дальнейшей трансформации. Цивилизация определяется как целостная система, представляющую собой комплекс географической, экономической, политической, социальной и духовной подсистем, воспроизводимых на принципах, отличных от принципов, действующих в иных системах. Процессы глобализации, размывая все прежние макросоциальные идентичности и угрожая существованию локальных цивилизаций, предвещают наступление одной единственной общечеловеческой цивилизации. Однако прежние цивилизационные образования не спешат уходить со сцены мировой истории, альтернатива общечеловеческой цивилизации, навязываемая Западом, воспринимается ими как вызов и реже как приемлемая перспектива. Какая позиция в этих условиях наиболее плодотворна для современной России? Сможет ли она найти себя как цивилизационное целое или ее путь определен необходимостью вхождения в той ли иной сложившейся цивилизационной ареал? Автор доклада видит выход в сохранении российской цивилизации через трансформацию, начало которой положит социокультурная революция.

Ключевые слова: цивилизация, развитие, Россия, глобализация, современность, целостность, социокультурная революция, альтернативы.

THE PROBLEM OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Ivan Mikhailovich Uhrin

*PhD of political sciences, Associate Professor
Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences*

The paper looks into the problem of civilizational development in the context of modern Russia. The author discusses a development per se against the backdrop of globalization processes as well as salient features and prospects of the civilizational type of development. The article reveals a correlation between the problem of civilizational development and the problem of sociocultural identity of the Russian society, considers the key problems for comprehending the Russian reality from the perspective of its further transformation. In this article civilization is defined as an integral system, representing a complex of geographical, economic, political, social and spiritual subsystems, and reproduced on the basis differing from that of other systems. Globalization processes, dissolving all former macrosocial identities and threatening the existence of local civilizations, harbinger the advent of one universal civilization. However, the previous civilizational formations are in no haste to leave the stage of world history, and the alternative of a universal civilization imposed by the West is perceived by them rather as a challenge, than an acceptable prospect. Which of the standpoints will be the most favorable for modern Russia under the circumstances? Will it be able to find itself as a civilizational integral whole or has its path been predetermined by the necessity to belong to an existing civilizational areal? The author of the paper sees the solution in preserving the Russian civilization through transformation that will be triggered by a sociocultural revolution.

Keywords: civilization, development, Russia, globalization, modern times, wholeness, sociocultural revolution, alternatives.

Современные глобальные процессы, имеющие неотвратимый характер, ставят перед Россией целый ряд вызовов и проблем. Одна из ключевых из этих проблем – эта проблема идентичности. Другая – это вопрос о модели развития в наличествующих условиях. На наш взгляд, обе эти проблемы не просто тесно взаимосвязаны, но неотделимы друг от друга. Решение одной из них не представляется возможным без решения второй. Прежде всего, необходимо обратить внимание на проблему развития как такового. Период консервативной или квазиконсервативной стабилизации, берущий точку отсчета с 2000-го года (время вступления В.В. Путина в должность президента) и продолжающийся до сих пор, с одной стороны, выделяется в

положительном ракурсе на фоне деградации и хаотизации российского общества в последнее десятилетие минувшего столетия, с другой стороны, ставит под сомнение перспективы развития России как социокультурного целого [5]. и, более того, поднимает вопрос о том, возможно ли вообще такое развитие (для нашей страны) в принципе.

Как бы не понималось нами развитие: идеалистически (как развёртывание скрытых потенций духа) или материалистически (как переход от одного состояния материи к качественно иному состоянию более тонкой организации); диалектически (подразумевающее возвращение к прежним стадиям на высшем уровне) или линейно (как поступательный прогресс); телеологически или проективно, – во всех случаях непременным атрибутом развития выступает направленность. Развитие имеет направление. Социальное развитие предполагает направление, осознаваемого членами общества, значит, разговор о социальном развитии не мыслим без разговора о целях, которые задают вектор движения. Для того, чтобы подобный разговор состоялся, в первую очередь необходимо, чтобы развитие представляло из себя значимую ценность для участников диалога. Речь в этом диалоге, конечно, не может идти только о краткосрочных целях, такие цели не способны обеспечить единство не только поколений, но и какой-либо одной многочисленной группы населения. Определяющей направление движения общества как социокультурного целого может быть только большая цель, содержащая в себе элемент утопизма, но не сводимая к последнему [2].

В каком качестве способна развиваться Россия? Этот вопрос обращает нас к проблеме идентичности. Исследователи выделяют разные типы идентичности, представленные в социально-политическом измерении. Среди них: гражданская идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность, имперская (постимперская) идентичность, гибридная политическая идентичность, партийная самоидентификация, двойная национально-политическая идентичность, национально-цивилизационная идентичность и др. [10] Особый интерес с точки зрения рассматриваемой нами темы вызывает тип национально-цивилизационной идентичности [10, с.116-119]. Россия по-прежнему находится в процессе национального самоопределения, несмотря на поиски национальной идеи в течение последней четверти века, такой идеи, не декларативно, а реально объединяющей общество в единое целое, найти не удалось. Попытки построить российскую государственность по модели европейского национального государства не увенчались успехом. На наш взгляд, во-первых, по причине того, что европейская цивилизация оказалась не готова и не способна принять Россию в свое социокультурное пространство, во-вторых, потому что само российское общество не смогло и не захотело инкорпорировать базовые принципы западной цивилизации в свой антропосоциокультурный организм. Соответственно, возникает необходимость осмысления национальной идентичности в контексте цивилизационного выбора.

Если Россия представляет из себя отдельную цивилизацию или культурно-исторический тип (в терминологии Н.Я. Данилевского), то развитие ее будет идти совершенно иным образом, нежели в том случае, если никакими самостоятельными цивилизационными началами она не обладает. Ряд исследователей ставит под сомнение сам цивилизационный подход. Философ Ю. И. Семёнов критикует его с марксистских позиций: «[Марксизм] это единственная концепция философии истории, которая обладает разработанным категориальным аппаратом. С ней не идет ни в какое сравнение превозносимый сейчас в нашей философской и исторической литературе «цивилизационный подход», который располагает одним единственным понятием — «цивилизация», вернее даже не понятием, а словом, в которое разные авторы вкладывают совершенно различные значения. На одном семинаре, посвященном этому подходу, докладчик насчитал 22 смысла, которые вкладывают его сторонники в слово «цивилизация». Совершенно неудивительно, что все разговоры об этом подходе представляют собой переливание из пустого в порожнее» [6, с. 80-84]. Историк-востоковед Л.Б. Алаев, указывая на размытость, нечеткость понятия цивилизации, отмечает, что «...критерии, использовавшиеся сторонниками цивилизационного подхода, крайне уязвимы» [1]. С точки зрения русско-американского социолога П.А. Сорокина: «самая серьезная ошибка этих (цивилизационных – И.У.) теорий состоит в смешении культурных систем с социальными системами (группами), в том, что название «цивилизация» дается существенно различным социальным группам и их общим культурам — то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами» [7].

На наш взгляд, несмотря на то, что проблематичность определения понятия цивилизация не вызывает сомнения, это факт не отменяет его научной ценности. Данное понятие используют для описания исторических явлений, крайне сложных, многогранных и многоуровневых, а потому неизбежно не поддающихся однозначному описанию. Возможно, выработка одного, раз и навсегда заданного, определения для понятия цивилизации лишило бы его значительной эвристической ценности, впрочем, из этого не следует, что определения, очевидно противоречащие друг другу, должны соседствовать в научной литературе. Ключевыми признаками цивилизации как социокультурного явления, на наш взгляд, являются системность и целостность. Под цивилизацией мы понимаем целостную систему, представляющую собой комплекс географической, экономической, политической, социальной и духовной подсистем, воспроизводимых на принципах, отличных от принципов, действующих в иных системах. Принципы, о которых идет речь, конституируются в процессе длительного исторического развития, и они всегда находят отражение в культуре, но не сводятся только к ней. Константы цивилизации, ее ценности и идеалы, есть своего рода кристаллизовавшаяся культура, из всего многообразия плодов интеллектуального и духовного творчества в ядро цивилизации попадают лишь те, которые прошли проверку временем, которые доказали свою состоятельность в качестве опорных,

способных выступать в роли фундамента. Однако суть цивилизационного своеобразия не сводится к ценностям и идеалам, задающим направление и обеспечивающим единство поля смыслов данного социума. Цивилизация – это не только ценности и идеалы, но и институты, которые позволяют собрать, связать в целое, или, как минимум, упорядочить разные проявления социальной активности человека. Институты, наряду с ценностями, играют решающую роль в процессе становления, самосохранения и трансформации цивилизаций[11].

В каком смысле цивилизация развивается? Принято говорить об этапах, через которые проходит каждая цивилизация. Согласно Данилевскому, в своей эволюции культурно-исторический тип проходит три основных фазы: рост, цветение и плодоношение. После начинается его упадок. Современными сторонниками цивилизационного подхода обычно выделяются пять основных этапов развития цивилизации: рождение, рост, перелом, разложение, гибель. При анализе российской истории в ракурсе логики названных этапов развития, мы можем однозначно утверждать, что современная Россия находится в состоянии перелома. Означает ли это, что за ним неизбежно последует разложение и гибель? Совсем нет. В похожем состоянии российская или русская православная (в терминологии А. Тойнби) цивилизация находилась в начале XX столетия. Многие предвещало ее гибель, но ей удалось трансформироваться в советскую цивилизацию. Это является показательным. Цивилизация, находясь на этапе перелома, может либо начать разлагаться, либо перейти к иному качеству развития за счет своей трансформации через революцию (не всегда и не только политическую).

На наш взгляд, российская или евразийская цивилизация пока еще не имеет ясно выраженного облика. Старых – русской православной («Третьего Рима») и советской (мирового оплота коммунистической идеи) – форм российской цивилизаций уже нет. Возврат к ним, несмотря на кажущуюся привлекательность одного, не осуществим. Выход видится только один. Социокультурная революция, которая, не отрицая полностью базовые ценности и принципы, определявшие прошлые этапы развития российской цивилизации, трансформирует их и саму цивилизацию с учетом вызовов современности и, в первую очередь, глобализационных процессов. Первичным здесь видится культурный аспект революции, который после повлечет за собой изменения в социально-политическом пространстве. Каким бы сложными и болезненными эти изменения не казались, альтернативы им не просматривается.

Литература

1. Алаев, Л.Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129681/>.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2003. – 125 с.
3. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 11–16.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост. и комм. Ю. А. Белова; Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 813 с.
5. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3-12.
6. Семенов Ю.И. Материалистическое понимание истории: недавнее прошлое, настоящее, будущее // Новая и новейшая история. – 1996. – №3. – С. 80-84.
7. Сорокин, П.А. Общие принципы цивилизационной теории и её критика. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 47–54.
8. Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. – М.: ИФ РАН, 2016. – 122 с.
9. Тойнби А. Постигание истории. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 592 с.
10. Политическая идентичность и политика идентичности. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 471 с.
11. Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта / По материалам научной конференции. Отв. ред. В.Г. Хорос.: ИМЭМО РАН, 2009. – 162 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наталья Владимировна Жадунова

*Кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования
Национальный исследовательский университет им. Н.П. Огарева*

Современные революционные изменения в информационной сфере ускоряют процессы возникновения, трансляции, восприятия и последующей передачи информации, увеличивают ее экспоненциальный рост, меняя возможности человека и общества к адаптации в постоянном информационном потоке, механизмы распознавания достоверного и недостоверного. Большое количество информации и источников, ее порождающих, способствуют проецированию методов и приемов информационной войны на коммуникативное пространство, повышая уровень агрессии, стимулируя неограниченное использование hate speech. Информационная война разрушает диалогичность коммуникации, строится на принципе публичной дискредитации Другого, задает новые правила игры в медийной сфере, размывая границы ответственности, деперсонализируя субъектов и объектов информационного взаимодействия. Следовательно, основным механизмом коммуникативной стабилизации информационного общества может быть адаптация к среде, основанная на постоянном оценивании информации, ее дифференцированном восприятии и стремлении создавать и использовать индивидуальные и социальные поведенческие нормы в процессах ее передачи.

Ключевые слова: информационная война, информационная революция, медиакommunikation, нравственные ограничения, риторика ненависти, индивидуальная ответственность.

INFORMATION WAR IN CONDITIONS OF INFORMATION REVOLUTION

Natalia Vladimirovna Zhadunova

*PhD of philosophy, Dean of the Faculty
Ogarev Mordovia State University*

Modern revolutionary changes in the information sphere accelerate the processes of appearance, translation, perception and subsequent transmission of information, and increase its exponential growth. Furthermore, these processes change the ability of a person and society to adapt to the features of constant information flow and destroy the mechanisms of recognition of the reliable and unreliable information. A large amount of information from various sources provokes the use of methods and techniques of information war in the communicative space, increasing the level of aggression and use of hate speech. Information war destroys the dialogic nature of communication. It is built on the principle of public discrediting of the Other, and sets new rules for the game in the media sphere. Information war destroys the boundaries of responsibility and depersonalizes subjects and objects of information interaction. Therefore, the main mechanism of communicative stabilization of the information society can be adaptation to the environment, which is based on the constant evaluation of information, its differentiated perception. It is necessary to strive to create and use individual and social behavioral norms in the processes of information transfer.

Keywords: information war, information revolution, media communications, moral constraints, hate speech, individual responsibility.

Революционные процессы в информационной сфере в условиях современного научно-технического развития носят глобальный характер. Технологические возможности информационной индустрии намного опережают возможности человека адаптироваться к постоянному информационному потоку, вычленив в нем достоверное, соответствующее реально происходящим событиям, необходимое и важное для становления, принятий решений, дальнейшего развития. Подобная ситуация является почвой для различного рода манипуляций в информационном пространстве, многочисленных информационных вбросов, способствующих возникновению и накоплению конфликтных предпосылок и агрессивного информационного поведения. Формируются условия для возникновения тотальной информационной войны «всех против всех», где немаловажную роль играет отсутствие каких-либо ограничений на неадекватное поведение в информационной среде, где любая информация по-разному воспринимается, искажается и транслируется в искаженном виде на широкую аудиторию. Возникает парадоксальное явление – информации много, а способов ее адекватного восприятия и понимания на личностном и социальных уровнях недостаточно.

Так, А.Д. Еляков, характеризуя результаты информационной революции, отмечает: «Обществу недостает продуктивных организационных форм и методов извлечения нужной информации, ее анализа и приведения в состояние, пригодное для употребления. Налицо парадокс: недостаток информации в условиях ее избытка» [1, с.30].

Сложившаяся ситуация провоцирует возникновение неопределенности, нестабильности, повышения уровня агрессивности и, как следствие, информационной войны.

Недостаток выражается в отсутствии четких критериев для разграничения необходимой и важной информации в общем информационном потоке, в необходимости постоянной проверки и уточнения достоверного источника, оценки степени ее актуальности и возможности последующей передачи.

Избыток информации является следствием информационной революции, поскольку каждый пользователь, «вооруженный» клавиатурой, становится солдатом информационной войны, и чем выше скорость передачи данных на его гаджетах, тем быстрее он поражает цели, либо сам оказывается пораженным при отсутствии способности критического анализа и отбора получаемой информации для ее транслирования на различные целевые аудитории.

Информационная война не является атрибутом современности; о ней, как о стратегически важном, предшествующем любым военным действиям, говорили еще в древности [2, с. 42].

Однако весь комплекс противоречий и последствий информационной войны проявился в конце XX века, когда возможности передачи информации, расширения аудитории увеличились в сотни раз и постоянно масштабируются. Сегодня феномен информационной войны является предметом научных изысканий в контексте анализа стратегических и тактических приемов ведения военных действий, развития технологий, функционирования и совершенствования систем информационной безопасности, а также методов уничтожения информационных систем противника.

Расстановка акцентов на военно-стратегической и политической направленности современной информационной войны, обсуждение ключевых методов противодействия ей на уровне государства и одновременно разработка технологий ее эффективного ведения со стороны государств ставят под сомнение теорию справедливой войны как основу для публичного дискурса. В работах Б. Льюиса [3], И. Панарина [4], Г. Почепцова [5], В. Прокофьева [6], А. Чумичкина [7] и других описываются угрозы и последствия информационной агрессии для государства, его экономики, политического развития, социальной стабильности, а также методы противодействия на технологическом уровне. Однако эти исследователи отмечают, что информационная война прежде всего воздействует на сознание людей, изменяя системы норм и ценностей, и это ее главная цель, достигаемая при помощи новых медиа.

Радикальные изменения информационных революций меняют коммуникативную сферу и формируют новые медиа, которые в свою очередь меняют характеристики информационной войны, делая ее атрибутом полноценной индустрии с собственным рынком, профессионалами и дилетантами, в отношениях которых главными посредниками становятся интернет и современные технические средства.

Благодаря новым медиа, по мнению О. Стинса и Д. Ван Фуха, более быстрым, открытым, кратким, имеющим активных пользователей, а не пассивную публику [8, с. 98], информационная война, основным оружием «массового поражения» которой становится риторика ненависти, приобретает новые черты.

Во-первых, акцент с физической угрозы и физического насилия перемещается на демонстрацию актов насилия, сопровождаемых вербальным насилием – hate speech, причем последовательным, дозированным, внешне непреднамеренным (например, демонстрация кадров публичной казни заложников террористами в новостной ленте) и малозаметным, но от этого еще более разрушительным по своим последствиям и масштабу.

Во-вторых, новые медиа, несмотря на то, что сегодня любой человек, при минимальном техническом оснащении, способен создать собственное медиа-издание в любом формате, являются условием для деперсонализация вовлеченных в войну объектов и субъектов (например, ссылка на авторитетные источники, система репостов и т.п. делает практически невозможным установить источник информационного «вброса»). Информационный повод как «оружие» может быть инициирован одним человеком, а может и не иметь конкретного источника, при этом цель поражения либо не имеет границ, либо они крайне размыты.

В-третьих, информационная война в условиях новых медиа не имеет четкого начала и завершения. Каждый, кто создает медиа-издание (текст или изображение, аудио или видео), создает условия для продолжения информационной войны (например, события на Ближнем Востоке являются средством для повышения или снижения градуса агрессии в медиа-среде – разрешения или эскалации конфликта – в зависимости от целей, которые преследует инициатор информационного действия).

В-четвертых, информационная война сегодня имеет множество форм и видов, она усиливается достижениями информационной революции и тем самым стимулирует информационную революцию: каждый информационный вызов в публичном пространстве, касается ли это военной разведки или распространения идеологии, требует ответа, усложнения систем, обеспечивающих безопасность или выработки более эффективных способов пропаганды, в которых задействованы все современные медиа.

В-пятых, информационная война, так же, как и информационная революция, формирует новые коммуникативные способности и трансформирует нравственные установки человека. В новых медиа возникает образ «повелителей информацией», способных движением мыши, клавиатуры изменить не только настоящее и будущее, но и прошлое, в плане трактовки исторических фактов, изменения отношения к ним и их последствиям. Так, например, И. Панарин для описания сложившейся ситуации использует понятие «информационная моральная ликвидация», характеризуя факт дискредитации исторических личностей, составлявших ценностное ядро советской идеологии [4].

Сложившаяся ситуация заставляет меняться человека: важными факторами сохранения коммуникативной целостности личности в условиях информационной войны, разрушающей диалогичность коммуникации, дискредитирующей ценность Другого, являются адаптация в информационной среде, основанная на

постоянном оценивании информации, ее дифференцированном восприятии и стремлении создавать и использовать индивидуальные и социальные поведенческие нормы в процессах ее передачи.

Литература

1. Еляков А.Д. Современная информационная революция // Социологические исследования. – 2013. – №3. – С.29-38.
2. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. – М.: Изд-во АСТ; Terra Fantastica, 2002. – 558 с.
3. Lewis B.C. Information Warfare // Proceedings – A Perspective on Intelligence Reform from Outside the Beltway, Princeton University, January 1997. URL: <https://fas.org/irp/eprint/snyder/infowarfare.htm> (accessed 12.01.2017).
4. Панарин И.Н. Информационная война за будущее России. – М.: Радио и связь, 2008. 256 с.
5. Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – 576 с.
6. Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны. – М.: СИНТЕГ, 1999. – 152 с.
7. Чумичкин А.А. Современные вызовы развитию информационных технологий в условиях использования сетевых сообществ в реализации стратегий информационных войн // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – Вып. 9. – С. 33-41.
8. Стинс О., Ван Фух Д. Новые медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. – Серия 8. – Вып. 7. – С. 98-106.

УДК 111.12:316.42

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 4.0: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ИЛИ ПУТЬ К ТОТАЛЬНОМУ КОНТРОЛЮ?

Ольга Владимировна Гавриленко

Кандидат социологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Анна Валерьевна Маркеева

Кандидат социологических наук, доцент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Современный мир стремительно меняется и то, что раньше казалось фантастикой или очень отдаленным будущим вдруг становится реальностью. Совершенствование искусственного интеллекта, появление био-роботов, технологий увеличения продолжительности жизни, развитие виртуальной и дополненной реальности, всеобщая «цифровизация», изменение способов сбора и обработки информации (интернет-вещей, big-data, облачные технологии и др.), появление новых материалов (например, в ходе NBICS – конвергенции: нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий), развитие умных систем управления («умные дома», предприятия 4.0, компьютеризированные системы управления дорожным движением и др.) – все это радикально меняет смысловые и социальные режимы существования человека, трансформирует социально-экономические и политические структуры и социальные институты. Быстрота и порой разрушительный характер некоторых новых технологий способствует популяризации и распространению «политики запрещения», усиливает консерватизм в отношении технологических инноваций. Развитие новой промышленной революции должно сопровождаться не только широким обсуждением новых технологических возможностей и связанных с ними экономических и социальных трансформаций (например, технологического замещения), но, прежде всего, глубокой философской и социологической экспертизой целей и задач, которые мы хотим достигнуть в результате нового технологического прорыва. Отсутствие четкого целеполагания применения новых технологий, комплексной социальной экспертизы, выработки общего, согласованного представления об общем глобальном будущем будет приводить к еще большему углублению существующих социальных проблем, а не их решению, а также появлению новых угроз, к которым общество, государство и каждый конкретный человек не будут готовы.

Ключевые слова: биополитика, Hi-hume, четвертая промышленная революция, NBICS-технологии.

TECHNOLOGICAL REVOLUTION 4.0: POSSIBILITIES OF DEVELOPMENT OR WAY TO TOTAL CONTROL?

Olga Vladimirovna Gavrilenko

*Candidate of sociological Sciences, associate Professor
Lomonosov Moscow State University*

Anna Valereyevna Makeeva

*Candidate of sociological Sciences, associate Professor
Lomonosov Moscow State University*

The modern world considerably changes. Something that seemed a fantasy earlier becomes a reality. Artificial intelligence, bio-robots, technologies of virtual and augmented reality, "digitalization", change of ways of data collection and data processing (Internet of things, big-data, a cloud computing, etc.), emergence of new materials, development of smart control systems – all these technologies change the meaningful and social modes of person's existence, transform social, economic and political processes and social institutes. The destructive nature of some new technologies leads to spread of "policy of ban", increases conservatism concerning technological innovations. Development of the new technological revolution has to be followed philosophical and sociological expertise of the purposes and tasks which society wants to receive as a result of a new technology gap.

Keywords: biopolitics, Hi-hume, 4th industrial revolution, NBICS technology.

Стремительный слом современного промышленного уклада приводит к радикальным изменениям социального порядка, глубокой трансформации общественного устройства. На наших глазах разворачивается промышленно-технологическая революция 4.0, которая связана с всё большей информатизацией и роботизацией производства и, как следствие, кардинальным изменением организации труда. Автоматизация процессов на производстве и в бизнесе уже приводит к сокращению миллионов рабочих мест. По результатам исследования Оксфордского университета, порядка 47 % рабочих мест в США подвержены риску автоматизации в течение двух следующих десятилетий. Причем этот процесс будет проходить интенсивнее, чем в условиях предшествующих технологических прорывов [6, с.38]. Следует отметить, что данная ситуация будет затрагивать не только низкоквалифицированные позиции, но представителей квалифицированных, в том числе «творческих профессий». Сегодня любые, потенциально рутинизируемые, виды деятельности могут быть заменены машиной. Компьютеры достаточно быстро осваивают новые навыки, получая доступ ко все большему объему информации. Согласно исследованию Gartner, к 2018 году больше чем 3 миллиона рабочих в мире будут контролироваться роботом – боссом («roboboss») [8].

Однако автоматизация и роботизация, пусть на качественно новом уровне является отголоском технологических прорывов прошлого. Глубина текущих изменений обусловлена тем, что в их основе лежат NBICS-технологии, которые радикально меняют не только производство, но производят переворот в нашей «повседневности».

В течение последних десятилетий идея изменения человеческой природы – целенаправленного или спонтанного – превратилась из ранее маргинальной концепции, вызывающей достаточно жесткое неприятие и отторжение со стороны гуманистической философии Запада – в один из доминирующих мотивов развития современной ментальности. Один из последовательных критиков идей трансгуманизма, американский футуролог Ф. Фукуяма пишет: «самая опасная в мире идея — это трансгуманизм... стремление освободить человечество от биологических ограничений, взять под контроль эволюционный процесс и перейти на новый этап развития» [7].

Источником реализации большинства ожидаемых в ближайшем будущем достижений многие трансгуманисты видят в конвергенции NBICS - технологий (сегодня чаще говорят о NBICS-конвергенции): N — нанотехнологии, B — биотехнологии, I — информационные технологии, C — когнитивные науки, S — социальные технологии. Речь идет именно о конвергенции, а не междисциплинарности²⁷.

В качестве основных, достаточно реалистичных трендов NBICS-конвергенции, можно рассматривать следующие: целенаправленное вмешательство в генетику человека; инженерия органов и тканей; создание протезов и искусственных органов, (включая органы чувств), превосходящих по своим возможностям естественные; практическая приостановка процесса старения; расширение интеллектуальных возможностей человека за счет использования носимых и вживляемых сенсорных устройств, компьютеров, добавочной памяти, устройств связи; дальнейшее развитие интерфейса человек-компьютер; перемещение все большей части активности в виртуальные пространства; размывание барьеров между людьми — географических, государственных, языковых.

²⁷ Как пишет Л. Маркова, «научная познавательная деятельность возможна при наличии двух полюсов: ученый, представитель мира людей, и природа – материальные условия жизни человека. Под междисциплинарностью имеется в виду взаимодействие научных дисциплин на уровне знания как обращенного к природе. Конвергенция – это слияние разных типов исследования в процессе получения знания человеком. В первом случае объединяющим началом является мир, в котором живет человек, во втором – люди, которые этот мир населяют и производят знание о нем принципиально иного рода» [2, с. 171].

Существуют и радикальные представления о будущем с точки зрения трансгуманизма – это существенное расширение физических и интеллектуальных возможностей человека; освоение человеком новых сред обитания; появление систем искусственного интеллекта, превосходящих человека по своим возможностям; достижение глобального материального изобилия на основе развитых нанотехнологий и информационных технологий; ревитализация (оживление, излечение и омоложение) людей; перенос личности человека на новый физический носитель [1].

Таким образом, разворачивающаяся на наших глазах новая технологическая революция, основой которой выступают NBICS - технологии, связана не только с развитием новых виртуальных сред, аддитивного и распределенного производства, с новыми технологическими и производственными возможностями на базе Интернета-вещей или когнитивных технологий, с прорывами в области техно и биопротезирования человека; она ориентирована не только на технологические решения, улучшающие жизнедеятельность современного человека, но в большей степени направлена на изменение самого человека, его социокультурного кода, генетической конституции. Фактически реализацией этой конвергенции станет появление технологий управляемой эволюции (Hi-hume). При этом, большинство специалистов, занимающихся исследованием данных технологий, концентрируют внимание только на аспекте предоставления современному обществу принципиально новых возможностей в улучшении и усовершенствовании среды, оставляя без внимания угрозы их распространения. Хотя они и признают, что кардинальное изменение социального порядка будет сопровождаться не только существенным изменением условий жизнедеятельности человека, но значительным преобразованием природы человека.

Такая позиция части научного сообщества (особенно технооптимистов) вкупе с тем, что приближение этих технологий неочевидно большинству пользователей – они «невидимо» входят в повседневную жизнь современного человека, делая ее удобной, комфортной и безопасной, – способствует тому, что социальные последствия их распространения не попадают в поле активного обсуждения, не вызывают, за редким исключением, ожесточенного сопротивления. Отчасти это обусловлено невозможностью на современном этапе с позиции существующих «мыслительных схем и парадигм» осознать масштаб, характер и интенсивность новой революции и ее последствий для сложившегося социального устройства и порядка.

Многие из проектов, реализуемых в рамках нарождающихся NBICS-индустрий, воспринимаются как научная фантастика или как очень отдаленная, неосуществимая перспектива. Эта «отдаленность» и «несбыточность» делает для многих членов научного сообщества вопрос о выработке новых, эффективных форм их контроля, о роли ключевых субъектов в современной биополитике, неактуальным. Однако детальный анализ уже осуществленных этапов этих проектов позволяет утверждать, что современное общество находится не на этапе становления технологий, но на фазе их масштабирования [5; 4]. При этом процесс масштабирования, интенсивность распространения технологий в глобальном, а не ограниченном отдельными развитыми странами масштабе, будет гораздо более интенсивным, чем в предшествующих промышленных революциях, вследствие высокой степени экономической, социальной и культурной взаимосвязанности стран.

Это поднимает и актуализирует вопрос о необходимости выработки на уровне глобального сообщества общей стратегии поведения в отношении новых технологий, создания новых, адекватных современному этапу развития технологий форм и норм их регулирования. С точки зрения Шваба, «сам факт их сложности и взаимозависимости по всем секторам предполагает ответственность всех участников глобального сообщества – правительств, бизнеса, научного мира и общественности – за работу в тесном взаимодействии друг с другом, необходимым для лучшего осознания формирующихся тенденций. ... Нам требуется иметь комплексное и единое представление о том, как технологии изменяют нашу жизнь и жизнь будущих поколений» [5, с.7-8]. Однако на практике чаще всего мы являемся свидетелями трех стратегий в отношении регулирования данных технологий: 1) введение национальными правительствами комплекса «запретительных мер»; 2) попытка регулирования их с применением комплекса методов и форм контроля, которые использовались для решения проблем с технологическими новациями ранее (в Европарламенте обсуждается вопрос о предоставлении роботам статуса «электронных лиц», который позволит применять к роботам нормы ответственности за совершаемые ими действия); 3) попустительство в отношении распространения новаций, исходя из либеральных моделей государственного управления. Реализация первых двух стратегий основана на «понятных» для принимающих решения мерах и формах регулирования. Для того чтобы понять не только низкую их эффективность в отношении регулирования данных технологий, но и необратимые негативные последствия для развития стран, компаний, человека, которые они несут, необходимы, во-первых, существенные изменения в способах и формах принятий решений в управляющей элите, а во-вторых, широкое общественное обсуждение и попытка понять, что будет с человеком и смысловыми и социальными режимами его существования, когда его базовые функции (интеллект, язык, труд, любовь) все больше отчуждаются сложными техносистемами?

Ряд технооптимистов считают, что основными позитивными следствиями 4-й промышленной революции станет освобождение человека от рутинного труда, создание новых возможностей для каждого работника посредством онлайн-платформ вступить в международную кооперацию и значительное снижение государственного контроля над человеческой жизнью. Не менее актуальным является вопрос, что если государства не создадут эффективных инструментов регулирования, адекватных новым технологиям, контроль над ними может уйти от государства к другим агентам.

Повсеместное внедрение новых технологических решений свидетельствует о возможностях ужесточения контроля не только над профессиональной деятельностью, но и повседневной жизнью человека. На наш взгляд, контроль будет тотальным, хотя возможно менее «видимым» для конкретного индивида, но от этого не менее жестким. Например, внедряемая в рамках пилотного проекта в городе Жунчэн (КНР) система социального кредита подразумевает тотальный контроль не только над общественной, профессиональной, но и личной, приватной жизнью гражданина. Использование тотального «рейтингования» граждан на основе сбора информации из всех возможных источников (государственных, муниципальных, частных) открывает путь к «цифровой диктатуре».

Технология сегодня делает нашу генетическую конституцию и содержание нашего сознания предметом рационалистического контроля и управления. Hi-hume технологии, как продукт собственно конвергенции NBICS-технологий, превращаются в мета-технологии, позволяющие не только на принципиально новом уровне формировать и контролировать общественное мнение, но в более широком смысле – программировать человеческую личность. Они становятся эффективным инструментом, позволяющим любую технологическую новацию сделать социально-приемлемой и допустимой.

Сегодня под лозунгом улучшения качества человеческой жизни, решения глобальных проблем с помощью маркетинговых и когнитивных технологий формируются в общественном сознании и на уровне индивидуального сознания позитивный образ чипизации человека, генетического конструирования, формирования аватаров (тело-голограмм) и т.д. (Проекты Нейронет, Россия 2045 и др.).

Как пишет И.В. Нежинский, уже «согласно Фуко, власть, постепенно расплываясь и «дробясь», со временем «растворяется» в социальном бессознательном, приобретает чисто манипулятивный характер и беря под свой контроль все сферы социального существования. Более того, власть начинает контролировать насущные потребности человека, формируя его социальный и даже телесный облик. Эта «биовласть», однако, оказывается как бы и не заметной на первый взгляд; манипулятивная машина работает почти бесшумно, однако результаты ее работы вполне очевидны. В конечном итоге, в недрах социального бессознательного возникают механизмы тотального контроля потребностей» [3]. Все чаще под флёром научной объективности и технологической целесообразности происходит углубление процесса коммерциализации биовласти. Особенно тонко новые технологии управления и манипулирования сознанием и поведением работают в сфере бизнеса.

Развитие новой промышленной революции должно сопровождаться не только широким обсуждением новых технологических возможностей и связанных с ними экономических и социальных трансформаций (например, технологического замещения), но, прежде всего, глубокой философской и социологической экспертизой целей и задач, которые мы хотим достигнуть в результате нового технологического прорыва. Отсутствие четкого целеполагания применения новых технологий, комплексной социальной экспертизы, выработки общего, согласованного представления о нашем глобальном будущем будет приводить к еще большему углублению существующих социальных проблем, а не их решению, а также появлению новых угроз, к которым общества, государство и каждый конкретный человек не будут готовы.

Литература

1. Артюхов И.В. Трансгуманизм: философские истоки и история возникновения // Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / Отв. ред. В. Прайд, А. В. Коротаев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 31-46.
2. Маркова Л.А. На подступах к трансгуманизму // Эпистемология и философия науки. – 2016. – № 1 (47). – С. 171-187.
3. Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска). – М.: ГАУ-МСХА им. К.А.Тимирязева, 2009. – 319 с.
4. Шедровицкий П. Россия все последние 400 лет – страна затягиваний и быстрых перемен Э П. Шедровицкий // Бизнес Online, 10.08.2017. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.business-gazeta.ru/article/333631>
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2017. – 208 с.
6. Frey C.B., Osborne, M. A. The Future of employment: how susceptible are jobs to computerization? 2013, p.72 [Электронный ресурс]. URL: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (accessed: 16.08.2017).
7. Fukuyama F. Transhumanism. Foreign Policy, October 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/10/23/transhumanism/> accessed: 22.09.2017
8. Top Strategic Predictions for 2017 and Beyond: Surviving the Storm Winds of Digital Disruption. Gartner. Published: 14 October 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gartner.com/technology/topics/trends.jsp> (accessed: 18.08.2017).

БЛАГОЕ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Сергей Анатольевич Ермаков

Доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье дается содержательный анализ понятия «благое», в основе которого лежит понимание мира человека как единства его чувств, мыслей, слов и дел. Раскрывая данные аспекты человеческой жизни в их соотносительности с благом, автор приходит к пониманию «благого» как единства благочувствия, благомыслия, благословия, благодеяния. Являя эти стороны своего бытия, человек становится благочестивым, благочинным. Благопристойность выступает основой его жизни. Сама жизнь благодеятельного человека делается благолюбивой, в ней царит благоустроенность. В этом контексте раскрывается значение благого в духовной жизни человека. Автор приходит к выводу, что гуманистическое начало благого важно, и оно должно быть в полной мере задействовано в жизни современного человека. Поддерживая благое, ориентируясь на лучшее, человек не только сохраняет ценности прошлого в настоящем, но и преобразует настоящее, возвышая нравственное в своей жизни. При этом подчеркивается, что благонаравие есть благое отношение человека к миру через призму благих чувств, мыслей, слов и дел. Это отношение, изначально настроенное на положительную волну, как нельзя лучше раскрывает значение благого в духовной жизни человека.

Ключевые слова: благое, благочувствие, благомыслие, благословие, благодеяние, человек, духовная жизнь.

GOODNESS IN A MODERN HUMAN'S SPIRITUAL LIFE

Sergei Anatol'evich Ermakov

DSc in Philosophy, Professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article has substantial analysis of a “goodness” notion that is based on understanding of a human’s world as a harmony of his/her feelings, thoughts, sayings and deeds. While uncovering these aspects of a human life in correlation with goodness, the author has come to the understanding of “goodness” as a harmony of goodness-feeling, goodness-thinking, goodness-talking and goodness-making. A person becomes godly and decent if presenting these parts of existence. Decency becomes a basis for life. The life of a goodness-making human becomes goodness-loving with convenience prevailing. Meaning of goodness in a human’s spiritual life is uncovered in the view of above. The author comes to a conclusion that humanistic principles of goodness are important and shall be totally included in life of a modern human. With goodness support and focusing on superior a human not only preserves values of the past in present but also transforms the present elevating ethic in the life. It is highlighted that good-conduct means good attitude of a human to the world through the lens of good-feeling, good-thinking, good-talking and good-making. This attitude is initially aligned with positive wave and excellently uncovers meaning of goodness in a human’s spiritual life.

Keywords: goodness, goodness-feeling, goodness-thinking, goodness-talking, goodness-making, a man, spiritual life.

Духовная жизнь современного человека – довольно сложное образование. Она включает в себя не только ценности настоящего, но и прошлого. Например, «благое» как ценность человеческой жизни. Благое – означает доброе, лучшее, то, что на пользу человеку. Для современного человека, обремененного различными проблемами социально-экономического, политического и гуманитарного характера, это знание может помочь обретению добродетельного начала жизни. Оно может содействовать определению вектора его усилий в выстраивании отношений между людьми, пониманию тренда его подлинно человеческого существования. Этими обстоятельствами и определяется актуальность данной темы.

Целью настоящей работы является содержательный анализ понятия «благое», раскрытие значимости благого в духовной жизни человека. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: дать философский анализ понятия благого; раскрыть его гуманистическую значимость в процессе формирования нравственных основ духовной жизни. Сразу скажем, что «благое» существует благодаря человеку и вместе с ним. Человек не только смотрит на мир, ощущает и воспринимает его, но и формирует свое отношение ко всему существующему. Другими словами, он созидает свой мир. И важно, хотя бы в первом приближении, охарактеризовать мир человека для того, чтобы раскрыть суть благого. Мир человека в качестве важнейших составляющих включает в себя чувства, мысли, слова и дела. Без них нет человека. Каждый человек с помощью органов чувств ощущает мир, в котором он живет. Ощущения, в свою очередь,

рождают мысли, которые на рациональном уровне отражают сложившиеся впечатления. Возникшие мысли облекаются в словесную форму. В свою очередь, мир слов непосредственно и опосредованно воздействует на человека, вынуждая его поступать определенным образом. Так, слова воплощаются в дела. Благодаря делам человек созидает свой мир.

Отсюда следует, что для того, чтобы раскрыть содержательный аспект благого, необходимо взглянуть на него через призму чувств, мыслей, слов и дел человека. Понятно, что такое разграничение возможно лишь в рамках теоретического анализа. В реальной жизни чувства, мысли, слова и дела человека теснейшим образом переплетены. Но подобное разграничение помогает глубже понять благодетельность бытия человека и тем самым проникнуть в суть благого. Благодетельность как основа благого. Оно сродни внутреннему комфорту и гармонии, уравновешенности и покою! Это – ценнейшее мгновение человеческого бытия, которое, являясь благовременным моментом, выступает своеобразной питательной средой развития всего благого. В частности, благодаря благодетельности рождается благожелательность. Без благожелательности невозможно выстроить добрых отношений с людьми, расположить их к себе, явить им лучшее из того, что есть в человеке. Благожелательность – это психологическая основа, содействующая закреплению и упрочению человеческих отношений. Она всегда нацелена на добро, его приумножение и возвышение. Вместе с тем благодетельность является питательной средой для благоразумия. Уже Платон возвеличивал благоразумие, видя в нем основу добродетельной жизни [7, с. 56]. Действительно, без разума, направленного на благое, не может быть благомыслия. Благодетельная мысль есть правильная идея, помогающая человеку в жизни. Исходя из этого, человек должен мыслить правильно для того, чтобы его жизнь стала лучше. При этом он должен знать, что у мысли есть способность «мыслить себя» [8, с. 174]. Мысль всегда находится в развитии, она как бы «шлифует» себя. Так, благомыслие содействует благонамеренности. Человек не просто осознает, что ему нужно, но и стремится к этому, намерен воплотить это в действительности. Правда, здесь не обойтись без благоволения. Всегда нужна еще воля, направленная на реализацию благих мыслей [3, с. 163]. Воля есть концентрация внимания на какой-то идее. В нашем случае: концентрация внимания на «благой» идее. Человек, благосклонно относясь к чему-либо, должен еще подключить добрую волю, чтобы достичь желаемого. Так, обретя благой идею, сконцентрировавшись на ней и превратив ее в императив своих действий, человек движется к счастливой жизни [2, с. 1349]. При этом очень важно облечь мысль в положительные по значению и звучанию слова. Позитивность мысли есть благословие. Благодетельные слова возвышают человека, восхваляют его. В положительном смысле слова и реализуется суть благомыслия. Причем благодетельные слова должны быть благодетельными не только по содержанию, но и по форме. Поэтому благозвучие есть важнейшая составляющая благословия. Достаточно близкого человека назвать по имени, используя уменьшительно ласкательные суффиксы, как ситуация сразу начинает меняться в лучшую сторону.

Далее. Произнесенное слово уже есть дело. Благое слово, воплощенное в делах, есть благодеяние. В силу этого благодеяние есть неотъемлемая часть благого. Без благодеяния нет и не может быть нравственного. Нравственность всегда укоренена в практике жизни. Все нормы нравственности обращены к человеку, его поведению и отношению к себе и другим. Благодеяние нацеливает человека на благое отношение к людям. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» – гласит библейская заповедь. Она же призывает: «любите врагов ваших». Эти слова всегда вызвали вопросы. Как так? Ведь это – враг. Его нужно уничтожать. А тут провозглашается любовь! Дело в том, что через любовь как благодеяние жизнь наполняется добродетельным, подлинно человеческим смыслом. Не случайно любовь полагается «самой совершенной формой взаимодействия одного человека с другим» [5, с. 109].

Благодеяние не только свидетельствует о благовоспитанности, но и возвращает ее в человека. Давно было замечено, что человек становится человеком через дело. Древние говорили: «Берись за дело свое – и само дело будет и научать тебя, как его делать, и помогать в этом» [6, с. 124]. Дело воспитывает в человеке доброе отношение к труду. А это есть основа добродетельности. Поэтому, на наш взгляд, правомерно и своевременно ставится сегодня вопрос о восстановлении «ценности и значимости труда, в особенности честного труда» [1, с. 51]. В свою очередь, благовоспитанность демонстрирует благонравие, благорасположение человека. Встав на путь благих дел, человек обретает благосклонность других людей, ценящих благое в жизни человеческой, и получает благодарность. Это, без сомнений, оказывает благотворное влияние на самого человека, делающего добро, обогащает его духовный опыт [4, с. 84]. Таким образом, человек, делающий добро, не только увеличивает меру благогов жизни, но и преобразует себя, свою жизнь. Он становится благочестивым, благочинным. Благопристойность выступает основой его бытия. Сама жизнь благодеятельного человека становится благолюбивой, в ней царит благоустроенность. В сущности, это тот идеал человеческой жизни, о котором писал Платон.

Для нас важно подчеркнуть, что благое есть единство благодетельности, благомыслия, благословия, благодеяния. Все это – грани, ипостаси благого. Вместе с тем эти грани в своем единстве раскрывают содержательный аспект благого. Благое не есть некая абстрактная вещь, существующая в сознании человека. Благое есть совокупность, ансамбль добрых чувств, мыслей, слов и дел человека. Взятые в своем единстве, они и образуют то, что называется благом в подлинно человеческом смысле.

Для современного человека эти положения очень важны. В своем стремлении к благополучию он не должен забывать о благонравии. Благонравие – это благое отношение человека к миру через призму благих чувств, мыслей, слов и дел. Это отношение, изначально настроенное на положительную волну, как нельзя лучше раскрывает значение благого в духовной жизни человека. В своей основе благое отношение заключает в себе благоговение перед жизнью, возвышение ее добродетельного начала. Поддерживая благое, ориен-

тируясь на лучшее, человек не только сохраняет ценности прошлого в настоящем, но и преобразует само настоящее, возвышая духовное в своей жизни.

Литература

1. Горбова В.В. Честный труд как нравственная ценность современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9. – Ч. 1. – С. 50-53.
2. Ермаков С.А. Императивы счастливой жизни человека // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2. – Ч. 6. – С. 1349-1353.
3. Ермаков С. А. Святоотеческие представления о воле человека // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 163-165.
4. Ермакова Е. В., Мезина Л. Г. Духовный опыт в жизни деловой женщины // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3. – Ч. 2. – С. 84-86.
5. Изотов М.О. Философия любви Н.Ф. Федорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8. – Ч. 3. – С. 109-111.
6. Невидимая брань / пер. с греч. Святителя Феофана Затворника. М.: Православное братство, 2002. – 350 с.
7. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
8. Счастливец А.Н. Мысль неизреченная // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6. – Ч.1. – С. 173-180.

УДК 316:930.1

МОДЕРНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Алексей Станиславович Тимощук

Доктор философских наук, доцент

Владимирский юридический институт ФСИИ России

Русская революция 1917 г. – событие положившее начало новому государству, новому обществу и новому мировому порядку. Это была попытка построить общество социальной справедливости, равенства и братства, причём в глобальном масштабе. Социальный инжиниринг происходил на фоне колоссальных социальных задач по модернизации, поэтому советский проект часто критикуется как утопия, тоталитаризм, новая система неравенства и эксплуатации. Статья посвящена исследованию вопроса о соотношении модернизации и социально-духовного потенциала России. В годовщину российских революций существенной задачей представляется определить внутренние институциональные и структурные условия, обуславливающие социально-политическую динамику развития России; установить решающие факторы актуальной социальной модернизации; наметить главные направления социально-экономической трансформации. Предмет исследования: рассматриваются политико-социальные процессы в России, связанные с революцией 1917 г. Методы исследования: общелогические, общенаучные и частонаучные. Результаты: советский период представлен как ускоренная социально-технологическая модернизация, лиминальный технологический рынок. В начале XXI века в мире прошли несколько революций, важно определить социально-политический вектор развития России. Россия является частью глобальной системогенетики, но это не снимает ответственности за национальные ориентиры и решения. От них зависит место России в будущем глобальном порядке.

Ключевые слова: революция, эволюция, модернизация, геополитика, демография, социологическое исследование.

MODERNIZATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF RUSSIA

Alexey Stanislavovich Timoshchuk

DSc in Philosophy, Professor

Vladimir Law Institute FPS of Russia

The Russian Revolution of 1917 is an event that laid the foundation for the new state, new society and new world order. It was an attempt to build on a global scale a society of social justice,

equality and brotherhood. Social engineering took place in the frame of enormous social modernization challenges. That is why Soviet project is often criticized as utopian, totalitarian and is discarded as, a new system of inequality and exploitation. The paper is devoted to the study of the issue of the relationship between modernization and the social and spiritual potential of Russia. On the anniversary of the Russian revolutions, an important task is to define the internal institutional and structural conditions that determine the socio-political dynamics of Russia's development; to determine the decisive factors of actual social modernization; to outline the main directions of socio-economic transformation. The subject of the study: the political and social processes in Russia related to the revolution of 1917 are considered. Research methods: general, general scientific and specific scientific. Results: The Soviet period is presented as an accelerated socio-technological modernization, a liminal technological leap. At the beginning of the 21st century, several revolutions have taken place in the world. It is important to determine the socio-political vector of Russia's development. Russia is part of the global system, but this does not remove responsibility for national landmarks and solutions, that determine the place of Russia in the future global order.

Keywords: Revolution, evolution, modernization, geopolitics, demography, Russian studies.

2017 год – это кайрос, обладающим когнитивным потенциалом осмысления и интерпретации событий советской истории. Короткий проект строительства социализма в России охватил более 70 лет и прошел несколько стадий, различавшихся целями, механизмами реализации идей и результатами: от радикальной модели (военный коммунизм) к переходной/нэповской (многоукладное общество) и распределительно-плановой модели (советское общество). Сегодня как никогда важно обозначить процессы трансформации идей в мифы и конвертации их в конкретные управленческие решения. Коммунизм как радикальная социальная утопия отработал свою роль не только в отечественной, но и в глобальной модернизации, дав надежду многим миллионам людей на достойную жизнь. При этом он улучшил не только жизнь масс в отсталых странах, но способствовал укреплению принципов социального государства в развитых индустриальных государствах. Учитывая сложность и неоднородность модернизации, следует её считать не только политэкономической трансформацией, связанной с навёрстыванием индустриальных держав. Модернизация в социокультурном плане – это усовершенствование общественных отношений, представленная в индивидуации, эмансипации, рационализации, квалиметрии жизни. Профессор из США Турчин П.В. предложил изучать причины макросоциологических изменений и культурно-технологической эволюции количественно. Он считает, что клиодинамику можно прогнозировать квантитативно. Революции, бунты, падение цивилизаций предсказуемы, они рассчитываются математически по 50-200 летним циклам, основанным на перепроизводстве элит. Иначе говоря, причина социальной нестабильности не сводится к обнищанию низов, она коренится, в том числе, и конкуренции за обладание роскошью среди верхов. Чем больше энергии общество тратит на власть над удовольствиями, тем менее оно сплочённо. Гражданский коллективизм стран потребления, полагает П.В. Турчин, низок как никогда. При этом рецепты, предлагаемые эволюционным экологом будут непопулярны в рыночной экономике: сдерживать обогащение классов и доступность образования как социального лифта [3]. Накладывая модель Турчина на предреволюционную ситуацию в России, можно найти некоторые соответствия, например, переизбыток незанятых образованных людей, разночинцев, интеллигенции, которые стремились прийти к власти. Всё это происходило на фоне общего демографического роста, наполнением городов неквалифицированной рабочей силой. Рекруты Первой мировой войны – это бывшие крестьяне, столкнувшиеся лицом к лицу с социальным неравенством города и деревни. Вместе с тем, Турчин стремится упростить историю, втиснуть её в линейную модель, что невозможно. Революцию 1917 нельзя объяснить только пресыщением высшего эшелона власти, скорее речь идёт об идейном политическом кризисе властной элиты. Спустя 100 лет после революции общество также сильно дифференцировано по уровню жизни. Вместе с тем, структура бедности также изменилась, сегодня социальным низам гораздо больше есть что терять, нежели накануне революции, их благосостояние увеличилось. За 100 лет построения социальной справедливости в России практически не осталось пролетариата. Три миллиона бездомных в современной России не являются социально активной группой индустриального и постиндустриального общества. Социальная дифференциация – это показательный феномен, который к 50-й годовщине Великой октябрьской революции в 1967 г. продемонстрировал расхождение между официальной идеологией гомогенной социальной структуры, состоящей из господствующего рабочего класса, уменьшающегося количества колхозного крестьянства за счёт снятия различия между городом и деревней и особой социальной прослойки – интеллигенции, постепенно сокращающейся за счёт преодоления различия между умственным и физическим трудом. Новой элите хотелось видеть исполнение мечты о бесклассовом обществе прямо сейчас, когда место социальной стратификации занимал единое сообщество работников социалистического труда. Эта идеологема маскировала реальную стратификацию с громадными различиями верхов и низов, с мощным слоем партийно-государственной бюрократии. Социология вскрывала диспропорции ведомственного заказа и общественной практики и поэтому была нежеланна. Сегодня раздаются голоса, что Россия исчерпала свои ресурсы модернизации, – для международной конкуренции у неё нет таких трудовых ресурсов, как у Китая, её климат и протяжённость границ не являются преимуществами в геоэкономическом противоборстве. Утверждения, что Россия холодная и неконкурентная страна уравниваются тем, что сегодня редкая страна имеет полностью благоприятные природно-климатические условия: в США и Японии

большие затраты на ликвидацию последствий тайфунов, в пустынных регионах – на амелиорацию земель, в тропических странах – на кондиционирование. Мороз в условиях глобального потепления имеет колоссальные преимущества: нет вирулентных инфекций, огромные запасы пресной воды, в холодных морях выше биомасса.

Российские расстояния и русский холод могут быть преимуществами в глобальной конкуренции. В своё время Британская империя имела самые протяжённые границы, однако политика протекционизма позволяла ей получать сверх прибыли. Разнообразие регионов России позволяет благодаря разумному управлению извлекать преференции из самых неблагоприятных условий. Крупные агломерации городов (Бостон – Вашингтон, Чикаго – Питтсбург, Лондон – Ливерпуль, Токио – Кобе), выигранные для индустриального и постиндустриального развития, уязвимы для экологических и технологических проблем. В России нет крупных 50-миллионных агломераций и всего 15 городов-миллионников, что, однако, позитивно с точки зрения безопасности. Крупные скопления людей всегда уязвимы во время природных и техногенных катаклизмов. Мир так устроен, что сила в одном, является также и слабостью в другом. Так, у кого большая армия, имеет мощь, но уязвим в экономических расходах на её содержание. Страны, обладающие значительными трудовыми ресурсами, зависят от спроса других стран на их дешёвую продукцию. Помимо этого, государства с большим предложением дешевой рабочей силы, обычно сталкиваются с неразрешимой проблемой трущоб, источниками инфекционных заболеваний, детской смертности и преступности. Трудовые ресурсы России не велики, по сравнению с Китаем, Индией, но они в массе более образованы. Действительно, наша индустриальная и постиндустриальная экономика построена на углеводородах и полноценной замены им пока не предвидится. В этих условиях остаётся всё меньше оптимизма для восходящей кондратьевской длинной волны технологического прорыва. Россия остро нуждается в сохранении транспортной системы из-за удалённости территорий. В этой связи наиболее перспективными являются разработки газомоторного, электромоторного транспорта, разведка новых невозобновимых источников энергии, исследование возможности эксплуатации возобновляемых ресурсов, развитие энергосберегающих технологий и вторичной переработки.

Литература

1. Розин В.М. Парад знаменательных годовщин (размышления о ситуации в российской философии и современности) // Философские науки. – 2017. – № 1. – С. 41-57.
2. Федотова В.Г. Революция и модернизация // Философские науки. – 2017. – № 4. – С. 35–54.
3. Turchin P. Cliodynamics: History as Science 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://peterturchin.com/cliodynamics/> (дата обращения: 26.09.2017).

УДК 177.8

ПЕРФОРМАТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ (К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧЕНИЙ ФАКТОВ И СМЫСЛОВ В 1917 И 2017 ГОДАХ)

Антон Николаевич Фортунатов

Доктор философских наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Современные социальные отношения становятся зависимыми от моделей и императивов коммуникации, которая являет собой технологизированную сферу человеческого информационного взаимодействия. Если в 1917 году ленинский призыв к солдатам и матросам брать штурмом средства коммуникации (телефон, почту) подразумевал выход самосознания субъектов этих отношений на новые рубежи, то сегодняшняя тотальная погруженность в интернет молодых людей все очевиднее превращается в форму социокультурного эскапизма. Технологии взаимодействия подменили и упразднили необходимое человеческое усилие, создававшее прежнюю онтологию. Современные информационные интеракции ситуативны, заведомо подвижны и изменчивы, и на их основе возникает особый род перформативной онтологии, ориентированной на соответствие единичному субъективному сознанию, настроенному асоциально, антагонистически по отношению к окружающему миру. Фактическое упразднение человека как активного субъекта коммуникации, придание ему роли ведомого со стороны коммуникативных технологий, диктует новую, парадоксальную этику, в которой человек то находит свое место в мире, то его теряет, и эти процессы являются заведомо алогичными, протекающими хаотично и бессмысленно в традиционном их понимании. Коммуникативный эссенциализм подвергает пересмотру классические понятия «сущность» и «явление».

Ключевые слова: коммуникация, медиареальность, медиум, информационное общество, субъект, коммуникативные технологии, телевидение, этика.

**PERFORMANCE ONTOLOGY OF MODERN COMMUNICATION
(TO THE PROBLEM OF EVOLUTION OF SENSE OF FACTS
AND CONCEPTS IN 1917 AND 2017)**

*Anton Nikolaevitch Fortunatov
DSc of Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*

Modern social relations dependent on the models and imperatives of communication, which is a technological sphere of human in formation interaction. In 1917 Lenin invokes the soldiers and sailors to storm the means of communication (telephone, mail) that meant the emergence of self-awareness of the subjects of these relations to new frontiers, but today's total immersion in the Internet of young people is increasingly becoming a form of sociocultural escapism. Interaction technologies have replaced and eliminated the necessary human effort, creating the former ontology. Modern informational interactions are situational, deliberately mobile and changeable, and on their basis there arises a special kind of performative ontology, oriented towards a single subjective consciousness, antisocial, antagonistic to the surrounding world. The actual abolition of man as an active subject of communication, giving him the role of a slave on the part of communicative technologies, dictates a new, paradoxical ethic, in which a person finds his place in the world, then he loses, and these processes are obviously illogical, proceeding chaotically and senselessly in the traditional their understanding. Communicative essentialism revises the classical concepts of "essence" and "phenomenon."

Keywords: communication, media reality, medium, information society, subject, communication technologies, television, ethics.

Различные формы сугубо человеческого самообретения в мире получили в современном обществе свои коммуникативные суррогаты, зеркальные отражения. В определенном смысле человек становится коммуникативным продуктом, пришедшим на смену классическим формам субъектности. Впрочем, и чисто материальные, телесные его проявления в мире также все больше начинают нести на себе следы коммуникативных императивов: стандартов красоты в стиле «инста» (от Инстаграм – социальная сеть, оперирующая прежде всего визуальными образами), культов «куклы Барби» и Памеллы Андерсон, наконец, сезонных рекомендаций от модных домов.

Коммуникация становится не просто формой отношения человека с ми(i)ром, она превращается в само-бытие, удостоверяющее, легитимирующее мир, делающее его соответствующим новой структуре сознания человека. Исследователи-экономисты очень точно описывают титанические усилия представителей отраслевых наук в определении важнейших принципов экономического поведения человека. Этим занимались физиологи, определяя изменения в организме, психологи, выявлявшие личностные качества, специалисты-управленцы разрабатывали тесты на совместимость кадров, обдумывали бизнес-процессы для оптимизации и повышения эффективности труда [2]. Показателен результат этих усилий: они привели лишь к очень противоречивому концепту «человеческий капитал», который трудно верифицировать и использовать в качестве матрицы для оценки экономического бытия. Исследование, зондирование объекта с помощью технических средств с целью получения заранее спрогнозированного ответа – это и есть коммуникация по сути своей. Вернее, необходимое правило, согласно которому коммуникация (всегда технически обеспеченный процесс) только и может состояться. Одно из важных ее качеств в том, что она обращает исследователей на самих себя при внешней, формальной их ориентированности на мир, на существующие помимо них объекты (само-бытийность коммуникации императивна по сути, так как подразумевает включенность в эту систему всех без исключения взаимодействующих информационных субъектов). Для коммуникации важнейшим структурным принципом является субъект-субъектная погруженность в процесс информационного взаимодействия, а также формальная, технологически ясная обеспеченность этих интеракций. Таким образом, качество само-бытийности превращает коммуникацию в открытую систему, поглощающую реальность (нечто похожее в свое время уже предчувствовал Бодрийяр, говоривший об «импловизности» масс). Объекты исследований психологов, физиологов и управленцев пластично менялись в соответствии с условиями и задачами исследований, отвечая тем самым на априорные мнения – ну, как тут не возникнуть хрестоматийному «экстазу коммуникации», который лишь нарастает при очередном повторении одних и тех же коммуникативных усилий!

Это принципиально иная картина мира по сравнению с той, что была 100 лет назад. Казалось бы, знаменитые ленинские «Советы постороннего», обращенные к рабочим и солдатам, – захватывать телефон, телеграф, железнодорожные станции и мосты (читай, объекты информационного взаимодействия), перекидывает смысловой мост между революцией 1917 и взрывным характером развития коммуникативных процессов, в частности, социальных сетей конца 2010-х годов. Однако в действительности это диаметрально противоположные интенции. Речь не только и не столько о материально-технической единичности и множественности сопоставляемых объектов, не об их социальном статусе, сколько о несравнимости оборотной, «возвратной» стороны коммуникации, создающей определенную для-субъекта-реальность, на которую обычно мало обращают внимание исследователи-практики и узкие специалисты. Овладение стратегически-

ми информационными объектами в начале XX века означало принципиальное изменение внутренней самооценки, самопонимания, наконец, социального статуса завоевателя, открывавшего для себя новые горизонты. Другое дело сегодня: например, попытки государства ограничить доступ к популярным мессенджерам (каналами обмена мгновенными сообщениями) порождают все новые формы этой коммуникации, и сам факт атаки на эти каналы предстает как символ беспомощности социально-политического субъекта, затеявшего их. Если в 30-е годы водружение телевизионной антенны на колокольне Заиконоспасского монастыря в Москве на ул. Никольской вместо сбитого креста знаменовал собой сакральный акт начала новой политической (коммуникативной, телевизионной) эпохи, символом которой был прильнувший к приемнику любознательный радио(теле)любитель, то сегодняшние кучки молодых людей, напрочь прикованные к экранам смартфонов в зонах бесплатного доступа к Wi-Fi (беспроводному распределению интернет-сигнала), олицетворяют собой тотальное безразличие к источнику, погруженность в самих себя, растворенность в навязанных им условиях себе-бытия.

Возникает новая, мерцающая, или перформативная онтология, суть которой в принципиальном противопоставлении, разъединении субъективной и объективной сторон реальности: если ты сугубо материальный объект, то ты не интересен коммуницирующим в сети субъектам, если же ты всецело онлайн, то тебе все равно, что там происходит в *meanandscary*, т.е. в «подлом и жутком», или попросту «скучном» объективном мире [4, S. 32]. Новая этика коммуникации пропагандирует отвратительность и жестокость «прежней» социальной системы: вся громоздкая технологическая машина телевидения и других медиа изо дня в день умножает агрессивные, античеловеческие артефакты, составляющие огромную долю «объективной картины мира», которая, как показывают исследования, возвращается в социальную практику индивидов уже в виде реальных преступлений и катастроф (начало 2017 учебного года ознаменовалось кровавым преступлением подростка-школьника в подмосковной Ивантеевке, копировавшего «культовые» образцы американских сверстников-преступников). Новое прочтение «гипотезы культивации» Ф. Гербнера состоит в том, что частые повторения сцен насилия в медиа не только и не столько инкорпорируют увиденные эпизоды в реальную практику подростков, сколько заставляют их отторгать от себя этот ненавистный мир, уходя в буквальном смысле с головой в виртуальные измерения.

С неизбежностью вслед за этим процессом возникает разделение на коммуникацию факта и коммуникацию смысла, их противопоставление. Причем, факты маргинализируются, превращаясь в пластичный материал для все более многочисленных манипуляторов, в то время как смыслы максимально субъективируются, давая их носителям «право» замыкаться на самих себе, что выглядит вполне оправданно в свете новой этики себе-бытия.

Так возникает коммуникативная деформация философского понятия «явление» в его классическом сочетании с «сущностью». Как пишет Г.Д. Левин, «из определения сущности как основы предмета, из которой вытекают все другие его свойства, следует, прежде всего, вывод о ее устойчивости» [1, с. 216]. Однако «коммуникативный эссенциализм» подвергает этот тезис серьезному испытанию. Антинаучность, антисоциальность, химерическая и демоническая наполненность современных пост-информационных интеракций в сети воссоздает, казалось бы, тысячелетия назад ушедшую беспроблемную, мифологизированную картину мира, в которой «объяснение всего» достигается не через нравственное человеческое усилие, а лишь благодаря «невинному» клику мышкой. Отсутствие критического отношения к готовым продуктам сознания, с которыми вынужден оперировать современный человек, становится матрицей мышления, распространяющегося и на те области бытия, которые человек физически может освоить «прежними» методами рациональности. Например, вместо того, чтобы встать со стула и сделать несколько шагов к соседу, можно позвонить ему по мобильному телефону. Не случайно, «онтология мобильного телефона», другими словами, бытие современной коммуникации, начинается с растерянного вопрошания: «Ты где?» [3]. Устойчивость сущности фактически начинает определяться местом и целью ее интерпретации.

С другой стороны, пишет Г.Д. Левин, «явление – это та сторона вещи, которая делает познание сущности возможным» [1, с. 219]. Практика социального взаимодействия в популярных интернет-ресурсах «Фейсбук» или «ВКонтакте» показывает, что любое, самое нейтральное высказывание почти с неизбежностью влечет прямо противоположное смысловое наполнение его со стороны читателей-интерпретаторов. Это обстоятельство приводит к тому, что сегодня возникает все более значительный социальный слой людей, отказывающихся иметь собственные аккаунты в этих сетях для того, чтобы не подвергаться стрессу от неоправданной агрессии и негативных интерпретаций своих высказываний. Другими словами, будь ленинский призыв к матросам и солдатам опубликован в Твиттере или Фейсбуке, он не был бы воспринят как односторонний императив, а вызвал бы целую серию полемических возражений и дополнений.

Таким образом, процессы коммуникативной деонтологизации социального бытия, о которых мы писали десятилетием раньше, сегодня обретают новые содержательные формы коммуникативной эго-онтологии, словно копирующей структуру себе-бытия, задаваемого социальным информационным пространством.

Литература

1. Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. – М.: Логос, 2007. 224 с.
2. Носаков И.В., Кравченко В.С. Об управлении социальными, правовыми и экономическими составля-

- юшими безопасности человеческого капитала инновационной корпорации // Современные научные исследования и разработки. 2017. Вып. № 5 (13). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://olimpiks.ru>.
3. Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. 425 с.
 4. Kunczik M. Gewalt und Medien. Köln/Wien, 1987.

УДК 111.6

ИНТЕРНЕТ КАК «ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА» ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Надежда Дмитриевна Асташова

Ассистент кафедры философии

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматриваются аспекты коммуникации в интернет-пространстве, которое преподносится в качестве новой «публичной сферы». Переосмысливаются классические представления о коммуникации: как следствие воздействия информационных технологий на повседневную жизнь человека появляются новые формы коммуникации, обусловившие специфику взаимодействий в «публичной сфере» интернета. Раскрывается противоречивость «публичной сферы» интернета, как особой структуры общества. Делаются выводы о том, что в современном обществе все чаще общение с реальным человеком заменяется общением человека с программой, создающей иллюзию реальной коммуникации.

Ключевые слова: информация, коммуникация, поведение индивида, восприятие, сознание, «публичная сфера».

INTERNET AS A PUBLIC SPHERE OF INFORMATION SOCIETY

Nadezhda Dmitrievna Astashova

Assistant of philosophy chair

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article shows aspects of communication in the Internet space, considered as a new «public sphere». The author reinterprets classical ideas about communication: new forms of communication are the result of the impact of information technology on everyday life, those forms influence to the specificity of the interactions in the «public sphere» of the Internet. The research shows contradictory character of the «public sphere» of the Internet as a specific structure of society. As the conclusion authors underlines that conditions of modern society transform communication with a real person to communication with the program, which fact creates the illusion of real communication.

Keywords: information, communication, the individual's behavior, perception, consciousness, «public sphere».

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Для нового поколения, выросшего в эру информационных технологий, он естественный и привычный спутник жизни. В связи с тем, что информационные технологии играют определяющую роль во всех сферах жизни современного человека, можно констатировать, что человечество вступило в новый этап своего развития.

Охватывая сферы торговли, образования, услуг, связи, интернет порождает новые формы коммуникаций. Так информационные технологии вынуждают нас переосмыслить классические категории коммуникации. Традиционно коммуникация понимается как «процесс передачи и восприятия информации» [2, С. 8–9]. В основе классических схем коммуникации лежит алгоритм: адресант – информация – адресант. Являясь многомерным образованием, интернет добавляет в эту схему новые формы коммуникативного взаимодействия. Он предлагает множество форм коммуникации. Здесь уместно согласиться с делением интернет-коммуникаций, предложены М. Морисом:

- 1) асинхронная коммуникация «один на один» (электронные письма);
- 2) асинхронная коммуникация «многих с многими» (сводки, листы рассылок, где требуется согласие для входа в программы, обладающие информацией по конкретным темам);
- 3) синхронная коммуникация «один на один», «один и несколько», «один с несколькими» (обсуждение конкретной темы, игры, чаты);
- 4) асинхронная коммуникация «многие и один», «один на один», «один и многие» (поиск сайта для получения определенной информации) [5, р. 42].

Именно во вторичной репрезентации информации, оторванной от исходной предметности и заложен потенциал появления виртуальных сфер деятельности. Как отмечают Дж. Перрол [6], М. Постер [7], П. Вирлио [8], виртуальные пространства интернета становятся новой «публичной сферой общества».

Термин «публичная сфера» предложен Ю. Хабермасом, он предполагает «коммуникативную рациональность», то есть стремление найти взаимопонимание и согласие. [4, С. 12]. И действительно, интернет как идеальная площадка для коммуникаций (социальные сети, форумы, чаты) вскрывает всю противоречивость мнений и индивидуальных представлений, существующих в социуме, в которой разворачивается дискуссия и индивиды имеют возможность свободно выражать свое мнение. В связи с чем некоторые авторы [8] склонны обозначать новую форму коммуникации в виртуальном пространстве как новую форму общественной жизни.

Интернет-технологии способствуют распространению и переработке такой противоречивой, можно сказать, капризной субстанции как информация. Однако воздействие этих технологий на общество оказывается абсолютно неоднозначным, и «публичная сфера» интернета далеко не всегда способствует достижению взаимопонимания и согласия, то есть «коммуникативной рациональности» по Ю. Хабермасу.

Информация, будучи «нематериальной» структурой, обладает крайней изменчивостью и пластичностью во времени и пространстве, что делает ее более легкой в обращении, чем реальные объекты. Благодаря символической функции информации человек в интернет-пространстве распоряжается вещами, не обладая ими, совершает какие-то действия, не предпринимая никаких усилий, как бы «понарошку», «не всерьез». Иллюзорное действие в интернете часто осознано мало или не осознано совсем, индивиду трудно осознать последствия, поскольку он играет, имитирует реальное. Размываются границы приватного и публичного, и это несет само по себе большой риск для безопасности личности, её право на частную жизнь нарушается. В такой ситуации «публичная сфера» интернета явно не способствует достижению взаимопонимания в обществе.

В своих рассуждениях М. Кастельс выдвигает тезис о «виртуальности реальности»: «реальность всегда была виртуальной – она переживается через символы, которые всегда наделяли практику некоторым значением» [1, С. 351]. Спецификой же нашего времени становится то, что отдельные личности не только отражают и интерпретируют реальность через символы, но и конструируют ее по своим законам, используя возможности информационных технологий. Например, характерной особенностью социальных сетей стало то, что пользователи создают собственный образ только на основе фантазий, без апелляции к своим физическим параметрам, получая тем самым иллюзию признания окружающих. Полноту понимания этого феномена дает субъективный идеализм и его основной тезис «мир – это сумма ощущений и представлений субъекта». Интернет-пространство, в котором как в «публичной сфере» человек может выражать себя без каких-либо ограничений со стороны материального мира, наглядно демонстрирует действие этого утверждения. «Публичная сфера» интернета так же реальна для современного человека, как и материальная реальность, более того, связь с первичной, физической реальностью в информационных пространствах часто полностью утрачена.

Таким образом, виртуальная «публичная сфера» – это не только отображение «реальной реальности», но и способ построения альтернативных реальностей. Анализ виртуальных «публичных сфер» дает возможность уяснить саму суть современного общества, в котором все явления воспринимаются сквозь призму коммуникаций в интернете. Как совершенно справедливо отмечает В.М. Маслов, «современная информационная реальность претендует быть не менее значимой, чем обычная, реальная реальность» [3, С. 322]. В этом контексте фраза «если тебя нет в интернете, тебя совсем нет» перестает восприниматься как сарказм. Интернет-коммуникация становится более реальной, чем живое общение для сознания индивида.

В такой ситуации вопрос о достоверности информации в «публичных сферах» интернета полностью снимается: истинно все, что представлено. Такому положению в немалой степени способствуют ограничения на доступ к фактически значимой информации, соотносенной каким-то образом с реалиями материального мира. В современных условиях создаются довольно сложные технические системы, ограничивающие доступ к определенным категориям информации. Здесь можно говорить об ограничении свободы знания в пространстве интернета в силу различных интересов в разных аспектах жизни общества. Выступающий в «публичной сфере» вынужден оперировать либо собственными фантазиями, либо опираться на чужое мнение, опосредованно используя знания по какому-то вопросу без возможности проверить их достоверность. Поэтому для «публичной сферы» интернета наиболее характерен обмен мнениями, нежели знаниями по определенному вопросу. В интернете люди часто идут на большой риск, высказывая спорные суждения, часто противоречащие общепринятым нормам, там они не испытывают страха отвержения или осуждения, с которым неизбежно столкновение в реальной жизни, поскольку идентичность оратора часто замаскирована. Так же очень часто активность в интернете никак не связана с активностью в реальной общественной жизни, и выражение себя в «публичной сфере» интернета вряд ли можно назвать социальным.

Не секрет, что такие «публичные» выступления в интернете способны нарушать традиционные пропорции экономического и политического развития общества. Они порождают целый ряд проблем и в других сферах общества, вызывая серьезные опасения у специалистов.

Анализ общения в сети демонстрирует противоречивость «публичной сферы» интернета как особой структуры общества. С одной стороны, неограниченные возможности для самовыражения в интернете, легкость и быстрота в установлении контактов и налаживании связей в различных точках планеты, террито-

альные, культурные, языковые препятствия сводятся на нет через интернет-коммуникацию. С другой, интернет-общение приводит к ограничению социального взаимодействия, вплоть до одиночества, развитие депрессивных ситуаций, всевозможные психические расстройства, формирование неадекватной социальной перцепции и пр. Общение, опосредованное машинным взаимодействием, нельзя никак соотнести с «живым»: общаясь через компьютер человек не испытывает чувства эмоционального удовлетворения от акта взаимодействия с другим человеком. Все чаще общение с реальным человеком (хоть и по другую сторону сети) заменяется общением человека с программой, создающей иллюзию реальной коммуникации.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. – М.: АСТ, 2000. – 456 с.
2. Конечкая В.П. Социология коммуникации. М.: МИБиУ, 1997. – 384 с
3. Маслов В.М. Коммуникация в эпоху информации // Актуальные проблемы социальной коммуникации материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. – 2012. – С. 319-323.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 379 с.
5. Morris M., Ogan C. The Internet as Mass Medium // Journal of Communication. – 1996. – Vol. 46. – № 1. – P. 33-50.
6. Perrolle J. Conversations and Trust in Computer Interfaces // C. Dunlop, R. Klind (Eds.) Computerization and Controversy. – N.Y.: Academic Press, 1993. – P. 350-363.
7. Poster M. CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere / Hartley J., Pearson R.E. (Eds.) // American Cultural Studies: A Reader. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 402-413.
8. Rheingold H. The virtual community: Homes steading on the electronic frontier. – MA: Addison Wesley, 1993. – 325 p.
9. Virilio P. Rasender Stillstand. – Mtinchen: Hanser, 1992. – 160 p.

УДК 101.1:316

КАК ВОЗМОЖЕН ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В XXI ВЕКЕ?

Ольга Николаевна Голышева
Аспирант кафедры философии
Вятский государственный университет

Изменения, произошедшие и происходящие в настоящее время с политикой и ее субъектами, являются одной из наиболее актуальных тем современности. Почему существование и деятельность субъектов политики возможны исключительно на уровне национальных государств или выше – основной вопрос настоящей статьи. В качестве отправной точки для исследования мы рассматриваем основную категорию и характеристику политики, по мнению французского философа Жака Рансьера, – несогласие. Многие исследователи, в том числе и сам Рансьер, утверждают, что несогласия в современном обществе больше нет, а значит, политика и субъекты политики должны исчезнуть. С нашей точки зрения несогласие не покинуло политическую арену совсем, оно лишь изменило свое местоположение, так же как и политический субъект. Посредством изучения понятий дисциплинарного общества Мишеля Фуко и общества контроля Жюлья Делеза, а также определенных особенностей праздного класса, изученных и выделенных Торстейном Вебленом, мы находим некоторые основания и причины для трансформации субъекта политики и метаморфоз, происходящих с занимаемым им местом в современном мире.

Ключевые слова: субъект, политический субъект, трансформация, несогласие, дисциплинарное общество, общество контроля.

IS THE POLITICAL SUBJECT POSSIBLE IN THE XXIST CENTURY?

Olga Nickolaevna Golysheva
Post-graduate student of the Department of philosophy
Vyatka state university

One of the most problematic topics of our times is the topic related to the changes, occurred and took place with politics and its subjects. The main question of this article is why the existence and activities of policy actors are possible only at the level of national states or higher. As a starting point for research, we have chosen disagreement, which, according to the French philosopher Jacques Rancière, is the main category and characterization of politics. Many researchers, including Ranciere

himself, argue that there is no disagreement in modern society. The last statement means that politics and policy actors must disappear. According to our point of view, disagreement did not leave the political arena at all, but it has changed its location as well as the political subject. By studying the concepts of the disciplinary society of Michel Foucault and the Gilles Deleuze control society, as well as some characteristics of the Leisure class studied by Thorstein Veblen, we have found some reasons for the transformation of the subject of politics and metamorphosis occurring in the place it occupies in the modern world.

Keywords: subject, political subject, transformation, disagreement, disciplinary society, control society.

Основанием для данного исследования являются изменения, связанные с возможностью и условиями существования политического субъекта в современном мире. Вначале мы должны подчеркнуть, что рассматриваем субъект вообще и субъект политики в частности только как коллективного. С нашей точки зрения, любые внешние проявления субъекта, даже его, казалось бы, индивидуальные действия – это всегда результат его взаимодействия и взаимосвязей с другими субъектами. Результат социализации, результат влияния исторического периода, результат воздействия внешнего окружения, внутренних переживаний, их соотношения и многих других факторов. Другими словами, политический субъект погружен в определенные условия, в которых и исходя из которых он должен действовать, и возможности его действий ограничены той ситуацией, в которой он вынужден находиться. Таким образом, если мир в целом претерпевает какие-либо изменения, субъект политики не может избежать этих трансформаций и также подвергается им.

Мы вынуждены согласиться с тем, что политика, а вместе с ней и субъекты политики переживают глобальные преобразования и постепенно приобретают новый вид. Факты из современной политической жизни и даже собственное мироощущение не дают нам в этом усомниться. Прислушиваясь к мнению авторитетных исследователей и имея в виду все выводы о смерти политики или, другими словами, о конце политики, мы все же считаем, что политика до этого, действительно, конца все же не дошла и вряд ли его достигнет. Вместе с тем, отсутствие несогласия, сущностной категории политического с точки зрения французского философа Ж. Рансьера, мы не можем не наблюдать. В данном случае ощущения, на которые мы отчасти ссылаемся, имеют глубокий субъективный оттенок, но его общее количественное распространение придает ему объективные качества. Ссылка на ощущения не является основной, но она необходима нам, так как речь пойдет о том, почему привычные субъекты политики потеряли свою актуализацию и роль действующих сил заняли совершенно другие персонажи.

С нашей точки зрения, субъекты политики вышли на новый, более высокий уровень, – государственный и даже надгосударственный. Именно по этой причине того несогласия, о котором пишет в своих работах Ж. Рансьер, мы не можем наблюдать и не можем в полной мере ощущать, оно для нас не является выраженным. Важно подчеркнуть, что несогласие – это не разоблачение социального неравенства, разрозненностей, несогласия в том смысле, в котором мы привыкли его понимать [4]. Немного упростив этот термин и применив его к нашей теме, мы можем сказать, что несогласие - это мнение. Высказанное мнение. В таком случае, несогласие в настоящее время не является акцентированным, так как мнений большинства либо нет, либо они не услышаны.

Почему несогласие не выражено в доступной форме на уровне ниже национального? Как сложился подобный образ мысли, сглаживающий все неровности и концентрирующий на компромиссе или консенсусе? Изменение образа мысли неразрывно, безусловно, со сменой эпистемы. Мишель Фуко, анализируя и описывая исторические модели эпистем, приходит к выводу о появлении в XVIII веке уникального, относительно прошлых этапов, дисциплинарного общества, а затем и дисциплинарной власти. В работе «Надзирать и наказывать» Фуко выделяет и дает определение дисциплинарному обществу, которое складывается в эпоху модерна для адаптации старых европейских обществ к новым индустриальным требованиям. В этот период постепенно формируются методы или, используя терминологический аппарат Фуко, дисциплины контроля, надзора и подчинения во всех важнейших общественных институтах, индивид постепенно проходит все стадии проявления социального сковывания: начиная с семейной иерархии, школьного администрирования, рабочих и заводских требований до военных или даже тюремных распорядков. Особенность дисциплины заключается в том, что она вводит тактику власти, согласно которой, «необходимо одновременно увеличивать как послушность, так и полезность всех элементов социальной системы» [6]. Таким образом, описываемое Фуко дисциплинарное общество не могло возникнуть в других политических и социальных системах кроме либеральной, так как в других условиях невозможны были не просто контроль или надзор, разумеется, а определенное их воплощение. В интересующем нас обществе должен был быть реализован такой тип власти над индивидами, который: «осуществляется посредством воспитания и формирования их индивидуальности» [5]. Формируя индивидуальности, дисциплины разделяют общества, группы, замыкают индивидов на себе, препятствуют смешениям и проводят всевозможные горизонтальные линии, противостоящие возникновению стихийных организаций и бунтов, всего того, что способно возникнуть из самой структуры и привести к волнениям. В конечном итоге, дисциплинарные техники, такие как администрирование, строгий распорядок и многие другие, формируют в обществе в целом и в каждом индивиде в частности определенную самоорганизацию, которая не позволяет делать что-то, что выбивается из системы. В качестве иллюстрации к данному явлению мы можем рассмотреть некоторые аспекты произведения Торстей-

на Веблена «Теория праздного класса». Наравне с технической интеллигенцией Веблен выделяет так называемый праздный класс, не имеющий четко очерченных границ, но вмещающий в себя средний и высший слои общества. Отличительной особенностью представителей данного класса является демонстративное потребление - потребление не просто сверх необходимого, а потребление, которое задает потребителю желаемый им статус. К демонстративному потреблению относятся, конечно же, не только и не столько вещи, сколько определенные правила этикета, виды деятельности и, что для нас в представленном исследовании является наиболее значимым, образ мыслей. Соблюдение представленных на тот момент норм является неотъемлемой частью существования представителей праздного класса и соответствующее поведение укореняется в них до такой степени, что контролю поддаются, как было сказано выше, не только действия, но и мысли[1].

Такого рода эпистема формируется и достигает своего расцвета в 18, 19 и 20 веках, а затем снова претерпевает трансформации. Для постмодерна или постиндустриальной эпохи характерно уже несколько иное общество.

«Дисциплинарные общества, в свою очередь, вошли в стадию кризиса, уступая постепенно место новым силам, которые особенно развились и усилились после Второй мировой войны. Теперь мы перестали быть дисциплинарным обществом, мы не являемся более таковым», утверждает Жиль Делез в работе «Общество контроля» [2].

Состояние контроля становится метастабильным, более того, оно не прерывается для перехода из одного состояния в другое, от школы к производству, например, контроль становится постоянным, непрерывным в пространстве и времени. Однако, основой трансформации общества является то, что: «Капитализм больше не занимается производством, он занимается готовой продукцией, ее сбытом или маркетингом» [2], люди больше не являются заключенными, но являются должниками! Неизменным остается лишь то, что большая часть общества находится в состоянии чрезвычайной нищеты и не может выступать ни в роли должника, так как ему нечем быть должным, ни в роли заключенного из-за своих огромных масштабов. Этот факт демонстрирует лишь то, что социальные бунты являются неотъемлемой частью жизни. Такие социальные взрывы были и есть, но они не только не говорят о наличии в обществе несогласия, как могло бы показаться на первый взгляд, но скорее наоборот, они выражают то, что этого несогласия нет, так как в этом случае они [бунты] возможны.

В двадцатом веке ситуация обретает некоторые дополнительные черты. В работе «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотар констатирует изменение статуса знания в новую эпоху. «Знание – сила» – это выражение, которое во многом потеряло свою актуальность. Знание превращается в информацию и основой его легитимизации становится результативность[3]. Информация играет важнейшую роль в судьбе субъекта политики в настоящее время. Владение, распоряжение и распространение информации дают субъекту власть и ту самую возможность контроля, которую выделил Фуко. Государства, транснациональные корпорации, крупный бизнес, международные некоммерческие организации доводят до обществ информацию, формирующую определенные выводы, мотивирующую на необходимые действия, устанавливающую конкретные нормы. Информация поступает к своему адресату через выведенные информационные технологии, образование, семью, насколько она еще сохранилась. Несмотря на несомненные кризисы социальных институтов, они все еще оказывают сильнейшее влияние на общество. Особо мы можем выделить именно образование. Многие исследователи, в том числе Вебер, Фуко придавали ему высокую значимость в возможности формирования общества, выполнения социального заказа[8]. Образование находится под действием Власти, Церкви, Рынка - и, таким образом, содержит в себе все изменения с ними связанные, все их требования - то есть так же поддерживает и является результатом современной ему эпистемы[7].

Тем временем властные силы все так же, как и три столетия назад создают индивидов, но вместе с этим, прессуют их в безликие массы. Субъекты политики не могут проявлять себя на уровне групп или небольших обществ, они выходят на уровень государств и выше. Формирование общества индивидов, которому свойственна массовость, но не коллективность или народность не случайно, это результат длительной работы, не конечный результат, не в полной мере осуществленный. Тем не менее, итогом такого формирования является невозможность возникновения и существования политического субъекта на уровне ниже государственного, так как кроме социальных бунтов там зародиться и осуществиться нечему.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.fa.ru/files/Veblen.pdf> (Дата обращения 19.09.2017)
2. Делез Ж. Общество контроля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.irms.ru/delez.html> Дата обращения 22.09.2017
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rebels-library.org/files/liotar_sostajanie_postmoderna.pdf (Дата обращения: 26.09.2017)
4. Рансьер Ж. Несогласие: политика и философия. – СПб.: Machina, 2013. – 192 с.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Т.2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/119509/mishel-fuko-intellektualy-i-vlast-chast-2-lib-57.php> Дата обращения 18.09.2017

6. Фуко М. Надзирать и наказывать [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/174103-nadzirat-i-nakazyvat-rozhdenie-tyurmy.html> (Дата обращения 18.09.2017)
7. Фуко М. Слова и вещи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt> (Дата обращения 22.09.2017)
8. O'Neill J. The Disciplinary Society: From Weber to Foucault // The British Journal of Sociology – 1986 – Vol. 37. – No. 1. – P. 42-60.

УДК 304

**СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ:
ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗБЕЖАТЬ ПОЛИТАРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ
И «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»?***

Олег Анатольевич Ефремов

*Почетный работник высшего профессионального образования РФ,
кандидат философских наук, доцент
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова*

Предлагаемая статья посвящена анализу современного этапа отечественной модернизации и перспектив дальнейшего развития российского общества. Модернизация определяется как процесс превращения докапиталистических обществ в капиталистические. Утверждается, что в данный момент существуют два варианта неблагоприятного развития событий, чреватого срывом модернизации – реставрация политаризма (формы докапиталистических отношений, существовавших в России) и революционная дестабилизация с непредсказуемым исходом. Второй вариант представляется менее вероятным, чем первый, учитывая, что сложившийся политический режим, определяемый как «театральная демократия», в целом справляется с задачами поддержания общественной стабильности, а серьезная и организованная оппозиция ему отсутствует. Однако меньшая успешность инновационных начинаний существующего режима, а также неблагоприятная внешнеполитическая обстановка создают угрозу политарной реставрации и приостановки модернизации, что уже бывало в отечественной истории. Формулируется ряд условий, при наличии которых представляется возможным успешное продолжение модернизационных процессов. Среди последних – повышенное внимание к формированию новых социальных моделей, а не только технологическим новациям; осторожное применение силы; учет специфики социокультурной среды и собственного исторического опыта при избирательном отношении к абстрактным принципам либерализма, считающимся эталонными; консолидация модернизационных сил (создание широкой субъектности).

Ключевые слова: модернизация, революция, «театральная демократия», политарное общество, инновации, стабилизация, тотальная аномия.

**CURRENT STAGE OF RUSSIAN MODERNIZATION:
IS IT POSSIBLE TO AVOID POLITARIAN RESTORATION
OR «COLOR REVOLUTION»?**

Oleg Anatolievich Efremov

*Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Moscow State University named by Lomonosov*

The article is devoted to the analysis of the modern stage of Russian modernization and the prospects for the further development of Russian society. Modernization is defined as a process of transforming precapitalist societies into capitalist societies. It is stated that at the moment there are two variants of the unfavorable events, that can be fraught with a breakdown of modernization: the restoration of politarism (the form of pre-capitalist relations that existed in Russia) and revolutionary destabilization with an unpredictable outcome. The second option seems to be less feasible than the first one, in respect that the current political regime, defined as "theater democracy", generally copes with the tasks of maintaining public stability, while serious and organized opposition is absent. However, the lower success of the innovative initiatives of the existing regime, as well as the unfavorable foreign policy situation, create a threat of a political restoration and suspension of modernization, which has already happened in Russian history. A number of conditions are formulated, that can possibly lead to the successful continuation of the modernization processes. Among the latter there is an

* Текст подготовлен в рамках проекта РГНФ 15-03-00868 «Российское общество и государство в их становлении и эволюции: этно-религиозные, культурно-исторические и коммуникативные контексты».

increased attention to the formation of new social models (not just technological innovations); careful use of force; taking into account the specifics of the sociocultural environment and peculiar historical experience with a selective attitude to the abstract principles of liberalism, considered to be standard; consolidation of modernization forces (creation of broad subjectivity).

Keywords: modernization, revolution, "theater democracy", politar society, innovations, stabilization, total anomie.

Современная Россия – общество переходное, находящееся в процессе модернизации, т.е. трансформации докапиталистических (политарных²⁸) общественных отношений в капиталистические.

Процесс этот долгий, сложный и противоречивый. На данной его стадии существует, по крайней мере, два варианта неблагоприятного развития событий (срыва модернизации). Первый – срыв «сверху», своеобразная «политарная реставрация», сопровождаемая восстановлением «полицейского государства». Второй – срыв модернизации «снизу», в результате дестабилизирующих процессов, отчасти, возможно инспирированными извне враждебными по отношению к России силами. Такой вариант также достаточно широко представлен в модернизациях политарных обществ в последние десятилетия. Чаще всего он осуществляется в форме так называемых «цветных революций».

Насколько сценарий революции вероятен в современной России?

Прежде всего, необходимо отметить, что модернизация сама по себе процесс революционный, предполагающий переход общества из одного состояния (докапиталистического) в другое (капиталистическое).

Процесс трансформации может протекать только в условиях определенным образом ориентированного политического режима и благодаря ему. В условиях модернизации режим должен решить две задачи: 1) поддержания стабильности; 2) осуществление модернизации. Неспособность справиться с решением любой из этих задач может стать фатальной для режима.

Поскольку речь идет о возможности политической революции как свержения существующего режима с последующим изменением курса, уместно вспомнить также ленинское учение о «революционной ситуации» [3, с.218], объясняющее когда и как происходят подобного рода революции.

Можно ли говорить о наличии в России революционной ситуации?

Начнем с первого пункта – «кризиса верхов». На наш взгляд, никакого кризиса системы власти, угрожающего ее существованию, в России нет. Создана достаточно успешная (насколько это вообще возможно в существующих условиях) модель управления – умеренный авторитаризм, заграниченный под «театральную демократию» [1, с.25-29]. Иногда политический режим, утвердившийся в современной России, называют по имени президента – «путинским».

Действительно, Путин обуздал криминал и олигархов, заставил считаться с Россией на международной арене, восстановив тем самым утраченный суверенитет российской государственности как внутри, так и вовне страны. Была обеспечена экономическая и социальная стабильность. У людей появилась работа, за которую платят, у детей – места в детских садах и школах, молодые учительницы уже не вынуждены подрабатывать по ночам проституцией, дети мечтают о карьере военных, инженеров, бизнесменов, врачей, связывая свою жизнь с трудом, а не разбоем...

К серьезным недостаткам режима можно было бы отнести неудачи в модернизационных начинаниях, проблему преемственности власти, а следовательно, и курса, и многое другое.

Разумеется, сложившийся режим далеко не идеален, но представляется, что на сегодняшний день он близок к оптимальному. Оптимальность эта еще более становится очевидной, если задаться вопросом о возможных альтернативах.

Главное же, данный режим народ устраивает. И вот здесь мы переходим ко второй составляющей революционной ситуации, к «низы не хотят» и сразу же к третьей (повышение активности). Ибо, если «не хотят», то должны это каким-либо образом проявить. А следует сказать, что, судя по всему, если и «не хотят», то успешно это скрывают.

Протест (поскольку он заметен) исходит от маргинальных групп²⁹ и серьезной угрозы режиму представлять не может. И это хорошо.

Ведь какие реальные альтернативы умеренному авторитаризму модернизационной направленности существуют? Учитывая, что полноценная демократия в России на данный момент совершенно невероятна, это будет либо олигархо-криминалистическая анархия, либо жесткий авторитаризм, переходящий в тоталитаризм. И то, и другое в гораздо меньшей степени, чем существующий режим, способны справиться с двумя основными задачами, стоящими перед любой системой управления в современной России: задачей поддержания стабильности общества и задачей осуществления модернизации.

Маловероятным представляется нам и сценарий «цветной революции» [2, с. 20-31], т.е. инспирированного извне переворота, опирающегося на недовольство отдельных групп (прежде всего, молодежи, претензии которой опережают реально возможное).

²⁸ Теория политарного общества разработана в рамках марксистской парадигмы Ю.И.Семеновым. См., например: Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в XX веке // Российский этнограф. Вып.20.1993.

²⁹ «Маргинальность» в данном случае не несет в себе никакого уничижительного содержания. Термин указывает лишь на отсутствие серьезной социальной базы.

Однако, и режим театральной демократии в отечественном варианте ничего не гарантирует. Вполне возможна его трансформация в любой из двух указанных выше «нежелательных» вариантов, причем никакой активности народных масс, политической революции, для этого не понадобится – все будет решаться внутри властных и деловых элит.

Есть две задачи, с которыми еще предстоит справиться режиму. От этих решений будет зависеть как его судьба, так и развитие страны в целом. Первая – это обеспечение стабильности и преемственности курса при смене лидера. Вторая задача – активизация модернизационных процессов. Пока с модернизацией получается значительно хуже, чем со стабилизацией. Но отсутствие модернизации – действительно, путь к краху. И вот здесь особенно важным становится умение наладить диалог с обществом, учитывать и воспринимать конструктивную критику, оперативно проводить экспертизу и реализовывать предложения, родившиеся вне официального властного аппарата и не по указанию сверху.

Модернизация – объективная необходимость. Политическая нестабильность, вызванная кризисом режима, может стать существенной помехой для нее. Хочется надеяться, что существующий режим найдет удачное сочетание решения двух взаимосвязанных задач – поддержания стабильности и осуществления модернизационных преобразований.

Из указанных двух вариантов срыва модернизации (сверху – в виде реставрации политаризма и снизу – революция, приводящая к тотальной дестабилизации) второй еще хуже первого, ибо означает потерю не только инновационности, но и стабильности. Но, как нам представляется, он, к счастью, менее вероятен, чем первый, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Политарная контрреволюция реальнее революции.

Есть ли возможность избежать не только второго, но и первого неблагоприятного сценария и все же удачно продолжить процесс модернизации?

Существует ли возможность создания и реализации «национального либерального проекта»?

На наш взгляд, существует. И зависит такая возможность, в первую очередь, от фактора субъективного, а именно – способности правящей элиты провести страну между «Сциллой» дестабилизации и развала и «Харибдой» полицейского государства. Режиму, справившемуся с задачей стабилизации, предстоит создать и запустить инновационные механизмы. В условиях невозможности демократии придется конструировать некий отечественный аналог «диктатуры развития», отличный, однако, от азиатских прообразов. Да, мы вынуждены насильственно формировать рынок.

При этом элитам надо учитывать следующее:

1. Инновационный, модернизационный компонент не должен быть задавлен стабилизационным; напротив, стабилизация должна восприниматься лишь как условие модернизации.

2. Модернизация не есть сугубо технологический процесс, она предполагает строительство современной рыночной экономики и преобразование всего общества в целом, соответственно, при выборе методов государство всегда должно держать в уме опасность реставрации политаризма. Более того, надо понимать, что инновационность модернизации – это прежде всего выработка новых эффективных социальных моделей, которые обеспечат, в конечном счете, и технический прогресс. А попытка развить в искусственно созданных кластерах «нана», «био», «кибер» и прочие технологии напоминает строительство банановой теплицы в условиях северного полюса с перспективой пересаживать банановые деревья прямо во льды и сугробы.

Иными словами, нужны не технополигоны вроде Сколково, а полигоны выработки социальных моделей, в том числе и с опорой на национальные деловые традиции. Следует также внимательнее относиться к уже имеющимся образцам, «самосевом» вырастающих на, казалось бы, уже безнадежно погубленной почве (как, например, упомянутые выше организации предпринимателей-староверов или вологодские картофелеводы).

3. При формировании данных социальных моделей стоит исходить не из абстрактных принципов либерализма и не пытаться скопировать чей-либо либеральный проект, а создавать свой собственный национальный либеральный проект, опираясь на традиции и исторический опыт, используя то, что уже было когда-то создано в России и при определенных условиях и с необходимыми модификациями могло бы быть возрождено. Необходимо рациональное отношение к традициям, а оно заставляет считать их не пережитком, а опытом предков, не на пустом месте появившемся и доказавшем уже свою эффективность.

3. Репрессивные методы следует использовать очень осторожно – дозировано и адресно, ибо усиление репрессивности – один из каналов восстановления политаризма.

4. Необходимо кропотливо работать над консолидацией всех модернизационно ориентированных сил – и в среде чиновничества, и в бизнес-среде, и в среде интеллигенции. При всей противоречивости взглядов и интересов надо формировать своеобразный «модернизационный консенсус». Причем делать ставку стоит не только на кремлевские элиты, а на формирование широкой модернизационной субъектности, создание условий и форм участия людей в модернизационной активности.

Вот далеко не полный перечень требований к режиму, необходимых для продолжения модернизации, а не закоснения в новой жесткой структуре.

Повторимся, что никаких гарантий выполнения данных требований нет. Но есть определенные факторы, внушающие оптимизм в этой, в целом безрадостной, ситуации.

Во-первых, это специфика «нового господствующего (политически и экономически) класса» - чиновничества. Оно, в целом ориентировано не политарно, а специфически-рыночно.

Во-вторых, есть мировой опыт диктатур развития, который при всем своеобразии ситуации в России, также можно использовать, но ни в коем случае слепо не копировать.

И, в-третьих, свой исторический собственный опыт, многообразные социальные модели, созданные российской историей, в том числе и описанные выше, потенциал которых не был до конца раскрыт и использован.

Повторим – гарантий нет, но надежда остается.

Литература

1. Ефремов О.А. Спорт и театр или еще раз о пути России к демократии // Экономика и право. XXI век. 2012. №4. С. 25-29.
2. Ефремов О.А. «Цветной» сценарий в условиях «театральной» демократии: велики ли шансы на успех? // Экономика и право. XXI век. 2013. №1. С. 20-31.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.26. Москва: Издательство политической литературы. 590 с.

УДК 316

БЛОКЧЕЙН-РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СФЕРУ ТРУДА*

Тимур Маратович Хусьяинов

Аспирант кафедры философии

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Менеджер департамента социальных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

В данной работе рассматривается развитие сферы трудовых отношений в контексте происходящей Четвертой промышленной революции, и, в частности, в условиях возникновения и развития технологии Блокчейн (Blockchain). Блокчейн – одна из основных технологий ставших движущей силой новой научно-технической революции. Благодаря интересу со стороны СМИ и массивной информационной поддержке происходит кросс-индустриальная популяризация технологии, что приводит к охвату новых рынков. Продолжая тенденцию децентрализации и автоматизации бизнес-процессов и документооборота, Блокчейн дает возможность обходиться в ряде сфер без участия посредников, что существенно влияет на рынок труда и само существования ряда профессий.

Ключевые слова: Блокчейн, децентрализация, трудовые отношения, информационное общество, Четвертая промышленная революция.

BLOCKCHAIN-REVOLUTION AND ITS INFLUENCE ON LABOR SPHERE

Timur Maratovich Khusyainov

Postgraduate Student of Department of Philosophy

Lobachevskiy State University

Manager of the Department of Social Sciences

National Research University «Higher School of Economics»

The article considers the development of the sphere of labor relations in the context of ongoing Fourth Industrial Revolution and, in particular, in the conditions of emergence and development of Blockchain technology. Blockchain is one of the main technologies that have become the driving force of new scientific and technological revolution. Because of the interest and the informational support of the media it causes cross-industrial promotion of technology, and it leads to the coverage of new markets. Blockchain continues the trend of decentralization and automation of business processes and document circulation; it opens an opportunity to avoid intermediaries involvement, which significantly affects the labor market and the existence of a number of professions.

Keywords: Blockchain, decentralization, labor relations, information society, The Fourth Industrial Revolution.

В контексте разворачивающейся Четвёртой промышленной революции может быть выделено несколько основных и принципиальных новшеств, которые составляют основу для этого нового научно-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №17-03-00074 «Самостоятельная интернет-занятость: между прекаризацией и нормальностью» 2017-2018 гг.

технического прорыва. В их число входят: Большие данные, Интернет вещей, Виртуальная и дополненная реальность, 3D-печать, Печатная электроника, Квантовые вычисления, Распределённые реестры [1-2].

Среди основных технологий, составляющих основу новой технической революции можно выделить Блокчейн (Blockchain). Суть технологии кратко можно описать следующим образом: это система связанных блоков данных, в которой каждый последующий содержит криптографический хеш предыдущего. Благодаря подобной структуре, создается цепочка из блоков с индивидуальными отпечатками от самого первого. Таким образом, возник качественно новый инструмент для организации комплексных и децентрализованных систем, в которых доверие между участниками не является необходимым условием. Первым и значительным достижением Блокчейн стало распространение криптовалют как новой децентрализованной и независимой от государства финансовой системы.

Благодаря сильнейшей информационной поддержке, интересу со стороны СМИ и пользователей, технология Блокчейн активно распространяется и становится все более востребованной. Благодаря столь высокому интересу происходит процесс кросс-индустриальной популяризации блокчейна, технология начинает выходить далеко за пределы финансовой сферы и проникать на новые рынки.

При использовании технологии Блокчейн отпадает необходимость в повторной верификации данных, дублировании и резервировании. Внедрение Блокчейн-технологии на государственном уровне позволит хранить и использовать данные граждан, сокращая штат госорганов. Однако большая часть изменений затронет бизнес-сферу [3]. Свойства технологии делают ряд профессий, связанных с подтверждением, проверкой и вводом информации неактуальными, а банковская, правовая и прочие системы переживут существенные изменения [4].

Таким образом, благодаря технологии Блокчейн продолжается тенденция децентрализации, которая уже поддержана в системе товаров и услуг Uber- и Mesh-технологиями. Технология Блокчейн в большей степени защищает стороны сделки в условиях отсутствия посредников. В контексте активного распространения технологии Блокчейн, её внедрения в повседневную жизнь может появиться новый вид доказательств для судебной системы, основанный на данных Блокчейн-сети.

Технология Блокчейн может объединиться с другими важными достижениями Четвертой промышленной революции – искусственный интеллект и машинное обучение, что в результате станет основанием к исчезновению ряда профессий, которые выступают посредниками, их место займут Smart-контракты. Столь серьезные трансформации на рынке труда окажут воздействие и на систему образования, значительно вырастет спрос на высокотехнологические профессии и наличие подобных навыков у специалистов.

С внедрением подобной технологии увеличится спрос на специалистов по обслуживанию серверной части и системных администраторов, при этом диагностику система может вести самостоятельно. Другая профессия будущего – аудитор кода, то есть специалист, ищущий ошибки и уязвимости в коде.

На современном этапе технологии уже позволили заменить начинающих работников интеллектуальной сферы, например, при первичном (удалённом) собеседовании или в качестве онлайн-консультанта по базовым вопросам. Таким образом, можно предположить, что вся рутинная и монотонная работа может быть передана машине, за человеком сохранится креативная сфера (искусство и наука), а также образование; именно человек будет отвечать за постановку технических задач, обслуживание кода и частично серверной части. Таким образом, существенно снизится бюрократизация системы, сократится время обработки документов и запросов, снизится число ошибок и влияние «человеческого фактора» на происходящие процессы.

Облегчив подобные экономические и политические механизмы, человек встает перед серьёзной проблемой, которую многие исследователи обозначают как «Смерть труда» – исключение человека и трудовой деятельности, замена автоматизированными системами. Теперь человек должен будет проявить большую активность и креативность в поиске возможности заработка, развивать навыки в сфере криптографии, найти новые способы самореализации и т.д.

Литература

1. Лисовская С. Конец аналогового мира: индустрия 4.0, или что принесет с собой четвертая промышленная революция // Theory&Practice. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/14610-konets-analogovogo-mira-industriya-4-0-ili-chto-prineset-s-soboy-chetvertaya-promyshlennaya-revolutsiya>
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.
3. Swan M. Blockchain: Blueprint for a new economy. – Sebastopol: O'Reilly Media, Inc., 2015. – 152 p.
4. Zyskind G., Oz N. Decentralizing privacy: Using blockchain to protect personal data // Security and Privacy Workshops (SPW). IEEE, 2015. – P. 180-184.

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Алексей Анатольевич Тарасов

Кандидат философских наук, докторант

Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

Неолиберализм следует понимать не только как современную рыночную идеологию, но и как единую модель управления Наукой и Социумом. В этом смысле неолиберализм отвечает на вопросы, впервые сформулированные позитивизмом, но приходит к отличным от него ответам. Изначально позитивизм был задуман как единство философии науки и социальной философии. Неолиберализм также является не просто политико-экономической идеологией, какой обычно воспринимается, но моделью управления обществом, которое стало неотличимым от науки, управления Социумом как Наукой. Например, читая «Контрреволюцию науки» или "The Sensory Order" Хайека, важно иметь в виду, что когда автор говорит о Социуме, то имеет в виду Науку. И, наоборот, когда говорит о Науке, то имеет в виду Социум. Неолиберальная гегемония отражает факт, что Наука и Социум оказываются настолько переплетены друг с другом, что уже невозможно определить, кто из них ведущий, а кто ведомый, какая из сторон является дескриптивной, а какая прескриптивной, где Наука, а где Социум. Одно принимает форму другого, становится функциональным эквивалентом.

Ключевые слова: неолиберализм, позитивизм, рынок, наука, общество, контр-революция.

THE COUNTER-REVOLUTION OF NEOLIBERALISM

Alexey Anatolievich Tarasov

PhD of philosophy

Nizhny Novgorod Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Neoliberalism should be understood not only as a modern market ideology, but rather as universal and indivisible model for the governance of Science and Society. In this respect neoliberalism respond to questions first formulated by positivism, but comes to differing answers. Initially, Philosophy of Science and Social Philosophy considered as two sides of the same universal positivist project. In the same manner, neoliberalism should be considered not so much as market economy ideology (as it usually perceived), but rather as a model of government of Society and Science – the management of Society as Science, and of Science as Society. For instance, Hayekian works "The Counter-Revolution of Science" and "The Sensory Order" can be interpreted in such a vein, that when the author talks about Society, he means Science, and vice versa, when he talks about Science, he means Society. Neoliberal Hegemony reflects the fact that Science and Society are so intertwined with each other, that it is become almost impossible to determine where is the master side, and where is the slave; where is prescriptive side, and where is descriptive; and even, where is Society, and where is Science. Both take the form, become the functional equivalents of other side.

Keywords: neoliberalism, positivism, market, science, society, counter-revolution.

Первым термины «позитивизм» и «социология» использовал Огюст Конт. Он наблюдал стремительный процесс секуляризации, но переживал не за католическую церковь. Его беспокоило будущее Науки, её перспектива оказаться самой большой силой, в обратной пропорции к мощи этой силы теряющей авторитет в обществе, что рано или поздно подорвало бы эту самую силу. «Позитивизм» задумывался им как перевод языка науки на язык, понятный всем, тогда как «социология» была гарантией того, что Наука не окажется самоизолированной, но будет направляться высшей формой науки – социологией, ставящей перед наукой цели в интересах всего человечества. Дж.Ст.Милль дал демократическую трактовку позитивизма, выдвигая цель разработки универсальных стандартов аргументации, открывающих доступ к достижениям Науки всем без исключения людям, независимо от их положения в обществе.

Э.Мах идентифицировал онтологическое основание Науки с Энергией, сущностью, одновременно материальной и ментальной, а вовсе не с атомами или кварками, не имеющими оснований ни в сознательной жизни людей, ни в их механизме восприятия мира. Когда О.Нейрат рассчитывал превратить позитивизм Маха в физикализм, он вовсе не имел в виду редукцию всех явлений к их материальному субстрату, будь то расположение и движение атомов, или разложение на иные элементарные частицы. Речь шла об интеллектуальной (в отличие от сциентистской) редукции, о феноменологии объектов мезо-уровня, непосредственно

доступных людям в ощущениях, а потому подлежащих публичной, демократической координации и обсуждению.

«Логический позитивизм» Венского кружка также был един в своём стремлении создать язык, который открыл бы для нас единые основания, на которые опирались бы любые научные утверждения, в результате чего любой человек мог сам определить своё отношение к ним. Процедурный язык науки должен был привести к методологическому единству всех наук, а тем самым большей публичности и ответственности Науки перед обществом, и, уже как следствие этого, её общественному авторитету.

Рождение университета в 30-е годы 19-го века имело тот же посыл – объединить исследовательские и образовательные проекты на единой институциональной основе как барьер на пути расхождения Науки и Социума.

Одним из антагонистов позитивизма изначально выступал марксизм как попытка свести социологию к социалистическому проекту. Наука неразрывно связана с вопросом о том, как наиболее эффективно организовать производство знания, без которого невозможно понять позитивизм, искавший основания для такой организации Науки, которые способствовали бы и ускоряли социальный прогресс в более широком плане. В этом позитивизм и марксизм близки.

Сциентизация, или в терминологии М.Вебера, «рационализация», явилась основанием империализма, который приветствовался Лениным как зреющая основа, инфраструктура революционного социализма. Таким образом, воплощённая общественная революция была вызвана недоовоплощённой социально-научной революцией. Вот почему Ленин предал анафеме Э.Маха и всех его последователей в «Материализме и Эмпириокритицизме» как главных врагов революции.

В какой-то момент позитивизм стал искажённо пониматься не как легитимация перед всем обществом. Задачей позитивистов стал «перевод» непонятого языка науки на язык менеджеров науки, исполнение роли технической основы принятия решений в области научной политики. В довершение Т.Кун выступил с программой, противоположной позитивистской – не искать поддержку в обществе, но, напротив, изолировать науку от каких бы то ни было влияний извне. Сделать Науку авторитетом для самой себя. «Вещью-в-себе».

В наши дни говорят о конце Большой Науки, о постакадемической науке, о постмодернизме. Значительно реже - о неолиберальной Науке. Неолиберализм и постмодернизм суть, соответственно, социально-политическая и культурно-философская стороны единого всемирно-исторического движения. Мы привыкли считать позитивизм относящимся к философии науки. Изначально он был задуман как единство философии науки и социальной философии. Неолиберализм также является не просто политико-экономической идеологией, каковой обычно воспринимается, но моделью управления обществом, которое стало неотличимым от науки, управления Социумом как Наукой.

Духовным отцом неолиберализма является Ф.Хайек. Он признавал влияние Э.Маха на его взгляды: «К написанию *The Sensory Order* (нет русского перевода) меня подтолкнуло сомнение в Маховой концепции феноменализма, в котором чистые, простые ощущения являются элементами всего в восприятии органами чувств. Озарение пришло ко мне так же, как, по описанию самого Маха, оно пришло к нему, когда он однажды вдруг осознал, что в философии Канта концепция «вещи-в-себе» не нужна и её можно отбросить. Меня же осенило, что в психологии чувственного восприятия Маха концепция «простых и чистых ощущений» не имела смысла. Поскольку Мах обозначил как «отношения» так много связей между ощущениями, я заключил, что вся структура чувственного мира имеет источником «отношения», а значит, можно вообще отбросить концепцию простых и чистых ощущений» [2, с.211].

Влияние Э.Маха на Ф.Хайека прослеживается ещё и в том, что Э.Мах являлся «духовным отцом» маржинализма, приверженной чьей методологии является Австрийская школа экономики, к которой и принадлежит Хайек. Сам маржинализм является искажением идей Э.Маха. Ф.Мировски наглядно показал, что маржиналисты отчасти сознательно, отчасти из-за неправильного понимания направления мысли в физической науке 19-го века, осуществили буквальный, вульгарный перенос её буквы, а не духа, в экономическую теорию. Маржинализм трансформировал политическую экономию в экономикс, сделав экономическую теорию индивидуалистической наукой.

Хайек отождествлял позитивизм со сциентизмом. (Вся 2-я часть «Контрреволюции науки», посвящена Хайеком критике О.Конта.) Но сам он выступал не против Науки, а за Науку как Социологию. И социологию как «строгую Науку» (М.Фуко указывал на «феноменологические» корни неолиберализма, а В.Эйкен рассматривал ордо-либерализм как воплощение идей Гуссерля), что для него суть одно и то же. Важно иметь в виду, читая, например, «Контрреволюцию науки» [1] или *The Sensory Order* [3], что когда Хайек говорит о Социуме, то имеет в виду Науку. И, наоборот, когда говорит о Науке, то имеет в виду Социум:

«Наука упраздняет классификацию, опирающуюся на наши ощущения. Она суть замена описания в терминах чувственных качеств на описание в терминах элементов, не обладающих никакими иными атрибутами помимо отношений между самими этими элементами. Единственно подходящий для них язык - язык математики - дисциплины, созданной, чтобы описывать комплексы отношений между элементами, без каких бы то ни было атрибутов, за исключением самих этих отношений» [1, с.7]. Хотя научные теории сегодня уже не могут формулироваться в терминах чувственных качеств, их значимость связана с тем, что мы получаем «ключ», правила, позволяющие нам переводить их на язык поддающихся восприятию явлений. На

язык хотя и не чувственных, но воспринимаемых явлений. Язык социальных фактов. Высшей теорией становится эмпирия. Хотя и не чувственная. Эмпирия сконструированная. Рынок как высшая Теория, как генератор социальных фактов, переводимых на язык Науки.

Любая наука для Хайека – социальная. Но эта связь двусторонняя. Научные идеи становятся причиной социальных явлений, а затем и идеями, формируемыми людьми для объяснения и восприятия социальных фактов. Именно когнитивные науки производят перенос или перевод на язык не чувственных, но воспринимаемых явлений. Социальных фактов. Феномено-логических. Логических феноменов, с которыми может оперировать Наука. Наука как Социология. В буквальном смысле. Неолиберальная социология не имеет дела с «данными» нам целостностями (традиционным человеком, культурой, обществом); её задача как строгой науки состоит в выстраивании целостностей, конструировании моделей из известных элементов, конструировании самих элементов из суб-элементарных частиц.

«Наука освободила нас от метафизических наслоений, в её формулировках не упоминается о каких-то первопричинах или скрытых силах, а говорится лишь о законах, связывающих явления между собой» [1, с.50]. Никаких «вещей-в-себе». Психология больше не разрабатывает теории целостной личности, лишь отдельные теории когнитивных процессов, к которым сводится индивид. От разделения научных дисциплин мы перешли к неолиберальным «дивидам». От общественного объединения индивидов неолиберализм стремится к рынку как объединению суб-индивидуальных частиц, к сборке самого индивида, и только через это – общества. Уже не говорят и об «equilibrium», а прямо – о рынке как резонансной машине. (Понимание рассуждений Хабермаса об абсолютной коммуникации между дисциплинами как способа спасения науки уже устарели. Теперь речь идёт о редукции Науки к рынку как уже «абсолютной коммуникации».)

Неолиберальная гегемония отражает факт, что Наука и Социум оказываются настолько переплетены друг с другом, что уже невозможно определить, кто из них ведущий, а кто ведомый, где Наука, а где Социум. Одно принимает форму другого, становится функциональным эквивалентом.

Со временем позитивизм был вытеснен в своей и так уже искажённой ипостаси как методологии принятия решений в области научной политики сциентистским крылом постмодернизма и неолиберализма – STS, заменивших линейные модели развития науки гетерогенно-сетевыми, рыночными. STS переводит науку на язык рынка. Хайек – их духовный отец. Он первым так понял посыл позитивизма и социологии – объединить Науку и Социум. Только ничего нового он не придумал, обратившись к тому, что исторически предшествовало позитивизму и социологии, а логически являлось тем, против чего они были направлены – Рынку как единому знаменателю.

Литература

1. Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом [Электронный ресурс] - Режим доступа: [http://dlx.b-ok.org/genesis/1544000/3d48ab0ed0afd6a9f8efb7c7bb265704/_as/\[Haiek_F.\]_Kontrevolyuciya_nauki\(b-ok.org\).pdf](http://dlx.b-ok.org/genesis/1544000/3d48ab0ed0afd6a9f8efb7c7bb265704/_as/[Haiek_F.]_Kontrevolyuciya_nauki(b-ok.org).pdf) (дата обращения 29.09.2017)
2. Хайек Ф.А. Судьбы либерализма в XX веке. – М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2009. – 337 с.
3. Hayek F. A. The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology. - Routledge, 2016. – 403 p.

УДК 321

ПОНЯТИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Евгений Александрович Нагорнов

Кандидат культурологии

Нижегородская государственная медицинская академия

В статье рассматривается идея частной собственности применительно к феномену Русской революции с позиции зарубежного и отечественного либерального историцизма. Вопрос о собственности поставлен в контексте более общей проблемы исторического развития России как традиционной цивилизации. Особое внимание уделяется архаическому первобытному характеру понимания «частной собственности», где собственность понимается культурой как естественная монополия власти: где единственным собственником является суверен государства. А собственность является естественным продолжением властных полномочий. Автором переосмысливается историческое наследие А.С. Ахиезера, Х. Арндт, Р. Пайпса, применительно к современным реалиям российского исторического процесса. Автор рассматривает явление невыделенности понятия «частная собственность» внутри русской культуры как фактор во многом обусловивший революцию, ее архаический и разрушительный характер. При этом отсутствие политического обоснования частной собственности не рассматривается автором, как

что-то принципиально новое, что проступило только в ходе Русской революции, но как закономерное развитие всего предшествующего российского процесса. Автор считает, что именно архаическое понимание частной собственности сформировало народный уравнительный характер революции, ее разрушительные и антигосударственные формы.

Ключевые слова: революция, традиционализм, инверсия, община, локализм, Советы, воля, частная собственность, народное представительство, либерализм, архаика.

THE CONCEPT OF «PRIVATE PROPERTY» AND REVOLUTION

Eugeny Alexandrovich Nagornov

PhD of culturology

Nizhny Novgorod state medical academy

The paper considers the concept of “private property” in its relation to the phenomenon of the Russian revolution. The author considers the phenomenon of the October revolution with positions of liberal historicism by A.S. Akhiezer, H. Arendt and R. Pipes. The question is raised in the context of a more general problem of historical development of Russia as a traditional civilization. The author pays special attention to an archaic primitive understanding of the term “private property” within Russian culture: where property is understood by culture in many ways as a natural monopoly of power: where the sole owner is the sovereign. It reinterprets the legacy of A.S. Akhiezer, H. Arendt and R. Pipes in its application to the modern Realities of the Russian historical process. The author considers the phenomenon of non-separateness of the concept of "private property" within Russian culture as a factor that largely determined the revolution, its archaic and destructive character. At the same time, the absence of a political justification for private property is not considered by the author as something fundamentally new, which only appeared in the course of the Russian Revolution, but as a logical development of the entire preceding Russian process. The author believes that it was the archaic understanding of private property that formed the people's leveling character of the revolution, its destructive and anti-state forms.

Keywords: revolution, traditionalism, inversion, common, localism, Soviets, will, political freedom, private property.

По утверждению А.С. Ахиезера, Русская революция напоминала «мощную попытку растревоженной общины перейти в наступление и перенести свои уравнительные идеалы на все общество, превратить все общество в уравнительную общину» [2, с. 138]. Почему так получилось, что частная собственность в период революции стала наряду с государством одним из анти-тотемов массового сознания? Почему Русская революция не пошла путем Американской революции и не создала политических представительств независимых собственников? Почему социальная энергия была направлена на уничтожение собственности, а не на ее правовую артикуляцию и дальнейшее развитие в классовой легитимной форме?

Крестьянству, основному социальному слою царской России и основному двигателю Русской революции, было совершенно чуждо либеральное представление о частной собственности, возобладавшее, например, в американской революции. В России мы видим – отсутствие института полноправной независимой частной собственности, класса независимых собственников. За всем этим угадывается во время Революции, «стремление захватить, что можно для себя и замкнуться в своей деревне» [2, с. 473]. Все крестьянские волнения, по мнению А.С. Ахиезера, стремились к «полной чистой воле и в придачу бесплатному отводу земли» [2, с. 371]. Никакого уважения к чужой собственности (тем более помещичьей) здесь не было и в помине. Наоборот, для крестьянина земля – ничья, она «божья». Отсюда господство вечового нравственного идеала, где собственность не законна. А.С. Ахиезер отмечает, «В России само представление о законе оторвано от представления о праве, и закон расценивается как насилие власти, как нечто навязанное властью и не имеющее под собой нравственной основы» [2, с. 502]. К сожалению, и в XX веке сохранялось положение где: «Закон для крестьян – это древняя языческая сила» [2, с. 471]. Все, что препятствует уравнительному переделу, должно быть безжалостно уничтожено. Такова была воля общинных локалистских миров революционной России, расчетливо подхваченная большевиками. Здесь не было и намека на свободное фермерское (фригольдерское) сознание, так проявившее себя в Американской модели революции и явившееся базой для нового государства.

Х. Арндт, рассуждая о Французской революции, близкой по духу к Русской революции, отмечает, «За революцией стояла реальность, и реальность эта впервые в истории – была по своей природе биологической, а не исторической» [3, с. 74]. Вот почему, «Свобода должна была оказаться подчиненной необходимости, самым необходимым жизненным нуждам... Революция изменила свое направление: свобода больше не являлась ее целью, целью стало счастье народа» [3, с. 77]. В то время как институт частной собственности возможен только в правовом свободном обществе, в свободном публичном пространстве. Где социальные нужды и необходимость не выходят на политическую сцену. Важным моментом, отличающим Американскую революцию с ее отношением к собственности от Русской и Французской, было то, что в американской жизни отсутствовала «нищета и нужда» [3, с. 87]. Х. Арндт приводит сомнения Джефферсона в отношении

успехов Французской революции, который «ни на минуту не мог представить, что народ, столь «обремененный нищетой», – в отчаянии от бедности и коррупции – будет способен добиться того, что было достигнуто в Америке» [3, с. 86]. Франклин, также побывавший в Париже, размышлял о «счастье Новой Англии, где каждый фригольдер (владелец своей земли) имеет право голоса в публичных делах, живет в уютном теплом доме и имеет в изобилии хорошую пищу и топливо» [3, с. 86].

То есть, в отличие от России и Франции, мы видим в Новом Свете встроенность частной собственности в институты политического представительства народа. Это и было, во многом, гарантом конструктивного, а не разрушительного, характера Американской революции. Собственность не связывалась с государством, с властью, с сувереном – но была атрибутом сложившейся срединной культуры независимых собственников. А.С. Ахиезер отмечает, «Либерализм преодолевает локализм сознания, инверсию, переходя к принципу всеобщей ответственности, ответственности каждого за целое, целого за каждого» [2, с. 241].

Как отмечает Р. Пайпс, «наличие частной собственности как сферы, над которой государственная власть, как правило, не имеет юрисдикции, есть фактор, отличающий западный политический опыт от всех прочих» [3, с. 15]. По мысли Р. Пайпса, «В условиях первобытного общества власть над людьми сочетается с властью над вещами, и понадобилась чрезвычайно сложная эволюция права и институтов (начавшаяся в Древнем Риме), чтобы она раздвоилась на власть, отправляемую как суверенитет, и власть, отправляемую как собственность» [3, с. 15]. В России же, как считает Р. Пайпс, «такое разделение случилось с значительным запозданием и приняло весьма несовершенную форму» [3, с. 15]. Россия, согласно Р. Пайпсу, относится к типу государств вотчинного типа: «В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства и его собственником» [3, с. 15]. А.С. Ахиезер также делает интересное замечание на эту тему: «Это была по сути дела не собственность, а монополия, т.е. неотчуждаемое в рамках установленного порядка условие, средство деятельности, некоторое неотъемлемое вещное продолжение субъекта, без которого воспроизводственная деятельность невозможна» [2, с. 135]. Это приводит к тому, что: «Монополия незыблема и меняется лишь в результате конфликта, нарушения порядка, обычая, закона» [2, с. 135]. Отсюда опасность того, что «в любой момент собственность могли отобрать» [2, с. 135]. Отсюда первичная направленность революционной воли не на консолидацию собственности, а на ее разрушение.

Отчасти формирование такого представления о частной собственности можно приписать татаро-монгольскому нашествию. Монгольское иго, по мнению А.С. Ахиезера, ускорило «движение господствующего нравственного идеала от соборности, от соборной версии догосударственного вечевого идеала к господству противоположной, авторитарной версии» [2, с. 103]. Появляется «политическая власть весьма своеобразного сорта, соединяющая в себе туземные и монгольские элементы» (Р. Пайпс). Как отмечает американский историк Р. Пайпс: «Оно (монгольское иго – Е.Н.) усугубило изоляцию князей от населения, к которой они и так склонялись в силу механики удельного строя, оно мешало им осознать свою политическую ответственность и побуждало их еще более рьяно употреблять силу для умножения своих личных богатств. Оно также приучало их к мысли, что власть по своей природе беззаконна» [3, с. 82]. В результате: «Русская жизнь неимоверно ожесточилась... Смертная казнь, которой не знали законоуложения Киевской Руси, пришла вместе с монголами» [3, с. 82]. По мнению Р. Пайпса, «В те годы основная масса населения впервые усвоила, что такое государство: что оно забирает все, до чего только может дотянуться, и ничего не дает взамен, и что ему надобно подчиняться, потому что за ним сила» [3, с. 82]. В результате формируется полная бессмысленность в накоплении каких-либо ресурсов и их последующей творческой переработке, потому что – все равно отберут. Уровень европейского феодализма с его корпоративностью, формированием трех уровней иерархии общества так и не был достигнут в России: «Тенденция феодализации, формирования сообществ среднего уровня, способных стать узловым пунктом единства общества, вновь не была реализована» [2, с. 113].

Отсутствие института независимой собственности и срединной культуры между государством-медиатором и народной массой, находящейся во многом еще в дофеодальных представлениях, приводило к тому, что поиск выхода из стрессовых ситуаций всегда происходил в условиях «инверсионного перехода от одной крайности к другой» [2, с. 137].

Таким образом, можно сказать, что Революция включила уравниловку, возврат к общине. Волна народного локализма вынесла большевиков на верхушку власти, но это не была революция либерального американского типа, где именно частнособственнические идеалы формировали основание свободы. Отсутствие среднего класса собственников делало Революцию торжеством догосударственных, дополитических, почвенных идеалов. Т.е. продолжилась эксплуатация прежних исторических инверсионных схем в новых декорациях. Возобладала мощь уравнилительных ценностей вместо обязанности воссоздавать большое общество.

Литература

1. Арндт Х. О революции. – М.: Изд-во «Европа», 2011. – 464 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: В 2 т. Т. 1. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – 804 с.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: «Независимая газета», 1993. – 419 с.

УСЛОВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ ЭЛИТ: МАКРОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Сергей Иванович Филиппов

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

Исследование посвящено выявлению причин активного участия многочисленных представителей элиты в протестно-революционном движении. Исследование проводится на материале сравнительного анализа двух элитных групп – польской шляхты и немецко-балтийского дворянства в контексте их взаимодействий с государственной властью и имперским центром на протяжении XVI – начала XX вв. В качестве основного метода используется макроисторический подход. Теоретической основой исследования являются теория геополитический подход и структурно-демографическая теория. В ходе исследования выявлено, что «революционность» элит определяется взаимодействием (гео)политических, социальных и культурных процессов различного масштаба и длительности. Протестное поведение элит, в частности, польской шляхты обусловлено стратегиями социализации, ориентированными на локальные сообщества (участие в местных патрон-клиентских сетях) сложившимися в условиях относительно слабой государственной власти, а также политикой депривации в отношении безземельной шляхты со стороны царского правительства, вызванной многочисленностью польской элиты. Высокая степень лояльности балтийских немцев имперскому правительству, обусловлена стратегиями их социализации, ориентированными на служебную карьеру за пределами региона проживания.

Ключевые слова: революционное движение, лояльность, элиты, структурно-демографическая теория, геополитический подход.

CONDITIONS OF THE REVOLUTIONISM OF ELITES: A MACRO-HISTORICAL ANALYSIS

Sergey Ivanovich Filippov

Novosibirsk National Research University

The aim of the research is to investigate into the conditions of the active participation of elites in protests and revolutionary movements. The analysis is based on comparing two elite groups – the Polish elite (Szlachta) and the Baltic-Germans – in their interactions with the Imperial government in the period from the XVIth to beginning of the XXth century. The macrohistorical approach is used as the main research method. As the theoretical base of the analyses are applied geopolitical approach and structural-demographic theory. The analysis has shown that the “revolutionary” attitude of elites is explained through the interaction of (geo)political, social and cultural processes on different levels and of different duration. The active participation in protests and revolutionary movement of the Polish elite (Szlachta) results from the strategies of elites socialization oriented on local patron-client networks that were established under conditions of a weak state power in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Besides, the opposition character of the Szlachta was conditioned on social deprivation measures of the Imperial government caused by a large number of the Polish elite. A high loyalty of the Baltic-Germans to the Imperial government was due to the strategies of elites socialization oriented on a career in the military or civil service outside the Baltic provinces.

Keywords: revolutionary movements, loyalty, elites, geopolitical approach, structural-demographic theory.

Зачастую элиты занимают консервативную позицию по отношению к социально-политическим изменениям, особенно к преобразованиям революционного характера, соблюдая лояльность по отношению к правящему режиму. В этой связи исследовательское внимание заслуживают исключения из данного правила – случаи, когда многочисленные представители элитных групп активно участвуют в акциях неповиновения центральной власти, в том числе и в революционном движении. Выявление условий подобной «революционности» элит является целью настоящего исследования. В качестве основного метода используется макроисторический подход, предполагающий синтез различных теорий и уровней анализа для объяснения исторических феноменов. Исследование проводится на материале сравнительного анализа двух элитных групп – польской шляхты и немецко-балтийского дворянства в контексте их взаимодействий с государственной властью и имперским центром на протяжении XVI – начала XX вв. Данные случаи являются сходными по некоторым существенным признакам: обе элиты интенсивно взаимодействовали друг с другом в рассматрива-

* Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

емый исторический период, их государства переживали сходную историческую динамику (первоначальная независимость сменяется территориальными потерями и утратой государственности). В то же время они кардинальным образом отличаются по исследуемому параметру – участие в революционном движении: отнительно высокое среди шляхты и низкое – среди балтийских немцев.

Для выяснения причин протестно-революционной активности польской шляхты используем эвристический потенциал структурно-демографической теории, согласно которой степень лояльности или нелояльности элит по отношению к центральной власти зависит от демографических процессов внутри элиты. Рост численности данной социальной группы (при условии высокой степени внутриэлитной солидарности) ведет к увеличению эксплуатации населения, что служит причиной социальных конфликтов [1, с.70–94]. Для Речи Посполитой – Царства Польского была характерна высокая доля элиты в общем составе населения (5 – 10% по отношению к общему населению, 20% – по отношению к польскому населению, для сравнения, в царской России насчитывалось около 1, 5–3% дворян, в Англии – 0, 5%, во Франции – 1, 5% [2, с. 33]. Согласно, структурно-демографической теории, высокая доля (перепроизводство) элит ведет к сокращению налоговой базы государства (благородные, как правило, освобождены от податей), усилению эксплуатации народа, росту конкуренции за достойные должности и социальные позиции, что, в конечном счете, подрывает устойчивость государства. Ответом на «польский вызов» со стороны царского правительства стали ограничительные меры по отношению к шляхте, достигшие кульминации в 60-е гг. XIX в.: безземельная (чиншевая) шляхта переводится в разряд крестьян, что катастрофическим образом сказывается на социально-экономическом положении чиншевиков, так как земельные собственникам получают возможность перематривать условия долгосрочной аренды земли в сторону многократного увеличения платы. Многочисленные неплатежеспособные арендаторы из чиншевой шляхты просто изгонялись со своих наделов по инициативе «панов» (и средствами царской армии и полиции), их семьи оказались в условиях крайней нужды [3, 700–705]. Складывается многочисленная категория лиц, сознающих свое благородное происхождение и обладающих относительно высоким культурным капиталом (дети безземельной шляхты получали образование), но лишенных достойного социального статуса. Таким образом создается социальная база революции, что понимают также и представители власти, в частности, А.П. Безак, генерал-губернатор Юго-Западного края: «Бывшая шляхта представляет собой самый вредный и недовольный элемент края, который был и остается готовым материалом для всякого революционного движения» [цит. по: 3, с. 709].

Но ограничительная политика применялась имперским правительством в отношении практически всех национальных элит, а в качестве образца послужили метод, используемый в Остзейском крае – имматрикуляция – внесение в списки дворянских родов на основании предоставления документальных подтверждений благородного происхождения. В Курляндии, Эстляндии и Лифляндии процедуры подтверждения дворянского статуса проходили с XVII по середину XVIII вв., при этом их инициаторами были сами рыцари, пытающиеся таким образом ограничить количество дворян: далеко не все семьи успели или смогли предоставить необходимые свидетельства и оказались за пределами привилегированного сословия [4, 51–70]. Возникает вопрос: почему в Царстве Польском и Западном крае ограничительные меры в отношении дворянства вызывают острое недовольство, которое выливается в открытое сопротивление царской власти (восстания 1830–1831 гг. и 1863 г.), а в Остзейском крае этого не происходит? Может быть, все дело в знаменитом «шляхетском гоноре» – обостренном чувстве чести и собственного достоинства, неготовности подчиняться и готовности взяться за оружие по малейшему поводу, в особенности, если есть угроза «шляхетской вольности»? Но возникновение данного комплекса устойчивых образцов сознания и поведения элиты Речи Посполитой тоже требует объяснения.

«Шляхетский гонор» складывается в условиях эгалитаризма, отсутствия формальных различий, высокой внутрисословной сплоченности (как правило, в форме патронажных сетей, центрированных на наиболее влиятельных магнатских родах) и фактического отсутствия монополии на насилие, то есть в условиях слабой государственной власти. Слабость государственной власти в Речи Посполитой и эмансипация шляхты от королевской власти объясняется, в свою очередь, геополитической ситуацией на юго-востоке Европы в эпоху раннего Нового времени: задача приобретения новых плодородных земель на Украине на фоне ослабления осколков Орды была решена без участия центральной власти и без многочисленной регулярной армии. В Польше не сложился сильный королевский двор, армия была слаба и малочисленна. Таким образом, не было институциональных условий вертикальной социальной мобильности шляхты и превращения ее в служилое сословие. Благополучие шляхтичей зависело, прежде всего, от ближайшего окружения. Отсутствие монополии на насилие в условиях многочисленности и социокультурной неоднородности шляхты, в которую активно инкорпорировались представители самых разных социальных, этнических и конфессиональных групп (белорусская знать, ряд немецких, татарских, великорусских, еврейских родов [5, с. 113], стало фактором, поддерживающим высокий уровень конфликтности. Благородному шляхтичу приходилось рассчитывать лишь на себя самого себя, своего покровителя и/или клиенту, демонстрируя агрессивность, готовность в любой момент взяться за оружие, чтобы защитить свою честь и поддержать репутацию. Отсюда – воинственность шляхты и высокая степень (ситуативно-тактической) внутрисословной солидарности, превосходно изображенной А. Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш». Кроме того, дефицит таких государственных функций, как фискальная и медиационная стал условием чрезвычайно высоких норм эксплуатации крестьян и обогащения польско-литовской элиты (обязательные работы на пана составляли шесть дней в неделю, в период времени с 1600 по 1750 г. доходы магнатов возросли втрое, остальной шляхты – вдвое

[6, p. 282]. Эти доходы позволяли магнатам содержать частные армии, основу которых составляла безземельная шляхта, а численность превышала королевскую армию. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что шляхетская революционность и вольнолюбие есть результат противостояния укреплению государства как института, обладающего монополией на насилие.

Анализ (гео)политической динамики в регионах проживания остзейцев, начиная с позднего Средневековья и раннего Нового времени позволяет объяснить относительно высокую лояльность данной социальной группы престолу. Институты местного самоуправления (Лифляндия и Эстляндия), а также государственные институты герцогства Курляндии были относительно немногочисленны. Геополитическая экспансия Тевтонского ордена прекратилась в начале XV в, а в XVI в. Орден распадается. Перешедшие в протестантизм «братья», не являясь более монахами, могут вступать в законный брак, появляется законное потомство, что в условиях ограниченных ресурсов (поместий) приводит к напряжению внутри элиты. Тем не менее, рыцарство успешно приспосабливается к изменившимся условиям, ориентируясь в выборе жизненных стратегий на военную или гражданскую службу при дворе, в армии и государственном аппарате соседних (и не только) стран (Швеция, Пруссия, Россия, Австрия, Османская империя), культивируя качества, обеспечивающие конкурентные преимущества на международных военно-бюрократических рынках. Ориентация на служебную карьеру за пределами Остзейского края также усиливала отчужденность между «немцами» и коренным населением, превращая первых в верных слуг престола.

Итак, «революционность» и «лоялизм» элит определяется взаимодействием геополитических, политических, социальных и культурных процессов различного масштаба и длительности. Протестное поведение элит, в частности, польской шляхты обусловлено стратегиями социализации ориентированными на локальные сообщества (участие в местных патрон-клиентских сетях) сложившимися в условиях относительно слабой государственной власти, а также политикой депривации в отношении безземельной шляхты со стороны царского правительства, вызванной многочисленностью польской элиты.

Высокая степень лояльности балтийских немцев имперскому правительству была обусловлена стратегиями их социализации, ориентированными на служебную карьеру за пределами региона проживания.

Литература

1. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
2. Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
3. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793 – 1914). М.: НЛЮ, 2011.
4. Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конец XVIII – начало XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.
5. Селицкий А.И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи // Поляки в России: XVII–XX вв. Материалы Международной научной конференции (Краснодар, 10-11 июля 2002 г.). Краснодар, 2003. С. 113–116.
6. Anderson P. Lineages of the Absolutist State. NLB, 1974.

УДК 32:1

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ «АНТИЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» КАРЛА ШМИТТА

Вадим Анатольевич Берендеев

кандидат исторических наук, доцент

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Данная статья посвящена выявлению особенностей политико-философской концепции известного немецкого консервативного мыслителя Карла Шмитта применительно к его критическому рассмотрению либерального учения о политике. Как представляется, именно в шмиттовских научных изысканиях представлено действительно революционное видение мира политического, позволяющее не только преодолеть столь характерную для либеральных философов теоретическую «нейтрализацию политического», но и создать базу для эффективных действий в области практической политики любого национального государства. Тем более что указанная теория, постоянно дополнявшаяся ее создателем на протяжении почти половины XX столетия, как думается, впитала в себя весь политический опыт современности. Особый интерес в этой связи представляют такие пункты политической теории Карла Шмитта, как, например, духовные истоки политического и «политическая теология», особенности различения «друга» и «врага», «номос» как закон политического бытия, учение о государстве и суверене, концепция «большого пространства», положение о «правах народа», а также «теория партизана». Пред-

ставляется, что выводы этого немецкого ученого-обществоведа применительно к политической сфере не утратили своей актуальности и в начале XXI века.

Ключевые слова: классика и модерн в политике, либерализм, консерватизм, традиционализм, «политическая теология», «политическая нейтрализация», государство, суверенитет, «номос», «друг», «враг», «партизан».

THE FEATURES OF THE «ANTI-LIBERAL REVOLUTION» THEORY BY CARL SCHMITT

Vadim Anatolyevich Berendeyev

*Candidate of historical sciences, associate professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

This article highlights the features of the political and philosophical concept of the well-known German conservative theorist and thinker Carl Schmitt who is often considered to be one of the most important critics of liberalism and parliamentary democracy. It is assumed that Schmitt's works give a real revolutionary vision on the nature of politics which on one hand allows the liberal philosophers to overcome the theoretical "neutralization" of the political and on the other hand also to create a basis for effective decisions and actions in the field of practical politics of any national state. Moreover this theory had been extensively supplemented by its author during almost the half of the 20th century, and as it seems, collected all the political experience of our time. The most crucial headlines of the Schmitt's political theory include theological roots of the political and "Political Theology", the distinction between "friend" and "enemy", "the Nomos" as the law of the political fundamentals, theory of sovereignty and state, the concept of the "large space" for the state, the provision of "the rights of the people" and "Theory of the Partisan". It is considered that the work of this German scientist has been a major influence on subsequent political theory and still has not lost its relevance at the beginning of the 21st century.

Keywords: classics and modern in politics, liberalism, conservatism, traditionalism, «political theology», «political neutralization», state, sovereignty, «nomos», «friend», «enemy», «guerrilla».

Как представляется, немецкий философ и правовед Карл Шмитт (1888–1985) может быть без преувеличения назван наиболее крупным из последних представителем как немецкой, так и мировой классической политико-правовой мысли. Жизненный путь и научная стезя этого неординарного человека были весьма долгими и сложными. Тем не менее, однажды избрав путь служения науке, Шмитт всегда оставался верен своему решению, даже если он находился перед лицом серьезных испытаний [2].

В конце периода Нового времени, когда материализм на Западе стал еще более распространенным, К. Шмитт получил известность благодаря актуализации в своих трудах так называемой «политической теологии», суть которой «состоит в анализе соответствий между юридическими, политическими понятиями определенной эпохи и метафизическими понятиями того же времени, которые принимаются как должное этой самой эпохой» [3, 8]. Опираясь на указанную концепцию, Шмитт, как истинно консервативный мыслитель, представил в своих исследованиях глубокий анализ либерального видения социально-политических отношений, выявивший, помимо прочего, нарочитую и весьма небезопасную «нейтральность» пронизанного позитивизмом политического языка своих «демократически» ориентированных оппонентов. Как представляется, это была своего рода теоретико-политическая революция, которую немецкому философу удалось достаточно успешно осуществить. Шмиттовские достижения в данной сфере не только заставили задуматься апологетов либерализма, но также и привлекли внимание их идеологических противников – современных марксистов [4].

Предваряя рассмотрение основных составляющих этой «антилиберальной революции» в политической науке, следует отметить, что когда Карл Шмитт, представил свое сенсационное видение мира политического, другой немецкий консервативный мыслитель, – Эрнст Юнгер, – прозорливо сравнил его с «бесшумным взрывом» [5].

Итак, с точки зрения Шмитта, политическое – это коренящаяся в духовном высшая «степень интенсивности ассоциации или диссоциации», вызывающая к жизни процесс группирования людей по принципу «друг – враг» [9]. Шмитт уточняет в этой связи, что враг – «есть только публичный враг», только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такому же социальному единству. Разумеется, возможность вооруженной борьбы также входит в понятие «врага» и усиливает момент «политического». Однако философ подчеркивает, что «политическое заключено не в самой борьбе», а «в определяемом этой реальной возможностью поведении, в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага» [9]. Высшей же политической общностью К. Шмитт небезосновательно считал обладающее «монополией на политическое» организованное «единство народа» – государство, которое и определяет, кто может считаться «другом», а кто – «врагом» [9]. Сувереном же, по Шмитту, является тот, кто, пребывая над законом, в случае серьезной внутренней или внешней угрозы «принимает решение о чрезвычайном положении» [8, с. 15]. В свою очередь, государственный суверенитет применительно к сфере международных отношений Шмитт рассматривал с позиции «прав народов» и отмечал, что «подчиненный поня-

тию народа международно-правовой принцип порядка является правом народов на самоопределение» [10]. Необходимо подчеркнуть, что в шмиттовской концепции указанный принцип неразрывно связан с использованием «историко-политического» понятия «большого пространства», под которым подразумевается «прежде всего связанное пространство достижения», а также с понятием «рейха», под которое подпадают «ведущие и несущие силы», «политическая идея коих излучается в определенном большом пространстве и которые относительно этого большого пространства принципиально исключают интервенции чуждых пространству сил» [10].

Однако, несмотря на жизненность подобных соображений, уже в течение XIX века либерализм «своеобразно и систематически изменил и денатурировал» все существующие «политические представления» [9]. Так, например, принципиально важное, по Шмитту, традиционное понимание суверенитета либеральными теоретиками, в сущности, отрицается и по причине того, что «любая государственная власть должна быть ограничена», заменяется либо на «народность» суверенитета, либо «затуманивается» абстракциями типа «суверенитет справедливости и разума» или «суверенитет конституции» [6].

Размышляя о либеральной «дискриминации» политического, Шмитт утверждал, что «мнимо неполитическая» и даже «мнимо антиполитическая», система все равно служила бы либо существующему разделению на группы «друзей» и «врагов», либо же вела к новому, а поэтому была бы «неспособна избежать политического как своего неминуемого следствия» и вполне могла бы поспособствовать возведению «силами демократии» действительно «тотального государства» [9]. Позднее обновленное видение либеральной «механистской утопии» было представлено в знаменитой шмиттовской «теории партизана», содержащей в себе глубокую мысль о том, что традиционалистские народы планеты оказались в XX веке, по сути, в положении «оборонительно-автохтонного» защитника «национальной почвы» [11].

Важно отметить, что указанные К. Шмиттом моменты имеют четкий практический смысл: выявить закамуфлированные истинные устремления руководящихся агрессивным законом политического бытия («номосом Моря») ведущих держав «западной демократии», которые постоянно бросают вызов странам, живущим по закону оборонительному («номосу Земли») [7]. Для укрепления своих позиций представители «морской силы» поддерживают постоянное пребывание «цивилизованного» человека в «тумане имен и слов, с которыми работает психотехническая машина массового внушения». Данную ситуацию усугубляет и то, что «массы индустриализованных народов» сами тяготеют к «глухой религии техничности», «ищут радикальных выводов» и «бессознательно верят» в «абсолютную деполитизацию», которая для них «означает прекращение войны и начало универсального мира» [12].

Кроме того, Шмитт, как ортодоксальный теолог, с опасением относился к реализации идеи «всемирного государства», расшифровывая ее как «вавилонское единство», богоборческую попытку «создать рай на земле» по итогам «самообожения человека». В свою очередь, указанный процесс «нейтрализации» и «деполитизации» нашел бы свое завершение в том состоянии, когда «вещи будут управляться сами собой», а фактическое господство захватит некий мистический персонаж, который начнет изготавливать «провидение, как некое учреждение» [1]. Размышления немецкого философа, таким образом, приводят к выводу о том, что эпоха либерализма и с ее «отрицанием политического» несет человечеству не только масштабно разрекламированный взлет в плане материальной составляющей, но будет характеризоваться и его стремительным духовным падением.

В силу всего вышесказанного, Карл Шмитт как теоретик вполне может быть представлен в качестве «современного Макиавелли», поскольку, дистанцировавшись от столь распространенных на Западе псевдогуманизма, морализаторства и от либеральных утопических конструкций, в своих трудах он давал предельно реалистичную картину присущих нашему времени социальных и политических процессов, последовательно защищал право человека и право народа на самостоятельный выбор именно «своего» социально-политического настоящего и будущего.

Наконец, хотелось бы подчеркнуть, что вопреки распространенным оценкам, Карл Шмитт, будучи, безусловно, классическим мыслителем и представляя собой «старую формацию» философов, все-таки не являлся политическим радикалом и не был особенно привязан к право-модернистскому духовно-политическому «консервативно-революционному» течению.

Литература

1. Коринец Ю.Ю. Карл Шмитт об антихристе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.katehon.ru/html/top/politologia/karl_shmitt_ob_antihriste.htm (дата обращения 29.09.2017).
2. Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология: Сборник. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – С. 259–314.
3. Якушина, О.И. Политическая теология Карла Шмитта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/031011121006.xhtml> (дата обращения 29.09.2017).
4. Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии // Логос. – 2004. – 6 (45). – 140–153.
5. Шлак Ш. Эрнст Юнгер – Карл Шмитт: переписка за 1930–1983 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nb-info.ru/revolt/juenger110710.htm> (дата обращения 29.09.2017).
6. Шмитт К. Государство и политическая форма: Сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/376831/read> (дата обращения 29.09.2017).

7. Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arcto.ru/article/524> (дата обращения 29.09.2017).
8. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология: Сборник. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – С. 7–98.
9. Шмитт К. Понятие политического [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centurion-center.narod.ru/smidt.html> (дата обращения 29.09.2017).
10. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/101/101_67.htm (дата обращения 29.09.2017).
11. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание по поводу понятия Политического [Электронный ресурс]. – <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (дата обращения 29.09.2017).
12. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centurion-center.narod.ru/smidt.html> (дата обращения 29.09.2017).

УДК 316.42

ГРАЖДАНСКОЕ НЕПОВИНОЕНИЕ В МЕДИА: ОТ ГАЗЕТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ К БЛОГИНГУ СО СМАРТФОНА

Алексей Юрьевич Стрижов

*Главный специалист отдела маркетинга и связей с общественностью Технопарк «Анкудиновка»
аспирант*

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Медиа, как феномен объединяющий широкие массы людей, стал распространяться в 18-19 вв. Это было связано, в первую очередь, с развитием образования и технологии книгопечатания. Мир двадцать первого века шагнул далеко вперед - уже едва ли не позади остались традиционные средства коммуникации, односторонним трансляторам информации приходят сетевые модели общения людей друг с другом. Важные вопросы современности разоблачены: насколько сильное политическое влияние имеют сетевые медиа, как они меняют ход истории и почему безоружное гражданское неповиновение в условиях повсеместного медиа оказываются сильнее жестких мер сопротивления агрессии.

Ключевые слова: медиа, ненасильственная революция, фактор развития, информация, блогинг, социальные сети, цветные революции, интернет, журналистика.

CIVIL DISOBEDIENCE IN THE MEDIA: FROM NEWSPAPER JOURNALISM TO BLOGGING FROM SMARTPHONE

Alexey Yuryevich Strizhev

*Chief specialist of marketing Department and public relations
Technopark «Ankudinovka»*

*Postgraduate student,
Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod*

History of media began in 18-19th centuries, because that time was epoche of Enlightenment, new knowledges, invention of typography. Contemporary world of 21th century has a big progress in compare with that time. A lot of traditional means of communication lost in the 20th century. We see network-model of conversation in internet and we wouldn't like TV-model of informatization. Substantial questions of our epoch are: power of media in political sphere, media in historical progress, why non-violent civil resistance in internet healthier than real aggressive power.

Keywords: media, non-violent revolution, progress, information, blogging, social networks, colourful revolutions, internet, journalism.

Индустрия медиа прошла длинный путь развития от традиционного книгопечатания к современному блогингу в Сети. Но суть медиа неизменна: выступить в роли посредника между широкими массами людей. Иначе говоря, под «медиа» мы понимаем не одностороннюю трансляцию той или иной информации, но площадку для диалога между разными слоями общества.

Это не значит, что медиа не может быть носителем той или иной идеологии. Скажем, подъем национализма в Европе некоторые ученые связывают с распространением печати. Соответственно, в их категориях национализм в Европе складывается и проявляет себя впервые в 18-19 вв. [1, с. 132-134]. Вопрос о революционной силе медиа поднимают и современные специалисты в области социологии и теории революции.

Все чаще важным фактором в смене политических режимов оказывается медиа, распространяющие информацию о жертвах насилия по всему миру.

К этой практике прибегал еще Махатма Ганди, который активно привлекал иностранную прессу к обсуждению вопроса английского колониализма в Индии. Мир видел притеснение индийцев и не мог не реагировать на долетающие из Южной Азии истории.

Социолог Дуг МакАдам, изучая историю движения за гражданские права чернокожих в США, отмечает, что первые успехи притесненных стали заметны, когда мир увидел фотографии насилия со стороны полиции. Так ученый пишет о событиях в городе Бирмингеме: «Спустя несколько дней нехарактерной сдержанности, Коннор (шеф полиции Бирмингама – *прим. А.С.*) натренировал пожарных лошадей и спустил собак на мирных демонстрантов... Фотографии этих событий появились в газетах и журналах во всей стране и мире» [3, с. 70]. Это повлияло на решение федеральных властей вмешаться в дела южных штатов на стороне митингующих - США не были нужны упреки в расизме, которыми во время холодной войны вполне мог воспользоваться СССР [3, с. 70].

Сегодня, в эпоху развитых социальных сетей и мессенджеров, можно представить еще более легкий вариант “успеха” движения гражданского неповиновения у чернокожих - запечатлеть повседневное насилие на камеру смартфона, который постоянно находится при его обладателе, и отправить фотографию в Сеть.

Этот фактор не был учтен в Тунисе в 2010 году, когда языковой барьер (преобладающая франкоязычность) населения страны не помешал всему миру узнать о социальной напряженности на севере Африки через Facebook, что отмечает исследователь революций Джек Голдстоун: «Режим ввел жесткую цензуру на телевидении, радио, в газетах и на большинстве интернет-сайтов, но забыл о фейсбуке, который считал чем-то вроде светского развлечения» [2, с. 164].

Потому немного загадочным видится успех политики информационной изоляции Тибета властями КНР.

Глядя на перспективы развития революций, как формы преобразования общества, Голдстоун склоняется, что сегодня налицо движение в сторону ненасильственного типа изменения общества: “Многочисленные успехи «цветных революций» знаменовали появление убедительной новой модели ненасильственного сопротивления и смены режима” [2, с. 181]. На наш взгляд, это значит, что общество ведет внутри себя активный диалог - обсуждает насущные проблемы страны и мира, находит те точки соприкосновения, которые были бы близки людям разных национальностей, полов и классов.

В конце концов, все упирается в вопросы человеческой солидарности и толерантности, которые, конечно, не являются одинаково важными для всех граждан, но могут быть «необходимыми» составляющими образа «приличного человека» в Сети. «Нормальным» является проявление жалости, прощения, бескорыстия, которые достались европейцам, видимо, еще из христианства.

Главное революционное изменение в медиа как факторе политического изменения – превращение подвиг, притеснения и самопожертвования, во-первых, в информационный повод (статья, видео на YouTube, пост в социальных сетях), а во-вторых – в политическое высказывание, которое сам автор может не понимать до конца. Так, например, митинги против коррупции в России весной-летом 2017 года подчас правомерно называют за глаза «школьными», поскольку серьезное политическое высказывание произносили подростки, которые вышли на митинг, не обладая должным знаниями в области отечественной политики.

В 2017 году мы могли наблюдать в социальных сетях их фотографии из автозак и эпатажные комментарии. То есть перед нами полностью медийные (еще не революционные, но политически не индифферентные) события, которые существуют одновременно и в реальности, и в Сети.

Их отличает тяга к некоторому рода формализму, перформативности, что было свойственно и «цветным революциям» недавнего прошлого – ассоциация движения с определенными цветами («оранжевая революция» в Украине), предметами («революция роз» в Грузии, «революция тюльпанов» в Киргизии и др.). Возможно, белая лента в 2011 году или игрушка в форме утки в 2017 году – это варианты воздействовать на массовое сознание посредством образа.

Мир более, чем когда либо, пронизан иронией. И политическое высказывание – это в большинстве случаев именно ироничное высказывание. Телевизионные методы одностороннего обращения, видимо, уходят в прошлое - сегодня конкуренцию им составляют интернет-ресурсы, которые тоже постепенно превращаются в своих предшественников (youtube-каналы обрастают рекламой при воспроизведении видео, как на ТВ, раскрученные площадки выражения общественного мнения вытесняют финансово более слабые проекты и т.д.), но их количество и разнообразие дают надежду на то, что конкуренцию новым версиям все тех же телевизионных каналов составят стихийные явления. Например, количество людей, интересующихся жизнью того или иного известного медийного персонажа, может быть меньше, чем сообщество пользователей социальной сети, использующих определенный хэштег. Потому что транслятор тех или иных взглядов и ценностей привязан к ряду субъективных факторов (например, медийной личности надоело вести аккаунту в социальной сети), тогда как хэштег исчезнет только тогда, когда из Сети исчезнут все те, кто его использовал. В каком-то смысле можно сказать, что хэштег уподобляется мемам, минимальным единицам информации из работ Докинза, которые оказываются долговечнее, чем их переносчики, живые организмы.

Говоря о векторе дальнейшего развития медиа, как политического феномена, необходимо сказать и о том, что биологическая и политическая жизнь человека все чаще-и-чаще не различаются. Об этом, в частности, свидетельствует интерес философов к работам Мишеля Фуко и его последователей.

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
2. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 189 с.
3. McAdam D. The US Civil Rights Movement: Power from Below and Above, 1945–70 // Civil resistance & Power Politics: The Experience of Non-violent Action Gandhi to the Present. – 2009. – P. 58-74.

УДК 122

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Элла Александровна Григорьева
Магистрант кафедры философии
Вятского государственного университета

Статья посвящена рассмотрению понятия межкультурная коммуникация. Различие определений и подходов дает основание говорить о том, что целостной фундаментальной концепции до сих пор не существует, хотя современное состояние общества и процессы, происходящие в мире, требуют незамедлительного их осмысления.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, понимание, интеграция, теория.

ON ASPECTS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Ella Aleksandrovna Grigorieva
Undergraduate of the Department of Philosophy
Vyatka state University

The article is devoted to the concept of intercultural communication. The difference in definitions and approaches gives grounds to say that there is still no integral fundamental concept, although the present state of society and processes occurring in the world require their immediate interpretation.

Keywords: intercultural communication, understanding, integration, theory.

Актуальность исследования межкультурной коммуникации в современном мире обусловлена тем, что развитие коммуникационных процессов и повышенная социальная мобильность людей сегодня серьезно увеличивают количество межкультурных контактов. Как результат в науку вошло понятие «*межкультурная коммуникация*». Но на сегодняшний день можно говорить об отсутствии целостного представления об этом явлении, так как его изучают разные отрасли, что дефрагментирует и усложняет его понимание. О.А. Леонтович, например, отмечает, что «для нынешнего состояния межкультурной коммуникации характерны эклектичность и разногласия, отсутствие общих методологических оснований исследования, единых концептуальных подходов. Нет четко определенной теоретической базы, единства терминологии, исходных посылок, которые бы позволили представителям разных научных сфер и направлений достичь конструктивного взаимопонимания. Существует некоторая размытость в определении того, что считать межкультурной коммуникацией, неоправданное расширение границ межкультурной коммуникации или же, напротив, сведение ее к области лишь прикладных исследований» [6, с. 64]

Коммуникация — особая форма жизнедеятельности человека, поэтому исследование межкультурной коммуникации включает рассмотрение вопросов социального плана.

В своей теории коммуникативного действия немецкий социальный философ Юрген Хабермас пишет: «Чем лучше интегрировано в социальном плане большинство занятых, тем важнее становятся культурные факторы [9, с. 87]. В начале XXI в. такое понимание *межкультурной коммуникации* лежит в основе стратегий развития многих государств, включая и Россию.

Сегодня даже в повседневной жизни сложно самоустраниться от межкультурных контактов: мы сталкиваемся с представителями разных культур во многих сферах жизнедеятельности, соучаствуем в них. Стереотипы мышления и поведения, казавшиеся ранее универсальными, не позволяют уже эффективно строить общение, не гарантируют стабильности существования. В условиях постоянно меняющегося контекста и множественности ситуаций человечество испытывает кризис в плане мировосприятия и миропонимания. Априорные традиционные принципы уже гарантируют человеку правильную ориентацию в поликультурном мире. Несомненно, такая ситуация требует целостного философского анализа.

Современная тенденция развития мира - глобализация, привела к тому, что межкультурные контакты участились и стали более продолжительными. Для культурной антропологии межкультурная коммуникация — это отношение двух или более этносов в различных областях культуры. Согласно этому толкованию, межкультурная коммуникация подразумевает обмен между двумя и более культурами продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах. Ряд исследователей трактует это понятие, делая упор на

том, что она представляет собой общение. С. Г. Тер-Минасова оценивает межкультурную коммуникацию как общение людей, представляющих разные культуры. К этой же группе определений можно отнести формулировку В. В. Красных, которая указывает, что межкультурная коммуникация – это «общение представителей разных национально-лингвокультурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными когнитивными базами» [5, 96].

Другой подход используют авторы, которые выделяют в качестве важнейшего основания коммуникации понимание. Например, определение Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, согласно которому «межкультурная коммуникация – это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [2, с.26].

По мнению И.А. Самовар и Р.Е. Портер, межкультурная коммуникация – это коммуникация между людьми, у которых культурное восприятие символических систем различно [10, с. 70]. Чем больше партнеров из разных культур по коммуникации, тем больше различий в толковании символов. Таким образом, можно говорить о том, что понимание этого термина начинается с простого обмена предметами или информацией, затем усложняется необходимостью понимания и уяснения смысла. Сейчас межкультурная коммуникация выступает механизмом, «который позволяет осуществлять совместную деятельность по созданию общих ценностей, нового совместного познания и единого социокультурного пространства, где смогут полноценно развиваться и взаимодействовать представители различных культур, являясь членами единого мирового сообщества» [4, с.12]. То есть можно говорить об общности опыта человеческого бытия между представителями разных культурных традиций.

Наиболее широкий и комплексный подход к определению межкультурной коммуникации демонстрируют В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман и З. И. Кирнозе, которые полагают, что «всякая коммуникация содержит параметры межкультурности», а сама «идея межкультурной коммуникации рождается вместе с человеком» [7, с.4]. При этом они рассматривают межкультурную коммуникацию в узком и широком смыслах. *В узком смысле* межкультурная коммуникация – это межэтническая коммуникация. *В широком смысле* межкультурная коммуникация не сводится к коммуникации межэтнической, а включает «общение человека с Богом, природой, диалог личности и общества, взаимопонимание-непонимание различных социокультурных слоев», причем, как отмечают исследователи, «искать контакты приходится как отдельным людям, социокультурным слоям, возрастным группам, женщинам и мужчинам, поколениям, так и национальным сообществам». Далее ученые формулируют основополагающий тезис, на котором так или иначе строятся теория и практика межкультурной коммуникации, а именно: «межкультурная коммуникация – это встреча *своего* и *чужого*», и подводят основание для существования и сохранения *инаковости*, объективно разделяющей *своих* и *чужих*: в ходе межкультурной коммуникации «происходит пересечение геополитических, государственных, климатических, языковых и ментальных границ» [8, с.35].

Сегодня общество постепенно от индустриального идет к информационному. Как пишет О. Н. Астафьева: «То, что сегодня мы можем считать реальными проявлениями информационной культуры – это скорее только «зоны переходности» от одних коммуникативных форм к новым интерактивным взаимодействиям. Контуры инновационных технологий очевидны на всех социокультурных уровнях, влияют на образование разных культурных пространств, которые «движутся» в социуме с разными скоростями и по разным траекториям» [1, с. 50]. Таким образом, межкультурная коммуникация обретает в новых условиях черты, где фиксируется изменение как самих коммуникативных средств, так и участников коммуникации. Исследователь А.В. Костина пишет: «в современном общественном пространстве массовизированный индивид сосуществует, выполняя специфические функции, не только с коллективной личностью, но – главное – с индивидуализированной личностью, обладающей способностью не только стабилизировать общественные системы и не только сохранять накопленный веками потенциал культуры, но и производить новые смыслы и значения, создавать прецеденты, преодолевать границы познания и способностей, мыслить и действовать парадоксально» [3, с. 94].

Впервые термин «*межкультурная коммуникация*» был употреблен американским лингвистом Эдвардом Т. Холлом в 1954 г., когда вышла его статья в соавторстве с Д. Трэгером «Культура как коммуникация». В конце 1970-х годов он уже постоянно использовался в различных областях знания, когда сформировалось научное направление, занимающееся изучением информационных и поведенческих неудач и их последствий в контексте межличностного межкультурного общения. Признание особой роли культуры в формировании человека постепенно расширили исследовательское поле за счет перехода от изучения одной культуры к многим, отказа от европоцентрического подхода и признания абсолютной ценности разнообразия мировых культур.

Анализируя подходы и толкования явления межкультурной коммуникации, можно говорить о некоторых трудностях в понимании данного понятия:

- 1) существование «своих» определений в каждой из отраслей, изучающих данное явление,
- 2) рассогласование ключевых терминов, когда в основу определения каждая наука закладывает свои фундаментальные понятия,
- 3) отсутствие интегрирующего начала,
- 4) наличие огромного количества определений терминов «культура» и «коммуникация», толкование которых непосредственно влияет на понятие «межкультурная коммуникация».

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Ситуация культурной полифонии является результатом сосуществования множественности в единстве, что дает надежду на то, что целостная теория

межкультурной коммуникации будет рано или поздно сформулирована. В онтологическом плане межкультурная коммуникация обеспечивает постоянный прирост смысла за счет обширных полей несовпадения.

Литература

1. Астафьева О.Н. Информационно-коммуникативная доминанта современной культуры // Культурные трансформации в информационном обществе. Сб. науч. Статей. – М.: Моск. гуманит. ун-т, 2006. – 496 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Костина А.В. Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 288 с.
4. Костюк О.В. Межкультурная коммуникация в процессе глобализации современного мира: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2002. – 36 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность.– М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Леонтович О.А. Теория межкультурной коммуникации в России: Состояние и перспективы. Теория коммуникации и прикладная коммуникация // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – 2002. – Выпуск 1. – С.63-67.
7. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 260 с.
8. Мошняга Е.В. Концептное пространство межкультурной коммуникации в системе международного туризма. – М.: Московский гуманитарный университет, 2011. – 463 с.
9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г. – М.: Наука, 1992. – 175 с.
10. Samovar L.A., Porter R.E. Communication between Cultures. – Belmont, 1991. – 330 p.

УДК 1:316:378

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Ирина Олеговна Воронина

Аспирант кафедры философии

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Тимур Маратович Хусьяинов

Аспирант кафедры философии

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Менеджер департамента социальных наук

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Из-за перемен, которые пришлось пережить нашей стране, системе образования тоже пришлось претерпеть множество изменений. Эти изменения были, зачастую, революционного характера. Резкая смена парадигмы, попытки копировать зарубежный опыт, потеря ценности образования и многие другие проблемы вызывают опасения. Состояние образования на сегодняшний момент заставляет очень сильно задуматься, насколько полезной была эта революция, к чему привели столь резкие изменения и “выплывет” ли наше образование в волне резких и постоянных перемен или все же стоило развивать его с точки зрения плавной эволюции. Отдельный вопрос в этой ситуации возникает по поводу педагога и его судьбы после революции. Какие изменения придется претерпеть этой важной профессии и останется ли в ней хоть что-то классическое и человеческое или все перейдет в цифровой мир.

Ключевые слова: Эволюция образования, революция образования, информатизация образования, университет, высшее образование.

HIGHER EDUCATION: EVOLUTION AND REVOLUTION

Irina Olegovna Voronina

Postgraduate of Department of Philosophy

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Timur Maratovich Khusyainov

Postgraduate of Department of Philosophy

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Manager of Department of Social Sciences

National Research University "Higher School of Economics"

Russia had to go through many changes, so the education system is also very different. These changes were revolutionary. The paradigm shift, the copying of foreign experience, the loss of the value of education and many other problems raise concerns. The position of education at the moment makes us think how useful this revolution was. Sharp changes are useful or development should be smooth. A separate issue in this situation arises about the teacher and his fate after the revolution. What changes await this profession, it will remain the same or go to the digital world.

Keywords: education evolution, education revolution, computerization of education, university, higher education.

Современная система образования в контексте происходящих изменений в обществе (Четвёртая промышленная революция, глобализация) претерпевает большое количество различных трансформаций под действием внешних факторов. В то время как на протяжении Советского периода эти изменения были достаточно “плавными”, существовала преемственность, то после распада СССР начались глобальные перемены, реформы как формы, так и всей системы образования в целом. На всех уровнях образования можно наблюдать процесс информатизации [4].

Высшее образование подверглось наибольшему изменению [3], так как теперь требования к выпускнику существенно изменились, в силу трансформаций на рынке труда, появления новых профессий и сфер трудовой деятельности, которые быстро развиваются и набирают популярность.

При этом российские университеты не всегда готовы предложить своим абитуриентам актуальные знания по востребованным профессиям, эта ситуация требует серьезного внимания и изменений.

В качестве мер по представлению наиболее актуальной информации университеты приглашают зарубежных лекторов, используют системы Массовых открытых онлайн-курсов (МООК) от ведущих университетов мира, а также активно практикуют стажировки и международный обмен студентов.

При этом, в случае студенческого обмена или приглашения лектора могут возникать трудности не только языкового характера, но и сложности в коммуникации на основании различий в культуре или доминирующей научной парадигмы.

Говоря о дистанционных формах обучения, к которым относятся МООКи, стоит отметить, что использования различных технических средств - западный путь организации (теле- и радио-лекции, в то время как в СССР большее распространение получили заочные отделения и курсы повышения квалификации [5]), которые затем вылились в создание полностью виртуальных учебных заведений, среди которых можно выделить, например, Открытый университет в Великобритании [2]. В современной России данные формы становятся все менее востребованными, уступая западным формам обучения. При этом сама система не была в полной мере готова к перемене формата, что привело к нивелированию самого подхода и жесткой критики со стороны как самих преподавателей, так и методологов и ученых [6].

Резкое внедрение подобных мер оказывает заметное влияние на всю систему высшего образования в целом, и на отдельных участников этого процесса. В то время как одни студенты получили больше возможностей для саморазвития и самореализации [1], другие же ориентируются лишь на формальное подтверждение полученных знаний. Так же и преподаватели, в то время как для одних чтение лекции для студентов неотъемлемая часть учебного процесса, другие предпочитают, записав их один раз, проводить лишь практические занятия. Однако резкие перемены нарушают устойчивость образовательной системы, что может негативно сказаться на всех участниках, лишив одних шансов на получение образования, а других возможности работать и доносить знания.

Можно сказать, что в Советском Союзе была “логичная эволюция” образования с осознанием целей этого образования. А во время Перестройки образовательной системе пришлось пережить революцию. И кажется, что до сих пор мы с трудом справляемся с ее последствиями и исправляем результаты внедрения новых элементов, которые не прижились. И эти изменения ведут к новой революции, многие высказывают мнение о необходимости перехода образования от авторитарного и трансляционного к посредническому (преподаватель - лишь посредник). Подобные изменения требуют кардинальных перемен в стиле работы современного педагога. При этом есть опасность, что сама педагогическая профессия потеряет актуальность и исчезнет, уступив место более технической и методической работе, возможно, под оболочкой преподавателя.

Рассматривая понятия эволюции и революции, особенно по отношению к образованию, напрашивается аналогия с двумя известными способами обучения плаванию: “Одних детей учат плавать постепенно, а других сразу кидают в воду”. Если образование в стране развивается планомерно, исходя из национальных особенностей, потребностей государства и общества, то все новые веяния появляются постепенно и внедряются плавно. Если же система образования внезапно решает внедрить опыт других стран, это можно сравнить с киданием в воду не умеющего плавать - не известно выплывет он или нет.

Литература

1. Воронина И.О., Хусяинов Т.М. Информатизация образования в контексте эпохи постмодерна // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сборник научных статей / под общ. ред. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2017. – С. 46-48.

2. Гаряева Э.А. Дистанционное образование на примере открытого университета Великобритании // Проблемы применения современных информационных технологий: материалы 4-й региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов, Екатеринбург, 27 апреля 2011 г. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2011. – С. 19-22.
3. Дорожкин А.М., Савруцкая Е.П. Основные проблемы развития современной системы образования: Философский анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2013. – №2(30). – С. 73-78.
4. Павлова Я.В., Сакович С.И. Плюсы и минусы информатизации образования // педагогический профессионализм в образовании: Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию НГПУ. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2015. – С. 142-147.
5. Хусяинов Т.М. История развития и распространения дистанционного образования // Педагогика и просвещение. – 2014. – № 4. – С.30-41. DOI: 10.7256/2306-434X.2014.4.14288
6. Чупров Л.Ф. Российское дистанционное образование - "философский камень" современности // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – №7. – С. 69.

УДК 165.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТА В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Ирина Валерьевна Горелова

Кандидат экономических наук

Волгоградский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ответ на вопрос, кто или что является объектом управления в социально – экономической системе любого масштаба, помогает объяснить происходящее в государстве. К сожалению, в России ответ на этот вопрос за последние сто лет (а точнее, за всю историю российского государства), несмотря на смены формаций и режимов, не изменился. Рассматривая человека в качестве объекта управления в противовес компетентностному подходу, Россия рискует никогда не выйти на новую ступень развития. Такое отношение порождает целый спектр отрицательных элементов в системе трудовых (и не только) отношений. Здесь следует искать и истоки формирования человеческого антикапитала. В статье определяются последствия дифференцированного подхода к человеку как объекту управления в национальной и зарубежной практике. Компетентностный подход, который внедряется на всех уровнях управления в России, в силу некорректности, неадекватности перевода превращается в симулякр. На деле компетентностный подход в управлении означает иной взгляд на объект управления, в качестве которого выступают качества, необходимые для конкурентоспособности системы (предприятие, государство).

Ключевые слова: объект управления, компетенция, компетентность, русская модель управления, человеческий капитал.

THE TRANSFORMATION OF THE OBJECT IN THE NATIONAL SYSTEM OF MANAGEMENT

Irina Valerievna Gorelova

Candidate of economical sciences

Volgograd Institute of management, branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The answer to the question, who is the object of management in the socio – economic system, helps to explain what is happening in the state. Unfortunately, in Russia the answer to this question for the last years, despite the changing formations and regimes has not changed. Considering man as the object of management in contrast to the competence approach, Russia is risking to never get to a new stage of development. This attitude engenders a range of negative elements in the state. Here we should seek the origins of human anticapital. The article defines the consequences of the differentiated approach to the person as the object of management in the national and foreign practice. Competence - based management approach that is being implemented at all levels of government in Russia, because of the incorrectness, inadequacy of translation the term into a simulacrum. In fact competence-based management approach implies a different view of the object of management, which are qualities necessary for the competitiveness of the system.

Keywords: object management, the competence, the Russian management model, human capital.

Автор этих строк, работая в высшей школе, задает вопрос вновь приходящим студентам, что было раньше, коммунизм или социализм. Ответ поражает: в восьми случаях из ста оказывается, советские граждане жили при коммунизме, а строили социализм. Респондентов не смущает, что страна, в которой жили их родители, называлась Союзом Советских *Социалистических* Республик. Откуда такое отношение к недавнему прошлому? Не вдаваясь в результаты исторической рефлексии, можно констатировать, что налицо разрыв в системе преемственности поколений. Проходя сложный исторический период, было утеряно много положительного, что позволяло обеспечивать контакт поколений. Никто и не заметил, как кануло в Лету понятие «товарищ», помогающее контактировать и выстраивать межличностные отношения (теперь замену находят в понятиях, отражающих половой признак). А термины «коллектив» и «команда», которые являются краеугольными в современных подходах к управлению на Западе, оказываются невостребованными нашими управленцами. При этом «тимбилдинг» мы предпочитаем «командообразованию», «менеджмент» – «руководству». Все происходит на фоне неизменного отношения к человеку как объекту управления.

По опросам российских руководителей, объектом управления в системе любого масштаба и назначения, признается человек (люди). [2] Заметим, не компетенции, навыки, способности, которые можно идентифицировать, оценить. На уровне предприятий такое понимание объекта управления проявляется в невозможности грамотно выстроить трудовые отношения. Формально, заключая трудовой договор, одна сторона отношений «продает» именно их, а не себя, «носителя» указанных элементов. Понять это тяжело, так как исторически в России довлеет «психология крепостного». Смена режима, исторических взглядов и элит не меняет ничего для человека труда. Отсюда высокий уровень моббинга и буллинга, которые на Западе рассматриваются как преступления против личности и закреплены в качестве таковых в законодательных актах. У нас это распространенное явление, значение которому не придается, о закреплении в законодательстве речь даже не идет.

Добавляют к сказанному представленные ниже характеристики «русской модели управления» [2]:

- централизация власти с тенденциями к её абсолютизации;
- изначальная стратегичность при недостатке рациональности и практичности;
- доминирование контура власти над контуром управления (сильная недоразвитость последнего);
- авторитаризм управляющих при безынициативности и уходе от ответственности управляемых;
- первые лица на всех уровнях не вписаны в общие законы и правила, и находятся над системой;
- мобилизационность, нескритичность к ресурсам (ориентация на результат, а не на эффективность);
- нестандартность мышления и непредсказуемость решений и действий управляющих;
- самоорганизация исполнителей под решения управляющих;
- большая дистанция между управляемыми и управляющими, поддерживаемая с обеих сторон.
- рост эффективности управления только при усилении внешнего давления (отсутствие внутренних источников роста эффективности).

Изменение взгляда на человека как объекта управления через призму компетенций, дает совершенно иной результат. Взгляд на человека труда как носителя компетенций способствовало развитию на Западе положений компенсационного менеджмента, который предполагает формирование системы знаний об оплате компетенций, востребованных в трудовом процессе для установления и начисления справедливой зарплаты. Понимая под объектом управления человека, современный руководитель подтверждает тем самым сохранение в стране крепостных традиций.

Сегодня в России насаждается компетентностный подход в образовании (в высшей школе все образовательные модули и программы составлены с их учетом), в трудовых отношениях (формирование системы профстандартов). А ведь мало кто из разработчиков понимает суть указанного подхода, поэтому понятие «компетенция» принадлежит к особому рода симулякрам в современном русском языке. СПС «КонсультантПлюс» выдала по одноименному запросу 1000 официальных документов, где исследуемое понятие употреблялось как синоним полномочий тех или иных органов власти. Такой же точки зрения придерживаются и авторы большинства словарей. Этимология рассматриваемого понятия восходит к латинскому *competentia* - «принадлежность по праву». Используется во французском языке с конца 18 века в значении полномочие как подтвержденное право, правомочие. В середине 19 века начинает использоваться для обозначения круга вопросов, в которых кто-либо разбирается профессионально, со знанием дела. Первая часть слова (префикс *com-*) предполагает, что компетенция как полномочие должна быть подтверждена (законом, административным актом, доверенностью). Вторая часть слова (корневая основа *petere-*), что компетенция как полномочие не может появиться без усилий, она должна быть достигнута. В английском языке глагол *compete* означает конкурировать, соперничать, состязаться против кого-либо. Соответственно «компетенция» - обладание качествами, необходимыми для конкурентоспособности. Примечательно, что в современном английском языке понятие «компетенция» (*competence*) означает достаток, материальное обеспечение: обеспечить семью компетенцией значит обеспечить достойное материальное положение [3]. В современном менеджменте компетенцию преимущественно определяют как некую «комбинацию знаний, умений, навыков, мотивационных факторов, личностных качеств и ситуационных намерений, которая обеспечивает эффективное решение исполнителем задач определенного класса в определенной организации, на определенном месте, в определенном коллективе» [1, с. 146], а компетентность как «основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека». Таким обра-

зом, «компетентность» неотделима от личности, тогда как «компетенция» - характеристика рабочего места и/или производственной задачи. При этом следует помнить, что (1) компетенция (компетентность) - это качество или свойство, имеющее отношение к профессиональной деятельности. То, что не имеет отношения к профессиональной деятельности, компетенцией (компетентностью) называться не может. Компетенцией (компетентностью) можно называть только то, что можно сознательно изменять (2). В России как ответ на происходящее процветает прекариат - трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты нанимателем в любое время со всеми вытекающими последствиями (понятие произошло путем сложения слов proletariats и precarious (от лат. precarius – полученный просьбами, вверивший себя другому)). Такое отношение порождает целый спектр отрицательных элементов в системе трудовых (и не только) отношений. Здесь следует искать и истоки формирования человеческого антикапитала.

Литература

1. Овчинников А.В. О классификации компетенций // Организационная психология. – 2014. – Т. 4. – №4. – С. 145–153.
2. Особенности управления изменениями в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ridero.ru/books/osobennosti_upravleniya_izmeneniyami_v_rossii_read/ (дата обращения 12.11.2016).
3. Фокин Н.И. Экономика: В начале было Слово [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary-economics.ru/word/Компетенция> (дата обращения 06.10.2017).

УДК 177.5

УТОПИИ И АНТИУТОПИИ АВАНГАРДА: ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ КАК ВЫБОР МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И ЭВОЛЮЦИЕЙ

Мариям Равильевна Арпентьева

Доктор психологических наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Современность XX века, эпоха модерна и постмодерна, традиционны и а-традиционны: начиная с авангарда традицией стало разрушение традиций. В статье автор раскрывает противоречивый смысл авангарда как утопического и дистопического, трансгрессивного и трансцендентного революционного и эволюционного феномена. Творчество означало для авангардистов устремлённость в будущее. Поэтому авангарду в целом характерен утопический, жизнестроительный (и гораздо реже – дистопический, жизнеразрушающий) пафос и левая идеологическая окраска (русский футуризм и конструктивизм, немецкий экспрессионизм, сюрреализм). Как «искусство революции», авангардизм в первой половине XX века признан в странах, победивших тоталитарный режим «антинародной» и «формалистической» тенденцией. Однако, подвергнут осуждению он и во многих странах, где этот режим бы принят – как «дегенеративное искусство». Таким образом авангард есть искусство «против всего и всех», отражение принципа «тотального искусства», безграничного и неотличимого от жизни, эмерджентного и появляющегося в любом месте и времени. Современность, постмодерн определяется как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после «смерти Бога», то есть – традиций и твердых, однозначных основ. Это время революций во всех сфера бытия человека, и, вместе с тем, время и место эволюционного развития: точка бифуркации, перемен в отношениях человека с собой и миром, в котором неприятие и отчуждение сочетается с приятием и превознесением, с «играми на понижение и на повышение», верой в будущее и изменения и с неверием и ощущением невозможности перемен тупика. Авангард есть попытка «последнего исследования», парадоксально множественная в своей «последней попытке» понять себя и мир как доступные пониманию: продвинуться от *fin mot* к *mot de la fin*.

Ключевые слова: авангард, революция, эволюция, утопия, дистопия, трансгрессия, трансценденции.

UTOPIA AND DISTOPIA OF THE AVANGARD: TRANSGRESSION AND TRANSCENDENCE AS A CHOICE BETWEEN A REVOLUTION AND AN EVOLUTION

Mariam Ravilievna Arpentieva

DSc in Psychology, Associate Professor

Kaluga State University

The modernity of the twentieth century, the era of modernity and postmodernity, are traditional and a-traditional: since the avant-garde tradition has become the destruction of traditions. In the article the author reveals the contradictory meaning of the avant-garde as a utopian and dystopic, transgressive and transcendental revolutionary and evolutionary phenomenon. Creativity meant for avant-garde aspiration for the future. Therefore, the avant-garde as a whole is characterized by a utopian, life-building (and much less often, - dystopic, life-destroying) pathos and leftist ideological coloring (Russian Futurism and Constructivism, German Expressionism, Surrealism). As «the art of the revolution,» avant-gardism in the first half of the twentieth century was recognized in countries that defeated the totalitarian regime as an «anti-popular» and «formalistic» tendency. However, he is condemned in many countries, where this regime would be accepted - as «degenerative art». Thus, the avant-garde is an art «against all and all», a reflection of the principle of «total art», boundless and indistinguishable from life, emergent and emerging at any place and time. Modernity, postmodernism is defined as the era of nihilism, magical consciousness, the era that came after the «death of God», that is, traditions and solid, unambiguous foundations. Postmodernity is the time of revolutions in all spheres of human existence, and, at the same time, the time and place of evolutionary development. It is the point of bifurcation, changes in a person's relationship with himself and the world in which rejection and alienation are combined with acceptance and exaltation, with «to increase, «by faith in the future and changes, and with disbelief and a sense of the impossibility of changing the impasse. Avant-garde is the attempt of the «last study», paradoxically plural in its «last attempt» to understand itself and the world as accessible to understanding: to move from «fin mot» to «mot de la fin».

Keywords: avant-garde, revolution, evolution, utopia, dystopia, transgression, transcendence.

История искусства СССР как одного из наиболее политизированных сообществ в истории человечества XX века, по мнению исследователей, часто выглядит как история «партийной» борьбы. Особенно очевидно это становится при взгляде на отечественное искусство советского периода, рассматриваемое как перманентное противостояние официального искусства и авангарда, а также – искусства «для тела» и «для души». Современность XX века, эпоха модерна и постмодерна, традиционны и а-традиционны: начиная с авангарда традицией стало разрушение традиций. Российский традиционализм играет и продолжает играть важную роль в контексте исторического развития страны, современного состояния государства и общества, особенно перед лицом старых и новых геополитических и геокультурных угроз XXI века. Однако, в настоящий момент угрозе подвергается сам традиционализм: начало этому положено уже в середине XX века авангардистами. Переживание угрозы традиции и стремление разрушения традиции отражается в утопиях и антиутопиях. Современность, постмодерн определяется как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после «смерти Бога»: «Мир для нас скорее еще раз сделался “бесконечным”, поскольку мы не можем ему отказать в возможности заключать в себе бесконечные толкования» [27]. В магическую эпоху повсеместного варварства, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности общество пришло к идее социального использования, потребления, неразрывно связанного с экзистенциальной опустошенностью и нереализованностью, тревогой разрушения /смерти и потери/лишения, которую люди пытаются осмыслить и/или преодолеть, создавая все новые утопии и антиутопии [15; 23; 25; 30]. В зарубежном и особенно отечественном модернизме создание социальных утопий разного уровня и типа связано с «эсхатологическим беспокойством» о катастрофичности бытия и истории человечества в целом, с критикой позитивистской картины мира, отрицающей духовные смыслы бытия и отрицания прогрессизма как согласия на развитие социума, не ведущее к возникновению нового качества его бытия. Переживания трансформации социального бытия и социальных катаклизмов, критика современных путей развития человечества и человека, исчерпанности прежних идеалов жизни и прежних целей социального бытия, кризис гуманистических ценностей стали основой возникновения негативных утопий и псевдоутопий: особенно – Апокалипсиса как Божественного суда над заблудшим «не туда» миром. Эсхатологизм выступал при этом то как «умеренный» историософский негативизм, то как радикальный апокалиптизм., то как попытки осмыслить задачи трансформации как становления новой формы отношения человека и Бога: богочеловеческого делания, сотрудничества Бога и человека [3; 13; 19; 34; 38]. В последнем смысле «жало» утопии притуплялось, она становилась вариантом «благой эсхатологии», ведущей не столько к катастрофе, сколько – через катастрофу и страдание индивидов и масс, коллапс сообществ, к преображению, спасению как «Царству Божию на земле», снятие «рубашки» «ветхого человека», активировав внимание к проблеме апокатастасиса и возможностям превращения государства в церковь, проблематике софийности бытия, Богосозданного мира. Однако, и «благая» эсхатология не избежала описания периодов «катастрофических взрывов», «пришествия Антихриста» или полного растворения обретшего «ветхость» бытия [39; 5].

Художник, творец, еще во времена французской революции, понимался как человек, использующий искусство для пропаганды передовых, нетрадиционных идей. Даже само понятие авангарда в его художественном значении вышло из утопических и анархических идей и уже в начале XX века было тесно связано с политическим противостоянием или инновациями (модернизм). В культуре авангарда, «захватившей» в себя идеи, названные далее, идеями постмодерна, темы утопий и эсхатологические мотивы обретают иное содержание. В них Бог ушел из сознания людей, единая ценностно-смысловая канва жизни распалась: Апокалипсис наступил и слуги Антихриста строят его царство на Земле. Футуристические прозрения авангарда

в соединении с попытками поиска роли человека в истории приводили к созданию проектов «антиутопий», деклариовавших тотальное разрушение основ прежнего мира, общества и культуры, разрушение культурной трансмиссии как разрыв с традицией, изменения форм бытия, побуждавших мыслителей рассматривать его уже не как историю бытия, но как историю эсхатологии, игнорируя «здесь и сейчас», реальность жизни, так резко обесценивающуюся перед лицом активного самоуничтожения цивилизации. Пафос футуризма и конструктивизма сосредоточился на критике сначала индустриальной, а затем и информационной цивилизации, а также поиске духовно-нравственных опор существования в эпоху наступающего Апокалипсиса: ответственности человека за себя и все бытие [12; 9]. «Утопия» как «евтопия», вариант «эсхатологии спасения», развивалась в контексте религиозно-философской мысли эпохи модернизма. Она же – сохраняет себя и в постмодерне с той разницей, что созерцание наступления, страданий человека и человечества мыслителями постмодерна воспринимается уже менее утопично и более – «эсхатологично»: евтопический сценарий оказывается типичным далеко не для всех. Кто-то выбирает страдание и дальнейшее падение: отказ от нравственного выбора и попытка сохранить приверженность «дигитальной» нравственности симулякрам. Кто-то продолжает «работу против Бога» в надежде снискать как можно больше земных благ, отказываясь от нравственности как таковой ради идеологии «экономического гангстера» и сиюминутного успеха, защищающего и творящего симулякры бытия [12; 9; 29]. Немногие – ищут основы воссоздания нравственных основ, новой церкви [5].

Авангард в СССР предвосхитил эти течения, сделав собственный выбор: от отчуждения и иммиграции до разделенного страдания народа, лишившего себя духовных ценностей ради этих же ценностей. Парадоксальность авангарда середины XX века именно в том, что он был и политическим, и духовным. Там, где целью была личная выгода и успех, он выливался в политическое противостояние, на котором и сейчас можно много «заработать». Ни утопии, ни дистопии, эту группу авангардистов не волновали. Симуляция носила характер тотальной: именно тогда кич называли искусством. Там, где целью было духовное преображение, авангард шел навстречу – судьбе своего народа, от утопии к дистопии и опять – к утопии.

Злоупотребление революционными переходами и игнорирование эволюционных отражает страх человека, группы и общества перед изменениями: игру трансценденции и трансгрессии, сопровождающих, соответственно, эволюционные и, революционные преобразования. Трансценденция является формой самосознания людей и групп, которые движутся в сторону саморазвития, самосозидания, самоутверждения. Человек и народ движется в сторону потребности быть кем-то и становятся – «кем-то», обретают общечеловеческую, культурно-специфическую идентичности, позволяющие гармонично взаимодействовать с другими «кем-то», поскольку идентичности и сам народ говорят что он существует: бытие утверждается, подтверждается, и, таким образом, может развиваться. Трансгрессия – в сторону саморазрушения и самоотрицания: «Перед нами не просто способ мысли, но способ изживания мысли, которая, пытаясь уловить себя в движении тотальности, невероятным образом норовит опередить самое себя в самодвижении к абсолютному, чтобы наблюдать собственную смерть» [7, с. 28]. Ж. Батай описывает своеобразное движение индивидуального и группового субъекта в пространстве этого дискурса: «он (человек – А.М.) изживает эту мысль до предельной крайности». «Систематическое принуждение себя к тому, чтобы ощущать свою отвратительность» [33, с. 34, 36, 226]. Отсутствие идентичности и развал народа и личности фиксируют момент уничтожения и самоуничтожения: бытие отрицается, исчезает, и, таким образом, не может более не только развиваться, но и существовать.

Вообще говоря, трансценденция также является трансгрессией, но продуктивной, «трансгрессия сама по себе не является положительным или отрицательным явлением. Это один из механизмов приспособления к новым условиям существования, которые позволяют человеку или обществу выживать в сложных условиях гетерохронии или гетеротопии» [40, с. 228]. «Не пытаюсь протестом, отталкиванием, он должен научиться жить в мире, т. е. найти мир, найти свое место в мире, найти тишину и согласие, в котором способно осуществиться человеческое существо» [33, с. 34]. Таким образом, теоретически существует переход между ними: условия трансформации «конструктивного» в «негативное», например, хорошо знакомая авангарду и ставшая причиной крушения многих авангардистских течений и школ чрезмерность [2; 6; 8; 4; 35].

Р.В. Леушкин отмечает, что «В качестве ключевых характеристик социальной реальности выделяют аутонарративность и трансгрессивность, обыденная реальность имеет естественный и самоорганизующийся характер, а условия ее существования укоренены в самой жизни человека» [24, с. 98]. Однако, в разные эпохи и в разных странах «разброс реальностей» внутри реальности, мера лоскутности и территории культурно-смысловых и нравственно-идеологических «фронтиров» как зон между освоенным и неосвоенным человеком миром, различны [21; 22]. Возникают блуждающие или «мерцающие» границы. «Слово, по выражению П.□Клоссовски, ставшее «схватыванием убегающего бытия» [18, с. 84], и есть ... блуждающее слово» [37, с. 99], которое создает искрящиеся и взрывоопасные тексты, которые являются «средством освобождения человеческого сознания». Сознание здесь освобождается от власти заданных теми или иными дискурсами траекторий смыслообразования, получает возможность смещать и перемещать перспективы. «По А. Шюцу, смысловой градиент любой интенции состоит из темы – области релевантности, схемы – набора наличного знания и горизонта – области доступной типизации» [42, с. 26]. На смену рационализму и монолоскутности приходит мистицизм и множественность смысловых лоскутов [28, с. 160].

Вообще говоря, «трансгрессия нарушает пределы, но не возвращается затем в привычный мир, она открывает путь в неизведанное. «Любой прорыв в познании чего-либо, в раскрытии тайны, всегда связан с

выходом за границы, с преодолением запрета» [14, с. 12]. А потому «любое открытие... есть трансгрессия, поскольку является выходом за пределы известного, понятного». Чаще всего результат новаторства не получает поддержки и подтверждающего одобрения, но со временем то, что было или казалось недопустимым, и даже преступным, может стать новой нормой [17, с. 96]. На этом, в частности, основано действие «окон Дж. Овертона»: в определенный момент в определенном месте – «окне» – возможен смысловой сдвиг, а серия таких смысловых сдвигов способна превратить преступление не просто в норму, но даже героизм или иной атрибут «избранности», социальной элитарности. «Однако же «преступление предела не есть его отсутствие» [8, с. 420; 17, с. 97; 16, с. 76], и потому ключевым моментом здесь является тот факт, что в результате трансгрессивного нарушения закона социальный мир не разрушается, но продолжает существовать, поскольку после точечного, конкретного акта трансгрессии человек возвращается в стабильный мир законности, который невозможно пошатнуть единичным нарушением закона», по крайней мере, полностью и сразу, для всех.

Авангард, при всей его масштабности, не ставил целью и не был способен превратить единичный процесс и стремление к дистопии в общую повседневность. Однако, он ввел их в «игру» повседневности как типические способы организации и осмысления опыта [41; 1]. Авангардизм направлен на поиск и развитие новых путей и форм в искусстве, это тенденция экспериментов. Ему присуща абсолютизация революции как творчества, в которой открывается новая и более «истинная» реальность: в этом смысле он связан с модерном, его поисками новизны как истинности и, вместе с тем, парадоксальный внешне разрыв формы и содержания искусства: рассогласование духовного смысла, реальностей искусства и жизни, новая прагматика, подмена ценностей: художественные сменяются эстетическими, а эстетические – спекулятивными. Неудивительно поэтому, что при неизменном антитрадиционализме, выступающей отправной точкой, авангардизм не представляет организованной и последовательно выстроенной системы эстетических и смысловых постулатов. Он характеризуется подвижностью границ и «плюрализмом», сосуществуя как набор тенденций и школ, в виде многочисленных направлений, воплощающих собственные программы, ценности и антиценности. Принципу реализма как воссоздания и проектирования внешнего и внутреннего мира человека в понятных всем и жизненно достоверных формах, персонажах, нарративах, авангардизм противопоставил идею эстетической деформации, всевозможных типов алогизма и гротеска, в наиболее радикальных проявлениях приводящую к подмене творческого акта символическим жестом, отображающим неприятие устойчивых норм, мира и себя: чрезмерная зашифрованность (либо отсутствие) сюжета, конфликтные соотношения формальных элементов, слияние разновременных пластов, мифологизация реальности, транскультуральность (использование «языков» иных культур, психически больных и непрофессионалов, детей и стариков). Демонстрируя ограниченность и неполноту традиционной картины действительности (экспрессионизм, абсурдизм, чёрный юмор и т.д.) и подменяя её миром подсознательных, сверхсознательных и вседорефлективных переживаний и представлений (сюрреализм) авангард был протестом, протестом революционным, трансгрессивным [10; 11; 26]. Для того, чтобы стать чем-то иным, он вынужден был «пояснять» себя манифестами и т.д. «Документирование» же превращало новое и непонятное в понятное, формировало основы трансценденции, к которой и склонялись наиболее талантливые авторы позднее, после периода «бурь и метаний». Отказавшись от эстетической автономности искусства, авангардизм ввел идею искусства как социального действия, как психологической терапии, в том числе, «шокотерапии» (футуризм, дадаизм), в предельных случаях вообще отказываясь от эстетических опосредований во имя спонтанности (примеры – автоматическое письмо у сюрреалистов, «слова на свободе» у Ф. Т. Маринетти, «искусство прямого действия» и т.д.): все они пытались взорвать мир «серой предопределенности», традиционализма как основы бытия «маленького человека», пробудить этого человека сделать шаг к собственному развитию, стать «большим человеком». Поэтому понятна важность идеи произведения как импровизационного текста, открытого для разных интерпретаций, римейков, вовлекающих «потребителя» в процесс сотворчества с автором, трансформирующих потребителя в со-творца. В этой «открытой системе» воплотилось намерение авангардизма разрушить границы между искусством и жизнью, произведением и публикой, вывести искусство в «массы», в жизнь. Для этого искусство кидалось и стороны в сторону: от «театрального театра» и иных «чистых искусств» самих по себе к коллажам, инсталляциям, синестезиям и смешению жанров и форм. Творчество означало также устремлённость в будущее, авангарду в целом характерен утопический (реже – дистопический, жизнеразрушающий) жизнестроительный пафос и левая идеологическая окраска (русский футуризм и конструктивизм, немецкий экспрессионизм, сюрреализм). Как «искусство революции», авангардизм в первой половине XX века признан в странах, победивших тоталитарный режим «антинародной» и «формалистической» тенденцией, также как и во многих странах, где этот режим бы принят – как «дегенеративное искусство». Т.о., авангард – искусство «против всего и всех», отражение принципа «тотального искусства», безграничного и неотличимого от жизни, эмерджентного и появляющегося в любом месте и времени [31; 32; 36].

Итак, современность, постмодерн определяется как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после «смерти Бога», то есть – традиций и твердых, однозначных основ. Это время революций во всех сферах бытия человека, и, вместе с тем, время и место эволюционного развития: точка бифуркации, перемен в отношениях человека с собой и миром, в котором неприятие и отчуждение сочетается с приятием и превознесением, с «играми на понижение и на повышение», верой в будущее и изменения и с неверием и ощущением невозможности перемен тупика. Авангард есть попытка «последнего исследования», парадок-

сально множественная в своей «последней попытке» понять себя и мир как доступные пониманию: продвигаться от *fin mot* к *mot de la fin*.

Литература

1. Авангард и идеология: русские примеры / Ред. Сл. Грубачич, ред.-сост. К. Ичин. – Белград: Издательство филологического факультета Белградского университета, 2009. – 712 с.
2. Агапов О.Д. Стратегии трансценденции и трансгрессии в социально-философском измерении // Социально-философские очерки: Казанско-Екатеринбургский сборник научных статей / Под ред. О.Д. Агапова. – Казань: КГУ, 2014. – С. 4-18.
3. Акаев А.А. Кондратьевские волны. – Волгоград: Учитель, 2012 – 384 с.
4. Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5. / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: НП-Принт, 2015. – С. 745—752.
5. Андреев Д. Роза мира. – М.: Прометей, 1991. – 289с.
6. Батай Ж. Запрет и трансгрессия // URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения: 10.10.2016)
7. Батай Ж. Суверенность // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. – Москва: Ладомир, 2006. – 742 с.
8. Бибихин В.В. Внутренняя форма слова. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 420 с.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула: ТП, 2013. – 204 с.
10. Гирич Ю.Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 400 с.
11. Горячева Т.В. Утопии в искусстве русского авангарда: футуризм и супрематизм // Авангард в культуре XX века (1900—1930 гг.): Теория. История. Поэтика: В 2 кн. / Под ред. Ю. Н. Гирича. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – Т. 2. – С. 66—138.
12. Де Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554с.
13. Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. – Орел: Издательство ОГУ, 2011. – 172 с.
14. Зимин В.А. Функция трансгрессии // Психоанализ и искусство / Сост. Е. А. Спиркина. – М.: Когито-Центр, 2011. – С. 11-35.
15. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
16. Исаев Н.А. Преступление как акт трансгрессии // Общество и человек. – 2013. – № 3-4 (6). – С. 75-77.
17. Каштанова С.М. Трансгрессия социальная и трансгрессия культурная // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 11-2 (49). С. 95-97.
18. Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батая // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. – СПб: Мифрил, 1994. – С. 79-91.
19. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М: Экономика, 2002. – 480с.
20. Круглова И.Н. «Внутреннее и внешнее»: игра трансгрессии // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 309. – С. 27-31.
21. Куликов Д.В. Феноменология трансгрессии обыденного сознания // Личность. Культура. Общество. – 2013. – Т. XV. – № 1 (77). – С. 112-116.
22. Лафицкая Н.В. Трансгрессия // Профессиональная психотерапевтическая газета. – 2013. – Выпуск 2. – С.5-6.
23. Лейнг Р. Расколотое «Я». – С.Пб.: Белый кролик, 1995. – 352с.
24. Леушкин Р.В. Режимы конструирования социальной реальности: аутонаррация и трансгрессия // Философская мысль. – 2015. – № 11. – С. 98-111.
25. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М., С.Пб.: ИЭС, Алетейя, 1998. 159с.
26. Мириманов В. Б. Русский авангард и эстетическая революция XX века: Другая парадигма вечности. – М.: РГГУ, 1995. – 64 с.
27. Недорога В.А. Перспективизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.3. / Под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001.
28. Нольман М.Л. Бодлер. Судьба. Эстетика. Стил. – Москва: Худ. лит., 1979. – 316 с.
29. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
30. Постмодерн: новая магическая эпоха. Сб. статей / Под ред. Л.Г. Ионина. – Харьков, 2002. – 247с.
31. Рыков А.В. Дискурс эстетизма/тоталитаризма (К социополитической теории авангарда) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 4. / Под ред. А.В.Захаровой, С.В.Мальцевой. СПб.: НП-Принт, 2014. С. 381–391.
32. Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин; Под общей ред. Ю. С. Степанова. – М.: Академический проект, 2006. – 1168 с.
33. Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – Санкт-Петербург: Мифрил, 1994. – 346с.
34. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Рольф, 2007. – 592 с.
35. Топчиев М.С. Религиозная трансгрессия и ее влияние на современное общество // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории

- и практики. 2015. – № 11-3 (61). – С. 153-157.
36. Турчин В.С. По лабиринтам авангарда. – М.: Издательство МГУ, 1993. – 248 с.
 37. Фаритов В.Т. Проблема философского языка // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. – № 41-42. – С. 94-100.
 38. Шелудченко Д. А. Утопия и эсхатология: два типа философского предвидения // Известия Томского ПТУ. – 2013. – Т. 322, № 6. – С. 104-109.
 39. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. – М.: Владос, 1995. – 208с.
 40. Якушенкова О.С. Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 113. – С. 219-229.
 41. Schrakk J. Snap, Crackle and Popular Taste. New York, 1977. – P. 117—118.
 42. Schutz A. Collected papers Vol. I. The problem of social reality / Ed. by M. Natanson. – Hague: Martinus Nijhoff, 1962/1973. – 131p.

УДК 177.5

ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ТИП СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Евгений Александрович Тюгашев

Кандидат философских наук, доцент

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

В статье раскрывается духовно-практическая структура социальной революции. Революциям в общественной практике предшествуют революции в духовной деятельности. Так, Реформация как религиозная революция в христианстве является духовной предпосылкой европейских буржуазных революций Нового времени. Понятие духовно-практической революции фиксирует взаимосвязь и взаимообусловленность революционных процессов в духовной деятельности и общественной практике. Примером духовно-практической революции является научно-техническая революция. Она соединяет научную и техническую революции и опосредованно преобразует все общество, выступая тем самым социальной революцией. Но понятие научно-практической революции шире по объему, так как охватывает коренные изменения во всех сферах общества, обусловленные интеграцией науки и общественной практики. Пример научно-технической революции и Реформации показывает, что революции во всех типах духовной деятельности могут стать основанием духовно-практических революций. Эти революции происходят в два этапа. На первом этапе специализированное знание воплощается в материально-технической базе общества. На втором этапе специализированное знание интегрируется в массовое сознание общества и преобразует человека. В последнем случае необходимо говорить о духовно-гуманистической революции. Ее примером является Реформация как религиозно-гуманистическая революция.

Ключевые слова: революция, социальная революция, научно-техническая революция, Реформация, религиозная революция.

A SPIRITUO-PRACTICAL REVOLUTION AS A TYPE OF A SOCIAL REVOLUTION

Evgeny Aleksandrovich Tyugashev

PhD of philosophy, associate professor

Novosibirsk State University

The paper explores the spirituo-practical structure of a social revolution. Revolutions in social practice are preceded by revolutions in spiritual activity. Thus, the Reformation as a religious revolution in Christianity is the spiritual prerequisite of the European bourgeois revolutions of the early modern period. The concept of a spiritual and practical revolution captures the interconnection and interdependence of revolutionary processes in spiritual activity and social practice. The scientific and technological revolution is an example of spiritual and practical revolution. It combines the scientific and technical revolutions and indirectly transforms the entire society, thereby acting as a social revolution. But the notion of a scientific and practical revolution is broader in scope, as it encompasses the fundamental changes in all facets of society, brought by the integration of science and social practice. The example of the scientific and technological revolution and the Reformation shows that the revolutions in all types of spiritual activity can serve as the basis of spiritual and practical revolutions. These revolutions occur in two stages. In the first stage, the specialized knowledge is embodied in the material and technical basis of society. In the second stage, the specialized knowledge is integrated into the mass consciousness of society and transforms an individual person. In the latter case, it is a spiritual

and humanistic revolution. The Reformation is an example of a religious and humanistic revolution.

Keywords: revolution, social revolution, technical revolution, reformation, religious revolution.

Учение о революции, первоначально выдвинутое Ж. Боденом для описания циклической смены форм государства, в дальнейшем было распространено на другие сферы общества. Стали говорить не только о политических революциях, но и о революциях религиозных, научных, экономических, технологических, культурных и т.п. Было введено более общее понятие социальной революции как перехода от одной стадии общественного развития к другой, сопровождающееся качественным переворотом во всей структуре общества.

В отечественной философии первым этапом социальной революции принято считать политическую революцию. Но, например, Маркс началом социальной революции считал революцию в духовной сфере, а именно: началом буржуазной революции считал религиозную революцию, началом будущей революции – философскую революцию [3, с. 422].

Соотнесение духовных революций и революций в политике и экономике представляется возможным интерпретировать на основе взаимосвязи духовной и практической деятельности. Духовные революции – это революции в различных видах духовной деятельности (религии, философии, науке и т.д.), а политические и экономические революции – это революции в конкретных видах общественной практики. Как можно предполагать, революции в духовной деятельности в исторической перспективе ведут к революциям в практической деятельности. Поэтому можно говорить о целостном революционном процессе – духовно-практической революции.

Примером такой революции является научно-техническая революция (далее – НТР), которая характеризуется как: а) коренная трансформация науки, техники и технологии производственной деятельности людей, их трудовых и экономических отношений; б) исторический процесс соединения научной и технической революций, которое коренным образом преобразило человеческое общество в XX в [1, с. 36]. Обращает внимание, что результатом научной революции является преобразование всей общественной жизни, опосредованное революцией в технике. Следовательно, можно зафиксировать более широкий революционный процесс, включающий как НТР, так и революции в трудовой и экономической деятельности, а также революции в других видах общественной практики.

Ранее отмечалось, что НТР есть коренное, качественное преобразование производительных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общественного производства, оказывающее воздействие на все стороны жизни общества [2]. Поскольку в НТР наука – ведущий фактор развития материального производства, логично является допущение того, что наука может стать и ведущим фактором развития других сфер общества. Определения НТР фиксируют влияние науки на общество, опосредованное технической революцией. Техника применяется не только в материальном производстве, но и в политике (военная техника), праве (спецтехника) и других видах общественной практики. Революции в технике революционизируют и эти виды практики. В каждой сфере общества применяются социальные технологии, которые также преобразуются на основе достижений общественнознания. В результате наука коренным образом преобразует не только технику и материальное производство, но политику, экономику, право, семейные отношения и т. п. Поэтому обоснованным представляется выделение такого феномена как научно-практическая революция [5].

В.П. Фофанов предлагает понимать под ней качественное изменение соотношения науки и практики, когда научные знания становятся основным средством развития общественных отношений, вытесняя собой ранее господствовавшие в этой функции обыденные и иные знания. Он подчеркивает, что революционное преобразование соотношения науки и практики охватывает не только производительные силы, но и всю систему общественных отношений – и материальных, и надстроечных.

Идея выделения научно-практической революции интересна тем, что позволяет обратить внимание на роль других видов духовной деятельности в общественном развитии. Ведь не только наука, но и другие формы общественного сознания на определенных этапах исторического процесса были ведущим фактором развития общества. И соответствующие типы знания (религиозного, философского, утопического и т. д.) также становились основным средством развития общественных отношений, вытесняя собой другие знания. Следовательно, в этих случаях допустимо и необходимо использование социально-философских конструктов «религиозно-практическая революция», «философско-практическая революция» и т.д.

Ближайшим примером религиозно-практической революции является Реформация. События эпохи Реформации обычно оцениваются как революционные. Коренные подвижки в массовом сознании шли по многим направлениям. Утверждается принцип равновосхищения людей перед богом, а различия в сословиях и чинах объясняются мирской предприимчивостью и самоотверженностью. Так родился «дух капитализма». Сакральная деятельность стала оцениваться как суета и кощунство, а мирская деятельность получила статус служения богу через служение ближнему своему. Так пробивалось умонастроение гуманизма. Утверждение непререкаемости авторитета Писания обернулось уравниванием всех людей – от папы до простолюдина – в толковании священного текста и дискуссии с единоверцами. Так возникла духовная атмосфера независимого критического мышления. Со снятием дифференциации сакральной и профанической деятельности отпала нужда в церковной иерархии и теократическом правлении. Так инициировались процессы политической революции. Интеграция религии и практику была настолько сильна, что стиралось различие культа как

внутрирелигиозной практики и практики мирской. Поэтому Реформацию следует прежде всего квалифицировать как религиозно-практическую революцию, качественно изменившую соотношение религии и практики, вследствие чего религиозное знание становится основным средством регуляции массовой практики. Первотолчок Реформации повлек за собой коренные сдвиги в других структурах социальной деятельности, ознаменовавшие переход к Новому времени.

Пример Реформации интересен тем, что она носила «антитехнический» характер. В интересах «дешевой» церкви использование предметов культа минимизировалось. Здесь мы не можем говорить о религиозно-технической революции, так как материально-техническая база религиозной деятельности сжималась. Но до эпохи Реформации эта база, наоборот, интенсивно развивалась. Можно ли в таком случае говорить о феномен религиозно-технической революции? На наш взгляд, да. Напомним, что П.А. Сорокин принятие и распространение христианства оценивал как величайшую и глубочайшую интеллектуальную революцию, преобразившую европейское человечество [4, с. 330]. Эта революция сопровождалась интенсивным монастырским и храмовым строительством.

Данные события в определенной степени также можно квалифицировать как религиозно-практическую революцию, иную по природе, нежели Реформация. И в том и в другом случае происходит активное внесение религиозного знания в массовую практику, но пути интеграции различны. Кроме того, Реформация завершает обмирщение религии и представляет собой религиозно-практическую революцию «второй волны». Характерной чертой революции «первой волны» является воплощение религии в вещах. Характерной чертой Реформации является формирование «новых» людей, избранных к спасению. Поэтому Реформацию можно точнее определить как религиозно-гуманистическую революцию.

Возможно введение конструкта научно-гуманистической революции. Воплощение научного знания в технику – это исторически первичная и ограниченная средствами производства форма интеграции науки и практики. Не менее важен процесс воплощения научного знания в субъекта практической деятельности. В исследованиях Римского клуба этот процесс получил название человеческой революции. На наш взгляд, характер этой революции обусловлен использованием науки в формировании человеческих качеств. Поэтому ее следует более точно определить как научно-гуманистическую революцию.

Сопоставляя пути интеграции науки и религии с практикой, можно отметить, что первый виток интеграции состоит в овеществлении специализированного знания, а второй – в его очеловечивании. На первом витке происходят религиозно-техническая и научно-техническая революции, на втором – религиозно-гуманистическая и научно-гуманистическая революции.

Религиозно-практическая и научно-практическая революции – это частные формы духовно-практической революции. Опираясь на представление о многообразии типов духовной деятельности можно ввести понятия соответствующих форм духовно-практической революции. Эти понятия будут обладать большой эвристической силой в объяснении таких фундаментальных сдвигов в истории человечества как, например, Возрождение и Просвещение.

Литература

1. Васильчук Ю.А. Научно-техническая революция (НТР) // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. III. – С. 36–37.
2. Гвишиани Д.М., Микулинский С.Р. Научно-техническая революция // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 408–410.
3. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 414–429.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
5. Фофанов В.П. Научно-практическая революция и методология практики // Социальные проблемы науки. – Новосибирск: НГУ, 1983. – С. 170–176.

УДК 004:165.1

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ – ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОГО МЫШЛЕНИЯ*

Константин Алексеевич Очеретяный

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет*

В тексте идет речь о компьютерных играх как конститутивных условиях новой рациональности, характерной для реальности, созданной цифровой революцией. Компьютерные игры представляют собой уникальный феномен, сочетающий высокие технологии и их неутили-

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ 16-18-10162 «Новый тип рациональности в эпоху медиального поворота», СПбГУ.

тарное использование. Тем не менее, именно это неутилитарное, на первый взгляд сопротивляющиеся прагматике использование достижений технологической цивилизации является ключом к пониманию новой информационной реальности. Издревле игры являясь инструментом воспитания и трансляции общественного опыта способствовали введению ребенка во взрослую жизнь, в структуру общественных связей, жизненных ориентиров. Через игры передавалась память поколения, в играх моделировались стратегии коммуникации и интеракции: война, торговля, семейно-родовые отношения. Новейшие игры развертываются в технологической среде, определены технологическими средствами и инструментами, которые внедрены в наши способы постановки целей и решения задач, а потому не являясь нейтральными посредниками, соучаствуют в процессах мышления. Компьютерные игры выступают способом введения в реальность медиатеchnологий как среды обитания современного человека, в них технический арсенал культуры, осваивается как символический потенциал, утилитарные средства и техническая прагматика получают идеологическое расширение. Понятийно-выразительных средства, которые предполагает форма компьютерной игры, и которые оказывают влияние на развитие медиареальности, цифровых сред, программных оболочек, а самое важное – на способы ориентации в них, на культурные и идеологические интерфейсы.

Ключевые слова: медиа, технологическая рациональность, компьютерные игры, цифровые технологии.

COMPUTER GAMES AS TECHNOLOGIES OF DIGITAL CONSCIOUSNESS

Konstantin Alekseevich Ocheretyany

PhD of philosophy, senior lecturer.

Saint-Petersburg State University

The article refers to computer games as the constitutive conditions of a new rationality adequate to the reality of digital media. Computer games are a unique phenomenon, combining high technologies and their non-utilitarian use. Nevertheless, this non-utilitarian resisting to the pragmatics is the key to understanding both new technologies and new consciousness. Since ancient times, games were used as a transmission tools of social experience. Through the games the memory of the generation was transmitted, in the games strategies of communication and interaction were simulated: war, trade, family relations. Computer games are determined by technological means and tools which are implemented in our methods of setting of the purposes and the decision of tasks, and therefore without being neutral intermediaries, participate in thinking processes. Computer games are a way media technologies as a environment of modern man. Expressive means and conceptive potential, which suggests the form of computer games, have an impact on the development of media reality, digital environments, software cultural and ideological interfaces.

Keywords: media, technological rationality, computer games, digital technologies.

Используя технические достижения античный мир, не признавал хитроумного инженера мудрецом, а технику – наукой. Несмотря на то, что в слове «софия» заключено не только значение «мудрости», или незаинтересованного знания сути вещей, но и значение «хитрости», т.е. умения эти вещи использовать, греческие философы размышляют о природе, а не о технике, их интересует действительное, а не искусственное. Последнее расценивается не более чем искусство уловки, крайне сходная с фокусом, ведь ее сфера также – иллюзия, мнимое бытие, зачарованный мир. Из-за этого техника как будто не достигает высоты теории. Теория – идеал аристократа, техника, напротив, – удел рабов: когда душа слабеет для теории, она обращается к практике и технике. «Отвергнутая» техника, в свою очередь, становится маргинальным феноменом. Ограниченная узким кругом ценителей, она начинает тянуться к игре и игрушке [2, с. 36]. И именно здесь в сфере игры она достигает совершенства и становится собой. Замкнутая в себе она как явление открывается вниманию в своей чистоте и незамутненности, становится тем, что пробуждает удивление и поддерживает интерес. Не случайно удивление от самодвижных игрушек является первым примером философского удивления в «Метафизике» Аристотеля [1, с. 70]. Техника кристаллизуется в игрушке, игрушки завораживают и удерживают внимание, но природа зачаровывает не меньше, чем игрушки, она также как и техника близка к иллюзии, к волшебству, играет оттенками реальности, которые должны рассматривать философия и наука. Именно на основании вопроса о технике и ее функций (подражание природе и ее восполнения) возникает новый язык для описания того, что есть – язык раздваивающий сущее на возможное и действительное, выделяющий бытийные регионы – различные уровни реальности: действительное в собственном смысле, возможное с вероятностью, возможное с необходимостью, невозможное. Вопросы о преображении и умножении сущего, подражании и копировании, т.е. в своем истоке – технические, а не теоретические вопросы, теперь позволяют философии говорить не только об «искаженных формах реальности», но и о многообразии сущего и принципах дифференциации.

Формирование новоевропейского мира сопровождалось ужесточением требований к точности прогноза, увеличением степени предсказуемости производственных и социальных процессов. Отсюда интерес к

моделям: жизни, выраженной в схеме и воспроизведенной механически. Мир должен быть открыт сознанию, сущее – взгляду. «Схема» фактически – соединение видимого и невидимого, этимологически происходит от греч. *σχῆμα* – «выражение лица, осанка, фигура», имеющего отношение к праиндоевропейскому «держат, иметь», т.е. в понятийном аспекте – то что поддерживает, удерживает и направляет: «смысловой стержень» вещи, проявляющийся во всем ее устройстве, и делающий это устройство разумным, правильным, механическим. Техника заводной игрушки (автомат) в новом мире, стала моделью мышления, позволяющей толковать природу как механический агрегат, сведенный к простоте правила [3, с.3-40]. Но по мере того, как сущее все в большей степени схематизируется, сознание подвергается рационализации, а жизненный мир – механизации, избавлению от магических и мистических форм, техника постепенно отделяется от искусства, эстетики, и больше сближается с жизнью, с ее непосредственными требованиями. Такое сближение, угрожавшее разорвать древнюю связь между техникой и искусством, а также закрыть магическое изменение технической реальности, привело тем не менее, не к забвению магии, а к тому, что именно магия стала ассоциироваться с жизнью, искусством, личностью, механика же, схематизм, власть рассудка – с нечувствительности к жизни, с душевной смертью. Чем в большей степени механические процессы, опосредующее социальное, политическое, экономическое действие захватывают повседневность, превращая ее в расколдованный мир, тем больше сознание сопротивляется переводу в механический формат, отождествления со своим механическим двойником – игрушкой. Сознание словно боится утратить свободу и стать игрушкой в мире промышленно-экономических техноманипуляций. Механические игрушки, лишённые очарования, превратившиеся в декорации повседневности, ушедшие за горизонт ясного (просвещенного) сознания, возвращающиеся в сумеречных грехах эпохи романтизма как кошмарное наваждение, как напоминание о том, что открытая, лишённая тайны природа, не более чем «раскрашенный труп», расколдованное сознание – жуткий манекен. Если греки могли увидеть в самодвижной игрушке (как наиболее ярком феномене техники) принцип движения (игры) природы, то для романтиков игра – нечто принципиально отличное от игрушки, тем более механической. Игра – говорит об искусстве и жизни, а подобие механической игрушки живому существу есть не более чем зеркало обезличенной повседневности: оно вызывает ужас пустоты. По мере того как сознание становилось все более тотальным, а все имеющее отношение к сознанию – все более прозрачным, искусство и философия стали апеллировать к бессознательному как к истине сознания. Игрушка была подражанием, игра – откровением, поскольку в ее внесознательности открывалась истина сознания; человек спасался от статуса игрушки (от механической повседневности и схематического сознания) в игре (искусстве, грехах, желании).

Индустриальное общество в ходе своего развития вытеснило магические и мистические формы, как бы расколдовывая реальность. Постиндустриальное информационное общество в ситуации цифровой революции возвращает вытесненное, заново зачаровывая реальность в экранном формате, в интерфейсах медиа, в процессах осетвления, и, пожалуй, самое важное – в игре. Статус игры и игрушки снова меняется. Античность увидела в игрушке ключ к технике, а в технике игрушек – принцип понимания природы; Новое время своей тенденцией к моделированию природных процессов перевело повседневность в механико-игрушечный формат; Романтизм противопоставляя игру технике освобождает сознание от статуса игрушки через игру, и ее новое понимание как проявления сверхсознательной силы творческого гения. Мир, созданный информационными технологиями открывает иную сторону игры – игру самой техники или техническое бессознательное. Игра – ключ к пониманию цифровой реальности [4], поскольку, сегодня, в аффективно-коммуникативных моделях игровой интеракции формируются модели социальной чувствительности, эмоциональной реакции, типы рассуждения и принятия решений, переносимые затем во внеигровые сферы: в сферу производства, экономики, бизнеса, образования, обороны. В играх значимо не конкретное содержание, но структура и функции: сами условия порождения выразительных форм, технологии компьютерно-игрового взаимодействия, сказывающегося в них языка, чей код переходит в идеологические регистры и дискурсы культуры, скрыто управляет ими. В этом смысле в играх производится язык, определяющий понимание цифровой реальности как жизненного мира современного человека. Без расшифровки языка игр, знакомства с его концептуально-выразительным ресурсом, масштабами его эксплуатации внеигровыми сегментами медиа, невозможно понять ни цифровые технологии, ни реальность ими синтезируемую.

Литература

1. Аристотель. *Метафизика* // Аристотель. *Сочинения в четырех томах*. Т. 1. / Аристотель. – М., «Мысль», 1976. – С. 64-367.
2. Дильс Г. *Античная техника*. – М-Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1934. – 216 с.
3. Погоняйло А.Г. *Философия заводной игрушки, или Апология механизма*. – СПб, Издательство С.-Петербургского университета, 1998. – 164 с.
4. Савчук В. В. (ред.). *Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр*. – СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. – 498 с.

КЛАССИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО И ТЕХНИКА: НОВЫЕ РЕАЛИИ***Карина Сергеевна Бакирова****Казанский (Приволжский) федеральный университет****Ирина Васильевна Спевак****Детская музыкальная школа № 6 г. Набережные Челны*

Статья посвящена философско-культурологическому осмыслению роли техники в развитии классического музыкального искусства. В ней говорится о параллельном развитии техники и искусства, ее влиянии на сущность и внешние атрибуты, а также роли в появлении новых черт. Затрагивается проблема нового инструментария, его свойств и качеств, достоинств и недостатков. Поднимается вопрос отношения ко времени и пространству в искусстве и роли техники в этом процессе. В статье также затрагивается тема тиражирования и серийного распространения концертных выступлений, и, в связи с этим, изменения системы трансляции музыкального творчества. Говорится об увеличении доступности классической музыки каждому человеку вне зависимости от его социального, территориального и финансового положения. В статье рассматриваются ключевые этапы в эволюции облика концертного исполнителя и публики. Уделяется внимание роли интернета и средств массовой информации.

Ключевые слова: классическая музыка, музыкальное искусство, современность, инструментарий, техника, популярность, исполнитель, публика, концерт, массовость, тираж.

CLASSICAL ART AND TECHNOLOGY: NEW REALITIES***Karina Sergeevna Bakirova****Kazan Federal University****Irina Vasilevna Spevak****children's Music School № 6, Naberezhnye Chelny*

The article is devoted to philosophical and culturological understanding of the role of technology in the development of classical music art. It talks about the parallel development of technology and art, its influence on the essence and outside attributes, and role in the emergence of new traits. It addresses the issue of new instruments, its properties and qualities, advantages and disadvantages. It raises the question of the relationship to time and space in art and the role of technology in this process. The article also touches upon the theme of duplication and mass distribution of concert performances, and, in this regard, the changes of the broadcasting system of musical creativity. It talks about the increase in the accessibility of classical music to every person irrespective of social, geographical and financial position. The article examines the key stages in the evolution of the shape of a concert performer and audience. It focuses on the role of the Internet and mass media.

Keywords: classical music, musical art, modernity, tools, technique, popularity, performer, audience, concert, mass, circulation.

«Техника дает человеку чувство страшного могущества, и она есть порождение воли к могуществу и к экспансии»
[3, с. 511].

XX век стал началом в стремительном потоке развития новых технологий и технических устройств почти во всех областях, в том числе и в музыкальной классической культуре. В соответствии с модернистской теорией и механистической концепцией мира, искусство не живет автономной жизнью: оно изменяется и развивается параллельно с техникой, приобретая новые черты. «Каждое технологическое обновление влечет за собой ряд модификаций в образах мысли» [6, с.73], которые находят свое воплощение в развитии средств и оказывают непосредственное влияние на образ жизни.

Техника от греч *technē* – «искусство», «ремесло», и в соответствии с основным назначением, она повышает эффективность труда человека и расширяет его возможности. В музыке развитие технического прогресса повлияло на инструментарий и систему трансляции музыкального творчества в пространстве. Сегодня можно выбирать между традиционным классическим инструментом и более доступным и дешевым электронно-цифровым, с расширенным функционалом. Благодаря новым функциям, такие инструменты пользуются большей популярностью у непрофессиональных музыкантов, что способствует их распространению, популяризации музицирования и превращению элитарного искусства в массовое.

«Техника» в музыке по сравнению с человеком обладает рядом достоинств и недостатков. Во-первых, она является носителем звука и ретранслятором; во-вторых, выступая в качестве исполнителя, обладает почти безграничными возможностями. Современное сочетание компьютера как искусственного интеллекта и

музыкальных звуков способствует идеальному звучанию, отсутствию фальши и выбору любой скорости исполнения. Однако, такая техника остается бездушной, не обладая шармом и аурой живого исполнения.

Современные технологии в искусстве, изменив отношение ко времени и пространству, расширили границы и аудиторию. Запись дала возможность сохранять уникальные моменты исполнения, но в то же время усилила конкуренцию среди исполнителей, так как, если раньше за аудиторию боролись только современники, то теперь необходимо соответствовать прославленным метрам прошлого. Также изменилось отношение к месту исполнения музыкальных произведений. Любое исполнение может стать мировым, благодаря социальным сетям и таким каналам как YouTube.

Уникальность концертного исполнения и соответственно исполнителя все более превращается в фикцию. Заложенные еще Энди Уорхолом принципы тиражирования, принципы превращения уникальных произведений искусства в массовую продукцию, приобретают в XXI поистине грандиозные масштабы. Серийное распространение концертных записей на различных носителях, а также выкладывание этих записей в интернет серьезно подорвало систему гастрольных туров.

Так же техника повлияла и на образ жизни человека. Теперь, с увеличением качества звука на различных носителях, часть слушателей перестала посещать концерты, наслаждаясь музыкой в домашних условиях. «Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» [3, с.500]. Благодаря новым технологиям, наличию огромного количества записей музыкальных произведений в свободном доступе, регулярных трансляций концертов в режиме онлайн по телевидению и через интернет, классическая музыка стала доступна каждому вне зависимости от его территориального расположения и финансовых возможностей.

Новые технологии, такие как телевидение и интернет, кардинально меняют публику. Особенностью телевидения является то, что «телеаудитория – это «не гомогенная масса», а динамичное соединение множества различных социальных групп» [7, с.272], поэтому, удовлетворяя потребности большинства, «культурная индустрия понижает свой уровень до самого низкого общего знаменателя, предлагая лишь то, что без усилий может понять каждый» [4, с.276]. Классическая музыка по своей сути является сложно закодированным явлением, насыщенным символами и оформленным в собственные формы. Для полноценного восприятия данного направления в искусстве необходимы знания. «Потребность в разъяснении того или иного вопроса у наименее подготовленных слушателей не растет, а падает и чем меньше человек знает о каком-либо явлении, тем меньше он о нем хочет знать» [1, с.331].

Отсутствие специальных знаний является только одной из нескольких проблем современности. В мире насыщенном информацией человек, придя на концерт, хочет отдыхать и получать удовольствие, воспринимая более «доступную» музыку. Однако, данный подход к своей жизни применялся и ранее, о чем можно судить из материалов прессы и мемуаров первых десятилетий XIX века: «Концерты посещаются только для времяпровождения и развлечения... Думать, чувствовать, да, пожалуй, еще и опечалиться, этого никто ни за что не хочет, поэтому – «веселите нас!» [1, с.5]. Классическая же музыка, напротив, требует сосредоточенности и активной работы мозга.

Очень подробно проблему техники и души рассматривал Николай Беляев в своей работе «Человек и Машина». «Техническая цивилизация по существу своему имперсоналистична, она не знает и не хочет знать личности. Она требует активности человека, но не хочет, чтобы человек был личностью» [3, с.517]. В данной ситуации возникает проблема у личности, так как «личность во всем противоположна машине. Она прежде всего единство в многообразии и целостность» [3, с.517]. Личность художника отличается от большинства личностей представителей других профессий.

Появление новых технологий способствовало новому отношению к исполнителям классической музыки. Раньше популярность формировалась в основном в профессиональных кругах на основе таланта, успеха и харизмы исполнителя, при этом исполнительская популярность была тесно связана с композиторской, а нередко и с педагогической. К таким личностям можно отнести Джона Фильда, Антона Рубинштейна и многие другие. Такая ситуация продолжалась до конца XVIII века, когда в среде музыкантов отсутствовало деление на композиторов, исполнителей и педагогов. «Исполнитель в этот период отнюдь не рассматривался как посредник между автором и слушателем» [5, с.7].

Уже в первой половине XIX века произошло деление исполнителей на два лагеря по своим ценностям и идеалам: первый составили борцы за подлинное высокое искусство. «Вся жизнь их была творческим подвигом. Страдая от непонимания, зависти, порой находясь в трудном материальном положении, они продолжали до конца своих дней бороться за высокие идеалы в искусстве. Вклад этих музыкантов в культуру был высоко оценен человечеством» [2, с.6]. Это такие музыканты, как Бетховен, Шуберт, Вебер, Мендельсон, Шуман, Шопен, Берлиоз, Лист.

Второй лагерь составляли виртуозы, стремившиеся угодить вкусам публики, следовать моде, добиться славы и материального благополучия. «В свое время такие музыканты нередко пользовались известностью, но слава их оказалась недолговечной» [2, с.6].

В XX-XXI веках ситуация на мировой сцене классической музыки кардинально меняется. Как отмечает немецкий искусствовед и книжный критик, наличие таланта для успеха в искусстве и равных шансов являются всего лишь мифами. Так как «решающими являются другие факторы, и они вполне способны компенсировать недостаток таланта. Те, кто располагает экономическим или культурным капиталом – финансовыми или социальными ресурсами, - обладают преимуществом и в искусстве» [6, с.103-104]. Наибо-

лее влиятельной силой в процессе формирования общественного мнения и популярности классической музыки стал средства массовой информации, изменив не только сам процесс «избрания» любимцев публики, но и подход к личности музыканта. Ярким примером является Денис Мацуев. Он является важной фигурой в культуре России, организует фестивали, конкурсы, общается с властью, но в то же время он шоумен, человек, дающий не просто концерты, но делающий из них праздник, без опаски стать смешным.

XXI век, став новой эрой в жизни человечества, изменил мир, в котором комфортно существовала классическая музыка. Техника стала не просто конкурировать и противопоставляться Человеку, а вступила на путь борьбы за лидирующие позиции в мире и жизни человека. Развитие технологий не только подрывает устои классической музыки, но и открывает для нее новые горизонты и возможности, насыщая новыми смыслами и образами. Все это применимо непосредственно к сфере производства музыки и к массовому потребителю культуры. В массовом распространении классической музыки заинтересовано и государство как институт общества.

Литература

1. Алексеев А.Д. История фортепианного искусства. Часть 2. М.: Издательство «Музыка», 1967. 287 с.
2. Алексеев А.Д. История фортепианного искусства. Часть 1. М.: Издательство «Музыка», 1962. 144 с.
3. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т.1. – М., Искусство, 1994. – 524 с.
4. Гуревич П.С. Социально-психологическое воздействие радиопропаганды // Проблемы социальной психологии и пропаганды. М., 1971. Стр 130. Цит по: Петрушин В.И. Музыкальная психология: Учеб.пособие для студентов и преподавателей. – М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.
5. Досси П. Продано! Искусство и деньги. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К.Тублина», 2017. – 288 с.
6. Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства. Научная монография / пер. с англ. М.Кукарцевой, Н.Соколовой, В.Волкова; научн.ред. М.Кукарцевой, А.Мегилла; вступ.статья В.Савчук. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 408.
7. Dorfman A. The Empire`s Old Clothes: What the Lone Ranger, Babar, and Other Innocent Heroes Do to Our Minds. N.Y., 1983. P.199. Цит. по: Шустерман Р. Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства. Научная монография / пер. с англ. М.Кукарцевой, Н.Соколовой, В.Волкова; научн.ред. М.Кукарцевой, А.Мегилла; вступ.статья В.Савчук. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 408.

**Революция и эволюция:
модели развития в науке, культуре, социуме**

Сборник научных статей

Под научной редакцией И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 20.11.2017
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 42.
Тираж 500 экз. Зак. 942.

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

Отпечатано в типографии Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.